АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Л. СИДОРОВ

52

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. Г. Бескровный, И. У. Будовниц (ответственный секретарь), *Р. П. Дадыкин, Г. М. Деренковский, М. П. Ким,* чл.-корр. АН СССР *М. В. Нечкина, А. А. Новосельский, Ю. А. Поляков, М. К. Рожкова, А. Л. Сидоров* (ответственый редактор), *Л. В. Черепнин*

Н. С. КРОВЯКОВ

К ИСТОРИИ «ЛЕДОВОГО ПОХОДА» БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА в 1918 г.

В последние годы наша историческая литература пополнилась работами, посвященными истории боевой деятельности военно-морского флота в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Однако многие проблемы этой военной темы продолжают оставаться неизученными.

К числу их относится одно из важнейших событий в истории советского военного флота — «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 г. Этот поход был первой стратегической операцией советского Военно-Морского флота по перебазированию главных сил флота со стратегической позиции в западной части Финского залива (Або-Аланд — Гельсингфорс и Рижский залив — Ревель) на новую стратегическую позицию в восточной части Финского залива (Кронштадт — Петроград). В результате успешного проведения этой операции в сложных условиях международной и внутренней военно-политической обстановки был сорван замысел международной реакции по уничтожению или захвату кораблей Балтийского флота. Флот был спасен, и это имело исключительно важное значение для сохранения морских сил советского государства, для укрепления обороны Петрограда и для обеспечения всех остальных флотов и флотилий кораблями, техникой и кадрами как в период гражданской войны, так и в последующее время.

Операция проводилась в условиях активного противодействия иностранных империалистов и их пособников внутри страны и во флоте в лице контрреволюционного офицерства, троцкистов, эсеров и других врагов партии и советского народа.

Проведение операции осложнялось тем, что значительная часть личного состава флота оставила корабли и сражалась на различных фронтах. Вместе с тем корабли нуждались в серьезном ремонте после первой мировой войны. Несмотря на все эти трудности и препятствия, балтийские моряки выполнили директивы Коммунистической партии и Советского правительства о перебазировании Балтийского флота.

Вопрос о «Ледовом походе» Балтийского флота до настоящего времени не подвергался серьезному изучению и освещен в нашей литературе лишь в немногочисленных журнальных статьях юбилейного характера и в двух-трех популярных брошюрах. На наш взгляд, всем им присущ один недостаток, заключающийся в том, что «Ледовый поход» рассматривается не как стратегическая операция по перебазированию флота во всем ее сложном комплексе, а лишь как переход кораблей в ледовой обстановке. Почти все работы имеют описательный характер, действия флота излагаются изолированно, вне связи с международным и внутренним положением

страны того периода, не показывается (а в некоторых работах полностью игнорируется) решающая роль Коммунистической партии как организатора и руководителя операции [1]. Недостаточно разоблачаются происки империалистического лагеря и его агентуры, направленные на срыв операции и ликвидацию Балтийского флота; в изложении фактической стороны событий допускаются значительные ошибки и неточности и т. д. Неправильная трактовка «Ледового похода» стала традиционной, получила широкое распространение в общих трудах по истории СССР и советского Военно-Морского флота, проникла даже в такие издания, как «Большая Советская Энциклопедия» [2].

Впервые взгляд на «Ледовый поход» как на стратегическую операцию по перебазированию Балтийского флота был высказан и обоснован в официальных документах бывшим участником «Ледового похода» адмиралом флота в отставке И. С. Исаковым, который занимается в течение ряда лет изучением этого важного события. И. С. Исакову автор обязан ценными советами и материалами.

Основными материалами для изучения фактической стороны событий явились фонды Центральных государственных архивов — военно-морского флота (ЦГАВМФ), Красной Армии (ЦГАКА), Октябрьской революции (ЦГАОР), а также материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР» при Институте Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, материалы рукописного фонда и фототеки Центрального военно-морского музея, публикации и печатные работы, а также некоторые материалы и устные воспоминания участников «Ледового похода».

I

Международное положение Советской республики в конце 1917 — начале 1918 г. было исключительно сложным. США, Англия и Франция с одной стороны, и Германия — с другой, находясь между собой в состоянии войны, фактически выступали единым фронтом против Советской республики. Германские войска в этот период рассматривались как главная ударная сила в борьбе против Советской России.

В условиях начавшейся военной интервенции и гражданской войны безотлагательное создание советских вооруженных сил — Красной Армии и Красного военно-морского флота — стало для Советского правительства одной из главнейших задач. Подготовка к созданию Красного военно-морского флота шла одновременно с работой по созданию Красной Армии.

В начале декабря 1917 г., в связи с упразднением должности командующего Балтийским флотом, был отстранен от командования флотом контр-адмирал А. В. Развозов (позднее был разоблачен как активный контрреволюционер и расстрелян по приговору революционного трибунала в 1919 г.). Тогда же был ликвидирован штаб командующего флотом, в котором было немало ставленников Развозова, проводивших саботаж и вредительство во флоте. Полновластным и главным органом управления флотом стал Центральный комитет Балтийского флота —

---

[1] См., например, П. Д. Быков. Переход Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт зимой 1918 г.— «Морской сборник», 1923, № 11, стр. 13—29.

[2] См. статьи: «Ледовый поход Балтийского флота 1918» — БСЭ, 2-е изд., т. 24; «Балтийский флот» — БСЭ, т. 4; «Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР 1918—1920» — БСЭ, т. 18.

Центробалт, который еще в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания находился под влиянием большевиков и был руководителем матросских масс. Под руководством комиссаров и матросов-большевиков была проделана громадная работа по очищению флота от саботажников и контрреволюционеров, занимавших различные командные и административные должности.

14 февраля 1918 г. был опубликован исторический декрет Совета Народных Комиссаров о создании Красного флота, строившегося вначале, как и Красная Армия, на добровольческих началах. Был создан новый аппарат управления флотом, который возглавили революционные матросы и офицеры.

С конца 1917 г. положение Балтийского флота было весьма сложным— оно в решающей степени определялось устойчивостью приморских флангов на основных стратегических направлениях, идущих вдоль побережья Финского залива. Положение было надежным, пока флот располагал своими базами и мог опираться на систему минно-артиллерийских позиций. В случае же захвата побережья германским флотом, который имел значительный перевес, так как мог беспрепятственно маневрировать, перебрасывая свои силы с Северного моря в Балтийское через Кильский канал, флот лишался всех баз, кроме Кронштадта, и положение его становилось сразу критическим. В этом случае единственным способом сохранить флот являлось перебазирование его в район базы Кронштадта.

На море немецкий флот после тяжелых потерь в боях у Моонзунда не проявлял никакой активности. С наступлением ранней зимы 1917 г. русские крейсера и миноносцы, стоявшие на рейде Лапвик и в Або, вернулись в Гельсингфорс и Ревель. В декабре, когда выяснилось, что немцы подготавливают наступление на Ревель, все ценные корабли и суда были выведены в Гельсингфорс. Здесь сосредоточился почти весь флот, за исключением нескольких крейсеров и других кораблей, оставленных в Ревеле. Боевые действия на море с наступлением ледостава прекратились полностью.

Со стороны моря Балтийский флот мог некоторое время считать себя в безопасности.

Значительно неблагоприятнее складывалась обстановка на сухопутных стратегических направлениях, обусловленная, в первую очередь, сложным и неустойчивым положением в Финляндии. Начавшаяся здесь в это время гражданская война сделала опасным для кораблей Балтийского флота базирование в портах Финляндии. Белофинны, мечтавшие о захвате кораблей Балтийского флота для будущей «великой Финляндии», начали организовывать всевозможные заговоры, диверсии и осуществлять открытые вооруженные нападения с целью захвата русских военных складов и отдельных кораблей; их помощниками и исполнителями в осуществлении этих враждебных действий были офицеры-контрреволюционеры и офицеры финского происхождения, которых немало было в Балтийском флоте.

Большинство офицеров флота, принадлежавших к дворянству, являлись убежденными монархистами. Многие из них бежали с флота после февральской революции 1917 г. и, пополнив кадры различных контрреволюционных вооруженных формирований, боролись против советской власти с оружием в руках. Меньшая часть, продолжая службу во флоте и внешне соблюдая лойяльность по отношению к революционным преобразованиям, вела борьбу тайными способами. Только лучшая незначительная часть передовых и честных офицеров перешла на сторону народа и честно служила Советской России.

Во флоте и после Октябрьской революции продолжали легально существовать враждебные Советской власти офицерские организации — союзы морских офицеров в Ревеле (СМОР) и в Гельсингфорсе. В начале 1918 г. они слились в один союз, просуществовавший до перехода флота из Гельсингфорса в Кронштадт. Эти организации являлись центрами подрывной деятельности во флоте. Контрреволюционно настроенные офицеры и белофинны вели контрреволюционную агитацию среди солдат и матросов, старались срывать мероприятия Советского правительства, подрывали авторитет выборных местных революционных организаций и центральных органов, организовывали шпионаж и вредительство, поощряли дезертирство. 13 января 1918 г. военный отдел Або-Аландской позиции сообщил об уходе захваченного белогвардейцами русского ледокола «Сампо» в шведские воды [3].

В связи с враждебными выступлениями финской белой гвардии Центробалт принял меры для повышения бдительности и усиления охраны кораблей и военного имущества. Радиограммой «Всем судовым комитетам и береговым частям» 14 января 1918 г. Центробалт предписал: «Прекратить увольнять на берег, усилить охрану кораблей, вооружить отряды, издать распоряжения Военного отдела Центробалта, собрать команды и избрать командиров вооруженных отрядов» [4].

16 января Военный отдел Центробалта послал телеграмму комиссару Морского генерального штаба с просьбой к Верховной морской коллегии «прислать морские части для усиления защиты скованных льдом судов флота» и направить Областному комитету Финляндии 15 тыс. винтовок и патронов к ним, в которых «ощущается острая нужда» [5].

В ответ на это 17 января комиссар Петроградского военного порта И. Д. Сладков, по приказанию Верховной морской коллегии, предложил ледоколу «Ермак» выйти в распоряжение Центробалта [6].

К концу января 1918 г. обстановка в Финляндии еще более осложнилась. К этому времени финская контрреволюция располагала уже 93 тысячами хорошо вооруженной пехоты [7].

Отсутствие у финской Красной гвардии опытного военного руководства дало возможность белофиннам укрепиться и создать фронт, протяжением до 400 км, от Ботнического залива до Ладожского озера. На юге были созданы контрреволюционные опорные пункты в тылу у красных, отвлекавшие силы красногвардейцев и вносившие дезорганизацию в их ряды. Участились нападения частей белой гвардии на посты и гарнизоны русского флота. Центробалт усилил охрану кораблей, складов и флотского имущества в северной Финляндии и предписал караульным частям в районах контрреволюционных выступлений «оставаться на местах до последней возможности. В случае крайности отходить на Таммерфорс, уничтожив секретные документы, захватив с собой оружие и казенные суммы и оставив сторожей у складов» [8]. В то же время, не надеясь на силы внутренней контрреволюции, финская буржуазия открыто обратилась за помощью к кайзеровской Германии, выражая готовность предоставить в полное ее распоряжение всю территорию Финляндии.

Пользуясь полной поддержкой США, Англии и Франции в подготовке наступления на Петроград и намереваясь превратить Финляндию в плац-

---

[3] ЦГАОР, ф. 929, 1918 г., д. 17, л. 54.
[4] ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918 г., д. 11, л. 3.
[5] Там же, л. 16.
[6] Там же, л. 30.
[7] ЦГАКА, ф. 1, оп. 2, д. 3, л. 20.
[8] ЦГАВМФ, ф. Р-95, 1918 г., д. 126, л. 191.

дарм для этого наступления, германские империалисты охотно признали правительство Свинхувуда и не замедлили воспользоваться приглашением финской буржуазии, чтобы усилить переброску оружия и войск, а затем осуществили открытое вторжение своих вооруженных сил в Финляндию.

Готовя вторжение в Финляндию, германские империалисты открыто заявляли о своих целях. Вильгельм II объявил, что «укрепление существующего финского правительства создаст крепкую плотину против проникновения большевизма в Северную Европу. Если же большевизм достигнет этой цели, то и только что заключенный мир (Брестский.— *Н. К.*) потеряет свое значение» [9]. Еще откровеннее высказался фон дер Гольц: «Дело шло о том, чтобы парализовать Советскую Россию, служившую опорой восстания в Финляндии, предотвратить всякое ее усиление, избежать восстановления Восточного фронта. Одновременно следовало предотвратить в России английское влияние. Англичане захватили незамерзающее Мурманское побережье и Мурманскую железную дорогу... Германские войска и флот в Финляндии были краеугольным камнем германского господства на Балтийском море, они угрожали Петрограду и фланкировали Мурманскую дорогу. Цель была столь важна, что ради нее стоило послать небольшие силы в Финляндию...» [10].

Балтийский флот представлял собою значительное препятствие для осуществления целей, которые поставили перед собой германские империалисты. Поэтому одной из ближайших задач германского командования являлся захват Балтийского флота. В этом были заинтересованы не только империалисты Германии, но и все прочие враги Советской республики.

Все развитие событий, происходивших в Финляндии, делало угрозу захвата Балтийского флота весьма реальной.

Не менее угрожающей для Балтийского флота складывалась обстановка в Прибалтике, на южном берегу Финского залива,— втором важнейшем направлении возможного наступления германских войск на Петроград. В то время как на оккупированной территории Латвии и Эстонии, как и на всей западной границе Советской России, стояли готовые к наступлению, вооруженные до зубов и имевшие боевой опыт первой мировой войны, германские дивизии, Советская республика располагала здесь немногочисленными и небоеспособными частями старой армии. Красная Армия, к созданию которой было приступлено уже в ходе мирных переговоров с Германией, насчитывала пока крайне незначительные контингенты.

В этих условиях положение Балтийского флота казалось безвыходным. Американские, английские и германские империалисты заранее ликовали, предвидя полное его уничтожение и неизбежное, как им казалось, падение Петрограда. Однако они просчитались.

Исходя из конкретной обстановки, сложившейся на решающих операционных направлениях под Петроградом (в Финляндии, Прибалтике и на Балтийском море) и соотношения сил, ЦК партии и Советское правительство сочли необходимым вывести Балтийский флот из-под готовившегося удара германских вооруженных сил путем перебазирования всех его сил с угрожаемой стратегической базы (Ревель, Або-Аланц, Ганге, Гельсингфорс) на стратегическую базу в восточной части Финского залива (Кронштадт — Петроград).

---

[9] F. Б а у е r. Das deutsche Einschreiten in Finland, Braunschweig, 1928, стр. 85.
[10] Т а м ж е, стр. 48.

Так возникла идея первой стратегической операции советских военно-морских сил по перебазированию Балтийского флота, которая была осуществлена в феврале — мае 1918 г.

II

Стратегический план германского наступления, начавшегося 18 февраля 1918 г., намечал нанесение одновременного удара через Нарву и Псков и через Финляндию на Выборг, т. е. взятие Петрограда в клещи. Предварительным условием решения этой стратегической задачи являлся намеченный германскими империалистами захват Балтийского флота.

Из наступавших 30 немецких дивизий половина была двинута на Петроград через Нарву и Псков. Старая развалившаяся царская армия не могла устоять против вооруженных полчищ германского империализма.

Над Советской республикой нависла величайшая опасность.

21 февраля было опубликовано воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», в котором партия и Советское правительство призывали советский народ к организации отпора нашествию германских империалистов.

В ответ на призыв моряки Балтийского флота вместе со всеми трудящимися Советской страны еще теснее сплотились вокруг партии и Советского правительства. Многочисленные резолюции, принятые на собраниях и митингах личного состава кораблей и береговых частей, свидетельствовали об огромном подъеме, охватившем матросские массы и о их непоколебимой решимости дать отпор германским империалистам. Несмотря на объявленную ранее демобилизацию, моряки Балтийского флота принимали решения либо остаться на своих постах, либо вступить в отряды, идущие в бой с немецкими оккупантами.

22 февраля приказом по флоту Балтийского моря в ответ на обращение Совета Народных Комиссаров была объявлена революционная мобилизация «для беспощадной борьбы с германскими империалистическими полчищами». «Всех, кто способен держать оружие,— говорилось в приказе,— Родина зовет на последний революционный бой, в котором или победим, или с честью умрем. Всякие увольнения с этого момента прекращаются, товарищи призываются на свои боевые места для защиты кровью добытой свободы» [11].

23 февраля в Гельсингфорсе пленарное заседание всех судовых, полковых и ротных комитетов Балтийского флота, обсудив вопрос об угрозе нависшей над Советской республикой в связи с наступлением германских войск, обратилось «с горячим призывом ко всем рабочим, бывшим матросам, работающим в портах и на заводах и находящимся в отпуску, немедленно встать в ряды революционного флота» и призвало «товарищей солдат присоединиться к этой резолюции» [12]. Аналогичные резолюции единодушно принимались командами кораблей и частей Балтийского флота. «Во флоте настроение боевое»,— сообщала «Правда», характеризуя положение в Гельсингфорсе [13].

Наступление германских войск на ревельском направлении чрезвычайно осложнило и без того тяжелое положение, в котором находился Балтийский флот. Враг рвался к Ревелю, рассчитывая захватить там боевые корабли.

---

[11] ЦГАВМФ, Справочная библиотека, № 7480.
[12] «Правда», № 35, от 26 февраля 1918 г.
[13] «Правда», № 33, от 23 февраля 1918 г.

Осуществляя руководство обороной страны, Коммунистическая партия и Советское правительство повседневно уделяли огромное внимание Балтийскому флоту. Еще до начала немецкого наступления, по указанию В. И. Ленина, Верховная морская коллегия и Центробалт провели мероприятия для обеспечения безопасности Балтийского флота и для обороны подступов к Петрограду с моря. 14 февраля 1918 г. Военный отдел Центробалта приказал Ревельскому местному флотскому комитету производить воздушную разведку и доносить о передвижениях германских войсковых частей [14]. 16 февраля начальник военного отдела Ревельской морской крепости получил приказ военного отдела Центробалта «привести все суда, стоящие в Ревеле, в двухсуточную готовность для перехода в случае надобности в Гельсингфорс» [15]. Аналогичный приказ был отдан начальнику 1-й бригады крейсеров [16].

17 февраля, на основании указаний В. И. Ленина, Коллегия Морского комиссариата от имени Совета Народных Комиссаров телеграфом передала Центробалту директиву, которая явилась исходным документом для подготовки к проведению операции по перебазированию флота из Ревеля и Гельсингфорса на Кронштадт [17].

Директива была получена Центробалтом в 18 час. 50 мин. 17 февраля 1918 г. Этот день и явился днем начала операции по перебазированию Балтийского флота, получившей в нашей литературе традиционное наименование «Ледового похода» [18].

В директиве говорилось: «Оценивая возможные операции, кои германцы могут предпринять в настоящее время на Балтийском театре, приходится считать вероятным производство смешанной операции от островов Моонзунда на материк, с целью захвата Ревеля и Эстляндии с сухого пути при широком содействии германского флота в Финском заливе, к западу от центральной позиции». Директива сообщала, что по принятии Советом Народных Комиссаров окончательного решения «об общих мерах, кои желательны, а равно и для выработки того отношения, которое с военной точки зрения должно быть проявлено со стороны наших вооруженных сил», Морской комиссариат «преподаст к исполнению флотам соответствующую общую директиву».

Далее говорилось: «Впредь до получения таковой, является совершенно необходимым теперь же принять некоторые меры к обеспечению безопасности подступов с моря к столице. С этой целью и именем Совета Народных Комиссаров Российской Федеративной Республики Коллегия Морского комиссариата приказывает:

1. Теперь же сосредоточить в районе Ревеля и Гельсингфорса все ледокольные средства, состоящие при флоте, включая и ледокол «Сампо», захваченный финляндской белой гвардией, для каковой цели должны быть решительно приняты все меры, включая применение вооруженной силы.

---

[14] ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918 г., д. 11, л. 100.

[15] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 380, л. 231.

[16] ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1918 г., д. 11, л. 113.

[17] Положение о Коллегии Морского комиссариата было официально утверждено Совнаркомом 22 февраля 1918 г., одновременно с преобразованием Морского министерства в Народный комиссариат по морским делам. (Систематический сборник постановлений, изданных по НК по морским делам. М., 1919, стр. 261—262).

[18] Следует отметить, что ни один из авторов до сих пор не дал правильной датировки начала данной операции, что целиком вытекает из существовавшего в нашей литературе взгляда на «Ледовый поход» как на переход флота в сложных условиях, а не как на стратегическую операцию. Многие авторы ошибочно относят начало «Ледового похода» к моменту выхода кораблей из Ревеля (22 февраля 1918 г.), а некоторые — даже к моменту выхода первого отряда кораблей из Гельсингфорса (12 марта 1918 г.).

2. Теперь же увести из Ревеля в Гельсингфорс все те боевые и вспомогательные суда, наличие команды на которых, а равно техническое их состояние не допускает выхода их в море по первому требованию...

3. Теперь же подготовить к уходу из Гельсингфорса в Кронштадт все те суда 2-й и 3-й категории, кои могут быть без ущерба для них проведены в колотом льду».

Пункты 3 и 4-й директивы требовали принятия мер к приведению в боеспособное состояние батарей береговой обороны Финского залива; пункт 6-й предлагал усилить минирование Финского залива и быть в готовности кораблям 1-й категории к выходу на центральную позицию для ее охраны в случае попытки германского флота проникнуть в Финский залив. В заключение в директиве предлагалось «теперь же принять все меры к тому, чтобы эта директива фактически могла бы быть исполнена флотом по первому к тому требованию. Сверх изложенного теперь же надлежит принять меры к возможному переводу запасов флота из Ревеля в Гельсингфорс и Кронштадт» [19].

Таким образом, Советское правительство, учитывая оперативную обстановку, поручило Балтийскому флоту в первую очередь обеспечить безопасность подступов к Петрограду с моря.

Ориентировочный замысел Советского правительства заключался в том, чтобы совместными действиями боеспособной части флота (корабли 1-й категории) и средств позиционной обороны (минно-артиллерийские позиции и средства береговой обороны) не допустить прорыва флота противника вглубь Финского залива и обеспечить перебазирование в первую очередь небоеспособной части флота (корабли 2 и 3-й категории) на Кронштадт. На первом этапе намечался немедленный увод из Ревеля в Гельсингфорс всех кораблей и судов, которые не в состоянии выйти в море по первому требованию, а также перевод запаса флота из Ревеля в Гельсингфорс и Кронштадт и немедленная подготовка к переводу из Гельсингфорса в Кронштадт всех кораблей, способных совершить переход в сопровождении ледоколов. Так как Финский залив был покрыт мощным ледяным покровом, то решено было немедленно сосредоточить все ледокольные средства флота в районе Ревеля и Гельсингфорса.

Получив 17 февраля директиву Советского правительства, Центробалт в тот же день приступил к ее выполнению. Военный отдел Центробалта отдал приказ о приведении в состояние боевой готовности всех батарей Приморского фронта, «дополнив команду, если надо, из добровольцев морской бригады» [20]. Одновременно было приказано «теперь же приготовить и по мере возможности начать переводить в Гельсингфорс все подводные лодки, их базы, а равно и прочие вспомогательные суда, кроме транспортов, нужных для эвакуации порта, если то понадобится. Крейсерам привестись в срочную боевую готовность и остаться в Ревеле до приказания» [21].

Начальнику морских сил Балтийского моря в Кронштадте 18 февраля было приказано принять все меры для приведения в немедленную готовность к походу всех ледоколов как исправных, так и ремонтируемых. «От быстрого исполнения настоящего приказа, — указывал Центробалт, — зависит участь Российского флота» [22].

---

[19] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 380, лл. 259—263.
[20] Там же, л. 237.
[21] Там же, л. 236.
[22] Там же, л. 267.

18 февраля Центробалтом была получена из Морского генерального штаба телеграмма, в которой Управление Северным фронтом, сообщая о возобновлении Германией войны 18 февраля в 12 час., указывало, что, «в случае натиска значительных сил противника», войскам разрешено отходить, уничтожая за собой все военные запасы, причем Ревельскому укрепленному району предписывалось «удерживать морскую крепость постольку, поскольку необходимо дать время выйти частям, занимающим Гапсальское, Вердерское и Перновское направления, на линию Ревель — Вайсенштейн» [23]. Таким образом, Центробалту приходилось осуществлять эвакуацию Ревеля в срочном порядке, учитывая недостаточность сил для длительной обороны базы с суши.

В этот же день объединенное совещание местных советских, партийных и военных организаций Ревельского укрепленного района в целях усиления обороны решило создать военный отдел (Ревукр) из представителей исполкома Совета, армейского и флотского комитетов, штаба Красной гвардии и Эстляндского краевого комитета большевиков. К военному отделу Ревельского укрепленного района, который возглавил руководитель большевиков Эстонии В. Э. Кингисепп, перешла военная власть в городе и крепости [24].

В донесении, отправленном 18 февраля из Ревеля, сообщалось, что крейсера через два дня будут в состоянии перейти в Гельсингфорс, но в бой вступать не могут, «так как имеется на бригаде крейсеров всего только треть личного состава, вследствие увольнения старых годов», и что по той же причине, а также из-за ледовых условий подводные лодки также действовать не могут. На 19 февраля был намечен выход подводных лодок в Гельсингфорс, 20 февраля намечалось подготовить к переходу тральщики. На транспорты происходила погрузка наиболее ценного имущества порта, береговой обороны и воздушной дивизии, после окончания которой транспорты должны были переводиться в Гельсингфорс. По окончании эвакуации всех кораблей в проходах гавани было предусмотрено затопить пловучие доки, краны, баржи, чтобы не допустить прорыва флота противника в Ревель. Для подрыва и уничтожения стапелей на судостроительных заводах и портовых сооружений, имевших военное значение, были организованы две подрывные партии [25].

Утром 19 февраля командование Ревельского укрепленного района получило директиву Морского генерального штаба оказывать сопротивление наступающим сухопутным силам противника и не допустить проникновения германского флота в Финский залив. Так как эвакуация сухопутным путем была невозможна из-за отсутствия вагонов и недостатка времени, то предлагалось вывозить все что можно морем в Гельсингфорс.

20—21 февраля начались бои на подступах к Ревелю. Отряды матросов-добровольцев вместе с частями Красной гвардии вели упорные бои, стремясь задержать противника и не позволить ему сорвать эвакуацию флота из Ревеля.

Из-за недостатка ледоколов и вследствие тяжелой ледовой обстановки переход транспортов и малых боевых кораблей со слабыми корпусами представлял огромные трудности. Первые корабли вышли из Ревеля 22 февраля, когда ледокол «Ермак» повел в Гельсингфорс две подводные лодки и два транспорта с эвакуированными военными грузами. Из Ревеля доносили: «Состояние льда на рейдах очень тяжелое, и суда пробираются

---

[23] Там же, лл. 308—309.
[24] ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918 г., д. 36, л. 10.
[25] ЦГАВМФ, ф. 418, 1918 г., д. 23866, л. 18.

с трудом. В море в больших массах толстый лед. Продолжение морозов с каждым днем ухудшает возможность навигации»[26].

Стремясь не допустить ухода флота из Ревеля, германское командование намеревалось захватить мощные береговые батареи на островах Нарген и Вульф, прикрывавших вход в ревельский порт с моря. В ночь на 24 февраля немецкий отряд пытался перейти по льду на эти острова. Противник был обнаружен. Батареи, открыв огонь, взломали лед, и немцам пришлось с потерями отступить.

23 февраля «Ермак» вернулся в Ревель, чтобы обеспечить вывод оставшихся здесь кораблей.

С утра 24 февраля железнодорожное сообщение с Ревелем прекратилось. Начались бои на окраинах города. Погрузка имущества на транспорты была закончена. Местный флотский комитет перебрался на крейсер «Адмирал Макаров», продолжая руководить эвакуацией флота. Учреждения прекратили работу. Важнейшие дела и документы были погружены на транспорт «Бурлак», остальные — сожжены.

В течение 24 февраля и на следующий день корабли и транспорты при помощи ледоколов «Ермак», «Волынец», «Тармо» и «Огонь» постепенно выходили на рейд. 24 февраля из Ревеля вышли крейсера «Олег», «Баян» и «Богатырь», две подводные лодки, транспорт «Европа» и спасательное судно «Волхов». На крейсерах находилось около 4 тыс. эвакуируемых женщин и детей. Палубы кораблей были загромождены автомобилями, обмундированием, провизией и различным имуществом, принятым из покидаемых портовых складов.

25 февраля суда вышли на рейд. Противник попытался задержать корабли в порту бомбардировкой с воздуха и артиллерийским обстрелом. Отстреливаясь от противника, моряки продолжали вывод кораблей.

В 10 час. 20 мин. над рейдом показался немецкий самолет типа «Таубе», который был встречен огнем зенитной артиллерии кораблей и ружейным огнем. Самолет сбросил 6 бомб. Одна из них попала в «Рюрик», пробила палубу и ранила несколько человек. На транспорте «Альфа» был убит один и ранено несколько человек. Последующие атаки немецких самолетов, вследствие эффективного огневого противодействия, оказались безрезультатными. Ледоколы продолжали выводить на рейд подводные лодки, тральщики, заградители, транспорты. Вышедшие на рейд корабли растянулись на десятки миль.

В полдень в порту появился разведочный отряд немецких велосипедистов, он был встречен ружейным огнем с ближайших кораблей. Разведчики ретировались.

Крейсер «Адмирал Макаров», обеспечивая выход кораблей, оставался в порту до вечера. Около 17 час. к борту крейсера подошел катер с представителями германского командования, которые угрожали репрессиями в случае открытия огня по городу. На это был дан ответ, что огонь будет открыт в случае противодействия выводу всей эскадры. Спустя 45 мин. к крейсеру подошел буксир с немецкой делегацией, потребовавшей в ультимативной форме вернуть все увозимое на кораблях имущество и угрожавшей, в случае неисполнения, открыть огонь по крейсерам «Адмирал Макаров» и «Рюрик». Делегации было отвечено, что увозится только казенное имущество, а если будет открыт огонь, то эскадра немедленно будет отвечать. Получив этот ответ, немцы убрались, не рискнув вступить в артиллерийскую дуэль с крейсерами. Выход кораблей продолжался[27].

---

[26] ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918 г., д. 190, л. 117.
[27] Там же, д. 2183, лл. 47 об.— 53, д. 663, лл. 48 об.— 54.

Около 19 час. «Адмирал Макаров», замыкая вышедшую колонну кораблей, покинул Ревель. Город и порт были захвачены немцами, которым активно содействовали созданные эстонской буржуазией вооруженные националистические банды.

Переход кораблей в Гельсингфорс проходил в трудных условиях. Зима была суровой. Толщина льда доходила до 70 см. Корабли то и дело затирало льдом. Ледоколов было слишком мало. Запасы угля были ограничены. Большой некомплект команд вынуждал моряков работать без отдыха. Однако под руководством большевиков, вдохновлявших своим примером матросские массы, балтийцы с успехом выполнили боевое задание Советского правительства.

26 февраля утром фарватер, проложенный шедшим в голове каравана «Ермаком», оказался забитым движущимся льдом. Крейсер «Баян», пытавшийся пробить канал, не смог преодолеть торосов и был вынужден остановиться. Вслед за ним были затерты льдом броненосец «Петр Великий» и транспорт «Михаил». Подошедший «Ермак» освободил застрявшие корабли и повел их за собой. В дальнейшем многие корабли неоднократно застревали во льду, но всякий раз их освобождали ледоколы, и корабли продолжали свой путь. Крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров», «Богатырь», «Олег» и транспорт «Михаил» совершили переход в основном своими силами и лишь на подходе к Гельсингфорсу воспользовались помощью ледокола «Тармо».

В полдень 26 февраля подошедший к борту «Адмирала Макарова» ледокол «Волынец», приняв отряд матросов с пулеметами, направился к о. Нарген для уничтожения береговых батарей. Задание было выполнено успешно. С помощью прибывшей подрывной партии команды батарей подожгли зарядные погреба, уничтожили ценные башенные установки 12-дюймовых орудий и другие батареи. Еще накануне были взорваны батареи на о. Вульф и на полуостровах Вимс и Суроп [28].

27 февраля в 9 час. утра крейсера «Адмирал Макаров», «Рюрик» и «Богатырь» вошли на внутренний Гельсингфорский рейд. Через несколько часов пришел крейсер «Олег», затем — «Баян» и заградитель «Волга», а вслед за ними постепенно прибывали остальные корабли.

Переход благополучно совершили 56 кораблей. Была потеряна лишь затонувшая от сжатия льдов подводная лодка «Единорог», личный состав которой перешел на другие корабли [29].

Расчеты немецких и стоявших за их спиной англо-американских империалистов на захват значительной части Балтийского флота были сорваны. Немцы, захватив Ревель, нашли в порту лишь незначительное количество мелких кораблей, не имевших сколько-нибудь серьезного военного значения [30].

Таким образом, в результате успешного вывода части флота из Ревеля в Гельсингфорс было достигнуто не только спасение большого количества ценных кораблей, тысяч людей и значительного количества военного имущества, но и создание благоприятных условий для спасения всего флота в целом. Прибытие значительных сил флота в Финляндию в разгар ожесточенной гражданской войны значительно укрепляло положение Красной гвардии. Теперь в Гельсингфорсе были сосредоточены все основные силы Балтийского флота, которые заняли исходные позиции для выполне-

---

[28] ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918 г., д. 2183, л. 47 об.— 53; д. 663, л. 48 об.— 54; ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 380, л. 440; д. 360, л. 744.

[29] Сведения о гибели «Единорога» сообщены автору адмиралом флота И. С. Исаковым. В документах сведений об этом факте обнаружить не удалось.

[30] «Правда», № 44, от 8 марта 1918 г.

ния главной задачи — перебазирования флота на Кронштадт. Переход из Ревеля в Гельсингфорс доказал также возможность плавания во льдах военных кораблей даже со слабым корпусом при надлежащем обеспечении их ледоколами и дал ценный практический опыт.

III

После взятия Ревеля немцы продолжали развивать наступление на Петроград через Псков и Нарву, но, получив там крепкий отпор, убедились, что взять Петроград «молниеносным» ударом им не удастся. Поэтому они пошли на продолжение переговоров, предъявив еще более грабительские и несправедливые требования, чем раньше: 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске советская делегация, не обсуждая грабительских условий мира, подписала мирный договор с Германией. VII съезд партии подтвердил правильность ленинской линии в вопросе о Брестском мире, а собравшийся вскоре IV съезд Советов утвердил его.

Подписав Брестский договор, германские империалисты немедленно приступили к осуществлению интервенции в Финляндии с тем, чтобы подавить революцию в Финляндии и превратить ее в плацдарм для удара по Петрограду. Этого же добивались и финские прислужники германских империалистов.

Готовя вторжение в Финляндию, империалисты Германии попрежнему одной из важнейших задач считали захват или уничтожение Балтийского флота. Этой же целью были продиктованы и статьи Брестского договора, относившиеся к флоту. Ст. V договора предусматривала отвод военных судов «в русские гавани, где они останутся до заключения всеобщего мира», или немедленное их разоружение. Ст. VI требовала немедленного очищения финских гаваней от русского флота. «Пока море покрыто льдом и возможность вывода русских судов исключена,— гласила статья VI, — на этих судах должны быть оставлены лишь немногочисленные команды» [31].

Эти требования договора, а также ряд других фактов не оставляли никакого сомнения в намерении германских империалистов осуществить захват флота. Отрезанные ледяным полем от своей тыловой базы, корабли должны были разоружиться и распустить команды, оставив лишь ничтожную часть личного состава. Так как русские войска подлежали немедленной демобилизации и выводу из Финляндии, корабли оказывались без всякой защиты. Южная база флота — Ревель — была в руках немцев, что давало им полную возможность даже в условиях ледовой обстановки с помощью ледоколов предпринять операцию морскими силами против Гельсингфорса. Захватом Аландских островов германское командование создало себе опорный пункт для высадки в Финляндию и возможность этой высадки становилась все более определенной. Разведка сообщала о подозрительных появлениях в море германских кораблей. В этой обстановке предоставленная условиями мирного договора возможность пребывания русских кораблей в финских портах до очищения моря от льда становилась не только фикцией, но и явной ловушкой. Дальнейшее пребывание кораблей Балтийского флота в базах Финляндии в этих условиях означало неизбежный их захват или уничтожение германскими империалистами.

В связи с этим директива Совета Народных Комиссаров, преподанная Центробалту через Коллегию Морского комиссариата 17 февраля, о пере-

[31] «Правда», № 42, от 6 марта 1918 г.

базировании Балтийского флота на Кронштадт, не только не теряла своего смысла, но, напротив, приобретала еще более важное значение [32].

Замысел операции и общее руководство ее проведением принадлежали Советскому правительству и лично В. И. Ленину. К сожалению, недостаток документальных материалов не дает возможности с достаточной полнотой осветить роль В. И. Ленина в этом вопросе. Можно предполагать, что материалов подобного рода было немного, особенно учитывая, что высшие органы руководства страной в этот период переводились из Петрограда в Москву, что не могло не отразиться на состоянии делопроизводства и характере методов руководства. Весьма вероятно, что указания в ряде случаев давались лично исполнителям или по телефону и не были зафиксированы. Подтверждение этому предположению мы находим в воспоминаниях участников изучаемых событий. Так, например, один из участников «Ледового похода», ныне инженер — вице-адмирал И. Я. Стеценко в своих воспоминаниях указывает, что после взятия немцами Ревеля В. И. Ленин подтвердил Центробалту свое указание на «необходимость срочного отвода флота в Кронштадт». И. Я. Стеценко указывает далее, что в период подготовки флота к операции «Владимир Ильич Ленин ежедневно справлялся по телефону о состоянии готовности к отходу и давал Центробалту советы и указания» [33]. Одна из важных особенностей планирования операции по перебазированию флота состояла в том, что, в связи с быстро изменяющейся обстановкой, не представлялось возможным предварительно разработать детальный план проведения операции по всем этапам. Уточнять и конкретизировать план приходилось в ходе выполнения операции, а необходимость быстрого осуществления принимаемых решений нередко исключала возможность разработки соответствующих оперативных документов.

Другая особенность заключалась в характере управления операцией. Руководящим исполнительным органом флота на первом этапе операции являлся Центробалт, который через военный отдел руководил подготовкой и проведением перебазирования флота из Ревеля в Гельсингфорс. Но в период подготовки к проведению следующего этапа операции произошли изменения в органах управления Балтийским флотом. В развитие декрета Совнаркома о создании рабоче-крестьянского Красного флота, по решению Советского правительства 22 февраля во все отделы Центробалта были назначены комиссары, ответственные перед Коллегией Морского комиссариата, перед Советом Народных Комиссаров и перед ВЦИК [34]. Комиссары, назначенные руководить отделами Центробалта, составляли Совет комиссаров Балтийского флота (Совкомбалт), к которому переходили руководящие функции, ранее осуществлявшиеся Центробалтом. 4 марта Совкомбалт вступил в управление Балтийским флотом. В состав Совкомбалта вошли 6 комиссаров, назначенных Советом Народных Комиссаров, и 13 комиссаров, избранных личным составом флота [35].

Вступая в исполнение обязанностей, Совкомбалт в приказе № 107 по флоту Балтийского моря от 4 марта 1918 г. призывал всех товарищей

---

[32] Авторы изданных до настоящего времени работ о «Ледовом походе» ошибочно приписывают решение о перебазировании флота командованию флотом (П. Д. Быков) или же Центробалту (Ю. А. Пантелеев, В. И. Селиванов, В. И. Сапожников и др.), относя факты принятия решения к 19 февраля или 6 марта, когда на заседаниях Центробалта обсуждался вопрос о выводе флота из Гельсингфорса в Кронштадт.

[33] Газ. «Рабочий Кронштадт», от 18 апреля 1937 г.

[34] Систематический сборник постановлений, изданных по НК по морским делам, стр. 261.

[35] ЦГАВМФ, ф. Р-96, д. 6, л. 43.

«принять самое горячее участие по созданию боевого революционного авангарда Балтийского флота для спасения Российской Республики от помещиков, банкиров, капиталистов и империалистов враждующих с нами держав, явно старающихся затопить русскую революцию пролетарской кровью» [36].

Партийный состав Совкомбалта не был однородным: наряду с большевиками в Совкомбалт входили эсеры и анархисты. Но решающее влияние принадлежало большевикам, осуществлявшим практическую деятельность по указаниям партии и Советского правительства.

Специального партийного органа, который бы руководил партийно-политической работой в армии и флоте, в рассматриваемый период не было [37]. Первое время после создания Красной Армии и Красного военно-морского флота Центральный Комитет партии осуществлял руководство партийно-политической работой в вооруженных силах через военную организацию РКП(б), которая направляла работу местных партийных организаций. Партийной работой непосредственно на кораблях и в частях руководили военные комиссары. В частях и на кораблях существовали коммунистические ячейки. Почти каждое решение солдатских и матросских комитетов, касавшееся жизни и деятельности кораблей и частей, предварительно обсуждалось партийной организацией. Члены матросских и солдатских комитетов в большинстве были коммунисты [38].

Наличие в Балтийском флоте крепкого большевистского ядра, возглавлявшего массу матросов и солдат и воодушевлявшего их на выполнение задач, поставленных Коммунистической партией и Советским правительством, явилось решающим условием, обеспечившим выполнение операции по перебазированию флота в исключительно сложных условиях и позволившим преодолеть активное противодействие многочисленных врагов из лагеря иностранных империалистов и их агентуры в лице контрреволюционного офицерства, троцкистов, эсеров и других вражеских элементов.

IV

В Гельсингфорсе практическая подготовка к перебазированию флота на Кронштадт началась сразу же по получении директивы Советского правительства от 17 февраля 1918 г., одновременно с подготовкой и осуществлением перевода флота из Ревеля в Гельсингфорс. 19 февраля директива Советского правительства была обсуждена на заседании Центробалта, который принял решение «предложить военному отделу (Центробалта.— *Н. К.*) срочно отдать приказ о приведении всех судов Гельсингфорской базы [в готовность] к выходу в Кронштадт» [39].

Конкретизация плана операции, уточнение этапов и сроков производились постепенно, в соответствии с обстановкой. В связи с недостаточностью ледокольных средств было решено в первую очередь перевести в Кронштадт 1-ю бригаду линейных кораблей («Петропавловск», «Севастополь», «Гангут» и «Полтава») и крейсера «Рюрик», «Богатырь» и «Адмирал Макаров», как наиболее подготовленные к походу и способные

[36] ЦГАВМФ, ф. Р-96, д. 6, л. 43.

[37] Политический отдел Морского министерства был упразднен 14 февраля 1918 г. Взамен его был создан военный отдел, руководивший работой по комплектованию флота добровольцами. См. Систематический сборник постановлений по НК по морским делам, стр. 23—24.

[38] С. С. Хесин. Военные моряки в борьбе за власть Советов, М., 1953, стр. 246—247.

[39] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 380, л. 350.

преодолеть трудности тяжелой ледовой обстановки. Кроме того, выводились из-под угрозы захвата наиболее ценные боевые корабли, какими являлись новейшие линейные корабли 1-й бригады, вступившие в строй только в 1915 г.

1 марта ориентировочный срок выхода первого отряда был намечен на 7 марта. К этому числу командирам ледоколов «Ермак», «Волынец» и «Тармо» было предписано приготовиться к проводке 1-й бригады линейных кораблей в Кронштадт [40]. 4 марта военный отдел Центробалта приказал судам 1-й бригады линейных кораблей «приготовиться к походу в Кронштадт к рассвету 7 марта, приняв полные запасы угля, воды и всех прочих материалов» [41].

6 марта на пленарном собрании судовых и ротных комитетов совместно с местным флотским комитетом, в присутствии комиссаров флота, был обсужден вопрос о ходе подготовки операции и уточнению плана ее проведения. Было принято решение «весь план эвакуации гельсингфорской базы разработать Совету комиссаров флота, имеющих право кооптации сведущих лиц». «Все их требования,— говорилось в постановлении,— должны исполняться беспрекословно. Все команды должны остаться на местах. Немедленно приступить к выводу из Гельсингфорса 1-й бригады линейных кораблей и крейсеров. Два дредноута должны остаться в Гельсингфорсе до распоряжения комиссаров флота. По мере возможности приступить к выводу судов и транспортов, насколько позволят технические условия последнего.

Миноносцы и подводные лодки, которых в настоящее время не представляется возможным вывести, поставить в более выгодные по стратегическим соображениям места. Весь порт и продсклад представляется в полное ведение и распоряжение местного флотского комитета» [42].

Это решение имело важное значение для подготовки и проведения операции. Пленарное собрание подтвердило необходимость первоочередного перебазирования новейших линейных кораблей и крейсеров, наметило возможную последовательность перевода кораблей и некоторые виды обеспечения операции, возложило планирование и руководство практическим проведением операции на Совкомбалт, предоставив ему широкие полномочия.

Под руководством большевиков флота развернулась деятельная подготовка к выполнению поставленной Советским правительством задачи спасения Балтийского флота. Днем и ночью на кораблях и в порту не прекращалась кипучая работа. Ремонтировали и собирали корабельные механизмы, грузили топливо, продовольствие, наливали пресную воду, разгружали склады порта и грузили на корабли ценное имущество. Одновременно с подготовкой флота к переходу в Кронштадт проводилась усиленная работа по эвакуации Свеаборгского порта и его отделов.

Вся эта работа происходила в трудных условиях значительного некомплекта команд, доходившего на некоторых кораблях до 70% и более, и активного противодействия иностранных империалистов и внутренних врагов.

Положение на фронтах гражданской войны в Финляндии продолжало в этот период оставаться благоприятным для финской Красной гвардии и Балтийского флота. Несмотря на значительную помощь, которую финская контрреволюция получала от германских и шведских империалистов, попытки белой гвардии развернуть широкие наступательные операции

[40] Там же, л. 525.
[41] Там же, л. 526.
[42] ЦГАВМФ, ф. Р-95, 1918 г., д. 194, л. 52.

были сорваны стойким сопротивлением красногвардейцев. В течение февраля 1918 г. Красной гвардии, численность которой достигла к этому времени 60—70 тыс. человек, удалось значительно укрепить фронт. В конце февраля — начале марта Красная гвардия дважды переходила в наступление на Таммерфорском направлении. Эти наступления, хотя и не принесли победы, тем не менее причинили белогвардейцам значительные потери. Не добившись успеха в крупных наступательных операциях, белофинны стремились постепенно, действуя против слабо укрепленных пунктов, оттеснять отряды Красной гвардии на юг. Они взрывали мосты, разрушали железные дороги, жгли станции и села, стараясь всеми мерами расстроить тыл красных и дезорганизовать их оборону. Разрушением железнодорожных линий между Выборгом и Петроградом, Выборгом и Гельсингфорсом, а также между Гельсингфорсом и Таммерфорсом белофиннам удалось отрезать красные войска от Петрограда и разъединить их между собой [43].

Тем не менее красногвардейцы прочно удерживали в своих руках южную Финляндию и непосредственной опасности для флота со стороны белой гвардии пока не было. Однако положение в Гельсингфорсе — главной базе Балтийского флота — с каждым днем становилось все более тревожным. Учащались диверсионные и террористические акты против красногвардейцев и моряков Балтийского флота. Убийства, обстрелы из-за угла, грабежи делали небезопасным хождение по улицам. В разбрасываемых по городу прокламациях сообщалось о скором приходе германских войск, содержались угрозы по адресу русских солдат и матросов. Им предлагали побыстрее уйти из Финляндии и оставить здесь флот, который «все равно вывести не удастся». В связи с участившимися провокациями и ростом вражеской активности, 4 марта Гельсингфорс был объявлен на военном положении.

Не только Германия, но и «союзники» стремились добиться уничтожения или захвата Балтийского флота, прибегая для этого к провокационным приемам и используя свою агентуру во флоте.

Одной из таких попыток было предложение «Общества содействия демилитаризации и разоружению» (ОСДЕМ). Это общество 5 марта 1918 г. обратилось с предложением обменять 43 боевых корабля Балтийского флота, в том числе 2 линейных корабля («Гражданин» и «Заря Свободы»), 4 крейсера («Аврора», «Диана», «Россия» и «Громобой»), минный заградитель «Амур», 2 канонерские лодки («Грозящий» и «Храбрый») и 34 эскадренных миноносца и миноносцев разных типов, на машины для добычи торфа или предоставить на заводах Швеции и Финляндии кредит в сумме стоимости этих машин, определенной в 7 867 тыс. рублей, что составляло ничтожную часть фактической стоимости указанных кораблей [44].

Обращает на себя внимание исключительная оперативность в создании «ОСДЕМ» и в развертывании активной деятельности этой антисоветской организации. 3 марта 1918 г. был подписан Брестский мир, а 5 марта «ОСДЕМ» уже представило в Морской комиссариат свое предложение, причем один из представленных документов датирован 3 марта. «ОСДЕМ», несомненно, действовало в интересах и по заданию империалистических стран, ибо в условиях осуществленной в России национализации банков финансирование этого «общества» иностранной валютой могло производиться только иностранными государствами.

---

[43] «Военно-исторический журнал», 1940, № 12, стр. 46—47.
[44] ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918 г., д. 61, лл. 41—44.

Иностранная агентура и контрреволюционная часть офицеров не останавливались перед самыми подлыми и преступными методами, чтобы не допустить ухода флота из Финляндии. Под предлогом невозможности преодолеть льды, контрреволюционное офицерство настаивало на подрыве и затоплении кораблей, но, встретив жесточайшее противодействие со стороны судовых команд, демонстративно покинуло корабли, предпочитая остаться у немцев, нежели служить Советской России.

Враги использовали эсеров и анархистов, пытаясь с их помощью повлиять на наименее стойкую и сознательную часть матросов. Один из участников операции в своих воспоминаниях писал: «Используя спешку и напряженность обстановки, анархиствующие элементы расхищали военные запасы, всячески пытались дезорганизовать массу моряков. Предатели и немецкие агенты распускали провокационные слухи. Говорилось о том, что положение безвыходное, что все красные ледоколы захвачены белофиннами, что суда застрянут во льдах и там их захватят немцы... Большая часть офицерства открыто саботировала приказ о выводе флота. Можно было опираться только на небольшую часть, главным образом, младших офицеров, перешедших на сторону революции» [45].

Инженер — вице-адмирал И. Я. Стеценко в своих воспоминаниях сообщает, что после решения о перебазировании флота «реакционная часть офицерства и белофинны занялись антисоветской пропагандой. Нытики и маловеры открыто высказывались против решения Центробалта, заявляя, что не поведут корабли из Гельсингфорса. Кругом сновали представители Швеции, Германии и Америки и открыто предлагали продать флот». «Предатели,— пишет И. Я. Стеценко далее,— вели в команде агитацию: «Флот не выдержит этого похода, корабли погибнут, не лучше ли остаться?». Начались увольнения от службы под разными предлогами. Командиры самовольно покидали суда. Некоторые ушли с кораблей еще в Ревеле.

Усложняло обстановку еще то, что корабли не закончили зимнего судоремонта, на многих кораблях механизмы были разобраны и лежали в мастерских.

Среди офицеров было не мало представителей финской знати, которые особенно изощрялись в проведении подрывной работы. Перед самым выходом флота из порта мичман Роусс (лейтенант Роос, Ирье Ильмари; в 1920-х годах был командующим финским флотом.— *Н. К.*) финский барон, явился на миноносец и заявил команде, чтобы она убиралась с корабля, прибавив при этом: «Никуда вы флот не уведете, все это теперь наше». Но барона команда с корабля выгнала» [46].

Вражеская агитация оказывала также свое действие на наименее стойких и сознательных матросов, которые, ссылаясь на декрет о демобилизации старого флота, покидали корабли и расходились по домам.

Несмотря на наличие опыта успешного перехода кораблей в ледовых условиях в феврале 1918 г. из Ревеля в Гельсингфорс, аргумент о невозможности плавания кораблей во льдах широко использовался враждебными элементами для срыва операции.

Командир наиболее мощного ледокола «Ермак» В. Е. Гасабов, настроенный враждебно к Советской власти (в 1921 г. сбежал за границу), 6 марта 1918 г. представил в Совкомбалт доклад, в котором, ссылаясь на трудности плавания во льдах, доказывал невозможность перехода кораб-

---

[45] А. Вилин. Ледовый поход Балтфлота — «Крестьянская правда», от 12 апреля 1938 г.

[46] «Рабочий Кронштадт», от 18 апреля 1937 г.

лей и предлагал проводить «один вполне исправный корабль двумя ледоколами в течение недели», рассматривая проводку каждого корабля как отдельную операцию [47]. «План» Гасабова заведомо обрекал операцию на провал и имел своей целью оставить в руках врагов возможно большее число кораблей.

Таким образом, большевикам флота приходилось осуществлять подготовку и проведение операции в условиях ожесточенной классовой борьбы во флоте, при яростном сопротивлении врагов, использовавших все средства и методы, чтобы сорвать операцию и оставить флот в Финляндии. В силу этого из всех видов обеспечения операции наиболее важное, решающее значение приобретало политическое руководство операцией.

Руководствуясь указаниями партии и Советского правительства, личными указаниями и советами В. И. Ленина, коммунисты развернули громадную работу по мобилизации матросских масс на выполнение операции. На собраниях, митингах, в повседневных беседах большевики неустанно разъясняли матросам огромное военно-политическое значение проводимой операции, воодушевляя их на преодоление трудностей и организуя осуществление практических мероприятий по ускорению ремонта и подготовке кораблей к скорейшему выходу в море. Коммунисты разъясняли политическую обстановку, разоблачали козни и происки врагов, добивались повышения революционной бдительности, понимания важности задачи, которая стояла перед каждым из моряков.

«Требовалось,— пишет в своих воспоминаниях участник операции Ховрин, служивший на линейном корабле «Республика»,— не покладая рук, в кубриках, в кочегарках, электростанциях, везде, где только собирались моряки, вести большую политическую работу, ежедневно собирать общие собрания, разбивать демобилизационные настроения, которые пытались посеять среди моряков наши враги. И большевики эту задачу выполняли с честью.

К концу февраля настроение всех моряков было боевое, как никогда. Днем и ночью кипела работа на кораблях и в порту. Проверяли механизмы, грузили топливо, наливали пресную воду, разгружали все запасы, находившиеся в порту, и погружали их на корабли. Дредноуты, линкоры нагружались до отказа» [48].

Коммунисты были в первых рядах матросских масс, они личным примером и страстным большевистским словом воодушевляли моряков, готовившихся совершить труднейший поход во льдах. Громадную работу среди личного состава флота проводили комиссары и руководители партийных организаций. Комиссар Б. А. Жемчужин, пользовавшийся большим уважением и горячей любовью матросских масс, работал в эти дни с неутомимой энергией, разъясняя задачу, которую возложили на моряков Балтики Коммунистическая партия и Советское правительство. Деятельно готовясь к походу, моряки зорко охраняли свои корабли. Специально созданные отряды моряков парализовали контрреволюционную деятельность белогвардейцев и предателей, предотвратили диверсионные акты.

Политическая работа, которую проводила партия среди личного состава флота, обеспечила огромный подъем революционного энтузиазма матросских масс, внушила им веру в успешное выполнение труднейшей задачи. Участник ледового похода Г. Краснов вспоминает: «Как нам,

---

[47] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 376, л. 1. См. также «С. О. Макаров и завоевание Арктики». М.—Л., 1943, стр. 281.

[48] Ховрин. Ледовитый поход (Боевые записки) — газ. «Сталинец» (г. Ростов-на-Дону), от 1 августа 1939 г.

матросам, ни было трудно, никто не ныл. Мы знали, что нет преград для революционных матросов, выполняющих приказ Родины» [49].

К 12 марта первый отряд, назначенный к переходу в Кронштадт, был готов к выходу в море.

Труден был предстоящий поход. Ледовая обстановка, в которой кораблям нужно было идти, имея всего два ледокола — «Ермак» и «Волынец», характеризуется следующими основными данными. В марте — апреле сплошной лед продолжает сохраняться на большей части Финского залива, простираясь до 200 миль к западу от Кронштадта. В середине залива постепенно образуется пловучий битый лед, который при штормовых ветрах образует торосы, достигающие нескольких метров высоты. Особенно крупные торосы образуются в районе от Гогланда до Родшера. Толщина льда колеблется в среднем: от Кронштадта до Толбухина маяка — 30—40 см, от Шепелева маяка до Соммерса — 40—50 см, от Соммерса до Гогланда — 10—35 см и от Гогланда до Родшера — 10—40 см; к западу от Родшера средняя толщина льда — 5—10 см, но местами доходит до 30—60 см. Подвижки льда в районе к востоку от меридиана Гельсингфорса обычно начинаются во второй половине марта, распространяясь до острова Родшер. В шхерах и в районе от Сескара до Кронштадта движение льда начинается лишь во второй половине апреля, а освобождается от льда эта часть залива лишь в мае [50].

Перед самым выходом первого отряда оперативная обстановка ухудшилась. 7 марта белофинны захватили остров Гогланд, а 11 марта — острова Соммерс [51] и Лавенсари. Артиллерийские батареи на захваченных островах (на Лавенсари было четыре 6-дюймовых и четыре 10-дюймовых орудий) [52] могли быть использованы для обстрела кораблей, так как они должны были следовать фарватером, проходящим вблизи указанных островов. В случае обстрела наши корабли были бы поставлены в затруднительное положение, так как открытие ими ответного огня могло дать повод немцам обвинить Советское правительство в нарушении мирного договора и под этим предлогом предъявить новые захватнические требования.

Усложнение обстановки требовало от моряков еще большего усиления бдительности и готовности дать отпор всяческим провокациям со стороны контрреволюционеров, белофиннов и немцев. Это ярко подтвердилось в день выхода первого отряда. Как рассказывает в своих воспоминаниях кочегар одного из линейных кораблей, на транспорте «Михаил» был составлен заговор с целью увода корабля к немцам в Ревель. «На этом корабле было много продовольствия и, самое главное, оружие и патроны. Нашему кораблю пришлось догнать дезертира. Небольшая скорость «Михаила» дала возможность быстро его догнать... Догнали, навели жерла орудий и остановили. Команду и офицеров «Михаила» разоружили» [53].

12 марта в 14 час., предварительно освободив корабли от льда и расчистив выход из порта, «Ермак», возглавляя отряд, повел корабли по назначению. Вслед за «Ермаком» следовали ледокол «Волынец», линейные корабли «Гангут», «Полтава», «Севастополь», «Петропавловск», крейсера «Адмирал Макаров», «Богатырь» и «Рюрик» [54].

---

[49] Г. Краснов. Ледовый поход — краснофлотская газета «Товсь», № 25, от 15 марта 1944 г.

[50] «Морской сборник», 1933, № 4, стр. 98.

[51] В статье В. Селиванова (Ледовый поход Балтийского флота — «Пропаганда и агитация», 1948, № 6, стр. 36) вместо о. Соммерс ошибочно указывается о. Сескар.

[52] ЦГАКА, ф. 25888, оп. 5, 1918 г., д. 9, л. 114.

[53] А. А. Шкред. Ледовый поход Балтфлота — «Гудок», от 24 февраля 1938 г.

[54] Описание перехода первого отряда сделано по вахтенным журналам линейного

Управление отрядом осуществлялось с «Ермака», где поднял флаг начальник 1-й бригады линейных кораблей и находились комиссар, флагманский штурман и флаг-офицер. Из-за сложности условий плавания во льдах было решено двигаться только днем, а ночью отстаиваться. Поэтому в первый день в 19 час. отряд остановился на ночевку.

В 6 час. утра 13 марта «Ермак», обойдя вокруг кораблей, освободил их от сковавшего за ночь льда, после чего отряд лег на курс. Движение 13 марта происходило в сплошном льду переменными ходами. В 19 час. 30 мин. отряд остановился на ночевку, пройдя траверз маяка Южный Гогланд [55].

14 марта ледовая обстановка ухудшилась. «Ермаку» пришлось освобождать затертые льдами корабли — сначала «Рюрика», затем «Гангут». На ночь отряд остановился у маяка Нерва (Нарви).

Еще более трудным был день 15 марта. С самого утра отряд попал в столь тяжелые льды, что «Ермак» не был в состоянии их преодолеть. Чтобы выйти из создавшегося затруднения, моряки применили спаренное движение ледоколов. В вахтенном журнале «Ермака» об этом записано: «Вследствие очень тяжелого льда решили взять «Волынец» носом в свой кормовой вырез, подтянуть его буксиром с кормовой лебедки вплотную и, работая машинами обоих ледоколов, вперед пробиваться в тяжелом льду». Таким путем удалось в 7 час. 50 мин. двинуться вперед. Однако уже через 20 мин., в 8 час. 10 мин., корабли были вынуждены остановиться вследствие густого тумана и смогли продолжать путь лишь через четыре часа. В этот день отряд дошел до о. Сескар.

Личный состав кораблей работал с энтузиазмом, преодолевая все трудности. Моряки проявляли подлинно массовый героизм. В виду малочисленности команд им приходилось стоять без смены по несколько вахт. В кочегарках в качестве добровольных помощников работали гражданские лица, эвакуируемые из Финляндии, и даже женщины. Один из участников перехода, А. А. Шкред, рассказывает в своих воспоминаниях: «До этого похода я работал старшим кочегаром. Во время ухода из Гельсингфорса механики-белогвардейцы удрали с корабля, и меня, малограмотного кочегара, назначили кочегарным механиком. Моя жена, Софья Григорьевна, пожелавшая со мной разделить трудности похода, в эти дни работала кочегаром» [56].

16 марта переход продолжался попрежнему в трудных ледовых условиях. Едва «Волынец» был взят «Ермаком» на буксир в кормовой вырез, как уже через час пришлось отдавать буксир и посылать «Волынец» на выручку застрявших кораблей. Пока освобождали один корабль, примерзали другие. Тем не менее к 19 час. отряд подошел к маяку Шепелевскому. Кронштадт был близок.

В 11 час. 30 мин. 17 марта «Ермак» вошел на Большой Кронштадтский рейд и приступил к взламыванию льда в гавани для установки приведенных кораблей. Вслед за этим один за другим героические корабли входили в гавань. К вечеру все корабли отряда были в Кронштадте. Переход во льдах протяжением в 180 миль занял 5 суток. Несмотря на трудности пути, корабли не получили значительных повреждений и поломок [57].

корабля «Севастополь» (ЦГАВМФ, ф. Р-172, оп. 2, 1918 г., д. 75, лл. 63 об.—72) и ледокола «Ермак» (ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918 г., д. 2094, лл. 38 об.— 42).

[55] ЦГАВМФ, ф. Р-306, 1918 г., д. 3, л. 53.

[56] «Гудок», от 24 февраля 1938 г.

[57] «С. О. Макаров и завоевание Арктики», стр. 282.

Важный этап стратегической операции по перебазированию флота был успешно завершен.

Переход первого отряда послужил примером для ледового плавания остальных боевых кораблей. Этот опыт убедительно показывал, что при наличии достаточного ледокольного обеспечения военные корабли даже с серьезными повреждениями корпуса («Петропавловск») могут успешно совершить переход. Успешный переход первого отряда наносил сильнейший удар по вражеской «теории» о невозможности перебазирования флота в ледовых условиях. Он еще более воодушевил моряков Балтийского флота и внушил им уверенность в возможность успешного доведения операции до конца.

V

В день прихода первого отряда кораблей в Кронштадт, 17 марта, оперативная часть штаба Балтийского флота приказала приготовиться к выходу из Гельсингфорса 25 марта второму отряду кораблей, в состав которого включались линейные корабли «Республика» и «Андрей Первозванный», заградители «Волга» и «Лена», транспорт «Бурлак» и портовый ледокол «Аванс» [58].

Однако отряд вышел в Кронштадт позднее, лишь 4 апреля, и в значительно измененном составе. Произошло это вследствие серьезного ухудшения обстановки, вызванной событиями в Финляндии и во флоте во второй половине марта 1918 г.

Хотя Советское правительство точно выполнило условия Брестского мира по выводу военных частей из Финляндии, Германия, стремясь создать конфликт и тем оправдать вооруженное вторжение своих войск в Финляндию, 24 марта заявила протест Совету Народных Комиссаров, обвиняя Советское правительство в нарушении мирного договора, выразившемся в помощи финской Красной гвардии оружием и людьми. В связи с этим, по указанию Советского правительства, 29 марта приказами по Балтийскому флоту № 194 и 195 было объявлено, что «все моряки военного флота, находящиеся в рядах финских вооруженных сил, а также впредь желающие туда поступить, считаются уволенными от службы, а потому признаются действующими, как частные лица, и Балтийский флот не считает себя ответственным за их поступление» [59].

Хотя финская Красная гвардия после заключения Брестского мира была вынуждена одна бороться с объединенными силами финской контрреволюции, германских и шведских интервентов, а Балтийский флот был лишен возможности оказывать помощь финскому пролетариату, тем не менее финская Красная гвардия успешно сдерживала натиск противника на всех фронтах. Финляндская буржуазия продолжала надеяться только на помощь извне.

Германские империалисты, учитывая эти обстоятельства, решили не откладывать далее интервенцию в Финляндию. Для согласования операций белой гвардии с германским десантом германское командование направило в Финляндию майора генерального штаба Кранца [60].

Немецкие захватчики не скрывали, что главным своим противником они считают Балтийский флот. Специальный корреспондент «Кельнише

---

[58] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 376, лл. 2, 4, 7, 10, 11.

[59] ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918 г., д. 93, л. 36.

[60] Graf von der Goltz. Meine Sendung in Finland und im Balticum. Leipzig, 1920, стр. 49.

цейтунг» 15 марта 1918 г. сообщал из Финляндии: «Основным ядром врага являются матросы Балтийского флота, которые также составляют ядро русского большевизма. Они, конечно, будут ожесточенно защищать свою власть в Гельсингфорсе... Если матросы Балтфлота будут разбиты и уничтожены..., то большевизм лишится своей главной опоры, и его дни будут сочтены» [61].

Готовя десант в Финляндию, германское командование решило захватить в первую очередь ледоколы Балтийского флота, чтобы лишить русские корабли возможности уйти из финских баз и использовать захваченные ледоколы для обеспечения высадки своего десанта. Осуществлять этот замысел германским империалистам усиленно помогали финские и русские контрреволюционеры, как на кораблях, так и в штабе. При их помощи немцам удалось захватить ледоколы «Волынец», «Тармо» и «Черноморский № 1».

Захват ледокола «Тармо» произошел при следующих обстоятельствах. 20 марта на ледокол пробрались восемь белогвардейцев, в том числе упомянутый выше бывший лейтенант русского флота Роос. Участвовавшие в заговоре — командир ледокола Кауппи, два штурманских офицера, старший механик и плотник (все финны) — спрятали прибывших в каютах. Утром 21 марта на ледокол прибыли под видом русских инженеров глава финского контрреволюционного правительства Свинхувуд и сенатор Кастрен. Не возбудив ничьих подозрений, «Тармо» с подложным предписанием Совкомбалта вышел в море и взял курс на Ревель. Днем по сигналу спрятавшиеся на ледоколе белогвардейцы выскочили из кают, арестовали всех русских и красных финнов и заключили их под стражу. «Тармо» под финским флагом прибыл в Ревель и поступил в распоряжение германского командования. Команда была заключена в тюрьму. На ледоколе были спешно установлены пушки, и вскоре он приступил к активным действиям против советских кораблей [62].

Таким же предательским способом был захвачен ледокол «Волынец». Он вернулся из Кронштадта в Гельсингфорс 23 марта и произвел погрузку угля. 29 марта на ледокол под видом рабочих промерной партии прибыли 50 белогвардейцев. Имея подложное предписание Совкомбалта о высадке «рабочих» у маяка Грохара, командир ледокола изменник Юхневич повел корабль в море. Выйдя из гавани, белогвардейцы и участвовавшие в заговоре офицеры и часть команды из белофиннов и белоэстонцев внезапно обезоружили и арестовали всех русских. По прибытии в Ревель русским матросам было предложено перейти на службу к белогвардейцам. Все они единодушно отказались и были брошены в концлагерь [63].

Захват наиболее мощных после «Ермака» ледоколов значительно облегчил немцам и белофиннам высадку десантов на северное побережье Финского залива и чрезвычайно затруднил проведение операции по перебазированию флота.

Значительно осложнило дальнейшее проведение операции то обстоятельство, что, в связи с проведенной в конце марта реорганизацией управления Балтийским флотом, на руководящие посты пробрались представители контрреволюционного офицерства, которые всеми силами стре-

---

[61] Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», т. II, ф. перев. папка I, д. 3, лл. 101—105.

[62] В ряде статей о «Ледовом походе» захват «Тармо» ошибочно относится ко 2 апреля, что опровергается архивными материалами. См., например, ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918 г., д. 20, л. 31.

[63] ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918 г., д. 61, лл. 37—40.

мились облегчить немцам захват Балтийского флота. 23 марта, на основании решения Совнаркома, приказом по Балтийскому флоту был введен новый порядок управления флотом. Согласно этому приказу, командование флотом вверялось начальнику морских сил Балтийского моря и главному комиссару. Совещательными органами были Совет флагманов при начальнике морских сил и Совет комиссаров из 17 лиц при главном комиссаре. Исполнительным органом являлся штаб Балтийского флота. 29 марта Совет Народных Комиссаров утвердил «Временное положение об управлении Балтийским флотом», которым определялся порядок управления флотом в соответствии с указанной реорганизацией [64].

Исполняющим должность начальника морских сил Балтийского моря с правами командующего флотом был утвержден капитан 1-го ранга А. М. Щастный, избранный Советом флагманов Балтийского флота 24 марта 1918 г. Будучи до этого начальником штаба Балтийского флота, Щастный тщательно скрывал свою изменническую контрреволюционную деятельность, изображая из себя честного специалиста, перешедшего на сторону революции. Он сумел втереться в доверие к руководителям флота и обмануть бдительность комиссаров и коммунистов. В этом, повидимому, ему помогали Троцкий и его ставленники в центральных органах управления флотом. Предатель Щастный пробыл на посту начальника морских сил Балтийского моря до мая 1918 г., когда он был разоблачен в связи с попыткой организации контрреволюционного мятежа минной дивизии (уже после завершения «Ледового похода») и предан суду революционного трибунала. Революционный трибунал при ВЦИК признал доказанным, что Щастный «сознательно и явно подготовлял условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своей деятельностью восстановить матросов флота и их организацию против постановлений и распоряжений, утвержденных Советом Народных комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом». По приговору революционного трибунала в июне 1918 г. Щастный был расстрелян [65].

Таким образом, своеобразие последующих этапов операции по перебазированию флота на Кронштадт состояло в том, что операция проводилась в обстановке преодоления тайного и явного сопротивления командующего флотом и других врагов, занимавших важные посты в органах управления флотом и руководящих проведением операции. Комиссарам и коммунистам приходилось во многих случаях действовать вопреки распоряжениям Щастного и его сообщников.

Обстановка осложнялась еще тем, что, наряду с мероприятиями по обеспечению эвакуации кораблей, Совкомбалту приходилось много внимания уделять эвакуации многочисленного ценного имущества, сосредоточенного в портах Финляндии, а также свертыванию и эвакуации развитой системы береговых батарей и других объектов береговой обороны Финского залива.

12 марта, в день выхода первого отряда кораблей из Гельсингфорса, Совкомбалт отдал приказ о немедленной эвакуации и приведении в небоеспособное состояние береговых батарей на островах Руссарэ, Хестэ-Бюсэ и Макилуото [66]. Одновременно, в связи с угрозой внезапного вторжения германских войск в Финляндию, коменданту Свеаборгской крепости было приказано немедленно «подготовить к уничтожению склады, артиллерию

[64] Систематический указатель постановлений, изданных по НК по морским делам, стр. 263.
[65] См. отчет о процессе Щастного — «Правда», № 124 и 125, от 21 и 22 июня 1918 г.
[66] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 380, лл. 568, 582.

и боевые запасы и инженерные сооружения, чтобы в случае надобности взорвать их» [67].

Эти мероприятия были нужными и своевременными, так как данные разведки определенно подтверждали усиленную подготовку германского командования к высадке десантов в Финляндию. В этой связи следует рассматривать и директиву Высшего Военного Совета, отданную телеграфом Народному комиссариату по морским делам 13 марта 1918 г. и предусматривавшую необходимость «при первой возможности безотлагательно сосредоточить большой и малый флот Балтийского моря в районе Кронштадта» [68].

Во исполнение директивы Высшего Военного Совета Морской генеральный штаб 20 марта 1918 г. направил командованию Балтийским флотом указания, конкретизировавшие директиву от 17 февраля по перебазированию флота в Кронштадт [69]. Эти указания уточняли последующие этапы проводимой операции (немедленный вывод всех кораблей, способных двигаться во льду и вывод остальных с открытием навигации). При этом, ввиду угрозы захвата баз флота германскими частями, подтверждалась задача подготовки к уничтожению кораблей и имущества, но при непременном условии применения этой меры лишь в самом крайнем случае [70].

Таким образом, ясных руководящих указаний у командования флотом было достаточно. Однако вместо того, чтобы организовать выполнение поставленных задач, предатель Щастный и его подручные делали все от них зависевшее, чтобы сорвать их выполнение.

Одним из средств, которое использовали враги с этой целью, является срыв ледокольного обеспечения проводимой операции. Захват ледоколов «Тармо» и «Волынец», произведенный почти одинаковым способом, свидетельствует о прямом участии в этом преступлении Щастного и его сообщников: после захвата «Тармо» 21 марта не было принято никаких мер к обеспечению охраны других ледоколов, что позволило врагам через восемь дней, почти аналогичным способом, без всяких затруднений, захватить ледокол «Волынец». Следующий по мощности ледокол «Трувор», имея пробоину, стоял на стапелях и в течение многих месяцев не ремонтировался, хотя Совет Народных уполномоченных Финляндии еще 6 марта 1918 г. сообщал о возможности постановки «Трувора» в заводской док для ремонта [71]. Ледокол «Пурга» всю зиму бездействовал вследствие поломки винта, хотя имевшийся запасной винт мог быть установлен в течение 3—5 дней. Ледокол «Артиллерист» использовался только для связи с Свеаборгской крепостью. Ледокол «Черноморский № 3» был посажен на мель, и никаких мер для снятия его командование флотом не предпринимало [72].

---

[67] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 380, л. 527.

[68] Центральный военно-морской музей, фотофонд, негатив № 2224.

[69] ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918 г., д. 31, л. 31.

[70] Еще 2 марта 1918 г. командованию Балтийским флотом была направлена секретная директива, по которой предлагалось создать надежную секретную организацию для уничтожения имущества и кораблей, в случае угрозы захвата их противником. При этом в директиве усиленно подчеркивалась необходимость принятия всех мер предосторожности, чтобы не допустить преждевременного, без действительно крайней необходимости, уничтожения кораблей и имущества (ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918 г., д. 86, лл. 6—8).

[71] И. Яковлев. Ледовый поход торгового флота — «Морской сборник», 1935, № 4, стр. 108. (Здесь ледокол «Черноморский № 3» ошибочно назван «Черноморец»). См. также ЦГАВМФ, ф. Р-306, 1918 г., д. 3, л. 58.

[72] И. Яковлев. Указ. статья, стр. 108.

В Кронштадте также действовали враги. Только сознательным вредительством можно объяснить задержку там ледоколов «Огонь» и «Ермак». Последний, несмотря на неоднократные и настойчивые требования о срочном выходе в Гельсингфорс, был использован для проводки крейсеров из Кронштадта в Петроград, что ни в коей мере не могло быть более срочным и важным делом, чем перевод флота из Гельсингфорса в Кронштадт [73].

Еще 23 марта оперативный отдел Совкомбалта, сообщая о готовности второго отряда кораблей к переходу в Кронштадт и о прибытии ледокола «Волынец», просил ускорить высылку «Ермака» в Гельсингфорс [74]. Но «Ермак» вышел из Кронштадта в Гельсингфорс лишь 25 марта, когда Совкомбалт в третий раз потребовал высылки ледокола [75].

Вследствие очень тяжелого льда «Ермак» с большим трудом продвигался вперед, останавливаясь на ночевки с наступлением темноты. 27 марта «Ермак» продвигался вперед только в течение одного часа, а затем остановился до утра 29 марта. В этот день, находясь в 6,5 милях от острова Лавенсари, «Ермак» в 18 час. 40 мин. подвергся обстрелу из орудий береговых батарей острова [76].

Доложив по радио о случившемся и получив распоряжение следовать в Гельсингфорс, «Ермак» 30 марта, располагая курсы вне обстрела батареи Лавенсари, снова пошел в Гельсингфорс. В 6 милях к востоку от острова Соммерс, когда «Ермак», будучи затерт льдами, производил перекачку балласта, чтобы следовать дальше, к ледоколу приблизилась с белым флагом группа белофиннов из 4 человек, предложив послать делегатов «Ермака» на Лавенсари для переговоров. Цель белофиннов состояла в том, чтобы, задержав переговорами ледокол, организовать в это время его захват. Не вступая в переговоры, «Ермак» дал ход и с наступлением тёмноты остановился у маяка Соммерс.

На следующий день, 31 марта, будучи в 6 милях от северной оконечности Гогланда, «Ермак» был обстрелян ледоколом «Тармо», который, ведя огонь на 50—60 кабельтовых, в 9 час. 25 мин. произвел около 8 выстрелов, ложившихся с недолетами до 20—30 кабельтовых. Имея лишь 47-миллиметровые пушки, «Ермак» был вынужден повернуть на обратный курс.

Около 23 час. из Гельсингфорса на выручку «Ермака» был отправлен крейсер «Баян» в сопровождении малых ледоколов «Силач» и «Город Ревель». Однако уже в 5 час. утра «Баян» и сопровождавшие его ледоколы были вынуждены возвратиться в Гельсингфорс, так как во льду начали образовываться трещины и крейсер стало сносить на камни, а слабые ледоколы не могли ничего сделать. Ввиду этого «Ермаку» было приказано вернуться в Кронштадт, откуда он должен был снова следовать в Гельсингфорс в сопровождении крейсера [77].

1 апреля «Ермак» вернулся в Кронштадт и снова был задержан здесь до 5 апреля, когда в сопровождении крейсера «Рюрик» вышел навстречу уже двигавшемуся во льдах второму отряду кораблей.

Таким образом, захват «Тармо», «Волынца», обстрел и попытка захвата «Ермака», задержка его в Кронштадте — все это были последовательные вражеские мероприятия, имевшие целью сорвать ледокольное обеспечение операции и этим задержать флот в Гельсингфорсе до прихода

[73] ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918 г., д. 31, л. 17.
[74] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 380, л. 606.
[75] ЦГАВМФ, ф. Р-94, оп. 1, 1918 г., д. 376, л. 19.
[76] ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918 г., д. 2094, лл. 46—50.
[77] ЦГАВМФ, ф. Р-92, 1918 г., д. 380, л. 759.

туда немецких частей. Теперь Щастный хотел использовать момент, чтобы добиться полного срыва операции. 31 марта Щастный, донося в Морской Генеральный штаб об обстреле «Ермака» и уходе «Волынца» к немцам, писал: «Ввиду этих причин в данный момент совершенно невозможна эвакуация судов из Гельсингфорса». Этим самым Щастный добивался отмены директивы о переводе флота в Кронштадт и предлагал заняться переговорами с немцами, чтобы «выяснить инцидент с «Тармо» и добиваться возвращения «Волынца»», для чего советовал послать в Ревель новый кадр команды [78]. Намерения Щастного становятся еще более понятными, если учесть, что в этот же день в Гельсингфорсе были получены сведения о том, что «немецкие миноносцы и тральщики зондировали в направлении Ганге, подойдя на очень близкое расстояние» [79]. Было совершенно очевидно, что немцы готовят высадку своих войск в Финляндии, о чем Щастному было хорошо известно по данным разведки и по обильно разбрасывавшимся в Гельсингфорсе немецким листовкам. Щастный намеревался дезориентировать высшее военное руководство и Советское правительство и путем переговоров выиграть время, необходимое немцам для высадки и захвата Балтийского флота.

Изменники, находившиеся в штабе флота, умышленно игнорировали получаемые штабом данные об обстановке. Так, например, несмотря на чрезвычайно важные сведения о действиях немецких тральщиков и миноносцев у Ганге, полученные еще в последних числах марта, штаб и командование не приняли никаких действенных мер для уточнения этих сведений, выяснения намерений противника и для обеспечения безопасности или вывода находившихся в Ганге кораблей и частей. Лишь 1 апреля оперативной частью штаба было дано приказание командиру ледокола «Город Ревель» срочно выйти в Ганге и привести оттуда 4-й дивизион подводных лодок и транспорт «Оланд» [80]. Но было уже поздно. Выйдя только утром 2 апреля в Ганге, ледоколы «Силач» и «Город Ревель» на следующий день обнаружили на подходах к Ганге германскую эскадру и были вынуждены вернуться обратно [81].

2 апреля Совкомбалт доносил в Коллегию Морского комиссариата: «Доводим до сведения, что командованием Балтийского флота отдано распоряжение военным властям в Ганге взорвать суда, стоящие там, в случае действительно агрессивных действий со стороны немцев, но после того, как будет выяснено с нашей стороны, посредством посылки делегации при приближении немцев, относительно их намерений» [82].

А в Ганге между тем, по описанию очевидца, произошло следующее [83]. «В ночь со 2-го на 3 апреля большой отряд германских судов подошел ко входу и в течение всей ночи производил траление фарватеров. Появление тральщиков в предыдущие дни, налет аэропланов и другие тревожные признаки давали уверенность, что готовится какая-то операция. Поэтому были потребованы ледоколы для вывода наших судов в Гельсингфорс, но до Ганге дойти они не успели. К рассвету выяснилось, что у немцев ведется совершенно правильно организованная десантная операция. Впереди шли тральщики, по временам производившие взрывы для простейшего уничтожения мин заграждения. За ними виднелись три больших военных транспорта. Операция велась в полном порядке под прикрытием двух

---

[78] ЦГАВМФ, ф. Р-92, 1918 г., д. 380, л. 759.
[79] Там же, д. 758.
[80] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 376, л. 25.
[81] ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918 г., д. 2703, лл. 47 об.—48.
[82] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 380, л. 758.
[83] Ш. Занятие германцами Ганге — «Огонек», № 8, 28 апреля 1918 г.

дредноутов типа «Позен» и крейсеров. Вел немецкую эскадру наш же ледокол «Волынец» [84].

Мы имели категорическое приказание ни в коем случае не открывать военных действий. Да и что могли сделать замерзшие во льду подводные лодки против дредноутов? Нам оставалось одно: не даться врагу, уничтожить свои суда. Думать, что немцы явились только для оказания помощи финским белогвардейцам и нас не заберут, было бы наивно.

С тяжелым чувством начали мы готовить наши подводные лодки к взрыву и свозить имущество, которое можно было захватить с собой. Чувство горькой обиды овладело душой каждого... Многие с трудом скрывали слезы.

...Началась высадка немцев на о-в Руссарэ. «Волынец» и ближайшие за ним суда уже подходили к гавани. Наступил решительный момент. Мы зажгли фитили и побежали на горку, чтобы послать последнее «прости» дивизиону. Первым взорвался наш транспорт.

Немецкий аэроплан был так низко, что его резко бросило, и он только-только не перевернулся.

Затем по очереди взлетели на воздух лодки [85]. Взрывы были так сильны, что один кусок стали, около квадратной сажени величиной, пролетел сажен 200 и упал рядом со станцией, по счастью никого не задев. Вслед затем мы подожгли здание службы связи с находившейся там морской телефонной станцией и уехали в Гельсингфорс. Через полчаса в гавань вошел первый из транспортов, и город был занят немцами».

Таким образом, в то время как для рядового участника событий не было никаких сомнений в характере намерений немецких интервентов, командование флотом проявило преступную беспечность и бездействие, результатом чего явилась утрата ценных боевых кораблей.

Десант немецких войск в Ганге перевозился эскадрой под командованием контр-адмирала Майрера, состоявшей из 30 кораблей и транспортов, сопровождаемых 10 тральщиками и ледоколом, и обеспечивался воздушной разведкой не только района высадки, но и района Гельсингфорса. С кораблей была высажена так называемая Балтийская дивизия (3 стрелковых батальона, 3 конных полка и несколько артиллерийских батарей, общей численностью около 13 тыс. человек) под командованием уже стяжавшего себе известность палача прибалтийских народов фон дер Гольца.

Высадка немецких войск в Финляндии коренным образом изменяла условия проведения операций по переводу флота в Кронштадт. Опасность захвата флота германскими империалистами из потенциальной превратилась в весьма реальную. Единственная возможность спасения флота состояла в немедленном выводе кораблей из баз, находившихся на территории Финляндии.

Однако Щастный и его сообщники, имея ясные и четкие директивы о немедленном выводе флота из Гельсингфорса, всячески срывали выполнение этой задачи. После высадки немцев в Ганге Щастный попрежнему стремился дезориентировать высшее военное руководство и Советское правительство, предлагая вступить на путь переговоров с немцами для

[84] По другим данным, это был ледокол «Сампо», захваченный белофиннами еще в январе 1918 г. (ЦГАВМФ, ф. Р-8, 1918 г., д. 19, л. 34).

[85] Были взорваны подводные лодки 4-го дивизиона «АГ-11», «АГ-12», «АГ-15» и «АГ-16» и транспорт «Оланд», служивший базой подводных лодок. Кроме этих кораблей, в Ганге были оставлены тральщики «Алеша-Попович», «Поток Богатырь», «Добрыня», «Святогор», гидрографическое судно «Посыльный», посыльное судно «Гриф», ледокол «Садко». Все они были захвачены Финляндией (ЦГАВМФ, ф. Р-42, 1918 г., д. 17, л. 128).

«выяснения» их намерений. Как далеко заходил Щастный в своей «неосведомленности» и «наивности» в отношении намерений немецких войск видно из того, что он отдал приказ оставить в Ганге, не взрывая, тральщики, ледоколы и другие корабли, «чтобы по ним определить на время намерение немцев»![86]. Цель была ясна: переговоры нужны были для того, чтобы предоставить немцам благоприятные возможности для захвата флота.

Другой способ, к которому прибег Щастный для того, чтобы лишить Советскую Россию флота, состоял в попытке уничтожить корабли путем взрыва под предлогом невозможности их спасения. 3 апреля, сообщая Коллегии Морского комиссариата и Морскому генеральному штабу о высадке немцев в Ганге, Щастный телеграфировал: «В ночь на 3 апреля внезапно [!?] обнаружено движение немцев с моря на Ганге. По донесению наподива (начальника дивизиона подводных лодок.— *Н. К.*), приготовляющегося к эвакуации из Ганге подлодок, на рассвете к 6 часам утра на рейд Ганге подходит около тридцати кораблей... Наподиву отдано приказание взорвать подлодки и наши тральщики и отступать из Ганге. В 9 часов утра собираю военный совет. Необходимо срочное вмешательство центральной правительственной власти в действия немцев и получение указаний как быть с флотом в Гельсингфорсе. За отсутствием ледоколов суда выводить нельзя...» [87].

Обращает на себя внимание полная лживость этого документа. Как было показано выше, приход немцев в Ганге не был для Щастного внезапным (следует еще учесть, что у Щастного была прямая телефонная связь с Ганге). В то время как начальник дивизиона подводных лодок хотел их спасти и готовил к уводу из Ганге, Щастный отдал приказ взорвать лодки, не приняв никаких мер к их спасению. Щастный лгал так же, сообщая, что он отдал приказание взрывать и тральщики, так как в приведенном выше документе он сам признается, что по его приказу тральщики и другие корабли были оставлены в Ганге, чтобы «по ним определить намерения немцев». Кроме того, имея ясные указания директивы Морского генерального штаба от 20 марта о срочном переводе кораблей из Гельсингфорса, Щастный все же снова просит указаний, «как быть с флотом в Гельсингфорсе», рассчитывая, что ему будет дано распоряжение об уничтожении флота. С этой же целью Щастный повторяет свое мнение, сообщенное им уже 31 марта, о невозможности вывода кораблей из Гельсингфорса.

Ориентируя высшее командование на необходимость и неизбежность принятия решения об уничтожении кораблей, Щастный немедленно предпринимает практические шаги к подготовке этого злодейского замысла. В тот же день, 3 апреля, он созывает совет флагманов, в котором было немало его подручных. Совет флагманов, обсудив положение в связи с высадкой немцев в Ганге, решил:

«1) «Республика», «Андрей Первозванный», «Баян» и «Олег» по готовности малых ледоколов должны быть посланы в Кронштадт...

2) Минной дивизии, подводным лодкам, заградителям и судам минной обороны постепенно выходить на рейд.

Всем этим судам быть готовым к взрыву.

3) Тралартели [88] поднять коммерческие флаги, но, в смысле управления, кораблям, фактически туда не переданным, оставаться в распоряжении натрадив (начальника дивизии траления.— *Н. К.*).

---

[86] ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918 г., д. 93, л. 65.

[87] ЦГАВМФ, ф. Р-92, 1918 г., д. 380, лл. 632—633.

[88] Тралартель — «Трудовая артель работающих по делу траления мин» была организована на правах частной организации в начале марта 1918 г. главным образом из

4) Транспортов к уничтожению не готовить. Временно желательно передать их в руки частных владельцев, так как в данное время таковая собственность уважается германцами более, нежели национальная...» [89].

Фактически этим постановлением Совет флагманов предлагал уничтожить весь флот, кроме кораблей, входивших в состав 2-го отряда, решение об отправке которого в Кронштадт было принято Совкомбалтом еще 17 марта. Кроме того, как будет выяснено далее, поднятие на кораблях Тралартели коммерческих флагов и передача транспортов частным лицам являлось средством захвата этих кораблей немцами и белофиннами.

На совместном заседании Совета флагманов и Совета комиссаров, состоявшемся на следующий день, 4 апреля, решение о передаче транспортов в руки частных лиц было, под влиянием комиссаров, значительно изменено, а именно: было решено продать транспорты «русской фирме», причем «непременным условием должно быть сохранение их в дальнейшем в распоряжении Российской Республики». «Передать эту резолюцию,— говорилось далее в решении,— для утверждения в Совет Народных Комиссаров, определив срок ответа сегодня в полночь, при неполучении такового поступать согласно резолюции самостоятельно». Заседание приняло к сведению информацию о том, что все госпитальные суда уже переданы «под покровительство датского правительства».

В отношении недостроенных кораблей было решено: «Суда не взрывать, оставить их во владении заводов, с тем чтобы впоследствии или вернуть выданные казной авансом за них деньги, или, доплатив остальную сумму, принять с заводов». Далее, совещание решило: «В случае если представится надобность в уничтожении кораблей, на «Кречете», на мачте Службы связи поднимается сигнал: днем — три красных флага, ночью — три красных огня» [90].

При оценке этого решения можно сделать вывод, что, хотя по настоянию комиссаров, в решении о транспортах было оговорено непременное сохранение их за Советской республикой, фактически контрреволюционный Совет флагманов сохранил в силе свое решение от 3 апреля, так как внесенное в это решение изменение было простой формальностью, не подкрепленной никакой практической возможностью обеспечить его соблюдение. Обращает на себя также внимание, что для получения ответа Совета Народных Комиссаров назначался крайне малый срок, что фактически сводило на нет поправку, внесенную комиссарами в решение о транспортах.

Не проявили комиссары достаточной бдительности и в вопросе о передаче госпитальных судов под «покровительство» Дании, об оставлении недостроенных кораблей заводам и о сигнале для взрыва. Передача Дании госпитальных судов, частью принадлежавших до войны Восточно-Азиатскому пароходству, главными акционерами которого были датские капиталисты и бывшая императрица Мария Федоровна, проживавшая в то время в Дании, неизбежно вела к потере этих кораблей для Советской республики. То же самое означало на деле оставление недостроенных кораблей заводам. Решение о сигнале для взрыва, не предусматривавшее никаких мер предосторожности, давало возможность злоумышленникам вызвать уничтожение кораблей поднятием указанных сигналов.

личного состава дивизии траления, с целью уничтожения минных и противолодочных заграждений на Балтийском море. Тралартели были переданы 18 миноносцев, 8 тральщиков, 11 сторожевых и другие корабли.

[89] ЦГАВМФ, ф. Р-96, 1918 г., д. 1, л. 22—22 об.

[90] Там же, л. 23.

Принятые на заседаниях 3 и 4 апреля решения были одобрены Щастным, который сообщил о них в Морской генеральный штаб 5 апреля [91], надеясь, что они будут одобрены. Но эти надежды не оправдались. Советское правительство 6 апреля отклонило вредительское предложение о фиктивной продаже флота и приняло решение о немедленном выводе флота из Финляндии. Это решение было выполнено героическими усилиями матросских масс, и преступные замыслы врагов были сорваны.

Высадка немецкого десанта в Ганге была воспринята матросскими массами как величайшая угроза флоту Советской родины. Руководимые коммунистами, матросские массы все усилия направили на обеспечение скорейшего выхода кораблей в Кронштадт. В результате героических трудов команд почти все корабли, назначенные к переходу в составе второго отряда, были готовы к выходу в море уже к 23 марта. Обстановка, сложившаяся в связи с вторжением в Финляндию немецких интервентов, не позволяла откладывать выход кораблей далее. Поэтому Совкомбалт решил, не ожидая «Ермака», срочно отправить в Кронштадт второй отряд кораблей, в состав которого были включены линейные корабли «Республика», «Андрей Первозванный», крейсера «Олег» и «Баян» и подводные лодки «Тур», «Тигр» и «Рысь».

В дни, предшествовавшие выходу в море, на кораблях шла лихорадочная работа. «Дни и ночи,— вспоминает участник этого перехода на «Андрее Первозванном»,— грузили мы на борт ящики с винтовками, патронами, консервы, муку, станки, автомобили, самолеты. На палубе и надстройках не было свободного места. Оставалось лишь пространство для разворота башен. Для укомплектования корабля мы приняли к себе до 400 человек гарнизона Свеаборгской крепости и других частей. Командного состава на линкоре было всего 12 человек, из них 5 механиков и один врач» [92].

«Наша «Республика»,— сообщает в своих воспоминаниях механик этого корабля,— приняла в свой трюм 2000 пудов сахара и такое же количество муки, а также большое количество военного имущества... Во время аврала не жалели себя... Такое же приготовление шло и на остальных кораблях» [93].

С утра 4 апреля корабли второго отряда при помощи портовых ледоколов «Силач» и «Город Ревель» стали выходить на внешний рейд Гельсингфорса. На следующий день они начали переход в Кронштадт. Условия, в которых происходил переход второго отряда, были значительно тяжелее, чем во время перехода первого отряда. Начались весенние передвижки льда, вызывавшие образование громадных торосов. Даже крейсера с трудом пробивали себе дорогу, а подводным лодкам с их слабыми корпусами было особенно трудно. Сначала лодки шли самостоятельно, а затем — на буксирах. Маломощные ледоколы не в состоянии были обеспечить проводку каравана, и роль ледокола пришлось взять на себя флагманскому линейному кораблю «Андрею Первозванному», имевшему мощный таран.

Но и для линейного корабля эта задача была очень трудной. «Толстый лед,— рассказывает участник похода на этом корабле,— с трудом поддавался даже 19-тысячетонному линкору, шедшему под всеми 25 котлами. Приходилось останавливаться, отрабатывать назад и затем с разгона рас-

---

[91] ЦГАВМФ, ф. Р-28, 1918 г., д. 19, лл. 33—34.

[92] К. Хонин. Немецкие интервенты просчитались — «Красный флот», от 12 апреля 1938 г.

[93] Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», ф. рукоп., т. II, д. 35, л. 2.

калывать ледяное поле. После такого удара поле раскалывалось, и видно было, как далеко бежала извилистая трещина, раздвигаемая мощным корпусом корабля. Все время приходилось следить за тем, чтобы линкор, идя по трещине и следуя ее извивам, не отходил от курса. Поэтому, идя по трещине, мы стопорили машины, разворачивались на курс и кололи ледяное поле в направлении курса... Итти было трудно, так как ночью не было видно трещин. Корабль внезапно начинал катиться в сторону, и сдерживать его рулем было невозможно. За ночь же можно было сойти с курса на несколько миль» [94].

За шесть ходовых часов 5 апреля отряд прошел только до маяка Грохара (около 6 миль), где остановился на ночевку.

На следующий день подводная лодка «Рысь», получившая повреждение корпуса, вынуждена была вернуться в Гельсингфорс. Остальные корабли продолжали двигаться вперед, ведя тяжелую борьбу со льдом. К 19 час. 7 апреля отряд дошел до острова Родшер. Здесь льды оказались настолько плотными, что отряд не был в состоянии продолжать путь. Корабли остановились и по сигналу с флагманского корабля загребли жар в топках.

Трудности похода второго отряда этим не ограничивались. Напряженная обстановка, в которой происходил переход, заставляла принимать особые меры предосторожности. По ночам море освещалось прожекторами с финского берега. Не исключалась возможность враждебных действий со стороны германского флота, располагавшего теперь сильными ледоколами. Корабельные радиостанции принимали сигналы близко работающих радиостанций германских кораблей.

Около 21 часа 7 апреля сигнальщики крейсера «Баян» обнаружили огни спешивших на выручку ледокола «Ермак» и сопровождавшего его крейсера «Рюрик» [95], вышедших в Гельсингфорс из Кронштадта одновременно с выходом второго отряда из Гельсингфорса. Лед был столь тяжелым, что «Ермак» пробивался с трудом и к вечеру 6 апреля дошел только до о. Сескар [96].

7 апреля, продолжая продвигаться в тяжелом льду, «Ермак» в 10 час. 40 мин. снова подвергся обстрелу 6-дюймовых батарей Лавенсари. Было произведено 10—12 выстрелов с большим недолетом. По радио с Лавенсари на немецком языке было передано: «Рюрику» немедленно вернуться в Кронштадт, иначе откроем огонь из всех орудий» [97].

Обстрел «Ермака» и угрозы «Рюрику» преследовали цель спровоцировать ответный огонь, чтобы, создав конфликт, обвинить Советское правительство в нарушении условий мира и этим развязать себе руки для агрессивных действий. Одновременно немецкая военщина и белофинны хотели запугать советских моряков, заставить крейсер уйти, чтобы затем попытаться захватить «Ермак». Однако провокация немецких интервентов не удалась. Несмотря на глубокое возмущение, охватившее советских моряков в связи с наглыми действиями немцев, они сохранили выдержку и самообладание. Не обращая внимания на продолжавшийся еще некоторое время обстрел, «Ермак» и «Рюрик», обойдя Лавенсари на расстоянии 90—120 кабельтовых, продолжали следовать к месту стоянки второго отряда и около 23 час. остановились у о. Гогланда.

Утром 8 апреля «Ермак» и «Рюрик» подошли к кораблям второго

---

[94] К. Хонин. Немецкие интервенты просчитались — «Красный флот», от 12 апреля 1938 г.

[95] ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918 г., д. 663, лл. 89—95.

[96] Там же, д. 2094, лл. 52 об.—53 об.

[97] ЦГАВМФ, ф. Р-418, 1918 г., д. 23884, лл. 194—195.

Зак. 1310

отряда, взломали лед и, освободив корабли, повели их вперед. Ледовая обстановка продолжала оставаться тяжелой. То один, то другой корабль застревал во льду, и тогда «Ермак» спешил на помощь, выручая застрявшего, и снова отряд шел вперед.

С наступлением темноты отряд останавливался на ночевку. В ночь на 9 апреля крейсер «Олег» течением начало наваливать на корму крейсера «Баян». Авария была предотвращена подводной лодкой «Тигр», которая отбуксировала «Олега» от борта «Баяна».

Героические моряки преодолели все трудности. В полдень 10 апреля все корабли второго отряда вошли в гавань Кронштадта [98].

Переход второго отряда еще раз подтвердил полную возможность плавания во льдах боевых кораблей даже с такими слабыми корпусами, как у подводных лодок, при условии обеспечения хотя бы одним мощным ледоколом. Вместе с тем было выяснено, что слабые ледоколы не в состоянии были бороться с тяжелыми льдами и сами нуждаются в помощи мощного ледокола.

Успешным переходом второго отряда кораблей был завершен еще один важный этап операции. Теперь все линейные корабли и крейсера были перебазированы в Кронштадт. Это была большая победа над силами иностранных империалистов и внутренней контрреволюцией.

VI

После ухода второго отряда из Гельсингфорса здесь оставалось еще большое число кораблей: более 50 миноносцев, 10 подводных лодок, более 60 транспортных и большое число сторожевых вспомогательных кораблей, а также громадные запасы военного имущества. Перевод этих кораблей в Кронштадт составил следующий, наиболее трудный этап операции по перебазированию флота.

Условия проведения этого этапа были особенно сложными и неблагоприятными. Быстро продвигаясь по северному берегу Финского залива, германские войска создавали непосредственную угрозу захвата Гельсингфорса и других баз с суши. Наличие в море сильной германской эскадры, располагавшей мощными ледоколами, представляло для немцев широкие возможности срыва операции по перебазированию оставшихся в Финляндии кораблей.

Трудность положения, в котором оказался Балтийский флот, усилила стремление не только немцев и белофиннов, но и прочих империалистических сил к захвату или уничтожению оставшейся в Финляндии части флота.

Резко активизировали и усилили свою враждебную деятельность и контрреволюционные элементы внутри флота.

В отличие от предыдущих этапов, данный этап операции характеризуется напряженной дипломатической борьбой между Советской республикой и Германией. Это обстоятельство не учитывалось авторами работ о «Ледовом походе», которые при описании перехода третьего отряда либо умалчивали об этом, либо ограничивались сжатым изложением неправильной трактовки, данной в первой по времени статье П. Д. Быкова о «Ледовом походе».

В целях облегчения захвата флота Щастный использовал и свое право вести непосредственные дипломатические переговоры с германским командованием [99], в результате которых условия базирования флота

[98] ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918 г., д. 663, лл. 96—99.

[99] Это право было предоставлено Щастному «Временным положением об управлении Балтийским флотом», утвержденным Совнаркомом 29 марта 1918 г. Согласно ст. X

в Финляндии были значительно ухудшены по сравнению с теми, которые были определены условиями Брестского мира. Это заставляет думать, что среди членов делегации, посланной в Ганге, были пособники Щастного, действовавшие в тайном сговоре с ним.

Решение о вступлении в переговоры с германским командованием было принято 2 апреля, т. е. еще до высадки германского десанта в Ганге[100]. Инструкция предписывала делегации потребовать от германского командования прежде всего «полной неприкосновенности флота и крепости на предмет планомерной эвакуации, согласно п. 6 мирного договора, а также и для личного состава судов, крепости и граждан русско-подданных» и свободы железнодорожного и морского пути на Петроград. Делегация должна была, далее, потребовать свободного плавания всех русских судов.

«В случае предоставления достаточной гарантии вышеозначенных требований,— говорилось в инструкции,— каковыми могут считаться, в случае вступления германцев в Гельсингфорс, оставление неприкосновенными рейдов, островов, крепости и территории порта и имущества рабочих, подлежащего эвакуации, поставить в известность германское командование, что флот не будет принимать никаких действий». В случае отрицательного ответа по первым пунктам или непредоставления достаточных гарантий «флот оставляет за собой свободу действий вплоть до таких мер, которые повлекут за собой угрозу целости города»[101].

В целом инструкция, несомненно, ориентировала делегацию на достижение соглашения, которое должно было обеспечить доведение до конца операции по перебазированию флота. Единственным ошибочным моментом в этом отношении было требование получить гарантию неприкосновенности флота со стороны немецких войск после вступления их в Гельсингфорс, что явно соответствовало желаниям самого немецкого командования. Однако, несмотря на это, в случае выполнения делегацией требований инструкции, соответствующее официальное соглашение в известной мере должно было бы затруднить агрессивные действия германских империалистов по отношению к флоту и создать благоприятные условия для дальнейших дипломатических шагов Советского правительства.

Но делегация не выполнила возложенной на нее задачи и по существу капитулировала перед германским командованием, подписав соглашение, исполнение которого могло повлечь за собой срыв операции по перебазированию флота и предоставить германским империалистам наиболее благоприятные условия для захвата флота.

Прежде всего следует отметить, что делегация, представлявшая главное командование флота Балтийского моря, т. е. вполне полномочная, согласилась вести переговоры с второстепенными лицами — с капитан-лейтенантом Клипом, в присутствии майора, представлявшего штаб германских сухопутных войск.

В результате переговоров 5 апреля делегации был вручен документ, подписанный начальником отряда особого назначения Балтийского моря,

---

Положения, начальнику морских сил предоставлялось право, по соглашению с главным комиссаром, «по вопросам, связанным с интересами флота и вытекающим из сложившейся на Балтийском море особой обстановки, вступать в переговоры с германским военным командованием и финляндским правительством, руководствуясь при этом особой инструкцией и донося о переговорах Коллегии Морского комиссариата» (Систематический сборник постановлений, изданных по НК по морским делам, стр. 263).

[100] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 380, л. 758.

[101] ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918, д. 93, лл. 44—45.

контр-адмиралом Мейрером, ниже подписи которого члены делегации подписали следующий текст: «Вышеизложенное сообщение составлено на основании переговоров с нами руководителем переговоров капитан-лейтенантом Клип, штаб-офицером при адмирале Отряда особого назначения Балтийского моря, и мы считаем текст сообщения правильным».

Этот документ в нашей литературе до сих пор фигурирует почему-то под названием «гангутского (или гангеского) соглашения», хотя на самом деле его надо называть «гангутским ультиматумом», или «гангутской капитуляцией». Таковым он был не только по содержанию, но и по форме.

Содержание этого документа в основном сводится к следующему. Германский морской начальник в Ганге сообщал командующему русским флотом в ответ на его запрос, переданный комиссией Балтийского флота «и в согласии с ней», что он предоставит находящемуся в Гельсингфорсе русскому флоту и его личному составу «полную безопасность и защиту», если будет соблюден ряд условий, а именно: «с момента прибытия возвращающихся членов комиссии в Гельсингфорс не должно производиться никаких разрушений как на военных и торговых кораблях, так и в портовых сооружениях и береговых укреплениях». По прибытии германских сил на русских военных кораблях должны остаться «немногочисленные охранные команды. Береговые укрепления и морские сооружения очищаются русскими». Замки и прицелы всех орудий кораблей и береговых укреплений, а также зарядные отделения мин, подрывные патроны и т. п. должны были быть немедленно собраны на баржах и транспортах, которые должны быть в кратчайший срок поставлены на внешний рейд. Пункт 5-й требовал, чтобы по возвращении делегации в Гельсингфорс было бы немедленно начато «изготовление русских военных кораблей к долговременному хранению». Нормы охранных отрядов, включая и офицеров, устанавливались следующие: для линкоров — по 30 человек, для крейсеров — по 20, для кораблей типа «Новик» — по 10, для эсминцев — по 5, для подводных лодок — всего 30, для всех малых миноносцев и остальных малых кораблей — 50 и т. д. Четыре члена делегации, «по военным соображениям», оставались заложниками в Ганге до занятия Гельсингфорса германскими войсками [102].

Сравнение инструкции и подписанного делегацией «соглашения» с полной очевидностью показывает, что последняя полностью капитулировала перед немецким командованием. Вместо того, чтобы настаивать на выполнении немцами V и VI статей Брестского договора, в которых было зафиксировано право перехода русских кораблей на свои базы, делегация, вопреки данным ей полномочиям, подписала и приняла к исполнению такие требования, которые максимально облегчали германским империалистам захват оставшейся части флота: полнейшее разоружение кораблей и береговых укреплений, очищение последних, оставление на кораблях ничтожного количества безоружных людей и т. д.

«Соглашение» совершенно явно свидетельствовало о намерении немецких интервентов захватить Балтийский флот. Это полностью подтверждали и агентурные данные.

«Соглашение», заключенное в Ганге, весьма серьезно затруднило высшему командованию и Советскому правительству ведение дипломатической борьбы с германскими империалистами по спасению флота.

Еще 3 апреля, немедленно по получении от командования флотом сообщения о высадке немцев в Ганге, Коллегия Морского комиссариата

[102] ЦГАВМФ, ф. Р-42, 1918 г., д. 1, лл. 26—27.

обратилась в Народный комиссариат по иностранным делам с просьбой о срочном выяснении «путем сношения с германским правительством вопроса о неприкосновенности наших военных и торговых судов, находящихся в Гельсингфорсе, а равно и запасов и имущества флота и Свеаборгской крепости, сосредоточенных в этом городе, в случае занятия Гельсингфорса германскими войсками»[103]. На следующий день Народный Комиссариат по иностранным делам обратился к германскому правительству с телеграммой, в которой указывалось, что нарушение германским флотом 6-го пункта Брестского мирного договора и дальнейшее продвижение германских судов к Гельсингфорсу «может привести к последствиям, одинаково печальным для обеих сторон, подписавших мир в Бресте», и поэтому выражалась уверенность, что германским морским командованием «будет немедленно дано указание о согласовании своих действий с мирным договором»[104].

Германское правительство, информированное о подписании «соглашения» в Ганге, ответило новым ультиматумом от 5 апреля с требованием немедленного разоружения русского флота, которое «должно быть выполнено в течение одной недели, т. е. до 12 час. дня 12 апреля. Если к указанному сроку,— говорилось в ультиматуме,— это не будет исполнено, то германское правительство, совместно с Финляндией, сохранит за собой право принять надлежащие меры»[105]. Положив в основу своего ультиматума главное требование «соглашения», подписанного в Ганге, германское правительство настаивало на скорейшем приведении советских кораблей в небоеспособное состояние, исключавшее возможность их сопротивления, прямо угрожая принятием «надлежащих мер», в случае неисполнения своих требований.

Сложность положения Советского правительства заключалась в том, что оно должно было спасти флот и в то же время не дать повод германскому правительству развязать себе руки, нарушить Брестский мир и сорвать с таким трудом завоеванную и столь необходимую для Советского государства мирную передышку. Дело осложнялось еще и тем, что одновременно империалистами было предпринято две попытки ликвидации Балтийского флота — в Петрограде и в Гельсингфорсе.

В Петрограде такая попытка была предпринята английским правительством. 2 апреля начал свою работу съезд моряков торгового флота Балтийского моря. Как сообщает в своих воспоминаниях участник съезда П. Г. Кононов, британское правительство «в лице своего представителя мистера Стельп 4 апреля предложило съезду продать весь торговый флот, находящийся в Гельсингфорсе, Англии по высокой цене того времени, с возвратом после войны, если то будет нам угодно». После неудачных попыток связаться с Москвой, съезд поручил решить этот вопрос старейшинам съезда. Последние быстро приняли решение — флот не продавать, и в дополнение к этому решению съезд постановил немедленно послать в Гельсингфорс отряд моряков для срочного вывода судов в Кронштадт[106].

В Гельсингфорсе попытка использовать трудное положение, в котором оказался Балтийский флот в апреле 1918 г., была предпринята представителями белофинского правительства. 6 апреля к Щастному явилась делегация белофиннов в составе барона Индрениуса, директора лоцман-

[103] ЦГАВМФ, ф. Р-418, 1918 г., д. 24690, л. 7.
[104] «Морской сборник», 1918, № 9—10, стр. 194.
[105] Там же, стр. 195.
[106] Центральный военно-морской музей, рукописный фонд, рукопись инженера П. Г. Кононова «Ледовый поход», л. 5—6.

ского ведомства Финляндии, и бывшего капитана 2 ранга Графа, перешедшего к белофиннам. Они заявили, что хотят купить эсминцы типа «Новик», миноносцы, тральщики и минные заградители. Делегация сообщила при этом, что покупка производится для правительства белой Финляндии и что для ее осуществления организуется консорциум банков.

Вместо того, чтобы решительно отвергнуть это наглое притязание, Щастный предложил прислать для переговоров «полномочное представительство» белофинского правительства [107], рассчитывая, что его решение будет одобрено Советским правительством. Однако расчет этот оказался ошибочным. Рассмотрев 6 апреля этот вопрос, Совет Народных Комиссаров вынес решение не продавать состоящие при флоте вспомогательные суда частным фирмам. В тот же день соответственная директива была направлена командованию Балтийского флота и в копии — начальнику Морского генерального штаба [108]. Вопрос о спасении торговых судов, по которому Совет Народных Комиссаров принял приведенное решение, был частью обсужденного в том же заседании 6 апреля вопроса о спасении Балтийского флота в связи с германским ультиматумом от 5 апреля и создавшейся в Финляндии обстановкой. По этому вопросу Совет Народных Комиссаров принял постановление выполнить условия переданного по радио германского ультиматума от 5 апреля в соответствии со статьями 5 и 6-й мирного договора. Изложив это постановление, а также текст германского ультиматума, Коллегия Морского Комиссариата в своей директиве, отправленной 7 апреля в 7 час. 30 минут командованию Балтийского флота, приказывала:

«Во исполнение сего, Коллегия Морского Комиссариата приказывает безотлагательно приступить к выполнению вышеуказанного с таким расчетом, чтобы к 11 апреля эта работа была окончена. Снимаемые части надлежит отправить в Кронштадт или Петроград по вашему усмотрению.

Возможный увод судов из Гельсингфорса в Кронштадт продолжать» [109].

Таким образом, решения Совета Народных Комиссаров и отданные во исполнение их директивы Коллегии Морского комиссариата были направлены на дальнейшее проведение операции по перебазированию флота на Кронштадт. Усложнившиеся условия вынуждали Советское правительство отдать распоряжение о разоружении флота в соответствии с условиями Брестского мира, но это мероприятие рассматривалось в качестве крайней меры; ее надлежало применить лишь в отношении тех кораблей, которые не смогут быть уведены из Финляндии до истечения срока германского ультиматума, т. е. до 12 апреля.

Дальнейшая дипломатическая борьба проходила следующим образом.

С получением указанных выше директив командование Балтийским флотом в тот же день обратилось по радио к оставшимся в качестве заложников членам делегации в Ганге с требованием добиться пересмотра «соглашения». Что было предпринято членами делегации для выполнения этого указания — неизвестно. Очевидно, попытка, если она имела место, оказалась безрезультатной. Об этом свидетельствуют дальнейшие дипломатические шаги Советского правительства.

Начальник Морского генерального штаба Беренс в телеграмме от 8 апреля члену Высшего военного Совета Альфатеру просил последнего запросить Берлин — почему в 6-й статье германского текста Брестского

---

[107] ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918 г., д. 93, лл. 69—70.
[108] ЦГАВМФ, ф. Р-196, 1918 г., д. 2, л. 14.
[109] ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918 г., д. 93, лл. 76—77; д. 86, лл. 38—39.

договора пропущена фраза: «пока лед делает невозможным переход военных судов в русские порты, на них должны быть оставлены незначительные команды» (именно этот пропуск служил немецкому командованию формальным основанием для его ультиматума), а также срочно выяснить вопрос о флаге (красный флаг не был еще к тому времени юридически оформлен в соответствии с нормами международного права), чтобы не дать повод немецкому командованию выставить новые требования [110].

На следующий день Альфатер сообщил Беренсу, что Комиссариат иностранных дел послал германскому правительству соответствующую радиограмму, в которой энергично настаивал на соблюдении точного смысла 6-й статьи Брестского договора, включая и пропущенную фразу. Советское правительство требовало, чтобы германское правительство указало своему военно-морскому командованию в Ганге на «неправильность сделанных им русскому военно-морскому командованию предложений» [111].

В этот же день Беренс обратился к Альфатеру с просьбой доложить Советскому правительству о необходимости потребовать от германского правительства соответствующих гарантий безопасности перехода кораблей в Кронштадт, так как трудности ледовой обстановки могут привести к тому, что не все корабли к указанному немцами сроку (12 апреля) успеют оказаться вне территориальных вод Финляндии. 10 апреля Народный Комиссариат по иностранным делам направил германскому правительству радиограмму, в которой, сообщая о предстоящем переходе кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт, требовал, «чтобы со стороны германских военно-морских сил, находящихся в Финском заливе, не были бы произведены действия, препятствующие этому переходу русских судов» [112].

Все эти представления имели большое значение для спасения оставшейся части флота: убедившись в твердой позиции Советского правительства, немецкое командование не рискнуло стать на путь явного нарушения Брестского мира и предпринять открытое вооруженное противодействие переходу русских кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт и в дальнейшем не настаивало на точном соблюдении предъявленных Мейером в Ганге требований. Это было несомненным и важным успехом советской дипломатии и столь же явным и серьезным поражением германской дипломатии.

Высадка немецких интервентов в Ганге, создавшая грозную и непосредственную опасность захвата значительной части Балтийского флота, требовала принятия самых решительных и энергичных мер, чтобы довести до конца операции по перебазированию флота на Кронштадт. Именно такой вывод делало Советское правительство, оценивая создавшуюся обстановку в Финляндии. Принятые Советом Народных Комиссаров решения и директивы высшего командования, отданные во исполнение этих решений, ставили перед моряками Балтийского флота трудную, но ясную задачу — перевести возможно большее число кораблей и ценного имущества в Кронштадт до прибытия в Гельсингфорс немецких войск, а в отношении кораблей, состояние которых не позволяет совершить переход,— приступить к их разоружению в соответствии с условиями Брестского договора.

---

[110] ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918 г., д. 93, л. 86.
[111] Там же, д. 86, лл. 42, 50.
[112] Там же, д. 93, л. 188.

Широкая агитационно-массовая работа, развернутая на кораблях и в частях комиссарами и коммунистами по разъяснению поставленной перед моряками задачи, способствовала еще большему сплочению матросских масс и лучшей, наиболее честной и преданной части командного состава вокруг большевистской партии, мобилизовала их на преодоление стоявших на пути трудностей.

Еще до того, как в Гельсингфорсе были получены директивы Коллегии Морского комиссариата, отданные во исполнение решений Совета Народных Комиссаров, на собраниях и митингах личного состава, посвященных обсуждению положения в связи с вторжением германских интервентов в Финляндию, команды выносили единодушные решения — принять все меры к скорейшему уводу кораблей из Гельсингфорса. Так, например, личный состав 1-го дивизиона подводных лодок вынес 5 апреля решение «уйти всем дивизионом из Гельсингфорса в Кронштадт, для чего немедленно начать приготовление к походу: опробовать механизмы, зарядить батареи и принять провизию» [113]. Подобные решения выносились личным составом и других кораблей.

Совкомбалт, комиссары и коммунисты проводили огромную работу среди личного состава, организуя и направляя его усилия на практическую подготовку к предстоящему походу. В результате уже 7 апреля, в день получения директивы Коллегии Морского комиссариата, из Гельсингфорса вышел первый эшелон третьего отряда кораблей. На остальных кораблях днем и ночью шла деятельная подготовка к походу.

Немецкие войска, высадившись в Ганге и преодолевая сопротивление слабых, необученных и не имеющих опытного командного состава отрядов финских красногвардейцев, двигались к Гельсингфорсу. Положение с каждым часом усложнялось. Совкомбалт, комиссары и коммунисты призвали матросские массы к повышению революционной бдительности, мобилизовали их на быстрейшую подготовку к походу. Балтийцы трудились, не покладая рук, день и ночь: собирали механизмы, грузили топливо, продовольствие, готовили аварийно-спасательные средства. Через два дня после высадки немцев многие корабли были уже готовы к выходу в море.

Со своей стороны Щастный и его пособники усилили свою подрывную деятельность. Не имея уже возможности предотвратить выход кораблей в море, Щастный задумал новую диверсию, смысл которой он изложил в разговоре по юзу с начальником Морского генерального штаба 6 апреля следующим образом: «Сегодня снабжаю месячным запасом семь больших подлодок и посылаю их в лед. Пусть вмерзнут и постепенно подвигаются к Кронштадту. Через три недели, полагаю, лед разойдется, и лодки подойдут к Кронштадту» [114].

При наличии в Финском заливе сильной германской эскадры и захваченных немцами мощных ледоколов, это означало послать подводные лодки прямо в руки немецких интервентов. Но эта преступная затея сорвалась: на следующий день подводные лодки вышли в Кронштадт в составе третьего отряда [115].

С целью срыва операции Щастный и его сообщники в штабе флота и на кораблях широко организовали массовый саботаж со стороны офицерского состава. Контрреволюционно настроенные офицеры вели подрывную работу среди команд кораблей, стремясь внушить мысль о

[113] ЦГАВМФ, ф. Р-172, 1918 г., д. 823, л. 48.
[114] ЦГАВМФ, ф. Р-342, 1918 г., д. 93, л. 72.
[115] ЦГАВМФ, ф. Р-9, оп. 1, 1918 г., д. 376, л. 36.

невозможности совершить переход во льдах, всячески поощряли дезертирство, срывали ремонт механизмов и т. д. Дезертирство офицеров, начавшееся еще перед уходом из Ревеля, после высадки немецкого десанта в Финляндию приобрело особенно широкие размеры. Уходя с кораблей под всевозможными предлогами, командиры и офицеры, как правило, забирали с собой казенные деньги и ценное имущество. Предатели рассчитывали, что команды, лишившись специалистов, не смогут уйти в Кронштадт, и корабли достанутся немцам.

Командир эскадренного миноносца «Самсон» Б. П. Иванов перед уходом кораблей скрылся, похитив почти все корабельные суммы «Самсона» и 5 500 руб., взятые под расписку у командира эскадренного миноносца «Азард». Ревизор «Азарда» мичман Державин ушел с корабля накануне ухода из Гельсингфорса, присвоив 2 215 руб. казенных денег [116].

Командир эскадренного миноносца «Страшный» капитан 2-го ранга Ракинт самовольно оставил миноносец, никого не предупредив. Когда на походе в присутствии судового комитета был вскрыт денежный ящик, он оказался пустым. По приблизительным подсчетам, было похищено не менее 17 тыс. руб. По некоторым сведениям, этот дезертир и вор поместил деньги в один из гельсингфорских банков. Командир эскадренного миноносца «Амурец» капитан 2-го ранга Коптев подал в отставку за день до ухода вверенного ему корабля, мотивируя свой уход нежеланием расставаться с семьей.

Командир эскадренного миноносца «Финн» капитан 2-го ранга Михайлов подал в отставку за день до ухода корабля, объясняя свой уход болезнью жены; никаких мер для подготовки корабля к походу он не принимал [117]. Командир эскадренного миноносца «Сторожевой» покинул корабль, мотивируя свой уход невозможностью дойти до Кронштадта [118]. Архивные документы содержат данные о десятках подобных фактов.

Однако не все офицеры являлись изменниками и предателями. Лучшая и преданная Родине часть офицеров осталась на кораблях, делила с матросами все трудности и под руководством коммунистов активно боролась за их преодоление. Эта часть офицерского состава обеспечивала управление кораблями в походе, а впоследствии вместе с командами своих кораблей сражалась против интервентов на Балтийском, Черном и Каспийском морях, в многочисленных речных и озерных флотилиях.

Немало офицеров, бывших во время «Ледового похода» мичманами и лейтенантами, стали впоследствии видными деятелями советского военно-морского флота. К их числу принадлежат: адмирал флота профессор И. С. Исаков, вице-адмиралы Ю. Ф. Ралль, Г. А. Степанов, С. П. Ставицкий, инженер — вице-адмирал И. Я. Стеценко, контр-адмиралы Н. Б. Павлович, А. А. Томашевич, Е. И. Салмин, В. И. Иванов, Е. Е. Шведе. Из числа этих офицеров вышел также известный советский писатель Л. С. Соболев. Именно об этой части офицерского состава И. В. Сталин в 1919 г. писал: «...Отрадно, что язва части русского офицерства — её продажность — менее всего задела командный состав флота: нашлись всё же люди, которые, к чести своей, достоинство и независимость России ценят выше, чем английское золото» [119].

Одним из обстоятельств, чрезвычайно затруднявших подготовку и проведение перехода третьего отряда в Кронштадт, являлся большой

[116] ЦГАВМФ, ф. Р-96, 1918 г., д. 6, л. 5—5 об.
[117] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 376, лл. 405—406.
[118] Там же, л. 206.
[119] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 269—270.

некомплект личного состава на кораблях. К апрелю 1918 г. с кораблей ушли демобилизованные моряки старших сроков службы, много матросов со времени октябрьских боев уходили на сушу и сражались в отрядах Красной Армии и в партизанских отрядах. В силу этого к началу похода третьего отряда недостаток личного состава на кораблях ощущался весьма остро. Так, например, на эскадренном миноносце «Финн» вместо 7 офицеров и 92 человек команды по штату осталось 3 офицера и 23 матроса. На эскадренном миноносце «Самсон» осталось 60 матросов при штате в 150 человек. На эскадренном миноносце «Эмир Бухарский» из 7 офицеров остался только один, а из 92 матросов — 32. При той же штатной численности на эскадренном миноносце «Амурец» осталось 5 офицеров и 8 матросов, а на «Забайкальце» из 7 офицеров — 4, а из 83 матросов — всего лишь 8 человек [120].

Но оставшиеся на кораблях матросы были сильны духом и обладали высокой революционной сознательностью. Лучшие из них были коммунистами, которые личным примером, пламенным словом большевистской правды воодушевляли личный состав, организовывали и сплачивали его. Под руководством комиссаров и коммунистов в невиданно короткие сроки, несмотря на свою малочисленность, моряки обеспечили возможность скорейшего выхода кораблей в море.

Участник перехода третьего отряда инженер вице-адмирал И. Я. Стеценко в своих воспоминаниях пишет, что на миноносце «Лихой», на котором он служил, из 65 матросов осталось только 16, в том числе четыре кочегара, два машиниста, один рулевой, а из офицеров, кроме него, были только минный офицер, врач и лекарский помощник. «Командир корабля,— рассказывает И. Я. Стеценко,— лейтенант барон Вреде сбежал. Мне пришлось остаться за командира и при помощи оставшейся команды привести миноносец в порядок. В несколько дней были произведены сборы и проверка механизмов. Предстояла погрузка угля. К ней мы приступили пятого апреля и через 24 часа угольные ямы моего судна приняли 80 тонн угля. Грузили так: сами подкатывали вагоны к стенке, у которой стояли корабли, и выгружали, и откатывали обратно. Грузили все, не разбирая ни чинов, ни рангов» [121].

Учитывая опасность предстоящего ледового плавания для малых кораблей с их слабыми корпусами и недостаточность ледоколов, на кораблях было обращено особенное внимание на подготовку аварийно-спасательных средств. Тот факт, что ни один корабль не погиб на переходе, несмотря на значительное количество серьезных повреждений, полученных малыми кораблями, объясняется прежде всего тщательно подготовленными аварийно-спасательными средствами и массовым героизмом личного состава.

Переход третьего отряда кораблей был организован шестью эшелонами, которые отправлялись в море по мере готовности кораблей.

Для успешного перехода в трудных ледовых условиях большое значение имел правильный выбор фарватера для кораблей различных классов. Для малых кораблей, составлявших бо́льшую часть третьего отряда, был избран так называемый стратегический фарватер, проходивший по опушке шхер. Хотя этим значительно увеличивался маршрут перехода, зато корабли имели возможность двигаться в неподвижном льду, в то время как в средней части залива началось уже движение льдов, представлявшее большую опасность для слабых корпусов подводных лодок,

[120] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 376, л. 405.
[121] «Рабочий Кронштадт», от 18 апреля 1937 г.

миноносцев и тральщиков. Крупные корабли с большой осадкой и более прочным корпусом должны были следовать по фарватеру, проходившему в средней части залива, с расчетом использования канала, проложенного во льдах во время перехода второго отряда.

Ввиду недостатка на многих кораблях топлива и продовольствия, была запланирована доставка угля в район Бьерке и высылка на ледоколах топлива и продовольствия навстречу шедшим кораблям.

Выход кораблей третьего отряда начался 7-го и продолжался до 11 апреля.

7 апреля из Гельсингфорса вышел первый эшелон третьего отряда в составе подводных лодок «Волк», «Вепрь», «Пантера», «Рысь», «Ягуар», «Ерш», «Леопард» и «Змея» под проводкой сторожевых судов ледокольного типа «Руслан» и «Ястреб».

9 апреля вышел второй эшелон. В составе его были подводные лодки «Кугуар» и «Угорь», шедшие на буксире транспортов «Тосно» и «Иже»; за ними следовали эскадренные миноносцы «Ловкий», «Молодецкий», «Лихой», «Искусный», «Дельный» и «Достойный» с частью транспортов и других кораблей. Эшелон сопровождали портовые ледоколы «Аванс» и «Колывань».

10 апреля ушли основные силы минной дивизии и дивизии сторожевых кораблей с приданными им транспортами, составлявшие три эшелона, в которые входили 30 эскадренных миноносцев, 9 тральщиков, 5 сторожевых кораблей, 2 заградителя, 28 транспортов, 13 буксиров и другие корабли. Кроме того, в этот же день отдельной группой вышли 9 тральщиков, 2 заградителя, 3 сторожевых корабля, 2 вспомогательных и несколько других кораблей [122].

11 апреля отдельными группами вышли около 40 кораблей последнего, шестого, эшелона. Глубокосидящие корабли — учебный корабль «Петр Великий» и транспорт «Анадырь» в сопровождении ледокола «Трувор» отправились в Кронштадт по фарватеру, проходившему в средней части залива. Тем же путем следовали самостоятельно яхты «Полярная Звезда», «Штандарт» и пловучая мастерская «Ангара». Последние корабли покидали гавань, когда в окрестностях Гельсингфорса уже шли бои финской Красной гвардии с наступавшими войсками германских интервентов, а внутри города начались выступления белофинских подпольных отрядов.

Всего в составе шести эшелонов, ушедших из Гельсингфорса в период с 7 по 11 апреля, было 167 кораблей. В Гельсингфорсе осталось 38 кораблей под военным флагом, 10 — под флагом Красного креста и 38 — под коммерческим флагом [123].

Таким образом, несмотря на исключительно тяжелую обстановку, сложившуюся к моменту выхода третьего отряда, большевикам удалось обеспечить перебазирование основной массы кораблей Балтийского флота.

Большую помощь балтийцам в спасении кораблей оказали моряки торгового флота. Как указывалось выше, первый съезд моряков торгового флота постановил принять немедленные меры к спасению флота, находившегося в Гельсингфорсе. Для руководства специально созданными отрядами, в которые входили торговые моряки и петроградские рабочие в количестве 350 человек, была создана «пятерка» во главе с уполномоченным съездом и отделом торгового мореплавания ВСНХ П. Г. Кононовым.

---

[122] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 376, лл. 160—161.
[123] ЦГАВМФ, ф. Р-418, 1918 г., д. 23384, л. 155.

«Пятерка» и отряды моряков Петроградского и Кронштадтского порта, прибыв в Гельсингфорс, немедленно взялись за подготовку кораблей к переходу. «Пятерка» натолкнулась при этом на ожесточенное сопротивление Щастного и его подручных. Щастный отказался признать полномочия П. Г. Кононова на эвакуацию торговых кораблей и даже пытался арестовать «пятерку». Однако в действия Щастного вмешался Совкомбалт, ввел Кононова в число своих членов и оказал торговым морякам всяческую поддержку в исполнении возложенной на них задачи. В результате упорного и самоотверженного труда команд и прибывших из Петрограда отрядов моряков большинство транспортов было подготовлено к походу и вышло вместе с военными кораблями [124].

Последние приготовления к походу и выход кораблей третьего отряда происходили в дни, когда войска немецких интервентов быстро приближались к Гельсингфорсу.

6 апреля немцы и белофинны после упорных боев захватили Таммерфорс, учинив кровавую расправу над обезоруженными красногвардейцами. По сообщению финских газет, из числа взятых в плен были расстреляны все русские и все ротные командиры финской Красной гвардии. Из рядовых красногвардейцев был расстрелян каждый пятнадцатый. Все раненые были перерезаны [125].

7 апреля отряд германских кораблей, в сопровождении ледокола, перейдя Финский залив из Ревеля, высадил близ Ловизы 3-тысячный отряд немецких войск под командованием полковника фон Бранденштейна, который, соединившись с белофинскими отрядами, повел наступление на север в направлении Лахты. Захватив 9 апреля узловую железнодорожную станцию, немцы перерезали железную дорогу Гельсингфорс — Выборг.

Немцы и белофинны настойчиво рвались к Гельсингфорсу, желая захватить город до того, как успеет уйти флот. Узнав, что флот, наперекор их планам, все же уходит, германское командование, вопреки установленному германским правительством сроку, решило занять Гельсингфорс не 12 апреля в 12 час. дня, как было условлено, а 11 апреля. Однако, когда германская эскадра подошла к Гельсингфорсу, немцы увидели на горизонте лишь дымы ушедших русских кораблей. Замыслы интервентов снова были сорваны.

Переход третьего отряда кораблей был еще более трудным, чем переход первых двух отрядов.

Вышедшие 7 апреля подводные лодки, сопровождаемые сторожевыми судами «Руслан» и «Ястреб», вскоре оказались в сплошном ровном льду, достигавшем 60 см толщины. Этот лед оказался непреодолимым для слабосильных сторожевых судов. Тогда моряки использовали опыт спаривания ледоколов, который применил «Ермак». К корме «Ястреба» был отшвартован «Руслан». Работая машинами на полный ход, «Ястреб», толкаемый в корму «Русланом», стал успешно справляться со льдами. В кильватер сторожевым судам шли подводные лодки.

Вскоре условия перехода еще более ухудшились. Южный ветер вызвал подвижку льда, образовались торосы в несколько метров высотой. Подводные лодки стало сжимать льдами. Особенно трудным было положение 13 и 14 апреля, когда первый эшелон преодолевал торосы к северу от острова Кивикари. Бывший командир посыльного судна «Кречет»

---

[124] И. Яковлев. Указ. статья, стр. 106—109.
[125] ЦГАКА, ф. 25888, оп. 5, д. 126, л. 52 об.

В. Янкович так описывает создавшуюся обстановку: «Сжимаемый ветром лед влезал на затертые подводные лодки, над поверхностью льда виднелись лишь надстройки, а проводившие их до этого «Ястреб», «Руслан» и «Азимут» сидели сами на торосах, требуя помощи. Положение было настолько серьезно, что команды сдавливаемых лодок вышли на лед. Освободив из торосов «Ястреба», «Руслана» и «Азимута», «Кречет» начал спасение подводных лодок. После усиленной работы он пробивался вплотную к лодкам, раздробляя лед вокруг них, подавая буксир, и вытаскивал их из опасного положения, выводя до места, откуда они могли следовать дальше со своими конвоирами» [126].

Преодолев все трудности, 15 апреля первый эшелон дошел до Бьерке, где были пополнены истощившиеся запасы угля. На следующий день подводные лодки и сопровождавшие их корабли прибыли в Кронштадт. 18 апреля уже все подводные лодки были в Кронштадте. Некоторые из них получили значительные повреждения, но ни одна не была потеряна на переходе.

Не меньшие трудности испытывали на переходе миноносцы, шедшие в составе второго и следующих эшелонов. Корабли, вышедшие из Гельсингфорса 10 апреля, в первый день прошли 10 миль и остановились на ночь у острова Фагере. Путь по шхерному фарватеру в нескольких местах был загроможден торосами и ледяными заторами, особенно у Тамио, Мерен-Кари, Гоуэр, Видшер и Рондо. Это вынуждало к длительным стоянкам кораблей.

Неоднократно обнаруживалось появление вблизи трассы перехода захваченных немцами ледоколов «Сампо», «Тармо» и «Волынец». Поэтому для охраны хвоста колонны от возможных нападений был выделен эскадренный миноносец «Лейтенант Ильин», оставленный у мигалки Альватиниеми.

13 апреля навстречу третьему отряду подошли ледоколы «Ермак», «Силач» и «Город Ревель», которые приступили к проводке кораблей в местах наибольшего скопления торосов и ледяных заторов.

На долю ледокола «Ермак», работавшего беспрерывно уже вторую неделю, и других малых ледоколов выпала тяжелая работа. Приходилось не только очищать путь и проламывать канал, но протаскивать через торосы миноносцы и транспорты, у которых гнулись форштевни и ломались винты.

Особенно усложнились условия перехода и потребовалась усиленная работа ледоколов, когда 15 апреля началось движение льда. Двигающийся лед представлял еще бо́льшую угрозу для кораблей, чем торосы. Эскадренный миноносец «Боевой» был сжат льдами у Стирсуддена настолько сильно, что едва не погиб. У эскадренного миноносца «Сибирский стрелок» из-за сдвига валов заливало водой машинное отделение, у эскадренного миноносца «Меткий» от удара кормой о лед заполнило водой кормовое отделение. Эскадренный миноносец «Инженер-механик Дмитриев» обнаружил течь в носовом помещении около минного погреба, так как вследствие удара о льдину нос корабля был завернут. «Всю ночь, — доносил командир, — команда выкачивала воду ведрами из минного погреба, чтобы заделать щели в дверях, откуда все текла вода. К утру щели заделали, пришлось для облегчения носа сбросить оба якоря» [127].

---

[126] В. Янкович. Ледовый поход — «Красный флот», от 30 марта 1938 г.
[127] ЦГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, 1918 г., д. 376, л. 203.

Много суток без сна и отдыха голодные команды кораблей самоотверженно трудились, преодолевая исключительные трудности ледового похода. «Перед концом перехода,— пишет один из его участников,— иссяк запас продовольствия. Но это не так беспокоило нас, как то, что на многих кораблях был на исходе уголь. Мы — люди, поймем, выдержим. А чем заполнить жадные пасти котлов, чтобы дать пар машинам? Жили в жутком холоде, отказавшись от отопления. Ломали столы, стулья сдирали обшивку кают, все, что может гореть в топке. Пар — жизнь, пар — спасение флота. И пар был» [128].

16 апреля первые корабли начали прибывать в Кронштадт, и к 22 апреля весь отряд закончил переход. Так закончился исторический «Ледовый поход». Все вышедшие из Гельсингфорса корабли пришли в Кронштадт. Морская история не знает подвига подобного тому, который совершили балтийские моряки. Боевой приказ партии и Советского правительства, приказ Ленина, был выполнен ими с честью.

12 апреля германские войска и белофинны, сломив героическое сопротивление финских красногвардейцев, ворвались в город.

После упорных боев в конце апреля интервентами и белофиннами был взят Выборг. Часть финской Красной гвардии и некоторые члены Совета Народных Уполномоченных перешли на территорию Советской России. Этим закончилась гражданская война в Финляндии.

В обстановке террора и насилий оставшиеся в Гельсингфорсе моряки под руководством комиссара Б. А. Жемчужина вели упорную борьбу с германскими интервентами и белофиннами за спасение оставшихся кораблей и имущества.

Германское командование, формально придерживаясь буквы «соглашения» в Ганге, на деле помогло белофиннам захватывать русские корабли. Под предлогом того, что гарантия была дана только кораблям под военным флагом, немцы предоставили белофиннам возможность захватить все тральщики, госпитальные и вспомогательные суда и транспорты. Они захватили также Свеаборгскую крепость, порт, склады боеприпасов и снаряжения, мотивируя это «военными соображениями». Все протесты оставлялись без последствий.

Захват кораблей производился самым наглым образом: личный состав выгонялся, флаги срывались, отбиралась провизия, деньги; расхищалось корабельное и личное имущество, чинились всякие насилия и репрессии.

Было захвачено также и несколько военных кораблей, как, например, заградители «Нина» и «Елена», блокшив «№ 9» и др.

8 мая на территории Свеаборгского порта был незаконно арестован белой гвардией комиссар при старшем морском начальнике в водах Финляндии, видный деятель большевистской партии, любимец матросов Б. А. Жемчужин. Арест был произведен именем германского командования, и на другой же день, утром 9 мая, Б. А. Жемчужин был расстрелян, несмотря на все протесты советского морского командования [129].

Совет Народных Комиссаров 13 мая заявил германскому командованию, что очистка моря от мин, согласно Брестскому договору, не будет выполняться, пока оно не возвратит всех захваченных кораблей. Это заявление вынудило германское командование частично выполнить требование Советского правительства. Однако большое число кораблей, за-

[128] Г. Краснов. Ледовый поход — «Товсь», № 25, от 15 марта 1944 г.
[129] ЦГАВМФ, ф. Р-29, 1917—1918 гг., д. 99, л. 4.

хваченных белофиннами, немцы отказались вернуть, ссылаясь на то, что эти корабли якобы являются собственностью Финляндии.

После длительной переписки и выполнения всяческих мелких полицейских формальностей в начале мая 1918 г. начался уход оставшихся в Финляндии военных кораблей. Первая группа кораблей в составе эскадренных миноносцев «Всадник», «Легкий», «Мощный», «Видный», «Громящий», «Достойный», «Разящий», «Поражающий» и заградителей «Нина» и «Елена» пришла из Гельсингфорса в Кронштадт 9 мая. 16 мая пришли в Кронштадт заградитель «Нарова», канонерская лодка «Грозящий», эскадренный миноносец «Сильный», спасательное судно «Волхов», транспорт «Рига», блокшивы «№ 2» и «№ 9» и другие корабли. Несколько кораблей (вспомогательный крейсер «Роксана», пароход «Молния», транспорты «Балтония», «Эрос» и другие) пришли в Кронштадт из Котки 2 мая. 28 мая вышел из Гельсингфорса последний корабль — учебное судно «Память Азова», пришедший в Кронштадт 29 мая [130]. Вывод кораблей из Финляндии был закончен. С приходом последних кораблей из Гельсингфорса стратегическая операция была успешно завершена.

Всего было выведено 211 кораблей: 6 линейных кораблей, 5 крейсеров, 54 эскадренных миноносца, 12 подводных лодок, 10 тральщиков, 5 заградителей, 15 сторожевых кораблей, 13 вспомогательных судов, 4 посыльных судна, 45 транспортов, 25 буксиров, 1 паром, 1 пловучий маяк, 7 ледоколов, 7 яхт и одно вспомогательное судно для подводных лодок.

Таким образом, героическими усилиями моряков Балтийского флота, руководимых Коммунистической партией, в исключительно трудных и сложных условиях были спасены все крупные боевые корабли и бо́льшая часть корабельного состава флота, а также значительное количество ценного военного имущества. На кораблях было эвакуировано несколько тысяч советских граждан.

Необходимо указать также и на те потери, которые понесла Советская республика вследствие захватнических действий германских интервентов, белофиннов и их пособников в лице предателей Троцкого, Щастного и их подручных. По далеко не полным данным, которые были получены Морским генеральным штабом в августе 1918 г., когда не были еще выяснены полностью все потери и убытки, «общая стоимость судов и пловучих средств, захваченных финляндским правительством в Гельсингфорсе, составляет по расценке довоенного времени 50 миллионов рублей (золотом). Стоимость всего этого имущества в настоящее время, когда ощущается недостаток как в металле, так и в топливе, а также принимая во внимание падение курса, следует увеличить по крайней мере в 15 раз (750 000 000 руб.). При этом не учтено обстоятельство, что задержка судов в чужом порте лишает возможности их эксплоатации, доход от которой в одну навигацию составляет около половины стоимости, т. е. 375 000 000 руб.» [131].

В эту сумму не входит большое количество мелких кораблей и пловучих средств, а также всевозможного имущества, захваченного белофиннами в других портах (Або, Ганге, Котка, Мариенхамн), что увеличивает общую сумму потерь и убытков, причиненных Советской республике, до огромной суммы в несколько миллиардов рублей [132].

* * *

[130] «Морской сборник», 1938, № 4, стр. 86—87.
[131] ЦГАВМФ, ф. Р-42, 1918 г., д. 17, л. 118.
[132] Там же, лл. 119—128, 130—131, 134—134 об., 140.

Первый основной вывод, который можно сделать, исходя из вышеизложенного, состоит в том, что «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 г. был ярко выраженной стратегической операцией. Об этом свидетельствуют следующие факты: 1) сохранение флота в результате операции и создание новой системы базирования, обеспечившей устойчивость обороны северо-западного стратегического направления и подступов к Петрограду с моря и с суши; 2) состав участвовавших сил и размах действий, присущие операциям стратегического масштаба; 3) характер обеспечивающих мероприятий, далеко выходящих за рамки обычного обеспечения морской операции (участие высших государственных органов и дипломатические мероприятия); 4) боевые помехи со стороны противника и реальная возможность боевых действий с противником в больших масштабах.

Вся операция делится на два отчетливо выраженных этапа. Первый этап — подготовка операции. Он проводился с 17 февраля по 12 марта 1918 г. Второй этап — выполнение операции, длившийся с 12 марта до конца мая 1918 г. Этот этап, в свою очередь, делится на ряд частных этапов, каждый из которых представлял отдельную операцию.

Сложность условий определили особенности операции в целом. Главнейшие из них заключались в отсутствии детально разработанного плана операции и в решающем значении политического обеспечения операции по сравнению со всеми другими видами обеспечения.

Второй главный вывод заключается в том, что успех операции был обеспечен мудрым руководством Коммунистической партии и Советского правительства во главе с В. И. Лениным и героическими усилиями революционных матросских масс Балтийского флота. «Балтийский флот, — указывал К. Е. Ворошилов, — был спасен исключительно энергией и самоотверженностью моряков» [133].

---

[133] Приказ Революционного Военного Совета СССР о награждении Красного Балтийского флота орденом Красного Знамени от 23 февраля 1928 г.— «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», от 23 февраля 1928 г.

Ю. С. ТОКАРЕВ

К ИСТОРИИ НАРОДНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(март 1917 — февраль 1918 гг.)

I

Великая Октябрьская социалистическая революция была подлинно народной революцией. Никогда до этого роль народа как творца истории не проявилась с такой силой и глубиной, с какой она проявилась в ходе подготовки и осуществления Октябрьской революции. Революционное творчество народных масс России имело решающее значение для победы диктатуры пролетариата. «Если бы,— писал В. И. Ленин,— народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя» [1].

Одним из видов революционного творчества масс в период подготовки и проведения Октябрьской революции было правовое творчество, являвшееся важной составной частью общей борьбы за создание социалистического государства рабочих и крестьян.

Под понятием «народное правотворчество» советская юридическая наука разумеет непосредственную деятельность масс по созданию правовых норм, выражающих их классовые интересы. Такое понимание опирается на сформулированное в «Манифесте Коммунистической партии» определение права как возведенной в закон воли господствующего класса. Однако, исследуя конкретные формы народного правотворчества, наша юридическая наука в ряде моментов берет вопрос шире, включая и анализируя и такие виды творчества масс, которые непосредственно связаны с правотворчеством в узком смысле этого слова. Освещаются, в частности, вопросы создания массами самодеятельных органов народного правосудия, осуществления ими судебных и следственных функций, проведения в жизнь самодеятельным путем созданных правовых норм и т. д. И это вполне закономерно, так как народное правотворчество в узком и широком смысле этого слова самым тесным образом органически связаны между собой.

Более сложным в этом плане является вопрос о том, правомерно ли вообще говорить о народном правотворчестве в узком смысле этого слова, т. е. о создании массами новых правовых норм в период

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 80.

подготовки революции. Право, как известно, есть часть политической надстройки, и новое право — это составная часть новой политической надстройки, которая возникает после слома старой, на развалинах старого строя. Нам представляется, что исходя из марксистско-ленинского учения о революции и государстве, можно с полным основанием ответить на этот вопрос в утвердительном смысле.

В. И. Ленин еще в период первой русской революции неоднократно подчеркивал мысль, что народ начинает создавать новую политическую надстройку уже в ходе революции, когда еще старая надстройка не свергнута, и обе эти надстройки борются друг с другом. В частности, указывал В. И. Ленин, элементом такой новой надстройки в период первой русской революции являлись Советы, которые были зачатком новой власти, органами диктатуры народа. Создавая новую надстройку, народ создавал и новые правовые нормы, ломавшие старые крепостнически-полицейские законы. «...Главной формой освободительного движения в настоящее время,—писал В. И. Ленин в 1906 г.,—является не легальная борьба на квазиконституционной почве, а непосредственно-революционное движение широких народных масс, ломающих полицейско-крепостнические законы, творящих революционное право и разрушающих насильственным путем органы угнетения народа» [2]. Самым главным в народном правотворчестве В. И. Ленин считал то, что оно является выражением диктатуры народа. «Научное понятие диктатуры,— писал он,— означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. ...Народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право» [3].

Ленинские положения о народном правотворчестве в период первой русской революции применимы и к правотворчеству масс в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, с учетом, конечно, принципиального различия между ними. Революция 1905—1907 гг. по своему содержанию была буржуазно-демократической; следовательно, правотворчество масс шло по линии осуществления большевистской программы-минимум. Октябрьская же революция поставила в порядок дня ликвидацию капитализма в России и создание социалистического государства, поэтому революционное творчество масс, в том числе и правотворчество, было уже направлено на реализацию программы-максимум. Но вместе с тем, поскольку февральская революция не разрешила и буржуазно-демократических задач, народное правотворчество одновременно носило в себе черты общедемократического характера. Учет этого обстоятельства, т. е. учет ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, является решающим условием для правильного освещения сущности народного правотворчества в период подготовки и проведения социалистической революции в нашей стране. Здесь мы опираемся на дальнейшее развитие В. И. Лениным в ряде его работ 1917—1918 гг. идей о народном правотворчестве, основанных уже на опыте Октябрьской революции. Сюда относятся такие его произведения, как «Уроки кризиса», «О задачах пролетариата в данной революции», «Наброски к тезисам резолюции о Советах», «К лозунгам», «Удержат ли большевики государственную

---

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 131.
[3] Там же, стр. 220.

власть?», «Как организовать соревнование?», «Очередные задачи Советской власти» и др.

Особенно важное значение имеют ленинские положения о решающей роли народных масс в победе революции и о Советах, как форме диктатуры пролетариата.

Решающую роль народных масс В. И. Ленин усматривал также и в том, что именно те формы организаций и правовые нормы, которые создаются непосредственным революционным творчеством масс в ходе революции, ложатся затем в основу строящейся новой политической надстройки после победы революции. В частности, В. И. Ленин отмечал, что «революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата» [4].

Что касается Советов, то они, помимо других массовых организаций трудящихся (фабрично-заводские комитеты, профсоюзы, волостные земельные комитеты и т. п.), были главным органом масс в деле слома старой государственной машины и создания новых порядков. «Чтобы запрещать или предписывать,— писал В. И. Ленин,— надо быть властью в государстве» [5]. Это полностью относится и к правотворчеству, ибо «право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права» [6]. Советы и были таким аппаратом, хотя их реальная власть в разное время, в разных местах была неодинакова и обусловливалась общими и частными факторами, которые в совокупности выражали соотношение сил между революцией и контрреволюцией.

Эти ленинские положения и легли в основу настоящей статьи, целью которой является исследование вопроса о революционной самодеятельности масс в области создания революционного права. Поскольку рамки статьи ограничивают эту задачу, автор рассматривает лишь некоторые формы народного правотворчества. При исследовании народного правотворчества в период подготовки Октябрьской революции рассматриваются только такие формы, как правотворческая деятельность пролетарских масс в процессе осуществления ими зачатков рабочего контроля над производством, создание нового революционного права в ходе самодеятельной экспроприации крестьянскими массами помещичьего землевладения, правотворческий почин масс в области уголовного преследования активных приверженцев царского строя и, наконец, создание массами правовых норм в ходе борьбы с корниловской контрреволюцией. Что же касается массового правотворчества в период проведения Октябрьской революции, то здесь исследуется лишь одна из его форм — создание нового революционного права в процессе осуществления массами охраны революционного порядка.

II

В феврале 1917 г. под натиском революционных масс, руководимых Коммунистической партией, пало царское самодержавие. В России победила буржуазно-демократическая революция.

Февральская революция привела в движение широкие народные массы, которые, выйдя на арену политической борьбы, с величайшей энергией принялись смещать царские власти, осуществлять самодеятельным

[4] В. И. Ленин Соч. т. 27, стр. 236.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 71.
[6] Там же, стр. 442.

путем демократические свободы, создавать свои рабочие и крестьянские организации: Советы, фабрично-заводские комитеты, профсоюзы, крестьянские комитеты и т. д.

В этом революционном творчестве масс видное место принадлежало народному правотворчеству, проявившемуся уже в первые дни Февральской революции. Революционные массы по собственному почину стали организовывать судебно-следственные органы. На местах Советы рабочих и солдатских депутатов стали осуществлять правовые акты в виде различных постановлений, приказов, положений, наказов и т. п., в которых закреплялись революционные завоевания масс.

Одним из первых правотворческих актов, имевших большое значение для углубления революции и расширения демократических прав народа, был знаменитый приказ № 1, изданный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 г. под прямым давлением революционных масс. Приказ, закрепляя политические и гражданские права солдат, предоставлял им активное и пассивное избирательное право по выборам в Советы, уравнивал их в отношении политических, общегражданских и частных прав с остальными гражданами, отменял вставание во фронт и отдачу чести вне службы, запрещал унизительное для солдат титулование офицеров («ваше благородие» и т. п.). Приказ закреплял за солдатскими комитетами право распоряжения оружием соответствующего воинского подразделения или части, а также запрещал грубое обращение офицеров с солдатами [7]. Несмотря на то, что усилиями эсеро-меньшевистских лидеров Петроградского Совета, часть революционных требований солдат была в этом приказе обойдена молчанием, он имел большое значение в деле организационного сплочения и политического просвещения солдатских масс.

В первые месяцы после Февральской революции развитие народного правотворчества получило значительный размах, несмотря на то, что его серьезно задерживали широко распространившиеся среди масс мелкой буржуазии и частично среди пролетариата конституционные иллюзии, т. е. вера в Учредительное собрание при сохранении буржуазного Временного правительства, и преобладание в Советах эсеров и меньшевиков, стремившихся направить революцию по пути соглашения народа с империалистической буржуазией. События быстро просвещали массы. На примере апрельского кризиса они убедились в том, что правительство помещиков и капиталистов стремится продолжать империалистическую войну «до победного конца». Своей внутренней политикой Временное правительство также разоблачало себя; оно стремилось оставить землю за помещиками, отказываясь провести неотложные меры по улучшению экономического положения рабочих и крестьян. Точно так же политика Временного правительства и в области юстиции шла вразрез с интересами народных масс. Временное правительство отнюдь не помышляло о коренном демократическом преобразовании судебных и следственных учреждений и об издании новых узаконений по основным отраслям права в соответствии с революционно-демократическими требованиями народа. Политика Временного правительства в области права была сформулирована им в подписанной 25 марта 1917 г. всеми министрами декларации, в которой заявлялось, что правительство пойдет по пути «восстановления» «основных начал» судебных уставов 1864 г. и их «исправления» в соответствии с происшедшими переменами в общественном уст-

[7] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 3, от 2 марта 1917 г.

ройстве [8]. К этому следует еще прибавить, что редактирование судебных уставов было возложено на комиссию, состоявшую в своем большинстве из бывших деятелей царской юстиции и реакционных профессоров.

Правотворчество рабочего класса в период двоевластия развивалось главным образом по линии борьбы за рабочий контроль над производством и распределением и за 8-часовой рабочий день, за преодоление саботажа предпринимателей, ограждение своих экономических и политических завоеваний. Особенно радикальным это правотворчество было в крупных промышленных центрах, таких, как Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск, Екатеринбург, Самара, Нижний Новгород и других, а также в тех местах, где Советы и фабрично-заводские комитеты находились с первых же дней революции под сильным большевистским влиянием.

Одним из основных положений нового революционного права, выработанного пролетарскими массами в процессе осуществления ими рабочего контроля над производством, являлось установление порядков, в большей части зафиксированных в соответствующих постановлениях, инструкциях, решениях и т. п., на основании которых прием на работу и увольнение рабочих целиком переходили в ведение рабочих организаций. В Петрограде подобные порядки были установлены на большинстве предприятий. Вот некоторые примеры.

21 марта 1917 г. организационное заседание заводского комитета Невского судостроительного и механического завода постановило учредить в составе комитета приемную комиссию, в функции которой входило осуществление приема и увольнения рабочих, вне зависимости от желания администрации и владельцев предприятия [9]. Исполнительный комитет Совета старост машиностроительного завода «Феникс» рассматривал на своем заседании от 7 апреля 1917 г. вопрос о порядке найма и увольнения рабочих. Комитет записал в своем постановлении, что ни один рабочий не должен приниматься на завод без санкции комитета, ибо в противном случае «в среду рабочих могут попасть нежелательные элементы, как-то: мародеры, бывшие служащие старого режима и, кроме того, лица, замеченные в воровстве и вообще в неблаговидных поступках» [10]. Свое решение Совет старост довел до сведения администрации завода. Состоявшееся 17 апреля 1917 г. собрание членов заводского комитета Путиловского завода решило, что «приемка и увольнение рабочих и служащих всецело переходят к функциям комитета» [11].

Практика найма и увольнения, выработанная рабочими массами, легла в основу соответствующих статей устава фабрично-заводских комитетов, утвержденного 12 августа 1917 г. второй конференцией фабрично-заводских комитетов Петрограда. Пункт «а» статьи 26-й устава предусматривал, что на обязанности фабрично-заводского комитета лежит «выработка правил внутреннего распорядка (нормировка рабочего времени, заработной платы, приема, увольнения и отпусков рабочих и служащих и т. д.)». В пункте «е» той же статьи фабрично-заводским комитетам предоставлялось право контроля «над составом администрации предприятия и отвод тех лиц администрации, которые не могут обеспечить нормальных отношений с рабочими или которые непригодны по другим причинам». В примечании к этому пункту указывалось, что «все административные лица заводоуправления могут поступать на службу

[8] «Вестник Временного правительства», № 18 (64), от 28 марта 1917 г.
[9] ГАОРСС ЛО, ф. 2130, св. 20, 1917 г., д. 60, л. 14.
[10] ГАОРСС ЛО, ф. 4592, оп. 1, 1917 г., д. 1, лл. 2—3.
[11] ГАОРСС ЛО, ф. 101, оп. 1, 1917 г., д. 17, лл. 29—30.

лишь с согласия фабрично-заводского комитета, который обязан заявлять об их приеме или на общем собрании всего завода, или через поразрядные комитеты (по цехам, по мастерским и т. д.)» [12]. Нетрудно видеть, что в основе приведенных постановлений фабрично-заводских комитетов было стремление рабочих масс не дать возможности предпринимателям засорять ряды рабочих и служащих нежелательными элементами, а также увольнять неугодных капиталистам революционно настроенных рабочих.

Одновременно интенсивно развивалась правотворческая деятельность рабочих организаций, направленная на самодеятельное осуществление 8-часового рабочего дня и на разрешение ряда трудовых вопросов, связанных с установлением режима рабочего дня, продолжительности отпусков, расценок на отдельные виды работ и т. д.

Подобного рода правотворчество можно проиллюстрировать на примере деятельности заводского комитета Первой электрической станции Петрограда. 16 марта 1917 г. завком станции, обсудив доклад о введении 8-часового рабочего дня и о порядке привлечения рабочих к сверхурочным работам, постановил: «1) сверхурочные работы разрешаются: а) при авариях, б) при неявке смен дежурств по различным причинам и для окончания работ, перерыв коих технически недопустим, в) при неотложном ремонте, необходимом для нормальной деятельности предприятия, и по другим техническим условиям... 2) Заявления рабочих и служащих против неотложности работ, указанных в пункте «в», принимаются комиссией заводского комитета» [13]. 17 мая 1917 г. на заседании завкома станции разрешался вопрос о нормах зарплаты, штатах и категориях. Завком решил, что «категории и штаты должны устанавливаться рабочими и служащими через своих представителей и старост совместно с администрацией»; в случае же возникновения недоразумений «вопрос вносится в заводской комитет, где и разрешается при участии представителей и старост соответствующего отдела» [14].

Введение рабочего контроля над производством и другие революционные мероприятия рабочего класса вызывали бешеное сопротивление со стороны капиталистов. Предприниматели рассчитывали на то, что, разладив производство путем саботажа, массовых локаутов, порчи оборудования и иными преступными методами, они до крайности обострят разруху народного хозяйства, а всю вину за срыв производства свалят на рабочих и под предлогом «спасения» страны, кровью и железом подавят рабочий класс — авангард революции.

На саботаж предпринимателей рабочий класс отвечал революционными мерами, направленными на разоблачение и пресечение предательской, преступной деятельности капиталистов. В ходе борьбы с саботажем рабочие массы вырабатывали новое революционное право, обращенное своим острием против попыток капиталистов ликвидировать зачатки рабочего контроля, политически и экономически подавить рабочий класс.

Из наиболее распространенных организаций судебно-следственного характера, связанных с этой формой рабочего правотворчества, в первую очередь следует назвать следственные, судебно-следственные, конфликтные комиссии и комиссии других наименований, чаще всего создававшиеся местными Советами, профсоюзами и фабрично-заводскими комитетами. Организационные формы и функции этих комиссий были весьма разнообразны. В Москве, например, следственно-конфликтная комиссия Прес-

[12] ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 1, 1917 г., д. 9, л. 59.
[13] ГАОРСС ЛО, ф. 4591, св. 1526, 1917 г., д. 14, лл. 21—22.
[14] Там же, л. 67.

ненского районного Совета рабочих и солдатских депутатов состояла из трех выборных рабочих и трех солдат. Она разрешала всевозможные конфликты на экономической и политической почве. Те конфликты, по которым не было достигнуто соглашения, передавались для разрешения в конфликтную комиссию Московского Совета рабочих депутатов [15].

В Сущевско-Марьинском районе Москвы местный Совет постановил:

«1. Конфликты на экономической почве непосредственно передаются в профессиональный союз. Неразрешенные конфликты союзом местного характера передаются в районный отдел труда при С. Р. Д. Если последний не разрешит, то, с согласия обеих сторон, передает в центральную примирительную камеру.

2. Конфликты на политической почве передаются в районный отдел труда при Совете, как-то: непризнание администрацией заводского комитета, делегатов, увольнение выборных рабочих, конфликты между администрацией и рабочими, удаление из предприятий административного лица, закрытие или сокращение производства и т. д.

3. Конфликты, имеющие как политический, так и экономический характер, разбираются соединенной конфликтной комиссией из представителей профессиональных союзов и районного отдела труда» [16].

Организация следственных и конфликтных комиссий получила в Москве, а также и в других городах, чрезвычайно широкое распространение. Так, из стенограммы заседания Московского Совета рабочих депутатов от 6 июня 1917 г. видно, что конфликтные комиссии действовали при Советах рабочих депутатов Симоновского, Замоскворецкого, Сокольнического, Благушинского, Хамовнического, Рогожского и Пресненского районов [17].

Наиболее существенную помощь рабочим в разоблачении саботажнической деятельности предпринимателей оказывали комиссии с контрольно-следственными функциями, занимавшиеся расследованием различного рода злоупотреблений владельцев промышленных предприятий. Данные, добытые в ходе расследования, комиссии доводили до сведения местных Советов, которые выносили соответствующие решения. Деятельность следственных комиссий носила обычно характер общественных расследований; правами следователей члены комиссий не пользовались. Тем не менее, благодаря их деятельности, местные Советы рабочих и солдатских депутатов имели возможность выступать в печати с конкретными данными об истинных виновниках срыва производства — капиталистах, разоблачать гнусную клевету на рабочий класс, распространявшуюся со страниц желтой и черной прессы, и содействовать популяризации в массах лозунга рабочего контроля над производством.

Положительное значение деятельности следственных комиссий заключалось еще и в том, что добывали путем расследований материалы, которые помогали местным Советам вскрывать саботаж и другие преступные действия предпринимателей и обосновывать те или иные насильственные меры, применявшиеся по отношению к ним. Такие меры были весьма разнообразны; но самой радикальной из них являлось принудительное изъятие предприятий из ведения капиталистов-саботажников и передача управления ими в руки фабрично-заводских комитетов.

Так, например, 2 июня 1917 г. Мытищинский Совет рабочих депутатов рассматривал заявление фабричного комитета фабрики «Визкоза»

---

[15] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», № 52, от 5 мая 1917 г.
[16] Там же.
[17] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», № 89, от 18 июня 1917 г.

о закрытии предприятия владельцем. Из заявления выяснилось, что владелец фабрики тайным образом продал акции предприятия и тем самым поставил рабочих перед фактом неминуемого увольнения, хотя фабрика имела все возможности продолжать производство. Рассмотрев дело, Совет постановил: «Взять под контроль Совета ведение работ до выяснения конфликта и продолжать работу ввиду того, что имеется как топливо, так и сырье» [18]. Дело было передано Советом в следственную комиссию Московского Совета рабочих депутатов, а для охраны имущества фабрики Совет ввел военный патруль.

В Ростове-на-Дону, как сообщала «Правда», «Рабочие гильзовой фабрики Каялова предъявили требования экономического характера в конфликтную комиссию Совета Р. и С. Д. Рабочие объявили фабрику реквизированной в пользу Совета». В том же номере «Правды» была помещена корреспонденция из города Рогачева, где сообщалось: «Рабочие стекольного завода наследников Курындина, Недоинской волости, число которых доходит до 400, арестовали администрацию и вступили во владение заводом и миллионным имуществом, завещанным на благотворительные цели» [19].

Подобные факты имели место и в других промышленных городах.

Капиталисты, помимо саботажа производства, использовали и другие методы борьбы с рабочим контролем. Противодействие рабочему контролю они проводили главным образом через свои классовые организации — общества заводчиков и фабрикантов, которые, в свою очередь, опирались на Временное правительство, в частности, на министерство труда, возглавлявшееся, после создания коалиционного правительства, министром-«социалистом». Капиталисты отказывались оплачивать труд рабочих и выборных мастеров, принятых на предприятия помимо их воли, обжаловали решения фабрично-заводских комитетов в министерство труда, добиваясь их отмены, отказывались признавать права фабзавкомов в области административного и финансового управления предприятиями, всеми мерами защищали изгнанных рабочими мастеров, вплоть до того, что выплачивали им вперед зарплату, и т. п.

Так, например, 19 мая 1917 г. районное совещание заводчиков и фабрикантов Выборгской стороны Петрограда, обсудив вопрос о деятельности контрольно-хозяйственных комиссий фабрично-заводских комитетов, явочным порядком осуществлявших функции контроля над приобретением и расходованием сырья, выпуском продукции, расходом и приходом денежных сумм предприятий и т. д., постановило: «Контрольно-хозяйственных комиссий не признавать, помещений им не отводить и время членов этих комиссий не оплачивать» [20].

В протоколе Выборгского районного совещания заводчиков и фабрикантов от 2 июня 1917 г. имеется следующая запись: «...Слушали: 2) Об увольнении директора завода. На одном из заводов района рабочие потребовали увольнения директора завода, причем ему предложили не только покинуть завод, но и выйти из состава правления... Постановили: Подобных заявлений и требований вовсе не принимать и в рассмотрение их не входить, мотивируя отказ тем соображением, что заводским комитетам, согласно положению, не представлено решать вопросы, касающиеся управления заводом» [21].

---

[18] «Социал-демократ», № 74, от 6 июня 1917 г.
[19] «Правда», № 66, от 26 мая 1917 г.
[20] ГАОРСС ЛО, ф. 1707, св. 18, 1917 г., д. 158, л. 56.
[21] Там же, л. 70.

В целях борьбы с рабочим контролем предприниматели, заручившись поддержкой эсеров и меньшевиков, постарались также обеспечить себе руководящее положение при разрешении конфликтов труда с капиталом. Циркулярное письмо Петроградского общества заводчиков и фабрикантов от 5 мая 1917 г., где шла речь об организации «Центрального комитета по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях», предусматривало, что в случае «возникновения серьезных конфликтов между предпринимателями и рабочими, угрожающих правильному ходу работ, указанный комитет командирует на фабрики и заводы своих делегатов для улаживания конфликтов» [22]. Истинные цели этого комитета, созданного для борьбы с рабочим контролем, разоблачил В. И. Ленин в статье «Идут на перерез» [23].

Однако капиталистам, несмотря на то, что их поддерживали Временное правительство и соглашательские партии, не удалось сломить борьбу рабочего класса за контроль над производством. По мере того, как рабочие массы все в большей мере переходили под руководство Коммунистической партии, их борьба с капиталистами принимала все более действенный и организованный характер.

Правотворчество крестьянских масс в период двоевластия развивалось прежде всего в направлении борьбы за землю, самочинного захвата помещичьих, казенных и иных земель и создания соответствующих революционно-демократических правовых норм в области земельных отношений. Органами крестьянского правотворчества были Советы крестьянских депутатов и волостные земельные комитеты. Под давлением трудящихся крестьянских масс они нередко выносили и проводили в жизнь постановления об изъятии у помещиков земли, хлеба и сельскохозяйственного инвентаря, об обложении в пользу земельных комитетов крупных земельных собственников, о принудительной аренде помещичьей земли по низким ценам и т. д. Что же касается уездных и губернских земельных комитетов, в которых преобладали правые эсеры, то они в большей части не только не были органами крестьянского правотворчества, а, наоборот, всемерно поддерживали борьбу Временного правительства с революционным крестьянством.

Особенно широкий размах крестьянское правотворчество получило в центральных губерниях России и в Поволжье, т. е. в тех районах, где особенно сильны были крепостнические пережитки и где особенно обострилась классовая борьба крестьянства с помещиками. О крестьянском правотворчестве в этих районах, где еще живы были революционные традиции борьбы крестьянства за землю и волю в годы революции 1905—1907 гг., свидетельствуют многочисленные факты. «В некоторых местах Московской губернии,— сообщала «Правда»,— крестьяне, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, приступили к захвату помещичьей, удельной и других земель и к засеиванию ее. В частности, крестьяне, живущие возле большого имения кн. Голицына, вели с ним переговоры об аренде земли. Цены были заломлены высокие,— крестьяне после обсуждения решили захватить землю под распашку, что через крестьянский комитет и сделали. Помимо земли, крестьянский комитет взял и орудия производства и сельскохозяйственный скот [24].

Комиссар Военного правительства в Нижегородской губ. сообщал в Министерство внутренних дел: «Аграрное движение в губернии не

[22] ГАОРСС ЛО, ф. 1559, св. 2, 1917 г., д. 25, л. 99.
[23] См. В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 332—334.
[24] «Правда», № 8, от 11 мая 1917 г.

только не утихает, но все более и более приобретает характер определенной систематичности и расширяется... Почти во всех уездах губернии и в особенности в южных земледельческих... крестьяне делают постановления о снятии военнопленных с частных экономий, о воспрещении нанимать на работы как поденных, так и постоянных служащих, о требовании сдать землю в аренду, устанавливая через волостные комитеты свои арендные цены. Ввиду предстоящего сенокоса в огромном большинстве уездов крестьяне через те же комитеты требуют сдачи себе лугов по пониженной цене или бесплатно... Такое отношение комитетов проявляется не только по отношению к крупным землевладельцам, но также и к отдельным крестьянам (т. е. кулакам.— *Ю. Т.*)... Комиссарам, как представителям власти, приходится постоянно вмешиваться в эти распоряжения и отменять их, как незаконные и самоуправные. Но часто распоряжения комиссаров не достигают никакой цели, ибо комитеты не подчиняются им и остаются при своем прежнем решении, ссылаясь на свое «народное право» [25].

Подобные сообщения поступали и из других губерний.

Движение крестьянских масс центра России и Поволжья имело настолько серьезный характер и приобрело столь большой размах, что его не могли сдержать ни власти Временного правительства, ни поддерживавшая его партия эсеров. Даже губернские Советы крестьянских депутатов и губернские съезды крестьянских депутатов, в которых подавляющее большинство составляли эсеры, были вынуждены под давлением крестьянства выносить решения о принудительном изъятии помещичьих земель. Так, съезд крестьянских депутатов Пензенской губ., собравшийся 22 мая 1917 г., вынес постановление об отмене частной собственности на землю и передаче земли крестьянам без всякого выкупа. 28 мая 1917 г. съезд решил передать в ведение волостных земельных комитетов для распределения между трудящимися крестьянами все помещичьи, государственные и прочие земли в губернии [26].

Временное правительство не на шутку встревожилось постановлением съезда и поспешило принять экстренные меры к ликвидации его последствий. По этому поводу в «Вестнике Временного правительства» появилось сообщение о том, что министр внутренних дел князь Львов «...телеграммой предложил Пензенскому губернскому комиссару принять решительные меры к недопущению исполнения постановления съезда и широко оповестить местное население о том, что лица, допускающие захват какой бы то ни было чужой собственности, подлежат законной ответственности» [27]. С неменьшей тревогой сообщало Временное правительство и о постановлении Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов Тульской губ., который решил, не ожидая созыва Учредительного собрания, провести в жизнь временный аграрный законопроект главного земельного комитета о передаче всей земли в губернии земельным комитетам [28].

Значительное место в народном правотворчестве в первые месяцы после Февральской революции занимало уголовное преследование наиболее активных приверженцев царского самодержавия — высших должностных лиц царского правительства, чинов полиции, сотрудников жан-

---

[25] «Вестник Временного правительства», № 93 (139), от 1 июля 1917 г.
[26] К у р а е в. Октябрь в Пензе. Пенза, 1927, стр. 34.
[27] «Вестник Временного правительства», № 76 (122), от 10 июня 1917 г.
[28] «Вестник Временного правительства». № 99 (145), от 8 июля 1917 г.

дармских управлений, провокаторов и всех тех, кто проявил себя в годы самодержавия палачами революционного движения. Арестами активных защитников самодержавия и преданием их суду революционные массы проводили в жизнь призыв большевистской партии, которая в одном из первых номеров возрожденной «Правды», обращаясь к народу, писала: «Можно ли думать, товарищи, о полной победе над кровавым самодержавием, пока вся многочисленная царская свора вместе с верховным убийцем Николаем на свободе? Настал час суда народного над ними, но прежде всего надо захватить их. Николай и холопы его должны быть немедленно и прежде всего арестованы и преданы справедливому суду народа» [29].

Расследование преступной деятельности врагов революции производилось, как правило, следственными комиссиями, которые создавались чаще всего при местных Советах. В состав комиссий входили представители от Советов, общественных организаций, органов местного самоуправления, политических партий и иногда от органов суда и прокуратуры (последние с совещательным голосом). Следственные комиссии занимались главным образом собиранием обвинительных материалов. С этой целью они публиковали в газетах объявления, в которых призывали граждан сообщать известные им сведения о преступной деятельности того или иного обвиняемого, устанавливали контакт с комитетами политических партий, располагавших сведениями о провокаторах, снимали допросы с обвиняемых, выступали в судах в качестве обвиняющей стороны и т. п. В качестве меры пресечения следственные комиссии применяли в отдельных случаях заключение обвиняемых под стражу.

Так, например, в Гельсингфорсе постановлением Исполкома местного Совета от 8 марта 1917 г. была организована секция «по охране русской свободы», в задачу которой входила охрана общественного порядка. 12 марта 1917 г. общее собрание Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих решило учредить следственную комиссию «для разъяснения вопроса о задержанных и содержащихся до сего времени под арестом офицерах» в составе двух солдат, двух матросов, двух офицеров и одного рабочего [30].

Состоявшееся 27 марта 1917 г. организационное собрание Нарвского районного Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде постановило учредить в составе Совета следственную комиссию [31]. Такие комиссии были созданы и в других местах.

Временное правительство чинило всяческие препятствия деятельности следственных комиссий. Оно не останавливалось даже перед такими мерами, как освобождение из-под стражи арестованных по воле народа черносотенцев и прочих врагов революции, имея в виду использовать их в дальнейшем для борьбы с революционным движением. Так, по распоряжению товарища министра юстиции, был выпущен на свободу один из главарей черносотенцев в Иваново-Вознесенске, который 18 апреля 1917 г. был арестован рабочими и передан ими в местную судебно-следственную комиссию, как активный участник разгрома Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов в 1905 г., организатор еврейских погромов и избиений интеллигенции.

Иваново-Вознесенский Совет, руководящая роль в котором принадлежала большевикам, выразил свой гневный протест по этому поводу.

---

[29] «Правда», № 4, от 9 марта 1917 г.

[30] «Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», № 6, от 16 марта 1917 г.

[31] ГАОРСС ЛО, ф. 100, оп. 1, 1917 г., д. 1, л. 17.

В резолюции от 26 апреля 1917 г. говорилось: «Совет рабочих и солдатских депутатов... не позволит Временному правительству учинять насилия над созданными революционными учреждениями и... выражает свое негодование укрывателям погромщиков и врагов народа, обращается с горячим призывом к Петроградскому и Московскому Советам рабочих и солдатских депутатов присоединиться к его протесту против вызывающих действий органов Временного правительства и принять энергичные меры в защиту созданных народом установлений, в защиту попранной воли народа» [32].

Протест против подобных действий Временного правительства выражали и петроградские рабочие. 8 апреля 1917 г. рабочие завода «Феникс» на общезаводском митинге вынесли следующую резолюцию: «Мы, рабочие завода «Феникс», в количестве 2500 чел., узнав, что многие приверженцы старого режима, полицейские и бюрократы рухнувшего царизма, освобождаются из тюрем, выражаем самый горячий протест против такой меры. Эти лица являлись ревностными слугами царизма, проводя его кровавые замыслы в исполнение, что мы и испытывали неоднократно на своей спине. Требуем обратного возвращения прислужников царизма в тюрьмы и каторги»... [33].

В Кронштадте местному Совету в течение длительного времени пришлось противостоять попыткам Временного правительства освободить арестованных народом царских жандармов и провокаторов, переданных в местную следственную комиссию.

Организационные формы и характер деятельности совестных судов обвинявшихся в активной борьбе против революционного движения в годы царизма, являлись чаще всего так называемые совестные суды (или межпартийные совестные суды), составлявшиеся из представителей политических партий. Кроме того, в их состав входили выборные представители от местных Советов, общественных организаций, органов местного самоуправления и т. д.

Организационные формы и характер деятельности совестных судов можно проиллюстрировать на примере такого суда в г. Владимире. В состав Владимирского межпартийного суда входили по три представителя от местных комитетов политических партий, представители местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также, в качестве сведущих лиц, представители от адвокатуры и прокуратуры. В задачу суда входило рассмотрение дел лиц, обвиняемых в секретном сотрудничестве с агентами жандармского управления. Судебное присутствие состояло из докладчика, обвинителя, защитника и пяти судей. В качестве докладчика на суде выступал представитель Советов; в качестве обвинителя — представитель партии, «перед которой подсудимый является наиболее скомпрометировавшим себя лицом»; в качестве судей — представители партий. Судебное разбирательство проходило в публичном и гласном процессе.

Меры наказания, применявшиеся судом, были следующие: 1) порицание в публичном заседании суда; 2) порицание с опубликованием в печати и сообщением по месту службы; 3) порицание и выражение гражданского недоверия; 4) признание лица вредным для государственного строя и общественной безопасности с ходатайством перед комиссией по рассмотрению дел об арестованных во внесудебном порядке о продлении содержания обвиняемого под стражей до 3 месяцев; 5) ходатайство

[32] «Известия Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 4, от 16 мая 1917 г.

[33] ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, 1917 г., д. 142, л. 113.

перед комиссией по выборам в Учредительное собрание о лишении подсудимого активного и пассивного избирательного права [34].

Совестные суды в других городах носили примерно такой же характер.

Необходимо отметить, что большинство совестных судов и следственных комиссий находилось под влиянием эсеров и меньшевиков. Их усилия привели к тому, что большинство судов и следственных комиссий превратились в безвластные, декларативные органы, не дерзавшие выйти в своей деятельности за рамки буржуазной «законности». На примере Владимирского межпартийного совестного суда видно, что совестные суды в своем большинстве не применяли сколько-нибудь суровых мер к врагам революции. Свои задачи они ограничивали малоэффективными мерами морального воздействия и возбуждением ходатайств о применении столь же малоэффективных мер со стороны других организаций.

Революционное правотворчество масс охватывало и продовольственное дело. Созданные самодеятельным путем соответствующие организации проводили принудительные реквизиции у крупных держателей продовольствия, осуществляли борьбу со спекуляцией продуктами, активно вмешивались в дело концентрации, учета и распределения продовольствия, руководствуясь в своей работе не нормами буржуазного права, а интересами народа.

Народное правотворчество развивалось и во многих других формах. Оно выражалось в создании правовых норм, определявших основы деятельности Красной гвардии, заводской милиции и иных боевых формирований пролетариата, организации в сельских местностях, а, частично, и в городах, различных комитетов, бравших на себя разрешение всевозможных задач местного управления и др.

Таким образом, не было по существу ни одной области в экономической и политической жизни страны, в которую бы не вторглось народное правотворчество. Везде массы проявляли свою революционную самодеятельность, вырабатывали нормы нового революционного права, осуществляя и закрепляя при их помощи свои революционные завоевания.

III

После июльских событий Временное правительство, получив полноту власти, начало систематическое наступление на рабочий класс и его партию, а также на революционное крестьянство.

12 июля 1917 г. была восстановлена смертная казнь на фронте и введены так называемые военно-революционные суды, с тем чтобы применять смертную казнь к военнослужащим, совершившим «измену» [35]. Постановлением Временного правительства от 4 августа 1917 г. предусматривалось, что «виновный в насильственном посягательстве на изменение существующего государственного строя в России... или на смещение органов верховной в государстве власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую наказывается каторгою без срока и срочною» [36].

Не ограничиваясь применением судебных репрессий против революционных масс, Временное правительство узаконило также и внесудебную репрессию, т. е. вступило на путь неприкрытой военной диктатуры.

[34] «Известия Владимирского губернского временного Исполнительного комитета» № 93 и 108, от 9 и 28 июля 1917 г.

[35] «Вестник Временного правительства», № 103 (149), от 13 июля 1917 г.

[36] «Вестник Временного правительства», № 127 (173), от 10 августа 1917 г.

2 августа 1917 г. оно издало постановление, согласно которому военному министру и министру внутренних дел предоставлялось право по взаимному соглашению без следствия и суда «постановлять о заключении под стражу лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей обороне государства, внутренней его безопасности и завоеванной революцией свободе»[37]. В результате этого кровавого «законодательства» начались массовые аресты большевиков, революционных рабочих и солдат. Помимо этого, Временное правительство развило активную деятельность по разоружению рабочих, расформированию революционных воинских частей, посылке карательных отрядов в деревню и т. д.

Временное правительство повело наступление также и на народное правотворчество и прежде всего против рабочего правотворчества в области рабочего контроля. Циркуляром министра труда от 23 августа 1917 г. устанавливалось, что право найма и увольнения рабочих принадлежит только владельцам предприятий. В случае несогласия предпринимателей с требованиями рабочих об увольнении лиц заводской администрации рабочим надлежало обращаться в заводские совещания, которые, как известно, целиком стояли на стороне капиталистов. Насильственное увольнение рабочими представителей администрации признавалось уголовно-наказуемым деянием[38]. 28 августа 1917 г. последовал новый циркуляр, которым запрещалось созывать в рабочее время общие собрания рабочих и заседания фабрично-заводских комитетов.

Была резко усилена репрессивная политика и по отношению к революционному крестьянству. В деревню посылались карательные отряды, производились массовые аресты членов земельных комитетов, выносивших решения об изъятии земли у помещиков. Министры внутренних дел, земледелия и продовольствия рассылали губернским комиссарам циркуляры один грознее другого, где предписывалось расправляться с теми крестьянами, которые нарушали «священную» частную собственность помещиков. Так, например, приказ министра продовольствия от 18 июля 1917 г. гласил: «Объявить населению, что за самовольные и незаконные действия, препятствующие землевладельцам вести хозяйство, виновные, помимо возмещения причиненных убытков, подлежат строгой законной ответственности; о виновных в таких действиях лицах надлежит немедленно представлять судебной власти о возбуждении против них уголовного преследования»[39]. Циркуляр товарища министра земледелия предписывал губернским и уездным комитетам «бдительно блюсти, чтобы волостные комитеты не препятствовали уборке хлебов». Комитеты, нарушавшие постановления правительства, подлежали «строгой ответственности»[40].

Временное правительство решило также покончить с народным правотворчеством в области уголовного преследования активных приверженцев царизма. 16 июля 1917 г. оно издало постановление «О порядке рассмотрения дел о лицах, арестованных во внесудебном порядке», которое запрещало под страхом уголовной ответственности «всем без исключения правительственным и общественным учреждениям, а также должностным и частным лицам подвергать вне порядка, указанного в действующих законах, кого-либо задержанию или ограничению в праве свободного избрания места жительства и пользования свободою слова». Согласно постановлению, лица, арестованные во внесудебном порядке,

[37] «Вестник Временного правительства», № 127 (173), от 10 августа 1917 г.
[38] «Вестник Временного правительства», № 136 (182), от 4 сентября 1917 г.
[39] «Вестник Временного правительства», № 109 (155), от 19 июля 1917 г.
[40] «Вестник Временного правительства», № 156 (202), от 19 сентября 1917 г.

подлежали юрисдикции специальных комиссий в составе члена окружного суда (председатель) и членов, избранных губернскими и городскими управами, а где их нет — представителями губернского комиссара Временного правительства. Этим комиссиям предоставлялось право продлить содержание арестованных под стражей на срок до 3 месяцев или же освободить их. Решения комиссий могли отменяться лишь министром юстиции [41].

Однако все контрреволюционные мероприятия Временного правительства не имели успеха. Несмотря на жестокие репрессии, рабочие массы продолжали усиливать свое правотворчество в области рабочего контроля над производством. Они все чаще и чаще выносили решения об изгнании с фабрик и заводов капиталистов-саботажников, а управление предприятиями брали в свои руки. Пролетариат не отступил перед Временным правительством и в вопросе найма и увольнения. Состоявшаяся 10 сентября 1917 г. в Петрограде III конференция фабрично-заводских комитетов, выразив гневный протест по поводу попыток Временного правительства ликвидировать рабочий контроль, постановила всемерно добиваться «утверждения законодательным порядком прав фабрично-заводских комитетов, которыми они пользуются в настоящий момент на основании обычного революционного права» и продолжения на местах работы фабрично-заводских комитетов на прежних основаниях, «углубляя и расширяя их в направлении установления действительного рабочего контроля над производством и распределением» [42].

Борьба за рабочий контроль после июльских событий стала приобретать еще более острый характер и проявлялась во все более радикальных формах. Если в Петрограде до июльских событий почти не наблюдались случаи изъятия рабочими предприятий у капиталистов-саботажников, то после июльских дней подобные факты стали учащаться. В Петергофском районе Петрограда (где местный Совет находился под влиянием большевиков) в течение июля 1917 г. рабочие взяли в свои руки управление двумя частновладельческими предприятиями [43].

Временному правительству не удалось также ликвидировать крестьянское правотворчество. Несмотря на жестокие преследования, трудящееся крестьянство не только не ослабило революционное движение за землю, но, наоборот, усилило его. Повсюду, в особенности в центральных губерниях России и Поволжья, крестьяне выносили и проводили в жизнь постановления о захвате помещичьей земли, скота, инвентаря. Крестьянская масса самочинно экспроприировала помещиков.

7 августа 1917 г. Анастасовский волостной комитет Симбирской губ. телеграфировал Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов: «Приступая к проведению в жизнь начал народовластия, Анастасовский волостной комитет Симбирской губернии вместе с уполномоченными сельских комитетов приветствует вас, обещая полную поддержку. Ввиду несогласия помещиков Б... и П... с крестьянами относительно арендной платы за землю комитет, озабочиваясь своевременным засевом всей имеющейся в волости земли, постановил производить посевы вопреки воле помещиков» [44].

Казанский губернский комиссар Временного правительства сообщал в министерство внутренних дел: «Проникнутые постоянной мечтой о лучшем земельном наделе, как в качественном, так и в количественном

[41] «Вестник Временного правительства», № 135 (181), от 20 августа 1917 г.
[42] «Рабочий путь», № 10, от 14 сентября 1917 г.
[43] ГАОРСС ЛО, ф. 101, оп. 1, 1917 г., д. 3, лл. 53—54.
[44] ГАОРСС ЛО, ф. 313, оп. 9, 1917 г., д. 142, л. 110.

отношении, сельские граждане охотно ополчаются на соседние усадьбы, захватывают их землю, луга, леса. Исстрадавшиеся долгим и безнадежным ожиданием, они не стесняются отбирать землю от многоземельных крестьян, в особенности у отрубников, у хуторян. Такие случаи в Казанской губернии довольно значительны... Захваты земель имели место во всех уездах и в борьбе с этим явлением комиссар принимал и ныне принимает все меры... При очевидных и вполне проверенных правонарушениях комиссар всегда сносится с прокурором судебной палаты, перед которым ходатайствует о привлечении виновных к ответственности» [45].

Временное правительство не смогло ликвидировать также правотворчество масс в области уголовного преследования активных приверженцев царизма. В революционных центрах России, особенно там, где местные Советы были большевистскими, народные массы, не считаясь с постановлениями Временного правительства, творили революционный суд над провокаторами, жандармами и другими врагами революционного движения.

В этом отношении очень характерен пример Кронштадта. Во время Февральской революции кронштадтскими матросами были арестованы секретные сотрудники местного жандармского управления. Арестованные провокаторы и агенты охранки впредь до предания их суду содержались в военной тюрьме. Чувствуя, что пребывание в Кронштадте может иметь для них неприятные последствия, они любыми путями старались попасть в Петроград, под покровительство петроградской прокуратуры, не без оснований рассчитывая получить там свободу. С этой целью они объявили голодовку. Вопрос о дальнейшей судьбе провокаторов был вынесен на обсуждение Кронштадтского Совета, который в заседании от 25 августа 1917 г. постановил: «провокаторов, находящихся в кронштадтских тюрьмах, оставить под арестом до созыва Учредительного собрания, что бы они ни предпринимали, так как очутившись на воле (при переводе в Петроград), они могут принести большой вред закреплению свободы и дальнейшим завоеваниям таковой» [46]. 22 сентября вопрос о судьбе провокаторов вторично разбирался Кронштадтским Советом, который постановил для разбора дел провокаторов создать суд в составе: «по одному представителю от политических партий с.-р. интернационалистов, с.-р. максималистов, с.-д. большевиков, с.-д. меньшевиков, анархистов-синдикалистов, анархистов-коммунистов, Центрального бюро профсоюза, Исполнительного комитета С. Р. и С. Д., кооперативов, городского самоуправления, крестьянских землячеств, адвокатуры, прокуратуры и следственной комиссии» [47].

В период разгрома корниловщины народное правотворчество обогатилось еще одной формой. Революционные массы в процессе борьбы с корниловским мятежом стали создавать новое революционное право, проводя аресты контрреволюционной военщины и других приверженцев Корнилова, пресекая погромную агитацию черносотенных элементов и осуществляя иные функции охраны революционного порядка. Органами революционного правотворчества масс в области борьбы с корниловской контрреволюцией были главным образом революционные комитеты на местах, которые организовывались под руководством большевиков. Эти комитеты, опиравшиеся на боевые формирования пролетариата, т. е. на

[45] «Вестник Временного правительства», № 129 (175), от 12 августа 1917 г.

[46] «Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 132, от 27 августа 1917 г.

[47] «Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 153, от 24 сентября 1917 г.

рабочие дружины, отряды Красной гвардии и т. п., действовали как органы революционной власти, не считаясь при осуществлении своих функций с нормами буржуазного права.

Характер деятельности революционных комитетов хорошо прослеживается на примере одного из них — Гельсингфорсского революционного комитета. Этот комитет был образован на состоявшемся 29 августа 1917 г. совместном заседании Гельсингфорсского Совета рабочих и воинских депутатов с полковыми, ротными и судовыми комитетами, Центральным комитетом Балтийского флота, Областным комитетом Финляндии и др. Собрание, обсудив создавшееся в связи с корниловским мятежом положение, постановило избрать революционный комитет из 25 человек. В состав комитета вошли 13 представителей от Совета, а остальные — от Центробалта, Областного комитета Финляндии и Областного Крестьянского Совета. Комитет наделялся неограниченными полномочиями и был подотчетен лишь избравшему его собранию [48]. В резолюции комитета, утвержденной расширенным собранием Гельсингфорсского Совета 2 сентября 1917 г., говорилось: «Частая смена министерского кабинета, в составе которого не перестают быть представители буржуазных классов, враждебных демократии, непроведение в жизнь до сего времени демократизации, как в министерстве юстиции, так и в других, заставили нас зорко следить за всеми действиями правительства и в случае несогласия с таковыми выступить самим на защиту нашей молодой свободы... Раскрытие заговора Корнилова заставило нас подвергнуть контролю командный состав и некоторых арестовать, заменив их вполне достойными в боевом отношении. О всех арестованных лицах следственной комиссией революционного комитета будет произведено самое тщательное расследование» [49].

В ходе разгрома корниловщины активизировалась деятельность Советов рабочих и солдатских депутатов по созданию боевых дружин, отрядов Красной гвардии, заводской милиции и других пролетарских военных формирований. Так, межрайонное совещание районных Советов Петрограда, руководящее положение в котором перешло к большевикам, 29 августа 1917 г. утвердило «Инструкцию по организации рабочей милиции», согласно которой при районных Советах должны были организоваться отряды красногвардейцев во главе с комендатурой, выделяемой Исполкомом соответствующего Райсовета, районной управой и районными комитетами партий [50].

Вооруженные отряды рабочих арестовывали контрреволюционных заговорщиков и распространителей погромной литературы, брали под контроль транспорт и средства связи и осуществляли другие функции охраны революционного порядка.

Временное правительство, сильно обеспокоенное деятельностью революционных комитетов, опиравшихся на боевые формирования пролетариата, взяло курс на их ликвидацию. Циркуляр министра внутренних дел, направленный губернским и областным комиссарам Временного правительства, предписывал им ликвидировать революционные комитеты, которые «объявили себя постоянно действующими революционными органами..., производят незаконные аресты и обыски и пытаются смещать обязанных стоять на страже закона комиссаров Временного

[48] «Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», № 144, от 6 сентября 1917 г.

[49] «Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», № 147, от 10 сентября 1917 г.

[50] ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 1, 1917 г., д. 4, лл. 5—6.

5 Зак. 1310

правительства». Циркуляр заканчивался указанием на то, что «комиссары, являющиеся представителями Временного правительства на местах, обязаны проявить наибольшую энергию и настойчивость в деле охранения законного порядка и защиты законных прав всех слоев населения, препятствуя решительными мерами захватам власти, откуда бы они ни исходили и кем бы ни совершались»[51].

Однако Временное правительство встретило надлежащий отпор со стороны Советов, не желавших допустить повторения корниловской авантюры. Так, Выборгский районный Совет Петрограда, обсудив вопрос о распоряжении Керенского распустить революционные боевые формирования, записал в своей резолюции: «Принимая во внимание, что заговор Корнилова представляет лишь один из этапов решительной борьбы буржуазии против революции, что эта борьба не только не кончается с ликвидацией (далеко не завершенной) корниловского заговора, а скорее будет принимать все более острые формы, вместе с чем возрастает роль и значение революционных центров по борьбе с контрреволюцией, Выборгский районный Совет раб. и солд. депутатов, не признавая за правительством права роспуска революционных организаций, созданных компетентными демократическими учреждениями, постановляет: — Революционных организаций по борьбе с контрреволюцией не распускать, о чем довести до сведения ЦИК»[52].

Подобные постановления приняли также и другие районные Советы Петрограда, находившиеся под руководством большевиков.

После разгрома корниловского мятежа, в сентябре — октябре 1917 г., народное правотворчество приобретало все больший размах и по существу стало упираться в проблему власти. Это нашло свое выражение в попытках некоторых местных Советов установить свое единовластие, устранив от власти местные органы Временного правительства. Естественно, что народное правотворчество, развивающееся в этом направлении, приобрело наиболее радикальный характер и носило уже в себе черты, максимально сближавшие его с послеоктябрьским массовым правотворчеством. Так было, например, во Владимире и Гельсингфорсе.

Во Владимире губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, собравшийся 16 октября 1917 г., постановил:

«1. Объявить Временное правительство и все партии, его поддерживающие, правительством и партиями измены революции и предательства народа.

2. Считать отныне все Советы Владимирской губернии и их губернский центр (Губернский Исполнительный комитет) на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством.

На основании этого:

3. Установить как по отношению к распоряжениям самого Временного правительства, так и его агентов на местах, полную свободу действий, приступая немедленно к регулированию политической, хозяйственной и иной жизни своей собственной властью, строго сообразуясь с интересами трудовых масс различных районов.

4. Обратиться с призывом к Советам крестьянских депутатов вступить на тот же путь активной революционной борьбы с правительством народной измены, чтобы помочь рабочим и солдатам спасти страну и революцию»[53].

---

[51] «Вестник Временного правительства», № 162 (208), от 26 сентября 1917 г.
[52] ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 2, 1917 г., д. 2, л. 12.
[53] Н. Шаханов. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. Владимир, 1927, стр. 106.

Решение, принятое съездом, само по себе являвшееся актом правотворческого характера, открывало вместе с тем широкий простор для правотворчества масс.

Гельсингфорсский Совет в заседании от 19 сентября 1917 г. вынес постановление о своем присоединении к знаменитой резолюции Центробалта, гласившей, что последний «распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает» [54].

Каковы же общие итоги народного правотворчества к моменту проведения Октябрьского переворота? Во-первых, широкие массы трудящихся города и деревни на собственном опыте убедились в необходимости до основания разбить судебный аппарат Временного правительства, ликвидировать буржуазную законность, и что новый революционный суд, новое революционное право во всей своей полноте возможно создать и упрочить лишь при переходе всей власти в руки Советов. Иными словами, политические идеи Коммунистической партии массы осознали как свои собственные, и в этом был залог успешного созидания нового революционного права в ходе становления диктатуры пролетариата.

Во-вторых, к кануну Октябрьской революции массы накопили большой правотворческий опыт в процессе самодеятельного осуществления революционно-демократических требований в области права и создали некоторые готовые формы судебно-следственных органов. Самым ценным в этом опыте было то, что массы на практике убедились в своей способности творить право, решать дело создания революционного суда, революционной законности.

В-третьих, дооктябрьское народное правотворчество явилось подготовительным этапом к созданию Советской властью важнейших законодательных актов, изданных непосредственно после Октябрьской революции. Имеющие огромное историческое значение декреты о земле и о рабочем контроле были в значительной мере подготовлены дооктябрьским правотворчеством масс.

Наконец, в-четвертых, народное правотворчество имело большое положительное значение для развития пролетарской революции, для укрепления революционных позиций рабочего класса и крестьянства. Арестуя врагов революции, пресекая саботаж предпринимателей, осуществляя принудительное изъятие помещичьих земель, массы ослабляли силы контрреволюции, подрывали устои государственного аппарата буржуазии и тем самым облегчали дело его окончательного свержения и слома.

IV

Первый этап развития Советской власти, с ноября 1917 г. по февраль 1918 г., В. И. Ленин назвал периодом «красногвардейской атаки на капитал». В течение этого периода главной задачей Коммунистической партии и народа было завоевание политической власти и подавление сопротивления эксплуататоров. Эта задача и легла в основу послеоктябрьского правотворчества масс. Революционные массы с первых же дней революции проявили чрезвычайную активность в подавлении контрреволюционного саботажа, погромных выступлений уголовно-анархистских элементов, спекуляции и других посягательств на установленный Советской властью революционный правопорядок. Развиваясь по этому пути,

[54] «Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», № 154, от 20 сентября 1917 г.

народное правотворчество первых послеоктябрьских дней внесло ценный вклад в дело укрепления пролетарской диктатуры.

Всемерному развитию народного правотворчества способствовала политика Коммунистической партии и Советского правительства, будившая и направлявшая правовой почин масс, призывавшая массы брать в свои руки дело охраны революционного порядка, чинить народный суд над врагами революции. В этом отношении замечательным документом является обращение Совета Народных Комиссаров «К населению», написанное 5 ноября 1917 г. В. И. Лениным. Ленинские призывы сыграли огромную роль в деле мобилизации масс на борьбу за строжайший революционный порядок, за создание снизу нового революционного права.

В первый месяц революции непосредственное практическое руководство народным правотворчеством осуществляли боевые органы пролетарской диктатуры — Петроградский и местные военно-революционные комитеты, которые, помимо непосредственных военных мероприятий по захвату власти, должны были обеспечить охрану революционного порядка.

Особенно важная роль в деле победы Октябрьской революции и упрочения Советской власти принадлежала Петроградскому военно-революционному комитету. Уже в самые первые дни после победы Октябрьского вооруженного восстания Петроградский военно-революционный комитет издал ряд постановлений и воззваний, где самым решительным образом заявлял о своей готовности охранять революционный порядок. В постановлении от 31 октября 1917 г. говорилось: «I. Военно-революционный комитет выполняет все те дела, которые поручает ему Совет Народных Комиссаров. II. В настоящий момент к ведению В.-Р.-К. относится: 1) охрана революционного порядка; 2) борьба с контрреволюцией; 3) охрана учреждений, являющихся пунктами Советов Р. и С. Депутатов и Совета Народных Комиссаров» [55]. В своем обращении под названием «Всем истинным гражданам», изданном 10 ноября 1917 г., и в других постановлениях и обращениях Военно-революционный комитет указывал, что он будет вести беспощадную борьбу со всеми врагами новой революционной власти — саботажниками, контрреволюционными юнкерами, ворами, хулиганами и т. п. Осуществляя свою карательную деятельность, Военно-революционный комитет старался привлечь к делу охраны революционного порядка широкие слои населения. В указанном обращении Военно-революционный комитет заявлял, что борьба с нарушениями революционного порядка есть «общее дело всех честных людей. Военно-революционный комитет ждет поддержки от тех, кому дороги интересы народа» [56].

Местные военно-революционные комитеты, руководившие свержением власти Временного правительства на периферии, действовали по примеру Петроградского военно-революционного комитета и сразу же после своего создания брали на себя охрану революционного порядка.

Владимирский военно-революционный комитет выпустил 31 октября 1917 г. воззвание ко всем гражданам, в котором доводил до всеобщего сведения, что «Владимирский Совет рабочих и солдатских депутатов взял на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений. Гарнизон города Владимира,— говорилось в воззвании,— не допустит никаких насилий и бесчинств. Население призывается задерживать хулиганов и черносотенных агитаторов и доставлять

---

[55] «Правда», № 174, от 13 ноября 1917 г.

[56] «Известия ЦИК и Петросовета рабочих и солдатских депутатов», № 222, от 11 ноября 1917 г.

их комиссарам Совета в ближайшую воинскую часть или коменданту Совета... При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Владимира смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли»[57].

В Москве Замоскворецкий военно-революционный комитет обратился 29 октября 1917 г. к гражданам района со следующим обращением: «Замоскворецкий военно-революционный комитет объявляет, что будут подавляться самыми беспощадными мерами: 1) продажа водки; 2) погромы; 3) стрельба из домов; 4) черносотенная агитация. Все нарушители порядка, все появляющиеся в нетрезвом виде, все чинящие насилие и грабежи — враги народа и революции, и с ними будет поступлено со всею строгостью революционного времени»[58].

В ряде мест военно-революционные комитеты взяли на себя инициативу создания судебно-следственных органов для борьбы с нарушениями революционного порядка. Так, в Ревеле военно-революционный комитет при Исполнительном комитете Советов Эстонского края в обращении к населению Эстонии, возвещавшем о свержении власти Временного правительства, объявил: «При военно-революционном комитете образован революционный трибунал. Единственно этот трибунал полномочен судить лиц, изобличаемых в контрреволюционности. Никаких самосудов! Никаких выступлений без санкции военно-революционного комитета! Спокойствие и выдержка! В дисциплинированности наша сила! Беспрекословное подчинение военно-революционному комитету!»[59].

Народное правотворчество в первый период Октябрьской революции шло прежде всего по линии подавления саботажа, погромных выступлений уголовно-анархистских элементов, спекуляции, мародерства и т. п. В соответствии с этими задачами охраны революционного порядка складывались и его конкретные формы.

Главной формой народного правотворчества в первый месяц революции являлось создание самодеятельных революционных судов и следственных комиссий. Эти органы революционного правосудия учреждались в своем большинстве постановлениями местных Советов, в которых, как правило, содержались и материально-правовые и процессуальные нормы, определявшие порядок деятельности этих комиссий и судов. Первоначально они создавались в крупных промышленных центрах, где рабочие массы, находившиеся под влиянием большевиков, принимались за дело строительства нового революционного суда, не ожидая декретов из центра. Еще задолго до опубликования декрета о суде № 1, изданного, как известно, 24 ноября 1917 г., местные Советы в Петрограде, Москве, Кронштадте, Самаре и других городах принимали и проводили в жизнь решения о создании первых революционных судебных установлений.

В Петрограде почин в деле организации первых революционных судов принадлежал рабочим Выборгского района. Уже 28 октября 1917 г. Выборгский Совет рабочих и солдатских депутатов извещал районную Думу: «Для борьбы с грабежами, мародерством, хулиганством, пьянством и пр. Выборгский районный Совет постановил организовать временные народные суды»[60]. На Выборгской стороне, писала «Правда», «Совет организовал временный революционный суд, который должен начать функционировать в ближайшие дни. Состав суда каждого отделения

---

[57] «Голос народа», № 138, от 31 октября 1917 г.
[58] ЦГАОР, ф. 1, оп. 1, 1917 г., д. 2, л. 22.
[59] «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов», № 186, от 28 октября 1917 г.
[60] ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 13, 1917 г., д. 8, л. 4.

состоит из 5 лиц, являющихся представителями от Районного Совета Р. и С. Д., районной Управы, районного Совета домовых комитетов, Районного бюро профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов»[61]. Первое заседание суда состоялось 4 ноября 1917 г.

Правотворческое начинание Выборгского Совета было широко подхвачено в других районах Петрограда. В Петроградском районе вопрос о революционных судах впервые обсуждался в заседании Исполнительного комитета местного Совета 11 ноября 1917 г. 14 ноября Исполнительный комитет, заслушав докладчиков, предлагавших, по примеру выборжцев, организовать революционный суд, постановил командировать одного из своих членов в Выборгский район — «проследить ход суда и таким образом узнать подробности и все детали этого учреждения»[62]. 16 ноября после прений об организации и формировании революционного суда пленум членов Петроградского районного Совета постановил организовать революционный суд из трех представителей от Совета, одного представителя от Совета профсоюзов, одного — от Совета фабрично-заводских комитетов, одного — от домовых комитетов и одного — от районной управы[63].

Петергофский районный Совет в заседании от 4 ноября 1917 г. постановил «создать в своем районе революционные коллегиальные суды, сообщить об этом комиссару юстиции и передать этот вопрос на междурайонное совещание». Одновременно Совет поручил Исполкому «выяснить количество судов в районе и послать в них соответствующее количество судей»[64]. В отношении принципа формирования суда Петергофский Совет последовал примеру Выборгского Совета[65].

В Нарвском районе постановление об образовании революционного суда было принято общим собранием членов местного Совета 15 ноября 1917 г.[66] В первых числах ноября был учрежден временный революционный суд и в Пороховском районе[67].

23 ноября 1917 г. были организованы революционные суды в Спасском районе Петрограда. 22 ноября 1917 г. Спасский Совет, обсудив вопрос об организации в районе военно-революционного суда и следственной комиссии, поручил одному из своих членов «познакомиться с делом в Петроградском Совете и доложить в Исполнительном комитете». На следующий день постановлением Исполнительного комитета местного Совета в Спасском районе были учреждены два суда: военно-революционный и мировой, первый — в составе председателя и двух заседателей; второй — в составе председателя и его товарища[68].

В Гельсингфорсе еще до издания декрета о суде № 1 Совет разработал обширное положение о Гельсингфорсском народном суде. Проект положения оглашался впервые на пленуме Совета от 25 ноября 1917 г. Обсудив проект, пленум постановил обсудить его на местах[69]. Во исполнение этого постановления проект был опубликован в специальном приложении к «Известиям Гельсингфорсского Совета» от 28 ноября 1917 г. В дальнейшем проект положения неоднократно обсуждался в заседаниях Совета и был окончательно утвержден в начале декабря 1917 г.

---

[61] «Правда», № 175, от 1 ноября 1917 г.
[62] ГАОРСС ЛО, ф. 151, оп. 1, д. 17, лл. 155, 157.
[63] Там же, л. 58.
[64] ГАОРСС ЛО, ф. 101, оп. 1, д. 3, л. 101.
[65] Там же, л. 107.
[66] ГАОРСС ЛО, ф. 100, оп. 6, 1917 г., д. 33, л. 33.
[67] ГАОРСС ЛО, ф. 511, оп. 1, 1917 г., д. 1, л. 84.
[68] ГАОРСС ЛО, ф. 153, оп. 1, 1917 г., д. 1, лл. 150, 152.
[69] «Известия Гельсингфорсского Совета», № 222, от 9 декабря 1917 г. Приложение.

В Москве революционные судебно-следственные органы создавались в обстановке кровопролитных боев за установление Советской власти. Поэтому там советское правотворчество выразилось преимущественно в форме учреждения следственных комиссий, осуществлявших репрессии по отношению к арестованным во время боев контрреволюционерам. В связи с военной обстановкой, требовавшей наиболее быстрых и эффективных репрессий к врагам революции, эти комиссии сочетали в своей работе оперативные, следственные и судебные функции. В качестве организаторов следственных комиссий выступали Московский и районные Советы рабочих и солдатских депутатов, которые учреждали их как составные части Московского и районных военно-революционных комитетов.

Следственная комиссия при Московском военно-революционном комитете была учреждена в последних числах октября 1917 г. Постановлением Московского военно-революционного комитета от 28 октября 1917 г. в ее состав были введены представители от солдат [70]. 11 ноября 1917 г. президиум Московского Совета рабочих и солдатских депутатов отнес к ведению комиссии расследование и рассмотрение политических дел, т. е. дел контрреволюционеров, арестованных во время и после боев за установление Советской власти в Москве [71]. В конце октября была создана следственная комиссия и при Замоскворецком военно-революционном комитете [72]. Следственные комиссии были созданы также в Благуше, Лефортовском, Сущевско-Марьинском и других районах Москвы.

Судебно-следственные органы были организованы и в промышленных городах, прилегающих к Москве. В издававшейся в Иваново-Вознесенске газете «Русский Манчестер» сообщалось, что 6 ноября 1917 г. местный штаб революционных организаций организовал судебно-следственную комиссию в составе 10 членов.

Относительно создания следственных комиссий в Твери и в Тверской губ. в отчете губернского комиссара юстиции указывалось: «К организации следственных комиссий на местах было приступлено тот же час после Октябрьской революции; правда, ввиду неимения указаний на организацию этих комиссий, они создавались с самыми разнообразными функциями и с самыми разнообразными наименованиями (помимо следственных и судебные и административные)» [73].

Революционное правотворчество масс получило весьма широкое развитие в Поволжье и на Урале.

В отчете заведующего Самарским губернским отделом юстиции указывалось, что в Самаре временный революционный суд был создан вскоре же после Октябрьской революции [74]. Состоявшееся 18 ноября 1917 г. объединенное заседание Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов, полковых и фабрично-заводских комитетов, правлений профсоюзов и других, заслушав доклад В. В. Куйбышева, постановило организовать в целях борьбы со спекуляцией, грабежами, хулиганством и пр. революционный суд в составе 9 членов — по три члена от каждой секции Совета.

Такие же суды были организованы в Саратове и других городах Поволжья, а также — повсеместно на Урале [75].

---

[70] ЦГАОР, ф. 1, оп. 1, 1917 г., д. 1, л. 1.

[71] «Известия Московского Совета рабочих депутатов», № 203 (210), от 12 ноября 1917 г.

[72] ГАОРСС МО, ф. 73, оп. 1, 1917 г., д. 8, л. 15.

[73] Материалы НКЮ, вып. 5, М., 1918, стр. 45.

[74] ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, 1917 г., д. 322, л. 359.

[75] ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, д. 26, л. 8.

От общего потока революционного народного правотворчества не отставала и Сибирь.

1 ноября 1917 г. Ачинский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил «образовать при Исполнительном комитете временный революционный суд из коллектива семи лиц, выбранных: 3 человека от Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, двух — от железнодорожных служащих Минусинской и Томской ж. д., один — от союза служащих и рабочих, один — от союза солдаток и два с совещательным голосом, из коих один юрист и один делопроизводитель суда. Компетенция суда: решает все дела подсудности включительно до уголовных преступлений, применяет наказания до одного года тюремного заключения и до трех тысяч рублей штрафа. Процесс суда производится при открытых дверях. Виновность решается закрытой баллотировкой, наказание определяется совещанием при участии юриста, которому в этом случае дается право решающего голоса. На совещании председательствует председатель суда» [76].

24 ноября 1917 г. Енисейский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил организовать народно-революционный суд. В состав суда входили выборные представители от гарнизона Енисейска, от рабочих и от уездного Совета. Суд рассматривал дела о спекуляции, грабежах, хулиганстве и т. п. [77]. На подобных же основаниях был образован военно-революционный суд в г. Канске [78].

Весьма интенсивно шел процесс создания революционных судов в западных губерниях России. По этому поводу в отчете комиссара юстиции Западной области Наркомюсту сообщалось: «Еще и до издания декрета № 1 по всей области были учреждены революционные трибуналы, военно-революционные, народно-административные суды...» [79].

Не менее успешно шло строительство нового революционного суда в Прибалтике. Помимо уже упоминавшегося революционного трибунала в Ревеле, такой же трибунал был создан в г. Юрьеве. 30 октября 1917 г. Юрьевский военно-революционный комитет извещал граждан города: «Образованный при Комитете революционный трибунал судит лиц, изобличенных в контрреволюционности и в попытках к нарушению общественного порядка» [80].

Революционный трибунал был организован также в г. Везенберге [81].

В Ревеле, помимо революционного трибунала, был создан так называемый реквизиционный суд. «Из состава Ревельского Совета выделены три состава реквизиционного суда, который судил злостных спекулянтов и реквизировал их грузы. Приговоры реквизиционного суда исполнялись через 24 часа после реквизиции грузов» [82].

Таким образом, к моменту издания декрета о суде № 1 Советская республика была покрыта довольно густой сетью революционных судебно-следственных учреждений, образованных массами по своему почину.

Одновременно с созданием нового революционного суда и советского

---

[76] «Известия Енисейского губернского народного комиссариата», № 12, от 19 ноября 1917 г.

[77] «Рабоче-Крестьянская газета», № 17, от 13 декабря 1917 г.

[78] «Рабоче-Крестьянская газета», № 4, от 23 января 1918 г.

[79] ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, 1917 г., д. 26, л. 8.

[80] «Бюллетень Юрьевского Совета рабочих, солдатских и батрацких депутатов», № 1, от 30 октября 1917 г.

[81] «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов», № 212, от 28 ноября 1917 г.

[82] «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов», от 11 ноября 1917 г.

права шла ломка буржуазной судебной машины. Революционные массы по собственной инициативе упраздняли судебные и следственные установления Временного правительства, ломая при этом отчаянное сопротивление чиновников судебного ведомства.

Петергофский районный Совет Петрограда за несколько дней до издания декрета о суде № 1 предписал мировым судьям сдать все дела комиссару Совета, ввиду упразднения в районе института мировых судей[83]. Ревельский военно-революционный комитет в начале ноября 1917 г. постановил приостановить деятельность невыборных мировых судей в Эстонском крае[84]. В г. Александрове Владимирской губ. местный Совет рабочих и солдатских депутатов 2 ноября 1917 г. приказал мировым судьям прекратить все судебные дела против рабочих, солдат, крестьян и служащих[85].

Однако самодеятельное осуществление массами слома буржуазной судебной машины было лишь началом. Главная работа по ломке буржуазного суда и права была осуществлена Советской властью несколько позднее, уже после опубликования декрета от 24 ноября 1917 г.

Во многих местах, особенно в деревне, из-за саботажа чиновников почтово-телеграфного ведомства, плохих путей сообщения и т. п., декрет о суде был получен значительно позже его опубликования. Несмотря на это, на местах шел процесс создания нового революционного суда, который совпал в основных чертах с судом, вводившимся декретом от 24 ноября 1917 г.

26 января 1918 г. Кузнецкий уездный Совет Томской губ. утвердил «Правила о временном народном суде для Кузнецкого уезда», вступительная часть которых гласила: «Переживаемый революционный период, когда рушились всякие существовавшие нормы правоотношений между гражданами, с одной стороны, и когда на почве несознательности и корыстолюбия возникает масса деяний преступного характера, нарушающих права граждан, и когда в то же время существовавший мировой съезд перестал пользоваться в населении доверием,— явилась необходимость создания временного — до издания законов о суде — народного суда..., который должен удовлетворять следующим основным условиям: 1) суд авторитетный, пользующийся доверием среди населения; 2) суд совести, не стесненный рамками существовавших статей закона; 3) суд скорый, в интересах устранений проволочки времени; 4) суд равный для всех граждан населения». Далее правила самым детальным образом определяли состав суда, процессуальные и материально-правовые основы его деятельности[86].

Крестьяне Бельской вол., Енисейского уезда, в целях борьбы со спекуляцией и другими преступлениями, организовали народный суд и следственную комиссию. Защиту и обвинение на суде осуществляли граждане, присутствовавшие на судебном заседании. Дела разрешались судом на основе революционной совести и революционного правосознания[87].

Перечень примеров такого рода можно было бы значительно умножить.

Материальное право, лежавшее в основе деятельности первых революционных судов и следственных комиссий, складывалось: 1) из уголовно-

[83] ГАОРСС ЛО, ф. 101, оп. 1, 1917 г., д. 7, л. 8.
[84] «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских делегатов», № 192, от 4 (17) ноября 1917 г.
[85] Н. Шаханов. 1917-й год во Владимирской губернии, стр. 121.
[86] Материалы НКЮ, вып. 2, М., 1918, стр. 39.
[87] «Известия Енисейского губернского народного комиссариата», № 10, от 29 марта 1918 г.

правовых и гражданско-правовых норм, содержавшихся в декретах, постановлениях, обращениях и других законодательных актах ВЦИК и Совета Народных Комиссаров; 2) из уголовно-правовых норм, содержавшихся в постановлениях, приказах, воззваниях и т. п. военно-революционных комитетов; 3) из уголовно-правовых и гражданско-правовых норм, содержавшихся в постановлениях местных Советов; 4) из уголовно-правовых и гражданско-правовых норм, содержавшихся в тех законах свергнутых правительств, которые не были отменены революцией и не противоречили революционной совести и революционному правосознанию. Наряду с перечисленными материально-правовыми нормами, судьи руководствовались революционной совестью и революционным правосознанием, заменяя ими неизбежную в то время неполноту советского уголовного и гражданского законодательства.

Из перечисленных источников материального права, применявшегося первыми революционными судами и следственными комиссиями, наибольший интерес заслуживают нормотворческие акты местных Советов. Будучи организациями, непосредственно связанными с массами, Советы в своей нормотворческой деятельности в области материального права руководствовались интересами этих масс, выражали их правовые требования. В условиях, когда молодое Советское государство не имело еще возможности издать законы, с достаточной полнотой охватывающие все вопросы уголовного и гражданского права, правотворчество местных Советов являлось ценным вкладом в дело укрепления пролетарской диктатуры, в дело создания снизу нового революционного права. Нормотворческая деятельность местных Советов, создававших зачатки советского уголовного и гражданского права, приобрела весьма широкий размах. Вот некоторые примеры.

4 ноября 1917 г. Царицынский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов издал приказ № 1, в котором указывалось, что все лица, уличенные в неисполнении постановлений и приказов Совета, будут караться со всей строгостью революционной власти, а всякие попытки нарушить порядок: учинять погромы, разбои, грабежи, хулиганство и поножовщину, будут со всей беспощадностью пресекаться в самом корне. Организации и учреждения, кои будут отказываться в признании комиссаров Совета, будут распускаться, служащие лишаться жалования и права получения продуктов по карточкам и заменяться лицами, поставленными Советом; оказавшие же противодействие комиссарам Совета привлекаются к ответственности. Запрещается самочинное производство обысков и выемок, кем бы они ни производились как в частных квартирах, так и в казенных или общественных, а также в торговых и промышленных учреждениях и предприятиях. Обыск или выемка могут производиться лишь по ордеру Исполнительного комитета или Революционного штаба. Лица, производящие обыски или выемки без соответствующего ордера, задерживаются и доставляются в помещение Совета [88].

В Ревеле Исполнительный комитет Эстляндского Совета рабочих и воинских депутатов 5 декабря 1917 г. издал следующее постановление: «Принимая во внимание, что с 1 ноября 1917 г. все расположенные в Эстляндии частные, казенные, церковные имения и имения благотворительных учреждений со всем их живым и мертвым инвентарем стали народной собственностью, что все доходы с имений должны быть уплачиваемы только волостным и уездным рабочим Советам или же Исполнительному комитету Эстляндского Совета рабочих и воинов, Исполнительный

[88] «1917 год в Сталинградской губернии», Сталинград, 1927, стр. 229.

комитет Эстляндского Совета рабочих и воинов 5 декабря 1917 г. постановил:

1) Всех, кто произведет бывшим собственникам, арендаторам, пользователям (или их заместителям) уплату какой-либо суммы на живой или мертвый инвентарь, или продукты, или иную плату, составляющую доход этого имения,— объявить врагами народа.

2) Со всех означенных произведших уплату лиц вновь взыскиваются все уплаченные суммы в пользу рабочих Советов.

3) Лица, выдавшие означенные п. I суммы из касс казенных или общественных, предаются суду как за растрату казенного или общественного достояния, частные же лица,— как за покупку краденого.

4) Означенные в п. I продавцы и принимающие уплату предаются суду за продажу имущества имений и присвоение означенных доходов как грабители.

5) Все эти преступления, как тяжкие преступления против народа, подсудны революционному трибуналу»[89].

Перечень таких примеров, характеризующих нормотворческую деятельность Советов в области материального права, можно значительно продолжить. Повсюду Советы рабочих, солдатских, батрацких, крестьянских депутатов, выступая как органы власти, творили новое советское уголовное, гражданское, земельное, трудовое право. Впоследствии это право дало обширный материал, на основе которого Советское государство осуществляло свою законодательную деятельность.

Характеризуя круг дел, расследовавшихся следственными комиссиями и разрешавшихся первыми революционными судами, следует отметить, что деятельность первых судебно-следственных органов протекала главным образом в сфере уголовного права. Разрешение споров о праве гражданском не нашло в их практике сколько-нибудь значительного развития, ибо политическая ситуация, сложившаяся непосредственно после Октябрьской революции, выдвигала на первое место задачу охраны революционного порядка, т. е. задачу, осуществление которой было ближе всего связано с применением уголовного права.

Из конкретных категорий уголовных дел, наиболее часто рассматривавшихся революционными судами, необходимо указать на дела о саботаже, грабежах, разбое, спекуляции, мародерстве и т. п., т. е. на преступления, совершавшиеся контрреволюционной буржуазией и подстрекавшимися ею уголовно-анархистскими элементами, которые всеми силами сопротивлялись строжайшему революционному порядку, установленному пролетарской диктатурой.

В «Известиях ЦИК и Петроградского Совета» приводятся следующие сведения о круге дел, рассмотренных в первых заседаниях временного революционного суда Выборгского района: «Дела, рассмотренные в двух сессиях 4 и 6 ноября (их 20—25 шт.), по составу преступления можно квалифицировать на 2 основные группы: 1) спекуляция, скупка краденого, продажа спиртных напитков..., 2) хулиганство, пьянство, воровство, буйство...»[90]. По тому же, примерно, пути направлялась карательная деятельность временного революционного суда Пороховского района Петрограда[91].

---

[89] «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов», № 221, от 8 декабря 1917 г.

[90] «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 220, от 9 ноября 1917 г.

[91] ГАОРСС ЛО, ф. 511, оп. 1, 1917 г., д. 1, л. 84.

В наказания, применявшиеся революционными судами, включались: 1) лишение свободы на срок до нескольких лет; 2) общественные принудительные работы; 3) конфискация имущества; 4) денежный штраф; 5) общественное порицание в публичном заседании суда; 6) доведение до сведения организации, где работает наказуемый, о совершенном им правонарушении и ряд других.

Лишение свободы применялось первыми революционными судами как мера наказания к прямым врагам Советской власти, совершившим наиболее тяжкие преступления — саботаж, крупную спекуляцию, организацию погромов винных погребов и т. п.

Применяя в качестве наказания общественные принудительные работы, революционные суды преследовали цели трудового перевоспитания преступников. Общественные работы назначались за совершение краж, хулиганских действий и других преступлений, являвшихся следствием разлагающего влияния буржуазного общества. Конфискацию имущества и денежный штраф революционные суды применяли главным образом к спекулянтам, перекупщикам краденого и другим подобным элементам. Характерный пример применения в качестве наказания конфискации и штрафа описан в «Известиях ЦИК и Петроградского Совета». В Выборгском революционном суде разбиралось дело спекулянта. «У спекулянта под кроватью нашли мешок сахара. Продавал по знакомству по 3 руб. 50 к. за фунт. Суд реквизирует сахар и передает районной думе. Спекулянт штрафуется на 500 р. в пользу семей убитых и раненых в боях против Керенского и при неуплате штрафа — 3 мес. тюрьмы» [92].

По делу К..., обвинявшегося в торговле самогоном, народно-революционный суд Енисейского уездного Совета в заседании от 4 декабря 1917 г. приговорил подсудимого к штрафу в размере 3 тыс. руб., а в случае неуплаты — к году лишения свободы с отбыванием в тюрьме [93].

Общественное порицание и доведение до сведения организации, в которой работает наказуемый, о его поведении назначались революционными судами в тех случаях, когда судьи, учитывая малозначительный характер правонарушения, совершенного подсудимым, признавали достаточным моральное воздействие со стороны коллектива. Так, по делу рабочего Д..., который обвинялся в пьянстве, но чистосердечно признал свою вину, временный революционный суд Выборгского района в заседании от 8 ноября 1917 г. вынес следующий приговор: «Довести до сведения заводского комитета и при обещании не пить — простить» [94].

Обращаясь к процессуальной стороне деятельности первых революционных судов и следственных комиссий, следует прежде всего отметить, что они расследовали и разрешали дела в состязательном, гласном и устном процессе с обеспечением обвиняемым права на защиту. Таким образом, основные принципы советского процесса, установленные впоследствии советским законодательством, были предвосхищены практикой первых революционных судебных установлений.

Предварительное расследование преступлений производилось, как правило, следственными комиссиями, которые нередко, помимо следственных функций, присваивали себе и судебные функции, разрешая по существу уголовные и гражданские дела.

Чисто процессуальную деятельность следственные комиссии чаще всего сочетали с оперативными функциями. Совместно с прикомандирован-

[92] «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 220, от 9 ноября 1917 г.

[93] «Красноярский рабочий», № 18, от 14 декабря 1917 г.

[94] ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 15, 1918 г., д. 4, л. 4.

ными в их распоряжение так называемыми летучими отрядами они производили массовые обыски у контрреволюционной буржуазии, совершали обходы подозрительных в отношении концентрации преступного элемента мест, иногда участвовали в подавлении мятежей и т. п. В этом отношении деятельность следственных комиссий первых послеоктябрьских дней во многом напоминала работу несколько позднее созданных Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

В своей работе по расследованию преступлений следственные комиссии опирались на Красную гвардию, которая осуществляла борьбу с преступностью в процессе выполнения основной своей задачи — непосредственного военного подавления контрреволюционных сил. Характерно, что местные Советы уже с самых первых дней Октябрьской революции направляли деятельность Красной гвардии по пути строгого соблюдения нового революционного правопорядка. Так, например, Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов Петрограда 29 октября 1917 г. предписал местному штабу Красной гвардии: «По постановлению Исп. ком. районного Совета Р. и С. Деп. самочинные обыски Красной гвардии недопустимы. Распространяющие на улицы погромную литературу должны быть задерживаемы и препровождаемы в следственную комиссию. У помещений же, в которых подозревается запас подобной литературы, поставить караул и обратиться в штаб для получения ордера на право производства обыска» [95].

Процессуальные положения, сложившиеся в практике первых революционных судов, характеризуются широким пролетарским демократизмом, отсутствием казенного формализма, органически присущего буржуазному суду. Как уже упоминалось, судебное присутствие составлялось из выборных представителей местных Советов, партийных и профсоюзных организаций, воинских частей и т. д. Порядок рассмотрения дел в судах можно проиллюстрировать по газетному отчету о первом заседании временного революционного суда Выборгского района. «Зал переполнен публикой..., Вводят подсудимых... С краткой речью обращается к собравшимся гражданам один из судей, рабочий Шашлов. В немногих словах он излагает цель создания настоящего суда и просит присутствующих придти на помощь судьям при совместном разборе намеченных к слушанию дел. Председатель... объявляет: «Порядок таков,— дают объяснение стороны, затем из присутствующих граждан желающие высказываются, двое за обвинение, двое против». «Все дела решаются публично, при активном участии гостей. Гости после прочтения протокола следственной комиссии могут задавать вопросы, выясняющие суть дела и степень виновности подсудимых и выступать как обвинители и защитники подсудимых» [96].

В Енисейском народно-революционном суде слушание дел начиналось после предварительных процедур, с оглашения следственных материалов. Далее председатель суда предлагал присутствовавшим на судебном заседании гражданам выступить в качестве обвинителей или защитников. После допроса обвиняемых и прений сторон суд удалялся в совещательную комнату для вынесения приговора [97].

Приговоры и решения первых революционных судов были в большинстве случаев окончательными и обжалованию не подлежали, так как судов второй инстанции еще не было. Однако случалось, что суды шли на перерешение своих же собственных решений, когда выяснялись новые об-

[95] ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 13, 1917 г., д. 11, л. 4.

[96] «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 219 и 220, от 8 и 9 ноября 1917 г.

[97] «Рабоче-Крестьянская газета», № 17, от 13 декабря 1917 г.

стоятельства, опровергавшие первоначальные данные по делу. Кроме того, иногда в качестве кассационной инстанции выступали местные Советы. В протоколе заседания временного революционного суда Выборгского района от 8 ноября 1917 г. имеется следующая запись: «Председатель..., ставя на первую очередь дело, разрешенное в предыдущем заседании, объясняет это тем, что после приговора в суд поступило заявление о вполне порядочном поведении подсудимого. Так как у суда явились сомнения относительно правильности вынесенного приговора, он и решил дело пересмотреть. После произнесенных в оправдание К... речей присутствовавшими от комиссии, а также одним из судей, суд постановляет: ввиду отсутствия каких бы то ни было улик и удостоверения добропорядочности поведения близко знавшими его — К... по суду считается оправданным...» [98].

Согласно положению о Гельсингфорсском народном суде, кассационные жалобы на решения и приговоры суда могли подаваться в течение трех дней с момента объявления решения или приговора. Рассмотрение кассационных жалоб возлагалось, впредь до создания суда высшей инстанции, на юридическую секцию местного Совета. Кассационные жалобы должны были рассматриваться в суточный срок со дня их поступления, и в случае признания основательности их дела возвращались в народный суд для окончательного разрешения. Присутствие суда, рассматривающего возвращенное по кассационной жалобе дело, должно было на две трети состоять из лиц, не участвовавших в первоначальном рассмотрении дела [99].

Характер народного правотворчества существенно изменился после издания декрета № 1 о суде, явившегося законодательным закреплением слома буржуазной судебной машины и строительства советского суда на основе привлечения к осуществлению правосудия миллионных масс трудящихся. Декрет о суде № 1 как бы суммировал опыт предшествующего народного правотворчества, выбрал из него самое ценное, отбросил ненужное. Значение декрета для строительства нового революционного суда было огромно. Он дал массам ясную и конкретную программу судебно-созидательной деятельности и наметил основные вехи для создания советского судебного права.

Однако издание декрета не означало, что народному правотворчеству пришел конец. Декрет о суде № 1 закрепил лишь основные, отправные моменты нового судоустройства и процесса. Он не разрешал в деталях все вопросы, которые могли возникнуть и возникали в ходе строительства народного суда и применения права. Поэтому на долю народного правотворчества оставалось еще обширное поле деятельности по творческому применению декрета, по разрешению правовых вопросов, декретом не предусмотренных. Действительность показала, что массы на местах своим живым творчеством внесли много дополнений к основным положениям декрета, а также новых положений, которые легли в основу последующего советского законодательства о суде.

После издания декрета № 1 осталась и успешно развивалась и другая форма народного правотворчества — создание нового революционного права в процессе судебной деятельности, т. е. деятельность широкого круга советских судей — рабочих и крестьян, руководствовавшихся при разрешении судебных дел революционной совестью и революционным право-

[98] ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 15, 1917 г., д. 4, л. 3.

[99] «Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», № 232 от 21 декабря 1917 г. Приложение.

сознанием, поскольку те или иные вопросы не были разрешены в законодательстве. Изучение народного правотворчества в этом плане является темой специального исследования.

Основное значение послеоктябрьского правотворчества масс для создания советского суда и судебного права состояло в том, что оно подготовило почву и дало материал для создания первых советских законов, сформулировавших основные принципы советского судоустройства и процесса. Законодательная деятельность государства как бы слилась с непосредственным революционным творчеством масс. Советский суд и советское право строились одновременно и снизу — массами, и сверху — Советским правительством. Именно отсюда проистекает подлинная народность советского права, советского суда, самого справедливого и демократического суда в мире.

П. В. ВОЛОБУЕВ

ИЗ ИСТОРИИ МОНОПОЛИЗАЦИИ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1903—1914 гг.)

Нефтяная промышленность была одной из наиболее монополизированных отраслей промышленности дореволюционной России. За какие-нибудь 15—20 лет она проделала эволюцию от низших форм монополий к самой высокой форме монополистического объединения — трестам. В процессе монополизации русская нефтяная промышленность вышла за пределы государственных границ, став составной частью международных нефтяных монополий и объектом их империалистической борьбы.

Высокий уровень и быстрый темп монополизации русской нефтяной промышленности были подготовлены всем предшествовавшим развитием капиталистической экономики России, в первую очередь — развитием самой нефтяной промышленности. Уже в 90-х годах XIX в. крупные предприятия в нефтяной промышленности играли первостепенную роль. Так, например, в 1899 г. пять крупнейших нефтяных фирм дали 44,1% всей добычи нефти [1]. Как правило, крупные промышленные предприятия создавались в форме акционерных обществ. Именно акционерные общества получили в 70—80-х и особенно 90-х годах сильное развитие, и к концу XIX в. они являлись основной формой предприятий. Если в 1893 г. на долю семи акционерных предприятий приходилось 27% нефтедобычи Бакинского нефтяного района, то в 1901 г. на долю 39 акционерных предприятий приходилось уже 70,5% всей добычи нефти этого района [2]. В 1893 г. акционерные капиталы бакинской нефтяной промышленности составляли 25,8 млн. руб., или 41% всех вложенных в нее капиталов. В 1901 г. акционерные капиталы нефтяных предприятий достигли 165,3 млн. руб., что составляло 89,4% всех инвестиций в бакинскую нефтепромышленность [3].

Концентрация производства в нефтяной промышленности привела к значительному росту добычи нефти. В 1880 г. добыча нефти в стране составляла 34 млн. пуд., в 1890 г.— 226 млн. пуд. и в 1901 г. достигла максимального уровня — 706,3 млн. пуд. [4]. Подавляющая масса нефти добывалась в Бакинском районе (в 1901 г.— 95% общероссийской добычи).

Нефтяная промышленность России очень рано оказалась объектом экспансии иностранного капитала. Громадные естественные богатства,

---

[1] Л. Эвентов. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России (1874—1917), М.—Л., 1925, стр. 39—40.

[2] М. А. Кох и П. В. Оль. Нефтяная промышленность. «Богатства СССР», вып. I, М., 1925, стр. 28—30.

[3] Там же.

[4] «Народное хозяйство в 1913 г.», Пг., 1914, стр. 337—338.

дешевизна нефтеносной земли и рабочих рук, высокие таможенные пошлины, покровительственная политика царского правительства создавали для иностранного капитала исключительные возможности «получать громадные, неслыханные у себя на родине, барыши»[5]. Приток иностранного капитала, главным образом французского, в русскую нефтяную промышленность начался во второй половине 80-х годов XIX в. С конца 90-х годов в нефтяную промышленность нашей страны устремился английский монополистический капитал, который обосновался не только в Баку, но и захватил прочные позиции в новых нефтяных районах (Грозный). В результате к 1901 г. сумма иностранных капиталов достигла, по данным М. А. Коха и П. В. Оля, 56 млн. руб. (в том числе 38 млн. руб. английских), что составляло 30% к общей сумме основных капиталов (акционерных и единоличных) в бакинской нефтепромышленности[6].

Крупные размеры производства, акционерная форма предприятий, возникавших под влиянием иностранного капитала или прямо им насаждавшихся, неизбежно усиливали и ускоряли процесс концентрации нефтяной промышленности. Уже в конце 90-х годов 9,5% фирм производили до 69% всей нефти[7]. Характерной особенностью процесса концентрации было сосредоточение производства и особенно сбыта в руках немногих предприятий-гигантов. Одо лишь Т-во бр. Нобель в 1900 г. добыло 95 млн. пуд нефти, что составляло 19,1% общебакинской нефтедобычи[8]. Значителен был также удельный вес Т-ва бр. Нобель в нефтепереработке и сбыте нефтепродуктов. Мощными предприятиями, хотя и уступавшими по размерам Т-ву бр. Нобель, были Общество Манташева, Каспийское т-во и некоторые другие. Крупные размеры производства и комбинированный характер предприятия обеспечивали этим предприятиям положение монополистов.

Ранее проявление монополистических тенденций в нефтяной промышленности России обусловливалось, помимо высокого уровня концентрации производства, наличием естественно-географической монополии — сосредоточением нефтедобычи в немногих районах. В начале 90-х годов XIX в. предпринимаются первые шаги к синдицированию русской нефтяной промышленности, увенчавшиеся в 1893 г. созданием экспортного синдиката. Но это синдикатское соглашение, как и другие подобные соглашения того времени, оказалось непрочным и вскоре распалось. Решающим толчком к монополизации нефтяной промышленности (как и многих других отраслей промышленности) послужил кризис 1900—1903 гг. Повидимому, в 1903 г. состоялось соглашение фирм, занимавшихся торговлей керосином на внутреннем рынке. Соглашение регулировало размеры сбыта и цены на керосин. Судя по всему, это было картельное соглашение бакинских керосинозаводчиков и торговых фирм[9].

В истории монополизации нефтяной промышленности, охватывающей период 1903—1914 гг. (до начала первой мировой войны), явственно различаются два этапа. Первый этап, охватывающий 1903—1910 гг., харак-

---

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 93.

[6] «Богатства СССР», вып. 1, стр. 30.

[7] П. И. Лященко. История народного хозяйства, т. II, М., 1952, стр. 152.

[8] Л. Эвентов. Указ. соч., стр. 40.

[9] Упоминание об этом соглашении мы находим в договоре Т-ва бр. Нобель и Об-ва «Мазут» с Т-вом С. М. Шибаева и К°, заключенном в марте 1905 г. «...Шибаев совместно с Нобелем и Мазутом,— говорится в договоре,— гарантировал другим фирмам, вывозящим керосин для торговли в России, продажу известных количеств по известным ценам...» (ЦГИАЛ, ф. 1458, Т-ва бр. Нобель, оп. 1, 1905 г., д. 205, л. 4; подчеркнуто мною.— *П. В.*).

теризуется тем, что главные усилия немногих предприятий-монополистов были направлены на овладение транспортно-сбытовой сферой нефтяного дела, а картельные соглашения являлись преобладающей формой монополии. Отличительной чертой второго этапа — 1910—1914 гг.— являлось не только усиление масштабов монополизации, но и углубление ее. Это сказалось, во-первых, в переходе к более высоким формам монополистических объединений — трестам, во-вторых, в интенсивном охвате процессом концентрации и объединения всех отраслей нефтяного дела, в особенности его основы — нефтедобычи. Эти процессы были тесно связаны с мощным притоком иностранного (более чем на две трети английского) капитала в нефтяную промышленность. Приток иностранного капитала привел к росту акционерного капитала в нефтяной промышленности с 187,1 млн. руб. в 1910 г. (основные капиталы) до 333,9 млн. руб. в 1913 г. и до 395,5 млн. руб. в 1914 г.[10] Удельный вес иностранного капитала в русской нефтяной промышленности накануне первой мировой войны повысился и достиг более половины всех акционерных капиталов. Это придало русской нефтяной промышленности заметно выраженный полуколониальный характер. Дальнейшее развитие нефтяной промышленности России стало определяться интересами иностранного монополистического капитала.

I

В начале 1905 г. Т-во бр. Нобель и Об-во «Мазут» — нефтеторговое предприятие, контролируемое Ротшильдом, вступили между собою в картельное соглашение о совместной торговой политике на внутренних рынках[11]. К моменту соглашения Т-во бр. Нобель являлось не только крупнейшим предприятием по добыче и переработке нефти, но и наиболее крупной нефтесбытовой фирмой на внутреннем рынке страны. Об-во «Мазут» занимало второе после Т-ва бр. Нобель место в сбыте нефтепродуктов, выполняя функции продажной конторы для ряда крупных нефтепромышленных предприятий, принадлежавших французским капиталистам («Каспийско-Черноморского об-ва», Об-ва «Русский стандарт» и др.). Формально соглашение было направлено на сокращение расходов по перевозке, доставке и продаже керосина и нефтяных остатков «путем объединения всех оборотов участников картеля»[12], действительной же целью было устранение конкуренции при установлении и повышении цен на нефть и нефтепродукты. Так появилось могущественное объединение двух основных нефтеторговых фирм, известное в нефтепромышленных кругах под именем «Нобмазута».

Картель «Нобель-Мазут» с самого начала выступил как крупная, можно сказать, решающая сила на рынке нефти. Могущество «Нобмазута» опиралось на объединении торгово-сбытовой и транспортной деятельности обеих монопольных фирм. Достаточно указать, что в 1904 г. Т-во бр. Нобель продало приблизительно 100 млн. пуд. нефтяных остатков

---

[10] «Ежегодник Министерства финансов», вып. 1914 г., стр. 504—505.

[11] О 1905 г., как дате заключения соглашения между Т-вом бр. Нобель и Об-вом «Мазут», свидетельствует ряд источников. В марте 1905 г. Нобель и «Мазут», как одна сторона, заключили договор с Т-вом Шибаева и Об-вом «Олеум». Следовательно, картельный договор между ними был заключен раньше, очевидно, в начале 1905 г. Отдельные указания на это имеются в «Обзорах Бакинской нефтяной промышленности» (см., например, «Обзор» за 1912 г., т. I, стр. 183). Повидимому, договор был заключен на трехгодичный срок. В 1908 и 1911 гг. договор возобновлялся на тот же срок.

[12] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1905 г., д. 205, л. 1.

и 24 млн. пуд. керосина, а Об-во «Мазут» — 77 млн. пуд. нефтяных остатков и 10 млн. пуд. керосина [13]. Это составляло до 40% всей продажи нефтяных остатков и почти 50% продажи керосина.

Господство картеля обеспечивалось еще и тем, что его крупнейшие конкуренты (Шибаев, Манташев и др.) вступили с ним в особые соглашения. Было бы неправильным изображать эти договоры только как результат взаимного мирного влечения крупных фирм к объединению. Как и всякие соглашения подобного рода, они были подготовлены длительной и ожесточенной конкурентной борьбой. Так, договор «Нобмазута» с Шибаевым был заключен в такой момент, когда «Шибаеву, по мнению юрисконсульта этого т-ва, не оставалось ничего другого, как только подчиниться всем требованиям Нобеля и Мазута» [14].

В соответствии с соглашениями контрагенты картеля передали «Нобмазуту» исключительное право на продажу их нефтепродуктов на внутренних рынках. По договору от 14 марта 1905 г. было обусловлено, что «продажу своих нефтяных остатков и своего керосина в Российской империи, Финляндии и местах производства Шибаев передает Нобелю и Мазуту и обязуется не продавать ни нефтяных остатков, ни керосина гделибо в Российской империи со включением Финляндии иначе как через посредство Нобеля и Мазута и должен сдавать свои нефтяные остатки и свой керосин Нобелю и Мазуту в Баку для продажи таковых в Российской империи» [15]. В распоряжение Нобеля и «Мазута» Шибаев обязался передавать не менее 5 млн. пуд. керосина и 10—15 млн. пуд. нефтяных остатков ежегодно [16].

Основной целью соглашения было повышение продажных цен. В примечании к § 16 договора прямо говорилось о праве «Нобмазута» предпринимать необходимые действия «для улучшения цен на русских рынках и увеличения прибылей и цен Шибаева» [17] (и, разумеется, картеля). Аналогичный договор о комиссионной продаже нефтепродуктов был заключен того же 14 марта 1905 г. «Нобмазутом» и с «Олеумом» [18]. Оба договора были заключены на 10 лет — до 1 апреля 1915 г. В итоге, по этим двум договорам на комиссионную продажу «Нобель-Мазуту» перешло 30—40 млн. пуд. нефтяных остатков и около 9 млн. пуд. керосина [19]. Для оценки этих цифр укажем, что 9 млн. пуд. керосина составляли около 11% всего продававшегося в то время на внутреннем рынке керосина. Одновременно с передачей картелю «Нобель-Мазут» прав на продажу нефтяных остатков и керосина были заключены с Шибаевым и «Олеумом» договоры о комиссионной продаже «Нобмазутом» их смазочных масел [20].

Таким образом, Т-во бр. Нобель и Об-во «Мазут», принимая на себя комиссионную продажу нефтепродуктов, выступали на деле как сбытовые конторы нефтяного синдиката. Как известно, эту же роль Т-во бр. Нобель выполняло в первом экспортном синдикате бакинских керосинозаводчиков в 1893—1897 гг. (вместе с двумя другими фирмами) [21]. Не случайно, что деятели Волжского судоходства, с большим вниманием наблюдавшие

---

[13] Там же, л. 6.
[14] Там же, д. 1722, л. 20—21.
[15] Там же, д. 205, л. 1.
[16] Там же, л. 6.
[17] Там же, д. 1722, л. 20.
[18] Там же, л. 32.
[19] МГОИА, ф. 143 (Московского биржевого комитета), оп. 1, 1906 г., д. 255, л. 315.
[20] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1905 г., д. 1722, л. 32.
[21] С. и Л. Першке. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных, Тифлис, 1913, стр. 51.

за положением в бакинской нефтяной промышленности, оценили факт заключения указанных выше договоров как объединение четырех крупнейших фирм в одну [22].

В том же 1905 г. картель «Нобель-Мазут» заключил договоры о передаче ему на комиссионную продажу нефтяных товаров с такими крупными фирмами как Об-во Манташева и К° и Каспийское Т-во [23]. Тогда же, повидимому, были заключены договоры о передаче Нобелю исключительного права на продажу машинного масла с Т-вом Лианозова [24], а также с другими фирмами. Помимо нефтепромышленных фирм, контрагентами картеля стали также и чисто нефтесбытовые фирмы, отказавшиеся в пользу картеля от собственной торговли и осуществлявшие сбыт керосина и нефтяных остатков по поручению «Нобмазута» (например, фирма бр. Меркульевых в Астрахани) [25]. Таким образом, уже в самом начале своей деятельности картель сумел привлечь целый ряд крупных и средних нефтепромышленных и нефтесбытовых фирм к проведению единой сбытовой политики на внутреннем рынке.

Но картель «Нобель-Мазут» не ограничился сосредоточением в своих руках основной массы вырабатываемых в Баку нефтепродуктов. Энергичные меры были приняты им к овладению максимумом транспортно-сбытовых средств. По соглашению от 14 марта 1905 г. с Т-вом Шибаева и К° и с Об-вом «Олеум» к нему перешли все ямы, резервуары, склады и вагоны-цистерны этих фирм (вне Баку) [26]. Один Шибаев передал картелю склады в 37 пунктах России емкостью свыше 12,5 млн. пуд. керосина и остатков, 118 собственных и 641 арендованных вагонов-цистерн [27]. Срок аренды был установлен весьма продолжительный — 15 лет. На концентрацию и монополизацию транспортно-сбытовой отрасли нефтяного дела следует обратить особое внимание, ибо она ускоряла процесс концентрации нефтяной промышленности в эти годы в целом. Монополии использовали концентрацию этой отрасли для захвата ключевых позиций, обеспечивавших им безраздельное господство на рынке. Именно такое положение на внутреннем рынке в 1906—1909 гг. и получил картель «Нобель-Мазут».

По нашим подсчетам, в 1909 г. продажа керосина одного только Т-ва бр. Нобель достигла более половины общей продажи керосина на внутренних рынках страны (30,8 млн. пуд. из 60 млн. пуд.) [28]. В 1908—1909 гг. картель «Нобель-Мазут» проводил активнейшую монополистическую политику овладения сбытом нефтепродуктов и вытеснения конкурентов с рынка нефти. «Т-во бр. Нобель,— писало «Нефтяное дело»,— неуклонно идет по строго намеченному пути монополизации нефтяной промышленности, являющемуся буквальным подражанием политике знаменитой «Standart Oil Company» Рокфеллера в Соединенных Штатах» [29].

Деятельность Нобеля и союзного с ним О-ва «Мазут» развернулась в нескольких направлениях.

Уже вскоре после организации картеля создалась необходимость укрепления договорных отношений, связывавших его с контрагентами. В связи с этим договор «Нобмазута» с Шибаевым от 14 марта 1905 г.

---

[22] МГОИА, ф. 143, оп. I, 1906 г., д. 255, л. 315.
[23] Там же.
[24] ЦГИАЛ, ф. 1449 (Т-ва Г. М. Лианозова и К°), оп. 1, 1910 г., д. 1, л.. 2.
[25] «Нефтяное дело», 1909, № 20.
[26] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1. 1905 г., д. 1722, лл. 2—34.
[27] Там же, лл. 26, 32, 34.
[28] Там же, 1909 г., д. 63, лл 1155—1158; «Труды Совета нефтяной промышленности», т. I. М., 1925, стр. 385.
[29] «Нефтяное дело», 1909, № 11.

был заменен в июле 1908 г. новым договором [30], который создал между картелем и его контрагентом Шибаевым отношения, коренным образом изменившие характер связи между ними. В частности, «Нобмазут» выговорил себе такое средство давления на своего контрагента, как право отказа его от приема нефтепродуктов в течение известного времени [31]. Если уже первый договор, по мнению юрисконсульта Т-ва Шибаева, «оказался для Шибаева гибельным, то второй преследовал цель помешать в успешном завершении начинающему восстанавливать свою торгово-промышленную деятельность Шибаеву» [32] и таким образом полностью подчинить его интересам картеля. На место более или менее равноправного положения сторон становятся типично монополистические отношения зависимости и диктата.

Т-во бр. Нобель, используя договоры с другой нефтеторговой фирмой — бр. Меркульевыми о заарендовании части их большого флота и о комиссионной продаже нефтетоваров Нобеля, добилось к 1909 г. значительного ограничения деятельности этой фирмы на русских рынках и захвата ее позиций [33]. И в этом случае картель стремился превратить контрагента в свое послушное орудие. Все эти мероприятия картеля должны были, по мысли его заправил, значительно укрепить монополистические начала в бакинской нефтепромышленности, прочнее привязать контрагентов к «Нобмазуту».

Важной составной частью деятельности картеля «Нобель-Мазут» была организация им так называемого «Объединенного дела на Юге России». Начало созданию «Объединенного дела» было положено еще в 1905 г., когда на Дону было организовано несколько общих продажных контор [34]. Об открытии общей конторы картеля в Ростове-на-Дону «Нефтяное Дело» сообщало в 1909 г. [35]

Что же представляло собою «Объединенное дело на Юге России»?

На огромной территории ряда южных губерний, включая такие крупные города, как Одесса, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону и другие «Нобмазут» создал совместные конторы для продажи нефти, мазута и керосина. Официально учреждение таких контор преследовало цель сокращения накладных расходов, а также расходов по сооружению складов и нефтехранилищ и содержанию служебного персонала [36]. В действительности же главной целью было сосредоточение всего сбыта нефтепродуктов на Юге России в руках объединившихся двух фирм и полное вытеснение конкурентов. Нетрудно понять мотивы, побудившие картель к полному слиянию торговли нефтью на Юге России. Во-первых, Юг России был районом непрекращающейся борьбы двух видов топлива — угля и нефти. Уже одно это обстоятельство требовало максимума централизации в деле сбыта нефтепродуктов. Во-вторых, вытесняемые крупными фирмами с главных рынков сбыта нефтепродуктов — Поволжья и Центрально-промышленного района — «свободные» фирмы устремлялись в южный район. Разгром их на основных рынках нельзя было довести до конца, не отрезав им пути для маневрирования в других районах. Так, например, фирма бр. Меркульевых, после разрыва отношений с картелем и в ходе борьбы с ним

---

[30] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1905 г., д. 1722, л. 20.
[31] Там же.
[32] Там же, лл. 20, 26.
[33] «Нефтяное дело», 1909, № 20.
[34] «Обзор Бакинской нефтепромышленности за 1912 г.», т. I, Баку, 1913, стр. 188
[35] «Нефтяное дело», 1909, № 20.
[36] «Финансовое обозрение», 1914, № 13; ЦГИАЛ, ф. 1450 (О-ва «Мазут»), оп. 1, 1912 г., д. 26, лл. 90, 97.

в течение многих лет пыталась пробиться в Южный район. Однако все ее попытки оказались безуспешными [37].

«Объединенное Дело» устанавливало единые для каждого пункта цены, строго обязательные и для сохранившихся здесь агентств Т-ва бр. Нобель и Об-ва «Мазут» [38]. Продажи нефтетоваров совершались через общие конторы и от имени «Объединенного дела» [39]. Таким образом, на Юге Т-во бр. Нобель и Об-во «Мазут» выступали как синдикат с единой продажной конторой. Синдикатская деятельность их приняла особенно значительный размах в 1911—1913 гг. К июлю 1914 г. число совместных продажных контор достигло 68, часть их находилась за пределами Южного района [40].

Для упрочения своего монопольного положения на рынках сбыта картель «Нобель-Мазут» в 1909—1910 гг. организовал и провел широкое наступление на позиции конкурентов. Ареной борьбы оказались преимущественно Центрально-промышленный район и Поволжье с прилегающими к ним железными дорогами.

Осенью 1909 г. на московском нефтяном рынке началось понижение цен, объявленное «очевидно по заранее выработанному крупными фирмами плану компании, последовательно и неуклонно проведенному в течение всего сезона запродаж» [41]. В 1910 г., продолжая применение «боевых цен», монопольные фирмы решили,— по сообщению «Нефтяного Дела»,— «не останавливаться ни перед чем до тех пор, пока не будут вытеснены с местного рынка «беспокоящие» их своими выпадами мелкие продавцы керосина» [42]. Понижательную политику Нобеля и «Мазута» отметили и железные дороги. «Крупные нефтепромышленные фирмы, хорошо знакомые с положением нефтяного рынка, продают теперь свою добычу даже с некоторою уступкою с существующих биржевых цен»,— констатировал в 1910 г. Совет Управления Северо-западных ж. д. [43]. Результаты этой политики не замедлили сказаться уже в 1910 г. В июле этого года «Нефтяное дело» писало, что понижение цен на все нефтепродукты на царицынском рынке, особенно на керосин, привело к тому, что цены стали для большинства фирм убыточными: «Мелкие фирмы сокращают свои операции. Возможно, что некоторые из них совсем сойдут со сцены, где они играли до сих пор самостоятельные роли» [44]. В частности, в «очень невыгодном положении», вследствие низких цен, очутились Т-во бр. Меркульевых и «Дембот» — наиболее крупные из керосиноторговых фирм — конкурентов «Нобмазута» [45].

Планомерное сбивание цен на нефтепродукты, с такой настойчивостью проводившееся картелем в 1909—1910 гг., преследовало цель не только подрыва конкурентов, но и стимулировало на этой основе новое более полное объединение нефтепромышленников и нефтеторговцев в целях последующего взвинчивания цен. Нефтяные короли, искусственно понизив цены, сами же начинают уже в 1909 г. жаловаться на кризис в нефтяной промышленности, на ее бездоходность ввиду якобы разорительно

---

[37] «Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1912 г.», Баку, 1913, т. I, стр. 188.
[38] ЦГИАЛ, ф. 1450, оп. 1, 1911 г., д. 104, л. 55.
[39] Там же, 1913 г., д. 22, л. 23.
[40] «Финансовое обозрение», 1914, № 13.
[41] «Нефтяное дело», 1910, № 4.
[42] «Нефтяное дело», 1910, № 23.
[43] ЦГИАЛ, ф. 273 (Управления железных дорог МПС), оп. 9, 1909 г., д. 3597, л. 7191.
[44] «Нефтяное дело», 1910, № 13.
[45] «Нефтяное дело», 1910, № 18.

низких цен и т. п. В 1910 г. эти жалобы еще более усилились. Монополисты распускали ложные слухи о переполнении рынков нефтетоварами о неизбежности нового падения цен и т. п. [46]. Вызвав панику среди нефтепромышленников и заводчиков, Т-во бр. Нобель осенью 1909 г. провело снятие с керосинового рынка свободного товара в весьма значительных размерах [47]. Общие закупки Нобеля достигли в 1909 г. громадных размеров: по керосину — 25,5 млн. пуд. (в том числе 23,4 млн. пуд. в Бакинском районе), по мазуту — 49,1 млн. пуд., по сырой нефти — 51.5 млн. пуд. [48] По керосину это составило почти 80% количества его сбыта на внутреннем рынке. В 1910 г. Т-во Нобель повторило эту операцию в еще более грандиозных масштабах. По соглашению с рядом крупных фирм, фирма скупила у одних заводчиков весь наличный керосин, а у других законтрактовала его на особых условиях. Кроме того, Т-во Бр. Нобель заарендовало бездействующие заводы, хотя само и не собиралось их эксплоатировать. Оно «вошло в сделки и с фирмами, вовсе не имеющими заводов, а лишь торгующими нефтяными продуктами». При этом «ни один из заводов, с которыми Т-во вошло в сделку, не имел права ни сам вывозить керосин в Россию, ни продавать таковой для той же цели кому бы то ни было другому» [49]. Архиеные материалы полностью подтверждают эти факты.

Операция скупки огромных масс наличного керосина и заключение соглашений о последующей поставке нефтепродуктов Нобелю и «Мазуту» позволили сконцентрировать в руках картеля такое количество нефтепродуктов, которое фактически отдало рынок в их руки. При этом нельзя не отметить еще одного обстоятельства, свидетельствующего о типично монополистической практике «Нобмазута»: в результате понижения цен и единовременных сделок, «дешевая нефть и дешевый керосин всецело перешли в руки Т-ва» [50].

Понижение цен в 1909—1910 гг., преднамеренно организованное картелем, послужило основой для безудержного повышения цен в 1911—1913 гг., продолжавшегося также и в годы войны. По нашим подсчетам, только за один 1911 г. цены на нефть и нефтепродукты возросли в Баку на 35—50%, а в отдельных случаях, особенно на рынках сбыта,— более чем наполовину [51]. В 1912 г. о продажной цене на нефтепродукты даже работники торговых контор Нобеля говорили как о «непомерно высокой» [52]. В Самаре, например, цены на мазут еще осенью 1911 г. составляли 28 коп. за пуд, к концу же 1912 г. они достигли 65 коп. [53] По нашим подсчетам, сделанным по данным среднебиржевых цен (т. е. цен явно заниженных), цены в Баку с 1910 по 1913 г. возросли: на нефть — на 180%, на мазут — на 163%, на керосин (судовой) — на 180% [54]. Фактические же цены на нефть и нефтепродукты к концу 1913 г. утроились по сравнению с ценами 1910 г.

О степени монополизации сбыта нефтепродуктов картелем «Нобель-Мазут» можно судить по следующим данным. В 1910 г. из 227,8 млн. пуд. общего вывоза из Астрахани на внутренние рынки нефтетоплива

[46] С. и Л. Першке. Указ. соч., стр. 130.
[47] «Нефтяное дело», 1909, № 18.
[48] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1909 г., д. 63, лл. 1188—1202.
[49] С. и Л. Першке. Указ. соч., стр. 130.
[50] Там же, стр. 131.
[51] «Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1911 г.», т I, Баку, 1912, стр. 279.
[52] ЦГИАЛ, ф. «Коллекция», оп. 1, 1909 г., д. 113, л. 25.
[53] МГОИА, ф. 143, оп. 1, 1913 г., д. 505, л. 28.
[54] «Народное хозяйство за 1913 г.», стр. 354—355.

(нефтяные остатки и сырая нефть) и 40,6 млн. пуд. керосина на долю картеля приходилось 51% нефтетоплива и 64,9% керосина [55]. Если же учесть «дружественные» отношения картеля с рядом нефтеторговых фирм, то надо считать, что под контролем картеля было никак не менее 78—80% сбыта керосина.

В последующие годы картель «Нобель-Мазут» сохранил за собою господство на рынке. Более того, в 1910—1914 г. окончательно определилась его монополистическая практика, выработалась его картельная организация и выявилась его роль и место в системе монополистических нефтяных союзов.

Как уже указывалось, в 1911 г. соглашение, заключенное между Нобелем и «Мазутом», было вновь возобновлено на трехгодичный срок [56]. Судя по сохранившимся архивным материалам, соглашение предусматривало полное объединение сбыта нефтепродуктов путем открытия общих продажных контор и отделений в ряде местностей России, главным образом в Южном районе [57]. Так, например, «Грозненское отделение Южного района по продаже смазочных и осветительных продуктов Т-ва нефтяного производства бр. Нобель и нефтепромышленного и торгового Об-ва «Мазут» представляло единый сбытовой центр картеля в Грозном [58]. Создание «Объединенного дела» с его почти 70 совместными продажными конторами было прямым результатом полного синдицирования сбыта. Относительно других районов, там, где обе фирмы выступали самостоятельно и независимо друг от друга, они по договору попросту делили между собою потребителей или отдельные рынки сбыта. Постоянные потребители в этих районах закреплялись за одним из участников картеля с воспрещением продажи им нефтетоваров другими участниками. В переписке между Т-вом бр. Нобель и Об-вом «Мазут» содержатся взаимные упреки по поводу нарушения пункта соглашения о распределении постоянных потребителей тем или иным контрагентом. В частности, Об-во «Мазут» сообщало 9 июля 1912 г. Т-ву бр. Нобель о запродаже агентом Т-ва нефти одному предприятию, которое «числится нашим покупателем», и требовало от Т-ва соответствующей компенсации, предусмотренной договором [59]. Отдельные районы, повидимому, выделялись в сферу исключительного права продажи одного из контрагентов. Так, например, Дальний Восток был, очевидно, предоставлен в полное распоряжение Т-ва бр. Нобель. Видимо, регулировались соглашением и крупные поставки для одного или нескольких потребителей. Участвуя, например, в торгах по поставкам нефтетоплива железным дорогам, картель заранее определял не только цену, но и доли участия в поставках каждого контрагента. В 1911 г. поставки мазута для Среднеазиатской ж. д. между Т-вом бр. Нобель и Об-вом «Мазут» распределялись так, что первое поставляло 60%, а второе — 40% [60].

Гвоздем картельного соглашения был вопрос о фиксации и повышении продажных цен. Пункт 6-й договора предусматривал, что «цены для каждого пункта, а если нужно, то и для каждого отдельного покупателя, устанавливаются по взаимному соглашению обеих сторон и обязательны для них» [61]. Этот пункт соглашения проводился в жизнь с исключительной настойчивостью, в условиях строжайшего контроля и примене-

---

[55] Подсчитано по данным «Обзора Бакинской нефт. промышленности за 1910 г.», т. 1, Баку, 1911, стр. 138—139.
[56] «Финансовое обозрение», 1914, № 13.
[57] Там же.
[58] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1901 г., д. 204, л. 77.
[59] ЦГИАЛ, ф. 1450, оп. 1, 1911 г., д. 104, л. 66.
[60] Там же, л. 37.
[61] Там же, л. 232.

ния строгих санкций в случае его нарушения. В целях взаимного контроля пункт 2-й договора устанавливал, что «контрагенты посылают друг другу точную выпись из книги (продаж.— *П. В.*) каждые 15 дней»[62]. В этих выписках указывались покупатели, виды нефтетоваров, запроданные количества и цены. Кроме того, контрагенты обменивались более полными ведомостями отпуска нефтетоваров за месяц[63]. Как Нобель, так и «Мазут», наблюдали за ценами друг друга, запрашивали о каждом случае отступления от установленных цен. Так, 26 октября и 22 ноября 1912 г. Т-во бр. Нобель запросило Об-во «Мазут» о причинах отступления от установленных цен на смазочные масла при продаже их в ряде городов[64]. В августе того же года «Мазут», в свою очередь, указывал Нобелю на необоснованное понижение продажных цен, установленных ими для одного из покупателей. Будучи несогласно с ними, Об-во отказалось от участия в продажах[65]. В этом случае убытки от продажи по пониженным ценам должно было нести Т-во бр. Нобель. Как видим, контрагенты не только контролировали продажные цены, чтобы предупредить их понижение, но и имели право, в случае отступлений от них, отказываться от своей доли участия в продажах, возлагая на другую сторону все потери от понижения цен.

Соглашение регулировало также и другие важные стороны совместных выступлений «Нобмазута»: условия расчета, распределение прибылей, улаживание споров и т. п. Таким образом, картельное соглашение Нобеля и «Мазута» должно быть отнесено к соглашениям развернутого типа, регулировавших с наибольшей полнотой политику сбыта и цен, заметно воздействовавших на производство. На значительной территории страны (Юг России) картель «Нобель-Мазут» выступал в своей завершенной форме — в виде синдиката с единой продажной конторой.

Операции картеля в 1910—1914 гг. значительно возросли. Увеличилось число предприятий, сдававших «Нобмазуту» свои нефтетовары для комиссионной продажи. Особые усилия картель направлял на сосредоточение в своих руках сбыта керосина и нефтяных остатков. В январе 1911 г. Нобель заключил договор с Т-вом Лианозова. По договору Лианозов представил Нобелю право на продажу в течение двух лет своего керосина и отказался от самостоятельной торговли керосином в Баку[66]. 18 июля 1912 г. между Нобелем, действовавшим, несомненно, от имени картеля, и Лианозовым состоялось новое соглашение на срок с 1 апреля 1913 г. по 1 апреля 1918 г. Согласно договору, «Лианозов сдает, а Нобель принимает для комиссионной продажи 10 млн. пуд. керосина», по 2 млн. пуд. в каждую навигацию. Пункт 8-й договора устанавливал, что на договорное время «Лианозов отказывается от всякой торговли керосином в России, самостоятельно или при посредстве третьих лиц»[67]. Еще ранее подобный договор о передаче Нобелю исключительного права на продажу керосина и нефтяных остатков в России был заключен с Об-вом Манташева,— еще недавно опасным соперником и конкурентом[68]. «Нобмазут» путем договоров с крупными грозненскими фирмами — «Русским Стандартом», Ахвердовым и другими получил в свое почти бесконтрольное распоряжение подавляющую часть вырабатывавшегося в Грозном

---

[62] Там же, лл. 232—233.
[63] Там же, лл. 32, 49, 64, 67, 79, 95, 122, 146 и др.
[64] Там же, д. 26, лл. 170, 207.
[65] Там же, д. 104, л. 111.
[66] ЦГИАЛ, ф. 1449, оп. 1, 1910 г., д. 1, лл. 6—7.
[67] Там же, лл. 32—33.
[68] «Нефтяное дело», 1913, № 7.

керосина и нефтяных остатков [69]. «Вывоз грозненских остатков из Петровска в Астрахань,— писало «Нефтяное дело»,— производится исключительно двумя фирмами — Т-вом бр. Нобель и Об-вом «Мазут», причем из 8,4 млн. пуд. поступивших остатков на долю О-ва «Мазут» приходится 5,56 млн. пуд.» [70].

Помимо перечисленных, постоянными поставщиками нефти и нефтепродуктов картелю по краткосрочным и долгосрочным договорам являлись также многие другие бакинские, грозненские и майкопские фирмы. Для сохранения своего монопольного положения на керосиновом рынке картель нередко, одержав победу над конкурентом, позволял ему затем продажу керосина, но по поручению, за счет и по ценам, устанавливаемым «Нобмазутом». В частности, на таких условиях вело торговлю по договору с Об-вом «Мазут» Тифлисское нефтяное товарищество «Свет» [71]. В итоге в руках картеля в 1910—1913 гг. оказалась сосредоточенной основная масса вывозимого на внутренние рынки нефтетоплива и керосина. В 1912 г. Нобель и «Мазут» вывезли из Астрахани на рынки сбыта, по нашим подсчетам, до 77% общего вывоза керосина [72].

Овладение столь значительной массой производимого и вывозимого для сбыта керосина позволяло картелю «Нобель-Мазут» оказывать решающее влияние на производство всех других нефтепродуктов и на самую добычу нефти, ибо от количества сбываемого на внутреннем рынке и вывозимого за границу керосина зависела и выработка нефтяных остатков (мазута). Если уменьшался сбыт керосина, то падало и его производство, и, следовательно, неминуемо падала и выработка мазута.

Взвинчивание цен на мазут было гораздо более выгодно, чем поднятие цен на керосин, поскольку последний был обложен высоким акцизом, но овладение сбытом и производством керосина давало в их руки ключ к регулированию производства мазута. Сокращая же выработку мазута и поднимая на него цены, нефтяные короли обеспечивали себе огромные сверхприбыли, ибо спрос на нефтяное топливо, со стороны промышленности и транспорта в годы предвоенного промышленного подъема резко вырос.

Но картель «Нобмазут» не ограничился упрочением своего монопольного положения на керосиновом рынке. Рядом последовательно заключенных с бакинскими и грозненскими заводчиками — производителями масел соглашений картель получил исключительное право продажи минеральных масел на внутреннем рынке и стал в 1910—1914 гг. полным монополистом по сбыту смазочных масел. Достаточно сказать, что в 1912 г. смазочные масла вывозили из Астрахани вверх по Волге всего четыре фирмы: Нобеля, «Мазута», Лианозова и бр. Меркульевых [73]. При этом Лианозов действовал в контакте с картелем, а на долю единственного аутсайдера — фирмы бр. Меркульевых приходилось менее 1% вывоза смазочных масел. Здесь уже речь идет даже не о преобладании, а о ничем не ограниченной диктатуре мизерной кучки монополистов.

---

[69] ЦГИАЛ, ф. 1450, оп. 1, 1911, д. 104, л. 5, 114. Договор с «Русским Стандартом».

[70] «Нефтяное дело», 1910, № 18.

[71] ЦГИАЛ, ф. 1450, оп. 1, 1908 г., д. 2, лл. 2—3.

[72] В т. I «Обзора бакинской нефтепромышленности за 1913 г.» в числе самостоятельных фирм, вывозивших в 1912 г. нефтепродукты из Астрахани по Волге, указываются Лапшин и Стахеев. Между тем они были лишь доставщиками Нобеля (МГОИА, ф. 355, оп. 1, 1913 г., д. 127, л. 240; ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1910 г., д. 965, лл. 1—7). Каспийское т-во выступало в тесном контакте с «Нобмазутом». Часть керосина Нобеля и «Мазута» вывозили также Об-во «Волга» и «Восточное об-во».

[73] «Нефтяное дело», 1913, № 7.

Точно так же картель «Нобель-Мазут» обеспечил себе полное господство и в области сбыта бензина. При этом Нобель сбывал высшие сорта бензина, а «Мазут» — обычный бензин [74].

Большую активность картель проявил и в овладении транспортными средствами, а также складским хозяйством. При этом он стремился окончательно избавиться от посредничества других фирм при перевозке, сосредоточив все дело транспортирования нефтегрузов в собственных руках, а также лишить конкурентов транспортных средств, следуя в этом отношении примеру американского «Стандарт Ойля». В 1910—1914 гг. картель последовательно снижает объем сдаваемых пароходным обществам для перевозки нефтегрузов и увеличивает собственные средства транспорта. В программе вывоза на 1912 г. Т-во бр. Нобель намечало вывезти собственными средствами свыше 55% всех своих нефтегрузов, а Об-во «Мазут» — 65% [75], тогда как еще недавно более половины грузов картеля вывозили транспортные компании. Перевозку нефтегрузов фирмы картеля передали созданным для этой цели «дочерним» предприятиям — Об-вам «Кама» (Нобель) и «Ока» («Мазут»). В тех случаях, когда картель должен был сдавать перевозку нефти посторонним пароходным компаниям, он прилагал все усилия, чтобы связать последние по рукам и ногам, воспретив им транспортировку посторонних грузов. Так, в конце 1910 г. Нобель заключил сроком на 5 лет с Торговым домом «И. Г. Стахеев» — крупной пароходной и нефтеторговой фирмой — соглашение о сдаче ему на перевозку от Астрахани до основных волжских пристаней 28 млн. пуд. нефтяных остатков. «Стахеев обязуется в течение договорного срока,— говорилось в соглашении,— не принимать ни от кого на перевозку по всем водным путям Российской империи нефтяных продуктов, а также не производить самостоятельной торговли нефтяным топливом во всей России» [76].

В 1914 г., накануне войны, Нобель еще более упрочил свои позиции в борьбе за овладение транспортно-сбытовым делом. В начале июля был подписан договор между Нобелем и крупнейшей грозненской фирмой Ахвердова, согласно которому Ахвердов сдал Нобелю «все свое имущество по транспортированию, хранению и продаже нефтяных продуктов, как-то: склады, вагоны-цистерны, суда и баржи в России, бывшие раньше Дембота... за арендную сумму 175 тыс. руб. в год» [77].

Фирмы картеля с лихорадочной поспешностью стремились заарендовать как можно больше складов, резервуаров для хранения нефтепродуктов, цистерн и т. п. По договору со Стахеевым Т-во бр. Нобель получило в аренду 75 вагонов-цистерн, а также склады в Астрахани и Ярославле емкостью в 1,5 млн. пуд. [78]. У Шамси Асадуллаева — одного из самых упорных конкурентов картеля — Нобелю удалось осенью 1913 г. заарендовать два крупных резервуара в Самаре [79]. По упомянутому договору с Ахвердовым Нобель получил в арендное пользование 201 вагон-цистерну, большой флот в составе 13 барж, 2 шхун и 4 буксирных судов, склады емкостью в 3,7 млн. пуд в восьми важнейших пунктах страны [80]. Не меньшую активность в этом направлении проявлял и другой участник картеля — Об-во «Мазут».

[74] «Нефтяное дело», 1909, № 10.
[75] «Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1912 г.», т. I, стр. 160.
[76] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1910 г., д. 965, лл. 1—6.
[77] Там же, д. 204, л. 91. Перед этим в феврале 1914 г. нефтеторговая фирма Г. С. Дембота присоединилась к фирме Ахвердова («Финансовое обозрение», 1914, № 2).
[78] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1910 г., д. 965, лл. 3—4.
[79] Там же, 1913 г., д. 781, л. 17.
[80] Там же, 1910 г., д. 204, лл. 169—170.

Все эти мероприятия заметно увеличили и без того значительное преобладание картеля в транспортно-сбытовой сфере. Уже в 1910 г. Т-во бр. Нобель имело огромный флот собственных судов, на который приходилось 11,3% емкости наливного флота волжского бассейна [81], причем Нобелю принадлежала большая часть теплоходов — наиболее мощных и экономических судов. В Волжском бассейне Т-ву к 1 января 1910 г. принадлежало 26% всей резервуарной емкости (34,6 млн. пуд.) [82]. Несколько меньшим, но также очень значительным было транспортно-складское хозяйство «Мазута». В 1913 г. фирмы картеля располагали таким флотом, который отдал в их руки 40% всех перевозок нефтепродуктов [83]. Из 53 судов, работавших в навигацию 1914 г. на Каспии,— «Нобель-Мазуту» принадлежало 24 судна (без арендованных), или 45% [84], при этом картель владел 80% всех теплоходов. На Волге Т-ву Нобель и «Мазуту» принадлежало 45% пароходов и 48% барж [85]. С учетом арендованных судов и барж удельный вес картеля в транспортировке нефтегрузов составлял не менее 50—60%. Что касается степени овладения складским хозяйством, то определить в цифрах удельный вес картеля в этой области очень трудно. Заметим только, что заарендованием складов у трех вышеупомянутых фирм Нобель в течение 1910—1914 гг. увеличил емкость своих складов на 5 млн. пуд., т. е. почти на 20% емкости его складов в 1909 г. По нашим ориентировочным подсчетам «Нобмазут» к началу 1914 г. располагал, по меньшей мере, половиной резервуарной емкости в Волжском бассейне.

Приведенные цифры говорят о том, что картель монополизировал добрую половину транспортных средств и складского хозяйства. В борьбе против более слабых конкурентов он занимал такие позиции, которые делали их положение крайне тяжелым. Не случайно печать того времени пестрит сообщениями о капитуляции то одной, то другой нефтеторговой фирмы. «Почти ежегодно,— констатировало в 1911 г. «Нефтяное дело»,— какая-либо из мелких фирм сходит со сцены, не выдержав конкуренции с бр. Нобель и «Мазутом» [86]. «Деятельность этой фирмы,— писало «Нефтяное дело» немного раньше по поводу торгово-транспортного предприятия С. Г. Дембота,— когда-то занимавшей видное место среди других по оборотам, под влиянием тяжелых условий конкурентной борьбы с каждым годом сокращается» [87]. В связи с этим в 1914 г. Дemботу не оставалось иного выхода, как «объединиться» с фирмой Ахвердова.

Оба участника картеля укрепили и расширили свои позиции также и в области нефтепереработки. Испытанным средством утверждения господства картеля в этой отрасли явилась монополистическая политика ограничения производства. Сократив до минимума число фактически действовавших заводов, картель получил возможность захватить контроль над большей частью их в свои руки. Т-во бр. Нобель с исключительной настойчивостью проводило линию на установление своего контроля над деятельностью возможно большего числа нефтеперегонных заводов. В течение 1910—1914 гг. оно скупило или заарендовало несколько таких за-

---

[81] «30 лет деятельности Т-ва нефтяного производства бр. Нобель. 1879—1909», П.—М., стр. 230.
[82] Там же, стр. 297—298.
[83] Подсчитано по данным «Нефтяного дела», 1914, № 16.
[84] Там же.
[85] Там же.
[86] «Нефтяное дело», 1911, № 23—24.
[87] «Нефтяное дело», 1911, № 21.

водов. В 1910 г. оно купило у Торгового дома Гольдлюста в Баку керосино-масляный завод [88]. Оно установило контроль над грозненскими заводами, причем один из них (завод «Польза») был принужден к переработке нефти, доставлявшейся только Т-вом бр. Нобель [89]. Единственный в Грозном бензиновый завод, принадлежавший «Грозно-Московскому т-ву», еще в 1909 г. попал к Нобелю [90]. Не ограничившись Баку и Грозным, Нобель наложил свою тяжелую руку и на единственный керосиновый завод в Майкопе [91].

Серьезно усиливали позиции картеля также всякого рода соглашения с другими нефтесбытовыми предприятиями. Летом 1911 г. в корреспонденции из Московского района сообщалось, что «почти все запасы нефти и остатков сосредоточены в руках у Нобеля, Об-ва «Мазут» и Об-ва «Волга», которые действуют согласительно» [92].

В обзоре Вологодского нефтяного рынка за первую половину 1911 г. читаем: «...На местном рынке вся торговля сосредоточена в руках только 2-х фирм (Нобеля и «Мазута»); за предыдущие годы здесь имели дела Дембот, Рагозин и др., теперь же они вошли в соглашение и предоставили Северный район в исключительное пользование Т-ва бр. Нобель и «Мазут» [93].

В соответствующих архивных фондах сохранились (правда, немногочисленные и преимущественно косвенные) указания на наличие соглашений между картелем и Восточным об-вом, Каспийским т-вом и другими фирмами в 1910—1913 гг. Действительно, местные и частные соглашения крупных фирм (пулы), далеко не всегда закреплявшиеся письменными документами, имели широкое распространение. Крупные фирмы выступали совместно с «Нобмазутом» и под его руководством при проведении крупных поставок нефтепродуктов и на торгах при продаже нефтетоплива железным дорогам [94]. При этом картель, будучи монополистом нефтяного рынка, выступал как организатор всякого рода соглашений между нефтепромышленными и нефтесбытовыми фирмами на предмет регулирования производства и сбыта и повышения цен.

Переход в 1912 г. Об-ва «Мазут» к новому владельцу — англо-голландскому нефтяному тресту «Ройял Датч Шелл» и развитие Т-ва бр. Нобель по пути превращения его в трест на первых порах не изменили, как нам представляется, характера взаимоотношений между двумя контрагентами. И Нобель, и «Шелл» были одинаково заинтересованы в сохранении и упрочении господства картеля «Нобель-Мазут» на внутреннем рынке. Картель давал «Шеллу» возможность, помимо непосредственного регулирования деятельности предприятий своей группы, влиять серьезнейшим образом на развитие всей нефтяной промышленности, Нобель, в свою очередь, перед лицом обострения конкурентной борьбы, также не был заинтересован в ослаблении картеля.

Объединение трестом «Ройял Датч Шелл» под своей эгидой группы бакинских и особенно грозненских предприятий, с одной стороны, и расширение группы Т-ва бр. Нобель — с другой, наряду с установлением «общности интересов» с целым рядом других предприятий, подвело под картель «Нобель-Мазут» новую, более мощную основу. Значительно больший охват картелем нефтедобычи и нефтепереработки, укрепление моно-

---

[88] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1910 г., д. 730, л. 16.
[89] Там же, д. 204, лл. 75, 82.
[90] «Нефтяное дело», 1909, № 11.
[91] «Финансовое обозрение», 1914, № 6.
[92] «Нефтяное дело», 1911, № 14. Подчеркнуто мною.— *П. В.*
[93] «Нефтяное дело», 1911, № 16.
[94] ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 9, 1913 г., д. 3668.

полистических уз между предприятиями и, наконец, сила и влияние английского капитала, все это, несомненно, способствовало усилению позиций картеля в 1912—1913 гг. Однако дальнейшее углубление процессов монополизации — образование и усиление нефтяных трестов — привело к тому, что картель, как форма монополии, перестал удовлетворять интересам крупнейших нефтепромышленников, и летом 1914 г. бр. Нобель и Об-во «Мазут» не возобновили картельного договора на новый трехгодичный срок [95]. Картель уступал дорогу новой, более высокой форме монополистической организации нефтяной промышленности — тресту.

Кроме могущественного картеля «Нобель-Мазут», в годы депрессии, наступившие после промышленного кризиса начала века, возникли и другие монополии, по преимуществу во вспомогательных отраслях нефтяного дела. Повидимому, в том же 1905 г., судя по сообщению Кавказского горного управления от 9 сентября 1910 г. в Горный департамент, произошло объединение главных подрядных фирм по бурению нефтяных скважин на бакинских нефтяных промыслах [96]. Немалую роль играл в Бакинском районе сернокислотный синдикат, объединявший все химические (сернокислотные) заводы Кавказа. Его значение было таково, что, по мнению одного из заправил синдиката, исключалась всякая возможность постройки новых кислотных заводов в Баку. Кроме того, он находился в соглашении с синдикатом крупных русских и польских заводов (так называемое Северное соглашение). По этому соглашению польские и русские заводы не имели права ввозить кислоту в Бакинский район. Т-во бр. Нобель имело 33% в общем сбыте кислоты этого синдиката. Предположительно возникновение синдиката сернокислотных заводов следует отнести к 1905 г. [97] Необходимо упомянуть также об экспортном масляном синдикате, действовавшем под фирмою «Société Anonyme d'Armement, d'Industrie et de Commerce (SAIC — «СИИК») [98]. Синдикат осуществлял сбыт русских смазочных масел на иностранных рынках. Доля участия в нем Т-ва бр. Нобель составляла в 1913 г. около 30%. Кроме Нобеля, в синдикате участвовали Каспийско-Черноморское об-во, Т-во Шибаева, Об-во Манташева и три других нефтеэкспортера [100].

Таким образом, монополии охватили все отрасли нефтяной промышленности.

II

Образование мощных монополистических объединений трестовского типа — основная черта нового этапа монополизации нефтяной промышленности, начавшегося в 1910—1911 гг., причем трестирование проходило целиком под руководством иностранного капитала, который действовал через посредство и русских и заграничных банков [101].

Решающее влияние иностранного, прежде всего английского, капитала в 1910—1914 гг. на процесс монополизации русской нефтяной промышленности обусловило захват в ней господствующих позиций несколькими мировыми нефтяными монополиями.

Широкую экспансию английского капитала в нефтяную промышленность России возглавил англо-голландский трест «Ройял Датч Шелл»

[95] «Финансовое обозрение», 1914, № 13.
[96] ЦГИАЛ, ф. 37 (Горного Департамента), оп. 65, 1910 г., д. 1526, л. 13.
[97] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1910 г., д. 730, лл. 20—23.
[98] Там же, л. 17.
[99] Там же, л. 5.
[100] «Нефтяное дело», 1911, № 3.
[101] Л. Эвентов. Указ. соч., стр. 72.

(«Шелл»). В 1910 г. одна из фирм «Шелла» приобрела Об-во «Казбекский синдикат» в Грозном [102]. В 1911 г. в руки «Шелла» перешла Урало-Каспийская нефтяная корпорация — английское общество, державшее у себя акции одноименного русского Общества [103]. Крупнейшим успехом «Шелла» было приобретение им в начале 1912 г. у Ротшильда 80% акционерного капитала Каспийско-Черноморского об-ва и особенно Об-ва «Мазут» [104] — второй по величине нефтесбытовой фирмы в стране — со всем ее большим и разветвленным распределительным аппаратом. В том же 1912 г. «Шелл» дополнительно приобрел 10% акций Каспийско-Черноморского об-ва и Об-ва «Мазут» и стал таким образом, обладателем 90% акционерного капитала обоих предприятий [105]. В 1912 г. «Шелл» получил контроль над «Северо-Кавказским об-вом [106], а еще раньше — над Об-вом «Русский Стандарт» — крупнейшей грозненской фирмой. Реорганизованное Т-во С. М. Шибаева под именем «Ново-Шибаевской нефтяной компании» также оказалось в сфере влияния «Шелла» [107].

За короткий промежуток времени «Шелл» поглотил еще несколько обществ, сохранив, впрочем, их наименование и номинальную самостоятельность (Об-во «Кавказ», Московское об-во, Об-во «Соучастники»). Под его контроль перешло также английское Об-во «Шпис и К°». В результате группа «Шелла» сосредоточила в своих руках в 1914 г. 104,9 млн. пуд. нефтедобычи, что составляло 19,3% всей выработки нефти в стране. Акционерный капитал 11 предприятий «Шелла» составлял 80,5 млн. руб. [108]

В 1910—1914 гг. английский капитал консолидировал свои предприятия, во множестве созданные в новых нефтеносных районах с целью их более полного захвата. Так, например, «Челекен концерн» объединил несколько английских предприятий на острове Челекене и стал контролировать там 3/4 всей добычи. Подобную же консолидацию, сопровождавшуюся ликвидацией и слиянием отдельных фирм и объединением их в группы, провел английский капитал и в Майкопском районе.

Широкий размах получило в годы предвоенного промышленного подъема установление так называемой «общности» интересов между многочисленными, преимущественно крупными предприятиями. Опираясь на «систему участий» как основной метод финансово-монополистических связей, крупнейшие предприятия получили возможность обеспечить расширение своих сфер влияния путем включения в них все новых и новых предприятий и объединения близких предприятий в группы. Так, в 1912—1913 гг. Т-во Г. М. Лианозова вошло участником в Апшеронское нефтепромышленное об-во и в Об-во «Арамазд», приобрело значительные интересы в делах Об-ва «Шихово», Нафталанского об-ва, установило «общность интересов» с Каспийским т-вом, Русским т-вом «Нефть» и Московско-Кавказским т-вом [109]. Финансовые комбинации с приобретением контрольных пакетов акций были закреплены «личной унией». С. Г. Лианозов стал директором-распорядителем Апшеронского об-ва, Об-ва «Ара-

---

[102] «Нефтяное дело», 1910, № 21.
[103] «Нефтяное дело», 1911, № 17.
[104] «Нефтяное дело», 1912, № 5.
[105] «Нефтяное дело», 1912, № 13.
[106] «Нефтяное дело», 1912, № 12.
[107] Л. Эвентов. Указ. соч., стр. 92.
[108] Для подсчетов использованы опубликованные и архивные источники, а также пресса, в частности «Обзоры Бакинской нефтяной промышленности» и другие данные о добыче нефти. Данные об акционерных капиталах взяты из отчетов предприятий.
[109] Л. Эвентов. Указ. соч., стр. 83.

мазд», Об-ва «Шихово», Нафталанского об-ва [110]. Эти общества и составили группу или так называемый концерн Лианозова. «Общность интересов» с Русским т-вом «Нефть» была закреплена делегированием владельца этого товарищества Т. В. Белозерского в состав правления Т-ва Лианозова, а также и тех предприятий, которые составили его «концерн». Точно так же были укреплены «личной унией» связи Т-ва Лианозова, Каспийского т-ва и Т-ва «Нефть» с Московско-Кавказским об-вом. В состав правления последнего входили крупнейшие нефтяные короли — Лианозов, Белозерский, П. О. и А. О. Гукасовы [111]. В том же направлении подчинения себе предприятий через «систему участий» действовали и другие крупнейшие предприятия: Об-во А. И. Манташева и К°, Русское т-во «Нефть», Каспийское т-во. Русское т-во «Нефть», заполучив в 1912 г. большую часть акций об-ва И. Н. Тер-Акопова, ввело в состав его правления в качестве председателя Т. В. Белозерского [112], а также Гиттиса и Львова. Об-во Манташева оказалось заинтересованным в Т-ве бр. Мирзоевых, Об-ве Питоева и К° и т. п. Узы «общности интересов» между ведущими предприятиями становились более прочными и охватывали все больший круг участников. Т-во Лианозова было заинтересовано в Об-ве Манташева и наоборот, Русское т-во «Нефть» (через Белозерского) — в десятке бакинских предприятий. Подобные примеры можно умножить.

Виднейшую роль в установлении «общности интересов» играли русские банки и иностранные финансово-капиталистические группы. Проводя выпуск акций в связи с увеличением основных капиталов предприятий, банки предоставили громадные средства в руки немногих нефтяных воротил для финансовых комбинаций с приобретением акций и т. п.

«Общность интересов» возникала и проявлялась и в других формах, например, в совместном ведении несколькими фирмами разведочных работ в новых нефтеносных районах. Так, например, в 1909 г. Т-во бр. Нобель заключило соглашение с Каспийско-Черноморским об-вом (БНИТО) о совместных разведках в Шемахинском уезде, Бакинский губ., с долями участия в расходах: Т-во бр. Нобель — 60% и БНИТО — 40% [113]. В 1910 г. участником совместных разведок стали также Каспийское и Московско-Кавказское т-ва [114].

Интенсивный процесс сближения предприятий в 1910—1912 гг. увенчался образованием крупнейшего нефтяного треста. 28 июня 1912 г. в Лондоне после длительных переговоров была учреждена «Русская генеральная нефтяная корпорация» («Ойл»). Созданный в форме общества финансирования, «Ойл» в действительности был, как по характеру деятельности, так и по своей структуре, монополистическим объединением трестовского типа. Непосредственными организаторами треста были крупнейшие русские банки, заинтересованные в нефтяной промышленности, во главе с Русско-Азиатским банком, а также виднейшие бакинские дельцы — С. Г. Лианозов, Т. В. Белозерский и др. Капиталы русских банков составили примерно половину всего акционерного капитала «Ойла». Другую половину (примерно в равных долях) предоставили английские и французские банковские группы [115].

---

[110] ЦГИАЛ, ф. 23, (Министерства торговли и промышленности), оп. 14, 1914 г., д. 355, лл. 3, 5, 29, 49.

[111] Там же, д. 27.

[112] Там же, л. 43.

[113] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1908 г., д. 384, л. 279.

[114] Там же, лл. 155—156.

[115] Л. Эвентов. Указ. соч., стр. 91.

Истинным вдохновителем создания «Ойла» являлся, однако, английский капитал. В организации треста он видел верное и наиболее удобное средство овладения ключевыми позициями в русской нефтяной промышленности, захвата нефтяных ресурсов Кавказа, получения «контроля над всем русским нефтяным рынком в целях урегулирования производства, сбыта и цен»[161]. Тот факт, что «Ойл» был создан в Лондоне, сам по себе достаточно симптоматичен. Не только желание приблизить новое монополистическое объединение к богатому английскому рынку капиталов и попутно изъять его из-под контроля русской администрации, как полагают некоторые исследователи, двигало его вдохновителями и создателями. Главное, по нашему мнению, заключалось в стремлении английских и связанных с ними французских финансово-промышленных кругов взять в свои руки руководство трестом. И то обстоятельство, что английские капиталы составляли номинально всего лишь около несколько более четверти основного капитала треста, не может, на наш взгляд, поколебать вывода о его решающей роли в создании и деятельности последнего. Накануне войны на Лондонской бирже котировались акции 55 «русских» нефтяных предприятий с основным капиталом в 149,15 млн. руб.[117]. Среди них наибольшим успехом пользовались акции фирм, оказавшиеся затем участниками группы «Ойл». Английский и связанный с ним французский капитал были хозяева большинства нефтяных предприятий, вошедших в состав треста. Не случайно сами воротилы русской нефтяной промышленности признавали, что нефтяная политика делается не в России, а за границей.

Участниками треста «Ойл» стали многие крупные бакинские предприятия и в первую очередь Т-во С. Г. Лианозова и его группа, Об-во А. И. Манташева, Русское т-во «Нефть», Каспийское т-во, Московско-Кавказское об-во, Бакинское нефтяное об-во. В него вошли также предприятия, связанные «системой участий» с названными фирмами, такие, как Об-во Тер-Акопова, Об-во бр. Мирзовых, Тифлисское т-во, С. Петербургское об-во, Об-во «Новь», Об-во Колесников и сын, Сюник. В состав треста входили также Об-во «Эмба-Каспий» и Среднеазиатское нефтепромышленное и торговое об-во (Санто). «Ойл» владел третью акций Русского нефтепромышленного об-ва (Руно). Тесные связи «Ойл» и его участники имели с «Восточным об-вом», Об-вом «Волга» и др.

К 1915 г. «Ойл» контролировал до 20 предприятий, на долю которых приходилось до 151 млн. пуд. добычи нефти, что составляло 27,8% всей добываемой нефти. Акционерный капитал предприятий треста составлял в 1914 г. 155,2 млн. руб.[118] Основной капитал треста «Ойл» вначале составлял 1250 тыс. фунтов стерлингов (11,8 млн. руб.), но уже в течение 1913 г. он был увеличен (дважды) на 1150 тыс. фунт. стерл., т. е. почти удвоился[119]. К 1914 г. основной капитал треста равнялся 2400 тыс. фунт. стерл. или 23,7 млн. руб. «Ойл» сосредоточил в своих руках контрольные пакеты акций всех своих участников. В свою очередь, последние владели акциями («шерами») треста. В состав правления треста вошли представители семи банков-учредителей (председатели правлений или директора-распорядители), нефтепромышленники Лианозов, Гукасов, Белозерский, Глазберг и несколько представителей англо-французских капиталистов, в том числе виконт Каррик (член английской палаты общин)[120].

[116] «Торгово-промышленная газета», № 212, от 17 сентября 1913 г.

[117] «Русские биржевые ценности. 1914—15 гг.», Пг., 1915, стр. 107

[118] Наши подсчеты мы считаем более правильными, чем данные В. С. Зива и Л. Е. Эвентова (см. сноску 108 на стр. 95).

[119] П. В. Оль. Иностранные капиталы в России, Пгр., 1922, стр. 45.

В 1912—1914 гг. мощное комбинированное предприятие — Т-во бр. Нобель — также значительно расширило сферу своего влияния. Оно создало в 1909—1911 гг. нефтесбыточное предприятие для Дальнего Востока — Восточно-Азиатское Т-во [121], являлось одним из инициаторов организации Об-ва «Колхида» и удерживало у себя контрольный пакет акций этого общества (36%) [122], приобрело $^2/_3$ участия в делах Об-ва В. И. Рагозин и К° [123]. В 1912—1913 гг. Т-во бр. Нобель приобрело участие в Челекено-Дагестанском о-ве (Грозный) [124], создало транспортное предприятие для перевозки нефтегрузов — Об-во «Кама» [125]. Ему принадлежала большая часть акций Об-ва «Эмба» и Об-ва «Чимион» (Фергана) [126]. Следует при этом отметить, что приобретение участия в делах Челенко-Дагестанского об-ва, по заявлению правления Т-ва, «возникло в связи с предположением купить на срок всю добычу нефти этого Об-ва» [127]. Таким образом, комиссионные продажи Нобеля и его договоры о покупке нефти не были обычными торговыми сделками, а открывали путь к типично монополистическим связям — «системе участия». К 1915 г. Т-во бр. Нобель контролировало и направляло деятельность целой группы предприятий, входивших в сферу его влияния. По нашим подсчетам, в 1914 г. предприятия группы Нобеля добыли 74,3 млн. пуд. нефти, что составляло 13,6% общероссийской добычи. Совокупный акционерный капитал группы равнялся 43,3 млн. руб.

Таким образом, в руках трех нефтяных объединений в 1914 г. находилась добыча 330,3 млн. пуд. нефти, что составляло 60,7% общероссийской добычи. На их долю приходилось также до 66% выработки керосина и почти столько же выработки мазута в Баку [128]. Акционерный капитал предприятий трех монопольных групп составлял в 1914 г., по нашим подсчетам, свыше 70% от общей суммы акционерных капиталов нефтяной промышленности.

Кроме того, под контролем английской «Нефтепромышленной финансовой корпорации» (четыре предприятия), тесно связанной с «Шеллом», находилось 17 млн. пуд. нефтедобычи [129]. До 8—10 млн. пуд. нефти приходилось на более мелкие монополистические объединения иностранных капиталистов (вроде «Челекенского концерна»). Следовательно, к 1915 г. нефтяные монополии охватывали до двух третей общей добычи нефти в стране (65,7%). Удельный вес «свободных» фирм в производстве нефти составлял немногим более одной трети.

Решающие позиции монополии занимали и в нефтеперерабатывающей отрасли. К началу войны им принадлежали почти все нефтеперерабатывающие заводы в Баку и особенно в новых районах. В руках трех нефтяных трестов находилась также основная часть нефтепроводов, наливных станций, резервуаров, транспортных средств и торгово-распределительной сети. Достаточно сказать, что в Баку по нефтепроводам, при-

---

120 «Нефтяное дело», 1912, № 8.

121 ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1913 г., д. 241, л. 4.

122 ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, 1910 г., д. 158, лл. 181—182; «Нефтяное дело», 1910, № 24.

123 «Русское акционерное дело», 1912, № 4, стр. 14.

124 ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1913 г., д. 241, л. 6.

125 «Русское акционерное дело», 1912, № 4, стр. 14.

126 Там же.

127 ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1913 г., д. 241, л. 6.

128 Данные относятся к 1913 г. Подсчитано по данным «Обзора Бакинской нефтяной промышленности за 1913 г.», т. II.

129 «Богатства СССР», вып. 1, стр. 39.

надлежавшим 12 предприятиям, входившим в состав трестовских объединений, перекачивалось до 90% добытой на промыслах нефти [130].

Подавляющее большинство средних и мелких фирм по существу исполняло роль подрядчиков крупных фирм по добыче нефти, находясь от них в полной зависимости. В делах Т-ва бр. Нобель можно найти десятки документов (маклерских записок) о продаже ему всей добытой (тартальной) нефти в течение одного-трех и более лет многочисленными средними и мелкими фирмами [131]. Пределом самостоятельности многих фирм являлась лишь возможность сбывать свою нефть разным покупателям. Нередко, же, попав в зависимость от крупных предприятий-монополистов, они не имели даже и такой «самостоятельности», будучи вынуждены сдавать нефть одному и тому же предприятию — своему патрону.

Одной из основ огромного могущества и гнета нефтяных трестов было монопольное обладание ими источниками нефти. «...Монополии,— указывал В. И. Ленин,— всего прочнее, когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов...» [132]. Нефтяные тресты захватили к началу войны громадные площади нефтеносных земель. Нобель, «Ойл» и «Шелл» (а также менее крупные монополистические группы иностранного капитала) владели большей частью разрабатывавшихся и неразрабатывавшихся нефтяных источников. Нефтяные короли стали фактическими хозяевами нефтеносных земель, являвшихся номинально собственностью казны. Нефтеносные земли Баку, Грозного, Майкопа, Эмбы, Ферганы, далекого Сахалина подверглись разграблению и захвату со стороны монополий и иностранного капитала. Английский капитал обосновался почти во всех районах России, где только пахло нефтью.

Накануне первой мировой войны началось проникновение в русскую нефтяную промышленность и американского капитала. В 1909—1910 гг. Герберт Гувер, тогда еще начинающий делец, обосновался в Майкопе, учредив там несколько акционерных компаний.

* * *

Складывание мощных монополистических объединений-трестов происходило в ожесточенной борьбе за гегемонию в нефтяной промышленности. И это вполне закономерно, ибо монополии не только не устраняют конкуренцию, а, наоборот, придают ей еще большую остроту и масштабы.

Бешеная борьба, которую повел «Ойл» за овладение большей частью производства нефтепродуктов и рынков сбыта, обусловила новую вспышку ожесточенной конкурентной борьбы накануне мировой войны. Каждое из трех мощных монополистических объединений стремилось урвать себе основную массу максимальных прибылей.

Конкурентная борьба развернулась по многим линиям: за овладение источниками нефти, за контроль над добычей и переработкой нефти, за господство на рынке и т. п. Лихорадочная скупка предприятий и отдельных промыслов в 1912—1914 гг., установление «общности интересов» и подчинение предприятий монополиям через «систему участий», комбинирование и т. п.— все это было проявлением обострения борьбы за овладение производством и сбытом нефти.

---

[130] Подсчитано по справочнику «Ежегодник Баку и его район. 1913 г.», Баку, 1914. стр. 351. Данные за 1912 г.

[131] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1912 г., д. 219, лл. 28, 57, 69, 118.

[132] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 247.

«Ойл» являлся главным соперником Нобеля и «Шелла», выступавших в блоке. В течение буквально одного года с момента организации «Ойла» этот англо-русский трест неимоверно быстро раздулся, охватив своим контролем едва ли не четвертую часть всей нефтедобычи. Особые усилия «Ойл» прилагал к тому, чтобы прибрать к рукам Т-во бр. Нобель с его мощным производственным и транспортно-сбытовым аппаратом. В случае успеха «Ойл» сразу получил бы полный контроль над производством и сбытом русской нефти. Для этого «Ойл» прибег к методу финансового овладения Т-вом бр. Нобель, т. е. к обычному для монополий способу покорения противника. «Нефтяная компания Russian General Oil Co,— сообщала «Торгово-промышленная газета», ссылаясь на сообщения иностранных газет,— задалась целью скупить большую часть акций бр. Нобель» [133]. Осенью 1913 г. «Ойл» приобрел на берлинской бирже значительный пакет акций Нобеля [134]. Правда, этого оказалось недостаточно для овладения делом Нобеля, но зато между ними была установлена «общность интересов».

Не меньшие усилия направил «Ойл» и к тому, чтобы сокрушить на рынке, в первую очередь на керосиновом рынке, монополию «Нобель-Мазута». С этой целью «Ойл» прежде всего озаботился укреплением своих позиций в транспортно-сбытовой сфере. В течение короткого времени он законтрактовал 79 нефтяных станций, 23 парохода, 229 барж, 1800 вагонов-цистерн [135]. Его заправилы создали собственную, не зависимую от «Нобмазута» сбытовую организацию. Основой ее послужили транспортно-складское хозяйство и торговые агентства «Восточного об-ва». В справке Русско-Азиатского банка от июля 1914 г. прямо указывается, что торговым отделом «Ойла» является нефтяной отдел «Восточного общества» [136].

Соглашение «Ойл» — «Восточное об-во» о передаче последнему на комиссионную продажу нефтетоваров треста состоялось в 1912 г. [137]. Благодаря этому соглашению «Ойл» получил разветвленный сбытовой аппарат «Восточного об-ва» и его многочисленную клиентуру. Соглашение было закреплено «личной унией»: в состав правления «Восточного об-ва» вошли деятели предприятий треста Глазберг и Летуновский. Постепенно сбыт нефтетоваров предприятий группы «Ойл» сосредоточился в руках «Восточного об-ва». Последнее стало принимать для транспортировки и торговли почти исключительно нефтепродукты фирм «Ойла». Еще в 1912 г. «Восточное об-во» осуществляло значительную морскую перевозку нефти для Т-ва бр. Нобель, а в навигацию 1913 г. это товарищество выбыло из числа клиентов «Восточного общества» [138]. Несомненно, это являлось следствием конкурентной борьбы и перегруппировки фирм вокруг новых монополистических объединений.

Т-во Лианозова заключило в течение 1913—1914 гг. ряд соглашений о продаже «Восточному об-ву» своего керосина и нефтяных остатков. Обменом письмами между Лианозовым и «Восточным об-вом» было утверждено соглашение о продаже Обществу до 1915 г. [139] — 19,5 млн. пуд. мазута. Письмом от 1 июня 1913 г. «Восточное об-во» подтвердило «словесное соглашение» о покупке им 1 млн. пуд. керосина Т-ва Лианозова в

[133] «Торгово-промышленная газета», № 212, от 17 сентября 1913 г.

[134] П. В. Оль. Указ. соч., стр. 46.

[135] «За два года. Очерки общественно-экономической жизни Самарской биржи 1913—1914 гг.», Самара, 1915, стр. 490.

[136] ЦГИАЛ, ф. 630 (Русско-Азиатского банка), оп. 9, 1914 г., д. 652, л. 5.

[137] «Нефтяное дело», 1912, № 18.

[138] «Нефтяное дело», 1913, № 6.

[139] ЦГИАЛ, ф. 1449, оп. 1, 1910 г., д. 1, лл. 35—37.

Баку [140]. Другое крупное предприятие группы «Ойл» — Об-во Манташева прекратило в 1913 г. многолетний договор с Нобелем о передаче последнему исключительного права продажи керосина и мазута и объявило о намерении возобновить самостоятельную продажу этих нефтепродуктов на внутреннем рынке [141]. Вскоре оно передало комиссионную продажу керосина об-ву «Океан», связанному договором с группой «Ойл» [142].

«Ойл» не ограничился централизацией сбыта нефти через свой торговый отдел — «Восточное об-во». Для борьбы против картеля «Нобель-Мазут» на керосиновом рынке и увеличения на нем своего удельного веса крупнейшие участники группы «Ойл» организовали керосиновый синдикат, как противовес могущественному картелю. Синдикат был создан в 1913 г. под безобидной вывеской «Волжско-Черноморского акц. об-ва» (Вочето).

До осени 1913 г. «на рынке не чувствовалось конкуренции, борьбы между нефтяными фирмами»,— отмечало «Нефтяное дело», но уже в сентябре 1913 г. почувствовались глубокие признаки их борьбы «за покупателя», особенно «за покупателя» керосинового [143].

В новый синдикат вошли следующие фирмы: Об-во «Океан», бр. Меркульевы, Русское т-во «Нефть», Об-во Манташева, Каспийское т-во, «Восточное об-во» и др. [144] В июле 1913 г. синдикат приобрел по договору с бр. Меркульевыми 540 акций «Волжско-Черноморского об-ва» и Т-ва Лианозова [145].

Дружественным синдикату и группе «Ойл» было Об-во «Волга» — третье по размерам вывоза нефтегрузов пароходно-сбытовое предприятие. Отдельные указания на эту близость имеются в архивных материалах [146]. Связь «Волги» с группой «Ойл» через «личную унию» таких лиц, как П. О. Гукасов и Лбов —членов правления «Волги»,— несомненна [147].

Вокруг синдиката сгруппировались также все местные нефтеторговые фирмы — давнишние противники «Нобмазута» (Асадуллаев и др.). Синдикат заарендовал склады Т-ва «Нефть» и создал в важнейших волжских пунктах (например, в Царицине) свои отделения, которые, очевидно, и осуществляли совместную продажу керосина. В делах Т-ва Лианозова сохранились отдельные договоры, свидетельствующие о тесных взаимоотношениях между синдикатом и Т-вом Лианозова, как его контрагентом. В частности, Т-во Лианозова сдавало по договорам «Волжско-Черноморскому об-ву» свой керосин, прекратив его сдачу на комиссию «Нобмазуту» [148].

Созданием синдиката, объединившего в большинстве своем предприятия группы «Ойл», а также и других конкурентов «Нобель-Мазута», «Ойл» укрепил свои позиции на керосиновом рынке. Это привело к резкому обострению борьбы на волжских рынках [149]. Против блока «Нобель-Мазут» синдикат, предварительно сконцентрировав в своих руках крупные запасы керосина, применил метод «боевых цен»: он неизменно делал скидку при продаже керосина против цен картеля на 3 коп. [150]

[140] ЦГИАЛ, ф. 1449, оп. 1, 1910 г., д. 1, л. 77.
[141] «Нефтяное дело», 1913, № 7.
[142] Там же.
[143] «Нефтяное дело», 1914, № 4.
[144] «Нефтяное дело», 1913, № 15.
[145] ЦГИАЛ, ф. 1449, оп. 1, 1910 г., д. 1, л. 86.
[146] ЦГИАЛ, ф. Коллекция, оп. 1, 1913 г., д. 249, лл. 9—15.
[147] См. «Акционерно-паевые предприятия России», Пгр., 1913, стр. 70.
[148] ЦГИАЛ, ф. 1449, оп. 1, 1910 г., д. 1, л. 97.
[149] «Нефтяная промышленность и торговля зимой 1913—14 гг.», Баку, 1914, стр. 20
[150] «Нефтяное дело», 1914, № 1.

Но все же удельный вес синдиката был недостаточен, чтобы серьезно поколебать монополию «Нобель-Мазута». По нашим подсчетам, синдикат в 1913 г. контролировал не более 15—17% сбыта керосина. Это имело, однако, большое значение в другом отношении: если учесть, что «Нобмазут» сбывал до 77% всего керосина, то это означало, что практически весь керосиновый рынок был безраздельно монополизирован тремя крупнейшими монополиями. Кроме того, обладание группой «Ойл» 15—17% сбыта керосина позволяло ему угрожать незыблемости монополии картеля. Все это несло с собой условия для соглашения и «полюбовного» раздела рынков и сфер влияния.

Что касается сбыта нефтяных остатков, смазочных масел и бензина, то они не были предметом особого внимания группы «Ойл». Более того, и в 1912—1914 гг. «Ойл» сбывал свой бензин и масла через картель «Нобель-Мазут» как по старым, так и по новым договорам. Так, например, 22 декабря 1912 г. предприятие Лианозова — ведущее в группе «Ойл» — заключило многолетний договор с Т-вом бр. Нобель о предоставлении последнему исключительного права продажи его бензина в России (вместе с Финляндией) [151]. Обменом писем в феврале 1913 г., т. е. тогда, когда оба контрагента уже вели смертельную борьбу на керосиновом рынке, Лианозов и Нобель подтвердили это соглашение, причем в него был включен новый пункт, который предусматривал выплату крупной неустойки (более половины стоимости пуда бензина) на случай продажи Лианозовым бензина помимо Нобеля [152]. Точно такое же соглашение о комиссионной продаже Нобелем масел Лианозова на период 1915—1920 гг. (до 1915 г. действовал прежний договор 1910 г.) было заключено в мае 1912 г. [153]

Не наблюдалось особой конкуренции между «Нобмазутом» и группой «Ойл» и на рынке нефтетоплива. Между тем удельный вес группы «Ойл» в сбыте нефтетоплива был весьма значителен, и «Ойл» имел возможность всерьез бороться с Нобелем и «Мазутом»: по нашим подсчетам, фирмы «Ойла» вывозили в 1914 г. из Астрахани не менее 70 млн. пуд. нефтяных остатков и сырой нефти, что составляло до 30% общего вывоза нефтетоплива.

Объяснялось это тем, что конкурентная борьба на рынке нефтетоплива (нефтяных остатков и сырой нефти) была невыгодна для монополистов, так как могла привести к падению продажных цен на нефтетопливо. Между тем сбыт мазута и сырой нефти являлся для них выгоднейшей и ведущей статьей дохода. Цены на мазут стояли так же высоко, как и на нефть, избавляя нефтепромышленников от необходимости заботиться о полной переработке нефти и связанных с этим дополнительных расходов на улучшение техники производства. Таким образом, три монополистических объединения контролировали накануне войны до 90% всего сбыта нефтетоплива, причем действовали они на рынке нефтетоплива довольно согласованно. Таким образом, судьбу нефтепромышленности и нефтяного рынка всецело определяли эти три могущественные группы — Нобель, «Шелл» и «Ойл». Отсюда понятен и невероятно быстрый и чрезмерный рост цен на нефтяные остатки и нефть в 1912—1914 гг.

Итак, мы видим, с одной стороны, ожесточенную борьбу монополий за гегемонию в русской нефтяной промышленности, с другой стороны — деловой контакт и «дружественные» отношения между ними.

Жестокая схватка между монополиями за господство на керосиновом

[151] ЦГИАЛ, ф. 1449, оп. 1, 1910 г., д. 1, л. 56.
[152] Там же, лл. 62—63.
[153] Там же, лл. 27—29.

рынке шла рядом с соглашениями конкурентов на рынке нефтетоплива и бензина. Там, где интересы обеспечения максимальных прибылей требовали подавления и устранения своих противников, там кипела свирепая борьба между могущественными конкурентами; если же эти прибыли обеспечивались полюбовным сговором, налицо были отношения тесного сотрудничества монополистов.

Сближение и блокирование между Нобелем и «Шеллом», с одной стороны, и группой «Ойл» — с другой, постепенно усиливались. Это было обусловлено общей заинтересованностью в одних и тех же предприятиях. В 1911—1913 гг. точками соприкосновения служили несколько крупных нефтепромышленных предприятий, в которых в конечном итоге одинаково заинтересованными оказались все три монополистические группы. Особенно быстро под влиянием лондонских нефтяных магнатов сближались «Шелл» и «Ойл». Так, например, в Русском нефтепромышленном об-ве (Руно) участвовали, имея крупные пакеты акций, «Шелл» (Каспийско-Черноморское об-во и Об-во «Мазут»), «Ойл» и Нобель. Группа «Шелла» была представлена в правлении «Руно» Эклундом (председатель правления) и М. Г. Поляк, «Ойл» — С. Г. Лианозовым (директор-распорядитель) [154]. Имел своего агента в правлении Русского нефтяного об-ва и Нобель.

«Общностью интересов» «Ойл» и «Шелл» были связаны также и через Об-во «Эмба-Каспий». Представлен был в правлении этого Общества и Нобель (через Хагелина) [155]. Выше уже отмечалась заинтересованность всех трех групп в Об-ве «Колхида», хотя контрольный пакет акций (36%) удерживал за собой Нобель. «Ойл» и Нобель также совместно участвовали в других обществах. В Об-ве «Эмба», учрежденном в 1912 г. Нобелем, Русское т-во «Нефть» получило 15% акций [156], а Белозерский был избран одним из директоров Об-ва.

Как указывалось выше, в 1913 г. «Ойл» приобрел значительное число акций Нобеля и установил таким образом «общность интересов». В дальнейшем она была закреплена «личной унией»: в июне 1915 г. в состав Совета Т-ва бр. Нобель был введен А. И. Путилов, председатель правления Русско-Азиатского банка и группы «Ойл» [157]. В июне 1916 г. правление Т-ва бр. Нобель обсудило «предложение нескольких петроградских банков о покупке находящихся в их портфеле крупных паев Т-ва Г. М. Лианозова Сыновей и шеров Английской компании» (группы «Ойл».— *П. В.*) и признало «приобретение участия в деле сказанных нефтяных предприятий для Т-ва желательным...» [158]. В дальнейшем участие Т-ва бр. Нобель в делах группы «Ойл» было скреплено введением Э. Л. Нобеля в состав правления Т-ва Лианозова. В итоге, благодаря «системе участий», накануне войны «интересы многочисленных нефтяных предприятий так сплелись,— пишет В. С. Зив,— что трудно сказать, где начинается и где кончается влияние того или другого предприятия в делах многочисленных других нефтяных предприятий» [159].

Накануне войны процесс монополизации нефтяной промышленности, несомненно, шел по пути образования одного могущественного треста. Иностранный капитал, главным образом английский, в полном трестировании русской нефтяной промышленности видел средство овладения

[154] ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, 1914 г., д. 355, л. 37.
[155] «Акционерно-паевые предприятия России», Пгр., 1913, стр. 439.
[156] «Русское акционерное дело», 1912, № 4, стр. 14.
[157] В. С. Зив. Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности, Пгр., 1916, стр. 57.
[158] ЦГИАЛ, ф. 1458, оп. 1, 1916 г., д. 227, л. 28
[159] В. С. Зив. Указ. соч., стр. 49.

нефтяными ресурсами нашей страны. В этом также надо видеть одну из причин ускоренного сближения между группами «Шелл» и «Ойл» и попыток последнего включить Нобеля в сферу своего влияния.

* * *

Большой интерес представляет выяснение внутренней структуры и системы управления каждой из монополистических организаций. Именно в этом проявлялось своеобразие трестовской формы монополий в условиях нефтяной промышленности России. Как известно, трест в качестве основного признака предполагает утрату производственной и коммерческой самостоятельности всеми объединившимися предприятиями, причем управление трестом осуществляется особым комитетом.

Было бы неправильно утверждать, что нечто подобное имело место и в русских нефтяных монополиях. Тем не менее мы склонны считать, что сложившиеся к началу войны три могущественные монополистические объдинения являлись объединениями трестового типа со специфической внутренней структурой, объясняемой особенностями условий русской нефтяной промышленности. Нет сомнения в том, что последняя по степени концентрации и монополизации была вполне подготовлена к полному трестированию, точнее, к организации трестов в их обычной форме. Если этого не случилось, то произошло это главным образом потому, что иностранный капитал — основной хозяин русской нефтяной промышленности — не находил нужным в рассматриваемое время доводить ее трестирование до конца.

Рассмотрим, для примера, структуру треста «Ойл». Его ядро, «командную группу», составляли шесть крупнейших предприятий: Т-во Лианозова со своим «концерном» («Шихово», «Апшеронское об-во», «Арамазд» и «Нафталин»), Об-во Манташева, Русское т-во «Нефть», Каспийское т-во, Московско-Кавказское т-во и Бакинское нефтяное об-во. Эти предприятия составляли основу группы «Ойл» и были тесно связаны друг с другом через «систему участий» и узами «личной унии». Близость и сращивание с одной и той же банковской группой еще более объединяла их. Они вели единую производственную и торговую политику, но сохраняли, впрочем, весьма иллюзорную, коммерческую самостоятельность. Взаимные отношения между ними регулировались разного рода соглашениями, нередко словесными. Чаще всего соглашения оформлялись простым обменом писем. В делах Т-ва Лианозова сохранились десятки договоров, писем и т. п. о купле-продаже нефтепродуктов у родственных предприятий. Даже у предприятий своего «концерна», полностью зависевших от Лианозова, последний покупал всю добытую ими нефть не иначе как по особым соглашениям, обычно многолетним (3—5 лет). Продажа или взаимообмен нефти и нефтепродуктов между предприятиями группы «Ойл» оформлялась обменом письмами. Письма являлись документами, закреплявшими существовавшую производственную и коммерческую связь между близкими предприятиями. Их основное назначение сводилось к бухгалтерскому учету и контролю. Письма зачастую так и начинались: «...Настоящим письмом имеем честь подтвердить состоявшееся между нами словесное соглашение, по которому Вы продали, а мы у Вас купили...» (указывается количество и вид нефтепродукта) [160].

Предприятия треста совместно выступали и в таких мероприятиях, как торги на нефтеносные участки, скупка земель, хранилищ нефти и т. п.

---

[160] ЦГИАЛ, ф. 1449, оп. 1, 1910 г., д. 1, лл. 14, 55, 77 и др. Подчеркнуто мною.— *П. В.*

О всех более или менее важных сделках участники группы «Ойл» должны были информировать друг друга. Так, например, в марте 1913 г. Московско-Кавказское об-во, заарендовав через подставных лиц крупный нефтеносный участок в Грозненском районе, послало копии договора Русскому т-ву «Нефть», Об-ву Манташева, Каспийскому т-ву, Лианозову и другим фирмам группы [161].

Руководство всеми предприятиями осуществлялось небольшой кучкой нефтяных воротил: Лианозовым, Белозерским, И. О. и А. О. Гукасовыми, Манташевым, Кянджунцевым, Глазбергом и еще двумя-тремя подобными фигурами, ведавшими в Баку всеми делами предприятий группы «Ойл». Главным же его хозяином было правление в Лондоне, возглавлявшееся А. И. Путиловым.

Таким образом, предприятия, входившие в «Ойл», сохранили лишь формальную самостоятельность, а на деле вся их производственная, финансовая и торговая деятельность была полностью подчинена руководящей группе иностранных и русских нефтяных дельцов и финансистов. Такая форма управления во всех отношениях представляла большие удобства для этой кучки монополистов. Для ее характеристики вполне подходят слова В. И. Ленина, определяющие сущность «системы участий»: «...«Система участий»,— писал он,— не только служит к гигантскому увеличению власти монополистов, она кроме того позволяет безнаказанно обделывать какие угодно темные и грязные дела и обирать публику, ибо руководители «общества-матери» формально, по закону, не отвечают за «общество-дочь», которое считается «самостоятельным» и *через* которое можно *все* «провести»» [162]. И действительно, через «самостоятельные» предприятия заправилы группы «Ойл» безнаказанно обделывали свои грязные дела: ограничение производства, порчу нефтяных месторождений, взвинчивание цен и т. д.

Подобная форма организации треста с сохранением «самостоятельности» его составных частей была удобна еще и тем, что позволяла русской буржуазии маскировать антинациональную политику неслыханной распродажи народного достояния — нефтяных месторождений России — иностранному капиталу. Нефтяные предприятия оставались попрежнему формально «русскими» и «самостоятельными». Но, как справедливо писали волжские судовладельцы, сильно ущемленные нефтяными королями, «у большинства из них осталась только русская вывеска, а дело уже перешло в руки иностранного сконцентрированного капитала» [163].

Необходимо учитывать также и то обстоятельство, что современный капиталистический трест настолько глубоко задевает интересы потребителей, рабочий класс и крестьянство так страдают от его хищнической политики, что заправилы его весьма заинтересованы в затушевывании и сокрытии сущности монополистического объединения.

«Ойл», следовательно, по своей сущности не отличался от других нефтяных трестов. В этой связи уместно заметить, что знаменитый англо-голландский трест «Ройял Датч Шелл» также состоял из нескольких, формально самостоятельных крупных акционерных обществ, подчиненных распорядительному органу, державшему в своих портфелях акции всех участников монополистического объединения.

Т-во бр. Нобель рано сложилось как крупнейшее комбинированное нефтепромышленное предприятие. Довольно рано оно в своей финансово-

---

[161] ЦГИАЛ, ф. Коллекция, оп. 1, 1913 г., д. 249, лл. 9—15.
[162] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 216.
[163] «За два года...», стр. 491.

промышленной деятельности вышло за пределы России и к началу XIX в. превратилось в силу мирового значения. Его капитал, будучи по происхождению русским, перерос национальные границы и, трансформировавшись, в рассматриваемый период являлся международным капиталом. По своему могуществу на внутреннем рынке, характеру монополизации производства и сбыта и удельному весу в нефтедобыче (до 14% всей добычи в Баку и 2,0% мировой добычи в 1909 г.) Т-во бр. Нобель уже давно имело существенные черты треста. Но трестом оно становится окончательно лишь в 1910—1914 гг., когда товарищество складывается в мощную финансово-капиталистическую группу, тесно связанную с банками, но вместе с тем вполне самостоятельную.

По своей структуре нобелевский трест представлял собою нечто вроде планеты большой величины (само Т-во бр. Нобель) с окружавшими его спутниками (Челекено-Дагестанское об-во, Об-во «Эмба» и др.). Предприятия, входившие в трест, формально оставались самостоятельными и действовали на основании своих собственных уставов. В действительности же в их деятельности не оставалось ни грана самостоятельности: производственная, финансовая и торговая деятельности этих предприятий были полностью подчинены единому руководящему центру — правлению Т-ва бр. Нобель.

Группа «Шелл», представленная в России 11 предприятиями, являлась филиальным отделением одноименного англо-голландского треста. Предприятия группы находились между собою в тесной связи, а Об-во «Мазут» выступало как главная ее сбытовая организация. Руководство предприятиями группы исходило из Лондона.

Таким образом, внутренняя организация русских нефтяных трестов как нельзя более отвечала задаче выколачивания максимальных прибылей, затушевывая в то же время особо хищническую природу этой формы монополии. Наконец в лице этих трестов нефтепромышленники получили сильное классовое оружие для борьбы с пролетариатом, гигантски затруднявшее его классовую борьбу. Новый мощный подъем революционного движения бакинских рабочих в 1913—1914 гг. стоит в прямой связи с образованием новых монополистических союзов капиталистов и усилением их гнета над рабочими нефтяной промышленности.

III

По справедливому замечанию исследователя, «нефтяная промышленность представляла собой ту отрасль русской промышленности, в которой финансово-капиталистические отношения получили максимальное для России развитие» [164].

Ряд причин обусловил эту важнейшую особенность. Во первых, экспансия иностранного капитала, особенно в 1910—1914 гг., усилила и ускорила процесс концентрации и монополизации в нефтяной промышленности, подготовив тем самым одно из решающих условий для слияния ее с банковским капиталом. В нефтяной промышленности получило широкий размах непосредственное финансирование многих нефтяных предприятий иностранным капиталом и образование на этой основе мощных финансово-промышленных групп («Шелл»). Во-вторых, деятельность русских банковских монополий, завязавших тесные связи с нефтяными предприятиями накануне войны, шла навстречу выраставшей из нефтепромышленных кругов тенденции к сближению, к слиянию с крупным банковским капиталом.

[164] И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность в России до 1917 г., М.—Л., 1927, стр. 154.

Во время предвоенного промышленного подъема крупнейшие русские банки обнаружили сильнейший интерес к нефтяному делу. Основной линией сближения банков и нефтяных предприятий являлось финансирование крупных предприятий, принявшее накануне войны грандиозный размах. Именно в эти годы один эмиссионный синдикат банков сменяет другой, а на онкольных счетах [165] банков фиксировались громадные ссуды нефтепромышленным предприятиям и их объединениям. Финансирование в виде эмиссии проводилось, как правило, не одним банком, а группой банков, действовавших по взаимному соглашению. Излюбленными объектами для банковских синдикатов были обычно наиболее крупные нефтяные предприятия. Наиболее энергично действовали в нефтяной промышленности Русско-Азиатский банк, пожалуй, самый «нефтяной» из всех русских банков, и С.-Петербургский Международный банк.

Русско-Азиатский банк был непременным участником почти всех эмиссионных банковских синдикатов по нефтяным предприятиям. В 1912 г. он возглавлял синдикат в составе Русского торгово-промышленного и Сибирского банков, а также заграничного банкирского дома Розенберга по реализации паев Т-ва Лианозова [166].

При активном участии группы русских банков, во главе с Русско-Азиатским, а также при содействии некоторых иностранных банков, были проведены эмиссии новых выпусков акций Каспийского т-ва, Бакинского нефтяного об-ва, Русского т-ва «Нефть», Об-ва Манташева и др. Азовско-Донской банк возглавил в 1912 г. синдикат акций Т-ва бр. Нобель [167]. Нередко русские банки выступали также посредниками между нефтяными предприятиями и заграничным рынком капиталов. Реализуя эмиссии акций, они вводили их на парижскую и лондонскую биржи. В частности таким путем были введены в 1912 г. на парижскую биржу паи нового выпуска Т-ва Лианозова [168].

Громадное — в 5—10 раз — увеличение основных капиталов ряда крупных предприятий, усиление их роли в нефтяном производстве и стремление к синдицированию — таковы ближайшие следствия широкого финансирования банками нефтяной промышленности.

Немалые средства представлялись предприятиям в порядке финансирования и по специальному счету онколь под негарантированные ценные бумаги. О размерах ссуд по онколю можно судить по следующим данным. На 1 ноября 1914 г. задолженность Об-ва Манташева Русско-Азиатскому банку по счету онколь составляла 4451 тыс. руб., а Русского т-ва «Нефть» — 10 167 тыс. руб. [169]

Важнейшей особенностью финансирования нефтяной промышленности банками был его спекулятивный характер, что влекло за собой непроизводительное использование вливавшихся в промышленность громадных денежных средств. Основная часть их шла на разного рода финансовые комбинации по установлению «общности интересов», захвату нефтеносных земель и другие комбинации, приносившие банкам огромные барыши [170].

Спекулятивный характер финансирования поддерживался банками при благосклонном содействии министерства финансов, поощрявшего

---

[165] Онколь — выдаваемые банками своим клиентам бессрочные ссуды под обеспечение ценными бумагами (например, акциями), векселями и т. п.

[166] «Нефтяное дело», 1912, № 13.

[167] МГОИА, ф. 355, оп. 1, 1912 г., д. 124, л. 122.

[168] «Нефтяное дело», 1912, № 13.

[169] ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 9, 1914 г., д. 654, лл. 17, 22.

[170] «Богатства СССР», вып. 1, стр. 41—43.

банковские синдикаты в проведении ими так называемых интервенций [171]. Акции и паи Лианозова, Манташева, Нобеля, а также акции немногих других предприятий были излюбленными объектами закупок и выгодных перепродаж при проведении интервенции на бирже. Преобладание спекулятивных форм финансирования было безусловно показателем паразитизма монополистического капитала в нефтяной промышленности накануне первой мировой войны и в то же время — одной из причин застоя и регресса нефтяного дела в эти годы.

Финансируя сравнительно небольшой круг «избранных» нефтяных предприятий, банки предоставляли в их распоряжение громадные средства. На примере финансирования нефтяной промышленности отчетливо видна основная особенность кредита в эпоху монополистического капитализма. Кредит служит орудием кучки монополистов для упрочения их господства и выколачивания на этой базе максимальных прибылей. Не удивительно, что в этих условиях преимущественного финансирования небольшого числа крупных монополистических объединений процесс сращивания банковского и нефтепромышленного капитала должен был идти особенно интенсивно. В течение каких-нибудь двух-трех лет банки становятся главными акционерами крупнейших нефтяных предприятий, прочно срастаясь с ними. Так, например, из представленных на состоявшемся 4 мая 1911 г. общем собрании акционеров Бакинского нефтяного об-ва 11 666 акций С.-Петербургскому Международному банку принадлежало 5 300 акций, Русско-Азиатскому — 600, Волжско-Камскому — 535 [172].

Небезинтересно проанализировать рост заинтересованности банков в делах Т-ва бр. Нобель — одного из самых прочных в финансово-экономическом отношении предприятий.

Следующая таблица показывает динамику участия банковских капиталов в акционерном капитале Т-ва бр. Нобель [173].

Банки-акционеры (на 28 мая 1910 г.)	Число паев	Число акций	Банки-акционеры (на 25 мая 1913 г.)	Число паев	Число акций
Всего	2000	20 000	Всего	2000	80 000
В том числе:			В том числе:		
Азовско-Донской . .	96	551	Азовско-Донской . .	287	18 603
Волжско-Камский	142	534	Сиб. Торговый . . .	181	10 726
СПб. Учетный и ссудный	67	400	Дисконто Гезельшафт	—	7 132
СПб. Международный	43	182	Волжско-Камский . .	96	4 472
Русский торгово-промышленный . . .	20	175	Русско-Азиатский	60	1 581
Русский для внешней торговли	39	38	СПб. Международный	40	1 976
			Сиб. Учетный и ссудный	45	1 724
			Русский для внешней торговли	53	768

[171] В целях искусственного поддержания высокого курса русских ценных бумаг банки, зачастую по инициативе министерства финансов, вступали между собою в соглашение о массовой скупке бумаг тех или иных предприятий для последующей их перепродажи на бирже. Это создавало видимость большого спроса на ценные бумаги.

[172] «Нефтяное дело», 1911, № 9.

[173] Составлено по материалам ЦГИАЛ (ф. 1458, оп. 1, д. 63, л. 1574; д. 69, л. 1031).

Налицо бурный рост участия банков в акционерном капитале Т-ва бр. Нобель — с 9% в мае 1910 г. доля участия банков повысилась до 51% к маю 1913 г. Причем только на долю Азовско-Донского и «дружественного» ему С.-Петербургского торгового банков приходилось в 1913 г. 22 329 акций, или 36%. Приведенные цифры интересны еще и в другом отношении: они показывают процесс образования мощной финансово-капиталистической группы из промышленной монополии Нобеля и сращивавшихся с ней банков. Характерен в этом отношении и другой пример. На состоявшемся в конце 1913 г. собрании акционеров Т-ва Лианозова Русско-Азиатский и Сибирский банки, банкирские дома Розенберг и бр. Джамгаровых вместе с А. И. Путиловым представили 40% акций товарищества [174]. В 1915 г. банкам принадлежало уже 80% акций Т-ва Лианозова [175]. Во всех этих случаях выступает в решающей роли банковский капитал, уже слившийся с промышленным, т. е. финансовый капитал.

Банки настолько слились с группами крупнейших нефтяных предприятий, что совместно с их заправилами выступали инициаторами трестирования всей нефтяной промышленности. Результатом обоюдных стремлений и явилось создание в 1912 г. семью крупнейшими русскими банками (Русско-Азиатский, С.-Петербургский Международный, С.-Петербургский Учетный и ссудный, Русский Торгово-промышленный, Русский для внешней торговли, Сибирский и С.-Петербургский частный) во главе с Русско-Азиатским банком и некоторыми бакинскими нефтепромышленниками при непосредственном участии иностранных финансистов «Русской генеральной нефтяной корпорации» («Ойл») в Лондоне. При этом русские банки являлись в значительной мере орудием иностранного финансового капитала, стремившегося к трестированию нефтяной промышленности России: участие иностранных капиталов в акционерном капитале семи перечисленных банков составляло около 50% [176]. В основном это были франко-английские капиталы.

В создании группы «Ойл» и в его финансировании, пожалуй, с наибольшей глубиной сказалось завершение определенного этапа сращивания банковских монополий с промышленными. Банки-организаторы группы «Ойл» — в течение одного года почти удвоили основной капитал треста. Они предоставляли ему громадные денежные средства и по онколю. Так, на 1 ноября 1914 г. задолженность «Ойла» по онколю Русско-Азиатскому банку составляла 23 893,5 тыс. руб. [177], а С.-Петербургскому Международному банку на 1 июля 1914 г.— 9529 тыс. руб. [178]. Только при таких громадных вливаниях банковских капиталов «Ойл» мог развернуть в 1912—1915 гг. свою агрессивную политику, рассчитанную на овладение большей частью нефтяного производства и сбыта. За его спиной неизменно стояла, поддерживая его, группа русских банков (Русско-Азиатский, С.-Петербургский Международный и Сибирский), а также заграничные финансовые группы.

В борьбе против группы «Ойл» Т-во бр. Нобель опиралось на помощь тесно связанного с ним Азовско-Донского и некоторых других банков. В результате русские банковские монополии оказались вовлеченными в борьбу нефтяных монополий за гегемонию в нефтяной промышленности. Одним из ярких эпизодов этой борьбы была попытка Русско-Азиатского

---

[174] «Торгово-промышленная газета», № 289, от 18 декабря 1913 г.
[175] «Промышленная Россия», 1916, № 10—11.
[176] И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М., 1948, стр. 371—372.
[177] ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 9, 1914 г., д. 654, л. 32.
[178] Там же, д. 652, л. 2.

и связанных с ним банков помешать увеличению основного капитала Т-ва бр. Нобель путем нового выпуска акций на 10 млн. руб. (с 30 до 40 млн. руб.).

На состоявшемся 20 мая 1914 г. собрании акционеров Т-ва бр. Нобель представителям банков группы «Ойл» удалось, несмотря на все старания представителя Азовско-Донского банка (Б. А. Каменки), добиться того, что предложение правления о новом выпуске акций не получило квалифицированного большинства акционеров. Спустя 4 месяца, после усиленной мобилизации банками паев и акций Нобеля, на собрании акционеров вновь был поставлен этот вопрос. На сей раз Азовско-Донскому банку в лице Б. А. Каменки, при поддержке С.-Петербургского Торгового и Учетного и ссудного банков, удалось добиться одобрения собранием акционеров решения правления о выпуске акций. Оказавшиеся в меньшинстве представители Русско-Азиатского, Международного, Торгово-промышленного банков после принятия решения «демонстративно и немедленно» покинули собрание [179].

Сращивание банковского капитала с промышленным, так далеко зашедшее в нефтяной промышленности, естественно нашло свое закрепление в системе «личной унии» банков и промышленных предприятий. В 1915 г. 42 члена правлений, советов, начальников отделений и т. п. 12 банков заняли 96 должностей членов правлений в различных нефтяных предприятиях [180]. Ни в одной отрасли русской промышленности не было такого тесного сплетения банковских и промышленных групп через «личную унию» как в нефтяной промышленности. Укажем, для примера, на небезызвестного А. И. Путилова, бывшего одновременно председателем правления Русско-Азиатского банка, директором и членом правления многих промышленных и транспортных предприятий, председателем правления треста «Ойл», членам правления Бакинского нефтяного об-ва, председателем правления Т-ва Лианозова, Об-ва «Эмба-Каспий», С.-Петербургского нефтепромышленного о-ва и др. В большинстве перечисленных предприятий он лично являлся одним из крупнейших акционеров.

В свою очередь нефтяные воротилы занимали места членов Советов многих банков. Так, в составе Совета Азовско-Донского банка в 1910—1914 гг. были С. Г. Поляк (Об-во «Мазут»), Л. А. Манташев и представитель английских нефтепромышленников Вишау. Членами Совета С.-Петербургского Международного банка являлись Хагелин (Т-во бр. Нобель) и Фейгль (Каспийско-Черноморское об-во из группы «Шелл»). Нефтяные тузы были представлены и в Советах некоторых других банков (С.-Петербургского Частного и т. д.). Нередко они являлись обладателями крупных пакетов акций тех или иных банков (Манташев, например, имел 3 тыс. акций Русского для внешней торговли банка). Финансовая олигархия, выраставшая из слияния банковского капитала с капиталом промышленных монополий, приобретала все больший и больший вес. К началу войны она стала господствующей в нефтяной промышленности.

Таким образом, финансовый капитал, главным образом иностранный, стал монопольным обладателем громадного производственного аппарата нефтяной промышленности, ее многомиллионных капиталов, хозяином богатейших нефтяных источников страны. Он по существу всецело определял накануне войны производственную, финансовую и торго-

---

[179] «Нефтяное дело», 1914, № 19.
[180] «Промышленная Россия», 1916, № 10—11.

вую политику нефтяных монополий, подчиняя ее одной цели — задаче обеспечения максимальных прибылей в интересах кучки иностранных и русских монополистов.

* * *

Как видим, монополистические объединения в нефтяной промышленности России занимали прочные позиции, обеспечивавшие их господство в области производства и сбыта нефти и нефтепродуктов. Наряду с «Продаметой» и «Продуглем» нефтяные монополии являлись могущественнейшими объединениями капиталистов, играя первенствующую роль в системе монополистического капитализма в России.

Вместе с тем русские нефтяные монополии находились в большой зависимости от иностранного капитала, выступая нередко в качестве филиальных отделений мировых нефтяных трестов («Шелл»).

Сравнительно раннее и более устойчивое, по сравнению с другими отраслями промышленности, господство монополий в нефтяной промышленности было основной причиной ее застоя и упадка в 1905—1914 гг.

Первая мировая война не изменила основной тенденции в монополизации русской нефтяной промышленности — сосредоточения ее под контролем узкой группки монополистов, связанных с международными нефтяными монополиями. Война лишь привела к новой перегруппировке сил, в частности, к усилению Нобелевского треста за счет ослабления группы «Ойл».

Утвердив свое господство в нефтяной промышленности России, монополии в погоне за максимальными прибылями стали на путь искусственного торможения производства с целью взвинчивания цен на нефтепродукты. Такая политика нанесла величайший вред развитию производительных сил в нефтяной промышленности и явилась главной причиной нефтяного «голода» накануне и в годы первой мировой войны.

А. Л. ЦУКЕРНИК

К ИСТОРИИ СИНДИКАТА «КРОВЛЯ» [1]

Особенность развития Урала, наблюдавшаяся вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, заключалась в том, что рост капитализма происходил здесь крайне медленно из-за остатков крепостничества.

Включение Урала в общеимперскую сеть железных дорог, возникновение конкурентной борьбы между Уралом и другими металлургическими районами страны и прежде всего с Югом, перемены в условиях сбыта продукции уральской металлургии, техническая ее перестройка — все это привело к переходу уральской металлургии на рельсы крупного капиталистического машинного производства на основе относительно значительной его концентрации. К концу кризиса 1900—1903 гг. концентрация производства в металлургии Урала достигла такого уровня, что в ней наметились монополистические тенденции, выразившиеся в заключении в 1904 г. конвенции крупных уральских заводов о производстве и сбыте кровельного железа, а затем — в организации в 1907 г. синдиката «Кровля».

В настоящей статье делается попытка осветить монополистическую природу этой конвенции, приведшей к созданию синдиката «Кровля», и дальнейшую историю синдиката до 1914 г. В основу статьи положены текст конвенции 1904 г.; тексты контрагентских договоров «Кровли», заключенных в 1907 и 1910 гг., а также другие документальные материалы, обнаруженные нами в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ) и в других архивах РСФСР и УССР.

I

На первых порах развитие металлургии Урала и Юга происходило обособленно, так как между ними почти не было конкуренции. Отсутствие таковой объяснялось двумя причинами. Во-первых, Урал до конца 90-х годов XIX в. не был связан железными дорогами с важнейшими рынками сбыта металла и, в частности, с промышленным центром и Петербургом. Только в 1897 г., когда Пермь — Тюменская ж. д. [2] в Челябинске была соединена с Самаро — Златоустовской и Сибирской дорога-

[1] Настоящая статья написана по материалам подготовляемой автором докторской диссертации: «Горнометаллургическая промышленность юга России и Урала в 1900—1913 гг.».

[2] Пермь — Тюменская ж. д., первая крупная железная дорога на Урале, была открыта в 1876 г. (в 1900 г. она была переименована в Пермскую ж. д.) и первоначально соединяла два пункта водных путей, не примыкавших к другим железным дорогам: Пермь на Каме и Тюмень на Туре. Эта дорога, соединявшая водные бассейны Волги и

ми, Урал получил непосредственный выход на внутренние рынки России. Во-вторых, отсутствие конкуренции между Уралом и Югом вызывалось тем, что до кризиса начала 1900-х годов металлургическая промышленность обоих районов работала на различные рынки. Продукция уральской металлургии (кровельное железо, другие виды листового железа, а также сортовое железо и проволока) предназначалась в основном для широкого рынка и промышленных целей; продукция же южной металлургии (главным образом, тяжелые рельсы) шла на удовлетворение потребностей железнодорожного строительства.

С начала XX в. в результате роста железнодорожного транспорта на Урале, а также вследствие резких сдвигов в структуре производства южной металлургии между названными районами возникает и в дальнейшем значительно обостряется конкурентная борьба. Под знаком этой борьбы и происходило развитие Урала и Юга вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

После открытия в 1906 г. Николаевской железной дороги [3] «Пермская железная дорога превратилась в одно из звеньев обширной магистрали, соединяющей сплошным рельсовым путем северную столицу России с Сибирью, а Урал из почти бездорожной окраины России сделался одним из ее торгово-промышленных и транзитных центров» [4]. В том же 1906 г. к Пермской дороге примкнула Богословская железная дорога [5] и, наконец, в 1909 г. начала действовать Уральская дорога [6]. Однако и после этого Урал продолжал сильно отставать от Юга в развитии железнодорожного транспорта. Но даже при относительно слабом развитии на Урале железнодорожного транспорта и при наличии огромных недостатков в его размещении железнодорожное строительство было наглядным проявлением капиталистической перестройки Урала и свидетельствовало о быстром втягивании его в общий процесс капиталистического развития России.

Важным фактором, вызывавшим ожесточенную конкуренцию между Югом и Уралом, был переход южной металлургии к производству той продукции, главным производителем которой ранее был Урал. Продукция, предназначавшаяся для широкого рынка и для промышленного потребления, составляла в 1895 г. 87% общего производства готовой продукции Урала, в 1909 г.— 84%, в 1913 г.— 82%, а на Юге соответственно — 32, 62 и 80% [7]. Следовательно, Юг мог конкурировать с Уралом в 1895 г. лишь в отношении одной трети своего производства, в 1909 г.— уже в отношении двух третей, а в 1913 г.— трех четвертей с лишним. Эти цифры станут еще более показательными, если учесть, что общий выпуск рыночной продукции на Урале возрос с 1895 по 1913 г. с 17,5 до 40,8 млн. пуд., а на Юге — с 14,4 до 141 млн. пуд.

Все усиливавшаяся конкуренция между Уралом и Югом ускорила техническую перестройку металлургического производства на Урале, что,

Сибири, проходила главным образом через территорию казенных металлургических заводов; частновладельческие же заводы, число которых было во много раз больше казенных, в своей основной массе оставались вне сферы действия дороги (А. А. Неопиханов. Железнодорожные пути Урала, Пермь, 1912).

[3] Вятка — Буй — Галич — Вологда — Череповец — Тихвин — Обухово.

[4] А. А. Неопиханов. Указ. соч., стр. 26.

[5] Дорога начиналась от ст. Гороблагодатной и шла до Надеждинского завода.

[6] Дорога начиналась на окраине Пермской дороги, от ст. Заимка, проходила через Кунгур и в Екатеринбурге примыкала к Пермской дороге; таким образом, в обоих своих конечных пунктах Уральская дорога сходилась с путями Пермской дороги.

[7] Исчислено по данным статьи «Положение уральской промышленности» — «Горные и золотопромышленные известия», 1912, № 9 и сборника «Народное хозяйство за 1916 г.», вып. VII, Пгр., 1922.

в свою очередь, способствовало заметному росту концентрации производства на Урале. Изменение техники выражалось во все возраставшем внедрении современных способов выплавки стали (мартеновского и бессемеровского), вследствие чего производство металла стало возможным лишь на крупных предприятиях, между тем как к концу XIX в. преобладающая часть уральских заводов представляла собой мелкие предприятия, являвшиеся скорее мастерскими, чем заводами. С 1900 по 1910 г. число заводов, применявших указанные способы, возросло с 23 до 33, а число заводов, применявших кричный и пудлинговый способы, уменьшилось с 84 до 20. За то же время производство металла на Урале современными способами увеличилось с 18,4 до 44,4 млн. пуд., а производство сварочного металла устаревшими способами упало с 19,7 до 3,2 млн. пуд.[8] Большие сдвиги произошли и в области энергетики металлургической промышленности Урала. Еще в 1900 г. 15% общей мощности установленных двигателей приходилось на водяные колеса и только 45% — на паровые машины; в 1910 г. мощность водяных колес упала до 4%, а паровых машин — возросла до 70%. Наряду с изменением техники металлургического производства на Урале происходили большие сдвиги в сбыте продукции уральской металлургии.

Развитие железнодорожного транспорта на Урале, ликвидировавшее территориальную разобщенность этого района и Европейской России, дало возможность сбывать продукцию в течение круглого года. Уже одно это обстоятельство создало важные предпосылки для перехода уральской металлургии на капиталистические рельсы. Кроме того, важным последствием железнодорожного строительства на Урале было превращение Нижегородской ярмарки в ярмарку, снабжавшую металлом только местный рынок, а также почти полная ликвидация Ирбитской и Лаишевской ярмарок и других местных рынков, на которых прежде Урал сбывал свою продукцию, не встречая почти никакой конкуренции. Все это способствовало развитию конкурентной борьбы между Уралом и другими металлургическими районами страны и, в первую очередь, с Югом.

Усовершенствование техники уральской металлургии, изменение условий сбыта ее продукции, а также кризис начала 1900-х годов произвели резкий сдвиг в концентрации металлургического производства на Урале[9]. На протяжении 1900—1913 гг. значительно сократилось число действовавших на Урале металлургических заводов: в 1900 г. их было 109, в 1909 г.— 92, а в 1913 г.— 77[10]. Следовательно, за указанный период число

[8] Первый опыт бессемерования на Урале был осуществлен еще в 1857 г. (на Всеволодовильвенском заводе), а ходатайство о разрешении постановки опытов по применению мартенования на Златоустовском заводе было возбуждено в 1868 г. Но только к 1905 г. оба эти способа выплавки металла стали играть преобладающую роль в уральской металлургии. Переход уральской металлургии на выплавку стали почти исключительно при помощи мартеновского и бессемеровского способов был завершен к 1913 г. (С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск, 1936, стр. 92).

[9] Показатели концентрации металлургического производства на Урале исчислены по данным: С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 233—235; «Сборник статистических данных о горнозаводской промышленности в 1900 г.», СПб., 1903; К. Д. Прошлое и настоящее Урала — «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1914, № 41, стр. 38—44; «Уральский техник», 1914, № 2, статистическое приложение.

[10] По данным сборников статистических сведений о горнозаводской промышленности за 1900 и 1909 гг. и статистического приложения к журналу «Уральский техник», 1914, № 2. Закрытие металлургических заводов на Урале в целях сосредоточения производства на меньшем количестве предприятий приняло такие размеры, что уже в 1910 г. была создана специальная правительственная комиссия для выработки мер к «обеспечению» населения заводов, прекративших свое действие («Уральский техник», 1910, № 6—7, стр. 32).

заводов уменьшилось (за счет мелких предприятий) почти на одну треть, между тем как выплавка чугуна увеличилась на 25%, а выпуск готовой продукции возрос почти на 30%.

Следует отметить, что в 1900 г. на Урале из 73 доменных заводов 11 (т. е. 15%) было с годовой выплавкой чугуна в 1 млн. пуд. и больше. На них выплавлялось 16,2 млн. пуд. чугуна — 32% всей выплавки. В 1913 г. крупных заводов стало 18 (из 47, т. е. 38%) и на них выплавлялось 39,4 млн. пуд. чугуна (из 55,9 млн. пуд., т. е. 70%). Весьма интенсивно протекал процесс концентрации в области производства готовой продукции. В 1900 г. крупных заводов с годовой выработкой готового железа в 1 млн. пуд. и больше насчитывалось лишь два (из 65 заводов на Урале, т. е. 3%), а их продукция составляла 4,5 млн. пуд. готового железа (из 29,7 млн. пуд., т. е. 15%). В 1913 г. таких заводов было уже 12 (из 51, т. е. 23%) и производили они 26,8 млн. пуд. железа (из 40,8 млн. пуд., т. е. 66%).

Особенно сильно в течение 1900—1913 гг. выросло в уральской металлургии число крупнейших предприятий с выплавкой чугуна, а также с выпуском готовой продукции, дававших по 2 млн. пуд. и больше в год. В 1900 г. был только один такой доменный завод (Надеждинский Богословского общества), составлявший 1,3% общего числа доменных заводов на Урале, и на нем выплавлялось 2,6 млн. пуд. чугуна, или 5,2% всей выплавки. В 1913 г. существовало уже 8 крупнейших доменных заводов (17%), а выплавка чугуна в них составляла 26,4 млн. пуд. (47%) [11].

Приведенные данные свидетельствуют, таким образом, о том, что укрупнение металлургических предприятий на Урале происходило довольно интенсивно. Однако процесс концентрации металлургического производства на Урале в целом всячески тормозился. Концентрация производства была связана с закрытием отдельных заводов, с прекращением или сокращением выпуска отдельных видов продукции, ввиду сосредоточения производства их на меньшем количестве предприятий. На все это, при наличии поссессионного права, являвшегося одним из крепостнических пережитков, требовалось особое разрешение горного ведомства [12].

Кроме того, в силу нераздробляемости поссессионных округов, предусмотренной поссессионным правом, заводчики не имели права выделять отдельные части округа в юридически самостоятельные предприятия, вследствие чего в большинстве таких округов существовали производства, ничего общего одно с другим не имевшие. Так, например, в Нижнетагильском, Верхисетском и Сысертском округах, кроме основного их производства — железоделательного, производилась добыча меди, золота, платины. Это распыляло оборотные средства горного округа и также задерживало укрупнение отдельных производств, в том числе и металлургическое.

Процесс укрупнения металлургических предприятий на Урале сопровождался их акционированием. До 1906 г. на Урале было восемь металлургических акционерных обществ, из которых шесть существовали еще до 1900-х годов. К 1914 г. существовало уже шестнадцать акционерных обществ [13]. Следовательно, на Урале, наряду со значительной концентра-

---

[11] Соответствующие цифры без Надеждинского завода, на котором в 1913 г. выплавлялось 10,3 млн. пуд. чугуна, по сравнению с 2,2—2,7 млн. пуд. на остальных заводах, составляли 17% и 30%.

[12] Статьи 248—250 Устава горного.

[13] Исчислено по данным, обработанным С. П. Сиговым (указ. соч., стр. 166—168), а также приведенным в «Сборнике сведений о действующих в России акционерных

цией производства, происходила относительно сильная концентрация и промышленных капиталов. Решающую роль в этом процессе играли русские акционерные банки, которые в канун первой мировой войны являлись «основными распорядителями судеб уральской металлургии»[14].

Первые единичные случаи финансирования банками металлургических предприятий Урала относятся к концу 90-х годов XIX в. Не прекращалось финансирование и в период 1904—1907 гг. С 1908 г. и особенно в последние годы кануна первой мировой войны связь русских банков с уральской металлургией при помощи всевозможных финансовых комбинаций резко усилилась. Иностранный капитал не играл здесь ведущей роли, и основные командные позиции в уральской металлургии принадлежали русским акционерным банкам. В отличие от южной металлургии, которая почти целиком принадлежала иностранному капиталу, в уральской металлургии к 1914 г. участие иностранного капитала составляло 45% по отношению к общему акционерному капиталу металлургии Урала[15].

Финансовые реорганизации, осуществленные банками, заключались в преобразовании единоличных горнозаводских округов в акционерные общества (только за 1912 и 1913 гг. были акционированы Сысертский, Шуваловский, Симский и Омутнинский округа)[16], в санировании отдельных металлургических предприятий, обычно находившихся ранее в администрации (за те же два года таким путем были реорганизованы Богословское общество, товарищество Сергинско-Уфалейских, общество Невьянских заводов)[17] и, наконец, в увеличении основных капиталов действовавших акционерных обществ (с 1910 по 1914 г. основные капиталы товарищества Алапаевских заводов и общества Белорецких, Кыштымских и Верхисетских заводов увеличились на 18 млн. руб.)[18].

Эти финансовые комбинации были связаны с выпуском указанными металлургическими обществами акций, реализация которых производилась обычно Азовско-Донским, а также Торгово-промышленным и Сибирским банками. Эти банки, располагая значительной частью акций как собственными, так и заложенными у них, получали возможность оказывать решающее влияние на развитие уральской металлургии. Особенно сильна была связь уральской металлургии с Азовско-Донским банком, так как им были произведены финансовые реорганизации таких

обществах и товариществах на паях», СПб., 1911, стр. 106—111. К 1914 г. «заводам, преобразованным на акционерных началах, принадлежало около трех четвертей всего производства уральского черного металла (если считать и казенные заводы) и около 90% выплавки чугуна на частных заводах» (С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 165).

[14] С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 169.

[15] Исчислено в основном по данным, разработанным С. П. Сиговым (указ. соч., стр. 166—168), со внесением в них следующих поправок: исключено из подсчета Таналыкское горнопромышленное общество, как включавшее предприятия только по добыче меди; кроме того, акционерный капитал Богословского общества принят в размере 12 млн. руб., а не 16 млн. руб., поскольку такое увеличение капитала произошло после 1914 г. Таким образом, по данным, относящимся к 16 акционерным обществам, охватывавшим почти всю металлургию Урала, общий акционерный капитал уральской металлургии в канун первой мировой войны равнялся 127 млн. руб., в том числе 35 млн. руб. приходилось на пять обществ с исключительно иностранным капиталом (из них в производстве двух обществ большое место занимала добыча меди), 75,5 млн. руб. приходилось на шесть обществ с преобладанием русского капитала (удельный вес иностранного капитала в них колебался от 12% до 40%), а 16,5 млн. руб. приходилось на шесть обществ с исключительно русским капиталом. (См. также И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность в России, М., 1927, стр. 141—143.)

[16] С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 166—168.

[17] Там же.

[18] Исчислено по балансам, публиковавшимся в «Ежегодниках Министерства финансов» за соответствующие годы.

крупных предприятий, как Богословского общества, общества Лысовенских и Верхисетских заводов, причем, наряду «с этими прочными многолетними связями, в которых Азовско-Донскому банку приходилось играть первую скрипку, были мимолетные, в которых банк выступал лишь наряду с другими банками[19]. Руководящая роль названных трех русских акционерных банков в развитии уральской металлургии давала полное основание одному из авторов, писавших на эту тему, утверждать что «главные управления некоторых уральских заводских округов помещаются теперь в Петербурге в одном здании и имеют лишь разные подъезды и вывески, кабинет же директоров — общий»[20].

Влияние банков на развитие металлургии Урала выражалось и в том, что частные акционерные банки и Государственный банк предоставляли уральским заводам большие кредиты. Размер ссуд под металл, полученных шестью обществами в одном только Государственном банке, составлял к 1912 г. 5,5 млн. руб.[21] Кроме того, к середине 1913 г. в залоге частных земельных банков находились все семь посессионных округов, причем лишь три из них (Алапаевский, Верхисетский и Нижнетагильский) были заложены на 13,3 млн. руб.[22]

Вместе с тем следует подчеркнуть, что посессионное право тормозило привлечение в металлургию Урала крупных капиталов и их концентрацию. Право казны в случае трехлетнего бездействия завода переводить его в казенное управление или назначать публичные торги создавало крайнюю неопределенность и неустойчивость владения, что затрудняло приток в уральскую металлургию новых капиталов[23]. Привлечению новых капиталов, особенно для расширения производства, мешало также и то, что для всякой реорганизации посессионного предприятия требовалось соответствующее разрешение горного ведомства. Такое стеснительное ограничение часто не позволяло быстро осуществить необходимые мероприятия для реорганизации действующих или создания новых предприятий. Наконец, приток новых капиталов в уральскую металлургию задерживался и тем, что, по действовавшему законодательству, посессионные предприятия, в отличие от остальных, имели право использовать леса, недра и воды исключительно для нужд своего производства, без права эксплуатации их для продажи. В условиях Урала все железоделательные заводы вынуждены были иметь собственные громадные лесные дачи, содержание которых требовало от заводчиков дополнительных больших расходов, что, само по себе, ставило горнозаводскую промышленность Урала в значительно худшие условия по сравнению с другими металлургическими районами страны. Частновладельческие заводы, продавая строевой лес и полезные ископаемые, покрывали таким путем большую часть расходов по содержанию лесных дач; посессионные же заводы этой возможности были лишены. Различное положение частновладельческих и посессионных заводов в отноше-

---

[19] И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 122.

[20] «Концентрация заводовладения на Урале» — «Уральский техник», 1913, № 12, стр. 49.

[21] «Горные и золотопромышленные известия», 1913, № 23, стр. 543—544.

[22] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 65, д. 1674, л. 17.

[23] Следует отметить, что по указанным причинам весьма затруднялось также банковское кредитование уральских заводов. К тому же формальности при получении ими различных ссуд и, в частности, при залоге имений (в поземельных банках) были настолько сложны и велики, что значительная часть выгод терялась из-за несвоевременности получения нужных средств. По заводам Верхисетским, Алапаевским и Невьянским, например, от момента возбуждения соответствующего ходатайства до получения денег проходило более двух лет (ЦГИАЛ, ф. 54, оп. 1, д. 548, л. 186).

нии использования лесов, недр и вод являлось одной из причин того, что процесс акционирования поссессионных горных округов происходил значительно медленнее, чем акционирование частновладельческих предприятий [24]. Следует отметить, что наряду с поссессионным правом действовали и другие причины, замедлявшие прилив новых капиталов в уральскую металлургию — земельное неустройство населения горнозаводских округов, редкая сеть железных дорог, большая удаленность Урала (по сравнению с Югом) от основных рынков сбыта и др.

Таким образом, с возникновением в начале 1900-х годов конкуренции между Уралом и Югом на Урале происходил быстрый процесс сосредоточения металлургического производства на крупных предприятиях. Однако сохранившиеся на Урале остатки дореформенных порядков тормозили здесь развитие концентрации производства и капиталов, и это наложило отпечаток на характер и масштаб монополизации уральской металлургии.

II

«...Затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий» [25],— писал В. И. Ленин.

Уже к концу кризиса 1900—1903 гг. укрупнение металлургических предприятий Урала достигло такой степени, что владельцы вынуждены были заключать соглашения с целью совместной эксплуатации рынка. Первое такое соглашение относится к 1904 г., когда между главными производителями кровельного железа — Алапаевскими, Шуваловскими, Строгановскими, Уфалейскими, Демидовскими и Кыштымскими заводами — было заключено соглашение с 1 января 1905 г. по 1 января 1908 г. об «урегулировании размера производства и продажи кровельного железа и определения основной цены на него» [26]. Каждый из участников соглашения сохранял свою полную самостоятельность при сбыте кровельного железа. Поэтому соглашение 1904 г., в отличие от контрагентских договоров «Кровли» и Продамета, не предусматривало создания центрального органа по продаже кровельного железа. Каждый завод по своему усмотрению для продажи своей продукции должен был назначать агентов, которые при совершении продаж обязаны были соблюдать условия соглашения. Для осуществления всех задач, поставленных перед соглашением, был создан особый комитет из представителей участников соглашения. Руководящая роль в комитете принадлежала наиболее крупным компаниям, поскольку каждый представитель располагал в комитете «таким числом голосов, которые соответствовали представленной данному заводу доле производства, считая каждые 50 тыс. пудов производства кровельного железа дающими право на один голос» [27]. Комитет, находившийся в Петербурге, имел свои отделения в других городах, обладавшие полностью или частью правами и обязанностями комитета. В состав этих отделений входили представители заводов, участвовавших в соглашении 1904 г.

---

[24] Из существовавших к 1914 г. одиннадцати акционерных частновладельческих округов были акционированы до 1900 г. шесть, в 1900 г.— два, в 1913 г.— три, а из пяти акционерных поссессионных округов акционированы в 1906—1908 гг. четыре и в 1912 г.— один.

[25] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 185.

[26] «Соглашение Алапаевских, Шуваловских, Строгановских, Уфалейских, Демидовских и Кыштымских заводов 6 октября 1904 г.», СПб., 1904, стр. 1 (в дальнейшем — «Соглашение 1904 г.»).

[27] Там же, стр. 2.

Важнейшей задачей комитета было определение количества кровельного железа, которое каждый из участников соглашения должен был произвести и продать в течение ближайшего года. Это количество устанавливалось, исходя из общего размера намечавшегося сбыта, а также из данных о максимальной производительности каждого завода за последние три года до заключения соглашения 1904 г.[28] Вокруг этого вопроса между заключившими соглашение заводами постоянно происходила ожесточенная борьба, приводившая нередко к отказу от участия в нем отдельных заводов. В зависимости от технических условий производства заводам предоставлялось право, с ведома комитета, превысить в том или другом году предоставленную им норму производства. Однако излишек производства не мог быть в том же году выпущен на рынок, а должен был пойти в зачет установленной для такого завода нормы производства на следующие годы.

Другой главной задачей комитета было определение основной цены на кровельное железо[29]. Цена эта назначалась для различных районов империи при условии наличного расчета в момент поставки железа. При продаже в кредит к основной цене прибавлялась известная доплата, размер которой устанавливался комитетом. Основная цена на кровельное железо производства наиболее мощных заводов, входивших в соглашение, — Алапаевских, Верхисетских и Нижнетагильских, — была на 5 коп. с пуда выше всех остальных. При поставках на железные дороги для всех заводов назначалась единая основная цена. Различные цены устанавливались для оптовых и розничных покупателей, причем цены эти определялись комитетом для каждого района сбыта. Особо следует отметить, что соглашение обязывало всех участников не продавать кровельное железо н и ж е основной цены, утвержденной комитетом. Но каждый завод имел право продавать его по более высокой цене. Если какой-либо участник соглашения считал, что основная цена, назначенная комитетом, завышена, то комитет предоставлял право данному участнику продавать кровельное железо его производства по основной цене, указанной данным участником соглашения, или же комитет принимал на себя продажу железа по цене, назначенной этим участником. Наконец, комитет вырабатывал обязательную для всех заводов, входивших в соглашение, номенклатуру, основания сортировки, расценку сортов и развесов кровельного железа. Характерной особенностью соглашения 1904 г. являлось то, что если какой-либо завод, входивший в соглашение, в течение того или иного операционного года отставал в сбыте железа в пределах назначенной ему доли, то комитет выносил решение, обязывавшее остальных участников соглашения продавать железо отставшего завода по установленной основной цене. За эти операции отставший завод уплачивал вознаграждение в размере 2,5% с цены проданного железа[30]. Комитет ежегодно назначал двух или трех арбитров для проверки деятельности каждого из участников соглашения в отношении выполнения ими условий соглашения. Как правило, такими арбитрами обычно являлись представители наиболее мощных заводов. Арбитры, в целях неразглашения «коммерческих тайн» обследованных заводов, должны были сообщать комитету лишь о том, нарушил или не нарушил данный завод условия соглашения. За нарушение соглашения предусматривалась неустойка. Она выплачивалась участником

[28] Там же, стр. 2—3.
[29] Там же, стр. 3—4.
[30] Там же, стр. 4.

соглашения, допустившим нарушение, каждому из остальных участников. Выплата производилась в долях, пропорциональных сумме годового производства остальных участников соглашения.

Соглашение 1904 г. определенным образом ограничивало правомочия его участников, т. е. оно носило все черты капиталистической монополии и являлось одной из форм монополии, именуемой конвенцией. Соглашение 1904 г., возникшее в период падения продажных цен на кровельное железо, имело в виду прежде всего предотвратить дальнейшее понижение цен. Однако, ввиду относительно небольшого количества заводов, вошедших в соглашение, с одной стороны, и появления на рынке огромных масс кровельного железа производства внеуральских заводов — с другой, не удалось тогда даже стабилизовать рыночные цены. В 1906 г. вместо установленной комитетом в соглашении 1904 г. средней цены (локо-завод), примерно в 2 руб. 15 коп. за пуд кровельного железа (безотносительно к сортам и развесам), фактически вырученная цена составила 1 руб. 80 коп.[31] На Петербургском рынке цены в 1906 г. против 1903 г. снизились на одну треть[32]. В этих условиях участники соглашения 1904 г. стали его нарушать, в результате чего оно в конце 1906 г. прекратило свое существование.

Следует отметить, что особенности поссессионного права тормозили концентрацию производства и капиталов на Урале и тем самым ослабляли процесс монополистического перерождения уральской металлургии. Однако в течение 1907—1912 гг. укрупнение металлургических предприятий Урала происходило более быстрыми темпами, чем прежде: с 1903 по 1907 гг. в среднем на один завод выпуск продукции увеличился на 7%, а с 1907 г. по 1912 г.— на 160%[33]. Столь значительный рост концентрации производства при непрерывном понижении цен на кровельное железо вследствие его перепроизводства привел к усилению монополизации уральской металлургии. Это выразилось в переходе от монополии в форме конвенции к монополии в форме синдиката (который под вывеской акционеров общества по продаже уральского кровельного железа, сокращенно именовавшегося «Кровля», возник в 1907 г.).

Следует подчеркнуть, что синдицирование уральской металлургии, подготовленное ростом концентрации производства, ускорялось тем, что в организации синдиката были заинтересованы банки, тесно связанные с предприятиями, составившими основное ядро «Кровли». Наличие синдиката, который объединял бы возможно большее число уральских металлургических заводов, было крайне выгодно для банков, так как синдикат облегчил бы им осуществление всевозможных финансовых реорганизаций и, в частности, реализацию новых выпусков акций предприятий — участников синдиката.

После того как в 1908 г. Алапаевский, Верхисетский и Кыштымский горные округа были преобразованы в акционерные общества, доля всех акционерных обществ, являвшихся контрагентами «Кровли», в 1909—1910 гг. составляла около 65%. Если учесть, что названные акционерные общества подвергались наиболее крупным финансовым реорганизациям, то станет очевидным, сколь тесна была связь между русскими банками и уральским синдикатом.

---

[31] С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 120.

[32] Исчислено по данным П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1952, стр. 416—417.

[33] Особенно быстро росла концентрация производства кровельного железа: в 1913 г. только четыре завода (из 28, выпускавших эту продукцию) прокатывали более 40% всего кровельного железа на Урале.

Наиболее характерной чертой монополизации металлургии Урала было всемерное ограничение правомочий заводов — участников «Кровли» за счет расширения правомочий самого синдиката. Чтобы убедиться в этом, сопоставим основные положения соглашения 1904 г. и первого контрагентского договора «Кровли», заключенного на срок с 1907 г. до 1910 г. [34]

В противоположность соглашению 1904 г., по договору 1907 г. все заводы, входившие в синдикат, передавали ему исключительное право продажи кровельного железа. Вследствие этого ни один из участников «Кровли» не имел права производить непосредственно какие бы то ни было поставки кровельного железа. Тем самым уральский синдикат, в отличие от соглашения 1904 г., полностью сосредоточивал в своих руках все функции по сбыту кровельного железа [35]. Лишение контрагентов права самостоятельного сбыта кровельного железа являлось, таким образом, основой существования синдиката. Однако уже вскоре после заключения договора 1907 г. правление «Кровли» обратилось в совет синдиката с докладом, в котором, «ввиду существующего отрицательного отношения у некоторых земских и казенных учреждений к синдикату, а равно для более успешной борьбы с конкуренцией», признавало необходимым выступление на торгах и отдельных контрагентов [36]. Такая махинация преследовала одну цель (о ней, конечно, скромно умолчали в докладе) — создать такое положение на торгах, при котором отдельные контрагенты, по сговору с синдикатом, назначали бы явно неприемлемые условия поставки, вследствие чего заказчики вынуждены были бы передавать поставки синдикату. К аналогичным махинациям прибегал и Продамет, в частности во время торгов на поставки металла для железных дорог.

Сужение правомочий заводов — участников «Кровли» — касалось и такой важной стороны деятельности предприятий, как назначение продажных цен. В отличие от соглашения 1904 г., договор 1907 г. предоставлял право устанавливать продажные цены, скидки с них и условия платежа лишь одному синдикату. Цены, назначаемые синдикатом, были обязательны для всех его участников и не могли повышаться, как это предусматривалось соглашением 1904 г. Договор 1907 г. только предоставлял возможность каждому заводу, входившему в синдикат, в случае, если общая средняя цена всех сортов и развесов кровельного железа составит ниже 1 руб. 90 коп. за пуд, расторгнуть договор.

Договор 1907 г. ограничивал правомочия контрагентов и в отношении порядка выплаты неустоек за нарушение обязательств по договору, поскольку таковые выплачивались только синдикату, а не каждому контрагенту непосредственно, как это устанавливала конвенция 1904 г. Нужно добавить еще, что договор 1907 г., кроме названных пунктов, сужавших правомочия участников синдиката, содержал другие аналогичные пункты, обязывавшие их передавать все запасы кровельного железа, находившиеся вне завода, в полное ведение синдиката, а также лишавшие участников монополии права продажи или переуступки принадлежавших им акций синдиката без его разрешения.

Усиление монополизации уральской металлургии станет еще более очевидно, если сравнить содержание только что рассмотренного контрагентского договора 1907 г. с договором 1910 г. [37]. Анализ обоих этих

[34] ЦГИАЛ, ф. 51, оп. 1, д. 1, лл. 8—13 об.
[35] Там же, л. 8.
[36] ЦГИАЛ, ф. 64, оп. 1, д. 5, л. 102.
[37] Там же, д. 2, лл. 28—40 об.

договоров показывает, что договор 1910 г., заключенный на период 1910—1911 гг.. предусматривал дальнейшее сужение правомочий участников «Кровли» и всемерное повышение роли синдиката. Прежде всего значительно расширялись виды нарушений договора, которые влекли за собой выплату контрагентами неустоек. Договор 1907 г. устанавливал, что лишь нарушения обязательств о передаче синдикату исключительного права продажи кровельного железа и о продаже или переуступке без разрешения синдиката акций последнего влекли за собой выплату неустоек. Договор 1910 г. не только увеличивал размер неустоек за указанные нарушения, но и предусматривал новые виды нарушений договора, а именно: отпуск кровельного железа для заводских надобностей, для переработки его в изделия на продажу и на вывоз за границу без своевременного уведомления синдиката; нарушение обязанностей контрагента покупать кровельное железо для своих нужд у синдиката, а также нарушение контрагентом условий самостоятельного ведения продажи железа и невыполнение заказов в срок. Все эти нарушения договора 1910 г. влекли за собой выплату неустоек. В целом в договоре 1910 г. предусматривалось в 4 раза больше, чем в договоре 1907 г., нарушений, за которые контрагент штрафовался синдикатом. Затем договор 1910 г. значительно уменьшал возможности контрагента расторгнуть его. Договор 1907 г. предоставлял контрагенту право на расторжение в случае, если предоставленные ему синдикатом заказы в течение первого полугодия каждого года составят меньше половины продажной нормы; если контрагенту очистится по окончательному расчету средняя цена всех сортов и развесов кровельного железа ниже определенной цены; если контрагент не получит за год обусловленных договором заказов на минимальное количество железа и, наконец, если синдикат просрочит платежи контрагенту. В договоре 1910 г. были оставлены только два последних повода, дававших право контрагенту расторгнуть договор. По проекту же контрагентского договора на 1912—1914 гг., разработанному правлением «Кровли» [38], намечалось предоставить контрагенту право расторгнуть договор лишь при одном условии — при просрочке выплаты сумм, причитавшихся ему с синдиката.

Договор 1910 г., в отличие от договора 1907 г., содержал пункты, направленные на дальнейшее усиление роли синдиката и на обеспечение в нем ведущего положения наиболее крупных металлургических обществ. Впервые с момента существования на Урале монополистических соглашений синдикату предоставлялось право входить в соглашения с отдельными заводами как состоящими его контрагентами по кровельному железу, так и не состоящими, прекращать и ограничивать производство кровельного железа и уменьшать продажные нормы. В связи с этим синдикат мог производить выплату специальных премий за «отказ» от нормы, за уменьшение ее или за приостановку производства. Такое условие договора 1910 г. означало, что уральский синдикат недвусмысленно становился на путь создания искусственной хронической недогрузки существовавшего производственного аппарата с целью установления повышенных продажных цен. Это обстоятельство является лучшей иллюстрацией усиления монополизации металлургии Урала после 1910 г. Чтобы не допустить ослабления роли синдиката в тех случаях, когда по делам контрагента учреждалась администрация или

[38] Горьковский областной государственный архив, ф. 437, оп. 331, д. 237 (листы в фонде не пронумерованы).

когда предприятие контрагента переходило в другие руки, в договоре 1910 г. оговаривалось, что в таких случаях последний сохранял свою силу для обеих сторон. Точно так же контрагент мог продать свое предприятие не иначе, как на условии принятия новым владельцем прав и обязательств по действовавшему договору. Что же касается синдиката, то он мог передавать свои права и обязанности, полностью или частично, другим синдикатам. Договор 1910 г. обязывал затем всех контрагентов вырабатывать кровельное железо по однообразным правилам сортировки, развески, укупорки и клеймения, разработанным синдикатом.

Следует подчеркнуть, что договор 1910 г. особо обеспечивал интересы крупных участников «Кровли». По примеру контрагентских договоров Продамета, договор 1910 г. предусматривал организацию при правлении синдиката специального совета по продаже кровельного железа. В компетенцию совета входило разрешение большого круга важных вопросов, связанных с деятельностью «Кровли», в частности с установлением продажных цен, определением кредитов и утверждением договоров с новыми участниками синдиката. Формально контрагентский договор возлагал на всех его участников одинаковые права и обязанности. Поэтому указанный совет, как и контрагентские совещания при Продамете, был создан для того, чтобы монополистические предприятия имели возможность фактически направлять деятельность синдиката в своих интересах. Названный совет был организован так, что каждые полмиллиона пудов продажной нормы давали право на один голос, и поэтому ведущую роль играли в нем наиболее крупные участники «Кровли». Затем по договору 1910 г. шесть самых мощных компаний, входивших в состав «Кровли», получали премию за благоприятное (с точки зрения транспортных издержек) географическое положение своих заводов.

Таким образом, сравнительный анализ контрагентских договоров «Кровли» свидетельствует о возраставшей монополизации уральской металлургии. Однако, несмотря на это, происходило все увеличивавшееся отставание монополизации металлургии Урала по сравнению с Югом: сбыт синдицированной продукции (общеимперская продажа) через «Кровлю» по отношению к сбыту через Продамет составлял в 1907/8 г.— 0,73; в 1909/10 г.— 0,60, а в 1911/12 г.— 0,46 [39].

Организация синдиката «Кровля» в общем мало чем отличалась от организации Продамета. Уральский синдикат, как и южный, существовал в виде акционерного общества, руководимого правлением из шести членов. Для заведования делами правления назначался директор-распорядитель, обычно из лиц, близких главным акционерам [40]. Для разрешения вопросов, связанных с заключением и выполнением контрагентских договоров, существовал указанный совет по продаже кровельного железа. Из числа членов совета избирался постоянный наблюдательный комитет, члены которого должны были присутствовать на заседаниях правления «Кровли». Синдикат имел стандартный устав акционерного общества, мало чем отличавшийся от устава Продамета.

Для сбыта кровельного железа вся Россия была разделена на шесть районов: 1) Бакинский, 2) Екатеринбургский, 3) Киевский, 4) Москов-

---

[39] Исчислено по данным сборника «Русские биржевые ценности 1914—1915 гг.», Пг., 1915, стр. 186—188.

[40] На протяжении долгого времени в этой должности состоял Фармаковский, автор ряда апологетических работ о монополиях.

ский, 5) Петербургский и 6) Царицынский [41]. В крупных центрах этих районов находились торговые конторы синдиката [42].

Главным орудием монополистической политики «Кровли» был контрагентский договор. Хотя и по конструкции и по содержанию он во многом был похож на договор Продамета, все же он имел некоторые особенности, которые относились, например, к порядку сбыта синдицированной продукции, поскольку уральский синдикат являлся оптово-розничной торговой организацией, тогда как Продамет сбывал продукцию исключительно оптом. Другая особенность синдиката «Кровля» вытекала из практики его деятельности, основные положения которой управление уральского синдиката включило в проект контрагентского договора на 1912—1914 гг. Договоры «Кровли», заключенные в 1907 г. и перезаключенные в 1910 г., не предусматривали ни комиссионной продажи синдикатом другой продукции, кроме кровельного железа; ни финансовой помощи участникам монополии путем выдачи аванса; ни привлечения новых участников в синдикат на условиях более льготных по сравнению с условиями для заводов, вступивших в соглашение в момент его возникновения. В договоре 1907 г. был единственный пункт о финансовых операциях «Кровли», гласивший, что если завод-участник синдиката при выполнении поставки встретит затруднения по причине залога в банке кровельного железа, назначенного к поставке, то синдикат выдает такому заводу «для освобождения железа из залога ссуду в

[41] Среднегодовой отпуск кровельного железа через «Кровлю» составлял в течение 1907—1909 гг. 8,5 млн. пудов, в том числе было продано в Московскую губернию — 720 тыс. пудов, в Петербургскую — 660 тыс. пудов, в Сибирь и Саратовскую губернию — по 570 тыс. пуд. в Киевскую и Нижегородскую губернии, а также в Область войска Донского — по 400 тыс. пудов, в Кубанскую область, Херсонскую, Тамбовскую, Самарскую и Пермскую губернии — по 250 тыс. пудов, в Екатеринославскую и Тульскую губернии — по 200 тыс. пуд. Всего в перечисленные губернии и области было продано больше 60% общего сбыта кровельного железа через Уральский синдикат (ЦГИАЛ, ф. 64, оп. 1, д. 8, л. 6—10.). В подлиннике данные по некоторым губерниям разбиты по уездам, в зависимости от их вхождения в районы действия отдельных контор «Кровли» (пересчет по губерниям сделан мною.— *А. Ц.*).

[42] ЦГИАЛ, ф. 64, оп. 1, д. 8, л. 60—100. В состав Бакинского района входили губернии Бакинская, Дагестанская, Елизаветпольская, Карсская, Кутаисская, включая Батум, Тифлисская, Эриванская; в состав Екатеринбургского района — Сольвычегодский, Устюгский, Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губ., Вятский, Пазовский, Котельнический, Орловский и Слободской уезды Вятской губ., Оренбургская и Пермская губ., Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды Самарской губ., Уфимская губ. (кроме пунктов, указанных ниже), Акмолинская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Семипалатинская, Семиречинская, Амурская, Приморская, Тургайская, Тобольская и Томская губернии Сибири, Ташкентский район; в состав Киевского района — Бессарабская, Виленская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская губернии и Царство Польское; в состав Московского района — Архангельская, Витебская, Владимирская губернии, Бельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский и Томский уезды Вологодской губ., Елабужский, Малмыжский, Нолинский, Сарапульский, Уржумский и Яренский уезды Вятской губ., Казанская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская губ., Самарский и Ставропольский уезды Самарской губ., Кузнецкий уезд Саратовской губ., Симбирская и Смоленская губ., Елатомский, Кирсановский, Козловский, Лебедянский, Липецкий, Моршанский, Спасский, Тамбовский, Темниковский, Усманский и Шацкий уезды Тамбовской губ., Тверская и Тульская губ., Бирск, Азякуль, Мензелинск, Челны и Николо-Березовка Уфимской губ. и Ярославская губ.; в состав Петербургского района — Новгородская, Псковская, Петербургская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губ.; в состав Царицынского района — Астраханская и Воронежская губ., Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губ., все уезды, кроме Кузнецкого, Саратовской губ., Ставропольская губ., Борисоглебский уезд Тамбовской губ., Донская, Кубанская, Терская, Уральская и Черноморская области.

размере лежащего на железе банковского долга или сам выкупает железо из залога в банке»[43]. Однако на протяжении всего периода существования «Кровли» финансовые операции прочно вошли в круг его действий[44], что постепенно меняло характер первоначальных контрагентских договоров «Кровли». Уральский синдикат пытался вовлечь как можно больше заводов в свой состав, затормозить выход отдельных компаний из синдиката и вообще укрепить свои позиции на рынке кровельного железа, непрерывно ослаблявшиеся вследствие наступательной политики Продамета, направленной на полную ликвидацию своего главного конкурента — уральского синдиката «Кровля».

Политика последнего в отношении продажных цен мало чем отличалась от политики Продамета. Уральский синдикат назначал различные цены на кровельное железо для различных пунктов, нередко находившихся в пределах одного из шести районов, на которые была разделена синдикатом Россия. Более низкие цены устанавливались для рынков, где была относительно сильна конкуренция, а более высокие цены — для районов, где такой конкуренции не было вовсе или где она проявлялась слабо. По данным 1907 г., цены на кровельное железо, назначенные

Таблица 1

Доли участия отдельных контрагентов «Кровли» в 1907—1910 гг.
(в % к общему итогу по каждому году)

Наименование контрагентов	1.XI 1907 г. *	1.IV 1909 г. **	1.X 1910 г. ***	1.I 1912 г. ****
Товарищество Алапаевских горных заводов наследников С. С. Яковлева	15,7	14,5	18,9	+
Акционерное общество Верхисетских горных и механических заводов быв. Яковлева	13,5	12,5	13,0	+
Общество Камских железо- и сталеделательных заводов	11,7	10,9	14,1	—
Заводы графа Строганова	11,6	10,7	13,9	+
Общество Лысьвенских горных заводов наследников графа Шувалова	10,6	9,8	12,7	—
Товарищество Сергинско-Уфалейских горных заводов	9,8	9,1	—	—
Общество Белорецких железоделательных заводов Пашковых	8,3	7,7	10,0	—
Общество Кыштымских горных заводов	7,3	6,8	8,6	+
Товарищество Нижнетагильских заводов наследников Демидова	7,2	6,7	8,8	+
Пожевские заводы ****	—	5,4	—	—
Общество Симских горных заводов	2,9	2,7	—	—
Ревдинские заводы *****	—	1,8	—	—
Юго-Камский завод	1,4	1,4	—	—

* ЦГИАЛ, ф. 64, оп. 1, д. 5, л. 7 об.
** Там же, д. 6, лл 10 об.
*** Там же, д. 8, л. 12.
**** Знак (+) означает участие данного общества в синдикате; доля же каждого общества неизвестна («Русские биржевые ценности 1914—1915 гг.», стр. 188).
***** Вошли в синдикат в конце 1908 г.

[43] ЦГИАЛ, ф. 51, оп. 1, д. 1, л. 6.
[44] Там же.

синдикатом «Кровля» для оптовых покупателей, колебались в среднем на 15% (от 2 руб. до 2 руб. 30 коп. за пуд) [45].

Для каждого контрагента определялось его долевое участие в общем сбыте кровельного железа через синдикат. Установление годовой продажной нормы всегда происходило в обстановке ожесточенной борьбы между участниками синдиката. Борьба эта обострялась тем, что заводы, входившие в уральскую монополию, в отличие от участников Продамета, не имели права передавать полученные им от синдиката заказы какому-либо другому заводу, а также обмениваться такими заказами с другими контрагентами.

Состав участников синдиката «Кровля» и изменение долей отдельных контрагентов приведены в табл. 1.

Хотя состав участников «Кровли» за время его существования менялся, но постоянным ядром синдиката были Алапаевские, Строгановские, Кыштымские, Демидовские и Верхисетские заводы. Первые четыре предприятия являлись также основными участниками соглашения 1904 г. и, таким образом, играли важную роль в монополизации уральской металлургии. Причина этого заключается в том, что на их долю приходилось около половины всего производства кровельного железа на Урале.

III

Несмотря на значительные изменения в технике уральской металлургии и ее концентрацию в течение последнего десятилетия перед первой мировой войной, Урал по технической оснащенности, организации металлургического производства и размеру предприятий сильно уступал Югу. Следствием этого было то, что в 1913 г. издержки производства готовой продукции в уральской металлургии, за исключением кровельного железа, были в среднем на 15% выше издержек производства в южной металлургии и лишь по кровельному железу они были ниже на 6% [46]. Расходы по перевозке металла в места его потребления в 1912/13 г. для Урала (Чусовской и Нижнетагильский заводы) были выше, чем для Юга (заводы, находившиеся в Юзово, Сартане и Екатеринославе) — от 1 до 22,5 коп. на пуде, в зависимости от местонахождения рынка. Стоимость же провоза пуда металла на главные рынки — Петербург и Москву в том же году обходилась Уралу дороже, чем Югу, соответственно на 1 коп. и 3,8 коп. на пуде [47]. Если к этому добавить, что южная металлургия была объединена таким мощным синдикатом, как Продамет, то станет очевидным, сколь не равны были силы южной и уральской монополий, несмотря на то, что деятельность «Кровли» в основном сосредоточивалась на сбыте кровельного железа [48], который

---

[45] Московский областной исторический архив (МОИА), ф. 498, оп. 1, д. 449, л. 4.

[46] Издержки производства передельного чугуна на Урале и на Юге в среднем были одинаковыми (В. Г. Постриганев. Сравнительный очерк работы металлургических заводов Украины и Урала, Харьков, 1927, стр. 35).

[47] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 904, л. 222.

[48] Кроме того, в соглашении с «Кровлей» находились заводы, производившие белую жесть. Из уральских заводов в соглашение входили Алапаевские, Шуваловские и Пожевские заводы с общей долей участия в 1909 г. в 38.25% (ЦГИАЛ, ф. 51, оп. 1, д. 1, л. 206). П. И. Лященко указывает, что «Кровля» продавала также сортовое железо, сталь, балки, рельсы, проволоку, гвозди («История народного хозяйства СССР», т. II, М., 1952, стр. 311). Однако уральский синдикат осуществлял продажу названной продукции лишь на комиссионных началах, но отнюдь не в порядке исключительного права продажи, каким он располагал в отношении кровельного железа.

не был синдицирован Продаметом [49]. Но так как кровельное железо выпускалось большинством южных заводов, входивших в Продамет [50], то последний отнюдь небезразлично относился к вопросам, связанным со сбытом кровельного железа южных предприятий. Доказательством этого служит то, что когда в начале 1912 г. Богословское общество предложило Продамету принять на себя продажу кровельного железа производства этого общества, то это предложение было признано советом Продамета «неприемлемым, так как продажа нашим обществом (т. е. Продаметом.— *А. Ц.*) кровельного железа Богословских заводов создала бы нежелательную для южных заводов конкуренцию уральских заводов, при посредстве нашего общества» [51]. «Кровле» приходилось вести ожесточенную борьбу с Продаметом как на рынке кровельного железа, так и на рынке сортового железа, к синдицированию сбыта которого уральский синдикат делал неоднократные попытки, постоянно срывавшиеся Продаметом.

С начала 1909 г. на Юге была монополизирована продажа сортового железа, что значительно усилило господство Продамета на железном рынке страны. Тогда же и на Урале шла усиленная подготовка к заключению аналогичного соглашения, поскольку уральские заводчики «выразили полное свое принципиальное согласие на объединение уральских заводов по продаже сортового железа» [52]. Создание уральского синдиката по сортовому железу было делом совершенно решенным, и потому уральские монополисты, в предвидении конкуренции со стороны Продамета, уполномочили правление «Кровли» «вести переговоры с Продаметом о соглашении по продаже сортового железа» [53]. В таких переговорах с Продаметом возникла тем большая необходимость, что южный синдикат, стремясь не допустить осуществления планов дальнейшего синдицирования уральской металлургии, пытался «в тактических целях привлечь в этот синдикат некоторые уральские заводы» [54].

Переговоры обоих синдикатов сначала протекали настолько успешно, что Продамет приостановил переговоры о соглашении по про-

---

[49] Продажа кровельного железа была передана Продамету только одним обществом Гартман (Ворошиловградский областной государственный архив (ВОГА), ф. 2, д. 2, лл. 146—149, 154).

[50] Из шестнадцати заводов Юга с полным циклом металлургического производства кровельное железо производили двенадцать.

[51] МОИА, ф. 498, оп. 1, д. 789, л. 73 об. Интересно отметить, что в связи с указанным предложением Богословского общества в совете Продамета был поставлен более общий вопрос о своевременности и целесообразности «войти в переговоры с отдельными контрагентами общества (т. е. Продамета.— *А. Ц.*), изготовляющими кровельное железо, о поручении нашему обществу продажи такового». Но совет «признал возбуждение этого вопроса преждевременным» (там же, л. 74). Такое решение было вызвано, очевидно, тем, что, несмотря на непрерывный рост производства кровельного железа на Юге, в 1912 г. на его долю приходилось около 25% общеимперского производства, а на долю Урала — 61%. При таком соотношении, и учитывая, что издержки производства кровельного железа на Юге все еще оставались выше, чем на Урале, и что разница в железнодорожных тарифах с Юга и Урала на главные рынки сбыта после пересмотра тарифов в 1910 г. значительно сократилась, синдицирование сбыта кровельного железа производства южных заводов, входивших в Продамет, не принесло бы тех огромных прибылей, которые получали участники южного синдиката и, что самое главное, не привело бы к разгрому уральского синдиката. В 1913 г. вновь возник вопрос о синдицировании сбыта кровельного железа производства южных заводов. Однако, ввиду начавшейся первой мировой войны, этот вопрос так и не получил своего разрешения.

[52] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 73, д. 478, л. 28.

[53] Там же, л. 28 об.

[54] ЦГИАЛ, ф. 48, оп. 1, д. 135, л. 6.

даже сортового железа с отдельными уральскими заводами [55]. Однако переговоры между синдикатами были вскоре прерваны. Камнем преткновения явился вопрос о ценах. Продамет предлагал установить основную цену на сортовое железо франко станция Алчевская в один рубль за пуд. Ввиду большой разницы в издержках производства сортового железа обоих районов правление «Кровли» не согласилось на условие Продамета. Следует подчеркнуть, что решение уральского синдиката прервать переговоры с Продаметом в значительной степени определялось категорическим указанием состоявшей из зубров уральской металлургии «Комиссии о мерах к устранению критического положения на Урале», предложившей «принять все меры, могущие повредить слиянию уральских заводов с южно-русским синдикатом» [56]. Добившись разрыва переговоров между южным и уральским синдикатами, указанная комиссия приступила к выработке мер по борьбе с конкуренцией Юга [57]. Комиссия считала, что можно заметно усилить конкурентоспособность Урала путем установления для Урала специальных льготных тарифов на железнодорожном и водном транспорте, недопущения правительством назначения Продаметом дифференциальных («боевых») цен на металл и оказания покровительства уральским заводам путем предоставления им увеличенных казенных заказов на сортовое железо и рельсы. При этих условиях, полагала комиссия, с одной стороны, отпадет стремление уральских заводов войти в состав Продамета, а с другой — будет ускорено оформление соглашения заводов Урала по продаже сортового железа. Выдвигая свои соображения, комиссия недооценивала действительную мощь Продамета и его влияние в правительственных сферах. Подчинение правительственного аппарата монополистическому капиталу было настолько сильным [58], что вопросы о железнодорожных и навигационных тарифах, точно так же как и вопросы, связанные с распределением казенных заказов для железных дорог, решались правительством исключительно в интересах Продамета [59]. Поэтому все расчеты уральских заводчиков были заранее обречены на провал, что впоследствии и произошло.

С 1909 г. рынок сортового железа в России развивался под воздействием двух факторов: увеличения спроса на данную продукцию, вызванного начавшимся в стране промышленным подъемом, и сосредоточения сбыта продукции в руках Продамета. В результате происходило повышение продажных цен на сортовое железо, продолжавшееся в течение ряда лет. При таком положении рынка большинство уральских заводчиков, согласившихся войти в соглашение по сортовому железу, не стали форсировать его заключение. Они полагали, что наблюдавшийся рост цен неизбежно распространится на уральское сортовое железо и потому сделает соглашение ненужным. Те же немногие заводы, как, например, Нижнетагильские и Ревдинские, уже передавшие «Кровле» исключительное право на продажу сортового железа всех размеров, в начале 1910 г. лишили синдикат этого права: первые оставили за

---

[55] В 1913 г. издержки производства сортового железа на Урале были выше, чем на Юге, в среднем на 10—13% (В. Г. Постриганев. Указ. соч., стр. 35). Нет оснований считать, что в 1909—1910 гг. эта разница была меньше.

[56] ЦГИАЛ, ф. 48, оп. 1, д. 135, лл. 10—11.

[57] Там же, лл. 13—13 об.

[58] М. Я. Гефтер. Царизм и монополистический капитал в металлургии юга России до первой мировой войны — «Исторические записки», т. 43.

[59] Подробно эти вопросы освещены в нашей статье, опубликованной в т. 42 «Исторических записок».

ним лишь «право продажи кровельного железа, а продажа сортового, котельного железа и всех видов изделий стали перешла к заводоуправлению»[60], а вторые вовсе вышли из состава «Кровли».

Со своей стороны Продамет для укрепления своего господства на внутреннем рынке страны и для ограждения себя от конкуренции со стороны наиболее крупных уральских заводов развил самую активную деятельность по втягиванию их в состав Продамета. Уже в конце 1909 г. были успешно закончены переговоры с Камским обществом о его вступлении в южный синдикат. На долю заводов этого общества приходилось около 25% всего уральского производства сортового железа, и потому его вхождение в Продамет значительно подрывало возможность устойчивого соглашения уральских монополистов по данной продукции.

Вскоре, однако, Камское общество было обделено Продаметом и вышло из его состава. Тогда Продамет прибег к испытанному средству борьбы с неповиновавшимися предприятиями — к системе «боевых» цен, т. е. к заметному понижению их в районах, где конкуренция была сильна, и к повышению — в районах, где конкуренция отсутствовала или слабо проявлялась. В связи с этим в 1911 г. в совете Продамета обсуждался вопрос о политике цен при продаже сортового железа в районы Урала и Сибири. Высказывались мнения, что в связи с непрерывным ростом заказов на сортовое железо следует прекратить продажу его в названные районы. Однако совет Продамета решил не ослаблять конкурентной борьбы с уральскими заводами и, в первую очередь, с Симскими и Камскими заводами, как с наиболее крупными производителями сортового железа[61]. Для этого в тех местностях, где южному синдикату приходилось считаться с конкуренцией, назначалась цена в 1 руб. 15 коп. за пуд сортового железа франко-станции Миньяр и Чусовая, вместо цены 1 руб. 40 коп.— 1 руб. 60 коп., по которой Продамет в начале 1912 г. производил продажу сортового железа на остальных рынках[62].

Во время переговоров о перезаключении контрагентских договоров с Продаметом на сортовое железо, происходивших в конце 1911 г., Камскому обществу была предложена доля участия в 2,3% вместо 2,5%, которых оно требовало. Соглашение не состоялось, и общество продолжало оставаться вне синдиката. Намечая, в связи с этим, ответные меры, Продамет в секретном письме, разосланном в 1912 г. своим контрагентам, сообщал, что «благодаря сравнительно *высоким ценам, которые мы* (т. е. Продамет.— *А. Ц.*) *держим,* Камское общество имеет возможность продавать сортовое железо по очень выгодным для себя ценам. В случае, если Продамет не примет соответствующих мер борьбы,— указывалось в письме,— общество это легко сможет продать такое количество продукции, какое оно в состоянии будет изготовить, и во всяком случае значительно больше того, что оно просило при переговорах о возобновлении контрактов»[63]. Первоначально по отношению к Камскому обществу Продамет намеревался прибегнуть к назначению «боевых» цен. Но изменившиеся в 1911 г. рыночные условия намного снижали эффективность этого средства, так как понижение цен нужно было распространить на громадный район и, в первую очередь, на

[60] ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 9, д. 3107, л. 61—62.

[61] Два названных завода к 1912 г. производили треть всего сортового железа на Урале.

[62] МОИА, ф. 489, оп. 1, д. 789, л. 51.

[63] Там же, л. 64. Подчеркнуто мною.— *А. Ц.*

сибирский и волжский рынки, где для конкуренции с Камским обществом Продамету пришлось бы пойти на большие потери[64]. Кроме того, при высоких рыночных ценах на сортовое железо Камское общество, и не состоя в Продамете, могло продавать сортовое железо даже и на таких сравнительно отдаленных рынках, как Петербургский, Московский и Рижский, по очень выгодной для себя цене, при которой ему не только не было бы смысла сокращать свое производство, но наоборот, был бы прямой расчет максимально увеличить его[65]. Борьба в названных трех районах была бы для Продамета тем более затруднительной, что для того, чтобы не допустить продажу Камским обществом 500 тыс. пудов сортового железа (количество отправок данного общества в эти районы) Продамету пришлось бы понизить цену сразу на 12,5 млн. пудов, т. е. на количество сортового железа, отправленного в 1911/12 г. контрагентами Продамета (без Камского общества) в указанные три района[66]. Таким образом, из-за высоких рыночных цен на сортовое железо, установленных южным синдикатом, его борьба с уральскими заводами значительно усложнялась. Тем не менее Продамет, комбинируя различные способы воздействия на Камское общество (предоставление, наряду с назначением «боевых» цен, всевозможных премий и льгот), в конце февраля 1912 г. добился вступления этого общества в состав южного синдиката[67] и тем самым ослабил позиции уральских монополистов.

Борьба Продамета с уральскими заводами не ограничивалась только борьбой с заводами, производившими сортовое железо. Для устранения конкуренции по балкам и швеллерам Продамету нужно было, в первую очередь, нейтрализовать конкуренцию заводов Богословского общества, выпускавших около 70% общего производства железнодорожных рельсов на Урале. Это общество во время контрагентских совещаний, связанных с перезаключением договора с Продаметом в 1912 г., дало «принципиальное согласие примкнуть к соглашению, в случае вступления Новороссийского завода в число контрагентов Продамет»[68]. Хотя Новороссийский завод подписал соглашение с Продаметом, тем не менее указанное «согласие» Богословского общества было реализовано лишь после того, как ему было предоставлено право производить свободную продажу балок и швеллеров на территории Западной Сибири в общем количестве 1,5 млн. пудов в год, без зачета этого количества в долю общества[69]. Располагая огромными возможностями давления на уральские заводы, Продамет доводил борьбу со своим наиболее мощным конкурентом до такой степени ожесточения, что уже в 1909 г. «комиссия о нуждах Урала» квалифицировала указанные мероприятия Продамета, как «поход на Урал южного синдиката»[70].

---

[64] По отчетным данным южного синдиката («Дополнительные сведения к отчету за 1911/12 операц. год», СПб., 1913, «Ведомость отпуска сортового железа с 1/VII 1911 г. по 1/VII 1912 г.») Камское общество отправило в 1911/12 г. в Сибирский, Нижегородский и Саратовский районы 1,2 млн. пудов сортового железа. Так как в 1912 г. разница между установленными Продаметом ценами на указанных рынках и ценами на остальных рынках в среднем составляла 35 коп. на пуде (МОИА, ф. 498, оп. 1, д. 789, л. 50 об. Разница исчислена мною.— *А. Ц.*), то конкуренция с Камским обществом только на сибирских и волжских рынках должна была обойтись синдикату в 420 тыс. руб.

[65] МОИА, ф. 498, оп. 1, д. 789, л. 60 об.

[66] Дополнительные сведения к отчету (Продамета) за 1911/12 операц. год, «Ведомость отпуска сортового железа с 1/VII 1911 по 1/VII 1912 г.».

[67] Государственный архив в Сталинской области, ф. 120, д. 163; л. 63—64.

[68] Там же, л. 25—27.

[69] Там же, л. 31.

[70] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 73, д. 478, л. 19.

Переходя к борьбе за рынки кровельного железа, следует отметить, что «Кровле», в отличие от Продамета, объединявшего все южные заводы, не удавалось включить в свой состав все уральские заводы, производившие кровельное железо. Даже когда в 1909 г. в «Кровлю» входило наибольшее количество предприятий, их общая доля не превышала 75% общеуральского производства кровельного железа. Чем же объяснить, что «Кровля» не смогла вынудить все уральские заводы стать ее участниками? В течение всего периода действия на Урале синдикатского соглашения к нему не присоединялись заводы Омутнинского и Сысертского округов, Богословского общества, а также заводы Абамелек-Лазарева. Выпуск кровельного железа на заводах первых трех обществ в общей сложности не превышал одного миллиона пудов в год. На двух же заводах Абамелек-Лазарева (Чермозском и Полазнинском) прокатывалось в 1909 г. 1,4 млн. пудов кровельного железа, в 1911 г.— 1,7 млн. пудов, а в 1913 г.— 2 млн. пудов, что составляло около 25% производства кровельного железа всех заводов, входивших в «Кровлю», и 15% всего уральского производства. Являясь самым крупным производителем кровельного железа не только на Урале, но и во всей России[71], заводы Абамелек-Лазарева были наиболее мощными конкурентами уральского синдиката. Вот почему в записке заместителя председателя «комиссии о нуждах Урала» Желватых на имя председателя комиссии Евдокимова, относящейся к 1909 г., подчеркивалось, что если не вступившие в уральский синдикат заводы «и в особенности заводы князя Абамелек-Лазарева будут и впредь действовать изолированно, то правлению общества (т. е. «Кровли».— *А. Ц.*) не удастся удержать цены на кровельное железо в их настоящем уровне, а придется в самом непродолжительном времени понизить их»[72]. И действительно, вплоть до 1912 г. «Кровле» приходилось несколько раз понижать цены.

Вхождение заводов Абамелек-Лазарева в уральский синдикат заметно укрепило бы позиции синдиката. Только за счет этих заводов синдицирование сбыта кровельного железа могло бы повыситься в 1911 г. с 65 до 78, а в 1913 г.— с 43 до 60%. Но так как вслед за заводами Абамелек-Лазарева последовали бы и некоторые другие заводы, остававшиеся вне «Кровли», то синдикат мог бы еще сильнее влиять на уровень цен и на условия сбыта кровельного железа. Естественно поэтому, что постоянные участники «Кровли» были крайне заинтересованы в участии заводов Абамелек-Лазарева в синдикате. Однако улучшение положения контрагентов «Кровли», конечно, не входило в расчеты Абамелек-Лазарева. Стремления этого наиболее мощного производителя кровельного железа были направлены на ликвидацию своих соперников на рынке. Конкурентоспособность заводов Абамелек-Лазарева была достаточно высокой, поскольку высокий объем производства на них уже сам по себе, при прочих равных условиях, должен был привести к относительно пониженным накладным расходам на единицу продукции[73]. Кроме того, эти заводы имели преимущества в отношении транспортных условий, специализации производства и применения

---

[71] В 1913 г. из 28 уральских заводов, выпускавших кровельное железо, четыре производили больше одного миллиона пудов в год, в том числе: Чермозский — 1,6 млн. пуд., Верхисетский — 1,3 млн. пуд.; Нытьвенский и Тирлянский — по 1,1 млн. пуд. Из внеуральских заводов наибольшее количество кровельного железа — около одного миллиона пудов — производилось Таганрогским заводом.

[72] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 73, д. 478, л. 19 об.

[73] Из-за отсутствия точных данных о размере и составе издержек производства на заводах Урала об этом можно судить лишь по косвенным показателям.

минерального топлива [74]. Таким образом, по решающему показателю конкурентоспособности капиталистических предприятий — уровню издержек производства — заводы Абамелек-Лазарева находились в более выгодном положении, чем другие уральские заводы и, в частности, те, которые входили в состав «Кровли». К этому следует добавить, что в уральской металлургии существовал огромный разрыв в издержках производства кровельного железа на отдельных заводах, доходивший до 50% (в 1908 г. они колебались от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. 50 коп. за пуд) [75]. По совокупности указанных обстоятельств заводы Абамелек-Лазарева оставались вне синдиката и вели успешную борьбу против «Кровли» на протяжении всего периода его существования.

Из числа уральских предприятий, не входивших в синдикат «Кровля», наиболее крупным производителем кровельного железа после заводов Абамелек-Лазарева было Богословское общество [76]. В 1911 г. выработка кровельного железа на заводах этого общества составляла 0,5 млн. пудов, а в 1913 г.— около 1 млн. пудов. Передача Богословским обществом Продамету исключительного права на продажу железнодорожных рельсов теснейшим образом связывала Богословское общество с южным синдикатом, и потому вступление этого общества в состав «Кровли» вызвало бы недовольство со стороны Продамета, ревностно следившего за поведением своих контрагентов на железном рынке.

Серьезным фактором, сдерживавшим вступление отдельных уральских заводов в «Кровлю», являлась деятельность земской организации по закупке кровельного железа для снабжения сельского населения России (именуемой в литературе «железным союзом» земств). Эта организация возникла в 1908 г. для борьбы с уральским синдикатом, которому на первых порах своего существования удалось заметно повысить цены на кровельное железо. Являясь крупным покупателем его [77], земская организация отвлекала отдельные уральские заводы от вступления в состав «Кровли» путем заключения с ними особых соглашений. Таковы были причины того, что «Кровле» не удалось полностью синдицировать сбыт кровельного железа.

Благодаря тому, что в начале своего существования уральский синдикат играл на рынке видную роль, ему удалось на протяжении 1907—1908 гг. не только приостановить падение продажных цен на кровельное железо, но и добиться их повышения. Отчет о деятельности правления «Кровли» в 1908 г. скромно отмечал, что «основная средняя цена

---

[74] Заводы Абамелек-Лазарева были расположены непосредственно у пристаней Камы, между тем как остальные заводы, вырабатывавшие кровельное железо, находились в среднем на расстоянии 50 верст от ближайших пристаней. Заводы Абамелек-Лазарева получали чугун по подъездным путям из собственного Кизеловского завода, в то время как подавляющая часть других заводов привозила чугун из нескольких заводов (иногда пяти-шести), нередко расположенных в отдельных районах Урала. На заводах Абамелек-Лазарева вырабатывалось исключительно кровельное железо, благодаря чему производство его заметно удешевлялось. Наконец, заводы Абамелек-Лазарева являлись пионерами в применении минерального топлива, которое, правда, в сравнительно ограниченном количестве добывалось на собственных Кизеловских копях.

[75] С. Фармаковский. Возрождение Урала — «Промышленность и торговля», 1908, № 7, стр. 402.

[76] Остальные заводы, не входившие в состав «Кровли», производили не больше 0,3 млн. пуд. кровельного железа в год.

[77] В 1913 г. уральскими заводами было запродано только московскому земскому союзу около 3 млн. пуд. кровельного железа, что составляло больше 20% общеуральского производства («Уральский техник», 1913, № 3, стр. 63—64).

локо-завод в 1908 г. определилась выше цены 1907 г. на 6 коп.» [78], но в действительности цены на кровельное железо выросли значительно сильнее. Как сообщалось в материалах съездов представителей губернских земств, «цены со времени образования «Кровли» возросли по сравнению с 1906 г..., в 1907 г. в среднем на 28,3 к. за пуд..., а в 1908 г. в среднем на 38,5 к. за пуд» [79]. Повышены были цены на кровельное железо и по поставкам для железных дорог. Еще в 1907 г. управление Северной ж. д. передало поставки Сергинско-Уфалейским заводам, заявившим более низкие цены, чем «Кровля» (заводы эти вошли в синдикат в конце 1907 г.), но уже на 1908 г. управление дороги было вынуждено предоставить эти поставки «обществу «Кровля», притом по ценам, несколько увеличенным против предшествующих лет» [80]. Управление Рязанско-Уральской ж. д., вынужденное приобретать кровельное железо у «Кровли», платило за пуд десятифунтового железа в 1906 г. 1 руб. 90 коп., в 1907 г.— 2 руб. 19 коп.; а в 1908 г.— 2 руб. 50 коп. [81], а управление Николаевской ж. д. покупало железо того же развеса в 1906 г. по 2 руб. за пуд, в 1907 г. сдало поставки «Кровле» по 2 руб. 42 коп., а в 1908 г.— по 2 руб. 47 коп. за пуд [82].

Рост цен привел к тому, что, начиная с 1909 г., как на Урале, так и вне его, заметно увеличивалось производство кровельного железа, в связи с чем резко усилилась конкурентная борьба за рынки сбыта. В этих условиях «Кровля» потеряла свои прежние позиции. В середине 1909 г. в докладе правления совету синдиката, после указания на появление новых конкурентов и на расширение производства на заводах прежних конкурентов, отмечалось, что в предложении кровельного железа на имперском рынке в 1909 г. «конвенционные заводы (т. е. входившие в состав «Кровли».— *А. Ц.*)... будут участвовать 52-мя процентами, что ставит конвенцию в положение, далекое от того, чтобы оно давало право хозяйствования на рынке» [83].

Если учесть, что в 1909 г. из-за относительно незначительного увеличения потребления кровельного железа по сравнению с 1908 г. прирост производства значительно увеличил и без того большие запасы кровельного железа [84], то станет ясно, почему в 1909 г. вновь произошло всеобщее понижение цен на кровельное железо, продолжавшееся в 1910 и 1911 гг. На Петербургском рынке цены в 1911 г. по сравнению с 1907 г. упали на 19%, а по сравнению с 1909 г.— на 5% [85]. В том же 1911 г. цены на этом рынке были самые низкие, начиная с 1900 г. «Единственным средством устранения конкуренции,— настаивало в своих докладах правление «Кровли»,— может быть лишь общее объединение» [86]. Однако общее положение внутреннего железного рынка и, в первую очередь, рынка сортового железа не только не благоприятствовало «общему объединению» уральских заводов, но, наоборот, привело к значительному обессиливанию «Кровли», выразившемуся в выходе из синдиката ряда крупных заводов.

---

[78] ЦГИАЛ, ф. 51, оп. 1, д. 1, л. 78.

[79] Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности, М., 1910, стр. 190.

[80] ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 9, д. 3107, лл. 61—62.

[81] Там же, л. 35 об.

[82] Там же, л. 94 об.

[83] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 73, д. 478, л. 15.

[84] Там же, л. 15 об.

[85] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 416—417. Проценты вычислены мною.— *А. Ц.*

[86] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 73, д. 478, л. 15.

Как уже указывалось, начиная с 1909 г. происходил повсеместный рост цен на сортовое железо, продолжавшийся до начала первой мировой войны. В 1912 г. цены на сортовое железо по сравнению с 1908 г. выросли на Юге (Харьков) на 18,2%, а на Урале (Екатеринбург) — на 6%. За то же время цены на кровельное железо понизились на Юге на 14,8%, а на Урале — на 17,7% [87]. Противоположное движение цен на сортовое и кровельное железо на протяжении 1909—1912 гг. привело к заметному ослаблению уральского синдиката. Необходимо иметь в виду, что в состав «Кровли» входили две группы заводов: к первой группе принадлежали заводы, в общей продукции которых кровельное железо занимало сравнительно небольшую часть, а основная часть продукции состояла главным образом из сортового железа; во вторую группу заводов входили предприятия, производившие исключительно кровельное железо, и заводы, в производстве которых оно составляло подавляющую часть всей продукции [88]. С 1907 г., т. е. со времени возникновения уральского синдиката, и до 1909 г., когда цены на сортовое железо почти не изменились, а цены на кровельное железо даже несколько выросли, между указанными группами заводов не было резких противоречий. Рынок сортового железа не оказывал влияния на положение названных групп заводов в синдикате, как его контрагентов, доказательством чего служит вхождение в «Кровлю» в конце 1908 г. двух заводов первой группы — Пожевских и Юго-Камских. К первой группе принадлежали следующие участники синдиката: Сергинско-Уфалейские заводы (кровельное железо в общей их продукции составляло 41%), Камские (28%), Юго-Камские (18%), Нижне-Тагильские (17%), Симские (8%), Ревдинские (5%) и Пожевские (5%) [89]. Остальная часть продукции этих заводов состояла в основном из сортового железа, причем в продукции Симских и Ревдинских заводов сортовое железо составляло больше 90%. Заводы этой группы выпускали примерно одну треть кровельного железа, производившегося всеми входившими в синдикат заводами. Ко второй группе относились Алапаевские, Шуваловские и Верхисетские заводы, вырабатывавшие исключительно кровельное железо, Кыштымские заводы (93%), Строгановские (85%) и Белорецкие (70%). При начавшемся в 1909 г. устойчивом росте цен на внутреннем рынке России на сортовое железо, а также и на другие виды черной металлургии (за исключением кровельного железа) заводам первой группы стало выгодно за счет высоких цен на указанную продукцию продавать кровельное железо по ценам более низким, чем цены «Кровли», и таким путем уменьшить заводские запасы кровельного железа, мобилизовать оборотные средства и тем самым улучшить финансовое положение заводов. В конце 1909 г. на Екатеринбургской бирже уральский синдикат заключал сделки на кровельное железо первого сорта по самым высоким ценам — по 2 руб. 43 коп. за пуд, в то время как не входившие в синдикат заводы Абамелек-Лазарева продавали такое же железо по 2 руб. 40 коп. за пуд, а Сысертские заводы — по 2 руб. 35 коп. за пуд [90]. Контрагентские договоры «Кровли» предусматривали директивную цену по продаже железа своих участников,

[87] Исчислено по данным: И. Корзухин. Железная промышленность в 1912 г. «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1913, № 43; ЦГИАЛ, ф. 229, оп. 4, д. 1456, л. 225 об.—227. Проценты подсчитаны мною.— *А. Ц.*

[88] На подавляющем большинстве заводов обеих групп, как правило, выплавлялся чугун.

[89] ЦГИАЛ, ф. 64, оп. 1, д. 6, л. 10 об.

[90] По данным бюллетеней Екатеринбургской железоторговой биржи за октябрь — декабрь 1909 г.

т. е. цену, не ниже которой должны были получить контрагенты за проданное синдикатом их кровельное железо. Но при изменившемся положении железного рынка страны это договорное условие стесняло заводы первой группы, так как мешало им осуществить указанную цель. Под давлением возраставшей конкуренции на рынке кровельного железа «Кровле» становилось все труднее обеспечивать своих контрагентов заказами в пределах их долей участия. Поэтому заводы, принадлежавшие главным образом к первой группе, формально используя право контрагента расторгнуть договор с «Кровлей» при получении заказов в размере менее 60% от установленной для него продажной нормы [91], начали выходить из состава синдиката. К концу 1909 г. соглашение порвали следующие заводы первой группы: Сергинско-Уфалейские, Пожевские, Симские, Ревдинские и Юго-Камские. Это обстоятельство сильно поколебало положение «Кровли» и вместо 10,8 млн. пудов кровельного железа, проданного синдикатом в 1909 г., что составляло 54% от имперского сбыта, в 1910 г. было продано уже только 8 млн. пудов, или 38% имперского сбыта [92]. После окончания в 1911 г. срока действия контрагентского договора его не возобновили Камские, Белорецкие и Шуваловские заводы.

Заправилы «Кровли» сделали новую попытку спасти синдикат от окончательного развала. В начале 1912 г. на общеимперском рынке кровельного железа создалась благоприятная конъюнктура, в связи с чем прежние участники «Кровли» — Алапаевские, Верхисетские, Строгановские, Кыштымские и Нижне-Тагильские заводы — в январе 1912 г. согласились временно перезаключать контрагентский договор с «Кровлей» до октября того же года при условии, «что правлению синдиката удастся синдицировать 70% имперского кровельного железа» [93]. Благодаря хорошему урожаю в 1912—1913 гг., развитию промышленности на окраинах России, строительству новых железных дорог, а также росту городского строительства, начиная с 1912 г. и до начала первой мировой войны, в стране непрерывно возрастал спрос на кровельное железо и были созданы предпосылки для увеличения его производства. Поскольку в течение 1910—1912 гг. как на Юге, так и в остальных внеуральских районах, выработка кровельного железа оставалась почти неизменной [94], возможности роста его производства были особенно значительны именно на Урале. Возросший спрос на кровельное железо привел к тому, что в течение 1912—1913 гг. заводы Урала не успевали выполнять заказы и к началу 1914 г. все запасы кровельного железа на заводских складах были исчерпаны [95]. На рынке кровельного железа возникло явное несоответствие между спросом и предложением.

Политика «Кровли», в связи с создавшейся конъюнктурой рынка кровельного железа, с исключительной наглядностью вскрывает подлинные цели уральского синдиката. Прежде всего приобретает особое значение то, что общий прирост производства кровельного железа на Урале

[91] ЦГИАЛ, ф. 64, оп. 1, д. 2, л. 35.

[92] «Русские биржевые ценности 1914—1915 гг.», стр. 188.

[93] Там же.

[94] Производство кровельного железа на Юге в течение 1910—1912 гг. составляло 5,2—5,5 млн. пудов, а в остальных внеуральских районах оно колебалось от 2,8 до 3,2 млн. пудов. Эта стабильность производства происходила вследствие того, что южные заводы, начиная с 1910 г., в связи с ростом железнодорожного и городского строительства, форсировали выпуск тяжелых рельсов, балок и швеллеров за счет кровельного железа.

[95] «Уральский техник», 1912, № 10, стр. 26—27; 1913, № 3, стр. 63—64; № 7—8, стр. 73; 1914, № 1, стр. 54—55.

в 1913 г., составлявший по сравнению с 1911 г. 1,7 млн. пуд (14,4 млн. пуд. против 12,7 млн. пуд.), падает исключительно на заводы, не входившие в синдикат (аутсайдеры); производство же кровельного железа на заводах, возобновивших соглашение с синдикатом, оставалось в эти годы неизменным (5,1 млн. пуд.). Важно также и то, что эти 5,1 млн. пуд. железа были выработаны в 1911 г. на пятнадцати заводах — контрагентах «Кровли», а в 1913 г.— на девяти [96]. Таким путем синдикат добился двух целей: во-первых, искусственного ограничения предложения железа на рынке, что в условиях растущего спроса на него являлось предпосылкой повышения цен, и, во-вторых, заметного снижения издержек производства, что усиливало конкурентоспособность входивших в «Кровлю» заводов и обеспечивало им высокие прибыли.

Как видим, на протяжении 1912—1913 гг. политика «Кровли», как и политика Продамета, заключалась в создании «голода» на рынке кровельного железа. Поэтому, хотя степень монополизации металлургической промышленности Урала была значительно ниже, чем на Юге, уральский и южный синдикаты в погоне за максимальной прибылью прибегали к одному средству, являвшемуся типичным способом действий капиталистической монополии. Поэтому впервые в практике уральского синдиката контрагентский договор «Кровли», заключенный в 1910 г., оговаривал право синдиката выплачивать его участникам особые премии за прекращение производства кровельного железа, за «отказ» от доли участия и за ее уменьшение [97]. Описанная «деятельность» уральского синдиката вместе с тем свидетельствует о том, что для осуществления политики искусственного ограничения производства не обязательно, как это обычно считают, чтобы монополия непременно объединяла предприятия, вырабатывавшие большую часть данной продукции.

---

[96] Вот подробные данные о динамике производства кровельного железа на Урале в 1911 и 1913 гг. по отдельным группам заводов.

Наименование контрагентов синдиката	Число действовавших заводов		Производство кровельного железа (в млн. пуд.)	
	1911 г.	1913 г.	1911 г.	1913 г.
Товарищество Алапаевских заводов	4	4	1,7	1,6
Акционерное общество Верхисетских заводов	3	1	0,9	1,4
Заводы Строганова	4	1	1,0	0,9
Акционерное общество Кыштымских заводов	2	1	0,7	0,6
Товарищество Нижнетагильских заводов	2	2	0,8	0,6
1. Все контрагенты	15	9	5,1	5,1
2. Аутсайдеры	17	17	7,2	8,9
3. Казенные заводы	2	2	0,4	0,4
Всего на Урале	34	28	12,7	14,4

Таблица составлена по данным «Статистики выплавки чугуна и меди, выделки железа и стали и добычи каменного угля и соли на Урале» за соответствующие годы, опубликованным в журнале «Уральский техник», 1912, № 3 и 1914, № 2.

[97] ЦГИАЛ, ф. 64, оп. 1, д. 2, л. 32 об.

Рост спроса на кровельное железо позволил правлению синдиката прежде всего увеличить количество заказов своим контрагентам: в 1910 г. восемь участников «Кровли» продали 8,2 млн. пудов кровельного железа, а в 1912 г. такое же количество продали пять участников, возобновивших соглашение. Затем правление синдиката, начиная с 1912 г., стало непрерывно повышать продажные цены. С 1 февраля 1912 г. цены на кровельное железо первого сорта в районах петербургской и киевской контор были увеличены на 10 коп. на пуд, а в районах московской, царицынской и бакинской контор — на 5 коп. на пуд. С 1 апреля 1912 г. в районах московской и царицынской контор были подняты цены и на железо второго сорта на 5 коп. на пуд. С 6 июня 1912 г. цены на железо обоих сортов были снова повышены: в районах екатеринбургской конторы на 10 коп. на пуд, а в районах московской и царицынской контор — на 5 коп. на пуд [98]. Увеличение заказов и рост цен привели к тому, что заводы, подписавшие в начале 1912 г. временное соглашение с «Кровлей», в конце этого года возобновили его на пять лет [99]. В январе 1913 г. цены на железо первого и второго сортов были вновь подняты на 5 коп. на пуд. Не располагая исчерпывающими данными о ценах, назначавшихся правлением «Кровли» в 1913 г. и в первом полугодии 1914 г., отметим, что, начиная с 16 февраля 1913 г. по 26 января 1914 г., цены на кровельное железо по отметкам Екатеринбургской биржи повышались четыре раза [100]. Нет сомнения, что синдикат также участвовал в этом изменении цен.

Результатом указанной политики синдиката «Кровли» было то, что прибыль его участников в течение 1912 и 1913 гг. заметно возросла. По опубликованным балансам [101], товарищество Алапаевских горных заводов за 1908—1909 гг. не получало прибыли вовсе, за 1910—1911 гг. прибыль их не превышала 2—3% (по отношению к акционерному капиталу), а за 1912—1913 гг. она составила около 6%. По балансам общества Верхисетских заводов у него не было прибылей на протяжении 1908—1911 гг., а за 1912—1913 гг. размер прибыли доходил до 7%. Высокая прибыль — до 25% — была выведена в балансах общества Кыштымских заводов [102].

Таким образом, несмотря на возникшую в конце 1911 г. прямую угрозу ликвидации синдиката «Кровля», он продолжал играть определенную роль на рынке кровельного железа и нет оснований говорить о распаде уральской монополии [103]. Было бы неправильным считать, что

[98] «Уральский техник», 1913, № 7—8, стр. 73—74.

[99] «Уральский техник», № 6, стр. 59.

[100] В среднем за 1912 г. цена кровельного железа первого сорта франко Екатеринбург составляла 1 руб. 78 коп. за пуд; 16 февраля 1913 г. она была поднята до 1 руб. 83 коп.; 31 июля — до 2 руб. 10 коп.; 30 ноября — до 2 руб. 25 коп.; 26 января 1914 г.— до 2 руб. 30 коп. (исчислено по данным бюллетеней Екатеринбургской железоторговой биржи. Приведенные данные представляют собой среднюю из минимальных и максимальных цен, зарегистрированных на бирже).

[101] «Ежегодник Министерства финансов» за 1908—1914 гг. Данные о размере прибылей в названных ежегодниках, ввиду дефектности их исчисления, имеют лишь условное значение.

[102] Столь высокая прибыль общества Кыштымских заводов частично объясняется резко возросшими в 1912—1913 гг. рыночными ценами на медь, добыча которой в 1913 г. на предприятиях названного общества составляла четверть всей добычи на Урале. Это относится и к данным о прибылях общества Верхисетских заводов, на долю которых приходилось около 10% всей уральской добычи меди.

[103] Синдикат «Кровля» существовал до 22 января 1918 г., когда по постановлению Высшего Совета Народного Хозяйства он и Продамет были объявлены «государственными учреждениями по регулированию железоделательной промышленности, подведомственными металлургическому отделу ВСНХ» (ВОГА, ф. 2, в. 19, д. 219, л. 97).

только повышенная конъюнктура на рынке кровельного железа в 1912—1913 гг. предохранила «Кровлю» от ликвидации. Как уже указывалось, ряд банков был заинтересован в металлургических предприятиях, входивших в уральский синдикат, и потому есть все основания считать, что со стороны банков также были предприняты необходимые меры для сохранения монополии. Это представляется тем более правдоподобным, что в канун первой мировой войны металлургические компании Урала, большая часть которых входила в разное время в состав «Кровли», предполагали переоборудовать заводы и рудники, перестроить силовое хозяйство и улучшить транспортные условия в пределах горнозаводских округов [104]. Кроме того, теснейшая связь Азовско-Донского, Торгово-Промышленного и Сибирского торгового банков с рядом ведущих уральских металлургических предприятий ставила на повестку дня вопрос о слиянии отдельных горных округов под эгидой этих банков. Разумеется, все указанные планы не могли быть осуществлены без участия банков, для которых наличие уральского синдиката было удобно и выгодно. Не случайны поэтому попытки банков побудить вышедшие в 1911 г. из состава «Кровли» отдельные предприятия вновь вернуться в синдикат. И хотя с начала 1912 г. в составе «Кровли» остались лишь пять обществ, но влияние банков на деятельность синдиката, очевидно, не прекратилось, поскольку в работе трех из них — товариществе Алапаевских заводов и обществах Верхисетских и Кыштымских заводов — банки были весьма заинтересованы.

Но продолжая существовать, уральский синдикат, имевший в начальный период своей организации общеимперское значение, к началу первой мировой войны превратился в синдикат местного значения. Сужение района действия «Кровли» происходило в тесной связи с общим процессом вытеснения южными заводами продукции уральской металлургии с рынков Европейской России. Свидетельством этого является переход Продамета в 1913 г. от политики «боевых» цен к установлению единой цены на металл для всех районов Европейской России, в том числе и для районов, где до 1913 г. из-за конкуренции со стороны Урала южный синдикат назначал пониженные цены [105]. Другим показателем оттеснения уральской металлургии с железного рынка Европейской России служат происшедшие в 1913 г. по сравнению с 1900 г. сдвиги в географии рынков сбыта продукции черной металлургии Юга и Урала.

За указанный период количество готовой продукции, вывезенной по железным дорогам с Юга [106], увеличилось примерно в 3 раза — с 31,2 до 90,4 млн. пудов. Как в 1900 г., так и в 1913 г. значительная часть

---

[104] Подробно об этом см. С. П. Сигов. Указ. соч., стр. 237—250.

[105] Подробно этот вопрос рассмотрен в нашей статье, опубликованной в т. 42 «Исторических записок».

[106] К отдельным районам отнесены территории, через которые проходили следующие железные дороги: Северо-Западный (Северная, Либаво-Роменская, Николаевская, Риго-Орловская, Северо-Западная, Варшаво-Венская, Ковель-Владимир-Волынская, Лодзинская, Полесская и Привислинская); Центральный (Волго-Бугульминская, Рязано-Уральская, Сызрано-Вяземская, Александровская, Московско-Брестская, Московско-Виндаво-Рыбинская, Московско-Казанская, Московско-Курско-Воронежская, Московско-Курская, Московско-Нижегородская); Южный (Белгород-Сумская, Екатерининская, Северо-Донецкая, Юго-Восточная, Юго-Западная, Южная); Уральский (Богословская, Пермская, Самаро-Златоустовская, Троицкая); Сибирский (Забайкальская, Сибирская, Уссурийская, Восточно-Китайская); Средне-Азиатский (Средне-Азиатская и Ташкентская); Закавказский (Владикавказская, Ейская и Закавказская). Приводимые расчеты основаны на данных о перевозках грузов, относящихся к группе «железо и сталь не в деле, листовые и сортовые, а также жесть» (группа 32, пункты «б» и «в» по номенклатуре товаров, перевозимых по русским железным дорогам).

продукции перевозилась в пределах Юга (46% в 1900 г. и 39% в 1913 г. по отношению к общему вывозу металла из данного района). Заметно увеличился отпуск южного металла в такие развитые в промышленном отношении районы, как Северо-Западный и Центральный — с 39 до 44%. Почти не изменилась доля Закавказья (15% в 1909 г. и 12% в 1913 г.). И, наконец, если в 1900 г. Юг совершенно не вывозил готовой продукции на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию, то в 1913 г. в эти районы вывозилось 5% общих отправок. Сдвиги в размещении рынков сбыта для готовой продукции уральской металлургии были более резкими, хотя абсолютный размер железнодорожных перевозок данной продукции из Урала в 1900 г. и в 1913 г. не изменился, составляя по 21,5 млн. пудов. В указанные годы перевозки внутри Урала выражались соответственно в 34 и 37%. В 1900 г. после Урала главным рынком сбыта для готовой продукции уральской металлургии был Центральный район, куда направлялось 37% этой продукции, затем шли Юг с Закавказьем и Северо-Западный районы — по 13%, Сибирь — 3%. В 1913 г. главными рынками для Урала являлись уже Сибирь и Средняя Азия, поскольку сюда отправлялось 22% всей готовой продукции, на Юг и в Закавказье вывозилось 18%, в Центральный район — 12% и в Северо-Западный — 10%. Следовательно, в 1900 г. в Европейскую Россию (т. е. в последние четыре района) вывозилось около двух третей всей рыночной готовой продукции уральской металлургии, а в 1913 г. — только 40%. Это означает, что в канун первой мировой войны подавляющая часть уральского металла потреблялась в пределах самого же Урала, а также в районах, непосредственно к нему примыкавших.

Такой вывод подтверждается данными об изменении доли южного и уральского металла в общем потреблении металла каждым из названных районов. В 1913 г. южный металл занимал превалирующее место в следующих районах: Южном (87% к общему потреблению металла вместо 80% в 1900 г.), Закавказском (82% вместо 57%), Центральном (52% вместо 21%), Западном [107] (42% вместо 22%). В 1913 г. значительную роль южный металл играл в Средней Азии (41%; в 1900 г.—0) и продолжал играть большую роль в Северном районе [108] (38% вместо 49%). Заметно выросло потребление металла южного производства на Урале (12% вместо 0,4%) и в Сибири (10% вместо 3%). Что касается готовой продукции уральской металлургии, то в 1913 г. потребление ее в Европейской России сильно сократилось. Особенно резко это снижение произошло в Центральном районе: в 1900 г. из общего количества металла, доставленного сюда железнодорожным транспортом, 40% приходилось на уральский металл, а в 1913 г. эта доля упала до 9%. Почти окончательно был вытеснен уральский металл из Поволжья [109]. Этот район в течение долгого времени снабжался в основном продукцией Урала, в связи с чем Продамет до 1913 г. назначал здесь пониженные цены. В 1913 г. в общем количестве металла, завезенного в указанный район, уральский металл составлял лишь около 10% [110], а южный металл — 60%. В потреблении остальных районов (Южного, Закавказского, Западного и Северного) уральская продукция составляла незначительное количество: в 1913 г. — от 4 до 12%,

---

[107] Район действия Варшаво-Венской, Ковель-Владимир-Волынской, Лодзинской, Полесской и Привислинской железных дорог.

[108] Район действия Северной железной дороги.

[109] Район действия Волго-Бугульминской, Рязано-Уральской и Сызрано-Вяземской железных дорог.

[110] Без металла, доставлявшегося в районы Поволжья речным транспортом.

а в 1900 г.— от 8 до 20%. Решающую роль в 1913 г. продукция Урала играла на Урале (88%), в Сибири (66%) и Средней Азии (около 50%) [111].

* * *

Подведем итоги.

Капиталистическая перестройка металлургической промышленности Урала, начавшаяся в конце XIX в. и происходившая в условиях социально-экономической отсталости этого района, заметно усилилась после открытия в течение 1906—1909 гг. новых линий железных дорог, связавших Урал с важнейшими железными рынками страны. Это обстоятельство, а также кризис 1900—1903 гг. вызвали обостренную конкурентную борьбу между ранее работавшими на различные рынки Уралом и Югом, в результате которой и на Урале происходил интенсивный процесс вытеснения мелких предприятий крупными. К концу кризиса 1900—1903 гг. концентрация производства здесь достигла такого уровня, что в ней отчетливо выявились монополистические тенденции, хотя и в гораздо более слабой степени, чем на Юге. Этот процесс усиливался возраставшим господством финансового капитала. Выражением монополистических тенденций на Урале являлась заключенная в 1904 г. конвенция крупных уральских заводов о производстве и сбыте кровельного железа, а затем организация в 1907 г. синдиката «Кровля».

Анализ документальных материалов показывает, что в деятельности южного и уральского синдикатов были общие черты: всемерное ограничение правомочий их участников, усиление роли синдиката, создание искусственного «голода» на металл. Вместе с тем в их деятельности наблюдались и различия, основным из которых было то обстоятельство, что сбыт синдицированной продукции через Продамет непрерывно увеличивался, а через «Кровлю» — уменьшался. В этом и заключаются особенности монополизации уральской металлургии.

Уменьшение сбыта синдицированной продукции через «Кровлю» явилось результатом выхода из нее группы заводов, в производстве которых кровельное железо занимало меньшую часть, а основную часть составляло сортовое железо. Эти заводы выходили из состава уральского синдиката потому, что предпочитали за счет повышенных цен на сортовое железо продавать кровельное железо по ценам ниже цен «Кровли», хотя это ставило их вне синдиката. Рост же цен на сортовое железо был вызван различными махинациями Продамета.

Положение «Кровли» ослаблялось также наличием на Урале большого числа аутсайдеров, наиболее мощными из которых были заводы Абамелек-Лазарева и Богословского общества. Первые оставались вне синдиката и вели с ним успешную борьбу благодаря большему производству кровельного железа, а также благодаря значительно пониженным

[111] Данные об изменении доли южного и уральского чугуна в общем потреблении его отдельными районами также указывают на вытеснение Урала с рынков Европейской России. В 1900 г. и в 1913 г. вся потребность Урала в чугуне удовлетворялась исключительно за счет местного производства. Что касается других районов, то в 1900 г. уральский чугун в общем потреблении чугуна в Северном районе составлял 28%, а в 1913 г.— лишь 3%, а в Центральном районе соответственно — 11 и 1%. Только в Сибири и Средней Азии, а также в Западном районе уральский чугун продолжал играть важную роль (до 60—75%). Подавляющая часть потребности в чугуне всех районов России (за исключением Урала, Сибири, Средней Азии и отчасти Западного района) покрывалась за счет южного чугуна. В 1900 г. процент его по отдельным районам колебался от 35 до 58, а в 1913 г.— от 57 до 81.

издержкам производства по сравнению с издержками производства на предприятиях, входивших в синдикат; вторые не входили в синдикат потому, что являлись контрагентами Продамета по рельсам.

В течение 1912—1913 гг. на внутреннем рынке страны произошло заметное увеличение спроса на кровельное железо. В этих условиях синдикат «Кровля» путем искусственного ограничения роста производства кровельного железа способствовал повышению продажных цен, обеспечил своим контрагентам значительные прибыли и вновь укрепил свое положение, просуществовав до января 1918 г.

В канун первой мировой войны южный синдикат Продамет стал почти безраздельно господствовать на железном рынке Европейской России, между тем как основная «деятельность» уральского синдиката переместилась на рынки Урала, Сибири и Средней Азии.

А. С. АМАЛЬРИК

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ И ГЕОГРАФИЧЕСКОМ РАЗМЕЩЕНИИ СТАЧЕЧНИКОВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1905 ГОДУ[1]

Целью настоящей статьи является попытка подсчитать в пределах Европейской России общее число бастовавших в 1905 г. рабочих фабрично-заводской и горно-металлургической промышленности и железнодорожного транспорта, а также определить географическое размещение стачечников по губерниям и промышленным центрам.

Обобщающих работ по статистике стачечного движения в 1905 г. очень мало[2]. Основной из них является работа Е. В. Варзара «Статистика стачек на фабриках и заводах за 1905 г.». Вернее, она является единственным опубликованным источником по статистике стачек, так как все прочие работы обычно повторяют цифры, данные Варзаром, и только анализируют их.

К сожалению, и этот единственный источник — не исчерпывающий. В. Е. Варзар учитывал стачки и стачечников только на предприятиях, подведомственных надзору фабрично-заводской инспекции. Таким образом, В. Е. Варзаром не учтены следующие предприятия: 1) подведомственные надзору министерств — военного, путей сообщения, морского и Главного управления земледелия и землеустройства; 2) казенные; 3) горнометаллургические (подведомственные надзору Горного департамента Министерства торговли и промышленности; 4) некоторых губерний и областей Кавказа и Закавказья (Дагестанской, Елизаветпольской, Карской, Кубанской, Ставропольской, Терской, Эриванской; 5) мелкие (менее 10—15 рабочих).

---

[1] Публикуя настоящую статью, редакция исходила из высказанной В. И. Лениным еще в 1913 г. в его статье «Стачки в России» мысли о том, что «Главным недостатком... официальной статистики, кроме преуменьшения сведений о числе бастующих, является то, что она охватывает только рабочих в заведениях, подчиненных фабричной инспекции. Рабочие железнодорожные, горные, трамвайщики, рабочие в подакцизных, горных и т. д. предприятиях, строительные, сельские не входят в статистику» (В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 484). Указанный недостаток остро ощущается историками рабочего и революционного движения в России периода империализма. Дополнение и уточнение данных В. Е. Варзара о стачечном движении стало, по всеобщему мнению, настоятельно необходимым. Предлагаемая вниманию читателей статья рассматривается редакцией как первый шаг в этом направлении, который, по ее мнению, должен вызвать другие подобные шаги. Не все выводы и методика исследования автора могут показаться убедительными, но тем не менее цифры и данные, добытые им, заслуживают внимания.— *Редакция.*

[2] В. Е. Варзар. Статистика стачек на фабриках и заводах за 1905 г., СПб., 1908; В. Д. Черменский. Стачка. Теория стачек и история стачечного движения в России (1905—1910), М., 1928; Материалы по статистике труда, под ред. С. Г. Струмилина, вып. 8, Забастовочное движение в России в 1905 г., СПб., б. г.

Всего под надзором фабрично-заводской инспекции в 1905 г. состояло 14 615 предприятий с 1 660 693 рабочими. Из них В. Е. Варзаром зарегистрировано 996 860 так называемых действительных стачечников (о значении этого термина см. стр. 147). В издании 1910 г. В. Е. Варзар внес поправку, увеличив число стачечников (по Варшавской губ.) на 42 846 человек и доведя, таким образом, общую цифру до 1 039 706 человек.

Чтобы выяснить, какой процент фабрично-заводских рабочих состоял под надзором фабрично-заводской инспекции и, следовательно, учтен В. Е. Варзаром, сравним данные В. Е. Варзара с данными других источников.

Ближайшим по времени обобщающим источником является исследование А. В. Погожева, где приведены данные на 1902 г. При сравнении оказывается, что по некоторым губерниям цифры В. Е. Варзара ниже цифр А. В. Погожева, по некоторым — почти равны, по другим — выше. Приведем для примера сравнительные таблицы по некоторым губерниям.

Таблица 1

Губернии	Число рабочих (в тысячах)	
	по Варзару	по Погожеву
Бакинская	12,1	59,2
Донская область	16,3	65,5
Екатеринославская	26,3	129,5
Оренбургская	3,5	41,7
Пермская	21,6	211,7
Уфимская	4,2	48,2
Вятская	12,2	39,5

В табл. 1 приведены губернии, по которым цифры Варзара ниже цифр Погожева. Эта разница совершенно понятна и закономерна, так как в данных губерниях Погожевым учтены рабочие горных и металлургических предприятий, которые не состояли под надзором фабрично-заводской инспекции.

Таблица 2

Губернии	Число рабочих (в тысячах)	
	по Варзару	по Погожеву
Виленская	8,4	8,9
Воронежская	9,6	9,2
Ковенская	5,1	5,2
Люблинская	7,4	7,6
Минская	8,3	8,4
Тамбовская	17,1	17,2

В табл. 2 приведены губернии, по которым цифры Варзара почти совпадают с цифрами Погожева. В данных губерниях не было предприятий горнометаллургической промышленности, подведомственных Горному департаменту Министерства торговли и промышленности. По прочим губерниям (не перечисленным в обеих таблицах) расхождение в ту и

[3] В. Е. Варзар. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг., СПб., 1910, Приложение, стр. 67—68.

другую сторону несколько значительнее, но все же не превышает 10%. В большинстве случаев цифры Погожева выше цифр Варзара и опять-таки главным образом за счет рабочих горно-металлургической промышленности.

Общее число рабочих в Европейской России, по Погожеву,— 2 453 314 человек, т. е. на 792 621 человек больше, чем по Варзару (1 660 693). Число горнометаллургических рабочих А. В. Погожев определяет в 632 135 человек. Таким образом, цифра фабрично-заводских рабочих, по Погожеву, превышает цифру Варзара на 160 486 человек. Последнее расхождение получилось за счет рабочих казенных предприятий, рабочих мелких предприятий и других предприятий, не учтенных фабрично-заводской инспекцией, а также за счет несовершенства статистики вообще.

Однако из всего вышесказанного совершенно очевидно, что оба упомянутых нами источника, составленные при помощи различных методов, дают в отношении фабрично-заводских рабочих почти одинаковые цифры, с разницей, не превышающей 10%.

Что касается мелких предприятий, то А. В. Погожев учел их довольно много, но все-таки он очень далек от исчерпывающей цифры. Последним опубликованным исследованием о числе рабочих в России является работа А. Г. Рашина, который определяет для 1913 г. общее число рабочих, занятых на дому, а также рабочих городской и сельской мелкой промышленности в 3 млн. человек [4]. Скорее всего, что в 1905 г., в связи с поступательным движением процесса концентрации промышленности, их было больше, но определить точно число, а тем более учесть, сколько из них принимало участие в стачечном движении, не представляется возможным. В равной степени не поддаются учету стачечники следующих категорий наемного труда: строительные рабочие, сельскохозяйственные рабочие, рабочие водного транспорта, домовая и домашняя прислуга и некоторые другие.

Поэтому, чтобы не строить своих расчетов только на догадках и предположениях, мы вынуждены в своем исследовании отказаться от подсчета стачечников данных категорий.

Современное состояние источников (специальных исследований и архивных документов) позволяет более или менее точно и по всей территории Европейской России произвести подсчет стачечников, дополнительно к данным В. Е. Варзара, только в горнометаллургической промышленности, на железнодорожном транспорте и на казенных предприятиях.

За общее число стачечников фабрично-заводской промышленности мы принимаем цифру, данную В. Е. Варзаром. Безусловно цифры В. Е. Варзара преуменьшены. Определить же точно степень их преуменьшения не представляется возможным. В своем исследовании В. Е. Варзар использовал отчеты и донесения фабрично-заводских инспекторов, которые должны были учитывать каждого стачечника. Что сознательно преуменьшалось число стачечников, об этом откровенно пишет сам Варзар: «Инспекция, считая генеральные стачки несомненного политического характера, неподходящими под понятия о стачке экономической, даже не регистрировала своевременно подобного рода кратковременные остановки работ» [5]. Возможно, что и сам В. Е. Варзар вносил свои коррективы.

---

[4] А. Г. Рашин. О численности рабочих в России в период капитализма — «Исторические записки», т. 46, стр. 150.

[5] В. Е. Варзар. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г., стр. 3.

Основание предположить это дает следующее обстоятельство. В опубликованных отчетах фабрично-заводских инспекторов общее число рабочих, состоявших под надзором фабрично-заводской инспекции, определяется в 1 693 323 человека [6], а по данным В. Е. Варзара — в 1 660 693 человека, т. е. на 32 630 человек меньше. Если В. Е. Варзар, по неизвестным нам причинам, уменьшил цифру общего числа рабочих, то естественно предположить, что соответственно уменьшилось и число стачечников.

Интересно сравнить данные В. Е. Варзара с данными других исследователей. А. Белозеров [7], подсчитавший число стачечников и даже число забастовочных человеко-дней по Нижегородской губ., дает цифру в 31 077 человек. Исключив из этой цифры стачечников Сормовского завода, почты, телеграфа и железнодорожных мастерских, что составляет, по данным А. Белозерова, 13 550 человек, получим 17 527 стачечников фабрично-заводской промышленности. По В. Е. Варзару, в Нижегородской губ. бастовало 21 252 рабочих, т. е. на 3725 человек больше, чем по А. Белозерову.

По данным другого исследователя, в Калужской губ. бастовало 6194 рабочих [8]. По В. Е. Варзару, в Калужской губ. бастовало 2393 рабочих, т. е. на 3801 человек меньше.

Не имея возможности точно установить, чьи цифры более правильны, мы допускаем, что у В. Е. Варзара по некоторым губерниям число стачечников преуменьшено. Что касается Нижегородской губ., то возможно, что В. Е. Варзар включил в свою таблицу стачечников Сормовского завода или какого-нибудь другого завода, не находившегося под надзором фабрично-заводской инспекции. Несомненно, что В. Е. Варзар имел сведения о количестве стачечников на крупных предприятиях, находившихся под надзором других ведомств. В своем исследовании он приводит, например, цифры повторных забастовщиков и забастовочных человеко-дней по Путиловскому и Невскому судостроительному заводам, которые находились в ведении военного министерства. Приводит он также цифры по некоторым горно-металлургическим заводам Урала. Включил ли В. Е. Варзар в свои таблицы цифры по Путиловскому и Невскому заводам, нам установить не удалось, но цифры по Уралу он явно не включил, так как количество стачечников этих заводов превышает количество стачечников во всей Пермской губ., фигурирующее в его таблицах.

Исходя из логического умозаключения, что добросовестный исследователь не может в своих подсчетах превысить действительное количество стачечников, так как они полностью не поддаются никакому учету, мы в своем исследовании, имея по некоторым губерниям цифры стачечников фабрично-заводской промышленности, расходящиеся с цифрами В. Е. Варзара, принимаем наибольшую цифру. Так, например, цифру 3801 стачечник по Калужской губ. мы прибавляем к цифре В. Е. Варзара (2393), помещая ее в наших таблицах в графу «казенные и прочие», т. е. в графу стачечников, не находившихся под надзором фабрично-заводской инспекции и Горного департамента.

Общее количество повторных стачечников фабрично-заводской промышленности В. Е. Варзар определяет в 2 709 695 человек [9]. В издании

---

[6] «Свод отчетов фабричных инспекторов», Пгр., 1900—1915 (данные за 1905 г.).

[7] «1905 год в Нижегородском крае», Н. Новгород, 1925.

[8] «Калужская губерния в 1905 году», Калуга, 1925.

[9] В. Е. Варзар. Статистика стачек на фабриках и заводах за 1905 г., Приложение, стр. 4, табл. 1.

1910 г. он добавляет 153 678 стачечников по Варшавской губ., доводя общую цифру до 2 836 373 человек [10].

По некоторым губерниям у В. Е. Варзара цифры действительных стачечников находятся в противоречии с цифрами повторных стачечников (табл. 3).

Таблица 3

Губернии	Число стачечников		Губернии	Число стачечников	
	действительных	повторных		действительных	повторных
Бессарабская	229	130	Подольская	3 652	2 668
Волынская	2 290	1 701	Симбирская	1 396	776
Киевская	10 717	9 756	Смоленская	6 224	6 155
Курская	2 573	2 320	Тамбовская	4 575	3 307
Новгородская	5 087	4 042	Уфимская	896	593
Пензенская	1 984	1 420			
			Итого	39 623	32 868

Получается, что при учете повторных стачек число стачечников не увеличивается, а уменьшается. Такое несоответствие объясняется, повидимому, тем, что Варзар повторных стачечников учитывал только по 12 группам производства (по номенклатуре Министерства торговли и промышленности), а действительных стачечников — по губерниям, включая предприятия, не входившие в состав 12 групп. Но возможно, что здесь просто допущена ошибка ввиду несовершенства учета. Не имея возможности внести поправки в данные В. Е. Варзара, мы вынуждены считать, что в перечисленных в табл. 3 губерниях повторных стачек не было.

Таким образом, в учете повторных стачечников мы имеем совершенно очевидное преуменьшение их числа. Это преуменьшение в общероссийском масштабе несколько компенсируется тем, что повторные стачки учитывались фабрично-заводской инспекцией по месяцам. Таким образом, если какое-нибудь предприятие с 500 рабочими начало, например, стачку 31 октября, а закончило ее 1 ноября, то она учитывалась фабрично-заводской инспекцией как две стачки с 1000 стачечников.

При подсчете стачечников горно-заводской промышленности, железнодорожного транспорта и прочих нам пришлось применять различные методы, значительно отличающиеся от метода В. Е. Варзара, и использовать иные источники. Полученные нами цифры, особенно о повторных стачечниках, являются результатом довольно сложных и условных вычислений, основанных иногда на предположениях и догадках. Поэтому наше исследование, не являясь статистическим, не претендует на точность и непогрешимость. Дальнейшие общие и локальные исследования должны уточнить наши данные. Однако мы имеем основания предполагать, что расхождение наших цифр с действительными цифрами (в пределах категорий учтенных нами стачечников) не превышает 10%. Причем это расхождение может быть только в сторону преуменьшения действительного числа стачечников. Принимая же во внимание, что даже статистическое исследование В. Е. Варзара не дает точных и исчерпывающих цифр, мы

[10] В. Е. Варзар. Статистические сведения о стачках на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг. Приложение, стр. 67.

считаем, что полученные нами цифры могут служить критерием для определения степени стачечного движения в 1905 г. как по Европейской России в целом, так и по отдельным губерниям.

* * *

В статистике стачечного движения принято три основных принципа учета. По первому принципу, каждый бастовавший рабочий учитывается один раз, независимо от того, сколько раз он бастовал. При этом получается число поименных рабочих, принимавших участие в стачечном движении. В статистике иногда этот принцип называется условно учетом действительных стачечников. Так мы его и будем называть в дальнейшем.

По второму принципу учитываются все повторные стачки и стачечники, т. е. каждый бастовавший рабочий учитывается столько раз, сколько раз в году он бастовал.

По третьему принципу учитывается число забастовочных человеко-дней.

Каждый из этих принципов имеет свои достоинства и свои недостатки. Они взаимно не исключают, а дополняют друг друга, и идеальным был бы учет по всем трем принципам одновременно. Не имея никакой возможности учесть по всей Европейской России и по всем отраслям промышленности число забастовочных человеко-дней, мы вынуждены ограничиваться учетом только действительных и повторных стачечников.

Учет действительных стачечников дает возможность получить число поименных рабочих, принимавших участие в стачечном движении, т. е. количественно определить активные силы пролетариата в первой русской революции. Число повторных стачечников характеризует напряженность революционной борьбы, показывает, сколько раз активные силы пролетариата применяли специфически пролетарское средство борьбы — стачку. В. И. Ленин придавал большое значение именно повторным стачкам.

ПОДСЧЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СТАЧЕЧНИКОВ

По данным В. Е. Варзара, как уже сказано выше, в Европейской России в 1905 г. бастовало 1039,7 тыс. рабочих. Нами сделана попытка дополнить таблицу В. Е. Варзара стачечниками: железнодорожного транспорта — 640,4 тыс. рабочих, горнометаллургической промышленности — 279,8 тыс. рабочих, казенных и других, не учтенных В. Е. Варзаром предприятий, а также губерний и областей Кавказа и Закавказья —126,9 тыс. рабочих.

В результате этой попытки число подсчитанных действительных стачечников в 1905 г. увеличивается на 1047,1 тыс. человек и достигает 2086,8 тыс. человек.

Дополнительная к Варзару цифра в 1047,1 тыс. стачечников получена нами и распределена по губерниям следующим образом.

В отношении железнодорожников все исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом или касавшиеся его, называют цифру в 700—750 тыс. стачечников по всей Российской империи, исходя из того факта, что в течение 1905 г. бастовали все железнодорожники [11].

---

[11] С. С. Анисимов. Дело о восстании на Екатерининской ж. д., М.— Л., 1926; М. Е. Богданов. Очерки по истории железнодорожных забастовок в России, М., 1906; М. Х. Данилов и П. Г. Сдобнев. Железнодорожники в 1905 году, М., 1940;

Во всем просмотренном нами материале не удалось обнаружить прямого указания об участии в забастовках только Баскунчакской ж. д. (Владимировка — Баскунчак), в Астраханской губ., за Волгой, оторванной от общей железнодорожной сети. Общее число рабочих и служащих на Баскунчакской ж. д. в 1905 г. определялось в 377 человек. Столь малое число возможных, но не учтенных стачечников не имеет значения не только для Европейской России, но даже и для самой Астраханской губ., где общее число стачечников определялось в 6,8 тыс. человек.

Более существенным является вопрос об участии в стачечном движении работников управлений железнодорожного транспорта. По данным официальной железнодорожной статистики[12], работники управлений составляли около 7,5% от общего числа железнодорожников. Нет никаких оснований считать эти 7,5% вне стачечного движения. Из числа работников управления в стачках не принимали участия только служащие Министерства путей сообщения и высшие служащие отдельных железных дорог. Большинство же мелких служащих управлений, например, управления Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железных дорог, Управления Рязано-Уральской ж. д. и других, особенно находившихся в Москве, бастовало. Такая активность железнодорожных служащих, по сравнению со служащими других отраслей народного хозяйства, объясняется высокой организованностью железнодорожников. Все железнодорожные забастовки происходили только по решению профсоюзных органов и стачечных комитетов. Решение же стачечных органов было обязательно для всех рабочих и служащих.

Какой процент железнодорожных служащих не принимал участия в стачечном движении, установить невозможно, но он во всяком случае ничтожен.

Нет также оснований исключать железнодорожных служащих из числа стачечников только потому, что они служащие, а не рабочие, хотя вообще мы учитываем только рабочих. В противном случае следовало бы исключить из числа железнодорожных стачечников всех кондукторов, контролеров, кассиров, весовщиков, проводников, уборщиков, сторожей и прочих, считавшихся служащими, для чего нет никаких оснований. Поэтому за общее число железнодорожных стачечников мы принимаем все 100% работников железнодорожного транспорта.

Общее число железнодорожников Европейской России различными источниками определяется по-разному. Официальная железнодорожная статистика для 1905 г. называет цифру в 632 тыс. человек[13]. По отчетам санитарной инспекции, в 1905 г. показана цифра в 640 тыс. человек[14]. Н. Петров дает следующие цифры общего числа железнодорожников в Европейской России (без Финляндии): в 1904 г. — 604 тыс. человек, в 1906 г. — 697 тыс. человек[15]. Наша цифра в 640 тыс. получена в результате подсчета железнодорожников по отдельным железным дорогам и губерниям.

В. Кругляков. Революционное движение среди железнодорожников в 1905 году. — «Пролетарская революция», 1925, № 11; И. Марута. Очерки по истории революционного и профессионального движения на Моск.-Киево-Воронежской ж. д., вып. 1, Курск, 1925; И. С. Соколов. 1905 год на Рязано-Уральской ж. д., Саратов, 1925; «1905 год на Казанке», М., 1925; «1905 год на Моск.-Курско-Нижегор. и Муромской ж. д., М., 1931; «1905 год на Юго-Восточных ж. д.», М., 1925 и др.

[12] Статистические сборники министерства путей сообщения (по годам).

[13] Там же.

[14] Отчет о врачебно-санитарном состоянии железных дорог за 1905 г., СПб., 1906.

[15] Н. П. Петров. О числе служащих и рабочих на русских железных дорогах, СПб., 1906.

Таблица 5

Количество действительных стачечников на ж. д. транспорте (по губерниям)

Губернии	Число стачечников (в тысячах)	Губернии	Число стачечников (в тысячах)
	Европейская Россия		
1. Архангельская	1,4	26. Новгородская	6,9
2. Астраханская	1,1	27. Олонецкая	1,6
3. Бессарабская	6,1	28. Оренбургская	1,6
4. Виленская	7,9	29. Орловская	13,0
5. Витебская	10,7	30. Пензенская	8,4
6. Владимирская	8,8	31. Пермская	10,8
7. Вологодская	3,5	32. Подольская	15,6
8. Волынская	14,5	33. Полтавская	17,5
9. Воронежская	14,2	34. Псковская	6,1
10. Вятская	4,4	35. Рязанская	7,7
11. Гродненская	18,8	36. Самарская	17,7
12. Донская обл.	26,0	37. С.-Петербургская	20,3
13. Екатеринославская	35,7	38. Саратовская	14,9
14. Казанская	1,5	39. Симбирская	5,0
15. Калужская	7,0	40. Смоленская	10,5
16. Киевская	12,4	41. Таврическая	10,8
17. Ковенская	6,0	42. Тамбовская	13,0
18. Костромская	1,2	43. Тверская	10,9
19. Курляндская	5,6	44. Тульская	13,7
20. Курская	12,6	45. Уфимская	9,4
21. Лифляндская	9,6	46. Харьковская	16,3
22. Минская	13,2	47. Херсонская	25,3
23. Могилевская	9,9	48. Черниговская	9,3
24. Московская	35,0	49. Эстляндская	5,1
25. Нижегородская	4,5	50. Ярославская	3,2
		Итого	546,3
	Польша		
1. Варшавская	12,0	6. Петроковская	8,5
2. Калишская	1,5	7. Плоцкая	0,7
3. Келецкая	2,6	8. Радомская	3,2
4. Ломжинская	4,6	9. Сувалкская	3.3
5. Люблинская	3,4	10. Седлецкая	7,0
		Итого	46,8
	Кавказ		
1. Бакинская	6,8	7. Кутаисская обл	3,6
2. Батумская обл.	1,4	8. Ставропольская	2.4
3. Дагестанская обл.	2,7	9. Терская обл.	4,7
4. Елизаветпольская	2,1	10. Тифлисская	5,1
5. Карская обл.	0,8	11. Черноморская	1,1
6. Кубанская обл.	10,9	12. Эриванская	5,7
		Итого	47,3
		Всего по Европейской России	640,4

Распределение железнодорожных стачечников по губерниям производилось нами следующим образом.

По данным местной статистики определялось число рабочих в крупных железнодорожных мастерских, депо, узловых станциях и т. д. в определенных пунктах, например: для калужских железнодорожных мастерских (ст. Калуга) определено 2200 рабочих; для уфимских железнодорожных мастерских (ст. Уфа) — 2800 рабочих; для ремонтных мастерских Рязано-Уральской ж. д. (ст. Саратов) — 1027 рабочих и т. д. Общее число всех рабочих, сосредоточенных в определенных пунктах, вычиталось из общего числа всех железнодорожников (отдельно по различным железным дорогам), остаток распределялся по губерниям в зависимости от длины пролегающих по ним железнодорожных путей и числа рабочих на одну версту пути определенной железной дороги [16]. Количество верст каждой железной дороги в каждой губернии взято нами из официальной статистики [17] и, кроме того, подсчитано по картам в масштабе 1 : 2 000 000 (Атлас Маркса, изд. 1905 г.). Прибавив к полученному таким образом среднему числу железнодорожников в каждой губернии число железнодорожников в определенных ранее пунктах той же губернии, получим общее число железнодорожников, а следовательно, и стачечников в каждой данной губернии (табл. 5).

Основным источником сведений о количестве стачечников на предприятиях горнометаллургической промышленности, подведомственных надзору Горного департамента Министерства торговли и промышленности, являются два отчета этого департамента в Отдел промышленности того же министерства от 8 декабря 1906 г. и 16 января 1907 г. [18] Поскольку сведения этих отчетов не являются исчерпывающими, мы привлекали дополнительно и другие источники: специальные исследования (общие и по отдельным районам), календари и хроники революционных событий, мемуары, газеты и т. п. [19] Эти дополнительные источники, кроме того, дают нам сведения о стачках на казенных и прочих предприятиях, не подведомственных надзору фабрично-заводской инспекции и Горного департамента.

[16] Число рабочих на одну версту пути было различно для разных железных дорог. Например, для Пермской ж. д.— 7,4 рабочих на 1 версту; для Московско-Курско-Нижегородской и Муромской ж. д.— 23,7 рабочих на одну версту.

[17] «Железные дороги Европейской и Азиатской России по линиям с ветвями, по губерниям и по времени открытия движения», т. I—II, СПб., 1899—1910.

[18] ЦГИАЛ, ф. 37 Горного департамента, оп. 58, 1906 г., д. 351, лл. 272—275, 308—312. Сведения о массовых забастовках на предприятиях горной и горнозаводской промышленности России за 1905—1906 гг.

[19] Не имея возможности в журнальной статье опубликовать весь научный аппарат, мы укажем здесь только некоторые работы, чтобы дать представление о типах использованных нами источников (сюда не вошли работы, указанные нами в наших остальных сносках): К. В. Базилевич. Очерки по истории профсоюзного движения работников связи в 1905—1906 гг., М., 1925; А. Безруков. Сормово (1848—1908), Н. Новгород, 1925; «Материалы к истории Александровского вооруженного восстания в декабре 1905 года», Владимир, 1929; А. В. Высоцкий. Костромской Совет рабочих депутатов в 1905 году, Кострома, 1926; П. Г. Дауге. Революция 1905—1907 гг. в Латвии, Рига, 1949; Н. М. Добротвор. Июльские забастовки в Туле в 1905 году, Тула, 1925; Н. В. Журавлев. Хроника революционных событий в Тверской губернии (с 1904 по январь 1918 г.), Калинин, 1941; М. Заяц. Текстили в годы первой революции, М., 1925; Б. В. Златоустовский. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе в 1905—1916 гг., Иваново-Вознесенск, 1928; «Из истории рабочего движения в Ярославской и Костромской губерниях», Ярославль, 1939; «Из истории 1905 года в Москве и Московской губ.», М., 1931; «Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле», Ярославль, 1922; «Калужская губерния в 1905 году», Калуга, 1925; «К истории революции 1905—1907 гг. в Белоруссии» — «Красный Архив», 1940, т. 5; Я. П. Крастынь. Революция 1905—1907 гг. в Латвии, М., 1952; А. Львов. 1905 год в Баку (Краткий обзор событий) — «Новый Восток», 1926, кн. 13—14; В. Ма-

Многие из этих источников, сообщая о факте стачки на том или ином предприятии, не указывают числа стачечников, а если указывают, то часто дают преувеличенные цифры. Например, В. П. Обнинский сообщает, что в Пинске 20 декабря 1905 г. бастовало 10 тыс. рабочих[20]; между тем, по самым оптимальным подсчетам, число рабочих в Пинске в 1905 г. не превышало 2 тыс. человек, а во всей Минской губ. в 1905 г. насчитывалось 8 351 фабрично-заводских рабочих. Цифра Обнинского появилась следующим образом. Действительно 20 декабря 1905 г. в Пинске собралась большая толпа, состоявшая из городских жителей и из крестьян окрестных деревень. Испуганная администрация в своих донесениях губернатору превратила всех участников демонстрации в стачечников. От губернатора цифра «стачечников» пошла путешествовать дальше, пока не попала на страницы календаря Обнинского. Затем она была использована некоторыми позднейшими исследователями и получила право гражданства.

Только особенно тщательные исследования, главным образом последних лет, дают цифры, более или менее соответствующие действительности. Поэтому из всех перечисленных выше типов источников мы извлекали только сообщения о факте стачек, а число стачечников определяли по другим источникам, дающим сведения о местонахождении предприятий, о числе рабочих и другие статистические данные[21].

нилов. Киевский Совет рабочих депутатов в 1905 году, Харьков, 1926; Л. Б. Матусевич. 1905 год в Курской губернии, Курск, 1941: «Московские текстильщики в годы первой русской революции», М., 1929; Н. Л. Нечаев. Революция 1905 года в Нижегородском крае, Нижний-Новгород, 1931; «О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии в 900-х годах», вып. I—II. Владимир, 1925—1926; В. А. Осипов. Саратовская организация РСДРП в 1905—1907 гг., Саратов, 1947; А. М. Панкратова. Первая русская революция 1905—1907 гг., М., 1940; Р. М. Раимов. 1905 год в Башкирии, М., 1941; «Революционные события в Прибалтике в 1905 году» — «Красный архив», 1940. т. 2; «Революция 1905 года», Новгород, 1925; «Революция 1905 года в Закавказье», Тифлис, 1926; «Революция 1905 года в национальных окраинах России», сборник статей под ред. А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова, Госполитиздат, 1949; Л. И. Ремпель. Симферополь в революции 1905 года, Симферополь, 1931; Т. М. Севастьянова. Политическая стачка в октябре 1905 года в Воронеже, Воронеж, 1951; В. Троицкий. Первая революция в Среднем Поволжье, Самара, 1931; «1905-й год в Воронеже», Воронеж, 1925; «1905-й год в Нижегородском крае», Нижний-Новгород, 1926; «1905 год в Орехово-Зуеве», Орехово-Зуево, 1925; «1905-й год в Орловском крае», Орел, 1926; «1905-й год в Самарском крае», Самара 1925; «1905-й год в Серпухове», Серпухов, 1925; «1905-й год в Сормове», Нижний-Новгород, 1926; «1905-й год в Сталинградской губернии», Сталинград, 1925; «1905—1906—1907 годы в Грозном», Грозный, 1925; Н. Филиппов. 1905 год в Самарской и Симбирской губерниях, Куйбышев, 1941; Н. Л. Янчевский. Новороссийская и Сочинская республики в 1905 году, Ростов-на-Дону, 1926 и мн. др. (использованы также рукописи диссертаций).

[20] В. П. Обнинский. Полгода русской революции, М., 1906, стр. 40.

[21] Адрес-календарь горнозаводского и торгово-промышленного района, Юзовка, 1908: В. Е. Варзар. Список фабрик и заводов Российской империи (за 1908 год), СПб., 1912; «Ежегодник министерства финансов» за 1905 г.; С. И. Жаров. Статистический материал по истории народного хозяйства в России (1908—1912); П. Х. Иванов и А. К. Хачко. Справочная книга русских и иностранных предприятий (металлургических) за 1908 г., СПб., 1908; Карта (горнопромышленная и заводская) Европейской России с показателем горных заводов и полезных ископаемых, СПб., 1909; Ф. Г. Косинский. Горное и горнозаводское дело в России (со статистическими сведениями на 1907 г.), СПб., 1909; «Краткий очерк состояния бакинской нефтяной промышленности», Баку, 1907—1915; «Металлургические заводы на территории СССР с XVII в. до 1917 г.», М.— Л., 1937; К. А. Пажитнов. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности (от конца XVII в. до 1917 г.), М., 1940, К. А. Пажитнов. Очерки по истории рабочего класса на Украине; А. В. Погожев. Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России, СПб., 1905; А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906; В. Сапелкин. Горное дело в России, СПб., 1903; «Сборник статистических

Принятый нами метод подсчета может вызвать сомнение по следующим соображениям. Во всей обширной литературе о стачечном движении и о революционном движении вообще весьма употребительно выражение «всеобщая стачка», но под этим выражением не следует усматривать всегда стопроцентное участие рабочих в стачке. При всеобщей стачке в большинстве случаев оставался какой-то процент не бастовавших рабочих. Встречая в источнике сообщение о всеобщей стачке, нам не всегда удавалось установить, какой именно процент рабочих принимал в ней участие, особенно когда сообщение касалось не отдельного предприятия, а какого-нибудь населенного пункта в целом. В таких случаях за число стачечников мы принимали 100%. Это несомненно по многим стачкам приводило к преувеличению цифр. С другой стороны, использованные нами источники не указывают, конечно, всех предприятий, на которых происходили стачки. Так, например, более чем вероятно, что не названы некоторые каменноугольные рудники Донецкого бассейна, принимавшие участие в стачках. Мы имеем в виду рудники, находившиеся в непосредственной близости и в окружении бастовавших рудников, и упомянутые в связи с этим нашими источниками.

Не имея возможности изложить в журнальной статье все наши расчеты по всей Европейской России, мы ограничимся некоторыми губерниями с развитой горнометаллургической промышленностью, рабочие которых принимали наиболее активное участие в стачечном движении.

Екатеринославская губерния.

Всего в Екатеринославской губернии в 1905 г. мы насчитываем следующее общее число предприятий и рабочих горнометаллургической промышленности, не состоявших под надзором фабрично-заводской инспекции.

Таблица 6

Рудники и заводы	Число предприятий	Число рабочих (в тысячах)
Каменноугольные рудники	125	72,9
Железные рудники	7	7,9
Марганцевые рудники	6	1,0
Ртутные рудники	2	1,6
Соляные рудники	5	3,6
Металлургические заводы	15	47,8
Всего	160	134,8

Из них, по данным различных источников, в стачках принимали участие следующие предприятия[22], со следующим числом рабочих (табл. 7).

сведений о горнозаводской промышленности России», СПб., Пг., 1838—1918; «Список фабрик и заводов Европейской России», СПб., 1903; В. И. Титов. Заводы Кыштымского горного округа; Екатеринбург, 1902 и др.

[22] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, 1906 г., д. 351, лл. 272—275, 308—312; С. С. Анисимов. Восстание в Донецком бассейне, М., 1929; Гершбейн. Коротка хронологія революції 1905 року на Україні, Харьків, 1931; М. Майоров. Большевизм и революция 1905 г. на Украине, Ташкент, 1934; К. А. Пажитнов. Очерки по истории рабочего класса на Украине; «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России, М., 1949; П. В. Семеркин. 1905 год на Дону, Ростов-на-Дону, 1945; Л. И. Сухой. Большевистские организации Украины в революции 1905—1907 гг., Киев, 1940; Н. Токарев. Календарь революции 1905 г. на Дону, Ростов-на-Дону, 1926; «1905 год на Украине», Хроника и материалы, под ред. М. И. Мебеля, Харьков, 1926, и др.

Таблица 7

Рудники и заводы	Владельцы	Число рабочих (в тысячах)
Каменноугольные рудники		
1. Андреевский	М. Копылов	0,05
2. Бабановский	С. Ф. Скорбинский	?
3. Веровский	Русско-бельгийское акционерное об-во	3,0
4. Вознесенский	Карпов	2,7
5. Головиновский	Кн. А. С. Долгорукий	?
6. Голубовский	Голубовское Берестово-Богодуховское т-во	1,6
7. Жиловский	Жиловское об-во каменноугольных копей	1,7
8. „Золотое"	Донецкое каменноугольное т-во „Коренев и Шипилов"	1,3
9. Кадиевские	Южно-русское Днепровское металлургическое об-во	1,6
10. Криничанский	Центральное горнопромышленное т-во	?
11. Лидиевский	Южно-русское Днепровское металлургическое об-во	0,8
12. Луганско-Донецкий	Луганско-Донецкое каменноугольное акционерное об-во	0,4
13. Нелеповский	Об-во разработки каменной соли и угля на юге России	0,8
14. Новороссийский	Новороссийское акционерное об-во	10,9
15. Орлово-Еленовские	Акционерное об-во Криворожских железных рудников	2,0
16. Рутченковский	Рутченковское горнопромышленное об-во	2,9
17. Софиевский	Русско-бельгийское металлургическое об-во	2,5
18. Степано-Васильевский	В. М. Гинцбург и С. Н. Рожковский	?
19. Шербиновский	Об-во разработки каменной соли и угля на юге России	2,1
	Итого	34,3
Железные рудники		
20. Веселые Терны	Брянское об-во сталелитейных и механических заводов	0,4
21. „ „	С. Н. Калачевский	0,4
22. Криворожские	Ю. А. Галковский	0,4
23. „	Анонимное об-во рудников „Дубовая балка"	1,3
24. „	Южно-русское Днепровское металлургическое об-во	1,5
25. Прочие		3,9
	Итого	7,9
26. **Марганцевые рудники**		0,4

Таблица 7 (продолжение)

Рудники и заводы	Владельцы	Число рабочих (в тысячах)
Металлургические и механические заводы		
27. Горловский	Акционерное об-во Горловского механического завода	0,4
28. Дружковский	Донецкое об-во железоделательной промышленности	2,8
29. Луганский	Акционерное об-во машиностроительного завода Гартмана	3,9
30. Петровский	Русско-бельгийское об-во чугунно-литейных заводов	3,6
31. Сартанский	Никополь-Мариупольское горное и металлургическое акционерное об-во	1,0
32. Юзовский	Новороссийское акционерное об-во . .	3,0
33. Днепровский	Акционерное о-во Днепровского завода	6,7
34. Александровский		5,1
35. Провиданс	Акционерное о-во «Провиданс»	2,5
	Итого	29,0
	Всего	71,6*

* В подсчет не вошли: Горяиновский завод акц. об-ва Брянских машиностроительных заводов (5 200 рабочих), Екатеринославский завод акц. об-ва трубопрокатных заводов (1 250 рабочих), Мануйловский завод Бельгийского анонимного об-ва франко-русских механических заводов (556 рабочих) и другие как находящиеся под надзором фабрично-заводской инспекции и учтенные В. Е. Варзаром.

Таким образом, общее число стачечников в Екатеринославской губ. определяется следующими цифрами:

1. По данным фабрично-заводской инспекции	21,5 тыс.
2. Горнометаллургических	71,6 „
3. Железнодорожников	35,7 „
Всего . . .	128,8 тыс.

Общее число рабочих в Екатеринославской губ., подсчитанное нами, составляет 196,3 тыс. человек. Следовательно, в стачечном движении приняли участие около 65% рабочих.

Донская область.

В Донской области, по приблизительным подсчетам, на предприятиях каменноугольной, антрацитовой и металлургической промышленности, не подведомственных надзору фабрично-заводской инспекции, было занято около 70 тыс. рабочих.

Из них в стачках принимали участие (табл. 8):

Таблица 8

Рудники	Число рабочих (в тысячах)
1. Антрацитовый рудник об-ва Русского пароходства и торговли . . .	1,0
2. Берестовские каменноугольные копи Франко-русского анонимного об-ва . . .	2,5
3. Берестово-Богодуховский рудник Голубовского горнопромышленного т-ва . . .	1,5
4. Екатериновский рудник Екатериновского горнопромышленного об-ва	3,5
5. Кальмиусо-Богодуховский рудник Алексеевского горнопромышленного об-ва . . .	0,8
6. Каменноугольный рудник акционерного об-ва русской горнозаводской промышленности . . .	1,2
7. Прохоровские каменноугольные копи . . .	1,0
8. Русско-Донецкие каменноугольные копи . . .	3,6
9. Сулинского завода рудники . . .	1,0
10. Чулковские каменноугольные копи . . .	1,0
Итого . . .	17,1
Металлургические заводы	
11. Генерального об-ва чугуноплавильных и сталелитейных заводов . . .	1,4
12. Пастуховский чугунолитейный завод . . .	0,5
13. Сулинский чугунолитейный завод . . .	3,4
14. Таганрогского металлургического об-ва завод . . .	3,0
Итого . . .	8,3
Всего . . .	25,4
Общее число стачечников в Донской области определяется следующими цифрами:	
1. Предприятия, находившиеся под надзором фабрично-заводской инспекции . . .	8,7
2. Горные и металлургические . . .	25,4
3. Железнодорожники . . .	26,0
4. Казенные и прочих . . .	6,1
Всего . . .	66,2

Общее число рабочих в Донской области составляло около 112 тыс. человек. Таким образом, в стачках принимали участие около 59% рабочих.

Пермская губ.

По нашим подсчетам, общее число рабочих в Пермской губ. определяется следующими цифрами (табл. 9).

А. В. Погожев для 1902 г. определяет общее число рабочих в Пермской губ. в 211,7 тыс. человек[23], причем по группе VIII (по номенклатуре Министерства торговли и промышленности обработка металлов) А. В. Погожев в своих дифференцированных таблицах дает цифру

[23] А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России, стр. 22. Ошибочно указана цифра в 271 680 ч., что выясняется при подсчете цифр данного столбца.

Таблица 9

Предприятия	Число рабочих (в тысячах)	Предприятия	Число рабочих (в тысячах)
Фабрично-заводские по данным фабр.-зав. инспекции	21,6	Железные рудники	10,4
Железнодорожники	10,8	Медные рудники	3,6
Горнометаллургические заводы	123,4	Асбестовые рудники	3,5
Золотые прииски	18,1	Соляные копи и солеварни	2,7
		Каменноугольные копи	8,2
		Всего	202,3

99,7 тыс. человек и затем суммарно прибавляет 100,1 тыс. рабочих горной промышленности, всего считая в горной и металлообрабатывающей промышленности 199,8 тыс. рабочих. Наши подсчеты, произведенные по спискам фабрик и заводов и по данным Горного департамента, в той же отрасли промышленности дали 169,8 тыс. рабочих, т. е. на 30,0 тыс. человек меньше. Разница получилась в силу того, что А. В. Погожев в число горных и металлообрабатывающих предприятий включил все заводы данной отрасли, мы же — только находившиеся под надзором Горного департамента и военного министерства. Разница же в общем числе рабочих (без железнодорожников) по губернии составляет 20,2 тыс. человек (по данным Погожева — 211,7 тыс., по нашим данным — 191,5 тыс. человек). Эта разница объясняется отчасти несовершенством подсчетов, отчасти сокращением числа рабочих за период с 1902 по 1905—1908 гг. (некоторые заводы за этот период прекратили производство).

В стачечном движении в 1905 г. принимали участие следующие заводы и предприятия [24]:

Таблица 10

Горнометаллургические заводы, рудники и др.	Число рабочих (в тысячах)	Горнометаллургические заводы, рудники и др.	Число рабочих (в тысячах)
1. Алапаевские	0,5	11. Сысертский	3,2
2. В. Исетский	1,5	12. Юго-Камский	0,6
3. В. Салдинский	2,6	Итого	27,0
4. Кусье-Александровский	0,1	13. Рудники	1,8
5. Лысьвенский	2,0	14. Золотые и платиновые прииски	1,4
6. Надеждинский	2,3	15. Каменноугольные копи	3,0
7. Нижне-Тагильский	3,2	16. Соляные промыслы	1,1
8. Мотовилихинский	7,2	Итого	7,3
9. Заводы г. Екатеринбурга	2,0	Всего	34,3
10. Заводы г. Перми	1,8		

[24] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, 1906 г., д. 351, лл. 272—275, 308—312. П. Бажов. К расчету (Сысертский завод в 1905 г.), Свердловск, 1929; А. В. Баранов. 1905 год

Всего бастовало рабочих в Пермской губернии:

1. По данным фабрично-заводской инспекции	— 4,6 тыс.
2. Железнодорожников	—10,8 „
3. Горнометаллургических . . .	—34,3 „
Итого . . .	49,7 тыс.

Таким образом, в Пермской губернии бастовало около 24% рабочих.

Уфимская губ.

В Уфимской губ. бастовали следующие горнометаллургические заводы и предприятия, не состоявшие под надзором фабрично-заводской инспекции[25]:

Таблица 11

Горнометаллургические заводы	Число рабочих (в тысячах)	Прочие	Число рабочих (в тысячах)
1. Златоустовский	2,5	Заводы и предприятия г. Уфы, г. Златоуста и др.	Около 3,0
2. Катав-Ивановский	3,0		
3. Кусинский	1,3		
4. Миньярский	0,9		
5. Саткинский	1,6		
6 Симский	0,5		
7. Усть-Катавский	1,4		
8. Юрюзанский	3,6		
Итого . . .	14,8		

на Урале, М., 1929; «Из прошлого», сборник воспоминаний 1903—1905 гг., Пермь, 1926; А. А. Кийков. Из былого Урала, материалы по истории револ. движ. на Урале и Приуралье, Уфа, 1923; Н. В. Краснов. Алапаиха, Свердловск, 1930; Ф. Е. Мельников. Зап. Урал в революции 1905—1907 гг., Молотов, 1946; П. Мурашев. Надеждинск в 1905 г., Свердловск, 1926 и 1930; «Отчет депутатов рабочих и служащих Богословского горного округа», СПб., 1905; Г. Рычкова. Военно-боевая работа большевиков Урала в 1905 г., Свердловск, 1946; «Сборник материалов революционного движения в Тагильском округе», вып. 1, Н.-Тагильск, 1925; Уральский. Революционное движение на Урале — «Минувшие годы». 1908, № 11 и др.

[25] См. примечание 22 на стр. 152, а также А. А. Берс. Златоуст в 1905 г., Свердловск, 1930; А. П. Павлов. Рабочее движение на Ю. Урале в 1905—1907 гг., Челябинск, 1949; Р. М. Раимов. 1905 г. в Башкирии; «Революционные события 1905 г. в г. Уфе и уральских заводах», Уфа, 1925 и др.

Всего в Уфимской губ. бастовало рабочих:

1. По данным фабрично-заводской инспекции	— 0,9 тыс.
2. Железнодорожников	— 9,4 „
3. Горнометаллургических	—14,8 „
4. Прочих	— 3,0 „
Итого	28,1 тыс.

Общее число рабочих Уфимской губернии — 57,7 тыс., следовательно, бастовало около 50%.

Общее число стачечников по Европейской России в горной и металлургической промышленности распределялось по губерниям следующим образом:

Таблица 12

Губернии	Число рабочих (в тысячах)	Губернии	Число рабочих (в тысячах)
Европейская Россия			
1. Вятская	5,7	**Польша**	
2. Донская обл.	25,4	1. Келецкая	1,9
3. Екатеринославская	71,6	2. Петроковская	30,0
4. Калужская	3,2	3. Радомская	4,5
5. Московская	2,5	Итого	36,4
6. Оренбургская	3,3	**Кавказ**	
7. Пермская	34,3	1. Бакинская	37,5
8. Подольская	1,2	2. Елизаветпольская	1,4
9. С.-Петербургская	18,0	3. Кутаисская	3,0
10. Таврическая	6,2	4. Ставропольская	1,5
11. Тульская	2,0	5. Терская обл.	6,0
12. Уфимская	14,8	6. Тифлисская	4,0
13. Херсонская	1,8	Итого	53,4
Итого	190,0	Всего	279,8

Общее число рабочих горной и металлургической промышленности в 1905 г. определяется приблизительно в 650 тыс. (по Европейской России). Таким образом, в стачечном движении из них принимали участие около 43%.

Общее число стачечников по Европейской России в фабрично-заводской, горной и металлургической промышленности, а также казенных и прочих предприятий, не находившихся под надзором фабрично-заводской инспекции, распределяется по губерниям следующим образом (см. табл. 13).

На основании тех же источников мы попытались определить приблизительное число стачечников по отдельным крупным промышленным центрам (табл. 14).

Таблица 13

Общее количество действительных стачечников по губерниям

Губернии	Число стачечников: по данным фабрично-заводской инспекции	на железнодорожном транспорте	в горно-металлургической промышленности	на казенных и прочих предприятиях	Всего
	в тысячах				
Европейская Россия					
1. Архангельская	0,04	1,4	—	—	1,4
2. Астраханская	5,7	1,1	—	—	6,8
3. Бессарабская	0,2	6,1	—	—	6,3
4. Виленская	6,9	7,9	—	—	14,8
5. Витебская	3,2	10,7	—	—	13,9
6. Владимирская	113,4	8,8	—	—	122,2
7. Вологодская	1,6	3,5	—	—	5,1
8. Волынская	2,3	14,5	—	—	16,8
9. Воронежская	0,8	14,2	—	—	15,0
10. Вятская	2,7	4,4	5,7	4,9	17,7
11. Гродненская	12,4	18,8	—	—	31,2
12. Донская обл.	8,7	26,0	25,4	6,1	66,2
13. Екатеринославская	21,5	35,7	71,6	—	128,8
14. Казанская	5,6	1,5	—	—	7,1
15. Калужская	2,4	7,0	3,2	3,8	16,4
16. Киевская	10,7	12,4	—	12,7	35,8
17. Ковенская	4,2	6,0	—	—	10,2
18. Костромская	43,3	1,2	—	—	44,5
19. Курляндская	8,8	5,6	—	2,1	16,5
20. Курская	2,6	12,6	—	—	15,2
21. Лифляндская	49,7	9,6	—	13,0	72,3
22. Минская	5,5	13,2	—	—	18,7
23. Могилевская	2,6	9,9	—	—	12,5
24. Московская	157,5	35,0	2,5	—	195,0
25. Нижегородская	21,3	4,5	—	11,0	36,8
26. Новгородская	5,1	6,9	—	—	12,0
27. Олонецкая	0	1,6	—	—	1,6
28. Оренбургская	0,1	1,6	3,3	—	5,0
29. Орловская	14,4	13,0	—	—	27,4
30. Пензенская	2,0	8,4	—	—	10,4
31. Пермская	4,6	10,8	34,3	—	49,7
32. Подольская	3,6	15,6	1,2	—	20,4
33. Полтавская	3,5	17,5	—	—	21,0
34. Псковская	0	6,1	—	—	6,1
35. Рязанская	9,2	7,7	—	—	16,9
36. Самарская	6,9	17,7	—	—	24,6
37. С.-Петербургская	132,4	20,3	18,0	19,1	189,8
38. Саратовская	12,6	14,9	—	—	27,5
39. Симбирская	1,4	5,0	—	—	6,4
40. Смоленская	6,2	10,5	—	—	16,8
41. Таврическая	2,3	10,8	6,2	3,0	22,3
42. Тамбовская	4,6	13,0	—	—	17,6
43. Тверская	19,6	10,9	—	—	30,5
44. Тульская	10,0	13,7	2,0	6,1	31,8
45. Уфимская	0,9	9,4	14,8	3,0	28,1
46. Харьковская	16,7	16,3	—	—	33,0
47. Херсонская	19,4	25,3	1,8	25,6	72,1
48. Черниговская	6,1	9,3	—	—	15,4
49. Эстляндская	12,9	5,1	—	2,2	20,2
50. Ярославская	23,7	3,2	—	—	26,9
Итого	811,8	546,3	190,0	112,6	1 660,7

Таблица 13 (продолжение)

Губернии	Число стачечников				
	по данным фабрично-заводской инспекции	на железнодорожном транспорте	в горно-металлургической промышленности	на казенных и прочих предприятиях	Всего
	(в тысячах)				
Польша					
1. Варшавская	70,0	12,0	—	—	82,0
2. Калишская	6,4	1,5	—	—	7,9
3. Келецкая	2,1	2,6	1,9	—	6,6
4. Ломжинская	0,5	4,6	—	—	5,1
5. Люблинская	5,4	3,4	—	—	8,8
6. Петроковская	115,5	8,5	30,0	—	154,0
7. Плоцкая	0,3	0,7	—	—	1,0
8. Радомская	4,8	3,2	4,5	—	12,5
9. Сувалкская	0,5	3,3	—	—	3,8
10. Седлецкая	1,9	7,0	—	—	8,9
Итого	207,4	46,8	36,4	—	290,6
Кавказ					
1. Бакинская	10,2	6,8	37,5	—	54,5
2. Батумская обл.	4,1	1,4	—	—	5,5
3. Дагестанская обл.	—	2,7	—	—	2,7
4. Елизаветпольская	—	2,1	1,4	—	3,5
5. Карская обл.	—	0,8	—	—	0,8
6. Кубанская обл.	—	10,9	—	5,9	16,8
7. Кутаисская	0,2	3,6	3,0	—	6,8
8. Ставропольская	—	2,4	1,5	1,1	5,0
9. Терская обл.	—	4,7	6,0	2,2	12,9
10. Тифлисская	5,5	5,1	4,0	—	14,6
11. Черноморская	0,5	1,1	—	5,1	6,7
12. Эриванская	—	5,7	—	—	5,7
Итого	20,5	47,3	53,4	14,3	135,5
Всего по России	1 039,7	640,4	279,8	126,9	2086,8

Количество действительных стачечников в промышленных центрах (в порядке убывающего количества)

Таблица 14

Промышленные центры	Число стачечников (в тысячах)	Промышленные центры	Число стачечников (в тысячах)
1. Петербург	129,0	12. Макеевка	18,5
2. Москва	100,0	13. Тезино	15,5
3. Лодзь и Пабианице	100,0	14. Богородск	14,5
4. Рига	42,0	15. Ярославль	13,8
5. Баку	40,0	16. Сормово	13,5
6. Варшава	36,8	17. Ростов-на-Дону	13,2
7. Сосновицы	30,0	18. Нижний Новгород	12,4
8. Одесса	30,0	19. Шуя	12,0
9. Иваново-Вознесенск	28,0	20. Ревель	12,0
10. Юзовка	20,6	21. Кадиевка	11,8
11. Орехово-Зуево	0,20	22. Николаев	11,5

Таблица 14 (продолжение)

Промышленные центры	Число стачечников (в тысячах)	Промышленные центры	Число стачечников (в тысячах)
23. Грозный	11,2	52. Тверь	5,0
24. Екатеринослав	11,0	53. Уфа	4,8
25. Енакиево	10,8	54. Севастополь	4,5
26. Харьков	10,4	55. Горловка	4,5
27. Нарва	10,0	56. Вильно	4,5
28. Кострома	10,0	57. Рутченково	4,4
29. Тула	10,0	58. Алаверды	4,0
30. Киев	8,5	59. Батум	4,0
31. Егорьевск	8,5	60. Царицын	4,0
32. Кинешма	8,0	61. Пермь	4,0
33. Мариуполь и Сартана	7,8	62. Ковров	4,0
34. Мотовилиха	7,2	63. Саратов	3,8
35. Кривой Рог	7,0	64. Либава	3,8
36. Луганск	7,0	65. Юрюзанский завод	3,6
37. Златоуст	7,0	66. Витебск	3,5
38. Владимир	7,0	67. Ковно	3,5
39. Александровск-Грушевский	6,5	68. Астрахань	3,5
40. Таганрог	6,0	69. Керчь	3,5
41. Шербиновка	5,6	70. Орел	3,2
42. Белосток	5,6	71. Сысертский завод	3,2
43. Голубовка	5,4	72. Брест	3,2
44. Екатеринбург	5,4	73. Нижне-Тагильский	3,2
45. Серпухов	5,2	74. Боково	3,0
46. Воткинский завод	5,0	75. Катав-Ивановский завод	3,0
47. Ижевский завод	5,0	76. Лысьвенский завод	2,0
48. Самара	5,0	77. Надеждинский завод	2,0
49. Харцызская	5,0		
50. Новороссийск	5,0	Итого	1031,9
51. Тифлис	5,0		

ПОДСЧЕТ ПОВТОРНЫХ СТАТЕЧНИКОВ

Повторные стачечники не поддаются сколько-нибудь точному подсчету. Определить их общее число и распределить по губерниям можно только весьма приблизительно, основываясь на догадках и предположениях.

Общее число повторных стачечников В. Е. Варзар определяет в 2863,4 тыс. человек (с поправкой по Варшавской губ.).

Что касается стачечников горнозаводской промышленности, казенных предприятий, железнодорожного транспорта, а также некоторых губерний и областей Кавказа, то наши источники никаких цифровых данных об их количестве не содержат. Правда, в источниках есть сведения о повторных стачках на некоторых предприятиях, но сведений этих так мало, что мы решили пренебречь ими, дабы не нарушать единого метода подсчета, принятого нами для определения числа повторных стачечников. Метод же, принятый нами, заключается в следующем. Определяя число повторных стачечников, мы исходили из общей тенденции стачечного движения в каждой губернии. А именно, на основании данных В. Е. Варзара мы определяем, во сколько раз число повторных стачечников превышает число действительных стачечников в каждой губернии. Общая же тенденция стачечного движения, заключающаяся в том, что массовыми, одновременными стачками охватываются предприятия, сосредоточенные

Таблица 15

Вычисление коэффициента повторных стачек

Губернии	Число стачечников (в тысячах): действительных	Число стачечников (в тысячах): повторных	Коэффициент
Европейская Россия			
1. Архангельская	0,04	0,04	1,0
2. Астраханская	5,7	8,1	1,4
3. Бессарабская	0,2	0,1	1,0
4. Виленская	6,9	16,1	2,4
5. Витебская	3,2	10,8	3,3
6. Владимирская	113,4	155,2	1,4
7. Вологодская	1,6	1,6	1,0
8. Волынская	2,3	1,7	1,0
9. Воронежская	0,8	1,1	1,6
10. Вятская	2,7	2,3	1,2
11. Гродненская	12,4	49,5	4,0
12. Донская обл.	8,7	9,2	1,0
13. Екатеринославская	21,5	40,9	1,8
14. Казанская	5,6	13,1	2,3
15. Калужская	2,4	2,8	1,1
16. Киевская	10,7	9,8	1,0
17. Ковенская	4,2	9,2	2,2
18. Костромская	43,3	48,3	1,1
19. Курляндская	8,8	48,0	5,5
20. Курская	2,6	2,3	1,0
21. Лифляндская	49,7	268,6	5,4
22. Минская	5,5	15,9	2,9
23. Могилевская	2,6	2,7	1,0
24. Московская	157,5	276,6	1,8
25. Нижегородская	21,3	47,8	2,2
26. Новгородская	5,1	4,0	1,0
27. Олонецкая	0	0	1,0
28. Оренбургская	0,1	0,1	1,0
29. Орловская	14,4	14,7	1,0
30. Пензенская	2,0	1,4	1,0
31. Пермская	4,6	5,1	1,1
32. Подольская	3,6	2,7	1,0
33. Полтавская	3,5	6,3	1,8
34. Псковская	0	0	1,0
35. Рязанская	9,2	10,0	1,1
36. Самарская	6,9	12,7	1,8
37. С.-Петербургская	132,4	627,8	4,7
38. Саратовская	12,6	23,7	1,9
39. Симбирская	1,4	0,8	1,0
40. Смоленская	6,2	6,1	1,0
41. Таврическая	2,3	4,6	2,1
42. Тамбовская	4,6	3,3	1,0
43. Тверская	19,6	25,7	1,3
44. Тульская	10,0	12,1	1,3
45. Уфимская	0,9	0,6	1,0
46. Харьковская	16,7	45,1	2,7
47. Херсонская	19,4	20,8	1,1
48. Черниговская	6,1	6,0	1,0
49. Эстляндская	12,9	48,7	3,8
50. Ярославская	23,7	42,2	1,4
Итого	811,8	1966,2	2,4
Польша			
1. Варшавская	70,0	178,1	2,5
2. Калишская	6,4	25,8	4,1
3. Келецкая	2,1	3,4	1,5
4. Ломжинская	0,5	0,7	1,4
5. Люблинская	5,4	10,5	1,9
6. Петроковская	115,5	565,3	4,9
7. Плоцкая	0,3	0,8	2,7
8. Радомская	4,8	23,2	4,8
9. Сувалкская	0,5	0,8	1,6
10. Седлецкая	1,9	3,2	1,7
Итого	207,4	811,8	3,6
Кавказ			
1. Бакинская	10,2	50,9	5,0
2. Батумская обл.	4,1	13,5	3,3
3. Дагестанская	—	—	1,0
4. Елизаветпольская	—	—	1,0
5. Карская обл.	—	—	1,0
6. Кубанская обл.	—	—	1,0
7. Кутаисская	0,2	0,2	1,0
8. Ставропольская	—	—	1,0
9. Терская обл.	—	—	1,0
10. Тифлисская	5,5	19,9	3,6
11. Черноморская	0,5	0,9	1,8
12. Эриванская	—	—	1,0
Итого	20,5	85,4	4,2
Всего	1039,7	2863,4	2,7

территориально (подробнее об этом ниже), дает нам основание считать этот метод приемлемым. Отношение числа повторных стачечников к числу действительных в каждой губернии (и то и другое по Варзару) мы принимаем за коэффициент повторных стачек в данной губернии. Для губерний, перечисленых в табл. 3, а также для некоторых губерний и областей Кавказа, по которым нет сведений у В. Е. Варзара, мы принимаем коэффициент, равный единице, как наименьший.

В табл. 15 вычислен коэффициент повторных стачек.

Далее, исходя из предпосылки, что стачечное движение фабрично-заводских рабочих охватывало и рабочих других отраслей промышленности, мы число действительных стачечников каждой категории в каждой губернии (полученное в результате наших подсчетов) умножали на коэффициент повторных стачек данной губернии и получали число повторных стачечников. Конечно, рассчитывать на получение точных цифр не приходится, но во всяком случае мы гарантированы от преувеличения. Действительно, посмотрим, какой процент повторных стачечников от общего числа стачечников и от общего числа рабочих дали различные категории рабочих (табл. 16) [26].

Таблица 16

Общее количество рабочих и повторных стачечников по группам производства

Категории рабочих	Общее число рабочих		Число повторных стачечников	
	(в тысячах)	%	(в тысячах)	%
Текстильщики (I, II, III, IV, V группы производства)	694,1	42,0	1269,5	46,8
Металлисты (VIII группа производства) . . .	269,5	16,4	736,1	27,2
Прочие (VI, VII, IX, X, XI, XII группы производства)	688,4	41,6	704,1	26,0
Итого . . .	1652,0	100,0	2709,7	100,0

Из табл. 16 видно, что текстильщики, составляя 42,0% общего числа рабочих, дали 46,8% повторных стачечников (соотношение 1,1 : 1), металлисты, составляя 16,4% от общего числа рабочих, дали 27,2% повторных стачечников (1,6 : 1) и прочие, составляя 41,6% от общего числа, дали 26,0% стачечников (0,6 : 1). Ясно, что металлисты в стачечном движении являлись наиболее активным отрядом рабочего класса. Определяемое нами методом коэффициента число повторных стачечников состоит главным образом из металлистов как горнометаллургической промышленности, так и казенных и прочих предприятий. Все это дает нам основание считать, что цифры, полученные нами данным методом, не будут преувеличенными как в общероссийском масштабе, так и в масштабе отдельных губерний.

Табл. 17 дает учет повторных стачечников горнометаллургической промышленности, казенных и прочих предприятий.

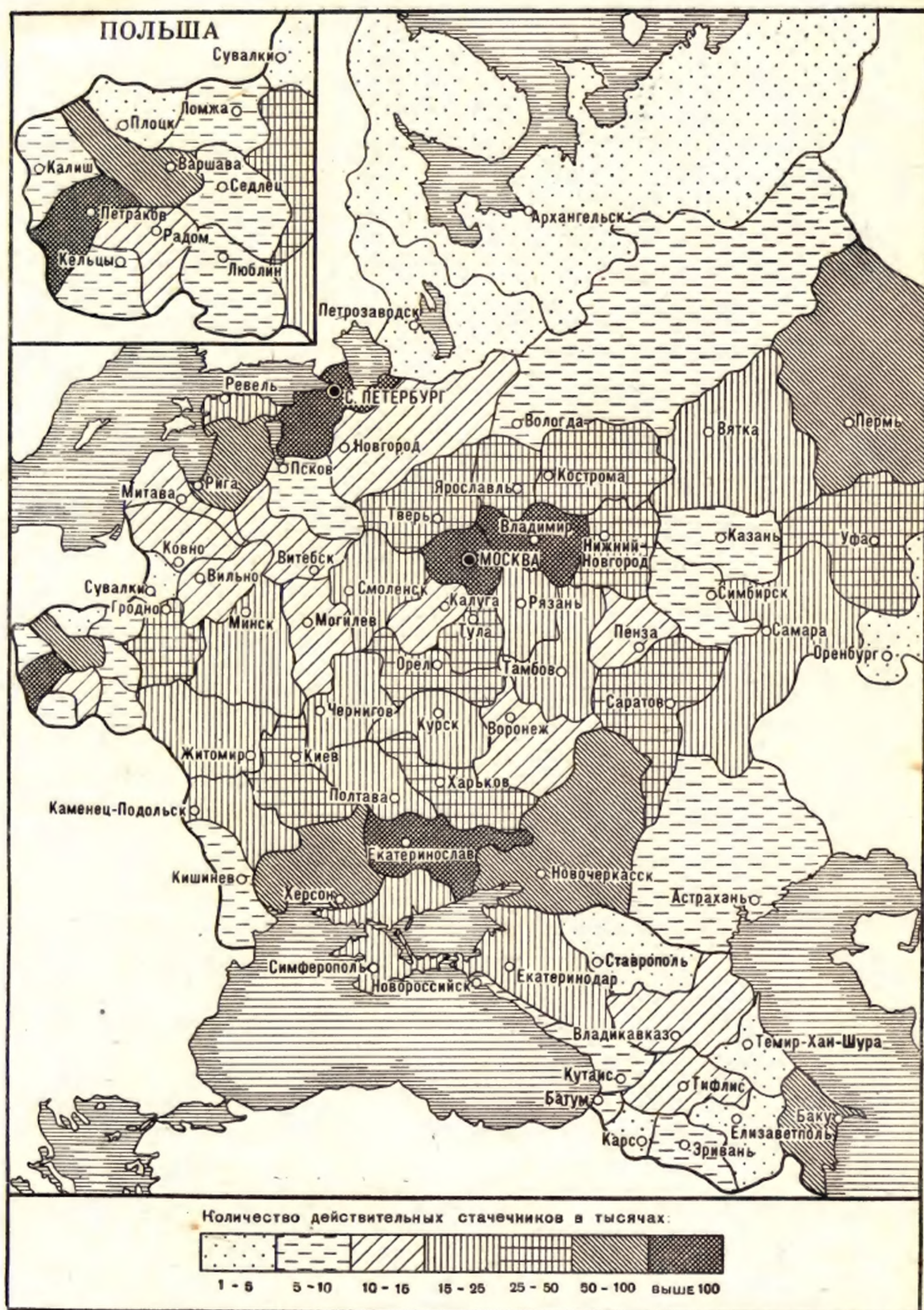
В этой таблице у нас вызывают сомнения полученные цифры по Донской области, Киевской и Херсонской губерниям. Все наши источ-

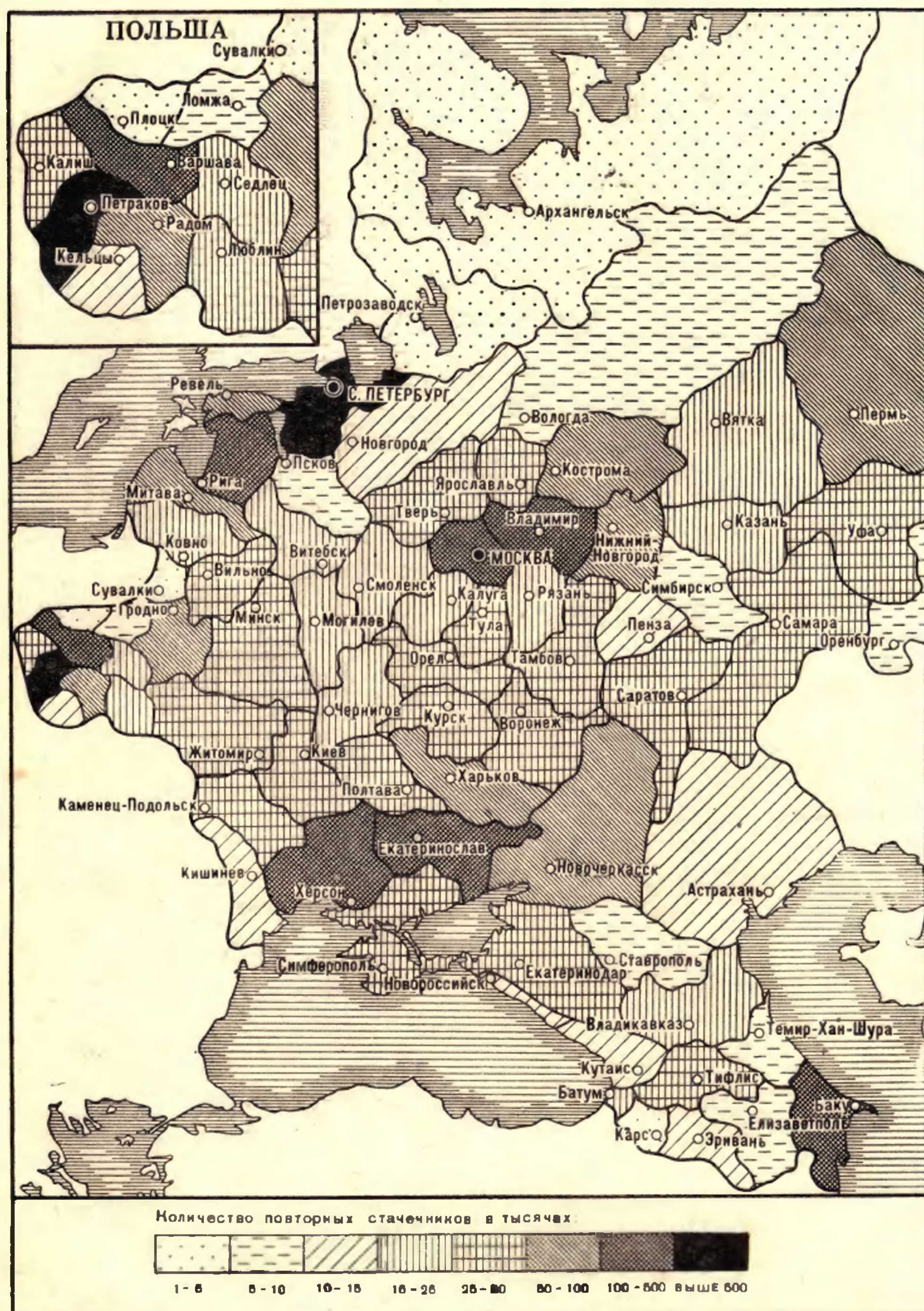
[26] Таблица составлена по данным В. Е. Варзара без поправки по Варшавской губ.

Таблица 17

Количество стачечников в горнометаллургической промышленности, на казенных и прочих предприятиях

Губернии	Коэффициент	Число стачечников: действительных	повторных	действительных	повторных
		в горнометаллургической промышленности		на казенных и прочих предприятиях	
		(в тысячах)			
Европейская Россия					
1. Вятская	1,2	5,7	6,8	4,9	5,9
2. Донская обл.	1,0	25,4	35,4	6,1	6,1
3. Екатеринославская	1,8	71,6	128,9	—	—
4. Калужская	1,1	3,2	3,5	3,8	4,2
5. Киевская	1,0	—	—	12,7	12,7
6. Курляндская	5,5	—	—	2,1	11,5
7. Лифляндская	5,4	—	—	13,0	70,2
8. Московская	1,8	2,5	4,5	—	—
9. Нижегородская	2,2	—	—	11,0	24,2
10. Оренбургская	1,0	3,3	3,3	—	—
11. Пермская	1,1	34,3	37,7	—	—
12. Подольская	1,0	1,2	1,2	—	—
13. С.-Петербургская	4,7	18,0	84,6	19,1	89,8
14. Таврическая	2,1	6,2	13,0	3,0	6,3
15. Тульская	1,3	2,0	2,6	6,1	7,9
16. Уфимская	1,0	14,8	14,8	3,0	3,0
17. Херсонская	1,1	1,8	2,0	25,6	28,2
18. Эстляндская	3,8	—	—	2,2	8,4
Итого		190,0	338,3	112,6	278,4
Польша					
1. Келецкая	1,5	1,9	2,8	—	—
2. Петроковская	4,9	30,0	147,0	—	—
3. Радомская	4,8	4,5	21,6	—	—
Итого		36,4	171,4		
Кавказ					
1. Бакинская	5,0	37,5	187,5	—	—
2. Елизаветпольская	1,0	1,4	1,4	—	—
3. Кубанская обл.	1,0	—	—	5,9	5,9
4. Кутаисская	1,0	3,0	3,0	—	—
5. Ставропольская	1,0	1,5	1,5	1,1	1,1
6. Терская обл.	1,0	6,0	6,0	2,2	2,2
7. Тифлисская	3,6	4,0	14,4	—	—
8. Черноморская	1,8	—	—	5,1	9,2
Итого		53,4	213,8	14,3	18,4
Всего		279,8	723,5	126,9	296,8

ПОЛЬША
Сувалки
Ломжа
Плоцк
Калиш
Варшава
Седлец
Петраков
Радом
Кельцы
Люблин
Петрозаводск
Архангельск
Ревель
С. ПЕТЕРБУРГ
Вологда
Вятка
Пермь
Новгород
Псков
Рига
Митава
Кострома
Ярославль
Тверь
Владимир
Нижний-Новгород
Казань
Уфа
МОСКВА
Ковно
Вильно
Витебск
Смоленск
Сувалки
Гродно
Минск
Могилев
Калуга
Рязань
Тула
Симбирск
Самара
Пенза
Оренбург
Орел
Тамбов
Саратов
Чернигов
Курск
Воронеж
Житомир
Киев
Харьков
Полтава
Каменец-Подольск
Екатеринослав
Кишинев
Новочеркасск
Херсон
Астрахань
Симферополь
Новороссийск
Екатеринодар
Ставрополь
Владикавказ
Темир-Хан-Шура
Кутаис
Тифлис
Батум
Баку
Елизаветполь
Карс
Эривань
Количество действительных стачечников в тысячах:
1 - 5
5 - 10
10 - 15
15 - 25
25 - 50
50 - 100
выше 100

ПОЛЬША
Сувалки
Ломжа
Плоцк
Калиш
Варшава
Седлец
Петраков
Радом
Кельцы
Люблин
Петрозаводск
Архангельск
Ревель
С. ПЕТЕРБУРГ
Вологда
Вятка
Пермь
Новгород
Псков
Рига
Митава
Кострома
Ярославль
Тверь
Владимир
Нижний-Новгород
Казань
Уфа
Ковно
Вильно
Витебск
МОСКВА
Смоленск
Симбирск
Сувалки
Гродно
Минск
Могилев
Калуга
Тула
Рязань
Пенза
Самара
Оренбург
Орел
Тамбов
Саратов
Чернигов
Курск
Воронеж
Житомир
Киев
Харьков
Полтава
Каменец-Подольск
Екатеринослав
Новочеркасск
Астрахань
Кишинев
Херсон
Симферополь
Новороссийск
Екатеринодар
Ставрополь
Владикавказ
Темир-Хан-Шура
Кутаис
Батум
Тифлис
Баку
Елизаветполь
Карс
Эривань
Количество повторных стачечников в тысячах
1 - 5
5 - 10
10 - 15
15 - 25
25 - 50
50 - 100
100 - 500
выше 500

ники свидетельствуют о неоднократных повторных стачках на некоторых предприятиях в данных губерниях. Ясно, что коэффициент повторных стачек для них выше единицы. Учитывая общую тенденцию стачечного движения на Юге России и принимая во внимание коэффициент Екатеринославской (1,8), Полтавской (1,8), Таврической (2,1) и Харьковской (2,7) губерний, мы приблизительно определяем коэффициент для Донской области, Киевской и Херсонской губерний равный двум. Тогда мы получаем следующие цифры по данным губерниям (табл. 18).

Таблица 18

Губернии	Коэффициент	Число стачечников			
		действительных	повторных	действительных	повторных
		в горнометаллургической промышленности		на казенных и прочих предприятиях	
		(в тысячах)			
1. Донская обл.	2,0	25,4	50,8	6,1	12,2
2. Киевская	2,0	—	—	12,7	25,4
3. Херсонская	2,0	1,8	3,6	25,6	51,2
Всего		27,2	54,4	44,4	88,8

Цифры данной таблицы мы не включаем в наши сводные таблицы, дабы не нарушать принятого метода, но отмечаем, что общая цифра увеличивается на 71,6 тыс. повторных стачечников.

Для подсчета повторных стачечников железнодорожного транспорта мы применили другой метод.

Большинство железных дорог принимало участие в обеих всероссийских стачках. Некоторые железные дороги или отдельные линии принимали участие только в одной из всероссийских стачек (в октябрьской или в декабрьской). Для тех железных дорог, которые бастовали в октябре и декабре, мы принимали коэффициент равный двум, а для бастовавших только в октябре или только в декабре принимали коэффициент равный единице.

Только во всероссийской октябрьской стачке принимали участие следующие железные дороги по следующим линиям:

1. Виндаво-Рыбинская ж. д. на линиях: С.-Петербург — Витебск, Рыбинск — Псков, Чудово — Старая Русса;
2. Николаевская ж. д.— на всех линиях;
3. Пермская ж. д. на линиях: Кушва — Челябинск, Котлас — Вятка;
4. Риго-Орловская ж. д.— на всех линиях;
5. Рязано-Уральская ж. д. на линии Тамбов — Камышин;
6. Северо-Западные ж. д. на линиях: Тосно — Балтийский порт, С.-Петербург — Белосток, Тапс — Рига, Ландворово — Вержболово, Ораны — Сувалки — Гродно;
7. Сызрано-Вяземская ж. д.— на всех линиях;
8. Ташкентская ж. д. на линии Кинель — Оренбург;
9. Юго-Восточные ж. д. на линиях: Орел — Царицын, Царицын — Лихая.

Все перечисленные линии не принимали участия в декабрьской всероссийской стачке.

Таблица 19

Железные дороги и губернии	Число рабочих (в тысячах)
1. Виндаво-Рыбинск. ж. д.	
Витебская	1,1
Новгородская	2,0
Псковская	2,0
С.-Петербургская	5,0
Ярославская	0,6
Итого...	10,7
2. Либаво-Роменская ж. д.	
Минская	4,3
Могилевская	1,5
Итого...	5,8
3. Николаевская ж. д.	
Московская	4,4
Новгородская	4,9
С.-Петербургская	5,5
Смоленская	2,5
Тверская	8,5
Итого...	25,8
4. Пермская ж. д.	
Вологодская	1,8
Вятская	1,2
Пермская	5,4
Итого...	8,4
5. Риго-Орловская ж. д.	
Витебская	5,1
Курляндская	1,9
Лифляндская	3,4
Могилевская	4,3
Орловская	2,9
Смоленская	2,7
Итого...	20,3
6. Рязано-Уральская ж. д.	
Саратовская	2,8
Тамбовская	0,8
Итого...	3,6

Железные дороги и губернии	Число рабочих (в тысячах)
7. Северные ж. д.	
Архангельская	1,4
Вологодская	1,7
Олонецкая	1,6
Ярославская	0,6
Итого...	5,3
8. Северо-Западные ж. д.	
Виленская	4,5
Витебская	2,7
Гродненская	3,3
Ковенская	0,6
Курляндская	0,3
Лифляндская	6,2
Псковская	4,1
С.-Петербургская	9,8
Сувалкская	3,3
Эстляндская	5,1
Итого...	39,9
9. Сызрано-Вяземская ж. д.	
Калужская	2,2
Пензенская	3,7
Рязанская	2,6
Саратовская	1,1
Симбирская	1,4
Смоленская	0,8
Тамбовская	2,0
Тульская	4,3
Итого...	18,2
10. Ташкентская ж. д.	
Оренбургская	1,0
Самарская	1,5
Итого...	2,5
11. Юго-Восточные ж. д.	
Воронежская	4,2
Донская область	8,2
Орловская	1,5
Итого...	13,9
Всего...	154,4

Только в декабре бастовали следующие железные дороги на следующих линиях:

1. Либаво-Роменская ж. д. на линии Минск — Гомель;
2. Северная ж. д. на линии Ярославль — Архангельск.

В октябрьской стачке они участия не принимали.

Все остальные железные дороги принимали участие в обеих всероссийских стачках. Далее мы устанавливаем, по каким губерниям пролегали линии, бастовавшие один раз, и определяем, какое число рабочих этих линий приходилось на каждую губернию. При этих расчетах мы применяем метод, изложенный нами при описании подсчета действительных стачечников железнодорожного транспорта (табл. 19).

Далее мы сводим стачечников разных железных дорог, но пролегающих по одной и той же губернии, и получаем размещение стачечников железнодорожного транспорта, бастовавших один раз по губерниям (табл. 20).

Следовательно, из общего числа действительных стачечников железнодорожного транспорта, определенного нами ранее в 640,4 тыс. человек по одному разу бастовало 154,4 тыс. Вычтя это число из общего числа действительных стачечников, получаем, что два раза бастовало 486,0 тыс. железнодорожников (640,4 — 154,4 = 486,0). Помножив это число на 2,

Таблица 20

Губернии	Число рабочих (в тысячах)	Губернии	Число рабочих (в тысячах)
1. Архангельская	1,4	23. Рязанская	2,6
2. Виленская	4,5	24. Самарская	1,5
3. Витебская	8,9	25. С.-Петербургская	20,3
4. Вологодская	3,5	26. Саратовская	3,9
5. Воронежская	4,2	27. Симбирская	1,4
6. Вятская	1,2	28. Смоленская	6,0
7. Гродненская	3,3	29. Тамбовская	2,8
8. Донская область	8,2	30. Тверская	8,5
9. Калужская	2,3	31. Тульская	4,3
10. Ковенская	0,6	32. Эстляндская	5,1
11. Курляндская	2,2	33. Ярославская	1,2
12. Лифляндская	9,6		
13. Минская	4,3	Итого . . .	151,1
14. Могилевская	5,8		
15. Московская	4,4	Польша	
16. Новгородская	6,9	1. Сувалкская	3,3
17. Олонецкая	1,6		
18. Оренбургская	1,0	Итого . . .	3,3
19. Орловская	4,4		
20. Пензенская	3,7		
21. Пермская	5,4		
22. Псковская	6,1	Всего . . .	154,4

получаем число повторных стачечников в 972,0 тыс. человек (486,0 × 2 = 972,0). Сложив число единичных стачечников с числом повторных, получаем общее число повторных (абсолютных) стачечников по всем железным дорогам Европейской России в 1126,4 человек (154,4 + 972,0 = 1126,4).

Производя такие же вычисления по каждой губернии в отдельности, получаем следующие данные (см. табл. 21).

В таблице 21 у нас вызывают сомнение полученные нами цифры по некоторым губерниям, особенно по губерниям Польши. Дело в том, что железнодорожники Польши принимали участие не только в обеих

Таблица 21

Количество повторных стачечников железнодорожного транспорта

Губернии	Число действительных стачечников			Число повторных стачечников обеих всероссийских стачек	Общее число стачечников в году
	бастовавших в течение года	принимавших участие только в одной из всероссийских стачек	принимавших участие в обеих всероссийских стачках		
	(в тысячах)				
Европейская Россия					
1. Архангельская	1,4	1,4	—	—	1,4
2. Астраханская	1,1	—	1,1	2,2	2,2
3. Бессарабская	6,1	—	6,1	12,2	12,2
4. Виленская	7,9	4,5	3,4	6,8	11,3
5. Витебская	10,7	8,9	1,8	3,6	12,5
6. Владимирская	8,8	—	8,8	17,6	17,6
7. Вологодская	3,5	3,5	—	—	3,5
8. Волынская	14,5	—	14,5	29,0	29,0
9. Воронежская	14,2	4,2	10,0	20,0	24,2
10. Вятская	4,4	1,2	3,2	6,4	7,6
11. Гродненская	18,8	3,3	15,5	31,0	34,3
12. Донская обл.	26,0	8,2	17,8	35,6	43,8
13. Екатеринославская	35,7	—	35,7	71,4	71,4
14. Казанская	1,5	—	1,5	3,0	3,0
15. Калужская	7,0	2,3	4,7	9,4	11,7
16. Киевская	12,4	—	12,4	24,8	24,8
17. Ковенская	6,0	0,6	5,4	10,8	11,4
18. Костромская	1,2	—	1,2	2,4	2,4
19. Курляндская	5,6	2,2	3,4	6,8	9,0
20. Курская	12,6	—	12,6	25,2	25,2
21. Лифляндская	9,6	9,6	—	—	9,6
22. Минская	13,2	4,3	8,9	17,8	22,1
23. Могилевская	9,9	5,8	4,1	8,2	14,0
24. Московская	35,0	4,4	30,6	61,2	65,6
25. Нижегородская	4,5	—	4,5	9,0	9,0
26. Новгородская	6,9	6,9	—	—	6,9
27. Олонецкая	1,6	1,6	—	—	1,6
28. Оренбургская	1,6	1,0	0,6	1,2	2,2
29. Орловская	13,0	4,4	8,6	17,2	21,6
30. Пензенская	8,4	3,7	4,7	9,4	13,1
31. Пермская	10,8	5,4	5,4	10,8	16,2
32. Подольская	15,6	—	15,6	31,2	31,2
33. Полтавская	17,5	—	17,5	35,0	35,0
34. Псковская	6,1	6,1	—	—	6,1
35. Рязанская	7,7	2,6	5,1	10,2	12,8
36. Самарская	17,7	1,5	16,2	32,4	33,9
37. С.-Петербургская	20,3	20,3	—	—	20,3
38. Саратовская	14,9	3,9	11,0	22,0	25,9
39. Симбирская	5,0	1,4	3,6	7,2	8,6
40. Смоленская	10,6	6,0	4,6	9,2	15,2
41. Таврическая	10,8	—	10,8	21,6	21,6
42. Тамбовская	13,0	2,8	10,2	20,4	23,2
43. Тверская	10,9	8,5	2,4	4,8	13,3
44. Тульская	13,7	4,3	9,4	18,8	23,1
45. Уфимская	9,4	—	9,4	18,8	18,8
46. Харьковская	16,3	—	16,3	32,6	32,6
47. Херсонская	25,3	—	25,3	50,6	50,6
48. Черниговская	9,3	—	9,3	18,6	18,6
49. Эстляндская	5,1	5,1	—	—	5,1
50. Ярославская	3,2	1,2	2,0	4,0	5,2
Итого	546,3	151,1	395,2	790,4	941,5

Таблица 21 (продолжение)

Губернии	Число действительных стачечников			Число повторных стачечников обеих всероссийских стачек	Общее число повторных стачечников в году
	бастовавших в течение года	принимавших участие только в одной из всероссийских стачек	принимавших участие в обеих всероссийских стачках		
	(в тысячах)				
Польша					
1. Варшавская	12,0	—	12,0	24,0	24,0
2. Калишская	1,5	—	1,5	3,0	3,0
3. Келецкая	2,6	—	2,6	5,2	5,2
4. Ломжинская	4,6	—	4,6	9,2	9,2
5. Люблинская	3,4	—	3,4	6,8	6,8
6. Петроковская	8,5	—	8,5	17,0	17,0
7. Плоцкая	0,7	—	0,7	1,4	1,4
8. Радомская	3,2	—	3,2	6,4	6,4
9. Сувалкская	3,3	3,3	—	—	3,3
10. Седлецкая	7,0	—	7,0	14,0	14,0
Итого	46,8	3,3	43,5	87,0	90,3
Кавказ					
1. Бакинская	6,8	—	6,8	13,6	13,6
2. Батумская область	1,4	—	1,4	2,8	2,8
3. Дагестанская область	2,7	—	2,7	5,4	5,4
4. Елизаветпольская	2,1	—	2,1	4,2	4,2
5. Карская область	0,8	—	0,8	1,6	1,6
6. Кубанская область	10,9	—	10,9	21,8	21,8
7. Кутаисская	3,6	—	3,6	7,2	7,2
8. Ставропольская	2,4	—	2,4	4,8	4,8
9. Терская	4,7	—	4,7	9,4	9,4
10. Тифлисская	5,1	—	5,1	10,2	10,2
11. Черноморская	1,1	—	1,1	2,2	2,2
12. Эриванская	5,7	—	5,7	11,4	11,4
Итого	47,3	—	47,3	94,6	94,6
Всего	640,4	154,4	486,0	972,0	1126,4

всероссийских стачках, но бастовали еще несколько раз, как, впрочем, и железнодорожники некоторых других губерний по отдельным линиям и узлам. Правда, эти стачки не носили такого массового характера, как всероссийские, но все же они несколько изменяют число стачечников по некоторым губерниям.

Поэтому для контроля и сравнения мы произвели подсчет повторных стачечников железнодорожного транспорта и методом коэффициента, т. е. действительное число стачечников мы умножали на коэффициент повторных стачек в каждой губернии. Полученные в результате этого подсчета цифры приведены в табл. 22.

Таким образом, общее число повторных стачечников железнодорожного транспорта, полученное методом коэффициента, на 88,9 тыс. человек превышает число, полученное методом подсчета по всероссийским стачкам, что составляет разницу в 7,4%.

Таблица 22

Подсчет повторных стачечников на ж.-д. транспорте методом коэффициента

Губернии	Коэффициент	Число стачечников: действительных	Число стачечников: повторных	Число стачечников по данным таблицы 21
		(в тысячах)		
Европейская Россия				
1. Архангельская	1,0	1,4	1,4	1,4
2. Астраханская	1,4	1,1	1,5	2,2
3. Бессарабская	1,0	6,1	6,1	12,2
4. Виленская	2,4	7,9	20,0	11,3
5. Витебская	3,3	10,7	35,3	12,5
6. Владимирская	1,4	8,8	12,3	17,6
7. Вологодская	1,0	3,5	3,5	3,5
8. Волынская	1,0	14,5	14,5	29,0
9. Воронежская	1,6	14,2	22,7	24,2
10. Вятская	1,2	4,4	5,3	7,6
11. Гродненская	4,0	18,8	75,2	34,3
12. Донская обл.	1,0	26,0	26,0	43,8
13. Екатеринославская	1,8	35,7	64,3	71,4
14. Казанская	2,3	1,5	3,4	3,0
15. Калужская	1,1	7,0	7,7	11,7
16. Киевская	1,0	12,4	12,4	24,8
17. Ковенская	2,2	6,0	13,2	11,4
18. Костромская	1,1	1,2	1,3	2,4
19. Курляндская	5,5	5,6	25,3	9,0
20. Курская	1,0	12,6	12,6	25,2
21. Лифляндская	5,4	9,6	51,8	9,6
22. Минская	2,9	13,2	38,3	22,1
23. Могилевская	1,0	9,9	9,9	14,0
24. Московская	1,8	35,0	63,0	65,6
25. Нижегородская	2,2	4,5	9,9	9,0
26. Новгородская	1,0	6,9	6,9	6,9
27. Олонецкая	1,0	1,6	1,6	1,6
28. Оренбургская	1,0	1,6	1,6	2,2
29. Орловская	1,0	13,0	13,0	21,6
30. Пензенская	1,0	8,4	8,4	13,1
31. Пермская	1,1	10,8	11,9	16,2
32. Подольская	1,0	15,6	15,6	31,2
33. Полтавская	1,8	17,5	31,5	35,0
34. Псковская	1,0	6,1	6,1	6,1
35. Рязанская	1,1	7,7	8,5	12,8
36. Самарская	1,8	17,7	32,0	33,9
37. С.-Петербургская	4,7	20,3	95,4	20,3
38. Саратовская	1,9	14,9	28,3	25,9
39. Симбирская	1,0	5,0	5,0	8,6
40. Смоленская	1,0	10,6	10,6	15,2
41. Таврическая	2,1	10,8	22,7	21,6
42. Тамбовская	1,0	13,0	13,0	23,2
43. Тверская	1,3	10,9	14,2	13,3
44. Тульская	1,3	13,7	17,8	23,1
45. Уфимская	1,0	9,4	9,4	18,8
46. Харьковская	2,7	16,3	44,0	32,6
47. Херсонская	1,1	25,3	27,8	50,6
48. Черниговская	1,0	9,3	9,3	18,6
49. Эстляндская	3,8	5,1	19,4	5,1
50. Ярославская	1,4	3,2	4,5	5,2
Итого	2,4	546,3	995,4	941,5

Таблица 22 (продолжение)

Губернии	Коэффициент	Число стачечников действительных (в тысячах)	Число стачечников повторных (в тысячах)	Число стачечников по данным таблицы 21
Польша				
1. Варшавская	2,5	12,0	30,0	24,0
2. Калишская	4,1	1,5	6,1	3,0
3. Келецкая	1,5	2,6	3,9	5,2
4. Ломжинская	1,4	4,6	6,4	9,1
5. Люблинская	1,9	3,4	5,6	6,7
6. Петроковская	4,9	8,5	41,6	17,0
7. Плоцкая	2,7	0,7	1,9	1,3
8. Радомская	4,8	3,2	15,3	6,5
9. Сувалкская	1,6	3,3	5,3	3,3
10. Седлецкая	1,7	7,0	11,9	14,2
Итого		46,8	128,0	90,3
Кавказ				
1. Бакинская	5,0	6,8	34,0	13,6
2. Батумская область	3,3	1,4	4,6	2,8
3. Дагестанская область	1,0	2,7	2,7	5,4
4. Елизаветпольская	1,0	2,1	2,1	4,2
5. Карская область	1,0	0,8	0,8	1,7
6. Кубанская область	1,0	10,9	10,9	21,7
7. Кутаисская	1,0	3,6	3,6	7,2
8. Ставропольская	1,0	2,4	2,4	4,8
9. Терская область	1,0	4,7	4,7	9,5
10. Тифлисская	3,6	5,1	18,4	10,2
11. Черноморская	1,8	1,1	2,0	2,2
12. Эриванская	1,0	5,7	5,7	11,3
Итого		47,3	91,9	94,6
Всего		640,4	1215,3	1126,4

Такая незначительная разница в общем итоге дает некоторое основание считать, что вообще применяемые нами методы имеют право на существование и общие наши расчеты дают приблизительно верные цифры.

Что касается отдельных губерний, то мы считаем, что метод коэффициента дал цифры, более близкие к действительным только по губерниям Польши, по которым мы получили увеличение повторных стачечников на 37,7 тыс. (128,0—90,3 = 37,7). Не внося эту цифру в наши сводные таблицы, чтобы не нарушать общего метода, мы берем ее на заметку.

Сводя все данные в общую таблицу, получаем следующие итоговые цифры повторных стачечников по Европейской России (табл. 23).

Прибавив к этим итоговым цифрам цифры, полученные нами в виде поправок к данным Донской области, Киевской и Херсонской губерний, по горнометаллургической промышленности и по казенным и прочим предприятиям, а также к цифрам губерний Польши по железнодорожному транспорту, — получим следующее число повторных стачечников (табл. 24).

Таблица 23

Общее количество повторных стачечников по губерниям

Губернии	Число стачечников				Всего
	по данным фабрично-заводской инспекции	на железнодорожном транспорте	в горнометаллургической промышленности	на казенных и прочих предприятиях	
	(в тысячах)				
Европейская Россия					
1. Архангельская	0,04	1,4	—	—	1,4
2. Астраханская	8,1	2,2	—	—	10,3
3. Бессарабская	0,1	12,2	—	—	12,3
4. Виленская	16,1	11,3	—	—	27,4
5. Витебская	10,8	12,5	—	—	23,3
6. Владимирская	155,2	17,6	—	—	172,8
7. Вологодская	1,6	3,5	—	—	5,1
8. Волынская	1,7	29,0	—	—	30,7
9. Воронежская	1,1	24,2	—	—	25,3
10. Вятская	2,3	7,6	6,8	5,9	22,6
11. Гродненская	49,5	34,3	—	—	83,8
12. Донская область	9,2	43,8	35,4	6,1	94,5
13. Екатеринославская	40,9	71,4	128,9	—	241,2
14. Казанская	13,1	3,0	—	—	16,1
15. Калужская	2,8	11,7	3,5	4,2	22,2
16. Киевская	9,8	24,8	—	12,7	47,3
17. Ковенская	9,2	11,4	—	—	20,6
18. Костромская	48,3	2,4	—	—	50,7
19. Курляндская	48,0	9,0	—	11,5	68,5
20. Курская	2,3	25,2	—	—	27,5
21. Лифляндская	268,6	9,6	—	70,2	348,4
22. Минская	15,9	22,1	—	—	38,0
23. Могилевская	2,7	14,0	—	—	16,7
24. Московская	276,6	65,6	4,5	—	346,7
25. Нижегородская	47,8	9,0	—	24,2	81,0
26. Новгородская	4,0	6,9	—	—	10,9
27. Олонецкая	—	1,6	—	—	1,6
28. Оренбургская	0,1	2,2	3,3	—	5,6
29. Орловская	14,7	21,6	—	—	36,3
30. Пензенская	1,4	13,1	—	—	14,5
31. Пермская	5,1	16,2	37,7	—	59,0
32. Подольская	2,7	31,2	1,2	—	35,1
33. Полтавская	6,3	35,0	—	—	41,3
34. Псковская	—	6,1	—	—	6,1
35. Рязанская	10,0	12,8	—	—	22,8
36. Самарская	12,7	33,9	—	—	46,6
37. С.-Петербургская	627,8	20,3	84,6	89,8	822,5
38. Саратовская	23,7	25,9	—	—	49,6
39. Симбирская	0,8	8,6	—	—	9,4
40. Смоленская	6,1	15,2	—	—	21,3
41. Таврическая	4,6	21,6	13,0	6,3	45,5
42. Тамбовская	3,3	23,2	—	—	26,5
43. Тверская	25,7	13,3	—	—	39,0
44. Тульская	12,1	23,1	2,6	7,9	45,7
45. Уфимская	0,6	18,8	14,8	3,0	37,2
46. Харьковская	45,1	32,6	—	—	77,7
47. Херсонская	20,8	50,6	2,0	28,2	101,6
48. Черниговская	6,0	18,6	—	—	24,6
49. Эстляндская	48,7	5,1	—	8,4	62,2
50. Ярославская	42,2	5,2	—	—	47,4
Итого	1966,2	941,5	338,3	278,4	3524,4

Таблица 23 (продолжение)

Губернии	Число стачечников				
	по данным фабрично-заводской инспекции	на железнодорожном транспорте	в горнометаллургической промышленности	на казенных и прочих предприятиях	Всего
	(в тысячах)				
Польша					
1. Варшавская	178,1	24,0	—	—	202,1
2. Калишская	25,8	3,0	—	—	28,8
3. Келецкая	3,4	5,2	2,8	—	11,4
4. Ломжинская	0,7	9,2	—	—	9,9
5. Люблинская	10,5	6,8	—	—	17,3
6. Петроковская	565,3	17,0	147,0	—	729,3
7. Плоцкая	0,8	1,4	—	—	2,2
8. Радомская	23,2	6,4	21,6	—	51,2
9. Сувалкская	0,8	3,3	—	—	4,1
10. Седлецкая	3,2	14,0	—	—	17,2
Итого...	811,8	90,3	171,4	—	1073,5
Кавказ					
1. Бакинская	50,9	13,6	187,5	—	252,0
2. Батумская обл.	13,5	2,8	—	—	16,3
3. Дагестанская обл.	—	5,4	—	—	5,4
4. Елизаветпольская	—	4,2	1,4	—	5,6
5. Карская область	—	1,6	—	—	1,6
6. Кубанская область	—	21,8	—	5,9	27,7
7. Кутаисская	0,2	7,2	3,0	—	10,4
8. Ставропольская	—	4,8	1,5	1,1	7,4
9. Терская область	—	9,4	6,0	2,2	17,6
10. Тифлисская	19,9	10,2	14,4	—	44,5
11. Черноморская	0,9	2,2	—	9,2	12,3
12. Эриванская	—	11,4	—	—	11,4
Итого...	85,4	94,6	213,8	18,4	412,2
Всего...	2863,4	1126,4	723,5	296,8	5010,1

Таблица 24

Категории работы	Итоговые цифры таблицы 23	Цифры поправок	Итого
	(в тысячах)		
По данным фабрично-заводской инспекции	2863,4	—	2863,4
Железнодорожники	1126,4	37,7	1164,1
Горнометаллургические	723,5	27,2	750,7
Казенные и прочие	296,8	44,4	341,2
Всего...	5010,1	109,3	5119,4

Таблица 25

Сравнительная таблица общего количества действительных и повторных стачечников

Губернии	Число стачечников (в тысячах): действительных	Число стачечников (в тысячах): повторных	Губернии	Число стачечников (в тысячах): действительных	Число стачечников (в тысячах): повторных
Европейская Россия					
1. Архангельская	1,4	1,4	26. Новгородская	12,0	10,9*
2. Астраханская	6,8	10,3	27. Олонецкая	1,6	1,6
3. Бессарабская	6,3	12,3	28. Оренбургская	5,0	5,6
4. Виленская	14,8	27,4	29. Орловская	27,4	36,3
5. Витебская	13,9	23,3	30. Пензенская	10,4	14,5
6. Владимирская	122,2	172,8	31. Пермская	49,7	59,0
7. Вологодская	5,1	5,1	32. Подольская	20,4	35,1
8. Волынская	16,8	30,7	33. Полтавская	21,0	41,3
9. Воронежская	15,0	25,3	34. Псковская	6,1	6,1
10. Вятская	17,7	22,6	35. Рязанская	16,9	22,8
11. Гродненская	31,2	83,8	36. Самарская	24,6	46,6
12. Донская обл.	66,2	94,5	37. С.-Петербургская	189,8	822,5
13. Екатеринославская	128,8	241,2	38. Саратовская	27,5	49,6
14. Казанская	7,1	16,1	39. Симбирская	6,4	9,4
15. Калужская	16,4	22,2	40. Смоленская	16,8	21,3
16. Киевская	35,8	47,3	41. Таврическая	22,3	45,5
17. Ковенская	10,2	20,6	42. Тамбовская	17,6	26,5
18. Костромская	44,5	50,7	43. Тверская	30,5	39,0
19. Курляндская	16,5	68,5	44. Тульская	31,8	45,7
20. Курская	15,2	27,5	45. Уфимская	28,1	37,2
21. Лифляндская	72,3	348,4	46. Харьковская	33,0	77,7
22. Минская	18,7	38,0	47. Херсонская	72,1	101,6
23. Могилевская	12,5	16,7	48. Черниговская	15,4	24,6
24. Московская	195,0	346,7	49. Эстляндская	20,2	62,2
25. Нижегородская	36,8	81,0	50. Ярославская	26,9	47,4
			Итого	1660,7	3524,4
Польша					
1. Варшавская	82,0	202,1	6. Петроковская	154,0	729,3
2. Калишская	7,9	28,8	7. Плоцкая	1,0	2,2
3. Келецкая	6,6	11,4	8. Радомская	12,5	51,2
4. Ломжинская	5,1	9,9	9. Сувалкская	3,8	4,1
5. Люблинская	8,8	17,3	10. Седлецкая	8,9	17,2
			Итого	290,6	1073,5
Кавказ					
1. Бакинская	54,5	252,0	7. Кутаисская	6,8	10,4
2. Батумская обл.	5,5	16,3	8. Ставропольская	5,0	7,4
3. Дагестанская обл.	2,7	5,4	9. Терская область	12,9	17,6
4. Елизаветпольская	3,5	5,6	10. Тифлисская	14,6	44,5
5. Карская обл.	0,8	1,6	11. Черноморская	6,7	12,3
6. Кубанская обл.	16,8	27,7	12. Эриванская	5,7	11,4
			Итого	135,5	412,2
			Всего	2086,8	5010,1

* Цифра повторных стачечников (10,9) меньше цифры действительных (12,0). Такое несоответствие получилось в силу того, что у В. Е. Варзара по некоторым губерниям цифра повторных стачечников ниже цифр действительных, на что мы уже указывали выше (см. табл. 3). В наших таблицах это несоответствие коснулось только Новгородской губ., потому что в других губерниях бастовали рабочие других категорий, а в Новгородской таких не оказалось, железнодорожники же пролегающих по Новгородской губ. линий бастовали только один раз.

Таким образом, общее число повторных стачечников мы устанавливаем в пределах от 5010,1 тыс. до 5119,4 тыс. человек. Табл. 25 дает сравнение общего числа действительных и повторных стачечников.

В работе В. Е. Варзара действительные стачечники не распределены по группам производства; это сделано только в отношении повторных стачечников. Нет также у него и распределения общего числа рабочих по группам производства в пределах губерний.

Чтобы распределить стачечников по группам производства, мы прибегаем к другому источнику[27]. В нем общее число рабочих распределяется по группам производства следующим образом (табл. 26).

Таблица 26

Общее распределение рабочих по группам производства

Группы производства	Число рабочих (в тысячах)
I. Обработка хлопка	416,5
II. Обработка шерсти	139,2
III. Обработка шелка	24,7
IV. Обработка льна, пеньки и джута	87,4
V. Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	25,5
VI. Писчебумажное и полиграфическое	75,9
VII. Механическая обработка дерева	76,5
VIII. Обработка металлов, производство машин и орудий	272,5
IX. Обработка минеральных веществ	131,0
X. Обработка животных продуктов	48,4
XI. Обработка пищевых и вкусовых продуктов	285,0
XII. Химическое производство	58,2
XIII. Не вошедшие в прочие группы	3,4
Всего...	1644,2

Не имея возможности определить число стачечников внутри каждой из перечисленных групп производства, мы объединяем их в три группы

1. Текстильщики (I, II, III, IV, V группы) . . . —693,3 тыс.
2. Металлисты (VIII группа) . . . . —272,5 »
3. Прочие (VI, VII, IX, X, XI, XII, XIII) . . . —694,9 »

Всего . . . 1660,7 тыс.

Разница в итогах на 16,5 тыс. получилась потому, что число учтенных В. Е. Варзаром рабочих на 16,5 тыс. превышает число рабочих данной таблицы, и мы включили эту цифру в число прочих.

Чтобы распределить общее число действительных стачечников, данное В. Е. Варзаром, по нашим трем группам, мы определяем число стачечников, текстильщиков и металлистов в каждой губернии. Для этого

[27] Статистика несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабрично-заводской инспекции за 1905 г., СПб., 1907 г., табл. I.

Таблица 27

Количество действительных стачечников текстильщиков и металлистов по губерниям

Губернии	% стачечников от общего числа рабочих	Текстильщики: общее число рабочих	Текстильщики: число стачечников	Металлисты: общее число рабочих	Металлисты: число стачечников
		(в тысячах)			
Европейская Россия					
1. Архангельская	0,4	0,1	—	—	—
2. Астраханская	52,3	—	—	0,4	0,2
3. Бессарабская	6,3	—	—	0,3	—
4. Виленская	81,4	0,5	0,4	0,8	0,6
5. Витебская	54,3	0,6	0,3	1,0	0,5
6. Владимирская	73,4	138,8	101,9	5,8	4,3
7. Вологодская	26,8	1,7	0,5	—	—
8. Волынская	12,4	0,3	—	0,4	—
9. Воронежская	7,9	—	—	1,3	0,1
10. Вятская	22,5	0,3	0,1	0,8	0,2
11. Гродненская	79,9	8,9	7,1	0,8	0,6
12. Донская обл.	53,4	1,3	0,7	4,0	2,1
13. Екатеринославская	81,7	—	—	16,0	13,1
14. Казанская	33,1	6,8	2,2	0,5	0,2
15. Калужская	25,9	1,7	0,4	—	—
16. Киевская	17,3	0,4	0,1	4,6	0,8
17. Ковенская	82,1	—	—	2,7	2,2
18. Костромская	65,5	65,4	42,8	0,9	0,6
19. Курляндская	77,8	0,9	0,7	3,1	2,4
20. Курская	14,4	1,4	0,2	1,8	0,3
21. Лифляндская	97,0	8,0	7,8	15,6	15,1
22. Минская	66,2	0,4	0,3	0,5	0,3
23. Могилевская	47,5	0,6	0,3	0,3	0,1
24. Московская	56,4	188,5	106,3	34,9	19,7
25. Нижегородская	76,2	4,3	3,3	14,6	11,1
26. Новгородская	35,8	0,8	0,3	0,3	0,1
27. Олонецкая	—	—	—	0,2	—
28. Оренбургская	3,4	—	—	0,3	—
29. Орловская	59,3	0,9	0,5	12,3	7,3
30. Пензенская	16,4	3,2	0,5	0,3	—
31. Пермская	21,5	2,8	0,6	9,1	2,0
32. Подольская	12,2	0,7	0,1	0,4	—
33. Полтавская	40,6	0,1	—	0,5	0,2
34. Псковская	—	0,6	—	0,1	—
35. Рязанская	52,5	14,2	7,4	0,5	0,3
36. Самарская	72,7	1,4	1,0	1,1	0,8
37. С.-Петербургская	85,9	31,6	27,1	49,7	42,7
38. Саратовская	61,2	3,3	2,0	5,3	3,2
39. Симбирская	10,0	11,1	1,1	—	—
40. Смоленская	54,8	5,6	3,1	0,2	0,1
41. Таврическая	32,9	—	—	3,0	1,0
42. Тамбовская	26,7	6,7	1,8	0,6	0,2
43. Тверская	63,0	18,7	11,8	3,1	2,0
44. Тульская	66,0	0,7	0,5	11,1	7,3
45. Уфимская	21,3	0,6	0,1	1,3	0,3
46. Харьковская	44,2	2,4	1,1	5,4	2,4
47. Херсонская	64,1	1,7	1,1	11,1	7,0
48. Черниговская	31,3	6,2	1,9	0,4	0,1
49. Эстляндская	84,8	7,6	6,4	2,9	2,5
50. Ярославская	72,6	20,3	14,7	0,7	0,5
Итого		572,1	358,5	231,0	154,5

Таблица 27 (продолжение)

Губернии	% стачечников от общего числа рабочих	Текстильщики		Металлисты	
		общее число рабочих	число стачечников	общее число рабочих	число стачечников
		(в тысячах)			
Польша					
1. Варшавская	100,0	15,8	15,8	18,9	18,9
2. Калишская	84,3	4,9	4,1	0,2	0,2
3. Келецкая	49,7	—	—	0,8	0,4
4. Ломжинская	27,6	0,4	0,1	—	—
5. Люблинская	72,1	—	—	1,0	0,7
6. Петроковская	95,1	98,3	93,5	10,0	9,5
7. Плоцкая	9,1	—	—	0,2	—
8. Радомская	78,9	—	—	1,9	1,5
9. Сувалкская	46,5	—	—	0,1	—
10. Седлецкая	71,3	—	—	0,2	0,1
Итого...		119,4	113,5	33,3	31,3
Кавказ					
1. Бакинская	84,0	1,2	1,0	2,9	2,4
2. Батумская обл.	82,4	—	—	4,7	3,9
3. Дагестанская обл.	—	—	—	—	—
4. Елизаветпольская	—	—	—	—	—
5. Карская обл.	—	—	—	—	—
6. Кубанская обл.	—	—	—	—	—
7. Кутаисская	89,1	0,1	0,1	—	—
8. Ставропольская	—	—	—	—	—
9. Терская обл.	—	—	—	—	—
10. Тифлисская	100,0	0,5	0,5	0,6	0,6
11. Черноморская	42,4	—	—	—	—
12. Эриванская	—	—	—	—	—
Итого...		1,8	1,6	8,2	6,9
Всего...		693,3	473,6	272,5	192,7

мы берем процент действительных стачечников от общего числа рабочих губернии (по таблицам В. Е. Варзара), условно считая, что процент бастовавших текстильщиков равен проценту всех бастовавших рабочих губернии [28]. Этим путем мы получаем цифры действительных стачечников-металлистов и текстильщиков по отдельным губерниям (табл. 27).

Принимая во внимание, что основная масса текстильщиков сосредоточена в нескольких губерниях, в которых они составляют подавляющее большинство рабочих, расположение наших цифр с действительными, возможное в силу условности расчетов, незначительно. Такой же расчет мы производим и в отношении металлистов.

[28] Например, во Владимирской губ. число текстильщиков в 1905 г. равняется 138,8 тыс. чел. Во Владимирской губ. бастовало 73,4% рабочих; 73,4% от 138,8 тыс. составляет 101,9 тыс.; следовательно, во Владимирской губ. бастовало 101,9 тыс. текстильщиков.

Таким образом, мы получаем 473,6 тыс. бастовавших текстильщиков и 192,7 тыс. бастовавших металлистов. Вычитая эти две цифры из общего числа стачечников (1039,7 тыс.), мы получаем число стачечников прочих групп производства:

1039,7 — (473 + 192,7) = 373,4 тыс.

Число действительных стачечников по группам производства приведено в табл. 28.

Таблица 28

Количество действительных стачечников по группам производства

Группы производства	Общее число рабочих (в тысячах)	Число действительных стачечников (в тысячах)	%
Текстильщики (I, II, III, IV, V группы)	693,3	473,6	69,6
Металлисты (VIII группа)	272,5	192,7	71,1
Прочие (VI, VII, IX, X, XI, XII, XIII и др.) . .	678,4	373,4	52,3
Всего . . .	1644,2	1039,7	62,0

Из табл. 28 видно, что наибольшее число стачечников дали текстильщики (473,6 тыс. человек), но по активности на первом месте стоят металлисты. Из общего числа текстильщиков бастовало 69,6%, а из общего числа металлистов — 71,1%.

К цифрам В. Е. Варзара мы добавляем цифры, полученные в результате наших подсчетов. Из 126,9 тыс. стачечников, учтенных нами по графе «казенные и прочие», около 108,0 тыс. приходятся на долю металлистов и около 18,9 тыс. на долю прочих (портовые рабочие, рабочие пороховых заводов и др.). Поэтому 108,0 тыс. из них мы включаем в число металлистов (металлообрабатывающей промышленности), а 18,9 тыс.— в число прочих. Общее число металлистов казенных и других предприятий, не состоявших под надзором фабрично-заводской инспекции, мы определяем приблизительно в 120 тыс. человек, подсчитав его по спискам фабрик и заводов Европейской России[29].

Таблица 29

Категории рабочих	Общее число рабочих (в тысячах)	Число действительных стачечников (в тысячах)	%
Железнодорожники	640,4	640,4	100,0
Металлисты (металлообрабатывающая промышленность)	120,0	108,0	90,0
Горнометаллургические	650,0	279,8	43,0
Прочие	—	18,9	—

[29] См. примеч. 21 на стр. 151.

На первом месте и по удельному весу и по активности стоят железнодорожники, давшие 640,4 тыс. действительных стачечников и 100,0% участников (табл. 29). Число стачечников горнометаллургической промышленности превышает в абсолютных цифрах число стачечников металлообрабатывающей промышленности, но по активности они стоят ниже. Следует учесть, что данные цифры не определяют активности горнометаллургических рабочих по всей Европейской России. Низкий, сравнительно с металлистами, процент стачечников горнометаллургических рабочих объясняется слабой активностью рабочих Урала.

Сравним активность горняков Урала с активностью горняков Юга России, Польши и Кавказа. За общее число горнометаллургических рабочих в данных районах мы принимаем цифры А. В. Погожева на 1902 г. (табл. 30).

Проценты данной таблицы следует несколько изменить: увеличить процент по Уралу за счет уменьшения общего числа рабочих с 1902 по 1905 г. и уменьшить процент по Югу России, Польше и Кавказу за счет увеличения общего числа рабочих за те же годы, но соотношение от этого изменится незначительно.

Таблица 30

Районы	Общее число рабочих (в тысячах)	Общее число действительных стачечников (в тысячах)	%
Урал	254,6	58,1	22,9
Юг России, Польша, Кавказ	241,0	196,0	81,3

Объединяя цифры В. Е. Варзара с цифрами, полученными в результате наших подсчетов, получаем следующие обобщенные цифры (табл. 31):

Таблица 31

Категории рабочих	Общее число рабочих (в тысячах)	Число действительных стачечников (в тысячах)	%
Железнодорожники	640,4	640,4	100,0
Металлисты	392,5	300,7	76,6
Текстильщики	693,3	473,6	68,3
Горнометаллургические	650,0	279,8	43,0
Прочие	694,9	392,3	56,4
Всего	3071,1	2086,8	67,9

Таблица составлена в последовательном порядке убывающей активности в стачечном движении данных категорий рабочих (кроме прочих).

Из таблицы видно, какой процент рабочих каждой категории принимал участие в стачках.

Табл. 32 характеризует удельный вес каждой категории рабочих в стачечном движении всего рабочего класса.

Таблица 32

Категории рабочих	Число действительных стачечников (в тысячах)	%
Железнодорожники	640,4	30,6
Текстильщики	473,6	22 6
Металлисты	300,7	14,4
Горнометаллургические	279,8	13,4
Прочие	392,3	19,0
Всего	2086,8	100,0

Таблица составлена в последовательном порядке убывающего числа стачечников данных категорий рабочих (кроме прочих). Из таблицы видно, какой процент стачечников от их общего числа дала каждая категория рабочих.

Таким образом, в результате нашей работы мы подсчитали 3071,1 тыс. рабочих (табл. 31), увеличив число учтенных В. Е. Варзаром рабочих на 1410,4 тыс. и определили общее число действительных стачечников в 2086,8 тыс. чел., увеличив число учтенных В. Е. Варзаром действительных стачечников на 1047,1 тыс. человек.

Распределение по группам производства повторных стачечников не требует дополнительных вычислений, поскольку В. Е. Варзар приводит это распределение в своих таблицах и остается только сложить его цифры с нашими. Табл. 33 составлена по данным В. Е. Варзара и в ней так же, как и в предыдущих, 12 групп производства объединены в три группы. Расхождение в итоговых цифрах данной таблицы с данными готовой таблицы В. Е. Варзара на 153,7 тыс. человек (у В. Е. Варзара общий итог— 2709,7 тыс. повторных стачечников, в нашей таблице — 2863,4 тыс.) объясняется тем, что в графу «прочих» мы включили эти 153,5 тыс. на основании поправки В. Е. Варзара по Варшавской губ. в издании 1910 г., на что мы уже выше обращали внимание.

Таблица 33

Группа производства	Число повторных стачечников (в тысячах)
Текстильщики	1269,5
Металлисты	736,1
Прочие	857,8
Всего	2863,4

По нашим подсчетам распределение повторных стачечников по категориям определяется следующим образом (табл. 34):

Таблица 34

Категории рабочих	Число повторных стачечников (в тысячах)
Железнодорожники	1126,4
Горнометаллургические	723,5
Металлисты	275,2
Прочие	21,6
Всего	2146,7

Таблица 35

Категории рабочих	Число повторных стачечников (в тысячах)	%
Текстильщики	1269,5	24,8
Железнодорожники	1126,4	22,0
Металлисты	1011,3	19,7
Горнометаллургические	723,5	15,8
Прочие	879,4	17,7
Всего	5010,1	100,0

Складывая цифры В. Е. Варзара с нашими цифрами, получаем следующие данные (табл. 35).

Таблица составлена в последовательном порядке убывающего числа повторных стачечников данных категорий рабочих (кроме прочих). Из таблицы видно, какой процент стачечников от их общего числа дала каждая категория рабочих, т. е. он характеризует удельный вес каждой категории рабочих в повторных стачках.

Таблица 36

Категории рабочих	Число стачечников			
	действительных		повторных	
	(в тысячах)	%	(в тысячах)	%
Металлисты	300,7	100,0	1011,3	336,6
Текстильщики	473,6	100,0	1269,5	268,0
Горнометаллургические	279,8	100,0	723,5	258,6
Железнодорожники	640,4	100,0	1126,4	176,0
Прочие	392,3	100,0	879,4	224,2
Всего	2086,8	100,0	5010,1	240,0

В следующей таблице мы сравниваем по тем же категориям число действительных стачечников с числом повторных, принимая за 100% число действительных стачечников.

Таблица составлена в последовательном порядке убывающего процента повторных стачечников и характеризует степень напряженности стачечного движения каждой из данных категорий. Здесь на первое место выходят металлисты, как наиболее активная категория рабочих. Общее число рабочих и действительных и повторных стачечников по группам производства дает табл. 37.

В задачу нашей статьи не входит исчерпывающий анализ всех сторон и явлений стачечного движения 1905 г. Мы ограничимся рассмотрением только географического фактора с тем, чтобы попытаться определить, какое влияние оказывал он на характер стачечного движения в Европейской России в 1905 г.

В стачечном движении принимали наиболее активное участие преимущественно рабочие крупных предприятий, сосредоточенных в одном районе. Мелкие предприятия, как правило, не бастовали, если они не находились в районе сосредоточенных крупных предприятий. Крупные предприятия, но рассредоточенные территориально или оторванные от железнодорожной сети, как правило, бастовали вяло или не бастовали

Таблица 37

Сводная таблица общего количества рабочих и действительных и повторных стачечников по группам производства

	Металлисты	Текстильщики	Горнометаллурги	Железнодорожники	Прочие	Итого
1. Общее число рабочих (в тысячах)	392,5	693,3	650,0	640,4	694,9	3071,1
2. Число действительных стачечников (в тысячах)	300,7	473,6	279,8	640,4	392,3	2086,8
3. Процент действительных стачечников от общего числа рабочих	76,6	68,3	43,0	100,0	56,4	67,9
4. Процент действительных стачечников от общего числа стачечников (2085,8 тыс. человек)	14,4	22,6	13,4	30,6	19,0	100,0
5. Число повторных стачечников (в тысячах)	1011,3	1269,5	723,5	1126,4	879,4	5010,1
6. Процент повторных стачечников от общего числа повторных стачечников	20,1	25,4	14,5	22,5	17,5	100,0
7. Процент повторных стачечников к действительным стачечникам	336,6	268,0	258,6	176,0	224,2	240,0

совсем. Чтобы подтвердить эту мысль приведем данные по пяти губерниям, где среди многих мелких предприятий было незначительное число крупных фабрик и заводов (табл. 38) [30].

[30] Таблица составлена по данным В. Е. Варзара о числе действительных стачечников.

Таблица 38

Губернии	Общее число		Из них бастовало		% от общего числа	
	предприятий	рабочих	предприятий	рабочих	предприятий	рабочих
Орловская	222	24 339	13	14 426	5,8	59,3
Тверская	188	31 128	12	19 624	6,4	63,0
Вологодская	75	5 919	2	1 588	2,8	26,8
Рязанская	102	17 543	10	9 206	10,0	52,5
Смоленская	213	11 362	19	6 224	8,8	54,8

Из таблицы видно, что, например, в Орловской губ. из 222 предприятий бастовало только 13 (5,8%), но они охватывали 14,4 тыс. (59,3%) рабочих. Таким образом, бастовали предприятия с числом рабочих в среднем около 1000 на одно предприятие, а мелкие предприятия с числом рабочих в среднем около 50 человек не бастовали. Особенно ярко это видно на примере Вологодской губ., где два предприятия (2,7%) дали 1588 стачечников (26,8% рабочих), а 73 предприятия с 4331 рабочим не бастовали. Только 79 крупных промышленных центров дали 1031,9 тыс. (т. е. около 50%) действительных стачечников (табл. 14).

Исследователь стачечного движения в Нижегородской губернии А. Белозеров обращает внимание на то, что в Нижнем-Новгороде мелкие предприятия, захваченные стачечным движением крупных предприятий, дали около 5 тыс. стачечников, тогда как и мелкие и крупные предприятия, рассредоточенные по губерниям, все вместе дали 5034 стачечников. Крупные Выксунские горные заводы с общим числом рабочих 6175 человек, на много километров оторванные от промышленных центров и не связанные с железнодорожной сетью, дали только 200 стачечников. Так же не принимали участия в стачечном движении крупные заводы Олонецкой губернии [31]. Сравнительно слабая активность в стачечном движении горнометаллургических рабочих Урала в известной степени (помимо главных причин социально-экономического характера) определяется рассредоточенным размещением уральских горных заводов (табл. 30).

Неравномерное географическое размещение промышленности в дореволюционной России определяло неравномерное географическое размещение стачечников, создавая отдельные районы наибольшего стачечного движения. Мы намечаем 9 таких районов.

1. С.-Петербургская губерния.
2. Губернии: Московская, Орловская, Тульская, Тверская, Ярославская, Владимирская и часть Костромской в пределах Костромского, Кинешемского, Нерехтинского, Юрьевецкого уездов.
3. Губернии Варшавская и Петроковская.
4. Гродненская губерния.
5. Лифляндская губерния.
6. Губернии Екатеринославская, Харьковская, Херсонская и часть Донской области в пределах Ростовского, Черкасского и Таганрогского округов.
7. Саратовская губ. (главным образом за счет железных дорог).

---

[31] ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, 1906 г., д. 351, лл. 272—275, 308—312; А. Копяткевич. Из рев. прошлого в Олонецкой губ. (1905—1908), Петрозаводск, 1922.

8. Часть Бакинской губ. в пределах Бакинского и Шемахинского уездов.

9. Часть Пермской губернии в пределах Верхотурского, Екатеринбургского, Красноуфимского, Кунгурского, Осинского, Оханского, Пермского и Соликамского уездов; часть Вятской губ. в пределах Сарапульского уезда и часть Уфимской губ. в пределах Златоустовского, Уфимского и Бирского уездов.

Из всех перечисленных губерний и уездов наибольшее количество действительных стачечников (от 50 тыс. до 200 тыс. чел. по отдельным губерниям) дали губернии: Московская (195,0 тыс.), С.-Петербургская (189,8 тыс.), Петроковская (154,0 тыс.), Екатеринославская (128,8 тыс.), Владимирская (122,2 тыс.), Донская область (66,2 тыс.), Варшавская (82,0 тыс.), Лифляндская (72,3 тыс.), Херсонская (72,1 тыс.), Пермская (49,7 тыс.), — всего 1132,1 тысяч, т. е. более 50%.

В некоторых губерниях, не входивших в перечисленные 9 районов наибольшего стачечного движения, например, в Архангельской, Олонецкой и Псковской, бастовали только железнодорожники.

Девять районов наибольшего стачечного движения намечены нами пока только на основании абсолютных количеств действительных стачечников. Это еще не характеризует стачечного движения даже с точки зрения только географического фактора.

Степень стачечного движения определяется не только и не столько абсолютным числом действительных стачечников, сколько напряженностью стачечной борьбы, т. е. числом повторных стачечников.

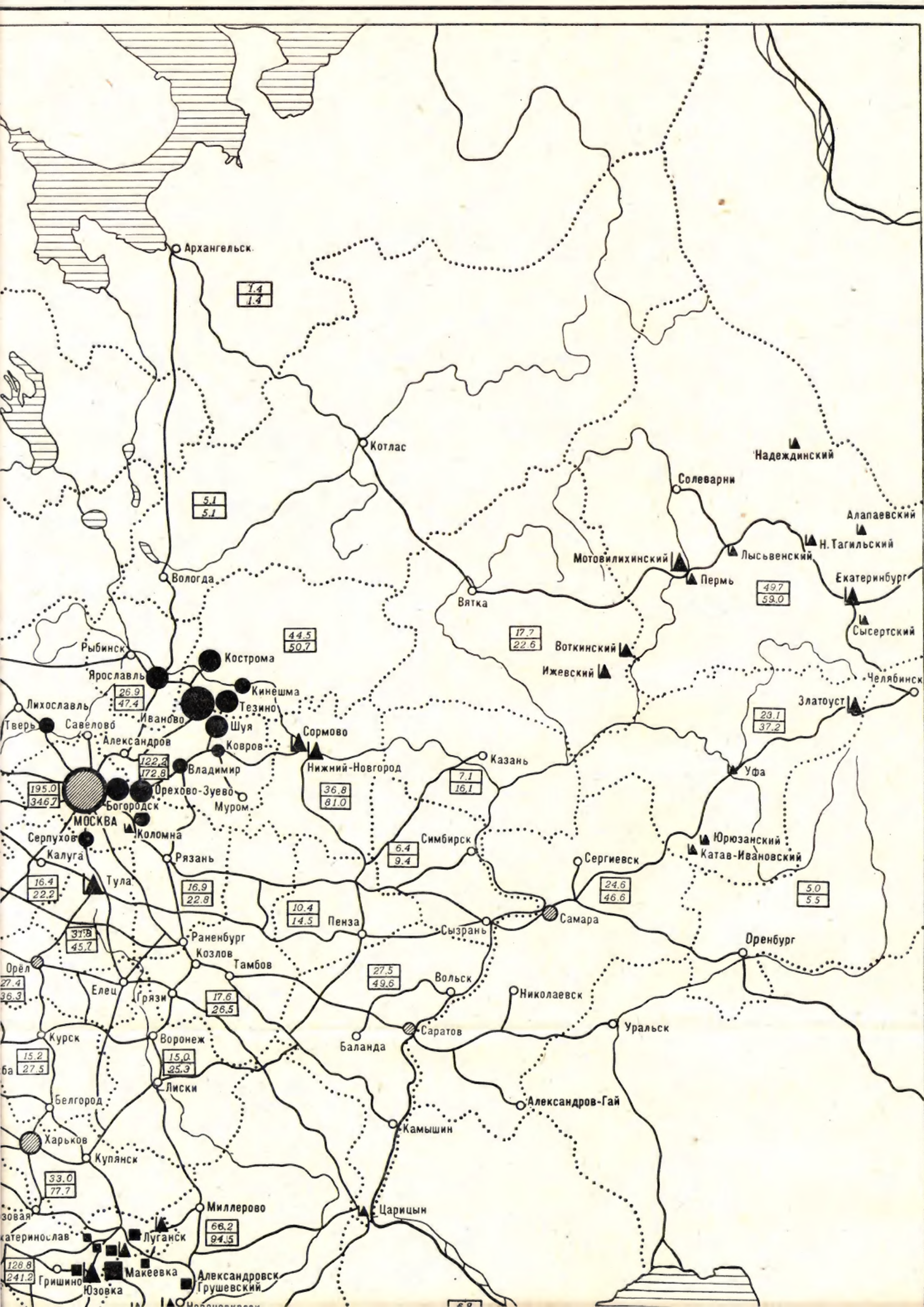
Различная специализация промышленных районов (текстильных, металлургических, каменноугольных, нефтяных) в дореволюционной России создавала в некоторых губерниях контингенты рабочих с преобладанием какой-нибудь одной категории. Так, например, в Московской, Владимирской, Тверской, Ярославской губерниях преобладали текстильщики, в Лифляндской — металлисты, в Екатеринославской и Донской области — горняки и т. д. В связи с этим различные экономические условия и другие специфические особенности обусловливали различный жизненный, культурный и политический уровень каждой категории рабочих, степень классового сознания и классовой борьбы в различных районах и губерниях. Наиболее передовыми и активными были рабочие металлообрабатывающей и горнометаллургической промышленности, и поэтому губернии с преобладающим числом рабочих этих категорий дали наибольший процент повторных стачечников (табл. 39).

Таблица 39

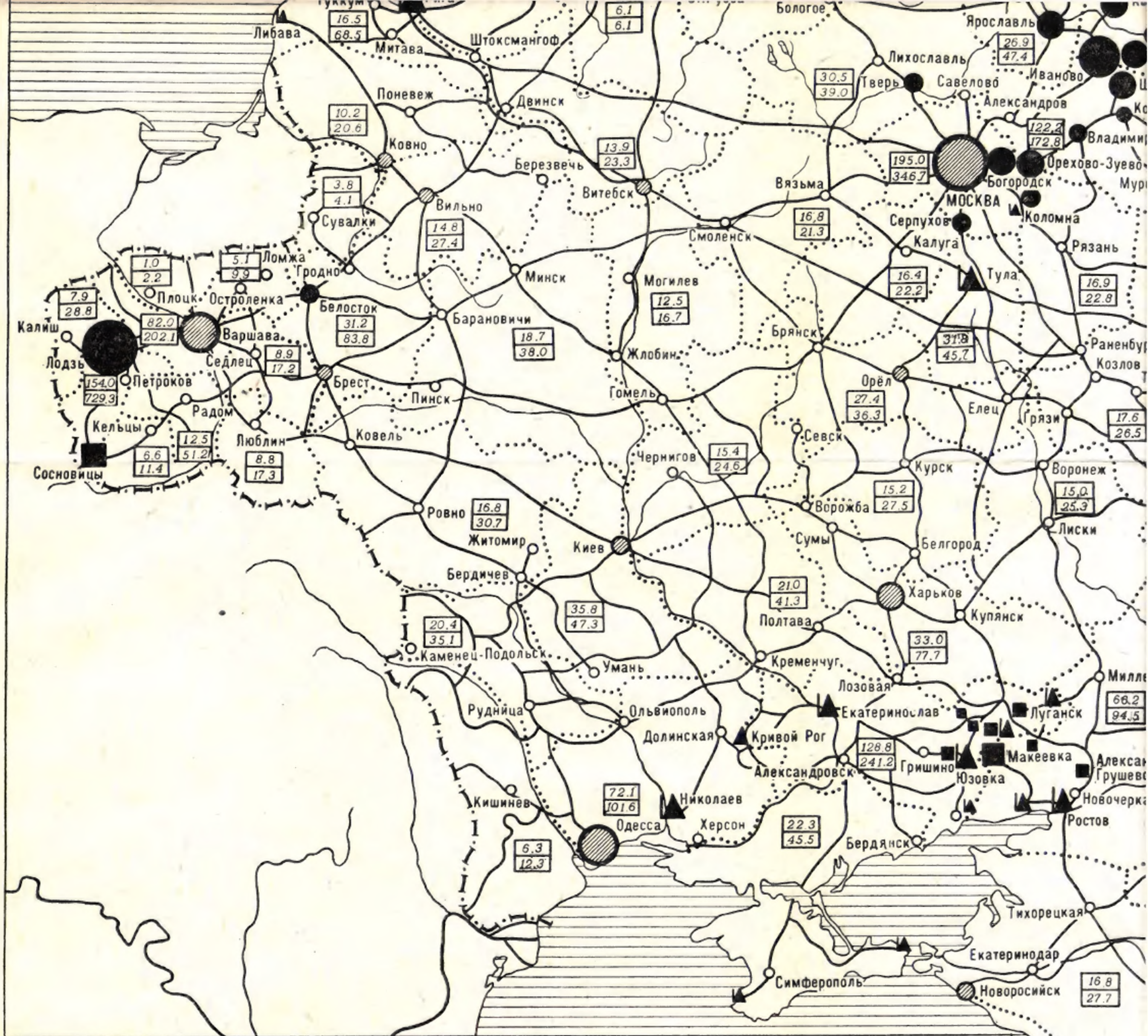
Губернии	Число действительных стачечников		Губернии	Число повторных стачечников	
	тыс.	%		тыс.	%
1. Московская	195,0	100,0	1. С.-Петербургская	822,5	433,4
2. С.-Петербургская	189,8	100,0	2. Петроковская	729,3	473,5
3. Петроковская	154,0	100,0	3. Лифляндская	348,4	481,7
4. Екатеринославская	128,8	100,0	4. Московская	346,7	177,8
5. Владимирская	122,2	100,0	5. Бакинская	252,0	462,2
6. Варшавская	82,0	100,0	6. Екатеринославская	241,2	187,2
7. Херсонская	72,6	100,0	7. Варшавская	202,1	246,5
8. Лифляндская	72,3	100,0	8. Владимирская	172,8	141,4
9. Донская обл.	66,2	100,0	9. Херсонская	101,6	141,1
10. Бакинская	54,5	100,0	10. Донская обл.	94,5	142,7
11. Пермская	49,7	100,0	11. Пермская	59,0	118,8

Архангельск
1.6
1.6
5.1
5.1
Ревель
20.2
62.2
189.8
822.5
С.ПЕТЕРБУРГ
Нарва
Пернов
Юрьев
Чудово
12.0
10.9
Вологда
Новгород
Виндава
72.3
348.4
Валк
Псков
Ст.Русса
Бологое
Рыбинск
Ярославль
Тукум
Рига
6.1
6.1
Либава
16.5
68.5
Митава
Штоксмангоф
26.9
47.4
Лихославль
Иваново
30.5
39.0
Тверь
Савелово
Поневеж
Двинск
Александров
10.2
20.6
122.2
172.8
Владимир
Ковно
Березвечь
13.9
23.3
195.0
346.7
Орехово-Зуево
Муром
3.8
4.1
Витебск
Вязьма
Богородск
Вильно
МОСКВА
Коломна
Сувалки
14.8
27.4
16.8
21.3
Серпухов
1.0
2.2
5.1
9.9
Ломжа
Смоленск
Калуга
Рязань
Гродно
Минск
Могилев
16.4
22.2
Тула
7.9
28.8
Плоцк
Остроленка
Белосток
12.5
16.7
16.9
22.8
Калиш
82.0
202.1
Варшава
31.2
83.8
Барановичи
Брянск
Лодзь
Седлец
8.9
17.2
18.7
38.0
Жлобин
31.8
45.7
Раненбург
Козлов
154.0
729.3
Петроков
Брест
Орёл
Радом
Пинск
Гомель
27.4
36.3
Елец
Грязи
Кельцы
17.6
26.5
Люблин
Ковель
Севск
Сосновицы
6.6
11.4
12.5
51.2
8.8
17.3
Чернигов
15.4
24.6
Курск
Воронеж
15.2
27.5
Ровно
16.8
30.7
Ворожба
15.0
25.3
Житомир
Киев
Сумы
Белгород
Лиски
Бердичев
21.0
41.3
Харьков
20.4
35.1
35.8
47.3
Полтава
Купянск
33.0
77.7
Каменец-Подольск
Умань
Кременчуг
Миллерово
Лозовая
66.2
94.5
Рудница
Ольвиополь
Екатеринослав
Луганск
Долинская
Кривой Рог
128.8
241.2
Гришино
Макеевка
Александров Грушевский
Александровск
Юзовка
72.1
101.6
Кишинев
Николаев
Новочеркасск

Архангельск
7.4
1.4
Котлас
Надеждинский
Солеварни
5.1
5.1
Алапаевский
Н. Тагильский
Мотовилихинский
Лысьвенский
Пермь
Вологда
Екатеринбург
49.7
59.0
Вятка
Сысертский
17.7
22.6
44.5
50.7
Воткинский
Ижевский
Рыбинск
Кострома
Ярославль
Кинешма
Челябинск
26.9
47.4
Лихославль
Тезино
Златоуст
23.1
37.2
Иваново
Тверь
Савелово
Шуя
Сормово
Александров
Ковров
Казань
122.2
172.8
Владимир
Нижний-Новгород
Уфа
195.0
346.7
Орехово-Зуево
7.1
16.1
36.8
81.0
Богородск
Муром
МОСКВА
Коломна
Юрюзанский
Серпухов
Симбирск
Катав-Ивановский
Калуга
Рязань
6.4
9.4
Сергиевск
16.4
22.2
Тула
24.6
46.6
5.0
5.5
16.9
22.8
10.4
14.5
Пенза
Самара
Сызрань
31.8
45.7
Раненбург
Оренбург
Орёл
Козлов
27.5
49.6
27.4
36.3
Тамбов
Вольск
Елец
Грязи
Николаевск
17.6
26.5
Саратов
Уральск
Баланда
Курск
Воронеж
15.2
27.5
15.0
25.3
Лиски
Белгород
Александров-Гай
Камышин
Харьков
Купянск
33.0
77.7
Миллерово
Царицын
Луганск
66.2
94.5
128.8
241.2
Макеевка
Гришино
Александровск Грушевский
Юзовка

Границы Российской империи

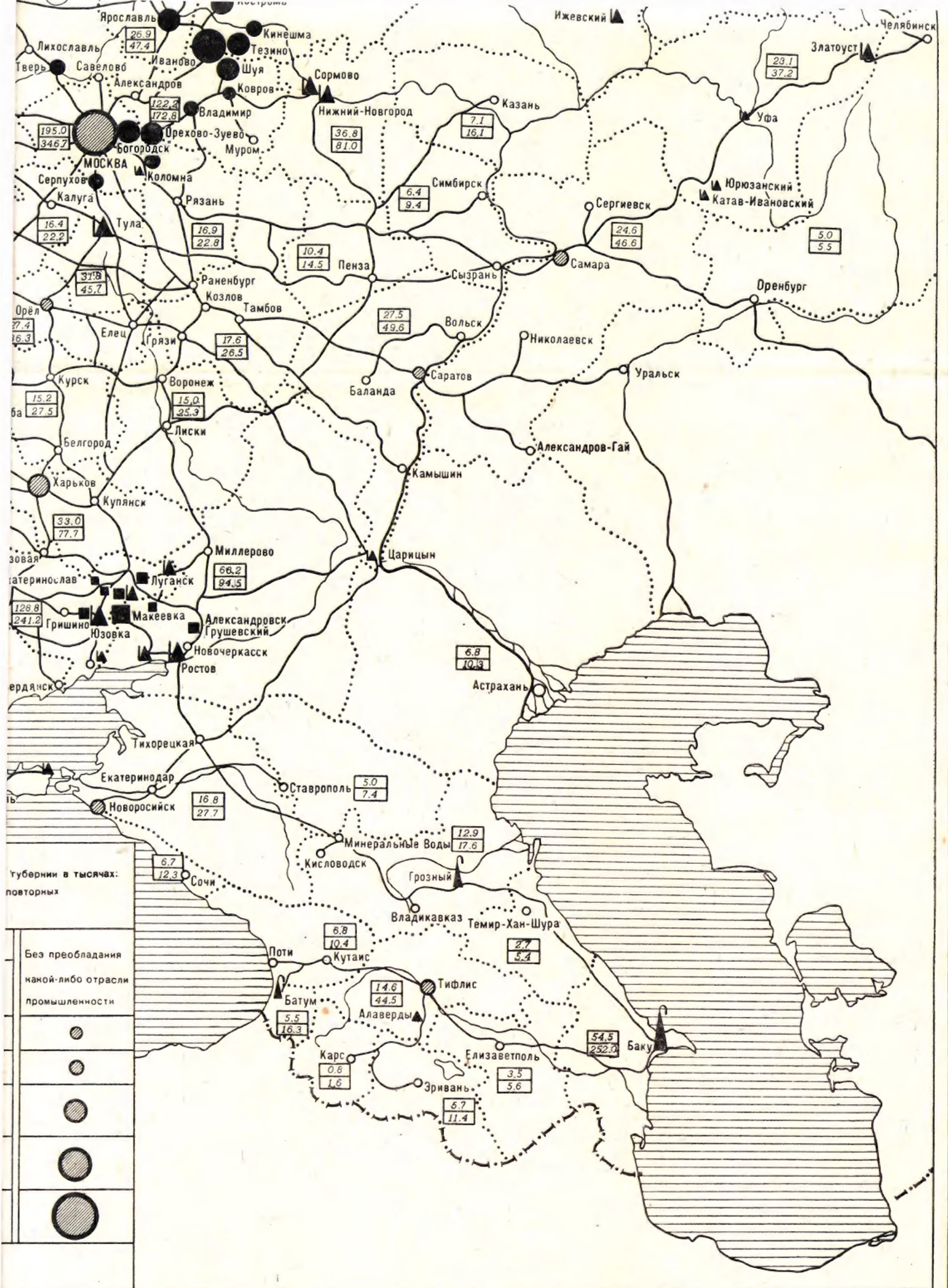
Границы губерний

Бастовавшие железные дороги

195.0 / 347.0 — Количество стачечников в каждой губернии в тысячах: верхняя—действительных; нижняя—повторных

Промышленные центры и отдельные предприятия с количеством стачечников, действительных:	С преобладанием отраслей промышленности: текстильной	горно-металлургической и металлообрабатывающей	железнорудной	каменноугольной	нефтяной	Без преобладания какой-либо отрасли промышленности
3 000–5000						
5.000–10.000						
10.000–25.000						
25.000–50.000						
Свыше 100.000						

○ Прочие населенные пункты и железнодорожные станции, где имели место стачки

Ярославль
Кинешма
Тезино
Лихославль
Тверь
Савелово
Иваново
Шуя
Ковров
Сормово
Александров
Владимир
Нижний-Новгород
Орехово-Зуево
Муром
Москва
Богородск
Коломна
Серпухов
Калуга
Рязань
Тула
Раненбург
Козлов
Тамбов
Орёл
Елец
Грязи
Курск
Воронеж
Лиски
Белгород
Харьков
Купянск
Миллерово
Луганск
Екатеринослав
Гришино
Макеевка
Юзовка
Александровск-Грушевский
Новочеркасск
Ростов
Тихорецкая
Екатеринодар
Новоросийск
Ставрополь
Минеральные Воды
Кисловодск
Сочи
Грозный
Владикавказ
Темир-Хан-Шура
Поти
Кутаис
Батум
Тифлис
Алаверды
Карс
Елизаветполь
Эривань
Баку
Астрахань
Царицын
Камышин
Александров-Гай
Саратов
Баланда
Вольск
Николаевск
Уральск
Пенза
Сызрань
Самара
Симбирск
Казань
Сергиевск
Оренбург
Уфа
Юрюзанский
Катав-Ивановский
Златоуст
Челябинск
Ижевский
губернии в тысячах:
повторных
Без преобладания какой-либо отрасли промышленности

Табл. 39 составлена в последовательном порядке убывающего числа стачечников, в левой половине — действительных, в правой — повторных. За 100% принято число действительных стачечников в каждой губернии. Из таблицы видно, что некоторые губернии поменялись местами. Московская губ. в отношении числа повторных стачечников уступила первенство С.-Петербургской, Владимирская с пятого места перешла на восьмое, Бакинская с десятого места вышла на пятое и т. д. Таким образом, по числу повторных стачечников на первое место выходят губернии, где преобладают рабочие металлообрабатывающей и горно-металлургической промышленности. В процентном отношении первое место занимают Лифляндская губ. (481,7%) и Бакинская губ. (462,2%); в первой преобладают металлисты, во второй — горняки (нефтяники). Выход на первое место именно этих губерний обусловливается, кроме того, наличием в них национального угнетения и соединением классовой и национально-освободительной борьбы.

* * *

Подведем общий итог нашему исследованию. Общее число действительных стачечников мы определяем в 2086,8 тыс. человек (против 1039,7 тыс. у В. Е. Варзара) и общее число повторных стачечников — от 5010,1 тыс. до 5119,4 тыс. чел. (против 2863,4 тыс. у В. Е. Варзара). Данные цифры мы считаем минимальными не только в отношении всех бастовавших в 1905 г. рабочих, но и в отношении рабочих тех категорий, которые мы попытались учесть.

Полученные нами данные полностью согласуются с выводами статьи В. И. Ленина «Стачки в России» о «выдающемся первенстве Петербурга и его района (Рига в том числе), а также Польши», сравнительной отсталости по сравнению с ним Москвы и Юга. Из наших цифр «видна передовая роль металлистов и отсталость текстильщиков, а еще более остальных рабочих». Вслед за В. И. Лениным мы подчеркиваем также огромное «преобладание крупных заведений в забастовочном движении...»[32]. То, что В. И. Ленин считал характерным для стачечного движения, охватывающего период с 1895 по 1912 гг., в 1905 г. выступило особенно отчетливо, проявилось с наибольшей глубиной и силой.

Цифры и данные, полученные нами, так же как и методы наших расчетов и исчислений, мы отнюдь не считаем бесспорными и окончательными. Однако нам представляется, что полученные результаты в какой-то мере восполняют имеющийся пробел в сведениях о числе стачечников и их географическом размещении в 1905 г.

---

[32] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 486—487.

В. М. ГОХЛЕРНЕР

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Борьба крестьян России за землю и свободу имеет многовековую историю. Но только с начала XX в., когда во главе русского освободительного движения уже стоял пролетариат, крестьянство впервые поднялось на революционную борьбу. Волна массового рабочего движения, прокатившаяся в 1905 г. по всей стране, разбудила деревню. Крестьянское движение в годы первой русской революции развилось с огромной силой. К числу губерний, в которых крестьянское движение получило особенно большой размах, принадлежит и Саратовская.

Активные выступления крестьян Саратовской губ. в годы первой русской революции имели глубокие экономические и политические корни.

В пореформенный период в Саратовской губ. быстро развивался капитализм. В губернии большое место занимала винокуренная, мукомольная, маслобойная, табачная промышленность. Росли новые отрасли производства — чугунолитейное, сталелитейное и железоделательное. Устанавливалась железнодорожная связь Саратовской губ. с центром. Росли кадры промышленного пролетариата. Быстро развивались капиталистические отношения в сельском хозяйстве, которое являлось главным занятием населения губернии. Уже к концу XIX в. Саратовская губ. относилась к числу тех, где у землевладельцев преобладала капиталистическая система хозяйства [1]. Все основные черты капиталистической эволюции сельского хозяйства, установленные В. И. Лениным, были присущи и помещичьему, и крестьянскому хозяйству губернии.

Помещичьи хозяйства все более превращались в капиталистические «фабрики» с применением наемного труда и производством на рынок. Внутри общины происходило расслоение крестьянства на два противоположных класса: деревенскую буржуазию и деревенский пролетариат. Крестьянская буржуазия (кулачество), составлявшая всего 18% дворов в губернии, сосредоточивала в своих руках бóльшую часть надельной земли, рабочего скота, улучшенных сельскохозяйственных орудий и пр. Крестьянская беднота, на долю которой приходилось 60% всех дворов, все более лишалась этих средств производства. Беднота имела земли в среднем на двор в 10 раз меньше (8 десятин), чем одно кулацкое хозяйство (80 десятин). Кулацкие хозяйства имели по 3 лошади и более на двор, не считая другого рабочего скота, а из 60% дворов, приходившихся на долю крестьянской бедноты, 25% совсем не имели рабочего скота и 35% — всего одну лошадь на двор.

Наиболее сильно капитализм в сельском хозяйстве был развит в

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 162.

южном (Камышинский и Царицынский уезды) и северном (Хвалынский и Кузнецкий уезды) районах губернии, где дворянское землевладение занимало сравнительно незначительное место[2] и где было много кулацких хозяйств фермерского типа, принадлежавших бывшим государственным, удельным крестьянам и крестьянам-колонистам. Однако в сельском хозяйстве Саратовской губ., как и во всей стране, капитализм был опутан густой сетью пережитков крепостничества.

В начале XX в. помещики-дворяне все еще оставались главными земельными собственниками в губернии. Им принадлежало 65% всех удобных частновладельческих земель. Характерной формой дворянского землевладения в губернии были латифундии, составлявшие основу сохранения всех других пережитков крепостничества. Около 800 крупных земельных собственников в губернии держали в своих руках около 34% всей удобной земельной площади в губернии. На их долю приходилось 2,2 млн. десятин удобной земли, или в среднем 2800 десятин, на каждое владение[3].

В то же время около 310 тыс. крестьянских дворов в губернии, или 88% общего числа, имели нищенский, совершенно недостаточный для обеспечения семьи 8-десятинный надел на двор[4].

Естественно, что при таком положении неизбежны были чисто средневековые формы эксплуатации крестьянства. Отработки — этот прямой пережиток барщины — имели немалое распространение в губернии. По далеко не полным данным, не менее 23% общего количества арендовавшейся крестьянами земли снималось за отработки. Еще шире были распространены отработки в сочетании с другими видами арендной платы. Они имели место в 50% всех арендных сделок крестьян с помещиками. Насколько кабальными были отработки в Саратовской губ., иллюстрирует арендный договор крестьян дер. Николаевки, Лопуховской волости, Аткарского уезда, снимавших у помещика Юрьевича землю под выгон для скота. За аренду этого выгона крестьяне обязывались посеять, провести последующую обработку, сжать 30 десятин яровых и 30 десятин ржи, вспахать 2 раза и заборонить 30 десятин пара, посеять 30 десятин ржи, убрать траву по рекам, сделать новый плетень в экономии, нарубить и перевезти 50 куб. сажен дров и произвести другие работы. При этом крестьяне заранее соглашались подвергнуться любому штрафу за неаккуратное выполнение работ или несвоевременную явку на работу, а в случае возникновения судебного дела заранее принимали на себя все судебные издержки[5].

Пережитки крепостнических отношений в сельском хозяйстве обусловливали рутинное состояние техники (деревянная соха составляла к началу XX в. все еще от 76 до 91% всех пахотных орудий в крестьянском хозяйстве различных уездов губернии), применение отсталых систем полеводства и низкую производительность сельского хозяйства в губернии. Средняя урожайность за 20 лет (1881—1900 гг.) на крестьянских полях, по официальным данным, не превышала 43 пуда ржи и 34 пуда

---

[2] Оно составляло всего 3,6% общей площади в Камышинском уезде, 6,1% — в Хвалынском, 10,1% — в Царицынском, 14,7% — в Кузнецком уездах («Статистика землевладения 1905 года. Саратовская губерния». СПб., 1906, стр. 38).

[3] Наибольшее число латифундий (3/4 всего их количества) было сосредоточено в центре губернии — в уездах Балашовском, Сердобском, Аткарском, Петровском и Саратовском.

[4] Высчитано по «Статистике землевладения 1905 г. Саратовской губернии». Цифры несколько округлены.

[5] «Саратовский листок», № 144, от 17 июля 1905 г.

овса с десятины [6]. В конце XIX— начале XX в. в губернии наблюдались систематические голодовки крестьян. Положение деревни особенно ухудшилось в связи с экономическим кризисом 1900—1903 гг. и голодом 1901 г., охватившим значительную часть губернии. По неполным данным земской статистики, не менее одной трети всех крестьянских хозяйств в губернии в зиму 1901/02 г. были доведены до крайней нищеты. Только в одном Хвалынском уезде в 1901 г. было не менее 25 тысяч голодающих [7].

Чтобы не умереть с голоду, крестьяне вынуждены были «проедать» свой скот, нередко закладывать наделы за хлеб, идти в долговую кабалу к кулаку и помещику. Крестьянское хозяйство в Саратов кой губ. оказалось в бедственном состоянии, что естественно вызвало обострение классовой борьбы в деревне.

Уже весной 1902 г. в Саратовской губ. имели место крупные выступления крестьян, особенно в Балашовском, Сердобском и Аткарском уездах. Губерния была объявлена на положении усиленной охраны. Крестьянские волнения в губернии не прекращались и в 1903 г. Только, по данным канцелярии губернатора, в течение 1903 г. было совершено поджогов, преимущественно у помещиков и кулаков, в Балашовском уезде — 75, в Сердобском — 30, в Аткарском — 11 [8]. Выступления крестьян наблюдались и в Петровском уезде.

Революционная активность крестьян нарастала из года в год. При этом она проявлялась в условиях, сильно отличных от тех, в которых происходили крестьянские выступления в предшествующие столетия. Политическая обстановка в стране к началу XX в. резко изменилась. На арену самостоятельных революционных действий в России выступил самый последовательно революционный класс, способный возглавить крестьянскую революцию — пролетариат, создавший в 1903 г. свою марксистскую партию.

Отличительной чертой нарастания крестьянского движения в Саратовской губ. в 1902—1903 гг. было то обстоятельство, что оно происходило под воздействием революционной борьбы городского пролетариата. Сильнейшее влияние на саратовских крестьян оказали события «Обуховской обороны», ростовская стачка 1902 г., первомайская политическая демонстрация рабочих Саратова в 1902 г., всеобщая стачка на юге России 1903 г. и др. Именно в этот период в деревню начала проникать революционная социал-демократия. Саратовские социал-демократы-ленинцы развертывали свою работу среди крестьян, ведя упорную борьбу против эсеров, «экономистов», а затем и меньшевиков, пытавшихся помешать образованию союза рабочего класса и крестьянства, внесению политического сознания в стихийное крестьянское движение.

Революционную работу в деревне в Саратовской губ. первоначально развернула сложившаяся весной 1902 г. искровская группа в Саратове. С конца 1902 г. эту работу возглавил оформившийся в результате разгрома экономистов и ликвидации «Объединенной группы социал-демократов и социалистов-революционеров» («Объединенники») Саратовский социал-демократический комитет. В 1906 г., по инициативе больше-

[6] «Материалы по вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Саратов, 1903, стр. 41.

[7] См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 241—242. К весне 1902 г. крестьяне Саратовской губ. потеряли 21 240 голов лошадей, 71 532 головы крупного рогатого скота, 68 189 голов овец, не считая остального скота — «Сборник сведений по Саратовской губернии за 1902 г.», Саратов, 1904, стр. 34.

[8] Саратовский обл. архив (СОГА), ф. 1, 1904 г., д. 80, лл. 53—59.

виков, для работы в деревне при Саратовском комитете РСДРП была создана Аграрная группа (или Аграрная лига). В своей деятельности в деревне революционные социал-демократы Саратова руководствовались указаниями ленинской «Искры», решениями II съезда РСДРП, работами В. И. Ленина. Накануне 1905 г. саратовские революционные социал-демократы начали распространять среди крестьян свои листовки и создавать в деревне крестьянские кружки. Хотя революционная агитация не могла еще тогда охватить широкие слои населения, все же она содействовала политическому воспитанию крестьянства, укрепляя в нем идею о революционном союзе с рабочим классом.

Крайне накалила обстановку в деревне русско-японская война, ускорившая назревание революционного кризиса. Усилились налоговые тяготы. В губернии, помимо очередного призыва, были проведены пять мобилизаций запасных и мобилизации конского состава. В результате многие семьи лишились рабочей силы. Так в с. Свинуха и пос. Родничок, Рассказовской вол., Балашовского уезда, 78 семей лишились по работнику, 4 семьи — по два работника, в с. Терновке у 39 семей забрали 46 работников [9].

После ухода призванных семьи их оставались в безотрадном положении. Землю обрабатывать было некому. Хозяйство мобилизованных разорялось. Оставшиеся члены семьи вынуждены были сокращать посев, продавать скот, инвентарь. Многочисленные корреспонденции из уездов сообщали о бедственном положении крестьян в связи с русско-японской войной. «Очень печально,— писали корреспонденты из Аткарского уезда,— состояние хозяйства семей мобилизованных. Трудно вести одной бабе с малыми детьми полевое и домашнее хозяйство. Пришлось продать лошадей, а так как это было несвоевременно, то и продажа была дешева — убыточна» [10].

Ко всему этому присоединялись ежедневные тяжелые известия с фронта. В деревнях и селах Саратовской губ. росло недовольство войной, политикой царского правительства. Крестьяне Ивановской 2-й волости Балашовского уезда писали в своем приговоре, что война явилась для них великой бедой, что и без того они жили выбиваясь из сил, голодали, умирали, как мухи, «а тут еще откуда ни возьмись — нашла беда великая — война страшная. Сколько наших работников полегло на войне, не зная за что. Сколько вдов, сирот наделала она, проклятая. Сколько слез, сколько муки прибавила она в нашу без того страдальческую жизнь. Ужасы войны заставляют нас кричать — не нужно нам войны» [11].

Приговор ивановских крестьян ярко отразил общее настроение деревни. В губернии в 1904 г. участились случаи «оскорбления особы государя», крестьяне нередко укрывались от призыва, не желая идти служить царю. «Наш царь правитель — крестьянский грабитель»,— говорилось в народной крестьянской песне, которую можно было услышать тогда среди крестьян [12].

Увлечь массы «патриотическим» угаром и добиться «классового мира» при помощи русско-японской войны царизму не удалось. По примеру городского пролетариата, крестьяне Саратовской губернии и многих других продолжали борьбу против помещиков.

---

[9] «Сборник сведений по Саратовской губернии за 1905 г.», вып. 2, Саратов, 1905—1906, отд. 2, стр. 77.

[10] Там же, стр. 85.

[11] СОГА, ф. прокламаций, № 282.

[12] СОГА, ф. 4-с, оп. 16, 1904 г., д. 131, л. 193

Весной 1904 г. крестьяне с. Романовки, Балашовского уезда, систематически производили порубки леса в имении князя Волконского, оказывали сопротивление полиции и не давали производить обыски. В течение нескольких дней, с 9 по 18 мая крестьяне с. Дурасовки, Аткарского уезда, пасли свой скот в лугах уже упомянутого нами помещика Юрьевича, считая эти луга своими. И здесь крестьяне не дали полиции арестовать четырех наиболее активных участников выступления [13].

Летом 1904 года крестьяне неоднократно совершали поджоги барских усадеб. В с. Аркадак, Балашовского уезда, провели забастовку сельскохозяйственные рабочие. Имели место выступления деревенской бедноты и против кулаков.

П. А. Столыпин, бывший тогда саратовским губернатором, просил министерство внутренних дел продлить в Саратовской губ. срок действия положения об усиленной охране для расправы с крестьянским движением. Однако это не могло предотвратить неизбежного дальнейшего нарастания крестьянского движения в губернии.

Происходившие в 1902—1904 гг. стихийные, неорганизованные и распыленные выступления крестьян, не имевших тесного союза с городскими рабочими, царским властям удавалось подавлять, но эти выступления послужили для крестьян губернии важным политическим уроком. Они имели большое значение в накоплении опыта борьбы и подготовили крестьянство Саратовской губ. к действительно массовому революционному движению в годы первой русской революции 1905—1907 гг. В этих классовых битвах шел процесс формирования союза пролетариата и крестьянства.

I. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В САРАТОВСКОЙ ГУБ. В ПЕРИОД ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИИ (январь — декабрь 1905 г.)

Уже в январе 1905 г. вслед за городом на борьбу с царизмом и помещиками стала подниматься деревня. Под влиянием стачек пролетариата, январской и февральской забастовок рабочих Саратова поднялись против помещиков и крестьяне отдельных сел Саратовской губ. [14]

В январе — феврале 1905 г., по выборочным донесениям из уездов и сообщениям местной печати, выступления крестьян наблюдались в 11 селах и деревнях губернии. Крестьяне сел Ольхова, Мельниковка, Гусевка, Царицынского уезда, и Мордовый Карай, Балашовского уезда, производили систематические порубки помещичьего леса. Крестьяне села Мордовый Карай оказали сопротивление казакам, присланным для водворения в селе «порядка» и ареста зачинщиков. Они избили станового пристава и ранили 6 казаков [15].

Между 17 и 20 января 1905 г. в с. Ивановка, Балашовского уезда, имело место политическое выступление крестьян. По приговору сельского схода крестьяне уволили местные власти — волостного старшину, писаря, волостных судей — и избрали на их место новых должностных лиц из своей среды. Они отказались также платить подати [16]. 19 февраля кре-

[13] СОГА, ф. 4-с, оп. 16, 1904 г., д. 131, лл. 112—113.

[14] Интересно в связи с этим свидетельство управляющего имением помещика Н. Левашова в с. Колояр, Вольского уезда, сделанное им в письме в феврале 1905 г.: «Возмущение крестьян и земельный бунт крестьян — все это было слышно ранее, еще осенью, но забастовки рабочих еще более повлияли на умы крестьян» (подчеркнуто мною.— *В. Г.*). СОГА, ф. 1, 1905, д. 99, л. 5—6.

[15] СОГА, ф. 4-с, 1905 г., д. 42, лл. 3—4, 7—10; «Саратовский листок», № 13, от 22 января 1905 г.; № 57, от 18 марта 1905 г.

[16] СОГА, ф. 4-с, 1906 г., д. 7, т. IV, лл. 129 и 132.

стьяне с. Ивановка 2-я, Балашовского уезда, устроили демонстрацию с красными знаменами и пением революционных песен [17]. Началось движение и в других уездах. Под влиянием революционной борьбы пролетариата оно развертывалось не только как экономическое, но и как политическое движение.

Для подавления крестьянских выступлений в Царицынский и Балашовский уезды были посланы казаки. В Балашовский уезд, как более неспокойный, губернатор Столыпин выехал сам. По его приказанию, только в двух селах — Романовке и Мордовом Карае — было арестовано более 60 крестьян [18]. Однако крестьянское движение в губернии продолжало усиливаться.

В связи с началом революции, в губернии развернулась острая борьба между либеральной буржуазией и пролетариатом (большевиками) за руководство крестьянским движением. Либералы пытались оторвать крестьян от революции и отвлечь их петициями и прошениями, используя для этого различные формы устной и печатной агитации, в частности, распространяя в деревне свою газету «Освобождение».

Либералы перенесли в деревню банкетную кампанию. 10 января 1905 г. «освобожденцы» устроили «крестьянский» банкет в Покровской слободе, а затем — в Балашове, в селах Ивановке, Тростянке и др. На таких банкетах заставляли выступать и крестьян, очевидно, из подкупленных зажиточных мужичков. Придав этой комедии видимость «народных банкетов», «освобожденцы» рассчитывали заразить либеральным настроением все крестьянство в губернии [19].

Сильно мешали борьбе революционных социал-демократов против либеральной буржуазии за руководство крестьянским движением эпигоны народничества — эсеры, склонные к соглашению с буржуазией. Саратов издавна был одним из центров народнической деятельности, а с 1901 г. стал центром партии эсеров. В Саратове действовали главари этой партии, здесь были сосредоточены ее большие силы. С нарастанием крестьянского движения в 1905 г. эсеры особенно оживились. В уездах губернии они распространяли свои листовки, создавали «Крестьянские братства партии социалистов-революционеров», «Крестьянский союз партии социалистов-революционеров» и т. п. Вместо призыва к решительной борьбе с царизмом и помещиками эсеры предлагали проводить в деревне пока лишь подготовительные мероприятия к будущей борьбе, вроде земских банкетов [20]. Эсеры отрицали гегемонию пролетариата в революции, проповедовали индивидуальный террор, склоняли крестьян к блоку с либеральной буржуазией, мешали складыванию союза пролетариата и крестьянства. Эсерам удалось в 1905 г. создать в уездах Саратовской губ. несколько десятков «крестьянских братств» и «боевых дружин», занимавшихся аграрным террором. Эти террористические эсеровские организации действовали главным образом в Петровском, Балашовском и Аткарском уездах.

Распространению контрреволюционного влияния либеральной буржуазии и мелкобуржуазных утопических иллюзий в деревне способствовала оппортунистическая тактика меньшевиков, которым в конце 1904 г. удалось усилить свое влияние в Саратовском комитете РСДРП.

Преодолевая эти трудности, большевики Саратовской социал-демократической организации усилили в 1905 г. свою деятельность среди

[17] СОГА, ф. прокламаций, № 3858.

[18] СОГА, ф. 4-е, 1905 г., д. 42, лл. 3—4, 7—10; «Саратовский листок», № 57, от 18 марта 1905 г.

[19] Сведения о «крестьянских» банкетах см. СОГА, ф. прокламаций, № 305.

[20] СОГА, ф. прокламаций, 1905 г., папка 227.

крестьян. Они боролись за гегемонию пролетариата, за развертывание народной революции и ее победу, за осуществление задач, выдвинутых решениями III съезда РСДРП. В этих целях Саратовский комитет большими тиражами издавал и распространял в губернии статьи и брошюры В. И. Ленина, большевистскую газету «Вперед», листовку ЦК РСДРП «Крестьяне, к вам наше слово», издавал свои листовки и воззвания к крестьянам, перепечатывал издания, получавшиеся в порядке обмена с другими комитетами РСДРП. Только за февраль — июнь 1905 г., по неполным данным, распространение всех этих изданий установлено в 50—60 селах Саратовской губ.[21]

Замечательный образец боевой политической агитации, близкой и понятной народу, представляет изданное по настоянию большевиков Саратовским комитетом в марте 1905 г. воззвание «К товарищам крестьянам!». Написанное в форме обращения городских рабочих к крестьянам, оно рассказывало о начавшейся в стране революции, о ее задачах. На конкретных примерах повседневной жизни крестьян губернии большевики убедительно разъясняли, что царизм — заклятый враг народа, что он защитник интересов помещиков, чиновников, фабрикантов, купцов. «У крестьян, у рабочих нет более жестокого врага, чем божьей милостью русский царь — самодержец!»— говорилось в листовке[22]. Большевики призывали крестьян идти вместе с рабочими и, не теряя ни одного часа, примыкать к их борьбе за свободу. Тут же давали они крестьянам указания, как бороться, призывая их отказываться платить подати, отказываться повиноваться начальству, закреплять приговорами на сходах все эти отказы, устраивать демонстрации на ярмарках и базарах, намечать, какие земли нужно отобрать у казны, уделов и помещиков, и вооружаться[23].

В большом количестве экземпляров во всех уездах губернии Саратовский комитет РСДРП распространял листовки, разоблачавшие преступную войну царизма на Дальнем Востоке, раскрывавшие гнилость царизма и призывавшие крестьян на борьбу против войны и самодержавия (см. листовки: «Канун войны», издание ЦК РСДРП; «Почему правительство затеяло войну», «Опять мобилизация», «Мукденское поражение», «К новобранцам!»)[24].

Борясь против попыток обмануть народ, большевики разоблачали царскую политику полууступок. Царь, напуганный революционным подъемом в стране, 18 февраля 1905 г. издал манифест, в котором обещал в скором времени созвать совещательную Думу. Большевики по всей стране немедленно ответили на этот маневр призывом к усилению революционного натиска. Большевики Саратовской организации распространили в уездах листовку «О царском манифесте 18 февраля». В ней они разоблачали антинародный характер политики самодержавия, разъясняли крестьянам, что не реформы царя, а революционная борьба даст им землю. Большевики широко распространяли в деревнях воззвания и листовки «Первое мая»[25], «Да здравствует всеобщая стачка», «К рабочим» и другие, изданные для рабочих. Они рассказывали крестьянам о стач-

---

[21] В. Осипов. Саратовская организация РСДРП в 1905—1907 гг. Саратов, 1947, стр. 65.

[22] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 77, лл. 51—52.

[23] Большевистская газета «Вперед» (см. № 18, от 18 (5) мая 1905 г.) без изменения перепечатала это воззвание Саратовского комитета к крестьянам и распространяла его среди партийных организаций.

[24] СОГА, ф. прокламаций, 1905 г.

[25] Перепечатка издания Бюро комитета большинства и редакции «Вперед» (СОГА, ф. прокламаций, № 2678).

ках и маевках в городе, о целях борьбы пролетариата. Издавались листовки со специальным обращением к сельскому пролетариату, к деревенской бедноте. В апреле 1905 г. комитет распространил в губернии листовку «Просыпайся и поднимайся, деревенская беднота».

Различные пути использовала саратовская большевистская организация для распространения социал-демократической литературы среди крестьян. Тайно от полиции привозили ее в деревню агитаторы, члены «Аграрной группы». Они передавали листовки надежным крестьянам, забрасывали в крестьянские дворы, расклеивали на домах и заборах, разбрасывали на улицах и дорогах, распространяли на базарах, на ярмарках, на постоялых дворах.

В политическом воспитании крестьян и распространении революционной марксистской литературы огромное значение имела непосредственная связь рабочих с крестьянами. Приезжая на побывку в родную деревню, рабочие привозили вести о стачечной борьбе пролетариата промышленных городов, о стачках рабочих Саратова, о целях их борьбы, призывали крестьян объединяться с ними. Нередко рабочие привозили с собой в деревню листовки, раздавали и читали их крестьянам.

5 мая 1905 г. начальник саратовского охранного отделения доносил в Петербург, что местные социал-демократы направили большие силы на пропаганду среди крестьян Саратовской губ. и достигли в этой области значительных результатов [26]. Это — важное признание врага о силе большевистского воздействия на массы.

Революционная пропаганда и агитация и другие формы работы большевиков в деревне были важным средством усиления пролетарского влияния на деревню. Уже весной 1905 г. крестьянское движение в Саратовской губ. было выше среднего общероссийского уровня, охватив в апреле — мае шесть из десяти уездов губернии, тогда как в Европейской России в целом оно охватило весной в среднем только $^1/_7$ всех уездов. В губернии за указанный период было отмечено 68 крестьянских выступлений [27].

Крестьяне губернии нанесли при этом немалый ущерб помещикам. Данные об убытках только по восьми имениям (из разгромленных 40 имений) составляли за это время сумму в 27 148 руб. [28]

Для подавления крестьянских волнений и охраны помещичьих имений в распоряжение уездных исправников были направлены части казачьей вольнонаемной команды, сформированной по специальному распоряжению Столыпина. Для устрашения крестьян по уездам разъезжали драгуны. Сотни крестьян были арестованы и брошены в тюрьмы. Однако крестьянское движение продолжало нарастать. Летом 1905 г. под влиянием обострения политической обстановки в стране оно поднялось еще выше.

В этот период саратовским большевикам приходилось работать в чрезвычайно трудных условиях. Полиция преследовала членов организации, арестовывала их, неоднократно громила типографии Саратовского коми-

[26] СОГА, ф. 6-с, 1903—1905 гг., д. 17, л. 167.

[27] Общих сводных данных о количестве крестьянских выступлений в Саратовской губ. за все время революции 1905—1907 гг. либо по отдельным ее периодам в литературе и архивных документах нет. Приводимые нами здесь и далее данные такого рода подсчитаны по сообщениям с мест, поступавшим тогда в большевистскую печать, в местную и центральную печать других направлений, в правительственные учреждения. Необходимо при этом отметить известную условность полученных данных как о количестве, так и о формах крестьянских выступлений. Однако применяя метод учета крестьянских выступлений по однотипным источникам, автор полагает, что эти данные верно отражают картину движения.

[28] «Коммунистический путь», 1925, № 37—38, стр. 39.

13 Зак. 1310

тета. Внутри самой саратовской организации РСДРП обострилась борьба между большевиками и меньшевиками. Меньшевикам удалось удержать большинство мест в комитете. Они пытались любыми средствами восстановить саратовскую организацию против большевистских центров, вносили путаницу в адреса и явки, по которым велась переписка с большевистским ЦК, доставлялась газета «Пролетарий» и другая большевистская литература. Меньшевики саботировали партийную работу и всячески стремились сорвать выполнение решений III съезда РСДРП. При обсуждении решений съезда РСДРП им удалось протащить примиренческую резолюцию по аграрному вопросу [29]. Под давлением меньшевиков Саратовский комитет признал неприемлемым аграрные резолюции как съезда, так и меньшевистской конференции. Такое решение нужно было меньшевикам для срыва работы. Потому-то они и не отвечали на пожелание редакции «Пролетарий» получить разъяснение резолюции Саратовского комитета [30].

Однако, несмотря на подрывную работу меньшевиков в комитете, большевикам удалось вскоре наладить связь с большевистскими центрами. Большевистский ЦК и газета «Пролетарий» помогали им преодолевать ошибки в работе и развертывать пропаганду решений III съезда. Большевики Саратовского комитета укрепляли связь с районными и уездными организациями РСДРП, налаживали издание социал-демократической литературы. Ширились связи большевиков с деревней.

В июне и июле 1905 г. жандармы дважды захватывали типографию Саратовского комитета, но, опираясь на районные организации, большевики комитета сумели издать и направить в уезды большое количество брошюр В. И. Ленина, большевистских газет, воззваний. Листовки более 15 наименований были обнаружены в селах и деревнях губернии летом 1905 г. [31] Саратовские большевики продолжали распространение прежних листов и издавали новые, связанные с задачами текущего момента.

Летом Саратовский комитет начал издание «Крестьянского листка». В июне вышел его первый номер, который получил широкое распространение в губернии. Красной нитью через все статьи «Листка» проходил призыв к укреплению союза крестьян и рабочих. В статье «О том, что добрые помещики для рабочего народа надумали» большевики убедительно показывали крестьянам, что либеральные помещики, кричавшие о борьбе за свободу, хотят лишь столковаться с царем и наложить на крестьян новые платежи. Статья подводила крестьян к выводу, что в бою с самодержавием только они сами в союзе с пролетариатом смогут добыть свободу.

В другой статье «Как надо бороться», большевики в соответствии с тактическими решениями III съезда РСДРП выдвигали перед крестьянами лозунг конфискации помещичьих, монастырских, удельных и прочих земель. Они разъясняли, что для осуществления этого необходимо соединить борьбу за уничтожение помещичьих усадеб и захват земли помещиков с борьбой против всего политического строя, против самодержавия. «Пока существует теперешнее правительство, всегда помогаю-

---

[29] Решения III съезда партии обсуждались Саратовским комитетом 31 мая, а затем — вторично в июне (В. Осипов. Саратовская организация РСДРП в 1905—1907 гг., стр. 78—85).

[30] «Пролетарий», № 10, от 2 августа (20 июля) 1905 г., где была напечатана резолюция Саратовского комитета РСДРП.

[31] Подсчитано по донесениям Саратовского губернского жандармского управления

щее богатым против бедных,— говорилось в «Листке»,— никакими поджогами крестьяне не улучшат своего положения».

В этом же номере «Крестьянского листка» в корреспонденции «Что делается у нас в губернии» революционные социал-демократы на близких, понятных крестьянам примерах из жизни сел и деревень Саратовской губ. раскрывали обман народа царским правительством, тщетность надежд крестьян на «доброту» царя и министров. В статье рассказывалось о том, как царь «угостил» крестьян села Ивановки 2-й, Балашовского уезда, арестом 15 крестьян за участие в составлении приговора о своих нуждах, отосланного ими на основании царского рескрипта от 18 февраля 1905 г. На этом примере саратовские большевики показывали крестьянам, что даже самое незначительное обещание царя — это мыльный пузырь, из которого ничего не получится. Царской политике лжеуступок они противопоставляли лозунг революционной социал-демократии: «Да здравствует союз крестьян и рабочих!».

Саратовский комитет придавал большое значение созданию в деревне кружков сознательных крестьян. Для направления работы пропагандистов он еще в мае издал «Программу для занятий с крестьянскими кружками». Большое место в «Программе» отводилось освещению вопросов тактики пролетариата в революции, выяснению руководящей роли рабочего класса, необходимости совместной борьбы пролетариата и крестьянства за политическую свободу.

«Программа» сопровождалась перечнем пособий к каждой лекции. В основу пособий были положены произведения В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Аграрная программа социал-демократов», «К деревенской бедноте», «Революционный авантюризм».

«Программа для занятий с крестьянскими кружками», выработанная большевиками Саратовского комитета, получила положительную оценку большевистского «Пролетария». Она была перепечатана в № 1 этой газеты с примечанием редакции, в котором указывалось, что эта программа может служить полезным материалом для обсуждения практической стороны работы в деревне [32]. Этим самым «Программа» приобретала общероссийское значение. Она способствовала развитию революционной социал-демократической пропаганды среди крестьян и в других губерниях страны.

В связи с опубликованием 6 августа царского указа о созыве булыгинской думы Саратовский комитет РСДРП издал листовку, в которой он призывал рабочих и крестьян к бойкоту думы — этой комедии на народное представительство и к продолжению революционной борьбы [33].

Саратовские большевики, руководствуясь указаниями В. И. Ленина и решениями III съезда РСДРП, летом усилили работу среди сельского пролетариата. Задачам его политического воспитания были посвящены изданные Саратовским комитетом «Крестьянский листок» № 2 и прокламация «Крестьянской бедноте» [34]. Обращаясь к сельским рабочим, большевики призывали их не ходить на работы к помещикам, по примеру городских рабочих и вместе с ними устраивать забастовки.

Таким образом, несмотря на попытки меньшевиков сорвать выполнение решений III съезда, большевики саратовской организации летом 1905 г. боролись за претворение их в жизнь. В их политической агитации в деревне уже летом 1905 г. нашли отражение важнейшие решения

[32] «Пролетарий», № 1, от 27 (14) мая 1905 г.
[33] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 88, л. 105.
[34] Там же, д. 66, лл. 147, 171; д. 80, л. 197 и др.

съезда — дальнейшая борьба за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, лозунги вооруженного восстания, конфискации всех земель, специальные обращения к сельскому пролетариату.

В десятках сел губернии крестьяне получали летом 1905 г. подпольную большевистскую литературу. 11 июля 1905 г. крестьянки с. Рыбушки, Саратовского уезда, поймали плывший по реке Карамышке женский башмак, в котором оказалось 36 экземпляров «Крестьянского листка» № 1; в августе «Листок» был обнаружен у крестьян с. Курдюм того же уезда. В июне среди крестьян с. Голицыно, Аткарского уезда, ходила прокламация «Крестьянской бедноте». 2 августа в дер. Есиповке, Александровской вол., Саратовского уезда, был найден «Крестьянский листок» № 2. 17 листовок Саратовского комитета обнаружил у себя в телеге по возвращении из города крестьянин с. Салтыковка Каюрин[35].

Возрастал интерес крестьян к политике. В с. Дуровка, Сердобского уезда, в с. Рыбушка, Саратовского уезда, под влиянием революционных социал-демократов организовались крестьянские кружки, а в лесах устраивались крестьянские сходки[36].

В июне — июле 1905 г. в губернии было зарегистрировано 144 крестьянских выступления. Весной выступили крестьяне 48 сел и деревень в шести уездах губернии, а летом — 73 сел в 9 уездах. Движение стало, таким образом, еще выше среднего общероссийского уровня ($^9/_{10}$ уездов против $^1/_5$ во всей стране).

Движение распространялось по губернии неравномерно. Более 90% всех крестьянских выступлений за январь — июль 1905 г. (58 из 68— весной и 130 из 144— летом) приходилось на основной район крупного помещичьего землевладения и отработок — уезды Балашовский, Сердобский, Аткарский, Петровский и Саратовский. Как уже указывалось, эти уезды представляли район с наибольшим количеством сохранившихся крупных крепостнических латифундий в губернии (580 из 772) и, следовательно, с преобладанием старых крепостнических форм эксплуатации крестьянства.

Крестьяне в Аткарском, Балашовском, Петровском, Сердобском (от 95 до 97% крестьянских дворов) и в Саратовском (около 80%) уездах имели менее 15 десятин надельной земли, т. е. количество, недостаточное для содержания семьи[37]. Эти пять уездов были главным районом отработок в губернии, а крестьянство в них больше других пострадало в связи с русско-японской войной[38]. Для Саратовского уезда, кроме того, имела значение близость к губернскому центру, где была сосредоточена основная масса промышленного пролетариата и откуда скорее могло распространиться влияние его стачечной борьбы. Уездные города Аткарск, Балашов, Петровск, Сердобск были крупными железнодорожными узлами с большим числом железнодорожных рабочих, разносивших по уезду вести о революционной борьбе пролетариата, о событиях в Саратове и других городах страны.

Основными формами крестьянской борьбы в губернии весной и летом 1905 г. были поджоги и разгромы помещичьих усадеб, порубки леса, по-

---

[35] О распространении революционной социал-демократической литературы в уездах см. СОГА, ф. 1, 1905 г., дд. 66, 67, 80, 85, 88 и др.

[36] СОГА, ф. 6-с, 1906 г., д. 7, т. 1, л. 72; 1902—1906 гг., д. 34, л. 47.

[37] См. В. И. Ленин. Соч., т. 15 стр. 59.

[38] На долю указанных уездов приходилось, например, около $^2/_3$ площади только испольного посева в губернии, или 98 тыс. десятин из 146 707 десятин («Материалы для оценки земель Саратовской губернии», вып. 2. Саратов, 1905, стр. 89—90). Более 90% призванных на войну в губернии приходилось на эти пять уездов («Сборник сведений по Саратовской губ. за 1905 г.», вып. 2, отд. 2, стр. 75).

травы лугов, увоз хлеба и сена, «забастовки» крестьян-арендаторов. Кое-где крестьяне захватывали помещичьи земли и приступали к их разделу между собой (четыре случая за апрель—июль). В четырех уездах (Петровском, Саратовском, Балашовском и Аткарском) имели место стачки сельскохозяйственных наемных рабочих. В отдельных местах крестьяне начинали понимать необходимость борьбы не только против помещиков, но и против органов самодержавной власти. За январь—июль в губернии было зарегистрировано 10 выступлений против местных властей и полиции. Нередко выступления сопровождались вооруженными столкновениями между крестьянами и войсками, присланными для их подавления.

Крестьянская борьба в губернии разрасталась. Весной и летом 1905 г. в 50 селах выступления повторялись неоднократно[39].

Крестьяне настойчиво пытались «выкурить» помещиков из их имений. По данным столыпинского отчета, за первую половину года крестьяне губернии уничтожили 93 имения. Крупным массовым выступлением летом 1905 г. было волнение крестьян с. Новый Чардым (Новокрещены), Петровского уезда, в имении земского начальника Кожина. «Дело» крестьян Нового Чардыма с помещиком Кожиным, незаконно захватившим у них 36 десятин земли, тянулось давно. После нескольких обращений с просьбами в различные правительственные инстанции крестьяне убедились, что решить вопрос о земле смогут только они сами в непримиримой борьбе с помещиком. 6 июня 1905 г. они собрали сельский сход, на котором решили отобрать землю у Кожина и начать выкос лугов. 7 июня новочардымцы во исполнение приговора «всем обществом» в количестве до 150 человек вышли косить луга помещика[40]. Несмотря на репрессии местных властей, волнение не прекращалось. Приговором 12 июня крестьяне снова подтвердили решение схода от 6 июня и продолжали косьбу травы. Столыпин приказал исправнику «немедленно стянуть стражников, урядников и прекратить своевластие»[41], но исправник оказался бессильным и умолял губернатора прислать ему на помощь войска[42].

Расследовать дело в Новом Чардыме приехал вице-губернатор Новиков. Не добившись ничего уговорами и запугиванием, он двинул на крестьян взвод драгун и приказал открыть огонь. Но и это не остановило крестьян. Они долго сопротивлялись драгунам кольями, палками, камнями. А 15 июня губернатору доносили, что крестьяне дер. Новый Чардым скосили луг помещика Кожина на участке, который они считали спорным. Так крестьяне фактически осуществили захват помещичьей земли[43].

О силе крестьянского движения в губернии свидетельствуют частые случаи вызова дополнительных нарядов войск уездными властями. Только по официальным, далеко не полным данным, по распоряжению Столыпина для подавления крестьянских волнений с 1 июня по 1 сентября 1905 г.

---

[39] Число повторных крестьянских выступлений в годы революции не поддается точному учету. Очень часто в документах указывается на систематический характер выступлений крестьян в том или другом селе. Какая же цифра скрывается под словом «систематический» — установить невозможно. Поэтому указанную цифру мы можем считать лишь весьма приблизительной и употреблять только в целях сравнения по отдельным этапам.

[40] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 78, лл. 138, 143.

[41] Там же, д. 52, л. 15.

[42] Там же, л. 9.

[43] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 78, лл. 124, 128, 132, 146; д. 52, лл. 5, 9. См. также о захвате 72 десятин земли помещика Левашова крестьянами д. Ивановки, Колоярской вол., Вольского уезда (там же, дд. 73, 99); о захвате земли купца Агишева крестьянами дер. Кадыковки, Баклушинской вол., Вольского уезда (там же, д. 99) и др.

дополнительные наряды войск и казаков были направлены в 20 сел губернии[44]. Земским начальникам и уездным исправникам Столыпин предписывал применять «самые решительные меры» для подавления аграрного движения. Он сам систематически разъезжал по уездам с эскадроном драгун и чинил жестокую расправу над крестьянами. В июне он совершил такую «прогулку» по Балашовскому и Аткарскому уездам. Столыпин побывал в 21 селе, всюду подвергая крестьян поркам и арестам[45]. В июле он организовал в Балашове черносотенный погром. В отчете министру внутренних дел он хвастался своими зверскими мерами «успокоения» деревни: «Все село, почти,— доложил он о своей расправе с крестьянами с. Ивановка 2-я Балашовского уезда,— сидело в тюрьме по моим постановлениям... Я занял дома наиболее виновных казаками, оставил там отряд оренбуржцев и учредил в этом селе особый режим»[46].

Но даже самые жестокие столыпинские меры были неспособны внести успокоение в деревню, предотвратить рост крестьянского движения.

Положение крестьянства губернии к осени 1905 г. стало особенно тяжелым. В Саратовской губ. был снова недород. По неполным земским данным (земство, как всегда, скрывало подлинные размеры голода в губернии), недобор пяти главных хлебов (ржи, пшеницы, овса, проса и ячменя) составил у крестьян 60,7% среднего сбора. В 1905 г. в губернии было собрано хлеба в 4 раза меньше, чем в 1904 г. Центральная часть губернии — уезды Балашовский, Саратовский, Аткарский и Вольский — были охвачены почти полным недородом[47].

В результате уже к осени стала очевидной угроза нового голода в губернии. Нужда и бедствия масс обострялись необычайно. Росли революционные настроения в городе и деревне. В то же время рост революции продолжался во всей стране. В октябре 1905 г. российский пролетариат провел первую политическую стачку в масштабе всей страны и добился первой победы. В манифесте 17 октября царь вынужден был обещать созыв законодательной думы, свободу слова, собраний, союзов. Активными участниками всероссийской стачки были рабочие Саратова и губернии. 26 сентября начали забастовку печатники Саратова. 8—10 октября в нее включились железнодорожные рабочие и служащие Саратова, Балашова, Аткарска, Ртищева, Камышина, Петровска, Кузнецка. В Саратове бастовали рабочие металлических заводов Беринга и Гантке, рабочие и служащие других заводов и учреждений.

Своим примером массовой экономической и политической стачки пролетариат теперь еще более поднимал и организовывал на борьбу крестьянство. Большое значение в деле мобилизации широких крестьянских масс на активную революционную борьбу имело дальнейшее укрепление связей саратовских большевиков с деревней.

Саратовский комитет РСДРП с осени 1905 г. еще шире развернул политическую агитацию среди крестьян. В августе большевики, опираясь на районные организации и рабочих-большевиков фабрик и заводов, смогли провести реорганизацию комитета. В результате за меньшевиками в комитете осталось только одно место из шести. Позиции большевиков в саратовской социал-демократической организации значительно

[44] Перечисление войск с указанием даты их вызова в село. См. ЦГВИА, ф. 400, ст. 3, отд. 2, д. 15, ч. 1, лл. 390—393, 429—430, 452—453, 494—496.

[45] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 8, л. 12.

[46] Там же, д. 169, л. 19.

[47] «Сборник сведений по Саратовской губернии за 1905 г.», вып. 2, отд. 1, стр. 77 79—80.

укрепились. Это определило политическую линию комитета на всю вторую половину 1905 г. [48]

Осенью 1905 г. Саратовский комитет издал многочисленные прокламации, брошюры, а также статьи В. И. Ленина, напечатал статьи из газет «Вперед» и «Пролетарий» [49]. Много тысяч экземпляров было специально выпущено для крестьян.

Так, комитет перепечатал и распространил в губернии статью В. И. Ленина «Единение царя с народом и народа с царем», листовку «Крестьянам о Думе», «Крестьянский листок» № 3. 17 сентября Саратовский комитет издал листовку «К крестьянам». В популярной форме большевики рассказывали в ней о целях борьбы пролетариата, о том, чего рабочие социал-демократы добиваются для крестьян. Большевики пропагандировали в листовке решения III съезда РСДРП об отношении к крестьянскому движению. Они давали крестьянам такие тактические советы, которые направляли их борьбу не только против отдельных помещиков, а могли бы действительно парализовать весь аппарат царской власти и превращали бы каждое выступление крестьян в выступление политическое. В листовке «К крестьянам» большевики напоминали о тех методах борьбы против помещиков и правительства, которые они выдвигали в мартовском воззвании «К товарищам крестьянам!» [50].

В начале октября 1905 г. Саратовский комитет переиздал эту листовку, особо подчеркнув в ней необходимость организованной борьбы и вооруженного восстания. «Помните только,— говорилось в листовке,— что все отдельные захваты земли, которые вы успеете сделать, все эти захваты могут быть закреплены за вами только тогда, когда власть над государством перейдет из рук царя в руки Всенародного Учредительного Собрания, только тогда, когда произойдет революция. Кроме того, вооружайтесь, кто чем может: ружьями, револьверами, кинжалами и т. д. Готовьтесь к решительной открытой войне с вековым врагом народа — царским правительством!» [51].

К вооруженному восстанию и сплочению вокруг сознательного пролетариата звали большевики крестьян и в изданном ими в октябре «Крестьянском листке» № 4, в котором они на примерах из революционной борьбы крестьян Саратовской губернии показывали значение силы организованного натиска на помещиков и царские власти [52].

В то время как либеральная буржуазия, удовлетворенная «даром» царя, окончательно повернула в сторону контрреволюции, большевики саратовской организации возглавили борьбу пролетариата против лживых обещаний царского манифеста 17 октября, за высвобождение крестьянства из-под влияния либералов, за продолжение революции. После опубликования манифеста большевики призывали к продолжению всеобщей стачки и к подготовке вооруженного восстания. Уже 19 октября Саратовский комитет выпустил листовку «К гражданам» («Наша борьба не прошла бесследно»). В ней давалась большевистская оценка манифеста 17 октября, как новой попытки обмануть народ громкими обещаниями, успокоить его [53].

В ноябре Саратовский комитет издал отдельной листовкой «Программу для занятий с крестьянскими кружками», листовку-конспект о поло-

---

[48] В. Осипов. Указ. соч., стр. 94—96.
[49] Там же, стр. 130.
[50] ЦГИА, ф. листовок, № 11511 (СОГА, ф. прокламаций, 1905 г., без номера).
[51] «Пролетарий», № 24, от 7 ноября (25 октября) 1905 г.
[52] СОГА, ф. прокламаций, 1905 г., № 3890.
[53] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 55, л. 181.

жении крестьянства, призыв к образованию крестьянских комитетов. Революционные социал-демократические листовки и брошюры пользовались большой популярностью у крестьян и распространялись еще более широко, чем прежде. Их обнаруживали расклеенными на дворах, на крестьянских избах, разбросанными на улицах сел.

Осенью 1905 г. Саратовский комитет был отмечен большевистским «Пролетарием» как один из наиболее связанных с деревней. Одна из лучших его листовок «К крестьянам» была перепечатана в этом же номере газеты [54].

Дальнейшее обострение бедствий крестьянских масс в связи с неурожаем 1905 г., влияние всероссийской октябрьской политической стачки и рост сознания крестьянских масс под влиянием расширившейся революционной агитации в деревне обусловили новый подъем крестьянской борьбы в губернии осенью 1905 г.

Движение охватило осенью все 10 уездов губернии и достигло уровня значительно выше среднего общероссийского (в Европейской России осенью движением была охвачена лишь $^1/_3$ всех уездов). В него были вовлечены более широкие крестьянские массы, чем в период первого подъема. Это становится особенно ясно при учете данных по волостям. Если весной и летом 1905 г. в движении приняли участие крестьяне около $^1/_3$ волостей (84), то осенью 1905 г.— $^1/_2$ волостей губернии (141 из 281).

За октябрь — декабрь 1905 г. в губернии зарегистрировано 509 крестьянских выступлений. Наибольшая сила движения приходится на двадцатые числа октября, когда, неудовлетворенные царским манифестом и на опыте убедившиеся в силе общего революционного натиска, крестьяне выступали особенно активно. Всего на октябрь приходится 335 крестьянских выступлений, или более $^3/_5$ общего числа за последние три месяца 1905 г.

Как и в период первого подъема, наиболее активно выступили крестьяне центральной части губернии — уездов Сердобского, Петровского, Балашовского, Аткарского и Саратовского, где имело место 440 выступлений из 509. Движение при этом раньше всего начиналось в местах, близко расположенных к линиям железной дороги, там, где осуществлялась непосредственная связь крестьян с пролетариатом города.

Осенью движение в губернии приняло характер настоящих крестьянских восстаний. Крестьянское движение развивалось не только вширь, но и вглубь.

Характерной чертой осеннего подъема была возросшая массовость, большая наступательная сила, решительность и смелость крестьянских выступлений. Крестьяне поднимались против помещиков целыми селами, деревнями, нередко несколько сел объединялись для совместного выступления (Андреевская, Боцмано-Ивановская волости, Балашовского уезда, Больше-Екатериновская, Даниловская волости, Аткарского уезда, Кургановская волость, Сердобского уезда и мн. др.).

Для крестьянского движения этого периода характерно сочетание поджогов имений с открытым массовым разгромом их. Всего за осень 1905 г. крестьяне губернии уничтожили до 200 помещичьих усадеб (93 — в первой половине года) [55].

В Аткарском уезде к середине октября, в связи с началом забастовки на железной дороге, крестьянское движение охватило несколько бли-

---

[54] «Пролетарий», № 24, от 7 ноября (25 октября) 1905 г.

[55] Подсчитано по данным столыпинских отчетов министру внутренних дел. См. СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 36-а, л. 15.

жайших к городу Аткарску волостей. 15 октября 1905 г. земский начальник Коревицкий телеграфировал губернатору: «Забастовки железной дороги послужили сигналом беспорядков деревень...» [56] Рабочие-железнодорожники были здесь непосредственно связаны с крестьянами, оказывали им практическую помощь в борьбе против помещиков. О прямой связи крестьянского движения в уезде с деятельностью рабочего стачечного комитета с беспокойством доносил 17 октября в Саратов исправник Аткарского уезда Бутлер: «Положение особо серьезное... Стачечный революционный комитет открыто разъезжает поездами, развозит по деревням оружие, оставляет руководителей. Телеграф передает воззвание о восстании» [57]. К 20 октября движение стало распространяться на южные и западные волости. В течение нескольких дней в уезде было разгромлено до 15 имений. Крестьяне разобрали хлеб на станциях Жерновка, Капеллы, Лопуховка, а также из имений помещиков Липперт, Шиловой, Колесниковой и др.

Вслед за рабочими железной дороги поднялись крестьяне Балашовского уезда. Исправник в своих донесениях губернатору также подчеркивал связь выступлений в деревне с забастовками рабочих в городах [58].

Быстро росло крестьянское движение и в других уездах. Земский начальник 6-го участка Петровского уезда 22 сентября 1905 г. писал Столыпину, что в уезде «не проходит ни одной ночи без того, чтобы у кого-нибудь не горело» [59]. Осенью движение в этом уезде началось раньше всего в северо-западном углу, в волостях Старо-Захаркинской, Кондальской, Порзовской, Верхозимской. Оно затем быстро распространилось на юго-восток и охватило сразу 10 волостей, или более $^1/_3$ уезда. Среди помещиков уезда началась паника [60].

Осенью усилилось движение и в Сердобском уезде. По донесению земского начальника губернатору в имении помещика Сабурова в с. Боровая Полянщина, Бутурлинской вол., только за лето 1905 г. было около 20 случаев поджогов [61]. В результате крестьянских волнений оно оказалось точно в осаде. Крестьяне объявили помещику Сабурову забастовку и отказались обрабатывать землю на прежних условиях. В начале октября выступили крестьяне двух северных волостей — Хованской и Колемасской, и южной — Байковской. Крестьяне жгли усадьбы ненавистных помещиков: 7 октября загорелось имение Мотковской в дер. Волынщино, 9 октября — усадьба Беляевой в с. Затолокино, 11 октября загорелось в двух местах одновременно имение помещика Ермолаева в Колемасской волости. Горели и другие имения в уезде.

В Саратовском уезде осенью движение сначала нарастало медленно. В сентябре — первой половине октября здесь было всего 10 крестьянских выступлений. Раньше всего запылало имение Столыпиных в Лесной Нееловке [62]. 8 октября в Сокурской волости крестьяне подожгли стога сена в имении Крестьянского банка, 13 октября в селе Липовке дважды в течение суток горело имение помещицы Ростовцевой.

После некоторого затишья в августе, в сентябре снова выступили крестьяне Вольского уезда (11 крестьянских волнений).

---

[56] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 54, л. 201.
[57] Там же, л. 316.
[58] Там же, л. 134.
[59] Там же, д. 79, л. 18.
[60] Там же, д. 36-а, лл. 13—14.
[61] Там же, д. 107. Число случаев поджогов здесь, очевидно, преувеличено. Земский начальник выторговывал помещику сумму побольше в возмещение убытков, понесенных во время «крестьянских беспорядков».
[62] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 80, л. 229.

Осенью в губернии обострилась борьба внутри самого крестьянства, между деревенской беднотой и кулачеством. Весной 1905 г. (апрель — май) в губернии было зарегистрировано восемь выступлений крестьянской бедноты против кулаков и купцов, летом — 19, только в сентябре —22, а в последнем квартале года (октябрь — декабрь) — около 80. Среди них особенно упорным было выступление крестьянской бедноты против крупного кулака Сенотова, имевшего много земли, дома, мельницу в селах Столыпино, Юрьевской вол., Новосильцеве, Караваевке, Новосильцевской вол., с большим числом батраков. В сентябре Сенотов несколько раз горел. 9 и 11 сентября крестьяне подожгли у него дом со всеми надворными постройками в с. Столыпино, в первых числах совершили поджог в его имении в Новосильцеве и порубили лес, 17 сентября они сожгли его дом и мельницу. Крестьяне-батраки дер. Большой Караваевки объявили Сенотову забастовку и не пускали никого на работу в его имение. 5 сентября Сенотов поставил других рабочих пахать землю. Тогда в имение явилось около 40 крестьян дер. Б. Караваевки, вооруженных топорами, вилами, ружьями. Не понимая еще хорошо, какими методами надо бороться, крестьяне переломали плуги в имении, порубили телеги, а лошадей и рабочих прогнали с поля. Волнение крестьян в имении кулака Сенотова удалось подавить только с помощью присланной туда полусотни казаков [63].

20 октября 1905 г. Столыпин доносил министру внутренних дел о самых «решительных мерах», принятых им для подавления новых революционных выступлений в губернии и сообщал, что «без усиления войск удержать порядок в уездах немыслимо» [64]. Вскоре после этого в Саратовскую губ. были присланы, по распоряжению Трепова, батальон 78-й дивизии из Пензы, батальон солдат из Симбирска, одна казачья сотня из Оренбурга и одна из Самары [65].

Однако положение в губернии не изменилось. В конце октября — начале ноября крестьянское движение в губернии достигло кульминационного размаха. И это не случайно. 18 октября в Саратове стало известно о царском манифесте, а в 20-х числах его начали зачитывать в церквах по уездам. Крестьяне не были удовлетворены манифестом. Они увидели в нем первую свою победу, но ничего не услышали в манифесте о самом для них главном — о земле. Понять лицемерный характер царского манифеста крестьянам помогали большевики. В лживости обещаний царя крестьяне смогли особенно убедиться по событиям в губернии в следующие после объявления манифеста дни. Как и во всей России, в Саратовской губ. произошли черносотенные погромы, организованные губернатором Столыпиным и епископом Гермогеном.

Погромы, организованные черносотенцами в губернии, и вести о таких же кровавых делах царя и в других губерниях заставили крестьян убедиться в правильности большевистской оценки манифеста, в лживости обещаний царя. Крестьяне целыми деревнями собирались на сходы, где выражали свое неудовлетворение царским манифестом и заявляли, что борьба не окончена. Холодно встретили манифест крестьяне Сердобского уезда. Всюду после прочтения манифеста первым вопросом крестьян было: «А почему здесь ничего не сказано о земле?» [66]. Неудовлетворенность

---

[63] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 74.
[64] Там же, д. 55, л. 65.
[65] ЦГИА, ф. департамента полиции, О. О., оп. 5, д. 1350, ч. 20, лл. 93, 109, 126; см. также СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 56, лл. 289—297.
[66] «Саратовский листок», № 212, от 29 октября 1905 г., см. также «Приволжский край», № 212, от 30 октября 1905 г.

манифестом выразил в специальном приговоре и сход крестьян с. Синенькие Саратовского уезда. В октябре — ноябре в местных газетах было опубликовано немало таких крестьянских приговоров [67].

О необходимости продолжать борьбу заявили крестьяне с. Баланды, Аткарского уезда. 25 октября, после того как на площади в этом селе был отслужен молебен по случаю царского манифеста, крестьяне остались на митинг. В своих выступлениях они говорили, что нужно не бросать борьбу, а нажать покрепче и добиться полного наделения крестьян землей [68].

Либеральная буржуазия губернии прилагала большие усилия, чтобы преодолеть это революционное настроение крестьянских масс и остановить революционное движение в губернии. Манифест 17 октября саратовские кадеты называли «святым событием». Они пели хвалу Николаю II и призывали к прекращению революции [69]. Саратовское земство распространяло в губернии «Обращение к крестьянам по поводу беспорядков и манифеста 17 октября» [70], в котором оно советовало крестьянам в связи с выходом манифеста возложить все надежды на Думу, «выбрать в Думу лучших людей из господ» (подчеркнуто мною,— *В. Г.*) и не громить больше помещичьи усадьбы.

Воздействовать на крестьян либералы пытались и через так называемые экономические советы при уездных земствах. Для видимости народного представительства к участию в них на десятки либеральных помещиков и буржуа привлекалось несколько крестьян из местных кулаков. Экономические советы должны были стать центрами проведения либерального влияния на крестьянство. Задача этих советов состояла в том, чтобы пропагандировать среди крестьян верность манифесту 17 октября, призывать к прекращению восстаний [71].

Кроме того, либеральная буржуазия прибегла к организации так называемых народных собраний. Под руководством либеральной буржуазии и помещиков крестьяне должны были на таких собраниях выразить восхищение актом 17 октября. Резолюции этих собраний носили крайне расплывчатый характер. Видя огромное возбуждение крестьян, земские руководители «народных собраний» не могли обойти в нем совсем вопрос о земле, не могли умолчать и о некоторых других требованиях народа. Но делали они это так, чтобы не затронуть интересов помещиков и формулировали главный вопрос — вопрос о земле — в весьма туманной форме: «для подъема экономического благосостояния деревни необходимо увеличение площади землепользования» [72]. За счет кого? На какой основе? Об этом резолюции совершенно умалчивали.

Так печатным и устным словом либеральная буржуазия пыталась воздействовать на крестьянство, воспрепятствовать его сплочению вокруг пролетариата, привести его к сделке с царем и тем закончить революцию. Однако ее расчеты не оправдались. Сами либералы должны были признать, что во второй половине октября народное движение в губернии не прекратилось, а усилилось, так как крестьяне не были удовлетворены актом 17 октября [73]. Всего за две недели, с 20 октября по 5 ноября 1905 г.,

---

[67] «Приволжский край», 1905 г., № 212, 231, 239 и др.
[68] СОГА, ф. 4-с, оп. 16, 1905 г., д. 115, лл. 185—186.
[69] СОГА, ф. прокламаций, № 4432.
[70] Там же, без номера.
[71] «Саратовский листок», № 210, от 27 октября 1905 г.
[72] См. резолюцию «народных собраний» сел Большие Копены и Белое Озеро Аткарского уезда, в газ. «Саратовский листок», № 216 от 3 ноября 1905 г.
[73] «Саратовский листок», № 217 от 4 ноября 1905 г. (корреспонденция из Петровска).

в губернии произошло 325 крестьянских выступлений. Именно в эти дни крестьянское движение распространилось на все 10 уездов губернии, и в него была вовлечена теперь почти вся основная масса крестьян губернии. Центр крестьянской борьбы в губернии продолжал оставаться в районе уездов Балашовского, Петровского, Сердобского и Аткарского.

Как сообщал Столыпин в «Краткой записке о последних беспорядках в Саратовской губернии», в Балашовском уезде движение особенно усилилось около 20 октября [74]. Начавшись в Сестренской волости, крестьянское движение в ближайшие дни распространилось почти на весь уезд. Каждый день поступали сообщения о выступлении крестьян в нескольких местах [75]. В столыпинском официальном списке («охваченные беспорядками местности») перечислено 40 имений помещиков и купцов в Балашовском уезде, которые крестьяне подвергли в конце октября — начале ноября 1905 г. поджогам и разгрому [76]. Крестьяне уезда отказались платить подати и земские сборы. За октябрь балашовское земство получило от крестьян различных сборов почти в 3 раза меньше, чем за тот же месяц 1904 г. [77]

В Петровском уезде крестьянское движение во второй половине октября охватило все волости [78]. По далеко неполным сведениям исправника, занесенным в упомянутый уже столыпинский список, в Петровском уезде с 16 октября по 4 ноября было сожжено и разгромлено 29 имений и хуторов [79].

В ряде сел Петровского уезда выступления происходили под руководством крестьянских комитетов. В селах Спасском и Урлейке крестьяне избрали революционный комитет, в селах Малая Сердоба, Старо-Славкино, Ключи, Урлейка, Спасское, в деревнях Александровке, Камаевке, Мачкассы, Пылково крестьяне создали хорошо вооруженные боевые дружины [80]. В этих местах крестьянские выступления, несмотря на наличие элементов стихийности, в целом носили более организованный, наступательный характер и приводили к большим результатам. Крестьяне начинали явочным порядком осуществлять революционно-демократические преобразования в деревне, прямой захват помещичьей земли.

Так, 26 октября 1905 г., возглавленные революционным комитетом и боевой дружиной, выступили против помещика М. С. Ермолаева (имение при с. Ключи, Кондальской вол.) крестьяне сел. Ключи, Старо-Славкина, Ново-Демкина и хутора Петровок. Крестьяне арестовали служащих экономии, устранили местных представителей власти, арестовав урядника, жандарма и стражника. Революционный комитет конфисковал землю и имущество помещика. Крестьяне избрали для управления имением особую администрацию и объявили имение общественной собственностью [81].

«Приволжский край» сообщал, что такие выступления в Петровском уезде были не единичным явлением, а совершались «по всей округе» [82].

[74] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 36-а, л. 1.
[75] Там же, дд. 45, 55, 56, 71, 72, 74.
[76] Там же, д. 36-а, л. 7—11.
[77] «Саратовский листок», № 228, от 18 ноября 1905 г.
[78] «Приволжский край», № 212, от 30 октября 1905 г.
[79] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 36-а, л. 1. При подсчете, произведенном нами по отдельным донесениям из уезда, поступавшим от того же исправника, местного жандармского управления, земских начальников и сведениям в местной печати за то же время в Петровском уезде были подвергнуты разгрому, поджогам 72 имения.
[80] Там же, д. 53, л. 44; д. 79, лл. 91—92.
[81] Там же, д. 79, лл. 91—92; д. 53, л. 44. «Приволжский край», № 212, от 30 октября 1905г.
[82] «Приволжский край», № 212, от 30 октября 1905 г.

В с. Спасском-Александровке крестьяне, действовавшие под руководством революционного комитета, арестовали и посадили в холодную помещика Н. С. Ермолаева, арестовали старшину, захватили имение [83]. 23 октября было захвачено имение помещицы Бекетовой при с. Урлейка, Кондальской вол. Революционный комитет конфисковал здесь землю и имущество имения и передал крестьянам [84]. В с. Зыбино, Спасско-Александровской вол., в эти же дни крестьяне захватили имение Адикаевской [85].

Во всех случаях крестьяне выступали сообща, несколькими селами. Солидарно с русскими крестьянами выступали против помещицы Языковой и крестьяне-мордовцы с. Пылково, Пылковской вол. Имение Языковой в течение осени поджигали несколько раз [86].

В целом в Петровском уезде преобладали стихийные формы борьбы: поджоги усадеб, порубки, потравы. На крестьянском движении в этом уезде, как и в ряде других, сильно сказывалось влияние эсеров. По сообщению большевистской газеты «Новая жизнь», аграрный террор составлял типичную черту крестьянского движения в Саратовской губ. [87].

Напуганный размахом движения Столыпин двинул в Петровский уезд три роты пехоты, полторы сотни казаков и взвод пулеметчиков. Во главе войск был поставлен известный своей жестокостью подполковник Ганнеман. Боясь, что этих сил нехватит, а движение может распространиться и на соседний Кузнецкий уезд, Столыпин обратился еще за помощью к пензенскому и тамбовскому губернаторам, с которыми он договорился о преследовании восставших крестьян, независимо от границ губерний. Пензенский губернатор направил на помощь Столыпину в Кузнецкий уезд 100 человек пехоты. Ганнеман безжалостно открывал огонь по крестьянам. По официальным данным, в с. Варыпаево, Петровского уезда, были убиты двое крестьян, в с. Кондоле — один, близ деревни Сердобинки — двое. В селах производились многочисленные аресты [88]. Однако репрессии не могли заставить крестьян прекратить борьбу.

В Аткарский уезд, по распоряжению Столыпина, уже к середине октября было стянуто большое количество войск под общим командованием подполковника Резникова, который с особой свирепостью и жестокостью расправлялся с участниками крестьянского движения. Несмотря на это, крестьянское движение и здесь во второй половине октября, после опубликования манифеста, усилилось и отличалось большой массовостью.

Особенно активно продолжали борьбу крестьяне Даниловской и Больше-Екатериновской волостей. В Даниловской вол. выступили крестьяне всех сельских обществ, за исключением двух. В Больше-Екатериновской вол. в крестьянском движении, по заявлению земского начальника Коревицкого, участвовало поголовно все крестьянство; в волости были сожжены все экономии [89]. Особого напряжения крестьянское движение в уезде достигло в последних числах октября. Близ с. Колена крестьяне сожгли барские усадьбы Шмидта, Мухина, Воскобойникова, Минха, Пашкевича и др. Имение Столыпиных в Аткарском уезде оказалось в осаде.

---

[83] Там же, СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 53, лл. 44, 57, 92; д. 79, л. 91—93.
[84] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 53, л. 44.
[85] Там же, л. 64.
[86] Там же, д. 79, лл. 92—93; д. 52, л. 61.
[87] «Новая жизнь», № 11, от 12 ноября 1905 г.
[88] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 36-а, лл. 3—4.
[89] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 55, л. 145.

Одним из наиболее значительных в Аткарском уезде было выступление крестьян с. Баланды против крупнейшего помещика Шереметьева (одна только баландинская вотчина его насчитывала 31 493 десятины). Это было продолжением давней борьбы крестьян села с владельцем крепостнических латифундий и прямым развитием их весенне-летних выступлений [90]. Оно интересно как пример перехода экономического (по характеру) движения в политическое.

Осенние выступления баландинских крестьян начались как обычно во многих местах. Крестьяне производили систематические порубки леса в имении Шереметьева, а утром 29 октября подожгли экономические постройки, развезли хлеб и имущество. Волнение продолжалось три дня. Для его подавления власти прислали отряд драгун. Баланда была объявлена на положении усиленной охраны. 30 организаторов выступления были арестованы. Это еще более возмутило всех крестьян. Кто-то из них ударил набат в церковный колокол. По его сигналу сбежались со всего села крестьяне, вооруженные вилами, кольями и пр. Увидев огромную массу народа, драгуны побоялись оставаться в селе и повели арестованных за его пределы. Освободить односельчан пока не удалось. Но в этот же день, 30 октября, состоялся сельский сход, который единодушно принял следующий приговор: «1) объявить все земли крестьянскими и с весны приступить к распашке; 2) требовать всеобщего избирательного права; 3) не давать ни одного рекрута в солдаты до того времени, пока крестьяне не добьются удовлетворения своих требований; 4) требовать удаления вооруженной силы из Баланды и организовать милицию; 5) требовать освобождения всех заключенных за убеждения» [91].

31 октября волнение продолжалось. В 12 час. дня крестьяне снова собрались на сход, который фактически превратился в революционный митинг. Один за другим на возвышении появлялись крестьяне и произносили речи с изложением общих крестьянских требований.

Только с помощью присланной в Баланду полуроты солдат, отряда драгун и отряда казаков во главе с вице-губернатором Кнолем власти смогли подавить сопротивление крестьян. Угрозы Кноля, его увещевания и лживые посулы поколебали страдавшую доверчивостью малосознательную массу крестьян и дали возможность вооруженной силе царизма одержать победу над безоружными крестьянами села.

Однако эта победа была временной. Крестьяне Баланды еще не раз поднимались в годы первой революции.

В Сердобском уезде движение особенно усилилось с 22 октября. «Каждую ночь горят по нескольку экономий», сообщали в газете «Приволжский край» из этого уезда [92]. Основным районом крестьянских выступлений и здесь была полоса вдоль линии железной дороги Саратов — Тамбов. Во второй половине октября — начале ноября, по неполным данным, в уезде имело место более 40 крестьянских выступлений; крестьяне сожгли и разгромили более 25 барских усадеб [93]. И в этом уезде выступле-

---

[90] СОГА, ф. 4-с, оп. 16, 1905 г., д. 115, лл. 101, 127—144; д. 42, л. 50, ф. 1, 1905 г., д. 66, лл. 114, 127; «Приволжский край», № 108, от 4 июня 1905 г.

[91] СОГА, ф. 4-с, оп. 16, 1905 г., д. 115, лл. 181, 188—190; «Саратовский листок», № 218, от 5 ноября 1905 г.

[92] «Приволжский край», № 215, от 3 ноября 1905 г.

[93] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 36-а, лл. 7—11. Здесь, как и в других случаях, мы считаем данные столыпинской «Краткой записки» неполными. По выборочным донесениям с мест за указанное время в Сердобском уезде было 49 выступлений; крестьяне совершали поджоги и разгромы порубку леса и пр. в 41 имении помещиков, кулаков и других лиц, закрыли 3 винные лавки, разгромили одно волостное правление, вывезли хлеб с одной станции.

ния отличались большой массовостью, почти в каждом из них принимали участие крестьяне нескольких сел, иногда до 25—30 селений [94]. Выступления крестьян наносили помещикам большой ущерб. «Саратовский листок» писал, что только в трех имениях (Михайловых и Москалева) он составил сумму до 100 тыс. руб. [95].

Присланные в уезд войска не раз открывали огонь по безоружным крестьянам. По сообщению Столыпина, в конце сентября — начале ноября в Сердобском уезде был убит 51 крестьянин, 14 человек было ранено. Полковника Зворыкина, под командованием которого находилось в уезде $5^1/_2$ рот и более трех сотен казаков для подавления крестьянских «беспорядков», за проявленную в этом деле лихость губернатор называл «офицером выдающейся энергии» [96].

В начале ноября впервые за 1905 г. отмечаются выступления крестьян в Кузнецком уезде. Только за 5 дней, с 1 по 5 ноября, они сожгли и разгромили в уезде 12 помещичьих усадеб. Движение началось раньше всего на границе Петровского уезда, а затем распространилось вглубь уезда [97]. Выделялись своей революционностью в уезде села Неклюдовка, Юлюзань, Новокрещенское и др. Несколько дней продолжалось волнение крестьян в с. Анненково в имении помещика Иконникова. Крестьяне подожгли и разгромили его имение [98].

С большим упорством боролись крестьяне с. Турдак, Наскафтымской вол., Кузнецкого уезда. Их выступление длилось с 13 по 20 ноября 1905 г. Крестьяне порубили экономический лес и постановили на сходе оказать сопротивление властям, никакому требованию начальства не подчиняться, леса не возвращать, не выдавать своих руководителей. Подавить восстание крестьян в с. Турдак удалось только с помощью большого числа присланных сюда войск и после массовых арестов крестьян [99].

В конце октября — начале ноября крестьянское движение охватило также Вольский, Камышинский и Царицынский уезды. В Вольском уезде за октябрь — ноябрь имело место 7 крестьянских выступлений, в Камышинском — 15, в Царицынском — 4. В первом это были главным образом поджоги и разгромы помещичьих усадеб, в Камышинском и Царицынском — порубки леса. Выступления крестьян и здесь нередко сопровождались сопротивлением властям и полиции. Для охраны помещичьих имений в Царицынский уезд были направлены рота Бобруйского полка и полусотня оренбургских казаков [100]. Но движение крестьян было настолько упорным и приняло такие размеры, что этих сил оказалось недостаточно. 30 ноября губернатор телеграфировал, что им направлены в Царицын для подавления аграрных беспорядков полусотня из Падов, полусотня из Аркадака, рота Дубненского полка, два взвода пулеметчиков из Балашова [101]. Только в с. Каменный Брод были арестованы и заключены в тюрьму 34 крестьянина [102].

---

[94] «Приволжский край», № 212, от 30 октября 1905 г.

[95] «Саратовский листок», № 213, от 30 октября 1905 г. О выступлении крестьян Сердобского уезда, см. также «Саратовский листок», № 226, от 16 ноября 1905 г.; «Приволжский край», № 212, 215, от 30 октября и 3 ноября 1905 г.; СОГА, ф. 1, 1905 г., л. 58.

[96] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 36-а.

[97] «Саратовский листок», № 220, от 8 ноября 1905 г.

[98] СОГА, ф. 1, 1905 г., дд. 49, 76; «Саратовский листок», № 220, от 8 ноября 1905 г.

[99] Там же, д. 76, л. 61.

[100] Там же, д. 61, лл. 65, 79, 96, 126.

[101] Там же, л. 90.

[102] Там же, л. 116.

В Саратовском уезде, расположенном ближе к губернскому центру, где была сосредоточена основная масса промышленного пролетариата губернии, где Аграрная группа Саратовского комитета РСДРП сумела установить более тесные, чем в некоторых других уездах, связи с деревней, крестьяне выступили после 17 октября очень активно. В последних числах октября — начале ноября они сожгли и разгромили в уезде до 15 помещичьих усадеб. 20 октября крестьяне сел Ириновка, Голицыно, Воронцовка, Тепловка и Новая Деревня в числе до 300 человек захватили волостное правление и казенное имение при с. Тепловка. Они оказали вооруженное сопротивление полиции. Чтобы лишить местные власти связи с центром, откуда могли быть вызваны войска, крестьяне уничтожили в Тепловке телефонную станцию. Не имея силы удержать имение, крестьяне сожгли все конторские книги и бумаги с записями долговых обязательств крестьян, а затем подожгли и все имение [103]. Одновременно крестьяне сожгли и разгромили соседние с Тепловкой помещичьи усадьбы: Ириновский и Елшанский хутора кн. Щербатовых, имение Катковой при с. Сухой Карабулак и др. [104]

Столыпин приказал уездному исправнику подавить движение, применив оружие, и направил в Тепловку казаков [105]. Однако и в последующие дни движение в уезде не утихало. Горело имение Столыпиных в Лесной Нееловке, Сперанского в Ненарокомовке, хутор Пилюгина в Лохамендовке, имение Бенкендорф в Сокуре, горели помещичьи имения в других местах.

Своего высшего развития революционная борьба крестьян Саратовской губ. достигла в это время в вооруженном восстании крестьян Мариинской волости Саратовского уезда, и нескольких сел Аткарского уезда. Центром его было с. Николаевский Городок. В восстании приняли участие крестьяне сел Константиновка, Марьевка, Александровка, Кувыки, Рыбушки, Саратовского уезда и сел Карамышки и Слепцовки, Аткарского уезда. Восстание крестьян было подготовлено и осуществлено под непосредственным руководством Аграрной группы Саратовского комитета РСДРП и местной социал-демократической организации. Во главе восставших стоял избранный на общем собрании крестьян революционный комитет. Восстание проходило под лозунгом «Долой самодержавие!» и отличалось большой организованностью.

Одиночное, не поддержанное такими же восстаниями в других местах, не имевшее прочной связи с выступлениями рабочих, вооруженное восстание крестьян Николаевского Городка потерпело поражение. Но несмотря на это, оно явилось значительной попыткой осуществления большевистской тактики в крестьянском движении. Восстание обогатило крестьян не только Саратовской, но и других губерний России опытом революционной вооруженной борьбы, оно на практике подтвердило правильность большевистского лозунга о необходимости организации революционных крестьянских комитетов, их способность быть органами вооруженного восстания и новой революционной власти и осуществлять все революционно-демократические преобразования в деревне. Восстание в Николаевском Городке показало, что только там, где во главе восстания в селах становились крестьянские комитеты, руководимые революцион-

---

[103] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 57, л. 130; д. 55, лл. 137—138; «Приволжский край», № 208. от 26 октября 1905 г.

[104] Там же, д. 55, л. 8—9, 143.

[105] Там же, д. 57, л. 22.

ной социал-демократией, крестьянское движение принимало организованный характер [106].

Осенью 1905 г. по губернии в целом усилилось политическое движение среди крестьянства. Крестьяне многих сел выступили с широкой программой не только экономических, но и политических требований, закрепляя их в приговорах сельских сходов. Среди крестьян нашли широкий отклик большевистские листовки («К товарищам крестьянам», «К крестьянам» и др.), призывавшие не подчиняться властям, бойкотировать помещиков, не давать рекрутов, составлять приговоры о захвате земли. Составление подобных приговоров приняло особенно большие размеры в Аткарском уезде. Жандармские донесения отмечали, что в ряде мест этого уезда в составлении «незаконных» приговоров на сельских сходах принимали непосредственное участие социал-демократы [107].

21 октября 1905 г. крестьяне с. Графшино, Аткарского уезда, в своем приговоре заявили, что они будут продолжать борьбу, пока не добьются вместо Государственной думы, «в которой нет места истинным защитникам народных интересов: 1) Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов; 2) передачи всей земли казенной, удельной, помещичьей без выкупа в уравнительное пользование всего трудящегося народа; 3) отмены всех недоимок, выкупных платежей, косвенных налогов и введения подоходного налога; 4) бесплатного всеобщего образования» [108].

В том же приговоре крестьяне постановили объявить 900 десятин земли помещика Рябинина народной собственностью и приступить к временному разделу ее между членами общества, впредь до утверждения будущим Учредительным собранием [109].

Крестьяне с. Графшино признавали властью на селе только своих выборных должностных лиц и только им подчинялись. Была установлена строгая охрана конфискованного в имении имущества и леса. Организованно решили крестьяне и вопросы о спорных участках земли с крестьянами соседних сел. Это было очень важно, так как нередко помещики и местные власти специально натравляли одно село на другое, чтобы ослабить таким образом силы революционного противопомещичьего движения и тем самым легче подавить его.

К 6 ноября в Аткарском уезде было составлено от 15 до 25 аналогичных приговоров [110]. В ряде мест крестьяне выносили постановления об объявлении земли помещиков народной собственностью и приступали к временному ее разделу, впредь до утверждения будущим Учредительным собранием [111].

Такие же приговоры выносились во множестве и в других уездах губернии.

Крестьяне с. Обольяниновка, Ахматовской вол., Камышинского уезда, приговором схода объявили бойкот помещикам, арендную и податную

---

[106] Подробное описание восстания крестьян с. Николаевский Городок и окрестных сел см. «Новая жизнь», № 11, от 12 ноября 1905 г.; «Пролетарская революция», 1925, № 12 (47); В. Осипов. Указ. соч., стр. 119—124; СОГА, ф. 4-с, д. 184.

[107] СОГА, ф. 4-с, 1905 г., д. 210, т. I, л. 536; оп. 16, д. 140, л. 5; ф. 1, 1905 г., д. 66, л. 25. В 1906 г. в Аткарском уезде было установлено существование соц.-демократической группы (СОГА, ф. 4—6, 1906 г., д. 304, лл. 12—16).

[108] «Приволжский край», 1905, № 210, от 28 октября 1905 г.; СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 95, л. 51.

[109] Там же.

[110] Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза, М., 1906, стр. 23.

[111] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 95, лл. 42, 46—57; ф. 4-с, д. 210, т. I, лл. 270—271.

забастовки, отменили все раннее составленные ими с владельцами приговоры и сделки об аренде земли, лугов, рыбных ловель [112].

На приговоре мордовинского сельского схода той же волости Камышинского уезда ярко прослеживается политический рост крестьян в ходе революции. В фонде кацелярии саратовского губернатора сохранились несколько приговоров крестьян этого села. Если весной и летом 1905 г. крестьяне с. Мордово решались принимать только просительные приговоры на имя царя о понижении прямых и косвенных налогов, о распространении образования, о достаточном обеспечении крестьян на средства государства, о назначении меньшей арендной платы соседним помещикам, то приговоры, принятые ими осенью 1905 г., носят уже боевой политический характер. 6 ноября они приняли приговор, аналогичный приговору крестьян с. Обольяниновка, и также объявили бойкот помещикам, арендную и податную забастовки [113]. На другом сходе в этот же день крестьяне с. Мордово решили бойкотировать полицию и временно, до организации сельской милиции, поручить охрану порядка сельскому старосте [114].

О требованиях уничтожить все средневековое землевладение и установить выборные власти в стране говорилось в приговорах крестьян сел Нарышкино, Беково, Хованщины, Ивановки 2-й, Гранки, Мошково Сердобского уезда и многих других [115].

Как видим, крестьяне Саратовской губ. в своей массе выступили в 1905 г. с революционно-демократическими требованиями.

Самым популярным среди крестьян Саратовской губ. было требование созыва Учредительного собрания на основе «четыреххвостки». Под влиянием политической стачки пролетариата осенью 1905 г. значительно возросло и политическое движение в крестьянстве.

Исключительный размах и углубление революции в стране и губернии, особенно после опубликования манифеста 17 октября, вызвали дальнейшее обострение борьбы между либеральной буржуазией и пролетариатом за крестьянство. Она особенно прослеживается на истории крестьянских организаций в губернии.

Либеральная буржуазия решила использовать в своих целях возросшую у крестьян тягу к созданию своей политической организации. Первые организации Крестьянского союза в Саратовской губ. начали создаваться еще летом 1905 г. В июне возник Крестьянский союз в Петровском уезде, в июле — отделение Крестьянского союза в Саратове. Были созданы организации Союза в Балашовском и Аткарском уездах. Осенью 1905 г. отделения Союза стали возникать в губернии почти повсеместно. К середине декабря в них насчитывалось до 10 тыс. членов [116].

Либеральная буржуазия, пробравшаяся вместе с эсерами к руководству отделения Крестьянского союза в губернии, стремилась направить с его помощью крестьянское движение в губернии по мирному пути, к сделке с помещиками. Однако и здесь расчеты либералов не оправдались. Несмотря на либеральное руководство, Крестьянский союз Саратовской губ. являлся подлинно демократической организацией самих крестьянских масс.

18 декабря 1905 г. состоялся губернский съезд Крестьянского союза, которому предшествовали уездные крестьянские съезды, а также крестьянские собрания по селам. Губернский съезд принял программу и устав

---

[112] СОГА, ф. 1, 1906 г., д. 332, л. 33.
[113] Там же, лл. 248, 249—255.
[114] Там же, лл. 255—256.
[115] «Приволжский край», № 212, от 30 октября 1905 г.
[116] СОГА, ф. 6-с, 1905 г., д. 39, л. 123 об.

и избрал губернский комитет Союза. В приговорах сельских и волостных собраний, постановлениях уездных и губернского съездов Союза крестьяне требовали привлечения действительных представителей народа к управлению государством, созыва Учредительного собрания, уничтожения полиции, введения всеобщего образования. Центральное место занимал в них пункт о земле. Крестьяне продолжали в различной форме высказываться за уничтожение частной собственности на землю, за проведение национализации земли [117]. Обобщенное выражение все эти требования получили в программе губернского Крестьянского союза, принятой 18 декабря 1905 г. [118]

В программе Крестьянского союза Саратовской губ. подробнее, чем в постановлениях ноябрьского съезда Союза в Москве, был разработан аграрный вопрос. В трех пунктах программы особо оговаривалось, что земли монастырские, церковные, удельные, кабинетские, частновладельческие и прочие должны быть отобраны без выкупа и вознаграждения, а вся земля должна быть передана в пользование рабочего народа.

В основных пунктах программы были отчетливо выражены важнейшие требования демократической революции; конфискация всех земель без всякого выкупа (пункты 2, 3, 4 программы), требование гражданских прав и политических свобод для всего народа, уничтожение пережитков крепостничества в законодательстве, требование созыва всенародного Учредительного собрания (пункты 13, 16 программы).

Под давлением своих членов — рядовых крестьян — саратовский Крестьянский союз пошел дальше решений ноябрьского делегатского съезда Всероссийского крестьянского союза и по тактическим вопросам. Уже на московском съезде ясно обозначилось расхождение во взглядах и тактике рядовых крестьянских делегатов съезда из Саратовской губ. с их руководителями из либералов и из эсеров-интеллигентов. Выступления делегатов-эсеров от Крестьянского союза Саратовской губ., особенно по вопросам тактики крестьянской борьбы, отражали соглашательство мелкобуржуазных революционеров, их боязнь слишком решительного наступления народа на самодержавие. На заседании от 8 ноября эсеровский делегат от Саратова заявил: «Партия социал-революционеров не стоит за кровавый путь, как это многими понимается. Эта партия всеми силами своей души желала бы остаться при мирных путях» [119].

Однако речи рядовых крестьянских делегатов Саратовской губ. на съезде шли вразрез с такими выступлениями. Они высказывались за прямые вооруженные действия в борьбе за землю и волю. В простой незамысловатой речи крестьянин Балашовского уезда, выступая по резолюции о тактике, говорил: «Без Учредительного собрания невозможно распределить всю землю и закрепить ее за народом. Но Учредительного собрания еще нет, мы видим только царскую Думу. Учредительного собрания не будет, если мы будем сидеть и молчать. Разве волк отдаст овцу, если его не бить? Организоваться нужно, но для борьбы. Иначе организация ничего не стоит. Солдаты организованы, но если они безоружены, то один вооруженный человек может перестрелять весь полк. В борьбе прольется кровь, но если будет то, что теперь, то в тысячу раз больше прольется крови. В борьбе также прольется кровь, но эта кровь

[117] См., например, СОГА, ф. 1, 1906 г., д. 128, лл. 75, 92; ф. 4-с, 1905 г., д. 198, л. 28—29 и др.

[118] СОГА, ф. 6-с, 1905 г., д. 39, лл. 123—124.

[119] Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза, стр. 65—66.

не пропадет даром: из нее восстанет солнце свободы. Тогда не будет больше проливаться кровь» [120]. Саратовский делегат призывал крестьян к вооружению и вооруженному восстанию. Это, конечно, пришлось не по вкусу либералам.

Но если руководителям московского съезда все же удалось обойти тактические требования крестьян, то на местах это было сделать труднее. Под давлением крестьянских масс в постановлениях саратовского крестьянского съезда было записано (п. 11), что общая землевладельческая забастовка признается им в качестве одного из средств борьбы, а не единственным средством. В решениях съезда, кроме этого, говорилось (п. 19) о задаче вооружения крестьян и о борьбе, «в случае необходимости силой оружия совместно с городским рабочим классом» за Учредительное собрание. С оговоркой саратовский съезд Крестьянского союза высказался за тактику вооруженной борьбы. Вопреки желаниям либералов и эсеров, рядовые крестьяне вносили свое революционное содержание в программу и тактику Союза.

Одновременно в программе Союза, принятой губернским съездом, отразились утопические иллюзии крестьян. Это сказалось в таких положениях программы, как требование уравнительного землепользования без наемного труда в условиях сохранения товарного хозяйства, в требовании сохранения волостных поместных общин, в утверждении возможности существования трудовых крестьянских товариществ, без эксплуатации (п. 7), в условиях, когда программа предусматривала уничтожение частной собственности только на землю при ее сохранении на все другие средства производства. Эсеры нагло скрывали, что при таких условиях и общественная артельная обработка земли, и сбыт продуктов, и покупка нужных товаров могли производиться только с выгодой для богатых крестьян-кулаков, что так называемые трудовые крестьянские товарищества не могли бы быть ничем иным, как товариществами кулацкими.

Либералы же позаботились о том, чтобы постановление съезда предусматривало передачу в руки земства дела распределения земли (п. 5). Правда, в п. 17 говорилось о необходимости немедленного преобразования всех земских учреждений на основе всеобщего избирательного права. Но совершенно ясно, как указывали большевики, что никакое «немедленное преобразование» местных органов власти не могло бы сколько-нибудь долго продержаться, если бы не были преобразованы центральные органы, не было уничтожено самодержавие (о последнем в программе и не упоминалось).

Только вековой забитостью, темнотой и несознательностью недавно пробудившегося к политической жизни крестьянства, его колеблющимся положением как класса мелкобуржуазного, т. е. условиями, создававшими благоприятную почву для утопизма и соглашательства, можно объяснить включение в программу Союза приведенных положений.

Этими же причинами, а также непривычкой крестьян к организации объясняется и тот факт, что лидерам съезда удалось протащить страдавший расплывчатостью, ни к чему не обязывавший членов устав Союза [121].

И все же революционно-демократический характер программы и тактики Крестьянского союза Саратовской губ. не вызывал в целом со-

---

[120] Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза, стр. 57.

[121] СОГА, ф. 6-с, 1905 г., д. 39, л. 112.

мнения. Это свидетельствовало о провале планов либеральной буржуазии полностью подчинить крестьянство губернии своему влиянию с помощью организаций Крестьянского союза. Крестьяне Саратовской губ. вместе с крестьянством всей страны в сущности боролись не за реформистский, а за революционный путь ликвидации всех пережитков крепостничества.

После Всероссийской октябрьской политической стачки непосредственной революционной задачей дня стала подготовка вооруженного восстания народа против царизма. За решение этой задачи боролась и саратовская большевистская организация. В этот момент еще большее значение приобрела революционная работа среди крестьян. Саратовские большевики еще более усилили печатную и устную агитацию в деревне. По подсчетам В. А. Осипова, осенью 1905 г. Саратовский комитет издал около 100 названий листовок, брошюр и т. п.[122], в том числе и листовки, обращенные к крестьянам. Аграрная группа Саратовского комитета РСДРП организовала чтение публичных рефератов по аграрному вопросу, проводила митинги, на которых члены групп разъясняли социал-демократическую программу и тактику. В ноябре — декабре в большевистской газете «Новая жизнь» сообщалось о трех таких митингах, организованных саратовскими социал-демократами. Чаще всего местом митингов являлся Пеший базар в Саратове, куда стекалось обычно много городских жителей и приезжавших в город крестьян.

Члены Аграрной группы разъезжали по селам и деревням губернии, продолжали организацию крестьянских кружков, вели широкую агитационную работу. Одним из активных членов группы был Александр Алексеевич Богданов и выходец из крестьян Вольского уезда пропагандист-агитатор Иван Никанорович Талалов, проводивший большую работу среди крестьян Саратовского и Аткарского уездов. Среди крестьян Хвалынского уезда работал большевик Василий Матвеевич Серов. Большевики Саратовской организации РСДРП, исходя из решений III съезда партии, правильно определили свое отношение к крестьянской организации. Поддерживая Крестьянский союз на местах, они одновременно боролись за социал-демократическое влияние внутри этой организации, за руководство крестьянским движением.

Саратовский комитет РСДРП направлял своих представителей на съезды и собрания отделений Союза в селах и уездах. Активную деятельность в этом отношении развернули члены Аткарской группы РСДРП. По сведениям жандармского управления, они участвовали в крестьянских сходах Графщинского, Бутырского и других обществ, на которых были приняты приговоры с требованием захвата помещичьей земли. Они были также активными участниками съезда крестьянских уполномоченных в г. Аткарске [123]. Своего представителя А. А. Богданова Аграрная группа Саратовского комитета направила на губернский Крестьянский съезд 18 декабря. А. А. Богданов первым выступил на съезде по вопросу о земле. Разоблачая аграрные программы других партий, он в своей речи пропагандировал большевистский лозунг конфискации земли [124].

В конце ноября — начале декабря 1905 г. аграрная группа Саратовского комитета РСДРП совместно с уездными социал-демократиче-

---

[122] В. Осипов. Указ. соч., стр. 130.

[123] СОГА, ф. 4-с, оп. 16, 1905 г., д. 140, лл. 4—7; ф. 6-с, 1903—1905 гг., д. 17, лл. 330—331.

[124] СОГА, ф. 4-с, 1905 г., д. 210, т. II, л. 369.

скими группами провела в губернии три крестьянских съезда (в Камышинском и Балашовском уездах и объединенный съезд крестьян 25 волостей Аткарского и Саратовского уездов). Резолюции этих съездов отличались непоследовательностью в ряде положений, но в них все же были поставлены важнейшие задачи крестьянского движения в революции — конфискация помещичьих и прочих земель, организация крестьянских комитетов, внесение большей организованности в крестьянское движение, тесный союз рабочих и крестьян [125].

В целом проведение трех социал-демократических крестьянских съездов в губернии свидетельствовало об успешной деятельности саратовских большевиков в деревне, об их тесной связи с деревней и было одним из ярких примеров борьбы между пролетариатом и либеральной буржуазией за крестьянство. Съезды состоялись в момент, когда в губернии проходила подготовка к губернскому съезду Крестьянского союза; они имели большое значение для политического воспитания крестьянства, для усиления революционного пролетарского влияния на крестьян. Резолюции крестьянских социал-демократических съездов были отпечатаны в листовках на гектографе, широко распространялись в уездах и пользовались большой популярностью среди крестьян.

10 декабря, в связи с начавшимся в Москве вооруженным восстанием, Саратовский комитет РСДРП, по настоянию большевиков, провозгласил всеобщую политическую забастовку. Большевики призывали одновременно готовиться к всенародному вооруженному восстанию. Комитет призывал крестьян присоединиться к вооруженной борьбе пролетариата. «Час победоносного вооруженного восстания пробил!— говорилось в большевистской листовке «Товарищи крестьяне!».— Долой самодержавие! Поражайте самодержавное правительство со всех сторон; прогоняйте старшин, земских начальников и полицию, организуйтесь в сельские дружины, вооружайтесь кто чем может, избирайте революционные крестьянские комитеты» [126].

Под воздействием большевистской агитации крестьяне Саратовской губ. в декабре 1905 г. продолжали упорную борьбу. В губернии пылали усадьбы помещиков, продолжались массовые порубки леса, крестьяне увозили хлеб из помещичьих амбаров, захватывали помещичью землю.

Выступления крестьян Саратовской губ. в декабре 1905 г. против помещиков имели место в 38 местах [127].

Почти повсеместно в губернии продолжалась податная забастовка. О ее размерах можно судить по ежегодным сведениям о поступлениях податей и сборов с крестьян. Если в 1903 г. казна недополучила с крестьян Саратовской губ. 34% суммы государственного поземельного налога

---

[125] Непоследовательность резолюций этих съездов выражалась в том, что, наряду с лозунгом конфискации всех земель, в другом разделе резолюции говорилось о конфискации отрезков и только земель крупных землевладельцев, необрабатываемых помещичьим инвентарем. В момент, когда в стране шла подготовка к вооруженному восстанию, в резолюции съездов не ставилась задача вооружения крестьян и вооруженного восстания (см. ЦГИА, ф. листовок, № 9914; СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 79, л. 214). Непоследовательность резолюций объяснялась тем, что к этому времени в Саратовском комитете РСДРП снова усилились позиции меньшевиков, и, видимо, не все члены Аграрной группы стояли на твердых большевистских позициях; не были последовательны и сами крестьяне — делегаты съездов.

[126] В. Осипов. Указ. соч., стр. 135.

[127] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 44, лл. 63, 68; д. 50, л. 78; «Саратовский листок», № 255, от 23 декабря 1905 г.; № 4 от 5 января 1906 г.

и выкупных платежей, то в 1905 г., вследствие податной забастовки, она недополучила 77,6% суммы по тем же платежам, не считая земских сборов [128].

Характерной чертой крестьянского движения в губернии в декабре 1905 г. было дальнейшее углубление его как движения не только экономического, но и политического.

Сознание крестьян сильно отставало от непосредственной революционной практики, продиктованной ненавистью к помещику и заразительным примером революционной борьбы пролетариата. Ход революции убеждал крестьян в необходимости свергать учреждения власти, стоявшие на страже интересов помещиков.

Крестьяне оказывались перед тем фактом, что «...осуществить аграрный переворот крестьянство не может без устранения старой власти, постоянного войска и бюрократии, ибо все эти — вернейшие оплоты помещичьего землевладения, связанные с ними тысячами нитей» [129]. Это получило отражение в повсеместном распространении в губернии случаев составления приговоров крестьянских сходов с требованием Учредительного собрания, с объявлением бойкота властям и полиции и т. д. [130].

Наиболее активно выступили в декабре крестьяне двух уездов — Аткарского и Балашовского. В Аткарском уезде бойкот полиции принял почти повсеместный характер [131]. Особенно широкий размах в этом уезде движение приобрело в двух волостях, отличавшихся активными крестьянскими выступлениями на протяжении всего 1905 г.,— в Больше-Дмитриевской и Широко-Карамышской. В декабре 1905 г. крестьяне этих волостей выступали не только против владельцев латифундий — помещиков Чаплиц и Дурново, но и против местных властей и полиции. Крестьяне Широко-Карамышской вол. различными путями старались вооружаться. К январю 1906 г. в их распоряжении было до 50 курковых ружей-дробовиков [132].

Против местных властей выступил и Ольховский Крестьянский союз в Царицынском уезде. Выступление крестьян началось здесь еще в ноябре 1905 г., когда крестьяне с. Каменный Брод произвели массовую порубку леса в имении дворянки Всеволжской. Для защиты помещицы в село прибыл пристав. Он пытался заставить крестьян вернуть срубленный лес. Крестьяне ответили отказом. Собравшись вместе, они избили пристава, старосту, стражника и одного крестьянина, очевидно, кулака, принявшего сторону властей. Было начато судебное преследование каменнобродских крестьян. Тогда 27 ноября собрание «Крестьянского союза Ольховской волости», на котором присутствовали до 400 крестьян сел Ольховка, Каменный Брод, Успенка, Кленовка, Гусевка, Зензеватка и др., выразило свою солидарность с действиями каменнобродцев и потребовало немедленно убрать из с. Каменный Брод солдат и священника Победоносцева. 6 декабря «Ольховский Крестьянский союз» постановил убрать из сел волости полицию, «объявить ей бойкот и не давать ее представителям квартир, прекратить выдачу средств из общественных сумм». Крестьяне бойкотировали местные власти и вой-

---

[128] Статистические обзоры по Саратовской губ. за 1903 и 1905 гг., Саратов, 1904 и 1906, стр. 11.

[129] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 319.

[130] СОГА, ф. 1, 1906 г., д. 325, л. 128; «Саратовский листок» 1905 г., № 245, 246, 252; «Приволжский край», 1905 г., № 250 и др.

[131] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 68, л. 125.

[132] СОГА, ф. 1, 1906 г., д. 125; «Приволжский край», № 254, от 31 декабря 1905 г.

ска. Присланным для подавления аграрного движения в Каменный Брод войскам приходилось ездить закупать овес, сено и продукты за 30 верст от села, в имение помещика Ткаченко. Крестьяне — члены Союза обратились с призывом к солдатам не стрелять в восставших братьев, а бороться с ними за одно общее дело, «за счастье общее нашей ограбленной, разоренной родины» [133].

Так, начавшись как движение экономическое из-за недостатка лесных угодий, выступление крестьян Ольховской вол. против отдельных помещиков переросло в борьбу против учреждений царской власти на местах, в движение политическое. Такое явление в 1905 г. было, как мы уже видели, не единичным.

Кое-где передовые крестьяне стали высказывать недоверие обещанной царем Государственной думе. Так, крестьяне с. Хмелевка, Саратовского уезда, требуя немедленного созыва всенародного Учредительного собрания, заявляли в постановлении схода, принятом в начале декабря 1905 г.: «Только истинные народные представители могут сделать для нас то, что нужно, а не купеческая и дворянская дума» [134]. В этом же приговоре крестьяне села требовали перехода земли в руки всего народа и объявляли банковскую землю, прилегавшую к селу, общенародной собственностью.

Вместе с общим ростом революции в России крестьянское движение из отдельных, разрозненных, небольших выступлений в январе — марте 1905 г. перерастало в крупные массовые выступления, охватившие к осени 1905 г. все десять уездов губернии. В течение всего 1905 г. крестьяне Саратовской губ. упорно боролись против помещиков, уничтожив 293 помещичьих усадьбы [135]. За 1905 г. в губернии выступили крестьяне 175 волостей из 281. В 143 селах в течение года крестьянские выступления происходили неоднократно, а в ряде сел непрерывно (с. Баланда, Аткарского уезда, с. Хованщина, Сердобского уезда, с. Лесная Нееловка, Саратовского уезда, с. Коптевка, Аткарского уезда, села Урлейка и Грязнуха, Петровского уезда). По своему размаху крестьянское движение в Саратовской губ. в 1905 г. было значительно выше среднего общероссийского уровня.

Вместе с тем крестьянское движение в губернии имело и слабые стороны. Оно было стихийным. Крестьянам нехватало упорства в борьбе. В крестьянстве были сильны представления наивного монархизма.

Крестьяне губернии поднимались на борьбу вслед за пролетариатом. Однако крестьяне Саратовской губ. не смогли объединиться с пролетариатом в декабре 1905 г. в самый решительный для революции момент вооруженного натиска на царизм. В декабре количество крестьянских выступлений в губернии уменьшилось (74 против 335 в октябре). Значительной активностью борьбы отличались только два уезда — Балашовский и Аткарский, на долю которых приходилось более половины декабрьских крестьянских выступлений в губернии.

Распыленность и разрозненность, далеко еще недостаточная сознательность и неорганизованность, колеблющееся положение крестьянства как класса — вот главные причины того, что оно не могло подняться в декабре 1905 г. на вооруженное восстание против царизма. Хотя за первый год революции крестьяне губернии и прошли значительную школу политического воспитания, однако трудно было веками забитому рус-

---

[133] СОГА, ф. 4-с, 1905 г., д. 198, лл. 6, 8, 20—23.
[134] «Саратовский листок», № 245, от 10 декабря 1905 г.
[135] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 36-а, л. 15.

скому крестьянству, впервые вступившему в революцию, сразу подняться на вооруженное восстание.

Кроме того, на крестьянском движении в губернии все еще сильно сказывалось губительное либеральное влияние, особенно влияние либералов и эсеров — руководителей Всероссийского крестьянского союза, навязывавших Союзу мирные средства борьбы и отказ от решительных революционных действий. Либеральное влияние сказалось, в частности, на описанном выше крестьянском движении в Больше-Дмитриевской, Широко-Карамышской и Ольховской волостях. Так, крестьяне Больше-Дмитриевской вол., осуществлявшие смелые действия по отношению к местным властям, решились лишь на весьма ограниченные требования по отношению к помещику Дурново. Они хотели только, чтобы он ежегодно предоставлял крестьянам в аренду 500 десятин земли по 7 руб. вместо 18, отвел для нужд крестьянского хозяйства до 8 десятин леса на каждое общество; сместил с должности помощника управляющего имением за плохое обращение с крестьянами. Поддержав забастовку служащих экономии, крестьяне особо настаивали на том, чтобы она носила исключительно мирный характер [136]. На прямые революционные действия против помещика крестьяне не пошли. Приведеный пример не был в губернии единичным.

По мере углубления революции усиливался раскол в крестьянстве. Паллиативные меры виттевского министерства в виде указа от 3 ноября 1905 г. вносили известное успокоение в зажиточную часть крестьянства. Помог царю на время и маневр с изданием указа о выборах в Государственную думу 11 декабря 1905 г.— в самый разгар декабрьского вооруженного восстания. Конституционные иллюзии были довольно сильны в крестьянстве, значительная часть которого возлагала надежды на Думу.

Кроме того, сила крестьянского движения в революции зависела от силы выступления пролетариата, от пролетарского руководства во время борьбы. Между тем в Саратовской организации РСДРП к концу 1905 г. значительно усилили свою фракционную деятельность меньшевики. Задолго до третьеиюньского переворота 1907 г. они встали на путь фактической ликвидации нелегальной рабочей партии. По их вине в середине ноября 1905 г. была неправильно проведена легализация Саратовской организации РСДРП, облегчившая царизму ее разгром в декабре 1905 г. В Саратовском Совете рабочих депутатов меньшевики проводили оппортунистическую тактику. Саратовский Совет не осуществил перевода политической стачки в восстание [137].

Недостаточная сила пролетарского выступления в губернии в декабре 1905 г., обусловленная подрывной, дезорганизаторской деятельностью меньшевиков, раскалывавших рабочий класс, определила среди прочих причин и недостаточную силу крестьянского движения в губернии в это время.

В целом же крестьянское движение в Саратовской губернии уже в первый год революции подтверждало жизненность стратегии и тактики пролетариата и его революционной партии; оно показало способность крестьянства быть действительно надежным союзником пролетариата в борьбе за решительную победу революции.

На подавление крестьянского движения в Саратовской губ. царские власти бросили в 1905 г. большие силы. Губерния была объявлена на

[136] «Приволжский край», № 254, от 31 декабря 1905 г.
[137] В. Осипов. Указ. соч., стр. 134—138.

положении усиленной охраны. Она была наводнена войсками. В распоряжении губернатора и присланного в Саратов с чрезвычайными полномочиями генерал-адъютанта Максимовича находились 34 роты пехоты, 13 сотен казаков, 3 казачьих полка, 2 эскадрона драгун и запасная бригада [138]. В Саратовскую губернию присылались дополнительные войска и из других губерний страны. Осенью 1905 г. были произведены массовые аресты рабочих и крестьян. Только за один месяц в декабре 1905 г. в губернии было казнено по суду и без суда 379 человек [139], сотни рабочих и крестьян были отправлены в ссылку. Именно в Саратовской губ. прославился своим палачеством Столыпин.

Массовые репрессии царизма, направленные против активных участников революционного движения, не могли не привести в известной мере к снижению революционного настроения неустойчивой, колеблющейся части крестьянства. Волна революционных крестьянских выступлений в губернии, отчасти и по этой причине, стала к концу ноября — началу декабря 1905 г. спадать. После того как московское вооруженное восстание потерпело поражение, а с 20 декабря пошла на убыль и всеобщая политическая забастовка саратовских рабочих, постепенно с боями стали отступать и крестьяне. Активных революционных выступлений крестьян к концу декабря в губернии уже почти не было.

И все же власти не смогли задушить революцию. Причины, поднявшие крестьян на революцию, продолжали действовать. Власти вынуждены были признать, что «успокоение» деревни было только внешним и безусловно временным. Об этом неоднократно доносил генерал-адъютант Максимович в Петербург в последнюю неделю декабря 1905 г. [140] Крестьянское движение в губернии продолжалось и в последующие годы.

II. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В САРАТОВСКОЙ ГУБ. В ПЕРИОД ОТСТУПЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ (1906—1907 гг.)

После поражения декабрьского вооруженного восстания революция пошла на убыль. Воспользовавшись декабрьским поражением пролетариата, оправившись после заключения мира с Японией, опираясь на помощь иностранных империалистов, используя страх русской либеральной буржуазии перед революцией и колебания крестьянства, царизм перешел в наступление. Царское правительство обрушило жесточайшие репрессии на пролетариат и крестьянство. По всей стране действовали карательные экспедиции. Условия революционной борьбы стали более сложными.

Царизм не ограничивался только репрессиями. Он пытался отвлечь крестьян от революции при помощи Думы. Либеральная буржуазия усиленно помогала в этом царизму, используя в своих интересах конституционные иллюзии крестьянства.

Эсеры, прикрываясь революционной фразой, по существу помогали в этом черном деле либеральной буржуазии. Саратовские эсеры продолжали распространять в деревне большими тиражами свою литературу, проповедуя в ней вредные теории. Они усиливали деятельность «братств»

---

[138] ЦГВИА, ф. 400, 3-й стол, 2 отд., 1905 г., д. 80, лл. 93—94; д. 15, ч. 1, лл. 520—523, 543—544, 549—551.

[139] «Приволжский край», № 218, от 13 октября 1906 г.

[140] Сб. «Революция 1905 года и самодержавие», М.— Л., 1928, стр. 188, а также ЦГИАЛ, ф. Совета министров 1905 г., оп. 1/94, д. 93 б, лл. 333, 335.

и «боевых дружин». Из уездов нередко поступали сообщения об их террористических налетах на отдельных помещиков и имения, на винные лавки, на отдельных людей на дорогах, если у них подозревалось наличие денег или оружия [141]. Этими террористическими актами, которые эсеры пропагандировали в целях будто бы подготовки «народного войска» [142], они на деле сковывали развитие массового, организованного крестьянского движения.

Значительная часть крестьян Саратовской губ. поверила тогда, что можно будет без восстания получить через Думу землю. Из отдельных мест губернии продолжали поступать сообщения о революционных выступлениях крестьян. Однако в целом кривая движения в первой четверти 1906 г. резко упала. В январе 1906 г. в губернии было отмечено только 17 крестьянских выступлений, в феврале — 11, в марте — 13. Это были главным образом порубки леса, разгром и поджоги помещичьих имений (32 выступления из 41 за все три месяца).

Но спад крестьянского движения в Саратовской губ. зимой 1906 г. был временным. Революция не была еще подавлена. Рабочие и крестьяне отступали с боями. В движение втягивались наиболее отсталые слои пролетариата и крестьянства, пробужденные революцией. Пролетариат и революционные крестьяне, солдаты и матросы собирали силы для нового выступления. Во главе их шли большевики. Они пропагандировали лозунги вооруженного восстания и бойкота виттевской думы и боролись за соединение сил пролетариата и крестьянства в единый революционный натиск на царизм. Массовыми тиражами продолжали они издание и распространение листовок, распространяли статьи и брошюры В. И. Ленина. Вопрос о руководстве крестьянским движением был в центре внимания первой губернской конференции РСДРП в июне 1906 г. Работу в деревне проводила как Аграрная группа Саратовского комитета РСДРП, так и окрепшие к 1906 г. уездные социал-демократические группы, особенно Саратовская, Камышинская и Аткарская.

Большую разъяснительную работу, направленную на преодоление конституционных иллюзий крестьянства, большевики провели в связи с выборами в Государственную думу и ее деятельностью. Только в феврале 1906 г. Саратовский комитет РСДРП издал 26 различных листовок в 33 510 экземплярах, а в мае — 40 тыс. листовок разных названий [143]. Издавали листовки для крестьян и уездные социал-демократические группы.

Большевики призывали крестьян, наряду с осуществлением организованных арендных, податных и прочих забастовок, бойкотировать полицию и органы местной власти, вооружаться и готовиться к восстанию, учиться борьбе у пролетариата, идти вместе с ним. В уездах широко распространялось изданное еще в 1905 г. и получившее высокую оценку газеты «Вперед» воззвание «К товарищам крестьянам».

В связи с приближавшейся годовщиной 9 января Саратовский комитет издал и распространил листовку «Крестьяне». Комитет указывал крестьянам, что день 9 января, опыт прошедшего года революции, учит, что нельзя ждать милостей от царя, «что самодержавие уступает только силе и удару вооруженной руки, что на покорные головы падают не милости, а одни только удары казацких нагаек» [144]. Революционные социал-

---

[141] СОГА, ф. 4-с, 1906 г., д. 13.
[142] Там же, д. 44, л. 27.
[143] В. Осипов. Указ. соч., стр. 142, 150.
[144] СОГА, ф. прокламаций, 1906 г., без №.

демократы выражали уверенность, что революция не закончена, а предстоит новая и решительная борьба с правительством. Они призывали широкие массы деревни готовиться к этой новой борьбе, вооружаться, идти на борьбу в союзе с рабочими города.

В годовщину «крестьянской реформы» Камышинская группа РСДРП издала прокламацию «19 февраля». Называя 19 февраля 1861 г. днем «великого царского обмана», комитет Камышинской группы призывал крестьян к объединению под знаменем РСДРП и выдвигал лозунги: «Долой царский обман — Государственную думу! Да здравствует всенародное Учредительное собрание, да здравствует великая российская революция!» [145]

Выборы в Государственную думу большевики саратовской организации РСДРП использовали в интересах революции. Они разоблачали контрреволюционность либеральной буржуазии, разъясняли вред конституционных иллюзий.

В дни, когда заседала Государственная дума, большевики на конкретных примерах показывали массам, что Дума является подделкой народного представительства, что крестьянам нельзя связывать свои надежды на землю и волю с деятельностью Думы. 10 июня 1906 г. Саратовский комитет РСДРП издал листовку «К крестьянам». В ней подчеркивалось, что только народ-победитель созовет Учредительное собрание, которое сумеет удовлетворить его кровные нужды [146].

«Не царские и дворянские комиссии, а крестьянские революционные комитеты народу нужны» [147], писали большевики в «Солдатском листке» (№ 7), который они распространяли в губернии в начале 1906 г.

Наряду с распространением нелегальной литературы большевики, как и прежде, проводили в губернии широкую устную агитацию и организационную работу.

Скрываясь от преследований царских ищеек, члены Аграрной группы РСДРП конспиративно выезжали в уезды для работы среди крестьян. Устраиваясь на службу в земских продовольственных, врачебных пунктах и т. п., они использовали свое служебное положение для революционной работы в деревне [148]. В Саратове и в уездах Аграрная группа Саратовского комитета организовала в первой половине 1906 г. несколько митингов и публичных лекций, которые привлекли большое число слушателей [149].

Революционные социал-демократы и связанные с ними рабочие и крестьяне собирали по селам и деревням тайные сходки, читали на них революционные прокламации, раздавали их по дворам, разъясняли цели и задачи борьбы. Часто устраивались тайные политические сходки крестьян с. Озерки, Саратовского уезда; революционные социал-демократические брошюры и листовки среди крестьян с. Липовки, Камышинского уезда, распространял рабочий Иван Леонтьев, в с. Дивовка, Аткарского уезда, — рабочий Иван Литвинов.

В ряде сел Саратовского, Балашовского и других уездов были созданы тайные крестьянские кружки. Повсеместно революционные социал-демократы расширяли связи с деревней [150].

---

145 СОГА, ф. прокламаций. 1906 г., № 4725.
146 СОГА, ф. 6-с, 1906 г., д. 7, лл. 9—10.
147 Там же, д. 13, л. 102.
148 СОГА, ф. 6-с, 1906 г., д. 29, л. 33; д. 21, л. 25.
149 СОГА, ф. 4-с, 1906 г., д. 13, л. 45.
150 СОГА, ф. 4-с, 1906 г., дд. 66 и 104; 1907 г., д. 6, т. V, л. 32; т. VIII, лл. 511, 550—553; д. 7, т. II, лл. 246, 247.

Летом 1906 г., после первой губернской конференции РСДРП (ее заседания проходили 18—22 июня 1906 г.), большевики саратовской организации получили возможность еще больше развернуть политическую работу среди крестьянства губернии. Конференция оформила существование губернской организации РСДРП, избрала губернский комитет, в котором большинство мест получили большевики. Все руководство деятельностью уездных организаций РСДРП, а также губернской и уездных аграрных групп переходило теперь к губернскому комитету РСДРП. Это имело большое значение для дальнейшего усиления работы среди крестьянства.

Губернская конференция приняла специальную резолюцию «Об отношении к крестьянскому движению», которая дала уездным социал-демократическим группам конкретный план действий по организации крестьянской борьбы за землю, по укреплению союза рабочего класса и крестьянства, по внесению политического сознания в крестьянское движение. Конференция своим решением обязала местные социал-демократические организации усилить агитационную и организационную работу в деревне, в соответствии с директивами партии, связывать экономические требования крестьян с политическими задачами момента. Она рекомендовала своим организациям обратить особое внимание на создание самостоятельных организаций сельскохозяйственных рабочих, создавать в уездах под руководством социал-демократов беспартийные группы сознательных крестьян. В задачи последних должно было входить руководство массовыми выступлениями крестьянства, с тем чтобы придать им организованный характер.

Благодаря руководящему влиянию большевиков Саратовская губернская организация РСДРП занимала правильную позицию по отношению к крестьянскому движению в революции.

Летом 1906 г. департамент полиции снова вынужден был признать широкое влияние социал-демократов в Саратовской губ. В связи с этим он предписывал начальнику саратовской охранки принять меры к ликвидации губернского комитета. Но комитет продолжал действовать, и большевики не прекращали работы в деревне.

Хотя в начале 1906 г. в губернии было мало активных крестьянских выступлений, а значительная часть крестьян возлагала тогда свои надежды на Думу, план саратовских либералов связаться с крестьянами через Думу явно проваливался. Когда началась работа Думы, крестьяне Саратовской губ. в своих приговорах, письмах и наказах выражали солидарность не с кадетской партией и ее программой аграрной реформы, а с аграрным проектом трудовиков, который В. И. Ленин рассматривал как программу национализации земли. В депутатах трудовой группы они видели выразителей своих интересов. Все письма от саратовских крестьян направлялись в адрес этой группы[151]. Сознавая единство своих интересов с пролетариатом, крестьяне ряда сел стали обращаться одновременно к трудовой и рабочей группам. Иногда крестьяне проявляли колебания и заявляли, что «согласны быть наделенными землей за выкуп или без выкупа», «за частичный выкуп», «за небольшой выкуп». Однако в большинстве кадетскую программу выкупа «по справедливой оценке» крестьяне называли «дворянской справедливостью»[152] и требовали от

[151] «Трудовая Россия», № 1, от 2 июня 1906 г.; «Приволжский край», 1906 г., № 97, 108, 115, 118; «Саратовский листок», 1906 г., № 109 и др.

[152] Слова из выступления крестьянина Сердобского уезда Чушкина на губернском собрании выборщиков («Саратовский листок», № 78, от 14 апреля 1906 г.).

депутатов-трудовиков добиваться конфискации всех земель без выкупа и передачи их в общественное пользование всему трудовому народу, т. е. национализации земли [153].

И теперь крестьяне Саратовской губ., как и в 1905 г., требовали радикальных преобразований в политическом строе России, созыва Учредительного собрания на основе демократических выборов. Однако, наряду с этим, они признавали необходимым сохранить, хотя и в подправленном виде, Государственную думу. Крестьяне не понимали того, что всякая Дума, созванная и конституированная царем, могла быть только помещичье-буржуазной Думой, неспособной решить коренные вопросы революции. Они попрежнему в осуществлении таких требований, которые были несовместимы с существованием самодержавия, наивно возлагали свои упования на «царя-батюшку». В приговорах они обращались к членам Думы с просьбой изложить их нужды царю. Крестьяне не понимали, что всякие обращения к царю бесполезны, когда они затрагивают интересы класса помещиков. Несмотря на это, сами по себе заявленные крестьянами требования являлись революционными, демократическими и не могли быть осуществлены кадетской Думой. Скоро крестьяне, наблюдая за работой Думы, должны были в этом убедиться.

В отдельных местах Саратовской губ. крестьяне стали высказывать недоверие Думе. 8 и 9 мая 1906 г. в Саратове состоялся уездный крестьянский съезд, созванный саратовским бюро Всероссийского крестьянского союза. Благодаря эсеровскому большинству и доверию, которое в то время крестьяне еще оказывали партии эсеров, на съезде была принята путаная резолюция о Государственной думе, была принята эсеровская аграрная программа. Вопреки предложениям социал-демократов, указывавших на то, что Крестьянский союз должен быть беспартийной организацией, в которой могут участвовать люди разных политических направлений, большинство съезда постановило считать себя Крестьянским союзом партии социалистов-революционеров. Съезд принял затем предложение устраивать на местах сельские и волостные братства и комитеты. Ввиду таких постановлений социал-демократы вынуждены были удалиться со съезда. Большой интерес представляют речи делегатов съезда, рассказавших о настроении крестьян. Из десяти делегатов, краткое содержание выступлений которых сохранилось в протокольной записи съезда, изъятой охранкой при обыске, девять заявили, что надежда на Думу у крестьян рушится [154]. Все чаще крестьяне требовали создать для решения аграрного вопроса местные комитеты, избранные на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Среди крестьян росло настроение самим забрать землю [155].

Конечно, не следует переоценивать степени преодоления конституционных иллюзий у крестьянских масс в то время. Для этого понадобился опыт четырех дум. Крестьянские заявления о недоверии Думе в 1906 г. не были выражением изживания их надежд на Думу вообще. Это было лишь недоверием к данной думе. Но крестьяне не теряли еще при этом надежды, что другая, «подправленная» Дума все же удовлетворит их

[153] См. приговоры, письма и телеграммы крестьян сел Николаевка, Салтыковка, Грязнуха, Сердобского уезда; с. Николаевский Городок, деревень Александровки, Марьевки и др. Саратовского уезда; с. Обольяниновка, Камышинского уезда; постановление тайного митинга смежных сел Аткарского и Камышинского уездов («Трудовая Россия», № 1, от 2 июня 1906 г.; «Приволжский край», 1906 г. № 97, 108, 115, 118; «Саратовский листок», 1906 г., № 109, и др.).

[154] СОГА, ф. 6-с, 1906 г., д. 21, лл. 49 и 51—56.

[155] См., например, «Приволжский край», 1906 г., № 117, 132; СОГА, ф. 4-с, 1906 г., д. 13, л. 274

требования. Убедившись же в неспособности первой Думы решить вопрос о земле, разбуженные декабрьскими выступлениями пролетариата и новыми стачками 1906 г., крестьяне опять переходили к активным революционным выступлениям. Как и по всей стране, с весны крестьянское движение в Саратовской губ. стало усиливаться.

Пример крестьянам и теперь показывали рабочие промышленных городов страны, в том числе и рабочие Саратова. Революционные выступления рабочих в губернии в 1906 г. также не прекращались. 1 мая рабочие Саратова отметили демонстрацией и забастовкой. В летней стачке 1906 г. приняли участие 3 тыс. береговых рабочих. В активную революционную борьбу втягивались новые массы [156].

Особенно напряженная крестьянская борьба нарастала в Саратовском уезде. Только в апреле крестьяне уезда совершили 16 поджогов в 12 имениях.

Одновременно движение с большой силой нарастало в Аткарском и Сердобском уездах, несколько менее интенсивно — в Балашовском и Петровском и в остальных уездах.

Начинался новый подъем крестьянского движения. В мае в губернии было зарегистрировано уже 67 крестьянских выступлений, в июне — 150. В июле большое влияние на подъем революционного настроения крестьян оказало известие о роспуске Думы, так и не разрешившей ни одного вопроса революции. В связи с этим широкое распространение в губернии получил призыв к восстанию, выраженный в «Манифесте ко всему российскому крестьянству», в воззвании «К армии и флоту», подписанных рабочими и крестьянскими демократическими организациями. Всего в июле 1906 г. в Саратовской губ. произошло 123 крестьянских выступления, а на период нового подъема крестьянской борьбы (май — июль 1906 г.) приходится 340 крестьянских выступлений, т. е. больше половины всех выступлений за 1906 г. (535). Снова крестьянским движением были охвачены все уезды губернии (в то время, как по всей стране движением была охвачена половина уездов).

Крестьянское движение в Саратовской губ. в этот период носило боевой, революционный характер. Об упорстве революционной борьбы крестьян Саратовской губ. летом 1906 г. свидетельствует большое число повторных выступлений. В период нового подъема крестьянской борьбы в губернии в движение были вовлечены крестьяне 119 волостей в десяти уездах, из них в 103 волостях выступления имели уже место и в 1905 г.

Упорный характер носила борьба крестьян Липовской вол., Саратовского уезда. По сообщениям местной печати, крестьяне волости с 1 апреля по 20 июня только в имении одного помещика Менде совершили до 28 поджогов. Только в одном выступлении 25 июня участвовало около 200 крестьян. Нередко здесь имели место столкновения с казаками [157]. Трижды в течение шести дней, с 25 июня по 1 июля, крестьяне совершали поджоги в имении дворянки Ростовцевой. Для подавления крестьянского выступления в Липовку были вызваны казаки, но в результате упорного сопротивления крестьян они вынуждены были отступить. Подавить движение сразу не удалось.

В июле 1906 г. повсеместным явлением стал увоз крестьянами хлеба с помещичьих полей. Крестьяне считали, что хлеб, уродившийся на

---

[156] В. Осипов. Указ. соч., стр. 145.

[157] СОГА, ф. 1, 1906 г., вязка 1 россыпь; «Приволжский край», № 135; от 26 июня 1906 г., № 115 от 6 июня 1906 г.; «Саратовский листок», № 144, от 9 июля 1906 г.

земле, которая по праву должна быть в их пользовании, должен принадлежать им. В с. Терса Вольского уезда крестьяне увезли хлеб с полей крупной латифундии князей Ливен и Волконских. Интересно, что крестьяне этого села выступили после того, как владельцы экономии с целью предотвратить волнения крестьян и спасти свое существование вынуждены были снизить весной 1906 г. арендную плату с 15—20 руб. до 5 руб. за десятину [158]. Повторные выступления крестьян с. Терсы летом 1906 г. показали, что они борются не за полууступки, а за коренное решение аграрного вопроса.

Летом 1906 г. крестьяне многих сел и деревень проводили политические митинги и демонстрации.

11 июня 1906 г. собрались на митинг и провели демонстрацию около 500 крестьян сел Ивановки и Новиковки, Саратовского уезда. Они ходили по улицам с красными флагами и пением революционных песен [159]. 2 июля в городском лесу близ Аткарска собралось на митинг до 200 крестьян и рабочих [160]. Из Петровского уезда сообщали, что крестьянские митинги в селах и лесах происходят повсеместно [161].

Возросло число выступлений крестьян в форме бойкота и сопротивления полиции и местным властям (22 случая против 14 осенью 1905 г.). Крестьяне отказывались подчиняться местным властям и оказывали упорное сопротивление полиции при попытке арестов крестьян-участников аграрного движения. Местные газеты сообщали, что повсеместный характер принял отказ крестьян от несения полицейской службы [162]. Бойкотировали стражников крестьяне с. Сухая Терешка, Хвалынского уезда. Крестьяне Сердобской Пригородной слободы постановили: крестьян, не отказывавшихся от должности стражника, лишить надела в обществе. Такое же решение было 29 июня закреплено приговором сельского схода в с. Баланда, Аткарского уезда. Так же поступали крестьяне многих других сел губернии.

По всей губернии в 1906 г. осуществлялась податная забастовка [163].

Широкий отклик среди крестьян получил лозунг революционного проведения конфискации помещичьих земель. По сравнению с 1905 г. крестьяне стали чаще осуществлять захват и запашку помещичьих и прочих земель. Такие действия крестьян имели место в четырех имениях в Аткарском уезде, в 6 имениях Балашовского и в 13 имениях Саратовского, Камышинского, Царицынского, Вольского уездов. В целом эта форма движения имела место в 1906 г. в 26 случаях против 16 в 1905 г. Выступления с целью захвата и запашки помещичьих земель отличались особой массовостью и нередко сопровождались вооруженными столкновениями с войсками. Они начинались обычно по приговору всего сельского схода. Крестьяне либо выносили постановление разделить и запахать землю помещика, либо, считая землю своей, объявляли арендуемый ими участок собственностью общества и отказывались от уплаты аренды.

Летом 1906 г. снова выступили крестьяне с. Николаевский Городок, Саратовского уезда, и окрестных с ним сел Аткарского уезда, которые в октябре 1905 г. поднялись на вооруженное восстание. Помещик Беклемишев, имение которого было расположено в окрестностях этих сел, напуганный вооруженным восстанием крестьян в 1905 г., продал его Кресть-

---

158 «Саратовский листок», № 162, от 1 августа 1906 г.
159 «Приволжский край», № 129, от 22 июня 1906 г.
160 «Приволжский край», № 138, от 4 июля 1906 г.
161 «Приволжский край», № 141, от 7 июля 1906 г.
162 «Приволжский край», № 107, от 27 мая 1906 г.
163 Сб. сведений по Саратовской губ. за 1906 г., вып. 1, стр. 59—60.

янскому банку. Такой исход не мог удовлетворить крестьян. Они требовали передачи земли в их безвозмездное пользование. Понятно, что требование удовлетворено не было. Тогда крестьяне названных деревень объединились и 18 июня разгромили и подожгли усадьбу Беклемишева.

Однако, лишенное теперь непосредственного социал-демократического руководства, выступление крестьян с. Николаевский Городок и окрестных сел не имело прежней наступательности, организованности, политической остроты.

Выделялось по своим размерам движение за захват земли в ряде сел Камышинского уезда. В последних числах июля выступили крестьяне с. Ежовка и смежных с ним деревень Камышинского уезда. Около 1000 крестьян, вооруженных топорами, вилами и огнестрельным оружием, перешли на землю соседнего помещика Панченко близ с. Ольховка, Царицынского уезда. Крестьяне захватили имение помещика, разбили его на небольшие участки, поделили их и расставили межевые знаки [164]. 25 июля выступило до 3 тыс. вооруженных крестьян с. Саламатино. Движение возглавляли крестьяне этого села Максим Пономарев и Василий Метерькин. В этот же день крестьяне разделили 3 тыс. десятин земли купца Ковалева, а на следующий день поделили удельную землю, которая до 1861 г. принадлежала крестьянам. Движение сопровождалось вооруженным столкновением с войсками, прибывшими для подавления крестьян [165].

Движение в деревне развивалось противоречиво. Осуществление захватов и раздела помещичьей земли еще до роспуска первой Думы (14 случаев из 26) свидетельствовало о том, что некоторая часть крестьян губернии постепенно начинала высвобождаться из-под влияния либеральной буржуазии, которая убеждала крестьян ждать решения Думы и получения земли «по справедливой оценке». С другой стороны, крестьяне еще нередко проявляли колебания. Им нехватало решительности и упорства в борьбе. Они не отрешились еще от конституционных иллюзий, продолжая видеть в Думе власть, которой народ должен подчиняться. В некоторых случаях, осуществляя раздел помещичьей земли, крестьяне заявляли, что берут ее до решения Думы, что будут готовы уплатить за землю, если Дума это постановит. Таким заявлением начали засев земли помещика Минха полчаниновские крестьяне [166]. Крестьяне деревни Графщино, Лысогорской вол., Аткарского уезда, поделив землю помещика Рябинина, соглашались платить ему аренду по 6 руб. за десятину [167]; на небольшую арендную плату купцу Ковалеву соглашались саламатинские крестьяне [168].

Как и в первый период революции, крестьянское движение в губернии носило острый противопомещичий характер. На долю противокулацких выступлений приходилось только 16% общего числа крестьянских выступлений в губернии.

В июне — июле 1906 г. в период найма на полевые работы в помещичьих экономиях широкой волной прокатились по губернии стачки сельскохозяйственных наемных рабочих, батраков и поденщиков. Сельскохозяйственные стачки составляли характерную черту нового подъема

[164] «Саратовский листок», № 168, от 8 августа 1906 г.
[165] СОГА, ф. 1, 1905 г., д. 61, лл. 24—26 и 28; ф. 4-с, 1906 г., д. 13, л. 415; «Приволжский край», № 163, от 3 августа 1906 г.; «Саратовский листок», № 164, от 3 августа 1906 г.
[166] «Саратовский листок», № 125, от 16 июня 1906 г.
[167] СОГА, ф. 1, 1906 г., д. 125.
[168] СОГА, ф. 1, 1906 г., д. 124.

15 Зак. 1310

революционного движения в деревне. В 1906 г. их число увеличилось по сравнению с 1905 г. более чем в $2^1/_2$ раза (66 стачек против 24). Если в 1905 г. они охватили 15 волостей в пяти уездах губернии, то в 1906 г., по сведениям однородных источников, стачками были охвачены 50 волостей в девяти уездах (во всех, кроме Кузнецкого).

По сравнению с 1905 г. стачечное движение в саратовских деревнях летом 1906 г. отличалось исключительной массовостью. Каждая стачка вовлекала в борьбу сотни и даже тысячи батраков и поденщиков. На огромном пространстве Балашовского, Аткарского и Сердобского уездов движение сельскохозяйственных рабочих приняло фактически характер всеобщей забастовки.

Возросли организованность и упорство стачечной борьбы. В 1906 г. движение чаще проходило под руководством избранных революционных стачечных комитетов и было более длительным, чем в 1905 г.

15 июня начали стачку поденные рабочие Аркадской экономии Балашовского уезда, принадлежавшей князю Вяземскому. В течение ближайших дней к ним присоединились поденщики 43 мест — сел Подгорная, Подрезинки, Нескучная, Ольшанка, Баклуши, Росташи и др. Стачка продолжалась до 2 июля 1906 г., а в тех местах, где не было пришлых рабочих, она продолжалась еще дольше.

В начале июля объявили забастовку экономические рабочие 2-й Ивановской волости. К ней присоединились около 15 сел. «Почти по всему уезду объявлен бойкот помещиков»,— писал о положении в Сердобском уезде «Приволжский край» [169]. Пары у землевладельцев большей частью оставались незапаханными, хлеб стоял и осыпался на корню.

Несколько теснее стала связь с городом. В 1906 г. руководителями и организаторами сельских рабочих нередко являлись городские рабочие. Так, активным организатором и участником стачки наемных рабочих в Казачкинской вол., Балашовского уезда, был приехавший из Балашова рабочий-железнодорожник Т. А. Мизгулин. Возглавлял рабочий и одну из наиболее крупных стачек батраков в губернии — Аркадскую. Рабочие были организаторами ряда стачек в Аткарском и других уездах.

Стачкой, этим специфически пролетарским средством, широко пользовались сельские пролетарии и полупролетарии, батраки и поденщики, и они увлекали за собой широкие слои местных крестьян, объявлявших вместе с ними бойкот помещикам, требовавших снижения арендной платы и т. п. Движение принимало огромные размеры. Однако в силу своей отсталости и несознательности стачечники не смогли еще тогда подняться до понимания задач политической борьбы и необходимости перерастания стачки в восстание. Они выдвигали только экономические требования (уменьшение рабочего дня, увеличение заработной платы, улучшение питания и т. д.).

Только там, где революционным социал-демократам удавалось взять руководство в свои руки, стачка начинала приобретать одновременно и черты политического выступления. В качестве примера можно привести развитие стачки в Березовской и Еланской волостях Аткарского уезда. 14 мая в Березовском лесу состоялся митинг с участием около 200 крестьян деревни Березовки, Коптевки, Якобьевки, Ивановки. По донесению исправника, митинг был организован приехавшими из города агитаторами, которые разъясняли крестьянам необходимость вооруженного восстания, призывали собирать средства на приобретение оружия, бойкотиро-

[169] «Приволжский край», № 134, от 28 июня 1906 г.

вать помещиков. 22 мая в Березовке снова состоялся большой митинг с участием крестьян 11 сельских обществ [170]. Выступавшие говорили о несостоятельности надежд на Думу, о необходимости требовать созыва Учредительного собрания, о том, что надо вооружаться, так как только силой можно добиться своих прав. Среди участников митинга распространялась листовка Аткарской группы РСДРП «Товарищи-крестьяне!». Распространение этой листовки, а также политические лозунги, выдвинутые на митинге, позволяют предполагать, что организаторами стачки в Березовской волости были либо члены Саратовской организации РСДРП, либо социал-демократически настроенные рабочие. Митинг принял решение бойкотировать землевладельцев и установил таксу на рабочие руки, ниже которой крестьяне не должны были соглашаться работать. Были выработаны также условия аренды земли. Крестьяне постановили снимать пахотную землю по цене не более 5 руб. за десятину казенной меры, а за десятину лугов — не более 10 руб. Были выработаны условия найма на сельскохозяйственные работы и решено также испольную работу совсем не брать [171].

На следующий день приговоры, соответствовавшие решению митинга, были составлены крестьянами ряда деревень Березовской волости. Крестьяне начали снимать рабочих в экономиях помещиков. В Лентяевке забастовали женщины-работницы в экономии помещика Балашова, получавшие по 20 коп. в день. Испугавшись, помещик увеличил им плату до 30 коп. В некоторых случаях помещики для прекращения забастовки стали применять розги и нагайки. В ответ на это крестьяне 26 мая подожгли постройки в экономии Балашова, несколько ранее — в экономии князей Тенишевых. 27 мая они подожгли постройки и сено в поле у Агафонова, причинив помещику убыток более чем на 3 тыс. руб.

В результате забастовки в Березовской волости сельскохозяйственные рабочие и крестьяне добились повышения оплаты за работы и снижения арендных цен. В дер. Березовке крестьяне сняли луга по 8 руб. за десятину вместо 20 руб. Березовские крестьяне добились того, что они были наняты на косьбу на предложенных ими условиях. В деревнях Прокудино, Палатовке, Коптевке были установлены цены за работы: женщине — по 1 руб., а мужчине — по 2 руб. в день [172].

25 июня забастовали сельскохозяйственные рабочие в с. Елань, Аткарского уезда. Забастовщики после вооруженного столкновения со стражниками, вынудили их удалиться из села, разгромили квартиру пристава, разобрали склад оружия, повредили телеграф в слободе и на железной дороге, разгромили две винные лавки. Фактически рабочие устранили местную власть. Забастовка принимала политический характер. В еланской стачке выступила значительная масса сельскохозяйственных рабочих (по донесениям жандармского управления — до 5 тыс. человек) [173]. Для усмирения забастовавших 28 июня в Елань прибыли казаки и рота солдат, 29 июня снова явился пристав со стражниками. Около 40 крестьян были арестованы за участие в забастовке [174], но движение не прекращалось.

В конце июня помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления доносил о крайнем обострении положения в

[170] «Приволжский край», № 112, от 2 июня 1906 г.; СОГА, ф. 4-с, 1906 г., д. 13, л. 216.

[171] СОГА, ф. 4-с, 1906 г., д. 13, л. 216.

[172] СОГА, ф. 4-с, 1906 г., д. 146, лл. 2, 6, 14; «Приволжский край», № 112, 123, 125, от 2, 15 и 17 июня 1906 г.

[173] СОГА, ф. 4-с, 1906 г., д. 13, л. 249.

[174] Там же, лл. 240, 249; «Саратовский листок», № 137 и 144, от 1 и 9 июля 1906 г.

Аткарском уезде. «Не только отдельными селениями,— говорилось в его рапорте,— но и целыми волостями составляются приговоры о том, что никто не имеет права работать у землевладельцев дешевле указанной в приговоре цены»[175]. «Движение приняло острую форму. На протяжении от Аткарска до Баланды крестьяне тысячными толпами ходят по имениям и снимают всех рабочих»,— писал «Приволжский край»[176].

Царское правительство бросало огромные силы для беспощадного подавления новой волны крестьянского революционного движения в Саратовской губернии.

В губернии сохранялось положение усиленной охраны. Вступивший летом 1906 г. в должность саратовского губернатора граф Татищев и вице-губернатор Дубасов действовали при подавлении крестьянского движения не менее жестоко, чем Столыпин. По губернии рассылались «летучие отряды» войск и казаков, производившие массовые кровавые расправы над крестьянами. По официальным данным Главного штаба, только за первую половину 1906 г. в губернии было 14 случаев вызова дополнительных войск[177].

Тюрьмы Саратовской губ. были переполнены арестованными «аграрниками». По далеко не полным сведениям местной печати, в первой половине 1906 г. в губернии было проведено семь процессов по так называемым аграрным делам. Сотни лучших агитаторов и организаторов крестьянских выступлений были вырваны из деревни, осуждены и отправлены в ссылку.

Однако крестьяне Саратовской губ. продолжали революционную борьбу и осенью 1906 г. и в 1907 г.

Крестьян не могли успокоить паллиативные меры царского правительства, предпринятые им в период между I и II Думой (указы от 12 августа, 5 октября и 9 ноября 1906 г.), оставлявшие неприкосновенными помещичьи латифундии и не способные притупить остроту аграрного кризиса в деревне.

Осенью 1906 г. губерния снова оказалась на пороге страшного голода, который превзошел даже размеры голодного 1891 г. По данным земской статистики, недобор только трех главных хлебов (рожь, пшеница, овес) составил более 80% среднего сбора[178]. Нужда в деревне с каждым днем обострялась, многие крестьяне продавали последнюю скотину, домашний скарб. На почве голода начались самоубийства[179].

Невыносимо тяжелое экономическое положение революционизировало крестьянские массы, заставляло их при всех трудностях и в условиях усилившихся репрессий продолжать революционную борьбу.

Оказывала влияние при этом на крестьян губернии и революционная обстановка, сохранившаяся в стране и губернии во второй половине 1906 г. и в первой половине 1907 г. Для работы саратовских большевиков в деревне во второй половине 1906 г. имело большое значение укрепление их позиций не только в губернском комитете, но и в Саратовском городском комитете РСДРП[180]. В тяжелых условиях царских преследований большевики не ослабляли своей работы в деревне. Только с июля 1906 г.

---

[175] СОГА, ф. 4-с, 1906 г., д. 13, л. 246.

[176] «Приволжский край», № 128, от 21 июня 1906 г.

[177] ЦГВИА, ф. 400, 3-й стол, 2 отд., 1906 г., д. 20, л. 20.

[178] «Сборник по Саратовской губернии за 1906 г.», вып. 1, Саратов, 1906, стр. 211.

[179] «Саратовский листок», № 271, от 20 декабря 1906 г.

[180] Большевики стали преобладать в обоих комитетах (В. Осипов. Указ. соч., стр. 154, 158—159).

по январь 1907 г. Саратовский губернский комитет РСДРП издал специально для крестьян 58 300 экземпляров листовок [181].

В ноябре Саратовский комитет издал и распространил листовку «К избирателям». Это была перепечатка написанного В. И. Лениным «Проекта обращения к избирателям», опубликованного в № 8 «Пролетария» от 23 ноября 1906 г. [182] Ее издание свидетельствовало о том, что большевики Саратовской организации РСДРП в основных вопросах думской тактики стояли на ленинских позициях и боролись за ее осуществление вопреки подрывной работе меньшевиков.

Осенью 1906 г. Саратовский губернский комитет РСДРП издал для крестьян два номера газеты «За волю и землю», общим тиражом 4300 экземпляров [183]. Первый номер газеты вышел 20 ноября. Передовая статья его разъясняла крестьянам первостепенное значение политической борьбы и необходимость вооруженного восстания против царизма. В этой же газете было напечатано постановление Саратовского губернского и городского комитетов по вопросу о выборах во II Думу. Большевики, призывая всех, в связи с изменившейся обстановкой, принять участие в выборах, одновременно выдвигали лозунги вооруженного восстания, образования Временного революционного правительства, которое должно было созвать Учредительное собрание, призывали крестьян подавать голоса за кандидатов РСДРП или кандидатов других революционных партий, которые обязуются бороться за всю волю и за всю землю.

10 декабря 1906 г. губернский комитет издал второй номер газеты «За волю и землю». В передовой статье этого номера «О выборах во вторую Думу» раскрывался антидемократический характер избирательного закона, говорилось, что созывом новой Думы царь снова пытается обмануть народ, что и II Дума не даст народу ни воли, ни земли, ибо власть остается в руках помещичьего царского правительства, что добиться воли и земли можно только через всеобщее восстание и созыв всенародного Учредительного собрания. Большевики призывали крестьян не упускать ни одного случая нанести удар врагу. В данный момент таким ударом могло явиться избрание в Думу людей, стоящих за народ. «Такие люди,— разъясняла газета,— ваши братья рабочие...» [184].

Большевики Саратовской организации РСДРП, придававшие большое значение правильной постановке работы среди крестьян, являлись активными участниками ряда районных совещаний по обмену опытом работы в деревне. Они выступили в числе инициаторов созыва Поволжской конференции деревенских работников, которая состоялась в сентябре 1906 г. в Самаре. Одна из важнейших резолюций конференции —«Инструкция об организации сельских революционных комитетов» — была разработана Саратовским комитетом. В ней большевики правильно ориентировали массы на осуществление крестьянскими комитетами всех

---

[181] СОГА, ф. 5-с, 1907 г., д. 12, л. 58.

[182] См. В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 269—273.

[183] СОГА, ф. 5-с, 1907 г., д. 12, лл. 58—62; ф. прокламаций, 1906—1907 гг., без номера.

[184] СОГА, ф прокламаций, 1906—1907 гг., без номера. Характерно, что, пользуясь своим большинством в коллегии пропагандистов, меньшевики опубликовали в № 2 «За волю и землю» рядом с большевистской резолюцией по вопросу о блоках на выборах в Думу и свою меньшевистскую резолюцию по этому вопросу с призывом к соглашениям с кадетами. Это яркий пример того, как меньшевики мешали последовательной борьбе за отрыв крестьянства от либералов.

революционно-демократических преобразований в деревне [185]. Это также свидетельствовало о том, что большевики Саратовской организации правильно понимали свои задачи в деревне на этом этапе революции.

На совещании членов РСДРП — служащих Рязано-Уральской ж. д., состоявшемся осенью 1906 г., большевики также уделили особое внимание работе среди крестьян, вопросу об осуществлении связи рабочего и крестьянского движения [186].

Разносторонний характер деятельности большевиков в деревне обеспечивал дальнейшее укрепление их связей с широкой крестьянской массой. Идейное влияние социал-демократов на крестьянство губернии непрерывно возрастало. Крестьяне стали проявлять большой интерес к программе РСДРП. Во всех уголках губернии знали рабочую партию. В Саратов из разных концов приходили крестьяне группами в 6—12 человек. Они разыскивали «рабочий комитет», рассказывали о положении дел в деревне и просили присылать к ним агитаторов [187]. В ряде уездов губернии, по призыву революционных социал-демократов, оформлялись «крестьянские сознательные группы». В декабре 1906 г. в одном из уездов Саратовской губ. при участии членов РСДРП состоялся съезд их представителей [188], созванный по инициативе самих крестьян. На съезде присутствовало 30 делегатов от 8 селений. Они представляли 200 крестьян. Съезд обсудил вопросы: продовольственный, податной, о Государственной думе, об Учредительном собрании, о вооруженном восстании, об организации крестьян.

В постановлениях по этим вопросам крестьяне-участники съезда заявляли о недоверии царскому правительству, его чиновникам и министрам, а также и земству. Съезд призывал крестьян смещать сельские власти и выбирать на сельские должности людей, защищавших крестьянские интересы. Съезд подтвердил большое значение податной забастовки и призывал крестьян осуществлять ее повсеместно. Съезд постановил принять участие в выборах во II Думу, хотя она и не сможет ничего сделать для крестьян и городских рабочих, но избирать таких уполномоченных, которые крепко стоят за интересы народа. Съезд выражал надежду на решение всех вопросов Учредительным собранием, созванным на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. В постановлениях указывалось на необходимость готовиться к вооруженной борьбе за землю и волю, подчеркивалась необходимость завоевания войск на сторону революции.

Съезд положил начало новой крестьянской организации в губернии, правда, недолго просуществовавшей. В отличие от созданного в 1905 г. Крестьянского союза, руководство в котором принадлежало либералам и эсерам, Саратовский губернский комитет РСДРП назвал новую организацию «Молодым Крестьянским союзом» [189].

Постановления съезда представителей «крестьянских сознательных групп» свидетельствовали о возросшем влиянии большевиков на крестьянство губернии.

Итоги работы Саратовской большевистской организации среди крестьян и ее задачи на будущее были обсуждены на второй губернской

---

[185] СОГА, ф. 5-с, 1907 г., д. 12, л. 58.

[186] Газ. «За волю и землю», 1906, № 2.

[187] СОГА, ф. 5-с, 1907 г., д. 12, л. 201 (из протокола 3-й губернской конференции РСДРП); «За волю и землю», № 2.

[188] Постановления съезда были отпечатаны на мимеографе в виде листовки для распространения в губернии.

[189] СОГА, ф. 5-с, 1905 г., д. 39, л. 211.

конференции РСДРП в феврале 1907 г. [190] Конференция предложила всем местным организациям создать аграрные группы и обязать их вести самую широкую агитационную и организационную работу среди крестьян, а также широко использовать думскую кампанию в целях революционной агитации. Она подтверждала решение 1-й губернской конференции о необходимости создать среди сознательной массы крестьянства беспартийные революционные организации, обеспечить тесную их связь с рабочими организациями и с рабочими помещичьих экономий. Вторая конференция подтвердила решение первой об основных задачах «крестьянских сознательных групп»; они должны были обеспечить проведение революционно-демократических преобразований в деревне, работать над тем, чтобы придать крестьянским выступлениям организованный характер, обеспечить единство крестьянской борьбы с борьбой пролетариата, приложить все усилия к созданию в деревне советов крестьянских депутатов.

Работа большевиков в деревне оказала огромное влияние на борьбу крестьян Саратовской губ. во второй половине 1906 г. и в 1907 г.

Всю вторую половину 1906 г. размах крестьянской борьбы в губернии значительно превышал средний общероссийский уровень. В августе—декабре 1906 г. движением попрежнему были охвачены все десять уездов губернии. За эти пять месяцев в губернии были зарегистрированы 108 крестьянских выступлений. Основными формами крестьянской борьбы осенью 1906 г. были поджоги помещичьих имений и порубка леса. В августе 1906 г. крестьяне губернии совершили 24 поджога имений, в сентябре—18, в октябре—16, в ноябре—10. Уже в который раз за время революции снова пылали подожженные крестьянами имения Столыпина в Лесной Неёловке, Бекетовых в Вольском уезде, Минха, Катковой — в Саратовском уезде и др. [191]

Крестьяне Аткарского, Саратовского, Сердобского и Балашовского уездов, наиболее упорно боровшиеся в 1905 г., медленнее отступали и теперь (из 108 выступлений 82 отмечены в этих четырех уездах).

Крестьяне Саратовской губ. продолжали упорно отстаивать революционные требования 1905 г., не соглашались на половинчатый исход в решении аграрного вопроса. Эта их позиция особенно ярко сказалась на результатах выборов по Саратовской губ. во II Думу, в крестьянских наказах депутатам и т. д. Несмотря на сложную обстановку выборов, проходивших в условиях жесточайших полицейских преследований, с бесконечными сенатскими разъяснениями (лишь по одному Саратовскому уезду число избирателей от крестьян во II Думу было уменьшено в 5 раз по сравнению с первой) [192], от Саратовской губ. на этот раз не прошел ни один кадет. В составе 10 депутатов, избранных от губернии, были 4 социал-демократа, 4 эсера и 2 народных социалиста [193]. В числе депутатов был большевик Василий Матвеевич Серов, избранный от Хвалынского уезда. Такой результат выборов свидетельствовал о росте политической зрелости крестьянства в ходе революции, о том, что в деревне подрывалось влияние либеральной буржуазии.

---

[190] Заседания конференции происходили между 9 и 14 февраля 1907 г. СОГА, ф. 5-с, 1907 г., д. 12, лл. 56—62, 90. В цитированной работе В. А. Осипова (стр. 167) эта конференция ошибочно датируется августом 1906 г.

[191] СОГА, ф. 1, 1906 г., россыпь, д. 128; «Саратовский листок», № 172, 193, 208, от 12 августа, 10 и 30 сентября 1906 г.

[192] СОГА, ф. 6-с, 1907 г., д. 4, т. I, л. 110; «Приволжский край», № 233, от 2 ноября 1906 г.

[193] СОГА, ф. 6-с, 1907 г., д. 4, т. I, л. 113; «Саратовский листок», № 29, от 27 января 1907 г.

В первой половине 1907 г. в губернии имели место 60 крестьянских выступлений в 40 волостях всех десяти уездов. Крестьяне применяли прежние формы борьбы. Большое место стали занимать случаи упорного сопротивления крестьян проведению в жизнь правительственного аграрного законодательства. Повсеместный характер в губернии принял отказ крестьян от выборов в землеустроительные комиссии и выдела из общины по столыпинскому указу от 9 ноября 1906 г. Только кулаки, которым отдавали теперь на ограбление крестьянскую общину, восприняли столыпинское законодательство с удовлетворением. Зажиточная часть крестьян все более отходила от революции, переходя на позиции соглашения с помещиком. Росли новые классовые противоречия в деревне, углублялась борьба внутри самого крестьянства. Неудивительно, что в 1907 г. число противокулацких выступлений увеличилось, составив более 20% общего числа крестьянских выступлений.

3 сентября 1906 г. крестьяне сожгли имение кулака Бушуева при дер. Садовке, Жуковской вол., Петровского уезда, 20 и 23 сентября—у кулака Фефенрод в с. Ягодная Поляна, Саратовского уезда, 16 ноября крестьяне подожгли постройки двух кулаков в с. Усовка, Саратовского уезда. 3 января 1907 г. крестьяне подожгли постройки сельского старосты — зажиточного крестьянина, в с. Елшанка, Саратовского уезда, 30 марта 1907 г. было разгромлено имение кулака Сусанова при с. Аркадак, Балашовского уезда. В мае 1907 г. зарегистрировано 9 поджогов и разгромов владений кулаков только в одном Саратовском уезде.

Хотя на протяжении всего второго периода революции крестьянское движение в Саратовской губ. было значительным по размаху и выделялось по своей силе среди других губерний Европейской России, однако на нем заметно отразился общий спад революции в стране. Размах движения и его уровень в губернии стал в этот период ниже по сравнению с 1905 г. Некоторая часть колеблющихся крестьян оказалась запуганной репрессиями, а часть, находясь в плену буржуазно-конституционных иллюзий, возлагала все надежды на Думу и в активных революционных выступлениях участия не принимала.

В результате новый подъем крестьянской борьбы в Саратовской губ. весной — летом 1906 г., в отличие от некоторых губерний Европейской России, был не выше, а слабее размаха крестьянского движения осенью 1905 г. В мае — июле 1906 г. было зарегистрировано на 169 крестьянских выступлений меньше, чем в октябре — декабре 1905 г. (340 против 509). Общее число выступлений в наиболее решительных формах (организованные вооруженные восстания, разгромы имений, захват земли, смещение властей, политические митинги и демонстрации) сократилось. Осенью 1905 г. таких выступлений в губернии было 388, а летом 1906 г.— 243, причем, в отличие от осенних выступлений 1905 г., в условиях спада революции и жесточайших преследований стали преобладать тайные поджоги имений (крестьяне жгли главным образом хлеб и корма). Одновременно повсеместное распространение в губернии получило такое мирное средство борьбы, как составление писем, прошений, телеграмм на имя депутатов Государственной думы.

Постепенное отступление крестьян губернии стало еще более заметным с осени 1906 г. Уже в августе число крестьянских выступлений сократилось по сравнению с июлем этого же года втрое (40 выступлений против 123), а в октябре — в 6 раз.

Революционная борьба крестьян Саратовской губ. продолжалась, по размерам она оставалась выше среднего общероссийского уровня, но она все более принимала характер арьергардных боев.

В целом 1906 год дал 535 крестьянских выступлений, тогда как в 1905 г. их было 854. Крестьяне 68 волостей, в которых были революционные выступления в 1905 г., не приняли участия в движении 1906 г. В 1907 г. происходил дальнейший спад крестьянского движения в губернии.

* * *

Составляя неотъемлемую часть общероссийского крестьянского движения 1905—1907 гг., крестьянское движение в Саратовской губ. в годы первой русской революции отличалось некоторыми специфическими чертами.

1. Особенностью крестьянского движения Саратовской губ. явилась исключительная сила его в 1905—1907 гг. По своему размаху она на протяжении всех трех лет революции значительно превышала средний общероссийский уровень. За годы революции в Саратовской губ. было зарегистрировано более 1400 крестьянских выступлений.

О силе крестьянского движения в губернии свидетельствуют размеры материального ущерба, причиненного помещикам. За время революции крестьяне уничтожили в 29 губерниях Европейской России около 2 тыс. помещичьих усадеб, или $^{1}/_{15}$ их общего числа. В Саратовской губ. процент уничтоженных усадеб был почти в 6 раз большим (около 300 помещичьих имений из 772, или $^{6}/_{15}$ общего числа). В 19 наиболее «пострадавших» губерниях крестьяне причинили помещикам ущерб в 29 млн. рублей. Из них $^{1}/_{3}$ часть, или 9 550 320 руб., приходилась на Саратовскую губ. По сумме причиненных помещикам убытков Саратовская губ. занимала первое место.

2. Саратовская губ. относится к числу тех немногих районов России, где, благодаря более тесной связи революционных социал-демократов с деревней, крестьянское движение поднималось в отдельных местах до прямого вооруженного восстания, проходившего под лозунгом «Долой самодержавие!».

3. В развитии крестьянского движения в Саратовской губ. в 1905—1907 гг., как и во всей стране, можно отметить три крупные волны в период подъема революции — весной 1905 г., а потом осенью 1905 г. и в период ее отступления — весной и летом 1906 г. В отличие от ряда губерний, подъем волны крестьянского движения в 1906 г. здесь был меньшим по размаху, чем осенью 1905 г.

4. Основную силу движения составляли бывшие помещичьи крестьяне. В уездах Хвалынском, Кузнецком, Камышинском, Царицынском и отчасти в Вольском, где значительную часть сельского населения составляли бывшие государственные крестьяне и крестьяне-колонисты, а помещичье землевладение было развито слабо, крестьянское движение было незначительным. На его долю приходится всего $^{1}/_{7}$ часть всех крестьянских выступлений в губернии в 1905—1907 гг. (194 из 1400). В течение 1905—1907 гг. в этих уездах были вовлечены в движение крестьяне только 46 волостей из 105, или менее половины, тогда как в уездах, где преобладало латифундиальное помещичье землевладение, за те же годы выступили крестьяне 165 волостей из общего числа 176 во всех пяти уездах, т. е. 93,7%.

5. Крестьяне губернии все более начинали сознавать, что в борьбе против помещиков им необходим союз с городскими рабочими. Как и по всей стране, союз пролетариата и крестьянства составлял основу всех наиболее значительных событий 1905—1907 гг. в Саратовской губ.

Попытки либералов примирить крестьян с помещиками провалились. Однако в годы первой русской революции не удалось еще решить задачу высвобождения крестьян из-под влияния либеральной буржуазии. В массе своей крестьяне Саратовской губ., как и в других районах России, еще не поняли необходимости свержения самодержавия, продолжали верить царю и возлагали большие надежды на Государственную думу. Крестьяне и здесь все еще пока верили эсерам больше, чем большевикам.

Революционная борьба крестьян Саратовской губ. в 1905—1907 гг. закончилась поражением, но она не прошла для них бесследно. Под руководством пролетариата крестьяне губернии прошли богатую школу политического воспитания. Годы революции показали крестьянам, что их победа невозможна без прочного союза с рабочим классом. Крестьяне накопили большой опыт революционной борьбы, который подготовил их к победоносным боям под руководством рабочего класса в 1917 г.

А. З. БАРАБОЙ

ХАРЬКОВСКО-КИЕВСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО 1856—1860 гг.

I

В советской исторической литературе долгое время имела хождение концепция, согласно которой Герцен и Чернышевский в период революционной ситуации 1859—1861 гг. стояли якобы по разные стороны революционной баррикады, что Герцен и Огарев якобы действительно были «Кавелиными в квадрате» и на революционные позиции перешли только после реформы 1861 г., убедившись в ее антикрестьянском характере. Своего апогея эта антиленинская концепция достигла в работе Ю. Стеклова «Н. Г. Чернышевский», где утверждалось, будто Герцен «отрицательно относился ко всяким революциям и всяким тайным обществам» [1]. Примерно такого же мнения придерживался М. К. Лемке, неоднократно заявлявший, что Герцен «скептически относился к тайным обществам» вообще и что Герцен «не одобрял вообще никаких тайных обществ, в чем и был последователен до начала 1863 года» [2].

Эта концепция являлась воспроизведением заявлений кадетов и прочих либералов начала XX в., которые, по словам В. И. Ленина, тщательно скрывали, «чем отличался *революционер* Герцен от либерала» [3].

Опубликованная Б. П. Козьминым в т. 39—40 «Литературного наследства» записка Н. П. Огарева о тайном обществе, написанная в 1857 г., имеет своим лейтмотивом тезис о том, что тайное общество в России полезно, нужно и необходимо. Эта записка тщательно отредактирована А. И. Герценом.

Как известно, название тайному обществу «Земля и Воля», образовавшемуся в России не позднее лета 1862 г., дано по предложению А. И. Герцена.

М. В. Нечкина в своих работах «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации» и «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации» доказала, что Чернышевский и Герцен с Огаревым, несмотря на острую подчас полемику между ними, находились в период революционной ситуации 1859—1861 гг. в одном лагере, что дело у них было общее и борьба также была общая. «Чернышевский бичевал в Герцене либерала и всячески стремился в о с п и т а т ь в нем демократа, подтянуть Герцена на более передовые революционные позиции... Его (Герцена.— *А. Б.)* надо оттащить от либерального скота, уничтожить его либеральные колебания, но и только. По прямому своему смыслу «Письмо русского человека»

---

[1] Ю. Стеклов. Н. Г. Чернышевский, ч. 2, стр. 270.

[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. К. Лемке, т. XVI, Пгр., 1920, стр. 73.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 9.

(автором которого М. В. Нечкина считает Н. А. Добролюбова.— *А. Б.*) вовсе не разрыв, это — зов друга, зов перейти во имя общего дела на более передовые позиции...» [4].

М. В. Нечкина же на основании анализа прокламации Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам» доказала, что в 1861 г. в России существовала революционная организация, предшественница «Земли и Воли».

Р. А. Таубин в статье «Роль Н. Г. Чернышевского в создании революционной партии», опираясь на печатные работы и некоторые архивные материалы, пришел к правильному выводу о том, что «Чернышевский был идеологом народной крестьянской революции и главной революционной партии в России» [5].

Недавно вышедшие в свет «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» (второе издание) и «Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова» зафиксировали итоги большой работы, проделанной советскими и отчасти дореволюционными историками по изучению деятельности двух великих русских революционеров-демократов.

В настоящее время довольно ясно представляется деятельность в период первой революционной ситуации главы русской революционной партии Н. Г. Чернышевского и его ближайших соратников — Н. А. Добролюбова, Н. В. Шелгунова, М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева, Н. А. Серно-Соловьевича, Н. И. Утина. Однако в чем состояла работа всех членов революционной партии, каков был ее состав, каковы были принципы организации, существовала ли она ранее 1861 г., имела ли она членов также вне Петербурга и Москвы — на все эти вопросы еще нет полного ответа.

Неясно также, имели ли Герцен и Огарев непосредственную связь с местными организациями революционной партии или были связаны только с Чернышевским, Добролюбовым и другими отдельными лицами.

Особо надо отметить, что в нашей историографии осталась неосвещенной фигура П. В. Павлова, участника общественного движения начала 1860-х годов. Известно, что 2 марта 1862 г. он произнес в Петербурге публичную речь о тысячелетии России, за которую был сослан в Ветлугу. Но неизвестно, принадлежал ли он к революционной партии в России или к либеральному лагерю, и какой характер имела его общественная деятельность до 2 марта 1862 г.

В предлагаемой статье, в которой использованы архивные материалы Центрального государственного исторического архива УССР и печатные работы, автор пытается дать частичный ответ на поставленные вопросы.

II

В нашем распоряжении имеются некоторые, правда, весьма скудные, данные о том, что А. И. Герцен еще до приезда в Лондон Н. П. Огарева, т. е. до 1856 г., носился с мыслью создать в России революционную организацию.

В январе — феврале 1854 г. Герцен написал яркую революционную прокламацию под названием «Русскому воинству в Польше» [6]. Обращаясь к русским офицерам и солдатам, Герцен говорил: «За 1812 годом шло 14 декабря... что-то придет за 1854?... Неужели мы пропустим случай, ка-

[4] «Исторические записки», т. 10, стр. 38.
[5] «Исторические записки», т. 39, стр. 97.
[6] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VIII. Пгр., 1917, стр. 58, 67—73; т. XXII, Пгр., 1925, стр. 272.

кого долго-долго не представится? Неужели не сумеем воспользоваться бурей, вызванной (самим царем) на себя? Мы надеемся, мы уповаем... Что и как делать, вы узнаете, когда придет время. Мы вас не оставим без совета» [7].

В начале того же 1854 г. (18 марта) русский посланник в Дрездене донес в Петербург, что Герцен составил два литографированных листка, которые должны служить «русским и польским выходцам видом или условным знаком для узнания приверженцев их в России и Польше». Посланник приложил к донесению два экземпляра листков. Русский знак — карточка из плотной белой бумаги размером 14,4 на 14,4 см — представлял собой прямоугольный сетчатый фон и внутри него более светлый овал, в центре которого нарисовано солнце с расходящимися лучами; на периферии фона — орнамент из гроздьев винограда и листьев; внутри изображения солнца мельчайшими буквами было налитографировано: «Отче наш, иже еси». Можно с уверенностью сказать, что солнце с расходящимися лучами символизировало политическую свободу, а для тогдашней крепостнической России — уничтожение крепостного права. Что касается надписи «Отче наш», то она, вероятнее всего, должна была замаскировать революционный смысл знака.

У нас нет прямых доказательств того, что этот знак был составлен и заказан литографу именно А. И. Герценом. Не обнаружен этот знак у кого-либо в России. Однако знак реально существовал и по сей день хранится в архивном деле [8]. Интересно в этой связи отметить, что в конце февраля 1861 г., иллюминируя свой дом в Лондоне в честь отмены крепостного права в России, А. И. Герцен на верхней части фасада дома поместил изображение солнца с расходящимися лучами и надписью внутри него «19 февраля 1861 года». Такое же изображение Герцен поместил и на афишах, составленных им в честь этого события [9].

Составление знака для распознания своих приверженцев в России в сочетании с призывом к новому 14 декабря и обещанием не оставлять без совета революционное движение внутри России говорит за намерение создать революционную организацию. С приездом в Лондон Н. П. Огарева и особенно с момента начала реакционного поворота в политике Але-

---

[7] Там же, т. VIII, стр. 68, 71. Прокламация была напечатана 25 марта н. ст. Автор датировал ее так: «День благовещения. 25 марта 1854 г.». Известно, что А. И. Герцен был свободен от религиозных предрассудков: он резко критиковал своего друга юности Грановского за его религиозные убеждения, жену и сына он похоронил без религиозных обрядов. Вероятнее всего, что в данном случае А. И. Герцен преследовал цель поэтически сравнить первое прямое обращение с революционным призывом к русским солдатам и офицерам с сообщением о благой вести. Это предположение находит себе подтверждение в самом тексте прокламации, где, между прочим, сказано: «Слово наше — зов, это дальний благовест, возвещающий вам, что заутреня народного воскресения начинается и для Руси».

[8] ЦГИА УССР фонд генерал-губернатора по секретно-политической части, 1853 г., д. 151. В служебные обязанности русского посланника в Дрездене входило в то время собирать информацию о деятельности А. И. Герцена. После разрыва дипломатических сношений между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, т. е. после 11 февраля 1854 г. царское правительство было лишено возможности получать информацию о Герцене и его Вольной русской типографии от своих лондонских дипломатов и агентов. Оно было лишено также возможности следить за деятельностью лондонских книгопродавцов Трюбнера и Нота и парижских книгопродавцов Франка и Фивега, которые распространяли герценовские издания. Оставалось следить за пятым герценовским контрагентом — книгопродавцом Гартманом в Лейпциге и за самим Герценом в Лондоне через посланника в столице Саксонии — Дрездене. Донесение посланника, прямо называвшее Герцена составителем знака, имеет известную доказательную силу.

[9] «Литературное наследство», т. 39—40, стр. 335.

ксандра II [10] это стремление Герцена возрождается и в течение нескольких лет усиливается.

Уже в начале 1857 г. Герцен и Огарев пришли к решению, что тайное общество в России «полезно, возможно и необходимо» [11]. В 1857—1859 гг. Герцен и Огарев имели непосредственную связь с Я. Н. Бекманом и М. Д. Муравским, руководителями харьковско-киевского тайного общества.

Киев и Харьков, видимо, занимали особое место в революционных планах А. И. Герцена. Приступая к созданию вольной русской типографии, А. И. Герцен имел в виду сделать южную Россию, т. е. Украину и в особенности Киев и Харьков, перевалочными пунктами и центрами распространения своих революционных изданий [12]. В течение 1854—1862 гг. герценовская литература фактически и шла в Россию через Украину, особенно через австрийскую границу в пределах киевского генерал-губернаторства [13].

О степени оседания и распространения герценовской литературы в Киеве и Харькове можно судить по таким фактам.

В марте 1860 г. киевский губернатор доносил генерал-губернатору Васильчикову, что «запрещенные сочинения между молодежью в настоящее время развиваются и распространяются более и более». Речь шла при этом именно об изданиях Герцена [14].

В марте 1861 г. у студента киевского университета Моссаковского были найдены произведения Герцена «С того берега», «Тюрьма и ссылка», «14 декабря 1825 года» и несколько экземпляров «Полярной Звезды» и «Колокола» [15].

---

[10] А. И. Герцен уже в 1858 г. разглядел начало реакционного поворота в политике Александра II. В № 18 «Колокола» за 1 июля 1858 г. он писал: «В прошлом июне (т. е. в июне 1857 г.— *А. Б.*) он (Александр II.— *А. Б.*) еще стоял как богатырь наших сказок на перекрестке: пойдет ли он направо, пойдет ли он налево, нельзя было знать; казалось, что он непременно пойдет по пути развития, освобождения, устройства... Вот шаг и еще шаг, но вдруг он одумался и повернул слева да направо» (подчеркнуто А. И. Герценом). В № 25 «Колокола» Герцен напечатал полученное им «письмо к редактору», в котором говорилось, что все надежды на преобразования лопнули; что нечего сохранять веру в Александра, ибо эта вера — ошибка. Особенно бичевал А. И. Герцен «либерального» царя за его распоряжение цензуре от 14 января 1859 г. не пропускать в печать статей об освобождении крестьян от крепостной зависимости (см. «Колокол», № 43, 45 и др.). А в передовой статье от 1 января 1860 г. № 60 «Колокола» Герцен громил «совершенно ретроградные поступки Александра II» и подчеркивал, что «реакцией нельзя помочь финансам». Вместе с тем Герцен и в этот период не был свободен от либеральных колебаний.

[11] См. «Литературное наследство», т. 61, стр. 467. Публикация М. В. Нечкиной.

[12] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. VII. Пгр., 1917, стр. 182, 184, 209, 307.

[13] В сентябре 1856 г. министр внутренних дел С. С. Ланской писал киевскому генерал-губернатору, что герценовские издания провозятся в Россию главным образом через границу Галиции (ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1856 г., д. 82, л. 6). В начале 1859 г. русский консул в Бродах сообщал, что герценовская литература провозится в Россию контрабандным путем главным образом через м-ко Гусятин Подольской губ. и Лешнев Волынской губ. (там же, 1859 г., д. 33, л. 5). В том же году в Радзивилловской таможне (Волынской губ.) были задержаны отправленные из Австрии в Россию три пачки книг; в них оказалось 13 пуд. 36 фунт. весу вместо номинальных 11 пуд. 4 фунт., излишек веса приходился главным образом на сочинения Герцена (там же, л. 3).

В мае 1861 г. у возвращавшегося из-за границы отставного подпоручика Михаила Имшенецкого той же таможней были обнаружены и отняты 68 листов «Колокола», 6 экземпляров «Полярной Звезды», 6 экземпляров издания «Под суд» и др.— всего 101 экземпляр герценовских изданий (там же, 1861 г., д. 161, лл. 6—7). В начале 1862 г. в Киеве был арестован поляк Скирмонт, специально занимавшийся распространением изданий Герцена. В момент ареста при нем был обнаружен экземпляр статьи Герцена «Vivat Polonia» (там же, 1862 г., д. 1, л. 24).

[14] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 139, л. 6.

[15] Там же, 1861 г., д. 222, лл. 9—10.

В марте 1862 г. у студента Орлова было обнаружено восемь экземпляров «Колокола», копия письма Герцена к Александру II и два листка текста, выписанного из «Колокола» [16].

У отставного подполковника Зверева около 1866 г. было обнаружено при обыске девять частей герценовского издания «Голоса из России» за 1859 год и 17 частей за 1860 год, а также два портрета Герцена: «один литографированный, другой фотографный» [17].

Особенно ярко характеризует большую распространенность герценовской революционной литературы в Киеве и его окрестностях донесение начальника киевской уездной полиции от 5 декабря 1862 г. на имя генерал-губернатора. «Не могу не упомянуть,— говорилось в донесении,— о напряженном состоянии умов всех сословий, более или менее образованных, на которые имеет самое неблагоприятное влияние известный журнал «Колокол», распространяющийся повсюду до того, что почти во всяком семействе его можно найти, в особенности у купцов и военных. Читающий этот журнал, самый благонамеренный и преданный человек, начинает быть врагом всего национально-русского и мечтать о свободе и равенстве не в духе мирном, христианском, но в духе возмутительном, революционном. Еще менее беды, ежели искандеровского злоречия начитается универсально образованный, но горе, если его читает только умеющий читать» [18].

Революционная агитация Герцена, его организационные мероприятия, а также то, что Киев и Харьков стали в 1850-е годы центрами распространения его изданий — все это в значительной мере обусловило появление одного из первых тайных обществ того времени именно в Харькове и Киеве.

III

15 апреля 1856 г. в пасхальную ночь по улицам Харькова была расклеена рукописная пародия на манифест царя по поводу заключения Парижского мирного договора.

Удачно имитируя стиль царских манифестов, авторы пародии вскрывали невыгодный и унизительный для России характер Парижского мира. В частности, в пародии подчеркивалось, что запрещение держать военный флот в Черном море, формально одинаковое для России и Турции, представляло серьезную опасность для всего русского черноморского побережья, ибо Турция в случае войны могла в любой момент ввести свой флот или флот союзников из Мраморного в Черное море, тогда как Россия была совершенно лишена возможности откуда бы то ни было вводить флот в Черное море. В пародии говорилось и о том, что Румыния была признана Парижским мирным конгрессом самостоятельным государством прежде всего с той целью, чтобы отделить в Европе территориально Турцию от России и тем «лишить последнюю возможности возвратить потерянное» в Крымской войне.

Пародия утверждала, что Александр II царствует «божьим попущением и неистощимым терпением русского народа». Царь благодарил народ за это его терпение, «поистине овечье», с которым он переносил «все

---

[16] Там же, 1862 г., д. 59, л. 4.

[17] ЦГИА УССР, ф. следственной комиссии по политич. делам при киевском ген.-губернаторе, 1866 г., дело без номера.

[18] Киевский обл. гос. архив, ф. гражданского губернатора, 1862 г., д. 43954, лл. 253—254.

бедствия, все несправедливости, всю тьму зол, происходящих от деспотической царской власти»; благодарил народ за то, что он верит обиралам-архиереям и попам, торгующим в интересах царской власти «истиной евангельского учения» и совестью россиян.

В заключение пародия иронически советовала россиянам «продолжать спать», пока царская власть не стянула с них последней рубахи и не выжала их последней капли крови, и утешаться «нашими (т. е. царскими.— *А. Б.*) о преобразованиях обещаниями, в которых не было, нет и не будет ни слова правды» [19].

В конце мая того же 1856 г. на стенах харьковского университета и на заборе университетского сада были расклеены четыре рукописные афиши, сообщавшие о предстоящем появлении «на арене истории драмы в трех действиях сочинения Судьбы Народов»: «К 1862 году — тысячелетнему юбилею России обитателями русской земли, если народ поскорее очистится, совершено будет освобождение России от батыевых наследников или победа света свободы над мраком самодержавия» [20].

В апреле — мае 1856 г. среди студентов харьковского университета распространялись рукописные памфлеты на попечителя учебного округа Катакази и стихи, высмеивавшие харьковского губернатора Кокошкина. Таких сатирических произведений, имевших несомненную политическую подоплеку, Б. П. Козьмин насчитывает до десяти.

Несмотря на усиленные розыски полиции, которую сам царь подхлестывал энергичными резолюциями, авторы этих пародий, памфлетов и сатирических стихов не были тогда обнаружены. Лишь в 1860 г., в связи с обыском, произведенным у студента Завадского по доносу помещика Гаршина, полиция установила личности авторов и распространителей этой подпольной политической литературы.

Это были студенты харьковского университета, прежде всего Я. Н. Бекман и М. Д. Муравский, которые, познакомившись в 1855 г., убедились, что оба придерживаются революционных взглядов. У них зародилась мысль организовать тайное общество в целях подготовки политического переворота. В начале 1856 г. они близко сошлись с третьим студентом П. С. Ефименко. Вскоре Ефименко связал Бекмана и Муравского со студентом Завадским. Эта четверка и составила ядро тайного революционного общества.

В течение первых месяцев 1856 г. в члены тайного общества вступили студенты Тищинский, Ивков и Хлопов, а в начале осени того же года восьмым членом общества стал студент В. О. Португалов.

Тайное революционное общество начало свою деятельность с составления и распространения пародии на манифест по поводу заключения Парижского мирного договора, а также афиши о том, что к 1862 г. русский народ свергнет самодержавие.

Параллельно с этим тайным революционным обществом в харьковском университете существовал небольшой так называемый пасквильный комитет, ставивший перед собой более узкую цель: высмеивать реакционное университетское начальство и его покровителей из губернского и краевого начальства. «Комитет» состоял из пяти членов: Н. и В. Раевских, А. и М. Марковых и Н. Абазы. Все они были выходцами из богатых помещичьих семей. Название «пасквильный комитет» группе дал ее руководитель Н. Раевский.

---

[19] Текст пародии полностью приведен в брошюре Б. Козьмина «Харьковские заговорщики», М., 1930, стр. 11—14.

[20] Текст афиши опубликован Б. Козьминым в журнале «Каторга и ссылка», 1928, № 4, стр. 136.

В октябре 1856 г. П. С. Ефименко установил связь с «пасквильным комитетом». Возникла мысль о соединении обоих обществ. Договорились, что каждый член той и другой группы продумает план организации объединенного тайного общества, а затем на общем собрании будет окончательно выработан и утвержден устав общества. Собрание состоялось 13 ноября 1856 г. на квартире П. Ефименко. Было решено, что цель общества будет заключаться в замене существующего в России самодержавного строя республиканским и уничтожении крепостного права, и что общество по мере сил будет содействовать подготовке и совершению политического переворота. Для этого, по мнению членов общества, было необходимо распространять либеральные идеи в народе, в первую очередь среди крестьянства и раскольников, а также в «обществе» и среди военных. Либеральные идеи предполагалось распространять при помощи запрещенных сочинений — «чужих, а отчасти и своих собственных». В частности, Завадскому было поручено составить прокламацию на украинском языке. Впоследствии полицией у Завадского были обнаружены черновики-наброски такой прокламации. Была найдена также прокламация на украинском языке, составленная Муравским. В последней, между прочим, говорилось: «Надобно свергнуть царя. Царей совсем не нужно. Да еще надобно отобрать крестьян от господ, прогнать негодное начальство и поручить управление государством 50 выборным от всей империи — по одному от каждой губернии». Будущий переворот представлялся членам общества в виде «всеобщего восстания», которое, как им казалось, организовать будет нетрудно. Вначале Ефименко предлагал принять решение о том, чтобы после успешного переворота царская фамилия была выслана за границу, но после дискуссии было принято решение о необходимости физически уничтожить царскую фамилию.

На собрании 13 ноября было решено также создать подпольную типографию. Это решение осталось невыполненным. Тогда же была избрана комиссия в составе Бекмана, Н. Раевского и Завадского, которой было поручено выработать проект устава на основе индивидуально составленных проектов и материалов дискуссии на собрании. Комиссия была обязана представить свой проект каждому из прочих членов общества, которым было предоставлено делать замечания. Комиссия работала три дня. Наибольшее количество замечаний на составленный комиссией проект устава сделал М. Д. Муравский.

На следующем общем собрании, дата которого не установлена, устав был окончательно утвержден и подписан всеми 13 членами общества. Председателем общества был избран Бекман, секретарем — Завадский, казначеем — Хлопов и библиотекарем — Муравский.

Текст устава до нас не дошел. Будучи арестованы в 1860 г., члены тайного общества вначале совсем отрицали существование общества и свою политическую деятельность. Потом, сознавшись, что общество существовало, настойчиво заявляли, что еще в 1857 г. оно самоликвидировалось и что на последнем собрании они сожгли устав.

Еще до слияния обществ Н. Раевский организовал среди студентов харьковского университета литературный кружок. После слияния обществ студенты-революционеры широко развернули работу литературного кружка, стремясь использовать его «для прикрытия тайного общества и для узнавания одномыслящих людей и избрания их своими членами» [21].

По показаниям Ефименко и Ивкова, в тайное общество был завербован также студент А. Савельев, впоследствии работавший учителем гимназии в Новочеркасске. Завадский в своих показаниях говорил о вовлечении в общество студента И. Маркова. Из сохранившихся материалов вид-

но, что в члены общества вступили также студенты Левченко, Лебедев, Спасский, Россинский, Зеленский, Стрижевский, Розен, Кацен и Шмулевич [22].

В апреле 1857 г. тайное общество составило новую пародию на манифест Александра II по случаю рождения великого князя Сергея Александровича. Пародия называла россиян «безумно-верными подданными нашими» и утверждала, что новорожденный великий князь — новый дармоед, который также будет творить зло, «искони бывшее заветом нашего (т. е. царского.— *А. Б.*) чухонского и иных прочих дома». Пародия была подписана «Александр II, царь последний» [23]. По улицам Харькова было расклеено несколько рукописных экземпляров этой пародии.

В январе 1857 г. в харьковском университете возникли студенческие волнения в связи с тем, что лакей попечителя учебного округа, встретив на улице студента, одетого не по форме, ударил его и отвел под арест. На сходке было постановлено уйти из университета, если обиженному студенту не будет дано удовлетворения. Власти были вынуждены наказать лакея попечителя. В проведении этой студенческой сходки видную роль сыграли члены тайного общества.

Главные усилия тайного общества были направлены на собирание, переписывание и распространение запрещенных сочинений, прежде всего сочинений А. И. Герцена. Общество распространяло герценовскую литературу в печатных экземплярах и в списках.

Б. П. Козьмин принял официальную версию о том, что тайное студенческое общество во второй половине 50-х годов XIX в. существовало только в Харькове и прекратило свою деятельность в начале 1857 г. В основу этой версии легло показание Бекмана, данное на следствии о том, что общество пришло к убеждению в бесполезности своего существования. Б. П. Козьмин ссылался также на показание Муравского в 1860 г. о том, что в 1857—1858 гг. он и его товарищи «разочаровались в насильственных революциях и обратили свое сочувствие к мирным переворотам», ибо из действий Александра II «они убедились в его благих намерениях и в готовности его итти навстречу интересам народа». При этом Б. П. Козьмин в сообщении «М. Д. Муравский в харьковском тайном обществе», напечатанном в 1928 г., отнесся было к этому показанию Муравского с некоторой долей скепсиса. «Было бы, конечно, ошибкой,— писал Б. П. Козьмин, — принимать за чистую монету эти утверждения Муравского...». Затем он продолжал: «Но, может быть, в словах Муравского была и некоторая доля истины... Достаточно вспомнить, что Герцен в феврале 1858 г. восклицал: «Ты победил, галилеянин!», а Чернышевский свою статью «О новых условиях сельского быта» начал с заимствованного из библии эпиграфа: «Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие, — сего ради помазал тя бог твой» [24]. А в следующей работе «Харьковские заговорщики», опубликованной в 1930 г., Б. Козьмин уже положительно и категорически утверждает, что тайное общество самоликвидировалось в январе или феврале 1857 г. [25]

---

[21] Из собственноручной записки Завадского, найденной у него при обыске в конце января 1860 г. (ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, л. 151—154).

[22] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185.

[23] Б. Козьмин. Указ. соч., стр. 17—18.

[24] «Каторга и ссылка», 1928, № 4, стр. 125—126.

[25] Б. Козьмин. Указ. соч., стр. 70.

Решение общества о самоликвидации Б. П. Козьмин мотивирует так: «...В этом перерождении тайного общества не было ничего удивительного. Члены общества успели уже убедиться (когда? на опыте чего? — *А. Б.*), насколько наивно и неосновательно было их убеждение, что произвести политический переворот в России — дело, не требующее большого труда. Пропаганда в народе не налаживалась... Оставалось распространение запрещенных сочинений да развитие самих членов общества в политическом отношении... Для этого существования тайного общества не требуется... оно становилось бесполезным»; «1857 год,— продолжает Б. П. Козьмин,— был эпохой наибольшего расцвета правительственного либерализма» [26].

Надо признать, что эта мотивировка неубедительна, ибо она умозрительна и не базируется на фактах. Утверждение о том, что тайное общество самоликвидировалось в начале 1857 г., противоречит следующим важным фактам, приводимым самим Б. Козьминым.

1) В апреле 1857 г. членами тайного общества была составлена и расклеена яркоантимонархическая прокламация — цитированная выше пародия на царский манифест по поводу рождения великого князя Сергея Александровича.

2) В апреле 1858 г. в связи с арестом, а затем увольнением двух студентов, Петровского и Кутырева, оказавшихся «виновными» в том, что они оказали сопротивление напавшей на них дворне князя Салтыкова, на квартире у Бекмана собралось 50 студентов, которые избрали делегацию в составе Бекмана, Хлопова, Португалова и Левченко (членов тайного общества) для предъявления попечителю требования о пересмотре дела Петровского и Кутырева. Попечитель отказал делегации. Тогда 136 студентов подали прошения об увольнении из университета. Вскоре еще 60 студентов подали такие же прошения, но начальство уже отказалось принять их. Попечитель стал вызывать каждого из студентов, подавших заявления о выходе из университета, и уговорами и угрозами заставил большинство из них взять прошения обратно. 13 студентов устояло против всех уговоров и угроз. Четверо из них были исключены из университета навсегда (в том числе член тайного общества Ивков), 9 студентов были исключены из университета на год, в том числе члены тайного общества Бекман, Муравский, Тищинский, Завадский. Португалов (также член тайного общества) получил «высочайший выговор».

3) П. С. Ефименко был исключен из харьковского университета за невзнос платы за обучение до только что описанной университетской истории, в начале 1858 г., т. е. после того, как, по мнению Б. Козьмина, тайное общество ликвидировалось. Однако еще позднее, когда Ефименко надумал перевестись в московский университет, «его товарищи по тайному обществу д а л и е м у п о р у ч е н и е организовать в Москве литературное общество наподобие харьковского», причем, как пишет сам Б. Козьмин, они имели в виду, что «впоследствии из этого литературного общества выделится более конспиративная группа с задачами чисто революционными» [27]. Ефименко по приезде в Москву установил связь с существовавшим здесь тайным обществом «вертепников» и наладил более широкое снабжение харьковчан герценовской и другой запрещенной литературой, которая литографировалась в Москве.

При решении вопроса о мнимой «самоликвидации» харьковского тайного общества в 1857 г. необходимо принять также во внимание ту обще-

[26] Т а м ж е, стр. 67—68.
[27] Т а м ж е, стр. 82—83.

известную истину, что революционеры на следствии и суде должны были часто прибегать ко лжи в целях самозащиты и для выгораживания товарищей. Надо также принять во внимание открытое и прямое заявление харьковского тайного общества о том, что в обещаниях Александра II о преобразованиях «не было, нет и не будет ни слова правды», и заявление Бекмана на следствии о том, что он и его товарищи опасались, что и новое правительство (Александра II) пойдет по прежнему пути. Все это свидетельствует о том, что Бекман и его товарищи относились с недоверием к «правительственной либеральной политике» второй половины 1850-х годов.

Б. Козьмин не имел в своем распоряжении архивного дела № 185 фонда секретно-политической части киевского генерал-губернатора «О тайном обществе между студентами киевского и харьковского университетов». Не имел его также и М. Лемке, написавший работу «Молодость отца Митрофана», в значительной своей части посвященную деятельности харьковского тайного общества. Тщательное изучение этого дела убеждает в том, что студенческое тайное политическое общество, возникшее в Харькове в 1856 г., не прекратило своего существования в 1857 г. В связи с отъездом за границу и последовавшей затем смертью Н. Раевского, и особенно в связи с исключением в апреле 1858 г. из харьковского университета главных членов общества, последнее ослабило свою деятельность. Но уже в начале 1859 г. руководящее ядро тайного политического общества обосновалось в Киеве, и его революционная деятельность развернулась с еще большей силой, распространившись не только на Киев, но и на Харьков и некоторые другие города.

IV

Первым перевелся в Киев в 1858 г. член тайного общества медик Португалов. Здесь он близко познакомился с профессором истории П. В. Павловым и передавал ему герценовскую литературу, которую получал из Харькова. В найденном у Бекмана письме Португалов в начале 1859 г. писал из Киева: «Приехал Муравский и привез все нужное. Мы в тот же день собрались до 15 человек и прочли. Все это я отдал Павлову, и он не нахвалится» [28]. Португалов организовал в Киеве литературный кружок, в котором, как он писал тому же Бекману, принимали деятельное участие профессора Павлов и Колосовский. Кружку покровительствовали попечитель киевского учебного округа Н. И. Пирогов и инспектор Слепушкин [29]. Создав литературный кружок, Португалов доносил Бекману, что он «завязал литературный узел в надежде устроить что-либо вроде харьковского» [30]. Иными словами, и в Киеве члены тайного общества, создавая литературный кружок, ставили своей задачей «узнавать одномыслящих людей» для вовлечения их в тайное общество.

В конце 1858 г. в Киев переехали также члены тайного общества Муравский, Тищинский, Левченко, Розен, Кацен и Шмулевич. В феврале — марте 1859 г. в Киев переехали Бекман, Ефименко, Россинский и Зеленский. Все они поступили в киевский университет студентами, за исключением Бекмана и Муравского, ставших вольнослушателями университета.

---

[28] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, л. 112 об.

[29] Там же. Как увидим ниже, Н. И. Пирогов своим заступничеством много содействовал облегчению участи арестованных студентов-революционеров.

[30] Там же, л. 112.

Бекман с августа 1859 г. стал вести политическое обозрение в газете «Киевский телеграф». Осенью 1859 г. Левченко обратно перевелся в харьковский университет. Отметим, что киевский генерал-губернатор Васильчиков, ознакомившись с материалами следственной комиссии по делу о студенческом тайном обществе, прямо предположил, что «в целях распространения своей деятельности, с обращением, может быть, университета в центр оного, некоторые харьковские студенты из заговорщиков перешли в Киев в здешний университет» [31].

Глава тайного общества Я. Н. Бекман был умным и энергичным революционером. Он (как и М. Д. Муравский) переписывался с А. И. Герценом. К Бекману приходили письма-донесения от членов тайного общества и сочувствующих сначала из Киева и Новочеркасска в Харьков, а потом из Харькова в Новочеркасск и Киев [32]. Приехавший из Киева в Харьков студент в письме из Харькова просил у Бекмана полномочия на выступление «от имени нашего совета из К[иева]» на предстоявшем в харьковском университете студенческом митинге по установлению постоянных связей с петербургским и московским университетами [33]. Из Киева Бекман ездил в августе 1859 г. в Харьков, чтобы оживить там работу тайного общества. 25 июня 1859 г. о предстоявшей этой поездке член общества Левченко писал из Киева в Харьков: «Здесь есть работа и, прибавлю, громадная. В Харькове, думаю, дела пойдут хорошо — туда едет Бекман» [34].

Немедленно по приезде Бекмана в Киев Португалов познакомил его с П. В. Павловым. Между Бекманом и Павловым установились весьма тесные отношения. Один из харьковских корреспондентов Бекмана писал ему: «Каченовский (прогрессивный профессор харьковского университета.— *А. Б.*) просил, чтобы Вы передали поклон Павлову» [35]. Бекман и Павлов, а также студент киевского университета Ф. Вороной были инициаторами создания в Киеве первых в России воскресных школ — «Подольской» и «Новостроенской», которые начали работу 1 октября 1859 г. Следственная комиссия при киевском генерал-губернаторе установила в начале февраля 1860 г., что цель организаторов воскресных школ в Киеве заключалась в том, чтобы «распространять либеральные понятия в массу простого народа» [36]. Уезжая из Киева в Петербург в декабре 1859 г., Павлов доверил Бекману получение всей почты на его имя [37]. В 1862 г. за публичную речь о тысячелетии России Павлов, как известно, был сослан в Ветлугу. Студенты петербургского университета по добровольной подписке собрали для него 300 руб.; Павлов велел эти деньги переслать Бекману, отбывавшему тогда ссылку в Архангельской губ. [38].

Общение Павлова и Бекмана продолжалось менее 10 месяцев (с марта по декабрь 1859 г.). Это обстоятельство, а также различие общественного положения и возраста Павлова и Бекмана (первому было тогда 37 лет, второму — 23 года) говорят за то, что Павлова и Бекмана связала именно интеллектуальная дружба, точнее — общие политические взгляды.

---

[31] Там же, л. 265.

[32] Там же, лл. 109—112. Так, в одном из многочисленных писем, найденных у Бекмана при обыске 1 февраля 1860 г., неизвестный корреспондент писал ему: «Дела нашего общества идут прекрасно, число слушателей возросло до 30, митинги довольно часты и ведутся хорошо» (там же, л. 111).

[33] Там же, л. 111 об.

[34] Там же, л. 162.

[35] Там же, л. 109 об.

[36] Там же, л. 207.

[37] Там же, л. 111.

[38] Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, М.— Л., 1934, стр. 162.

Павлов знал о существовании тайного общества, сочувствовал и помогал ему, в значительной мере идейно вдохновлял членов тайного общества к политической борьбе против царизма. Об этом красноречиво свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении текст последней прощальной лекции П. В. Павлова, читанной студентам киевского университета (см. приложение).

Прощальная лекция профессора Павлова представляет, несомненно, историографический интерес. Еще более важно ее политическое значение. В ней содержится, во-первых, ясное и недвусмысленное заявление о том, что Россия переживает время «когда старые учреждения оказываются несостоятельными, наступает переворот,— сначала умственный, потом материальный,— энциклопедисты и революция». Во-вторых, она провозгласила, что университеты должны не только быть хранилищем науки, но выступить «и на поприще другого рода», что в «истории протеста» большую роль должны играть университеты, что, кроме отдельной деятельности каждого университета, «все они должны соединить свои силы вместе». Если мы вспомним, что лекция была публичная и требовала от ее автора эзоповского языка, то легко поймем, что «поприще другого рода», на которое Павлов звал российские университеты того времени, было политическое поприще, что требование активной роли университетов в «истории протеста» было требованием активного участия их в политической борьбе против самодержавия.

Первая из этих двух идей, констатировавшая наличие в России революционной ситуации, вдохновляла студентов, членов тайного общества, на борьбу против царизма и крепостничества. Вторая идея легла в основу организационной стороны деятельности тайного общества и его членов как в киевский период его существования, так и в 1860—1861 гг., когда наиболее деятельные его члены находились в ссылке в различных городах Европейской России. Эта организационная деятельность общества заключалась прежде всего в стараниях связать революционно настроенных студентов киевского и харьковского университетов со студентами петербургского, московского и казанского университетов [39].

Добавим, что в записке сенатора Жданова, резюмировавшей результаты следствия по делу о тайном обществе, прямо сказано, что «тайным обществом» устанавливаются сношения через того же профессора Павлова со студентами московского и петербургского университетов» [40]. В другой записке того же сенатора Жданова от 30 августа 1862 г., где подводились итоги следствия по делу о воскресных школах в России, сообщалось: «...когда вследствие бывших в 1858 г. беспорядков в харьковском университете некоторые из членов тайного общества... переехали в Киев, то здесь составился новый более обширный круг их общества, привлекшего к себе некоторых студентов киевского университета. В этом-то круге впервые проявляется отчетливое и сознательное намерение об учреждении воскресных школ для распространения посредством них пропаганды в народе. Во главе сего предприятия становится профессор Павлов; при деятельном участии его как агента правительства (т. е. официального представителя киевского учебного округа.— *А. Б.*) и вместе передового человека, с одной стороны, получается разрешение начальства на учреждение воскресных школ в Киеве под главным надзором его же, Павлова, а с дру-

---

[39] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части. 1860 г., д. 185, л. 37 об., 111 об.; М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 314 и др.

[40] М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 282.

гой — соединенные при нем личности с преступными тенденциями начали действовать свободнее и решительнее и завели сношения со студентами университетов столичных» [41].

14 декабря 1859 г. студенты киевского университета устроили в квартире члена тайного общества Розена прощальный ужин в честь проф. Павлова. По агентурным данным генерал-губернатора, в ужине приняли участие 32 студента. Столько же студентов подписали письмо-адрес Павлову. Первым под адресом подписался Муравский. Подписались также Бекман, Португалов, Россинский, Кацен, Розен, Стрижевский и др. Вероятно, эти 32 студента и составляли тот «более обширный круг тайного общества» в Киеве, о котором писал сенатор Жданов. Но возможно, что членов тайного общества в Киеве в тот момент было несколько меньше: несколько ранее этого времени Зеленский писал Лебедеву в Харьков: «Мы... добились своего — образовали статус ин стату, т. е. более интимный кружок, помимо постоянно собирающегося. К нему принадлежат харьковцы почти все, из киевлян — Орлов, Шкуратов, Миллер, Корин, Очкин... Целей много, толков еще больше, а надежд гибель. Мы составляем что-то вроде инициативы и будем стараться расширить круг до возможных пределов. Главное — качество, а не количество» [42]. Если тайное общество в Киеве состояло тогда только из 11 харьковчан и 5 киевлян, то, несомненно, остальные 16 приглашенных на прощальный ужин должны были представлять собой тот контингент, из которого тайное общество предполагало вербовать в ближайшее время новых членов. На ужине произносили речи Бекман, Португалов, Левченко и Зеленский.

В бумагах члена тайного общества Россинского был найден текст речи, обращенной к П. В. Павлову. «Последние слова, сказанные Платоном Васильевичем,— говорилось в речи,— навеяли на нас тяжкую, глубокую грусть. День, в который наш университет в лице нашем прощается с Платоном Васильевичем, и не может быть радостным для нас днем. Но позвольте мне указать на одну отрадную сторону этого дня. Конечно, то, на что я обращу Ваше внимание, есть только случайность, но я нахожу ее многозначительной. Сегодня 14 декабря. В этот день прогресс на Руси в первый раз гласно заявил свое совершеннолетие. Предлагаю выпить в память первых апостолов родного прогресса и за здоровье всех следующих по их стопам» [43].

Россинский сначала показал, что текст речи был произнесен где-то в Москве и им записан по рассказам. Во втором показании он, по выражению следственной комиссии, «сознал», что текст речи обращен к П. В. Павлову, что он присутствовал на прощальном ужине в честь Павлова, но что ни он, ни кто-либо другой этой речи якобы не произносил. Последняя часть второго показания Россинского опровергается следующим фактом: получив копию показания, генерал-губернатор Васильчиков сообщил III отделению, что после прощального вечера, данного «некоторыми лицами» 14 декабря 1859 г. Павлову, ему, Васильчикову, «сделалось известным, что на этом вечере были сказаны «речи и спичи» и что один из присутствовавших, студент Зеленский, «намекал на сближение чисел 14 декабря» [44]. Павлов, гласило далее донесение Васильчикова, остановил Зеленского, «заметил ему неуместность» его тоста и предложил тост за здо-

[41] См. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, Пгр., 1920, стр. 318—325.
[42] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, лл. 163—164.
[43] Там же, лл. 254—255.
[44] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, л. 160.

ровье государя-императора [45]. Отметим, что тогда же в министерство народного посвещения поступило агентурное сообщение, что Павлов произнес тост за А. И. Герцена, «как человека, стоящего во главе прогрессивного движения в России» [46]. Во второй записке сенатора Жданова также сообщалось, что Павлов «провозгласил тост за здравие того, кто стоит во главе прогрессивного движения России», «т. е. лондонского изгнанника Герцена» [47].

Не спутал ли секретный агент Васильчикова действительный тост за Александра Ивановича с «желанным» тостом за Александра Николаевича?

Здесь надо также иметь в виду, что Васильчиков в интересах своего служебного положения старался максимально преуменьшить перед лицом III отделения революционную деятельность проф. Павлова и студентов киевского университета. Поэтому Васильчиков не сообщал III отделению упомянутого выше предположения о том, что Бекман, Муравский и др. перевелись в Киев «в целях распространения своей революционной деятельности на большем пространстве с превращением Киевского университета в центр» этой деятельности: Васильчиков высказал это предположение только в переписке с Пироговым. После проведенного киевской следственной комиссией осмотра бумаг арестованных в Киеве членов тайного общества Васильчиков донес III отделению: «В бумагах арестованных подтверждается существование составившегося в Харькове тайного общества для преобразования государства и управления на демократических началах... Участвовали воспитанники, бывшие и нынешние, Харьковского университета. Собственно киевских между ними не открыто» (!) [48]. Когда спустя некоторое время харьковские власти подняли вопрос о переносе следствия по делу о тайном обществе в Киев, Васильчиков приложил все усилия к тому, чтобы не допустить производства следствия в Киеве [49].

Тост за здоровье всех следующих по стопам декабристов является, бесспорно, дополнительным доказательством того, что в 1859 г. в Киеве среди студентов университета существовало тайное революционное общество. Его ядром были члены харьковского тайного общества, переехавшие в Киев. Харьковское тайное общество не прекратило своего существования, а только переменило свое место пребывания.

В бумагах Муравского была найдена рукопись под названием «Монарх». В деле она не сохранилась, но следственная комиссия сжато определила ее характер такими словами: «Содержание то, что цари существуют на пагубу рода человеческого» [50].

У Муравского же был найден шифр-азбука [51]. Впоследствии, в 1860 г., уже из бирской ссылки Муравский сообщил шифр вновь принятому в члены общества казанскому студенту Вячеславу Манассеину [52]. Студент Рымаренко, бывший впоследствии одним из деятельнейших членов первой «Земли и Воли» и замещавший одно время А. А. Слепцова в составе ее Центрального Комитета, в переписке с Португаловым в 1859—1860 гг.

---

[45] Там же, л. 160 об.

[46] М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 9. См. также А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. X, стр. 183 и 275.

[47] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 320.

[48] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, лл. 39 об. и 65.

[49] Там же, лл. 144—145.

[50] Там же, л. 107 об.

[51] Там же, л. 109.

[52] М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 321 и др.

также пользовался шифром в виде дробных чисел [53]. Один из членов общества, оставшихся в Харькове, имел кличку-шифр «1/25».

Следственная комиссия при киевском генерал-губернаторе на основе изучения переписки, обнаруженной при обысках у Бекмана, Муравского и их товарищей, пришла к выводу, что тайное общество стремилось, чтобы «законы о управлении государством издавались посредством выборных депутатов от всех сословий и областей», стремилось «преобразовать крепостное сословие, умножить университеты, академии и другие училища и публичные библиотеки, а также издать для народа журналы на местных наречиях и распространять по мере сил патриотизм в России сочинениями для низшего класса» [54]. А в письме «для личного сведения» киевскому губернатору князь Васильчиков 27 февраля 1860 г. писал: «Взятые при обыске у арестованных лиц бумаги и обширная переписка достаточно показали существование тайного общества и его цели, заключающиеся в замыслах ниспровергнуть существующий общественный порядок и пересоздать русское государство и все устройство его на демократических началах с помощью революционных средств. Для достижения сего предприняты различные меры и предложения, к числу которых принадлежат, между прочим, приведенные уже членами этого общества в действие: распространение в публике революционных учений и идей, привлечение к заговору всяких других лиц, могущих оказаться способными к тому, сходки и митинги под видом литературных кружков, пропаганда возмутительных сочинений и воззваний, в том числе пасквилей с целью возбудить неудовольствие к властям и беспокойство в народонаселении, а также неуважение к самодержавной власти» [55].

Кроме распространения нелегальной литературы, в первую очередь герценовской, деятельность киевского тайного политического общества выражалась в поддержании связи и обмене письмами со студентами разных городов.

Члены тайного общества вели постоянную переписку со студентами московского университета (Юкельзон), петербургского (Рымаренко), харьковского (Лебедев, Завадский, Левченко и др.), с лицами, проживавшими в Новочеркасске, Херсоне, Одессе, Новомосковске, Курске. Так, учитель новочеркасской гимназии Савельев писал Бекману, что перед ним обширное поле для пропаганды, что он всячески старается приобрести влияние на учеников — «казачат» и убить в них ложно направленный дух воинственности. Они обменивались информацией о политической жизни в университетах, об организации воскресных школ, обменивались нелегальной литературой — новинками, в том числе и прокламациями местно-

[53] Л. Ф. Пантелеев, один из членов «Земли и Воли» 1860-х годов, рассказывает в своих воспоминаниях, что в 1863 г. у одного из арестованных по оговору землевольца Андрущенко нашли письмо офицера, заканчивавшееся рядом шифрованных строк в виде дробей. Шифр оказался настолько сложным, что даже специалисты из министерства иностранных дел отказались разобрать его. Шифр заключался в следующем: члены «Земли и Воли» уславливались о странице какой-нибудь книги, из этой страницы произвольно выбирались строки и буквы, числитель означал строки, а знаменатель — буквы в нем (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, стр. 305). В шифре Рымаренко-Португалова числитель — трехзначное число, а знаменатель — однозначное и двухзначное. Возможно, что здесь знаменатель — номер строчки в известной странице книги, а числитель — это номера трех букв в этой строчке. При всем том применение Португаловым и Рымаренко в 1859 году шифра в виде дробных чисел свидетельствует как о конспиративности кружка 1859 г., так и о преемственной связи с ним «Земли и Воли» 1862 г.

[54] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, лл. 36—38 об.

[55] Киевский обл. гос. архив, ф. гражданского губернатора, опись дополнительная, 1860 г., д. 9569, л. 2.

го творчества. Очень характерно в этой связи показание студента Левченко, который говорил, что между университетами должны были поддерживаться постоянные сношения «передачею всего того, что делается в каждом из них». Учась в Киеве, он хотел быть корреспондентом харьковского университета; такими же корреспондентами киевского университета он считал некоторых студентов из Харькова [56].

Как уже указывалось, в одном из многочисленных писем, найденных у Бекмана при обыске 1 февраля 1860 г., харьковский корреспондент, фамилия которого осталась нам неизвестной, писал ему, что дела общества идут хорошо и число слушателей возросло до 30, «митинги довольно часты и ведутся хорошо» [57].

Киевское студенческое тайное общество, таким образом, было прежде всего революционно-демократическим «комитетом связи» для многих университетов России.

Члены тайного общества вели противоправительственную пропаганду также и по уездам, разъезжаясь на каникулярное время, они распространяли «везде по возможности либеральные идеи» [58], причем «средства к этому были и слово, и либеральные сочинения» [59].

Далее, тайное общество составляло и распространяло антиправительственные прокламации и прокламации-пасквили на отдельных крупных чиновников, в частности, были составлены и распространены два пасквиля на киевского губернатора Гессе [60]. Для сочинения пасквилей тайное общество в Киеве выделило специальный «пасквильный комитет» [61].

Члены общества выпускали в 1859 г. в Харькове подпольный студенческий журнал «Свободное слово», в котором участвовали и киевляне. Журнал этот доставлялся также и в Киев [62].

Тайное общество было связано с А. И. Герценом, и отдельные члены его принимали участие в герценовских заграничных изданиях. На имя Кацена в 1859 г. пришло письмо через Одессу, где говорилось, что «мы напечатаем в «Голосах из России» статью, касающуюся харьковского университета» [63]. «Мы» — это, бесспорно, Герцен и Огарев. Из показаний Левченко явствует, что члены тайного общества неоднократно пересылали свои корреспонденции в Лондон для напечатания в герценовских изданиях [64]. В бумагах М. Д. Муравского киевская следственная комиссия обнаружила девятнадцать указаний на связь его с А. И. Герценом [65]. Тайное общество осуществляло связь с Герценом также через харьковчанина Богомолова, который ездил за границу и был у Герцена в Лондоне. Заслуживает внимания сделанное Богомоловым членам общества сообщение о том, что «Искандер особенно надеется на Малороссию и Харьков» [66].

Деятельность тайного общества характеризует также стремление «распространять число своих членов». Его представители, отмечала киевская следственная комиссия, сблизились с некоторыми слушателями киевской

---

[56] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, л. 163.

[57] Там же, л. 111.

[58] Там же, л. 20.

[59] Там же, л. 208. Показание члена общества М. Левченко. Более подробных сведений о пропаганде по уездам в деле нет.

[60] Там же, лл. 37 и 208.

[61] Там же, лл. 207—208.

[62] Там же, лл. 112—113.

[63] Там же, л. 288.

[64] Там же, л. 108.

[65] Там же, лл. 108 об., 109.

[66] Там же, л. 109 об.

духовной академии, надеясь вовлечь их в свое общество. Они вовлекали также в состав общества студентов-евреев и пытались завязать связи со студентами-поляками [67]. При этом тайное общество стремилось противодействовать ополячиванию Юго-Западного края и воспитывать в народе сознательный патриотизм [68].

Наконец, тайное общество старалось «учреждать повсеместно воскресные школы» с целью привить народу «негодование на весь порядок управления, развивая в нем понятия о благе свободы и приготовляя из него горючий материал для замышляемых переворотов» [69]. Не только в Киеве, но и в Харькове организатором воскресной школы для «низшего класса народа» выступил член тайного общества Завадский, притом, как писал харьковский губернатор Васильчикову, «школа была организована с предумышленной целью, прямо противоречащей... намерениям правительства» [70].

В конце января 1860 г., в связи с компрометирующими материалами, обнаруженными при обыске у Завадского в Харькове, харьковский губернатор командировал в Киев чиновника особых поручений для производства там арестов. 1 февраля 1860 г. были арестованы в Киеве Бекман, Муравский, Португалов, Тищинский, Россинский, Розен, Кацен, Шмулевич и Стрижевский. Через два дня были арестованы также Ефименко и Зеленский. Следственная комиссия при киевском генерал-губернаторе, изучив найденные у арестованных материалы (письма, записки, проекты и черновики прокламаций и т. д.), сделала общую сводку этих материалов и допросила Муравского (дважды), Бекмана и Португалова.

Арестованные отвергали обвинение в организации тайного общества. Португалов объяснил, что он и его товарищи собирались иногда на квартире Кацена и Розена только для совместного чтения журналов «Современник», «Отечественные записки», «Русский Вестник», «Атеней».

4 февраля киевская полиция препроводила арестованных в Харьков. Португалова, который харьковским властям казался наиболее опасным политическим преступником, вез «сам» харьковский чиновник особых поручений вместе с двумя жандармами.

Более месяца производилось следствие о тайном обществе в Харькове, затем дело было переведено в Петербург, куда Бекман и его товарищи были отправлены из Харькова и заключены в Петропавловскую крепость. В III отделении обвиняемые были подвергнуты многократным допросам. Отказавшись от первоначальной попытки огульно отрицать свою революционную деятельность, Бекман и его товарищи развили версию о том, что образованное ими в 1856 г. тайное общество добровольно ликвидировалось в начале 1857 г. Главную вину взяли на себя Бекман, Муравский, Завадский и Ефименко. Они и в действительности были наиболее активными членами общества.

В апреле — мае 1860 г. дело было решено III отделением в административном порядке. Бекман был сослан в Архангельскую губ., Муравский — в Бирск, Ефименко — в Пермь, Завадский — в Каргополь, Ивков — в Вятскую губ. Таким образом, Бекман, Муравский, Ефименко и Завадский были лишены возможности закончить образование (Ивков успел окончить харьковский университет до ареста). Португалов был сослан в университетский город Казань, Тищинский и Зеленский — в уни-

---

[67] Там же, лл. 37—38 об., 265.
[68] Там же, лл. 38 об., 162, 206, 207.
[69] Там же, л. 256.
[70] Там же, л. 169.

верситетский город Дерпт. Стрижевский, Кацен, Левченко, Розен, Россинский и Шмулевич были освобождены после трехмесячного и четырехмесячного заключения; за ними был учрежден строгий секретный надзор [71].

Киевский генерал-губернатор приказал полиции усилить «до возможности» наблюдение и надзор за студентами, но «однакож так, чтобы усиление надзора не было замечено студентами». Одновременно было приказано «без огласки доставить сведения, каких возрастов и классов люди посещают учрежденные здесь в некоторых частях города воскресные школы, бывают ли там рабочие из местных только жителей или посещают школы приходящие в Киев из других губерний, преимущественно из Великороссии, рабочие люди» [72].

V

М. К. Лемке в работе «Молодость отца Митрофана» опубликовал чрезвычайно интересный материал о деятельности М. Муравского и отчасти некоторых его друзей (например, Португалова) в 1860—1862 гг. Этот период непосредственно примыкает к киевскому периоду деятельности Муравского и его товарищей и является его продолжением. Несомненно, что анализ деятельности Муравского и его товарищей в 1860—1862 гг. в большой степени освещает и киевский период их деятельности.

Проезжая в марте 1860 г. под конвоем через Москву в Петербург, Муравский, не доезжая Москвы, попросил показавшегося ему заслуживаю-

---

[71] Таким образом, первыми политическими ссыльными в царствование Александра II был не М. Михайлов, автор прокламации «К молодому поколению», как утверждал М. Лемке, а Бекман и его товарищи.

Надо отметить, что тогдашний попечитель киевского учебного округа Н. И. Пирогов своим заступничеством много содействовал облегчению участи студентов-революционеров. 3 февраля 1860 г. Пирогов писал Васильчикову, что секретный арест некоторых студентов возбуждает между их товарищами волнение, которое еще более усиливается слухом, будто над арестованными производится следствие полицейскими чиновниками без участия депутата со стороны университетского начальства, что, кстати говоря, соответствовало действительности. Когда Васильчиков сообщил Пирогову содержание письма Зеленского Лебедеву о том, что они образовали «статус ин стату»,— более интимный кружок внутри обычно собирающегося кружка, то Пирогов в ответ написал: «В студентском быту фраза статус ин стату часто употребляется не в отношении к государству, а собственно к университету..., вероятно и Зеленский употребил эту фразу в последнем смысле, то-есть, что они имеют в массе студентов свой особенный дружеский кружок...» (ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, л. 217). Васильчиков принял это истолкование Пирогова и сообщил его начальнику III отделения В. А. Долгорукову.

Когда арестованный Левченко сослался на то, что воскресные школы имели одной из своих задач противодействовать «ополячиванию народа» в Киеве, то Пирогов подтвердил это показание и усилил его, добавив, что он «имел счастье всеподданнейше докладывать лично государю императору» об этой роли воскресных школ.

Как уже указывалось, арестованные студенты показали, что ими организованные воскресные школы должны были распространять либеральные понятия в массе народа. Узнав об этом показании арестованных, Пирогов писал Васильчикову: «Надобно принять в соображение способ выражения студентов вообще. Они, например, инициативу правительства в вопросе об освобождении крестьян называют либеральной и всех содействующих правительству в этом важном деле — людьми либеральными и т. д. По крайней мере, судя по ходу учения в воскресных школах, я смею предположить, что фразою «распространять либеральные понятия в массу народа» арестованные хотели выразить стремления к образованию и нравственному развитию простого народа» (там же, л. 233).

Наконец, Пирогов дал положительную, с точки зрения царской бюрократии, характеристику всем арестованным киевским студентам. Все эти соображения и утверждения Н. И. Пирогова Васильчиков сообщил III отделению.

[72] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 139, л. 3.

щим доверия жандарма-конвойного передать первому попавшемуся московскому студенту записку, в которой Муравский сообщал об арестах в Киеве и Харькове и советовал быть осторожными. В Москве Муравский по поведению жандарма понял, что тот записки не передаст по назначению. Тогда он решился, по его словам, «помимо записки предупредить студентов». Когда жандармы стали спрашивать случайно встретившегося студента, где живет нужный им жандармский генерал, Муравский успел крикнуть студенту: «Предупредите товарищей, чтобы были осторожны». Жандарм насильно зажал Муравскому рот.

В Москве были произведены аресты. Среди других был арестован студент Юкельзон, находившийся в переписке с Португаловым; в одном из обнаруженных у Португалова писем Юкельзона сообщалось, что в Москве литографируются сочинения Герцена. Португалов, сосланный в Казань, немедленно наладил связь с тамошней прогрессивной студенческой молодежью. Затем он письменно связал Муравского с вожаком казанской прогрессивной молодежи, 20-летним Вячеславом Авксентьевичем Манасеиным, ставшим впоследствии выдающимся деятелем отечественной медицины.

Первое время Муравский в ссылке впал было в тоску. Но потом, получив ободряющие письма от Португалова и Ефименко, он «ожил, опомнился, образумился, увидел, что... ведь это и в самом деле будет смешно и стыдно, если мы едва сделавши первый шаг, споткнемся и падем... Затем общее дело, воскресные школы и литературные собрания в Бирске, надежды на близкую перемену даже внешнего своего положения здесь — поддержали хорошее расположение духа...» [73]. Португалов в Казани, Муравский в Бирске активно включаются в организацию воскресных школ и литературных собраний и обществ. Из Бирска, а потом из Оренбурга Муравский ведет энергичную переписку с единомышленниками в Петербурге, Казани, Киеве, Харькове, Москве, Вологде, Перми, Вятке, Новомосковске, Курске, Херсоне, Каргополе, Екатеринодаре. Он подробно сообщает своим корреспондентам все полученные им сведения о политической жизни в Киеве, Харькове, Москве, Петербурге. Муравский сообщил Манасеину адреса Бекмана (Вологда), Завадского (Каргополь), Левченко (Курск), Лебедева и Тищинского (Дерпт), Гулевича и Карпа Белозерского (Петербург), Павловского (Харьков); Завадскому он сообщил адреса Гулевича (Петербург) и Аполлинария Покровского (Москва).

Одно из писем Муравского, обнаруженное впоследствии полицией у Манасеина, было испещрено не расшифрованными полицией знаками (Манасеин на допросе показал, что он сам два письма написал шифром, который ему сообщил Муравский, но он шифр к моменту допроса забыл и не может объяснить его полиции). А едва ли не первое письмо Муравского к Манасеину, датированное 25 декабря 1860 г., во всяком случае написанное до того, как Муравский переслал Манасеину шифр, начинается так: «Мы уже знакомы. Надо это знакомство п р и м е н и т ь к д е л у. Потому Вы и читаете теперь мое письмо. По известным причинам я нахожу, что краткость вполне необходима...» и далее идет рассказ о том, что в Бирске открылись две воскресные школы — мужская и женская, что, по сообщению Ефименко, в Перми существует несколько воскресных школ, что одна пермская школа завела сношения с киевской воскресной школой и с одной московской. Заканчивается письмо такими словами: «Извините,

---

[73] М. К. Л е м к е. Указ. соч., стр. 291 (подчеркнуто мною.— *А. Б.*).

что пишу на скверной бумаге — не нашлось другой (осмотрите ее внимательнее и Вы сами увидите, что я обязан был извиниться)»[74]. Подчеркнутые слова говорят за то, что между строк или по краям письма — карандашом ли, молоком ли или химическими чернилами — были написаны какие-то сведения или директивы. Весьма жаль, что М. К. Лемке не осмотрел внимательно этого письма, как и других писем Муравского, им прочитанных.

В декабре же 1860 г. Муравский писал Манасеину: «Желательно было бы, чтобы и в других городах, особенно университетских, позаботились об открытии воскресных школ, не только в городе, но и в ближайших деревнях...». Особенно интересно письмо Муравского к Манасеину от 20 января 1861 г. «В Бирске общее дело находится теперь, так сказать, в героическом еще периоде своего существования. Но за началом дела следует его дальнейший и более успешный ход... В этом отношении подают большую надежду начавшиеся здесь литературные собрания... В литературные беседы имеет быть внесен искандеровский элемент. Мне удалось достать в Уфе некоторые его статьи... Хорошо было бы университету (казанскому.— *А. Б.*) сблизиться с семинариею и академиею (духовной.— *А. Б.*), завести там кружок; опыт Харькова, Киева показал, каких великолепных результатов можно этим достигнуть... Нельзя ли в воскресных школах преподавать русскую историю? Идеи Щапова как были бы симпатичны народу! Нельзя ли завести городские литературные собрания?... Издается ли у вас студентский рукописный журнал? Есть ли студентская касса? Нельзя ли то и другое завести в гимназиях, семинарии и академии? Нельзя ли позаботиться в Казани о литографировании запрещенных сочинений?...»[75]. В мягкой форме, без навязывания опытный революционер рекомендует целую программу действий молодому начинающему вожаку казанских студентов, революционеров-разночинцев.

В обнаруженном полицией при обыске у Завадского в Каргополе письме Муравского от 21 января 1861 г. последний писал: «...Из моего страхового письма Вы видели, что и по части общего дела творится много хорошего...». «Страховое» (т. е. заказное) письмо Муравского полицией не было обнаружено.

Вторично арестованный и привезенный в Петербург в 1862 г., Муравский на допросе показал: «Общее дело, о котором я писал в предъявленных мне письмах, имеет своею целью приготовление русского общества к тому, чтобы оно со временем получило возможность управлять своими делами само...». Несколько дней спустя Муравский в показании написал: «Если комиссия желает знать мои настоящие политические убеждения, то не нахожу нужным скрываться. Вот они: в последние 3 года или 4 я пришел к твердому убеждению, что от русского правительства (под именем которого я понимаю императора и всех ныне существующих властей) подвластные ему национальности не должны ожидать никаких существенно полезных преобразований, так как правительство не имеет ни способности, ни желания сделать что-нибудь подобное для народа,— и что единственное средство к перемене существующего порядка остается, по моему мнению, путь насильственной революции. Что же касается до моих личных действий или намерений в духе сказанных убеждений, до обстоятельств, каким бы то ни было образом относящихся к этим действиям и намерениям, то на все касающиеся этого предмета вопросы отвечать не

---

[74] М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 302—308 (подчеркнуто мною.— *А. Б.*).
[75] Там же, стр. 309—315 (подчеркнуто мною.— *А. Б.*).

намерен и, кроме вышесказанного, прибавить к настоящему своему ответу ничего не имею».

Ясно, что термин «общее дело» в устах Муравского, Завадского, Португалова и др. имел совершенно определенное и точное значение. Он означал борьбу за политическую цель харьковско-киевского тайного общества — борьбу за свержение самодержавия и установление в России республиканского строя. Этот термин представлял собой, пожалуй, прямой перевод с латинского «res publica». Термин «общее дело» в определенном, конкретном, специфическом понимании часто употребляли А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Им они, как и Муравский и его товарищи, обозначали свою революционную борьбу против царизма. Вспомним, что А. А. Серно-Соловьевич в брошюре, направленной за границей против А. И. Герцена, обращаясь к последнему, писал: «...Сколько раз вы говорили и писали моему брату, чтобы он постарался помирить вас с Черн[ышевским] во имя так называемого «общего дела» [76]. А Огарев писал Н. Н. Обручеву в середине августа 1861 г.: «Истинно жаль, что Вас нет в Питере, потому что наши шалят. Зачем это битье по своим?... Какая тут общественная деятельность, какое общее дело?» [77].

Приведем еще несколько мест из писем Муравского: они характеризуют мировоззрение, программу и тактику одного из виднейших членов харьковско-киевского тайного общества 1856—1860 гг. и в значительной степени — мировоззрение, программу и тактику тайного общества в целом. «...В наше время,— писал М. Муравский,— нет ни одного верноподданнического студента». «...В одном заграничном издании была статья Огарева, в которой тот советует молодым людям стараться приобретать места в военной службе... Имея в виду, что престол держится только войском, в нашем тайном обществе поговаривали иногда, что следует покороче сблизиться с военным сословием; для этого не худо бы даже кой-кому из нас поступить потом в военную службу. Не знаю, насколько эти мечты удадутся в Оренбурге...» [78].

Муравский разработал в ссылке план повсеместного привлечения почтальонов в слушатели воскресных школ. Цель этого плана состояла в том, чтобы члены студенческой революционной организации различных городов России могли посылать письма и не через официальную почту, где письма могли подвергнуться осмотру, а конспиративным путем — через почтальонов — учеников воскресных школ, заслуживающих доверия студентов. В связи с этим планом Муравский писал Манасеину: «В почтальоны имеет право поступать всякий (я об этом нарочно справлялся...). Если бы это устроилось, тогда поистине наши университеты были бы статус ин стату...» [79].

В письме к Завадскому от 10 октября 1861 г. Муравский писал: «...О польских панихидах в Питере, Москве и Киеве, о восстании крестьян в Казанской губернии, о панихиде казанских студентов и о прочем Вы уже, верно, знаете... Все это ничто в сравнении с последней новостью, с этим первым явлением драмы, с наступившим уже, наконец, столь долго ожидаемым настоящим делом, целью...» и здесь Муравский описывает студенческие волнения в Петербурге 24 сентября 1861 г., причем в отношении студентов он употребляет выражения «инсургенты». И затем

---

[76] См. А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. X, стр. 20.

[77] Цит. по статье М. В. Нечкиной. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации — «Исторические записки», т. 10, стр. 37.

[78] М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 312—313. В конце 1860 г. Муравский должен был быть переведен в ссылку же из Бирска в Оренбург.

[79] Там же, стр. 314.

следует заключение: «Мне кажется, что это должно поднять все университеты — они должны бы вступиться за петербургский. Может быть и Питер, воспользовавшись, пока железо горячо, приступит прямо к цели. Во всяком случае, по моему мнению, следует об этих происшествиях трубить, разумеется, и с нужными комментариями... В наше время для достижения известной цели ограничиваться путем медленным, путем распространения образования не идет. Теперь пришло время открытых и недвусмысленных действий, которые не окольными путями, а прямо бы хватались за цель (таковы: адресы тверского и владимирского дворянств, польские панихиды, происшествия в Казани, особенно же последние происшествия в Питере). Посмотрим, что вот из петербургского волнения выйдет, — может быть, в почтительных просьбах уже и надобности не окажется. Университетам следует потребовать, списавшись этак, реформ, основанных на самоуправлении... Еще,—открытые действия необходимы и полезны потому, что хоть они оканчиваются по большей части неудачно, но возбуждают публику. Путь образования народного при этом, конечно, тоже должен итти — это уж само собою...» [80].

Заслуживает внимания социальный состав харьковско-киевского тайного общества. Только Раевские, Марковы и Абазы принадлежали к аристократии, но они уже в 1858 г. отошли от борьбы. Три члена общества, Бекман, Муравский и Ивков, принадлежали к обедневшим дворянским родам и были в сущности разночинцами. Остальные были сыновьями священников (Завадский, Левченко), обер-офицеров (Ефименко, Тищинский), купцов (Португалов, Зеленский), мещан (Россинский, Стрижевский, Шмулевич, Кацен, Розен). Характерно, что киевская полиция вынуждена была потратить 9 руб. на приобретение 9 пар валенок для арестованных членов тайного общества, подлежавших отправке в феврале 1860 г. в Харьков: ни у кого из них не оказалось средств, необходимых для этой покупки [81]. Через две недели после ареста Бекмана и его товарищей студент киевского университета Вороной представил Пирогову 48 руб., собранных среди студентов, и просил передать через полицию эти деньги 12 арестованным студентам (включая Левченко, который учился некоторое время в Киеве, а потом перевелся в Харьков, где и был арестован) «с тем чтобы каждый из них взял из этой суммы, сколько кому нужно» [82]. Таким образом, члены харьковско-киевского тайного общества в большинстве своем принадлежали к поколению революционеров-разночинцев.

Интересно, что киевская следственная комиссия, отправляя студентов через три дня после их ареста в Харьков, писала харьковским властям, что ее внимание особенно обратили на себя Бекман, Муравский, Португалов и Тищинский. Имеющиеся в нашем распоряжении данные рисуют Я. Н. Бекмана и М. Д. Муравского, а отчасти и В. О. Португалова революционерами-вожаками. Находясь в ссылке, они не теряли веру в победу революции, не прекращали борьбы, вербовали в революционное движение новых и новых людей. Завадский писал из каргопольской ссылки, что после получения им письма от Бекмана, он «стал веселее смотреть на мир божий». Находясь в ссылке, Бекман в 1862 г. вступил в организацию «Земля и Воля» и был деятельным ее членом. 6 сентября 1862 г. он был вторично арестован и вторично заключен в Петропавловскую крепость,

---

[80] М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 297—299.
[81] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 42, л. 10.
[82] Там же, д. 185, л. 205.

где пробыл до 31 декабря того же года. В начале января 1863 г. он был сослан в Самарскую губ., где умер в октябре 1863 г. от изнурительной лихорадки.

Особенно большой революционный путь проделал М. Д. Муравский. В сентябре 1862 г. он также был вторично арестован, отсидел в Петропавловской крепости два месяца и был приговорен на 8 лет к каторжным работам на заводах. Около 6 лет он отбывал каторгу в Александровском заводе Нерчинского округа, в 1868 г. был переведен на поселение, а в 1870 г. переведен под надзор полиции в Оренбургскую губ., где он уже однажды отбывал ссылку. В 1874 г. Муравский был в третий раз арестован в Челябе по делу «о пропаганде в империи» (народническому «процессу 193»). Свыше трех лет он пробыл в заключении до суда и был приговорен к каторжным работам на 10 лет. Умер Муравский в ноябре 1879 г. в Новоборисоглебском централе. Вот как его характеризует М. К. Лемке: «Митрофан Данилович Муравский — крупная фигура в рядах русских революционеров. Во время третьего своего процесса, так называемого «большого» или «процесса 193», он проявил столько нравственной и политической выдержки, столько мужества и упорной энергии, столько, наконец, горячей любви к своим товарищам, что потом и в могилу сошел с кличкой «отца Митрофана», которой люди, его глубоко уважавшие, хотели закрепить свое сыновнее к нему благоговение. Молодежь льнула к нему...» [83].

В. О. Португалов, будучи в ссылке в 1860—1861 гг., деятельно вербовал членов в революционную организацию. В сентябре 1862 г. он был вторично арестован, отсидел в Петропавловске около 4 месяцев и потом был выслан в Шадринск. В 1866 г. он был переведен в Чердынь, где работал врачом. В 1876 г. он был освобожден из-под надзора, ибо отошел от революционной деятельности.

Тищинский впоследствии был членом «Земли и Воли» и был вторично арестован в 1863 г. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Ефименко писал Муравскому из пермской ссылки в 1860 г. в момент, когда последним овладела было тоска: «Не только жаль, но и смешно будет, если мы, едва сделавши первый шаг в жизни, споткнемся и падем... И стоит ли правительству обращать на нас внимание? Где твердость, стойкость наших убеждений и характера?... С таким ли образованием и характером должны быть те, которые выступают на поприще политической деятельности?... Какое право мы имеем требовать от других убеждений, стойкости, энергии, когда сами все это на первых же порах утрачиваем. Нет, брат, мы еще ничего не сделали достойного себя, не выполнили своего назначения. Наше дело впереди...» [84]. Однако долголетняя ссылка и тяжелая материальная нужда сломили революционную волю Ефименко. Разлагающее влияние оказала на него связь с украинофилами-либералами типа Чубинского, Конисского и др. Уже в мае 1863 г. в письме к Конисскому Ефименко писал, что он теперь «іншої масті», т. е. уже не революционер. А в мае — июле 1864 г. Ефименко носился с мыслью составить от имени украинофилов коллективное заявление на имя царя и шефа жандармов и коллективное заявление для печати о том, что они не думают о сепаратизме и в политику не вмешиваются.

Весьма характерна оговорка, которую сделал Ефименко, описывая в 1864 г. в частном письме личность некоего Маргеровского, высланного одновременно с ним из Перми в Архангельскую губ. в 1861 г.: «Треба сказати, що я знав його три роки назад, а за такий час при нашому життi

[83] М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 279

[84] Там же, стр. 290.

чоловік так може зміниться, шо його не впізнаеш; здається, що я сам не впізнав би себе за ці три роки...» [85].

VI

П. В. Павлову, популярному профессору истории и общественному деятелю 50—60-х годов прошлого столетия, в историографической литературе не посвящено ни одной научно-исследовательской работы.

Статья М. К. Лемке «Дело профессора Павлова», написанная в 1908 г., не является такой работой: автор подошел к вопросу как «архивариус фактов». Кратко изложив биографию Павлова, Лемке опубликовал найденный им в недрах царской цензуры текст выступления Павлова на тему «Тысячелетие России», даже не проанализировав содержания выступления. Более того, подчеркивая, что публикуемый им текст был Павловым представлен в цензуру предварительно, что «на самом деле неизвестно, что именно сказал Павлов», М. К. Лемке ослаблял или даже подрывал интерес историков к опубликованному им документу, как к чему-то несостоявшемуся... В статье допущена также досадная фактическая ошибка: в ней сказано, что по возвращении из ссылки Павлов жил в Петербурге, где в 1875 г. умер. Между тем Павлов в 1875 г. был вторично назначен профессором в киевский университет и профессорствовал здесь до 1885 г. Умер Павлов в 1895 г.

Еще более неудачно замечание М. К. Лемке относительно деятельности П. В. Павлова, напечатанное им в примечаниях к т. XVII сочинений А. И. Герцена. М. К. Лемке здесь приводит полный текст весьма интересного всеподданнейшего доклада главноначальствующего III отделения и шефа жандармов Долгорукова от весны 1863 г. В этом докладе Долгоруков писал: «Бывший профессор санкт-петербургского университета Павлов в напечатанной им статье «Тысячелетие России», между прочим, выразил: «Обстоятельства избавления России от иноплеменников и избрания Михаила Федоровича имеют глубокое значение. Кто освободил Россию? — Русский народ в лице нижегородского мясника. Кто избрал на московский престол царя? — Также русский народ в лице выборных Земского собора. Кто, наконец, спас жизнь избранного всею землею царя? — Опять тот же русский народ в лице мужика. Итак, дом Романовых своим восшествием на престол, жизнью своего родоначальника, одним словом всем обязан русскому народу...». Таким образом, возвышая простой класс людей в ущерб других сословий и проводя идеи о равенстве прав, о равномерности распределения богатств, литераторы наши незаметно проповедывали учение социализма и коммунизма...». Лемке к приведенной Долгоруковым павловской цитате делает следующее примечание: «Ничего похожего Павловым напечатано не было; шеф жандармов сам не читал его статей... и кто-то сознательно ввел его в заблуждение» [86]. Между тем в большой статье, напечатанной П. В. Павловым в «Месяцеслове на 1862 год» и в 1863 г. в виде отдельной брошюры, содержится в точности воспроизведенная в докладе Долгорукова цитата [87]. И именно эта цитата, как и вся философия русской истории в изложении Павлова, была направлена к демократическому «возвышению простого класса людей» и проведению «идеи о равенстве прав».

Авторы курсов русской историографии либо совершенно игнорировали П. В. Павлова (например М. О. Коялович, Н. Л. Рубинштейн), либо ограничивались упоминанием о нем (например, В. С. Иконников). Павлов

[85] Сб. «За сто літ», вып. 2, Киев, 1928, стр. 114, 115, 119, 120.
[86] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVI, стр. 592.
[87] «Месяцеслов на 1862 год». Приложения, стр. 32.

сравнительно мало написал и пользовался главным образом историческими фактами и идеями, введенными в оборот его предшественниками и особенно современниками,— Соловьевым, Костомаровым, Кавелиным, Чичериным, Щаповым и др. Он уступал этим историкам в научных исследованиях. Павлов во многих вопросах русской истории старался эклектически «примирить, избегая натяжек» [88] различные взгляды и концепции. Но он заслуживает внимания историографов своим интересом к «теории отечественной истории», некоторыми оригинальными идеями по вопросам этой «теории», стремлением и умением органически связывать прошлое с настоящим — притом в либерально-демократическом, а подчас и в революционно-демократическом духе.

В мемуарной литературе, посвященной 50—60-м годам XIX в., имя П. В. Павлова встречается весьма часто. Романович-Славатинский, один из слушателей Павлова по киевскому университету, впоследствии профессор того же университета, писал в своих воспоминаниях: «Едва ли чьи-нибудь лекции так содействовали умственному развитию, как лекции этого профессора (Павлова.— *А. Б.*). Он тогда был полон юности, красоты и нравственной чистоты. Для Киева он был тем, чем Грановский для Москвы, Каченовский для Харькова — сеятелем истины и добра... Не забыть мне прощального обеда, который мы устраивали ему осенью 1859 года и моей застольной речи, в которой я чествовал Павлова за то, что во время всеобщей б о л е з н и м о л ч а н и я он имел гражданское мужество говорить свободное слово» [89]. Умеренный либерал Романович-Славатинский ни слова не говорит в своих воспоминаниях о связях Павлова с Бекманом и Муравским, о его революционно-пропагандистской деятельности.

В марте 1858 г. П. В. Павлов был за границей. Приехав в Лондон, он обратился с письмом к А. И. Герцену, изъявив желание с ним познакомиться. Павлов побывал несколько раз у Герцена и Огарева, вел с ними долгие беседы, прочитал в их доме несколько лекций по истории России [90]. М. П. Драгоманов, учившийся в киевском университете в 1858—1862 гг., в своем предисловии к изданию писем Бакунина к Герцену и Огареву писал, что «многие экскурсии (т. е. экскурсы.— *А. Б.*) Герцена и Огарева в область философии истории России напоминают нам лекции проф. Павлова, слышанные нами в киевском университете» [91]. Драгоманов объяснял это влиянием Павлова на Герцена и Огарева.

Оставляя в стороне вопрос о том, кто на кого влиял,— вопрос, требующий специального исследования,— отметим здесь, что свидетельство Драгоманова говорит о факте совпадения многих историко-философских взглядов Павлова со взглядами Герцена и Огарева.

И. П. Павлов явился вдохновителем создания воскресных школ и в Петербурге. Впервые они здесь возникли в мае 1860 г.— спустя 3—4 месяца после переезда Павлова из Киева. В упоминавшейся уже второй записке председатель центральной следственной комиссии сенатор Жданов писал: «Под влиянием и авторитетом Павлова в учреждении сих (воскресных.— *А. Б.*) школ в С.-Петербурге принимали участие воспитанники училища правоведения и лицея, студенты университета и Медико-

---

[88] Собственное выражение Павлова (из его статьи «Тысячелетие России») — «Месяцеслов на 1862 год». Приложения, стр. 3.

[89] «Вестник Европы», 1903, кн. 2, стр. 619—620.

[90] А. И. Г е р ц е н. Полн. собр. соч. и писем, т. XI, Пгр., 1919, стр. 175 и т. XXII. стр. 290; Н. А. О г а р е в а - Т у ч к о в а. Воспоминания, М., 1903, стр. 115—116.

[91] «Письма Н. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб., 1907, Предисловие М. П. Драгоманова, стр. 101.

хирургической академии и вообще молодые люди и даже дамы». О некоторой части работников петербургских воскресных школ сенатор Жданов далее писал, что они, «сделавшись главными двигателями на поприще народного образования, руководились в то же время сознательно преступными целями и побуждениями. Лучшим доказательством сего служат действия: Рымаренка, Аверкиева, Павлова, Печаткина, Посникова, Блюммер и Александровской. Преступные намерения и тенденции сих лиц, при несознании их, хотя не могут быть вполне доказаны по формам судебного процесса, но они достаточно очевидны из следственного дела и для административной власти, и для морального убеждения» [92].

В 1861 г. Павлов написал большую статью «Тысячелетие России». 2 марта 1862 г. он прочитал небольшую речь-статью на ту же тему на литературном вечере в пользу нуждающихся литераторов, за которую он был 5 марта арестован, а затем сослан в Ветлугу.

Выступление Павлова 2 марта 1862 г. на литературном вечере в доме Руадзе на тему «Тысячелетие России» многократно описывали современники-мемуаристы. Достаточно назвать воспоминания М. А. Антоновича, Л. Ф. Пантелеева, Н. И. Костомарова, Н. Я. Николадзе, П. Д. Боборыкина, В. Л. Сорокина.

Внимательное изучение и сопоставление свидетельств участников литературного вечера [93] дает возможность уверенно заявить, что основную часть выступления Павлова составил писаный текст — тот самый, который был Павловым предварительно представлен в цензуру и впоследствии опубликован в «Сборнике статей, не дозволенных цензурой», и в статье М. К. Лемке «Дело проф. Павлова». Выступление Павлова в изложении Сорокина также не оставляет сомнения в том, что именно опубликованный М. К. Лемке и «Сборником» текст был основной частью этого выступления. Наконец, правительственное уведомление в «Русском Инвалиде» об аресте и ссылке Павлова также говорит о чтении Павловым статьи.

Каково же было в целом политическое содержание выступления П. В. Павлова на литературном вечере 2 марта 1862 г.? Какова была эволюция его политических взглядов за период с ноября 1859 г. (момента произнесения им прощальной лекции в киевском университете) до 1862 г.?

В лекции 1859 г. П. В. Павлов ясно и недвусмысленно заявлял, что после 1812 г. начался «моральный упадок порядка, созданного централизацией» (т. е. самодержавием.— *А. Б.*), что «этот упадок дошел до громадных размеров, до высшей точки» в царствование Николая I; что правительство Александра II, как и французское королевское правительство во второй половине XVIII в., видя несостоятельность старого порядка, старается «как-нибудь поддержать разрушивающиеся и пошатнувшиеся учреждения какими-нибудь реформами»; что в России нельзя возвратиться к Боярской думе и Земскому собору, что «мы ждем уже перестройки на более современных началах»; что Россия переживает переворот, определяемый словами «энциклопедисты и революция». Ясно, что Павлов считал революцию в России неизбежной и понимал, что курс на реформы, взятый Александром II, направлен к сохранению старого политического строя. Отметим, что эти революционные идеи П. В. Павлов, вероятно, во избежание репрессии, заключил полулиберальными словами:

---

[92] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 320, 321 (подчеркнуто мною.— *А. Б.*).

[93] Н. И. Костомаров. Автобиография, М., 1922, стр. 297—298; Н. Николадзе. Воспоминания о шестидесятых годах.— «Каторга и ссылка», 1927, № 5, стр. 33; Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, стр. 160—161.

«Крестьянское дело поставило нашу историю так, что ей два исхода — реформа или революция. Эта мысль не новая: она несколько раз была высказана в наших журналах, даже в официальных бумагах, даже сам государь ее высказывал».

В напечатанной в «Месяцеслове на 1862 год» и написанной, вероятно, не позднее первой половины 1861 г.[94] статье «Тысячелетие России» П. В. Павлов делает либеральный зигзаг в сторону правительства Александра II. Под влиянием факта освобождения правительством крестьян от крепостной зависимости он писал, что «в настоящее царствование отношение государства к обществу изменилось. Целью государственных распоряжений — не само государство, как было при Петре и его ближайших преемниках, не часть общества, не одни его высшие классы, как было при Екатерине II и Александре I, но все общество, все его сословия, как высшие, так и низшие, потому что при Александре II низшее сословие должно быть свободно, как свободны высший и средний классы...»; что «многознаменательный манифест 19 февраля 1861 г. ныне царствующего императора, выводящий крестьян из крепостной зависимости, на веки веков похоронив крепостное состояние в России, настежь отворил для нее дверь в мир новый, лучший»; что прежние политические события и нравственные перевороты в истории России «по священной воле монарха завершаются на рубеже тысячелетия нашего отечества благодатным переворотом, только что начавшимся на наших глазах»; что «все благомыслящие люди всячески стараются содействовать правительству по пути преобразований»; стремясь «к высшему общественному счастью отечества — этой заветной цели всех народов»[95].

Иным является политическое содержание выступления Павлова 2 марта 1862 г. К этому времени вполне определился резкий реакционный поворот в политике правительства Александра II. По всей стране свирепствовали карательные экспедиции против крестьян. Были арестованы и сосланы на каторжные работы М. Михайлов и В. Обручев, высланы Михаэлис, Берви-Флеровский и другие, были заключены в Петропавловскую крепость тверские мировые посредники и т. д. Массовость и повсеместность крестьянских и студенческих волнений, появление в 1861 г. большого числа революционных прокламаций давали некоторое основание мечтать о соединении двух революционных сил, о возможности «слияния высших, образованных и достаточных классов с низшими».

В выступлении 2 марта 1862 г. П. В. Павлов уже не говорил о начале «благодатного» переворота в жизни России. Опираясь в основном на тот же исторический материал и историческую концепцию, он говорил слушателям: «...Перед нами неизвестное будущее».

Ставя своей задачей ответить на два вопроса: 1) «чем была наша старина» и 2) «каким образом, похоронив старину, мы в состоянии через ее историческую могилу выйти на широкую столбовую дорогу успеха и благосостояния, избегнув опасностей?», П. В. Павлов говорил, что «в продолжение тысячелетия Россия была рабовладельческой», что правительство решилось рядом «благоразумных коренных реформ предотвратить всеобщее бедствие», что «вступив однажды на этот путь, наши администраторы не захотят ни под каким видом итти назад: они, конечно, знают, что каждый их попятный шаг есть новая ступень к общей гибели»; что «ввиду возможного исторического переворота благоразумие

[94] «Месяцеслов» был дозволен к печати 11 октября 1861 г. Ясно, что он был сдан в печать значительно раньше.

[95] «Месяцеслов на 1862 год». Приложения, стр. 47, 69—70.

повелевает образованным достаточным классам сблизиться с невежественными классами в городах и в селах как к несомненной выгоде этих классов, так еще более в видах собственной пользы»; что «на роковом рубеже прожитого отечеством тысячелетия, в переходную эпоху великого общественного переворота одно это соединение всех интересов может спасти Россию от великих б е д с т в и й, могущих угрожать ей» [96].

В качестве исторической аргументации этого настойчивого совета соединиться с народом П. В. Павлов выдвигал утверждение, что «в XVII веке, особенно в его начале (в эпоху самозванцев и междуцарствия) вольные люди Московского царства пыталисъ было восстановить прежний, более желанный для себя порядок вещей. Но попытка их была безуспешна вследствие того, что, заботясь о своих вольностях, они совершенно забыли о низшем земском сословии, поверженном в позорные цепи крепостного состояния... Вот причина утверждения в России безусловной централизации» (т. е. причиной победы самодержавия в России было разъединение высших и низших сословий.— *А. Б.*); что «в XVII и XVIII вв. русская земля наказалась вполне за страдания и позор низшего земского сословия»; что «нельзя обольщаться мишурным блеском мнимой цивилизации этой с к о р б н о й эпохи (т. е. XVIII и XIX вв.— *А. Б.*): никогда Россия не испытывала более тягостного состояния» [97].

Таким образом, в выступлении от 2 марта 1862 г. П. В. Павлов под великими бедствиями, угрожавшими России, подразумевает не революцию, а правительственную реакцию, возможность повторного и дальнейшего усиления «безусловной централизации». Выступление преследовало двуединую политическую цель: 1) предупредить правительство Александра II, что проводимая им реакционная политика неизбежно вызовет революцию в стране, и 2) убедить либеральное образованное общество в том, что для предотвращения новой победы «безусловной централизации» в стране оно должно отказаться от «своих неважных преимуществ» и соединить «свои интересы с интересами низших разрядов общества».

Тезис киевской прощальной лекции П. В. Павлова о задаче сблизить высшие классы населения России с низшими и об обязанности дворянства искупить неправоту своих привилегий, тезис герценовский, повторен Павловым в выступлении 2 марта 1862 г. Но здесь этот тезис подан уже с примесью некоего скепсиса: «В какой степени правильное добровольное слияние интересов высших и низших классов может удаться в России, нам, разумеется, неизвестно»... [98],— скепсиса, идущего от Н. Г. Чернышевского.

Трудно ответить на вопрос, как случилось, что царская предварительная цензура пропустила текст этого яркого революционного выступления П. В. Павлова. Вероятно, немалую роль сыграло то обстоятельство, что незадолго перед тем был утвержден цензурой и напечатан текст большой статьи того же автора под тем же заглавием, что в обеих статьях встречаются общие исторические положения, что Павлов, вероятно, и сам рекомендовал свою вторую статью, как простое сокращение первой. Характерно, что и Костомаров в своей автобиографии утверждает, что статья — речь П. В. Павлова явилась «небольшим сокращением» его статьи, напечатанной в «Месяцеслове». Надо также принять во внимание, что правительственная политика в области цензуры в 1859—1862 гг. отличалась некоторыми колебаниями.

[96] М. К. Л е м к е. Указ. соч., стр. 10—13 (подчеркнуто мною.— *А. Б.*).
[97] Т а м ж е, стр. 11.
[98] Т а м ж е, стр. 12.

Видимо, сам Павлов был удивлен тем, что его вторая статья была пропущена цензурой. Даже после одобрения ее цензурой он все же побаивался ее читать и непосредственно перед чтеним лекции спрашивал у Костомарова мнения, не обратит ли она «неблагосклонного внимания властей», «годится ли она для чтения на вечере». И все же Павлов решился эту речь произнести. Увлекшись, он не менее двух раз произнес в адрес правительства предупреждающее и грозное: «Имеющий уши слышати да слышит!».

Последовавшие затем арест и ссылка Павлова, разгул реакции в стране и фактическое поражение революционного движения 60—70-х годов окончательно сломили Павлова, и он превратился в интеллигента-обывателя, стремящегося дожить свой век без бурь и потрясений.

VII

Сопоставим с приведенными фактами преимущественно местного значения следующие общеизвестные факты и свидетельства общероссийского значения.

В конце 1850-х — начале 1860-х годов в Петербурге существовал возглавлявшийся Н. Г. Чернышевским кружок «Современника», существовали кружки Михайлова — Шелгунова — Михаэлиса, Утина, Рымаренко, братьев Бакст, Дозе, кружок, в который входили В. П. Острогорский (впоследствии известный русский педагог) и А. А. Красовский — выдающийся революционер начала 60-х годов, офицерские кружки Керсновского и Рошковского, Н. Обручева, П. Лаврова и др. Существовали революционные кружки в Москве («вертепников», Заичневского и Аргиропуло), в Казани и других городах. Все или почти все эти кружки и организации находились под сильнейшим идейным влиянием Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и А. И. Герцена и поддерживали деятельную связь между собой [99].

«Пока существовал первый «Современник»,— пишет в своих воспоминаниях Г. З. Елисеев,— под молодым поколением разумелись исключительно студенты всех учебных заведений, преимущественно университета. Н. Г. Чернышевский стоял к ним очень близко и непосредственно руководил ими» [100].

Шелгунов и Михайлов летом 1861 г. написали, отпечатали в лондонской типографии А. И. Герцена 600 экземпляров революционного воззвания «К молодому поколению» и частично распространили их в России. Когда у Михайлова и Шелгунова был произведен вторичный обыск, и Михайлов был арестован, Шелгунов вечером того же дня поехал к тяжело больному Добролюбову и рассказал ему обо всех подробностях обыска и ареста [101].

III отделение составило в 1862 г. список лиц, особенно близких к Чернышевскому. В этот список вошли Михайлов, В. А. Обручев, «покойный Добролюбов», Шелгунов, Боков, полковник Н. Н. Обручев, проф. Пыпин, два брата Серно-Соловьевичи, Антонович, Захарьин, Огрызко, Рычков, Елисеев, студенты Студенский, Утин, Печаткин, Гогоберидзе, Кюн и др. [102].

Студент Пиотровский говорил во время студенческих беспорядков в Петербурге в октябре 1861 г.: «Чернышевский ни разу не пришел на наши

[99] См. указ. статью Р. А. Таубина в т. 39 «Исторических записок», а также В. П. Островский. Из истории моего учительства, СПб., 1895.
[100] «Шестидесятые годы», изд. «Академия», 1933, стр. 297—298.
[101] Н. В. Шелгунов. Воспоминания, М.— Пгр., 1923, стр. 137.
[102] «Красный архив», 1928, т. 4 (29), стр. 182.

сходки, хоть и очень ими интересовался и все время про них расспрашивал. Добролюбов же, будь он здоров, не только пришел бы, но и повлек бы нас за собой бог весть куда» [103].

Рымаренко и Гулевич, с которыми были связаны Муравский и Португалов, играли видную роль в студенческом движении в 1861 г. в Петербурге, а в 1862 г. были весьма активными членами «Земли и Воли». Они были близки Н. Г. Чернышевскому [104]. По свидетельству М. Слепцовой, Рымаренко был даже другом Чернышевского [105].

Студент московского университета А. П. Покровский, которого Муравский познакомил с вожаком революционного кружка казанских студентов Манасеиным, входил в кружок Заичневского и Аргиропуло, которые, по свидетельству Николадзе, находились в сношениях с Н. Г. Чернышевским, начиная с 1861 г.

В 1862 г. бывший член харьковско-киевского тайного общества П. Ефименко обратился к Чернышевскому с просьбой посодействовать в получении некоторой ссуды из средств Литературного фонда [106].

Подытоживая все приведенные данные, мы можем придти к следующим выводам:

В 1856 г. среди студентов харьковского университета образовалось тайное революционное общество. В начале 1859 г. центр этого общества переместился в Киев. Толчком к образованию общества послужило распространение в Харькове и Киеве революционных произведений А. И. Герцена. Общество имело и некоторые организационные связи с Герценом. Члены общества зачитывались также «Современником» Чернышевского и были связаны с петербургскими студентами-революционерами Рымаренко и Гулевичем.

Целью общества было свержение самодержавия, ликвидация крепостничества и установление республики. Путь к достижению этой цели оно усматривало в распространении образования и сознательного патриотизма в народе и в насильственной революции. Главной революционной силой большинство членов тайного общества считало не крестьянство, а учащуюся молодежь («молодое поколение» в толковании Елисеева). Первым делом оно старалось связать воедино все университеты страны. Стремясь пропагандировать в воскресных школах революционные идеи, оно старалось связать между собой и воскресные школы разных городов России» [107].

В течение 1859 г., а также в 1860 и 1861 гг., несмотря на арест в феврале 1860 г. первоначального ядра общества в Харькове и Киеве, тайное общество разрослось. Оно имело своих членов или единомышленников в Киеве, Харькове, Петербурге (Рымаренко, Гулевич, Ильенко, К. Белозерский), Москве (Ал. Покровский, Юкельзон), Казани (Манасеин и др.), Новочеркасске (Савельев), Курске (Левченко), Уфе, Перми, Вятке, Вирске (Муравский), Вологде (Бекман).

Рядом с харьковско-киевской организацией, как уже указывалось, существовала сеть других кружков, находившихся в деятельной связи между собой.

---

[103] Н. Николадзе. Указ. статья — «Каторга и ссылка», 1927, № 5, стр. 49.

[104] Там же, стр. 35 и сл.

[105] М. Слепцова. Штурманы грядущей бури. Сб. «Звенья», вып. 2, М.—Л., 1933, стр. 447.

[106] Н. М Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 261.

[107] ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, лл. 32—37 и 132—135; Киевский обл. гос. архив, ф. гражданского губернатора, опись дополнительная, 1860 г., д. 9569, л. 2. См. также М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 305.

Налицо была фактически всероссийская революционная организация. Она состояла главным образом из студентов, большею частью русских и украинцев по национальности, разночинцев по классовому положению. Входило в ее состав и некоторое число военных и интеллигентов, либо недавно окончивших университет, либо связавших свою судьбу с молодым поколением, в котором они видели надежду и опору будущей свободной России. Вдохновителями и руководителями организации были Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Шелгунов, М. Н. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич, П. В. Павлов.

Вероятно, это и была та революционная организация, предшественница «Земли и Воли», существование которой в России в 1861 г. открыла М. В. Нечкина на основании анализа прокламации Чернышевского «Барским крестьянам». Харьковско-киевское тайное общество было одним из кружков, на которые опирался петербургский центр во главе с Н. Г. Чернышевским.

Полного единства взглядов в организации не было. Наряду с отдельными и временными колебаниями к либерализму, которые были характерны для А. И. Герцена, Н. П. Огарева, П. В. Павлова, наряду с альтернативным требованием революции Шелгунова — Михайлова («если нельзя иначе» [108]), в ней был представлен последовательный революционно-крестьянский демократизм Чернышевского — Добролюбова. Если в начале своего существования организация, особенно ее харьковско-киевская часть, находилась главным образом под идейным руководством А. И. Герцена, то в 1860—1862 гг. в ней усилилось влияние идей и увеличилась руководящая роль Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

С точки зрения внутренней структуры общество не представляло собой централизованной организации. Скорее всего оно должно рассматриваться как союз местных революционных обществ со сходной программой. Создание в 1862 г. «Земли и Воли» было попыткой образовать всероссийскую централизованную революционную организацию.

Приложение

ПРОЩАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ ПРОФ. П. В. ПАВЛОВА СТУДЕНТАМ КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ЗАЧИТАННАЯ В ДЕКАБРЕ 1859 г.

Нашей задачей было изложить русскую историю. Ее археологию я излагал в связи с общей. Вообще история в смысле общественной науки содействует реальному самосознанию и искоренению предрассудков. Говорят, что философия ведет к самосознанию, но и она входит в историю.

Мы старались по возможности раскрыть общие законы развития. Как все мы живем в России, то такое понимание русской истории должно иметь для нас цену. Как скоро член общества знает ход развития и отношение его, для него очевидно и настоящее и будущее. Из нашего изложения вышло, что русская история тоже европейская, а не отдельная от европейской, не азиатская и сходна с европейско-материковой. У нас также был родовой быт и патриархально-конституционные начала, хотя они пали под ударами централизации, зато у нас явилось просвещение; хотя оно сначала было только орудием в руках правительства, но впоследствии оно возродило общество, создало общественное мнение и публику. В истории европейских государств мы замечаем, что когда старые учреждения оказываются несостоятельными, наступает переворот, сначала умственный, потом материальный,— энциклопедисты и революция. Такое время переживаем теперь и мы. Конечно, век Людовика XIV для нас прошел. Это было царствование Екатерины и Александра I до 12 года. В то время обнаружилось все лучшее, что толь-

---

[108] Н. В. Шелгунов. Указ. соч., стр. 98.

ко мог нам дать порядок, созданный централизацией; потом начался его моральный упадок и до громадных размеров, до высшей точки дошел в прошлое царствование.

Во Франции в эту пору упадка явилась сильная потребность самопознания — то же и у нас. Во Франции во второй половине XVIII столетия правительство, видя несостоятельность старого порядка, старалось как-нибудь поддержать разрушившиеся и пошатнувшиеся учреждения какими-нибудь реформами,— то же делается и у нас теперь. Конечно, нельзя у нас возвратиться к боярской думе и Земскому собору. Мы ждем уже перестройки на более современных началах.

Крестьянское дело поставило нашу историю так, что ей два исхода — реформа или революция. Эта мысль не новая: она несколько раз была высказана в наших журналах, даже в официальных бумагах, даже сам государь ее высказывал [1].

В истории протеста большую роль играет общественное мнение, литература и университеты. Протесты университетов начались только в последнее время. Первым выступил московский. До прошлого царствования он имел для России значение только как хранилище науки; с прошлого царствования он выступает и на поприще другого рода. В последнее время и другие университеты заявили свои протесты. Но до сих пор деятельность каждого из них была изолирована. В будущем предстоит каждому из наших университетов связать свою жизнь со всеми жизненными началами своего края. Цвет края должен способствовать его возрождению. Студенты должны сделаться проводниками знаний и здравых понятий в обществе; на обязанности университетской молодежи лежит сближение высших классов с низшими. Только посредством передачи низшим классам образования дворянство может искупить неправоту своих привилегий.

Университет должен сделаться такою же насущною потребностью для общества, как пища для организма. Кроме отдельной деятельности каждого университета, все они должны соединить свои силы вместе. Нужно им иметь между собою постоянные сношения; если в одном делается что-нибудь хорошее, нужно, чтобы это распространилось и в другой. Бывшие студенты не должны прекращать своих сношений с университетом, должны считаться такими же членами его, как и были; университет должен подавать им руку помощи. Бывшие студенты не должны скрывать своих знаний. Они обязаны уделять и другим из благ своих... университеты уже сделались насущною потребностью нашего общества, искоренить их не может никакое безумие. Какой-то инстинкт влечет всех к ним. В других государствах, напримр, в Англии, все классы общества помогали развитию, и университеты там не более как один из многих хороших элементов. У нас же среди глубокой тьмы, среди безнадежной деятельности, они составляют единственное наше спасение; только одни университеты светят подобно маякам.

Курс наш всегда был основан на желании показать это, хотя прежде разные обстоятельства мешали нам показать это с ясностью.

Теперь, господа, позвольте мне обратиться к вам лично от себя... Я убежден, что изменить направление здешнего университета теперь невозможно, хотя бы переменился преподаватель. Я искренно благодарен [киев]ской молодежи за то внимание, которое она мне оказывала — даже не по заслугам моим. Говорю «не по заслугам» потому, что трудно определить заслуги человека, они определяются временем. Где бы я ни был, я всегда с удовольствием буду вспоминать о [киевском] университете. В этом краю, где, скажу вам откровенно, по особым обстоятельствам много печального беспорядка, единственными моими светлыми минутами я обязан университету. Искренно благодарен вам, господа, за сие и я знаю, что не заслужил этого, я не принес [киевскому] университету пользы столько, сколько хотелось бы. (Молчание. Несколько минут — глубокая тишина). Воспоминание о [киевском] университете всегда будет для меня самым отрадным воспоминанием.

ЦГИА УССР, ф. генерал-губернатора по секретно-политической части, 1860 г., д. 185, лл. 157—158.

---

[1] Здесь П. В. Павлов имел, очевидно, в виду слова Александра II, сказанные им 30 марта 1856 г. представителям московского дворянства: «Лучше освободить крестьян сверху, нежели дожидаться, когда они сами себя освободят снизу». Сам Павлов тогда считал, что Россия переживает эпоху «энциклопедистов и революции».— *А. Б.*

И. В. БЕСТУЖЕВ

БОРЬБА ПРОГРЕССИВНОГО И РЕАКЦИОННОГО НАПРАВЛЕНИЙ В РУССКОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ НАКАНУНЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ 1862—1874 гг. (30—50-е годы XIX в.)

Конец XVIII — начало XIX в.— время бурного становления капитализма и буржуазных революций в Европе — были также периодом важных, принципиальных сдвигов в области военного дела. Появление машинной промышленности обусловило возможность резкого увеличения производства боеприпасов и оружия, особенно нарезного оружия. Появление массовых армий вызвало увеличение масштабов войны, позволило достигать в ходе войны бо́льших по масштабу целей, значительно усложнило характер военных действий. В области стратегии исчезла возможность решать судьбу войны в одном генеральном сражении. Произошел переход к системе сражений, связанных общим замыслом. В области тактики стало невозможным сражаться, как прежде, неповоротливыми линиями развернутых шеренг. В новых условиях (но при все еще сравнительном преобладании гладкоствольного оружия), произошел переход от линейной тактики к тактике колонн и рассыпного строя. В дальнейшем распространение нарезного оружия вызвало необходимость перехода к тактике стрелковых цепей.

Успехи Суворова и Кутузова в России, Наполеона в Западной Европе — как раз и объяснялись тем, что эти выдающиеся полководцы сумели раньше других отрешиться от устаревших военных доктрин и претворить в жизнь новые возможности, открывшиеся перед военным искусством.

Опираясь на опыт войн и буржуазных военных реформ конца XVIII — начала XIX в., западноевропейские военные теоретики первой половины XIX в.— Жомини, Клаузевиц и другие — сделали в своих трудах известный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками — Ллойдом, Бюловым и другими военными теоретиками XVIII в. Однако в целом военная мысль Западной Европы первой половины XIX в., оказавшись неспособной разобраться в сущности сдвигов, происшедших в области военного дела, не смогла дать верное направление дальнейшему строительству вооруженных сил и развитию военного искусства. Многие военные теоретики продолжали оставаться на старых позициях, оправдывали косность, боролись против прогресса в военном деле.

Большинство военных теоретиков Запада, в том числе и крупнейшие из них — Жомини и Клаузевиц, попрежнему пытались втиснуть сложные явления войны и военного дела в надуманные «абсолютные системы», оторванные от действительности и непригодные на практике. Другие, как,

например, Деккер и Вагнер, стали вообще отрицать возможность существования рациональной военной теории и призывали ограничиться чисто эмпирическим изучением истории войн. И те, и другие высказывались в своих работах за возвращение от массовой к кастовой армии, состоящей из солдат-профессионалов, поддерживали ставку на генеральное сражение, догматизировали каноны тактики колонн и рассыпного строя, стараясь при этом возможно полнее внедрить в них дух линейной тактики [1].

Рутинерство виднейших западноевропейских военных теоретиков первой половины XIX в. объяснялось тем, что все они так или иначе отражали интересы либо буржуазии, пришедшей к власти и ставшей уже контрреволюционной силой, либо феодально-абсолютистской реакции, являвшейся заклятым врагом всякого прогресса. Реакционная направленность их теоретической деятельности обусловила тенденциозность и схоластичность созданных ими трудов.

Но именно благодаря этой причине они и были подняты на щит правящими кругами европейских держав того времени. В Англии и Франции, в Австрии и Пруссии военные сановники усиленно рекламировали не только произведения Жомини и Клаузевица, но даже явно устаревшие произведения Ллойда и Бюлова. Столь же усиленно рекламировались произведения этих военных теоретиков в России; царизм использовал их как теоретическое оружие в борьбе за сохранение и развитие реакционной военной системы Павла I и Аракчеева [2].

Передовые русские военные теоретики, выступая против косности официальных военных кругов, боролись одновременно и против слепого преклонения перед догмами Ллойда, Бюлова, Жомини, Клаузевица и других, незаслуженно раздутым авторитетом которых эта косность прикрывалась. Большая активность, проявленная ими в этой борьбе, была обусловлена необходимостью осуществления буржуазных военных реформ, вопреки ожесточенному сопротивлению реакционных правящих кругов во главе с Николаем I.

Передовые военные деятели России, хотя и принадлежали к дворянскому лагерю, но, будучи горячими патриотами своей страны, с большим воодушевлением боролись в своих трудах за всемерное улучшение боевых качеств русских вооруженных сил. Наперекор давлению со стороны официальных военных кругов, они стремились направить военно-теоретическую мысль не по пути заимствования готовых иностранных образцов и канонизирования тех или иных догм, а по пути освоения и творческого развития национального боевого опыта, прежде всего опыта Суворова и Кутузова.

Еще в 1807—1810 гг. полковник А. И. Хатов выступил с трудами по тактике, в которых решительно возражал против механического перенесения в военную теорию устаревших положений Ллойда и Бюлова, требуя сосредоточить внимание на изучении боевого опыта последних лет. «В конце прошлого столетия,— писал он,— военная наука и россияне показали пример, что не всегда надобно слепо следовать методе» [3], т. е. тем догмам в области стратегии и тактики, которые царили в Европе на протяжении XVIII в. Аналогичные высказывания содержались в военно-теоретических работах подполковника де Романо, профессора москов-

[1] Л. М. Лещинский. Критика юнкерско-буржуазных военных доктрин начала XIX в., М., 1951; Его же. Банкротство военной идеологии германских империалистов, М., 1951.

[2] Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению истории русского военного искусства, М., 1954, стр. 188.

[3] Хатов. Общий опыт тактики, СПб., 1807, стр. 19.

ского университета Мягкова и А. С. Грибоедова, вышедших примерно в то же время [4].

Много нового в военную теорию внесли декабристы, для большинства которых военное дело являлось профессией. Декабристы открыли в развитии русской военной мысли новый этап, впервые отмеченный отчетливым воздействием революционной идеологии. Военно-теоретические работы Ф. Глинки, Н. Муравьева, П. Пестеля, Н. Бестужева, В. Штейнгеля, А. Корниловича, И. Бурцова, П. Муханова, В. Вальховского, Д. Завалишина и других представляли собой наиболее последовательное для того времени обобщение боевого опыта конца XVIII — начала XIX в. (особенно опыта Суворова и Кутузова), а также опыта проведенных на Западе буржуазных военных реформ. Передовое мировоззрение декабристов позволило им подняться в разрешении ряда проблем военной теории выше многих западноевропейских военных теоретиков [5].

Своими трудами декабристы проложили дорогу передовым русским военным деятелям позднейшего времени. Разгром декабристов и уход их с общественной и научной арены был для России тяжелой потерей также и в области военной теории.

Николаевская реакция сделала невозможным свободный обмен мыслями в печати вообще, а в военной печати — в особенности. На протяжении десяти лет после подавления восстания декабристов в России не появилось ни одной серьезной военно-теоретической работы. Убедившись на опыте декабристов, что творческое развитие теоретического наследства Суворова и Кутузова неизбежно приводит к идее о необходимости буржуазных реформ, царизм решительно отмежевался от этого наследства и взял курс на упрочение военной системы Павла I — Аракчеева. Царизм в это время еще надеялся сохранить в России устои феодально-кастовой армии как главного оплота крепостнического государства.

Это стремление нашло свое выражение в военных уставах, наставлениях и инструкциях, направленных на то, чтобы палочной муштрой превратить солдата в автомат для действий в сомкнутом строю, где он находился под постоянным наблюдением офицера [6]. Одновременно царизмом делались попытки оправдать сохранение в России феодально-кастовой армии со всеми присущими ей порядками посредством «научных» доводов. С этой целью еще усиленнее, чем прежде, пропагандировались отсталые военные теории Запада. С той же целью в 1832 г. была открыта Военная академия, призванная, по замыслу ее устроителей, сыграть роль своеобразной теоретической цитадели феодально-абсолютистской реакции в области военного дела. В своем большинстве профессоры Военной академии были подобраны из числа убежденных приверженцев реакционного курса в области военного дела, которого придерживалось правительство Николая I.

Наиболее видное место среди них занял генерал-майор И. Ф. Веймарн 2-й, выпустивший в 1835 г. «Руководство для преподавания тактики», которое представляло собой конспект лекций по тактике, читанных им в академии, и одновременно официальный проспект будущих учебников по тактике. Через несколько лет вслед за этим вышла вторая его

[4] Де Романо. Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки, СПб., 1807; Мягков. Полевой и новый курс военной архитектуры или фортификации, СПб., 1808—1812; А. С. Грибоедов. О кавалерийских резервах, СПб., 1814.

[5] Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство, М., 1951.

[6] Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 170—173.

работа, носившая название «Высшая тактика», которая и являлась одним из таких учебников.

Обеим работам было предпослано нечто вроде исторического введения, где прежде всего обращает на себя внимание характеристика Веймарном основных этапов истории русского военного искусства. Веймарн утверждает, что «впервые понятия о военном искусстве русские заимствовали от варягов»[7]. В дальнейшем «военные силы и военное искусство России до конца XVII в. находились на весьма низкой степени в сравнении о другими европейскими державами»[8]. Причина этой отсталости, по мнению автора, заключалась в том, что «русские, ведя войну только с турками, татарами и поляками..., не могли заимствоваться ничем полезным или достойным подражания»[9].

Важнейшим моментом истории русского военного искусства допетровского периода Веймарн считает стремление русских царей заимствовать у Запада готовые образцы. Петр I в изложении Веймарна отличался от своих предшественников лишь тем, что заимствовал западные образцы в более широких масштабах. Военные реформы Петра, указывает автор, характерны главным образом тем, что «все построения приняты были от голландцев и впоследствии от шведов», что кавалерийские полки «по вооружению и строю были подобны шведским драгунам» и что «полевая артиллерия разделена была, по примеру шведской, на полковую и батарейную». Что же касается русского военного искусства того времени, то «российские войска в продолжение Северной войны действовали... по принятым тогда во всей Европе правилам»[10].

Такое же заимствование западных образцов продолжалось, по утверждению Веймарна, в течение всего XVII в. О Румянцеве и Суворове автор говорит лишь мельком в двух — трех фразах, а Кутузова вообще считает недостойным упоминания. Таким образом, русское военное искусство совершенно голословно объявлялось Веймарном несамостоятельным и отсталым на всем протяжении его развития, а все его достижения сводились к умению заимствовать у Запада готовые образцы.

Заложенная Веймарном «теория заимствования» в русском военном искусстве, подхваченная и развитая далее реакционной дворянской и буржуазной историографией, сыграла крайне отрицательную роль для русской военной науки и всего военного дела в целом, ориентируя их на слепое подражание наиболее отсталым западным образцам. Потребовались десятки лет, чтобы разоблачить антинаучность выдвинутых Веймарном положений.

Тактические взгляды Веймарна полностью совпадали с соответствующими положениями николаевских военных уставов. Вслед за ними он подчеркивал чисто вспомогательное значение рассыпного строя по отношению к сомкнутым построениям. Вслед за ними он требовал придерживаться духа линейной тактики при соблюдении установившихся канонов тактики колонн и рассыпного строя. «При всех боевых движениях и эволюциях,— говорилось в его учебнике,— необходимо, чтобы люди сохраняли равнение, для чего непременно они должны делать шаги одной величины и итти в ногу»[11]. Вслед за ними, наконец, он стремился дать в своих работах готовые рецепты на все случаи боевой обстановки, под-

[7] Веймарн. Высшая тактика, СПб., 1840, стр. 39.
[8] Там же, стр. 44.
[9] Там же, стр. 45.
[10] Веймарн. Руководство для преподавания тактики, ч. 1, СПб., 1835, стр 66—68.
[11] Там же, ч. 2, СПб., 1835, стр. 28.

меняя инициативу и творчество офицера требованием механического исполнения разнообразных предписаний.

Отдельные передовые военно-теоретические положения, которые обращают на себя внимание в работах Веймарна (например, указания на взаимопереходный характер наступления и обороны, важность выбора направления главного удара и сохранения резервов, требование активности в обороне и т. д.) свидетельствуют лишь о популярности подобного рода взглядов в русской армии того времени. Они, однако, не меняют общей отрицательной оценки теоретической деятельности Веймарна, как одного из виднейших представителей реакционного направления в русской военной мысли 30—50-х годов XIX в.

Все же, несмотря на все усилия царизма, ему не удалось одержать верх над прогрессивными идеями в области военного дела. Благодаря развитию буржуазных отношений в России, число противников сохранения феодально-кастовой армии непрерывно увеличивалось. Некоторые русские генералы и офицеры, не являясь, подобно декабристам, политическими врагами самодержавия, но видя в отказе от прогресса в военном деле угрозу ослабления военной мощи страны, выступили с критикой наиболее отсталых сторон строительства вооруженных сил и военного искусства феодально-кастовой армии николаевской России. Логика вещей заставила их, независимо от их субъективных устремлений, встать на путь оппозиции официальному курсу самодержавия в военных вопросах, на путь борьбы за реорганизацию русской армии в буржуазном духе.

Первым по времени из военных теоретиков этого направления выступил профессор Военной академии генерал Н. В. Медем. Наиболее известной и ценной его работой является «Обозрение известнейших правил и систем стратегии», изданное в 1836 г. Основное содержание данной книги составляет подробный критический разбор «абсолютных систем» Ллойда, Бюлова, Жомини, Клаузевица и других общепризнанных тогда авторитетов в области военной мысли. Несмотря на царившее в официальных военных кругах николаевской России низкопоклонство перед военными теориями Запада, Медем сумел пойти против течения, дав развернутую и обоснованную критику этих устаревших и порочных концепций.

Разбирая военно-теоретические взгляды Ллойда, Медем пишет, что «главные правила» этого теоретика «основаны на событиях XVII столетия» и потому лишь доказывают, «сколь односторонняя может быть система, выведенная из событий одного только какого-либо времени или основанная на одном каком-либо обстоятельстве, имеющем частную важность: стоит лишь изменить сие обстоятельство,— и вся система сама собою рушится» [12].

Главный порок «стратегической системы» Бюлова Медем правильно усматривает в недопустимой переоценке значения на войне сообщений армии со своим тылом. Основываясь на идее решающей якобы роли коммуникаций для действий воюющих армий, Бюлов, по словам Медема, «надеялся положить правила, годные для всевозможных случаев, но, занявшись исключительно своею идеею, выпустил вовсе из виду все другие, не менее сообщений важные, обстоятельства, как, например, местность, нравственную силу войск, взаимное отношение числа их, личные качества или образ действий полководцев, политические обстоя-

---

[12] Н. В. Медем. Обозрение известнейших правил и систем стратегии, СПб., 1836, стр. 16—17.

тельства и т. д.» [13]. «От этого,— заключает Медем,— система Бюлова одностороннее всех систем и менее других способна к применениям на практике, ибо для действия по этой системе требуется условие, которое может встречаться весьма редко. Это условие есть всегдашняя возможность избегать решительного боя без важного для себя вреда. Там, где такое условие неисполняемо, действия по правилам Бюлова или сделаются невозможными, или поведут к отдельному разбитию и уничтожению раздробленных частей войска» [14].

По поводу работ Жомини Медем замечает, что «в них обращено внимание на один только материальный элемент, т. е. на искусство устремлять многочисленную, по возможности, силу войск на те пункты, где предполагается решить боем жребий войны» [15]. «Через это, — продолжает автор,— не только стесняется чрезмерно объем стратегии, но возникает еще вопрос: могут ли правила, выведенные из одного только, хотя и важнейшего, элемента стратегии, быть всеобщими и безусловными? Не придется ли иногда, по необходимости, принимать в особенное соображение и другие стратегические элементы и не заставит ли это по временам уклоняться от вышеупомянутых общих правил?» [16].

Для ответа на этот вопрос Медем прибегает к анализу действий Фридриха II и Наполеона в наиболее показательных для их полководческого искусства войнах. На конкретном историческом материале он показывает, что те или иные стратегические соображения полководцев определяются не какой-либо заранее созданной «системой», а вытекают из конкретной обстановки, сложившейся на театре войны. Отсюда Медем делает вывод, что готовые рецепты, предложенные Жомини, в корне противоречат сложной и многообразной боевой практике, а следование им без учета времени и обстоятельств не может не привести к плачевным результатам [17].

Если работы Ллойда, Бюлова и Жомини страдают недооценкой фактора местности, то четвертый крупный военный теоретик начала XIX в. — эрцгерцог Карл Австрийский «придавал местности,— по словам Медема,— уже излишнюю важность». «Не подлежит сомнению,— указывает автор,— что местность имеет неоспоримое влияние на все военные действия и во всех случаях должна быть принимаема в особенное соображение,— но, с другой стороны, не менее справедливо, что нельзя основывать всех планов и действий исключительно на одном только соображении театра войны, но необходимо принимать также в расчет: расположение неприятельских сил, действия и намерения противника, обстоятельства политические, дух народа той земли, в которой происходит война, и т. п.» [18].

Большой интерес представляет критика Медемом работ Деккера и Вагнера, где он говорит о пороках, типичных для юнкерско-буржуазной военной мысли Пруссии, а именно о призыве к огульному наступлению во чтобы то ни стало и о стремлении к созданию «чисто-стратегических» умозрительных построений, оторванных от боевой практики. Указания Медема на никчемность такого рода построений, которые никак не могут «служить прямым руководством для действий» [19], на то, что на войне

[13] Там же, стр. 29—30.
[14] Там же, стр. 30.
[15] Там же, стр. 39.
[16] Там же, стр. 40.
[17] Там же, стр. 76.
[18] Там же, стр. 87—88.
[19] Там же, стр. 148.

«могут встретиться случаи, в которых полководцу, ведущему наступательную войну, выгодно будет не искать боя и на время воздерживаться от решительных действий» [20],— свидетельствуют о том, что он глубже разбирался в сущности искусства стратегии, нежели многие его современники на Западе.

Свой критический разбор Медем заканчивает очень сдержанной оценкой только что появившегося тогда капитального труда Клаузевица «О войне», восторженно встреченного реакционными военными кругами Западной Европы и России. Уличая Клаузевица в отказе от признания «вечных принципов военного искусства» на словах и протаскивания их в своем труде на деле, Медем находит, что содержащиеся в нем мысли — «более умозрительные, нежели практические полезные, и даже... подлежащие сомнению» [21].

Из всего этого критического обзора Медем делает вывод, ставший аксиомой передовой русской военной теории того времени, а именно вывод о том, что «постоянные безусловные правила для (военных.— *И. Б.)* действий существовать не могут» [22]. «Все великие полководцы,— развивает он свою мысль,— были истинно великими именно потому, что основывали свои действия не на заблаговременно предначертанных правилах, но единственно на искусном соображении всех средств и обстоятельств, имеющих влияние на военные действия. Поэтому каждый из великих полководцев имел собственную стратегию или, другими словами, все действия таких военачальников носили отпечаток их времени и обстоятельств» [23].

Протестуя, с другой стороны, против попыток отрицания возможности существования рациональной военной теории у ряда военных теоретиков, вроде Деккера, Вагнера и др., которые считали, что достаточно одного опыта или таланта, чтобы быть искусным полководцем, Медем подчеркивает необходимость серьезной теоретической подготовки военачальника. Последнему, утверждает он, нужно знать гораздо более, нежели это предполагается в каждом отдельном трактате, ибо только глубокое знание основ военного дела, и прежде всего военной теории, может обеспечить подлинное искусство вождения войск [24].

Работа Медема заканчивается указанием на важность критики «абсолютных систем» в военном деле, особенно критики выдвигаемых в них «вечных принципов военного искусства». Только таким путем, можно, по его мнению, добиться коренного улучшения в деле изучения и преподавания теории стратегии [25].

Эта работа не была, конечно, полностью свободна от понятных для того времени ошибок и недочетов. Так, например, следуя общепринятым тогда взглядам, Медем противопоставлял стратегию-искусство стратегии-науке, отрицал существование последней вплоть до конца XVII в. и всерьез считал Ллойда основоположником стратегии как науки. Имеет у него также место явная переоценка стратегического искусства Фридриха II и Наполеона [26]. Тем не менее не подлежит сомнению, что «Обозрение известнейших правил и систем стратегии» Медема сыграло

---

[20] Там же, стр. 142.
[21] Там же, стр. 162.
[22] Там же, стр. 168.
[23] Там же, стр. 182—183.
[24] Там же, стр. 176—187 и 196—197.
[25] Там же, стр. 200—210.
[26] Там же, стр. 10 и др.

положительную роль в борьбе передовой русской военной теории того времени за глубокое изучение национального европейского боевого опыта.

Для развития русской тактической мысли большое значение имела другая работа Медема — «Тактика», две части которой были изданы в 1837—1838 гг. Этот учебник тактики был написан, очевидно, по официальному заказу и притом на основании указанного выше проспекта Веймарна. Понятно поэтому, что Медем повторяет и развивает основные положения последнего. Однако в некоторых случаях он все же отступает, если не от буквы, то от духа проспекта Веймарна, выдвигая важные теоретические положения, выгодно отличавшие его работу от ее источника.

Так, в противоположность Веймарну, игнорировавшему значение морального фактора в войне, Медем обращает на этот факт особенное внимание. «Войско, не обладающее нравственными силами,— пишет он, — как бы оно ни было совершенно в других отношениях, никогда не приобретет блестящих успехов. И потому-то должно стараться всеми средствами возвышать нравственную силу своих войск» [27]. В отличие от Веймарна, Медем указывает на неприемлемость устаревших канонов линейной тактики в новых условиях войны. «В сражениях новейшего времени,— отмечает он,— мы не видим ни одного примера устроения целого пехотного фронта правильными эшелонами, т. е. такими, где бы наблюдалось какое-либо общее правило относительно силы эшелонов и расстояния между ними» [28]. Одновременно Медем опровергает укоренившееся со времен господства линейной тактики мнение, будто «скоростью пальбы можно заменить ее меткость», указывая на явную несообразность такого положения с современной обстановкой на полях сражений [29].

Если у Веймарна наблюдалась недопустимая для XIX в. недооценка рассыпного строя, то Медем, напротив, придает последнему большую важность. «Были примеры,— замечает он,— что застрельщики, расположенные на особенно выгодной для них местности, одними ружейными выстрелами останавливали, расстраивали и принуждали отступать наступавшие на них колонны» [30]. В связи с этим у Медема появляется новое, ценное для того времени стремление разработать теоретические основы действий в застрельщичьей цепи. Опираясь на опыт последних войн, автор подчеркивает, что «равнение цепи вовсе не требуется», и вступает, таким образом, в прямое противоречие с николаевскими военными уставами. Зато,— указывает Медем,— здесь необходимы «повышенная инициатива» и «особенная сметливость» застрельщиков, а также серьезная специальная подготовка офицеров в связи с повышенными требованиями к искусству управления цепью [31]. Так постепенно закладывались теоретические основы перехода к тактике стрелковых цепей, получившей развитие в более позднее время.

Обращает на себя внимание в работе Медема и требование перехода к системе закрытых артиллерийских позиций, а также требование обеспечения возможности маневра артиллерии на поле боя не только огнем, но и колесами [32]. В этом отношении Медем был на голову выше не только своих современников, но даже, например, Драгомирова, выступившего

[27] Н. В. Медем. Тактика, ч. 1, СПб., 1837, стр. 5.
[28] Там же, стр. 124.
[29] Там же, стр. 32—33.
[30] Там же, ч. 2. СПб., 1838, стр. 61.
[31] Там же, стр. 68 и сл.
[32] Там же, стр. 92—97.

на военно-теоретическом поприще почти 50 лет спустя. Далее, Медем протестует против шаблона в тактике, царившего тогда как в николаевской армии, так и во всех других армиях Европы. «Умение искусно применять тактические правила к обстоятельствам,— пишет он,— обнаруживает истинные дарования начальника и одна только посредственность действует во всех случаях по общим правилам» [33].

Наконец, отдельные передовые положения, намеченные в проспекте Веймарна (например, подчинение стратегии политике, требование активности обороны с использованием возможности для перехода в контрнаступление, указание на важность выбора направления главного удара, а также на значение сохранения резервов и т. д.), приобретают у Медема особенно четкое и обоснованное звучание, приковывая к себе внимание читателя.

Вслед за Медемом выступил со своей работой «Опыт теории военной географии» другой передовой русский военный теоретик — подполковник П. А. Языков.

Рассмотрев труды иностранных, главным образом немецких военных географов, он пришел к выводу, что эти труды страдают двумя существенными недостатками. Во-первых, они носят описательный характер, при полном отказе их авторов от всяких попыток обобщений и теоретических выводов, тогда как, по мнению Языкова, на современном ему этапе развития военной науки «простое описание делается недостаточным: необходимо уже исследование для цели, подчиненной определенному условию» [34]. Во-вторых, никто из авторов этих трудов «не имел в виду представить военную географию как науку, составляющую отдельную отрасль стратегии» [35], т. е. не рассматривал ее в тесной связи с другими отраслями военной науки, несмотря на то, что такая связь несомненна. Следовательно, заключает Языков, «сочинения, изданные под названием военной географии, не удовлетворяют тем понятиям, которые должны иметь об этой науке, как об отдельной отрасли наук военных и, таким образом, если и дано название особой науке, то самая наука еще не существует» [36].

Единственный способ поставить исследование проблем военной географии на научные рельсы, указывает Языков, заключается в отказе от преклонения перед иностранными авторитетами, в разрыве с порочным «описательным методом» и в поисках самостоятельных путей теоретической разработки этих проблем. «Я не видел причины,— заявляет он,— почему мы, русские, должны повторять только то, что сказано писателями иностранными. Не положено в законах природы, чтобы идеи новые и открытия в науках должны непременно следовать от Запада к Востоку. Они могут принять и обратный путь» [37].

С передовых для того времени позиций Языков сделал попытку заложить теоретические основы военной географии как науки. При этом он выдвинул ценные положения, способствовавшие дальнейшему развитию военной географии.

Так, главную задачу военной географии он правильно увидел в том, чтобы «определить стратегическое достоинство предметов географических» [38]. Наряду с этим он указал на сугубо исторический характер пред-

[33] Там же, стр. 121.
[34] П. А. Языков. Опыт теории военной географии, ч. 1, СПб., 1838, стр. 25.
[35] Там же, стр. IX.
[36] Там же, стр. 19—21.
[37] Там же, стр. X.
[38] Там же, стр. 40.

мета военной географии. «Каждая историческая эпоха,— по его словам,— имеет свою военную географию», так как «развитие общественной деятельности существенно изменяет наружный вид естественных географических предметов и их свойства относительно движения вооруженных сил: горы делаются проходимее, леса исчезают, болота осушаются. События исторические и того более изменяют политическое значение — следовательно, стратегическую важность не только отдельных предметов географических, но целых стран». Поэтому, продолжает Языков, «Италия по географическому положению своему представляла для Аннибала совсем другие соображения, нежели для Суворова и Наполеона». «Таким образом,— заключает он,— стратегическое исследование различных стран земной поверхности составило бы науку, изменяющуюся для каждой исторической эпохи» [39]. Именно исторический характер предмета военной географии, т. е. полное отсутствие в ней каких-либо «вечных принципов», по справедливому замечанию Языкова, и послужило поводом для ряда военных теоретиков к третированию военной географии, как «неполноценной» науки, где невозможно якобы дать ничего иного, кроме простого описания [40].

Не ограничиваясь исследованием теоретических основ военной географии, Языков пытался выработать рациональный метод ее практического применения к военному делу, избрав в качестве примера искусство расположения в стране крепостей. Здесь он выступает против укоренившихся шаблонов крепостного строительства, основанных на устаревших догмах Ллойда и Бюлова. Идя вразрез с этими догмами, Языков требует при разработке системы расположения крепостей всестороннего учета политических, стратегических и географических условий, рассматривая при этом крепости «не только с одной стороны — как преграду вторжения», но и как базу снабжения, опору при развертывании армии, при ее отступлении и т. д. [41] С учетом всех этих данных, заключает автор, «для каждого государства должна быть принята особая система расположения крепостей» [42].

Языков далек от мысли давать готовые рецепты применения теории военной географии на все случаи боевой практики и создать таким образом собственную «абсолютную систему», что широко практиковалось тогда у западных военных теоретиков. Наоборот, он считает свою работу лишь первым опытом в данной области, говоря, что военной географии предстоит еще большой и сложный путь развития и что достигнуть «высочайшей степени своего развития» она сможет лишь в результате долгих коллективных усилий военных теоретиков [43].

В работе Языкова имеются отдельные недостатки и ошибки, приводящие подчас автора в противоречие с его собственными высказываниями (например, попытка найти для «изменяющейся науки» — военной географии «свою неизменяющуюся теорию» [44] и т. д.). Но подобные недочеты не могут преуменьшить значения этого труда — первого труда по военной географии, в известной мере отвечавшего научным требованиям.

Большое значение для военной теории имела также попытка Языкова затронуть в своем труде некоторые существенные вопросы теории стра-

---

[39] П. А. Языков. Указ. соч., ч. 1, стр. 42—45.
[40] Там же, стр. 217.
[41] Там же, ч. 2. СПб., 1838, стр. 25, 61—63, 145.
[42] Там же, стр. 183.
[43] Там же, стр. 198—199.
[44] Там же, ч. 1, стр. 54.

тегии. Он подверг, в частности, критике псевдонаучные взгляды тех военных теоретиков, которые считали наличие «вечных принципов» единственным признаком подлинной научной теории. «Некоторые писатели,— писал он,— не открывая в стратегии таких правил, которые безусловно прилагались бы ко всем случаям или которые были бы безусловно общие, заключили из того, что теории стратегии не существует». Однако, продолжал он, «если под словом теория разуметь собрание безусловно общих правил, то едва ли найдется какое-либо искусство, которое имело бы теорию» [45].

Одновременно Языков подчеркнул громадное значение теории в военном деле и особенно важность теоретической подготовки командного состава армии. Он доказал порочность распространенного тогда в кругах офицеров мнения о никчемности изучения для них военной теории, поскольку стратегические соображения принадлежат якобы исключительно «гению» полководца, распоряжения которого механически исполняются всеми нижестоящими начальниками. Указывая на усложнившиеся условия боя и на необходимость, в связи с этим, не механического, а сознательного исполнения приказаний свыше, Языков утверждал, что без теоретической подготовки командный состав не сумеет теперь удовлетворительно справиться со своими обязанностями [46].

Результатом дальнейшего развития взглядов Языкова в области стратегии явился второй его труд — «Опыт теории стратегии».

В этом труде Языков также делает попытку доказать возможность существования рациональной военной теории и необходимость ее изучения широкими кругами офицеров. Важно отметить, что в этом отношении он уже опирается на работу Медема «Обозрение известнейших правил и систем стратегии», теоретическую ценность которой он видит в том, что в ней «весьма удачно высказано влияние военных событий на составление теории и обратно, влияние теоретических исследований на ход военных событий» [47]. Языкову удалось правильно показать возникновение военной теории путем обобщения боевого опыта, а не путем схоластического изыскания «вечных принципов» военного искусства. Ему удалось также правильно определить цель теории, как направляющего руководства для практических действий, а не надуманного собрания готовых рецептов [48]. В этом большая заслуга Языкова перед военной теорией.

Положительным моментом в этой работе Языкова является и его высказывание о том, что для правильной оценки стратегической обстановки необходимо всестороннее рассмотрение «общей политической системы государств», ибо именно «политика дает главное направление военным действиям» [49]. Положение о тесной связи политики и войны стало аксиомой для русских военных теоретиков задолго до Клаузевица, будучи выдвинуто еще в военно-теоретических трудах декабристов.

Вместе с тем Языков указывал на большое значение для войны морального фактора. «Едва ли великие полководцы, как, например, Суворов и Наполеон,— писал он,— не были более всего обязаны успехами тому, что они яснее других постигали нравственные причины, одушевляющие вооруженные массы, с которыми они достигали своих целей» [50]. Однако

[45] Там же, стр. 218—219.
[46] Там же, стр. 248—257.
[47] П. А. Языков. Опыт теории стратегии, ч. 1. СПб., 1842, стр. 12.
[48] Там же, стр. 12.
[49] Там же, стр. 34—35.
[50] Там же, стр. 40.

тут следует отметить обычное для дворянских военных теоретиков непонимание Языковым сути политики и ее влияния на моральный фактор. Рассматривая политику как чисто моральную категорию, «проистекающую из нравственных причин», Языков отрицает ее непосредственное влияние на «нравственную силу вооруженных масс», отрывая, таким образом, моральный фактор от политики и противопоставляя его последней [51].

Языков настаивает на обязательном подчинении тактических действий стратегическим соображениям, утверждая примат стратегии по отношению к тактике. Хотя, говорит он, «расположение войск в бою и самый бой суть действия тактические, но цель и последствия сражения принадлежат к соображениям стратегическим, а расположение войск к бою должно быть сообразно со стратегической целью сражения» [52]. Кроме того, продолжает он, такой важный момент тактических действий, как введение вооруженных сил в бой, полностью зависит от стратегических соображений [53]. В связи с этим он вступает в полемику с Клаузевицем, который был рьяным защитником идеи о первостепенной важности на войне тактических успехов, идеи, подхваченной затем Мольтке и его последователями [54].

Не избежал критики Языкова и наиболее популярный в реакционных военных кругах николаевской России Жомини. Показав надуманность выдвинутых последним «вечных принципов» военного искусства, Языков справедливо спрашивал: «неужели вся гениальная изобретательность в военном деле Суворова и Наполеона выразилась в простом механизме сосредоточивания сил..., в выборе внутренних операционных линий и т. д.?» [55]. Сам Языков был глубоко убежден в абсурдности такого предположения.

Новым и ценным для того времени был взгляд Языкова на взаимосвязь состава армии и ее тактики с данной системой вооружения. «Состав армии всегда находится в тесной связи с системой вооружения»,— писал он. Мало того, «система вооружения имеет влияние на расположение войск в бою и даже на самый успех боя» [56]. С другой стороны, Языков указывает на зависимость образа боевых действий армии от способов ее снабжения и на невозможность, в связи с этим, рассматривать «интендантскую науку» отдельно от вопросов стратегии и тактики [57]. Как видно, от внимания Языкова не ускользнул факт влияния прогресса боевой техники на сдвиги в тактике, а также факт усложнения вопросов строительства вооруженных сил в связи с появлением массовых армий. Однако вскрыть сущность этих верно подмеченных явлений он не сумел.

Большой интерес представляет также попытка Языкова исследовать на опыте войн России и Испании против войск Наполеона характер и особенности «народной войны» в отличие от «войны обыкновенной». Указывая, что «теория стратегии в нынешнем положении не составляет еще удовлетворительного руководства для соображений в народных войнах», Языков отмечает, что в последних «действительная сила заключается не только в армии, но и во всей массе народонаселения», причем «мера и

---

[51] П. А. Языков. Опыт теории стратегии, ч. 1, стр. 42.
[52] Там же, стр. 50.
[53] Там же, ч. 3, СПб., стр. 67.
[54] Там же, стр. 71.
[55] Там же, стр. 74—75.
[56] Там же, ч. 1, стр. 49 и 54.
[57] Там же, ч. 3, стр. 55.

способ сопротивления этой составной части действующей силы преимущественно зависят от степени самоотвержения сопротивляющихся жителей, т. е. влияния причин нравственных. А потому, не исследовав нравственного элемента, невозможно говорить определительно о войнах народных». Кроме того, Языкову бросился в глаза тот факт, что «государство или страна, где производится война народная, бывает всегда в положении оборонительном» [58].

Как дворянский военный теоретик Языков не смог сделать соответствующих выводов из этих весьма интересных для того времени наблюдений. Несомненно, однако, что последние должны были наталкивать его на мысль о появлении в военном деле факторов, несовместимых с сохранением кастовой армии.

Замечательны взгляды Языкова и в области полевой фортификации. Здесь мы видим у него принципиальный разрыв с установившимися шаблонами, требовавшими равномерного укрепления позиции и размещения на ней войск. «В каждой позиции,— пишет Языков,— один пункт должен быть более укреплен, нежели другой, некоторые же пункты могут совсем остаться неукрепленными», смотря по «степени важности каждого тактического пункта» [59]. Одновременно он указывает на связь фортификации со стратегией и тактикой, подчеркивая, что определение этой степени важности зависит именно от стратегических и тактических соображений [60]. Выступивший почти одновременно с Языковым русский военный инженер А. З. Теляковский развил эти отдельные положения в продуманную и стройную теорию фортификации, самую передовую для своего времени.

Наконец, в работе Языкова обращает на себя внимание первая в России (правда, довольно робкая) попытка дать оценку с военной точки зрения только что начавшим распространяться в Европе железным дорогам [61].

Своим дальнейшим развитием военная география как наука обязана Д. А. Милютину, будущему военному министру, возглавившему борьбу с крепостниками-рутинерами за реорганизацию русской армии в буржуазном духе. Военным реформатором Милютин стал в результате многолетнего изучения национального и европейского военного опыта в тесном контакте с другими передовыми русскими военными теоретиками.

В 1846 г. вышла первая крупная теоретическая работа Милютина «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики», сразу же выдвинувшая ее автора в первые ряды военных теоретиков передового направления.

В своем труде Милютин подчеркивал тесную связь разбираемых им вопросов с актуальными потребностями военного дела на данном этапе его развития. Теперь, писал он, «самый образ ведения войны принял такое направление, что все государства вынуждены были значительно усилить постоянные армии и флоты, принять новые системы для образования, приготовления, снабжения и содержания вооруженных сил» [62]. Поэтому, по его мнению, «никогда еще не было столь очевидной необходимости для успешного ведения войны в основательных сведениях о театре

---

[58] Там же, ч. 1, стр. 68—69.
[59] Там же, ч. 2. СПб., 1842, стр. 95.
[60] Там же.
[61] Там же, стр. 126—130.
[62] Д. А. Милютин. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики, СПб., 1846, стр. 2.

военных действий, относительно к естественным свойствам и статистическим средствам края, так же, как и вообще о всех способах материальных и нравственных обеих воюющих сторон» [63].

Между тем труды ряда иностранных военных географов, продолжал Милютин, не отвечали этим задачам, представляя собой всего лишь «подробные топографические описания стран» или «сборники сведений, извлеченных из общей географии» [64]. «Бесполезность подобных сочинений» для военной теории заключалась, по справедливому выражению Милютина, в том, что «при стратегических исследованиях театра войны невозможно ограничиваться одними географическими данными, устраняя... политические, нравственные и прочие соображения» [65].

В связи с этим возникал вопрос о содержании предмета военной статистики и месте ее в ряду других наук. Раньше, писал Милютин, военная статистика «ограничивалась исчислением войск и описанием их устройства, тогда как предмет этот должен составлять только часть военной статистики,— точно так же, как одно исчисление фабрик и заводов не может еще составлять хозяйственной статистики государства» [66]. «Вник ли хоть один из статистиков,— спрашивал он,— в то, что не одно число войск и кораблей определяет военную силу государства», что «военные силы государства обнимают все вообще средства, которыми государство располагает... для достижения силой оружия своих политических целей; следственно, и военная статистика обнимает, можно сказать, весь почти состав государства, рассматривая в нем все элементы с точки зрения военной» [67].

Столь же передовыми были воззрения Милютина и в области методологии статистики. В критическом очерке истории развития статистики он упрекает статистиков в том, что они «в исследовании фактов не допускают других логических выводов из сличения данных, как только вывод законов общих, неизменных; не видят постепенности в переходе мысли от простого опыта, наблюдения,— к закону общему» [68]. В результате, работы по статистике страдают недопустимыми шатаниями «от чистого эмпиризма до отвлеченной теории» [69]. Подлинно научная статистика, по мнению Милютина, «не опускается на степень простого описания данных или явлений, ибо она должна исследовать их с определенной целью; с другой же стороны... она не восходит до истин отвлеченных, неизменных» [70]. Только в этом случае, заключает он, она будет действительно полезной наукой, «служа эмпирическим началом для выводов теоретических и вместе с тем руководителем в применениях практических» [71].

Подчеркнув историчность военной статистики как науки, представлявшейся ему в виде «последней страницы военной истории, остановившейся на современной нам эпохе» [72], и, указав на недопустимость попыток превращения работ в этой области в сборники готовых рецептов для ведения боевых действий в данной стране [73], Милютин ставит перед военной

---

[63] Д. А. Милютин. Указ. соч., стр. 2.
[64] Там же, стр. 6.
[65] Там же, стр. 7 и 30.
[66] Там же, стр. 54.
[67] Там же, стр. 51—54.
[68] Там же, стр. 47.
[69] Там же, стр. 43.
[70] Там же, стр. 45.
[71] Там же, стр. 46.
[72] Там же, стр. 69.
[73] Там же, стр. 64—66.

статистикой задачу «исследования в данный момент сил и средств государств в военном отношении»[74]. К выполнению этой задачи Милютин приступил в следующем своем труде, изданном в двух томах в 1847—1848 гг. под заглавием «Первые опыты военной статистики», куда рассмотренная выше работа вошла в качестве вводной главы и где давался военно-статистический обзор Германского союза и Прусского королевства.

В последующие годы научная работа Милютина протекала в области военной истории, результатом чего явился его труд «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.», нанесший серьезный удар «теории заимствования» в русском военном искусстве и доставившей автору почетное звание «отца суворовской литературы».

Среди ошибок рассмотренной выше работы Милютина наиболее существенной было непонимание автором сущности и задач предмета военной географии. Ошибочно видя цель географии только в накоплении «обширного запаса данных, служащих материалом для других наук», Милютин считал, что сама по себе география «никак особой науки составить не может»[75], в связи с чем он даже утверждал, что «военная статистика и военная география не имеют ничего даже общего между собою»[76].

Вопрос о содержании и цели предмета военной географии был окончательно решен только советской военной наукой, рассматривающей военную статистику как органическую составную часть военной географии. Поэтому оценка деятельности Милютина как военного теоретика должна производиться не под впечатлением его естественных для того времени теоретических погрешностей, а с учетом всего того нового и ценного, что внес Милютин в развитие военной науки.

Особое место среди представителей передового направления в русской военной мысли 30—50-х годов XIX в. занял А. З. Теляковский — крупный военный инженер, создавший самую передовую для своего времени теорию фортификации, которая получила известность далеко за пределами России.

Теория фортификации находилась тогда в плачевном состоянии. Военные инженеры повсюду, как правило, догматизировали положения, изложенные в трудах Вобана, Кармонтеня и других фортификаторов XVII — XVIII вв., применительно к средствам обороны и нападения того времени. Последним словом военно-инженерной науки в официальных военных кругах николаевской России считались труды Сен-Поля и Бусмара, написанные в конце XVIII в., хотя авторы их слепо придерживались указаний Вобана и Кармонтеня. Значительно более ценным по своему содержанию был упоминавшийся выше «Курс фортификации» проф. Мягкова. Однако и этот труд к 30-м годам XIX в. уже устарел.

Между тем прогресс военного дела требовал разработки теории фортификации применительно к новым средствам обороны и нападения. За решение этой задачи и взялся Теляковский. В 1839 г. вышла первая часть его работы в форме учебника для военно-учебных заведений под названием «Полевая фортификация». В 1846 г. последовало издание 2-й части, называвшейся «Долговременная фортификация». 1-я часть была трижды переиздана затем в 1848, 1852 и 1856 гг., а 2-я часть вышла вторым изданием в 1855 г.

Разделение фортификации на полевую и долговременную было принято Теляковским не случайно. В основу этого разделения он положил

[74] Там же, стр. 53—54.
[75] Там же, стр. 14.
[76] Там же, стр. 33.

не надуманные «ранги» фортификационных сооружений по прочности их построек, как это делалось раньше, а «различие тактических и стратегических соображений, которым подчиняются соображения инженера», так как «хотя фортификация есть наука самостоятельная, однакож она тесно связана с двумя другими военными науками — стратегиею и тактикою» [77]. «По существенному различию стратегических и тактических соображений, которыми определяется выбор позиций,— пояснял Теляковский свою мысль,— фортификация удовлетворяет их требованию укреплениями различными»: крепости или долговременные укрепления служат основанием действий целых армий, строятся обычно заранее и имеют существенное стратегическое значение; полевые же укрепления носят временный характер и служат обычно чисто тактическим целям [78].

Принцип тесной связи теории фортификации с определенными стратегическими и тактическими соображениями был выдвинут Теляковским на основании трезвого учета им новых условий войны и военного дела, в значительной мере сводивших на нет теоретическую ценность устаревших канонов. Теляковский отметил существенное различие между войнами второй половины XVII — первой половины XVIII в., когда создавались «классические» произведения по теории фортификации в Западной Европе, и войнами конца XVIII — начала XIX в. Указывая на то, что «с тех пор образ войны изменился, армии сделались более многочисленными» и «новейшие войны производились огромными силами с необычайной решимостью», причем «цель войн была устремлена на покорение целых государств», Теляковский потребовал «особого применения» теории фортификации к современным «средствам атаки и к нынешнему образу войны» [79].

Сам автор тщательно следил за всеми сдвигами в военном деле, широко используя в каждом новом издании своей работы опыт последних войн. Так, на основании опыта русско-турецкой войны 1828—1829 гг., а также Крымской войны 1853—1856 гг. он делает вывод, что «удовлетворить требованиям теперешних больших армий могут одни большие крепости; только они могут представить такие преграды, которые в состоянии остановить неприятеля, действующего по новым стратегическим и тактическим правилам», в силу чего малые крепости в значительной степени теряют свое стратегическое значение [80]. На резкое усиление дальнобойности ружейного и мощности артиллерийского огня, выявившееся в ходе Крымской войны, автор немедленно реагирует соответствующим изменением цифровых данных в новых изданиях своей работы [81]. Он обратил даже внимание на необходимость, в силу указанного повышения эффективности огня, «пользоваться при атаке укреплений местными закрытиями (ямами, ровиками, деревьями, буграми и т. п.)» [82].

Порвав с устаревшими догмами в фортификации и приняв за основу своей работы данные современной ему практики военного дела, Теляковский пришел к убеждению в порочности каких бы то ни было шаблонов в фортификации вообще. «По бесконечному разнообразию местных условий и по значению, которое крепость может получить от общего хода военных действий,— писал он,— все правила, предложенные в руковод-

---

[77] А. З. Теляковский. Полевая фортификация, СПб., 1848, стр. 1 и 2.
[78] Там же, стр. 2—3.
[79] А. З. Теляковский. Долговременная фортификация, СПб., 1846, стр. 5 и 95.
[80] Там же, изд. 2-е, СПб., 1855, стр. 85—86.
[81] Там же, стр. 155 и др.
[82] Его же. Полевая фортификация, СПб., 1848, стр. 146.

ство по этому предмету известнейшими военными писателями, допускают многие исключения при всяком частном случае» [83]. Призывая к отказу от «рабского подражания системам Вобана и Кармонтеня» [84], Теляковский говорил о «невозможности вывести безусловные правила фортификации» [85] и о необходимости строить укрепления только «сообразно местности и употребительным способам атаки и обороны» [86].

Разрыв с шаблонами и трезвый учет новых условий войны и военного дела явились предпосылками создания Теляковским новой, передовой теории фортификации.

Первым основным положением этой теории было требование заменить прежние непрерывные линии «правильного» (т. е. шаблонного) начертания и в полевой (шанцы), и в долговременной (крепостные стены или валы) фортификации системой отдельных, относительно самостоятельных и взаимно помогающих друг другу огнем опорных пунктов (или соответственно фортов), на самых важных участках.

Коренные недостатки непрерывных линий укреплений Теляковский видит в том, что они, во-первых, в силу своей трудоемкости и дороговизны, препятствуют колоссальному размаху инженерных работ, соответствующих новому, более мощному вооружению и новым, массовым армиям; во-вторых, прорыв их противником в одном месте неизбежно влечет за собой отход по всей линии; и, в-третьих, в них «через тесные выходы нельзя переходить из оборонительного положения в наступление» [87]. Отмечая, что выгоды системы отдельных укреплений «постигнул еще гениальный ум Петра Великого» и что «польза их доказана Полтавским сражением» [88], Теляковский подчеркивал неизбежность перехода к такой системе в современной ему обстановке.

Вторым основным положением теории Теляковского было требование отказа от прежней тонкой линии обороны, состоявшей, как правило, только из одного ряда укреплений, и перехода к глубоко эшелонированной полосе обороны, состоящей из нескольких оборонительных линий. Только такая глубоко эшелонированная система обороны могла, по убеждению Теляковского, эффективно противостоять натиску массовой армии с ее сравнительно более мощной боевой техникой [89].

Теперь, утверждал Теляковский, полевые укрепления старого типа не могут сколько-нибудь серьезно задержать противника, а для постройки долговременных укреплений по старым образцам в условиях быстро развивавшихся событий современной войны сплошь и рядом не имеется ни времени, ни средств. В результате старые системы фортификации становятся практически непригодными. История последних осад «показывает, что постепенная атака удерживает перевес над обороною крепостей, построенных по системам Вобана и Кармонтеня» [90]. Наиболее удовлетворительный выход из этого положения автор видел в том, «чтобы впереди крепости избрать и прочно укрепить главнейшие опорные пункты», ибо «цепь передовых отдельных укреплений или фортов должна чрезвычайно затруднить обложение крепости, рекогносцировку и вообще первые

---

[83] А. З. Теляковский. Долговременная фортификация, 1846, стр. 295.
[84] Там же, изд. 2-е, СПб., 1855, стр. 1.
[85] Его же. Полевая фортификация, СПб., 1848, стр. 2.
[86] Там же, изд. 4-е, СПб., 1856, стр. 49.
[87] Там же.
[88] Там же, стр. 49.
[89] Его же. Долговременная фортификация, стр. 173, 305 и др.
[90] Там же, стр. 271.

осадные действия»[91]. «Цепь передовых отдельных укреплений или фортов» должна была, по мысли Теляковского, составить как бы первую линию обороны. Овладевший ею противник натыкался затем на вторую, главную, линию обороны, за которой располагались укрепления третьей, запасной линии. Число линий обороны, естественно, могло быть увеличено в соответствии со средствами и обстоятельствами[92].

Принцип глубокого эшелонирования обороны, так же как и принцип введения системы взаимодействующих отдельных укреплений, служил Теляковскому предпосылкой для выдвижения третьего основного положения его теории, а именно принципа активности обороны со ставкой на переход в контрнаступление после истощения наступательного порыва противника. Идея активности обороны проходит красной нитью через весь труд Теляковского, так как, по справедливому замечанию автора, «нынешняя тактика требует подвижности войск и при первой возможности перехода в наступление»[93].

Именно с этой точки зрения рассматривает Теляковский достоинства и недостатки отдельных фортификационных сооружений. Так, главное достоинство системы отдельных укреплений он видит в том, что она «доставляет совершенную возможность переходить из оборонительного положения в наступательное под прикрытием сильного перекрестного огня»[94]. Подчеркивая важность искусного расположения передовых пристроек главной оборонительной линии, состоявших из прикрытого пути с его плацдармами-люнетами, Теляковский указывает, что «выгодно расположенный прикрытый путь может способствовать производству вылазок, т. е. переходу некоторой части обороняющихся в наступление в то время, как неприятель подходит к укреплению»[95].

Особенно большое значение в создании активной обороны, согласно теории Теляковского, должна была иметь активная минная война — положение по тем временам новое, поскольку оборонявшийся ограничивался обычно лишь пассивным отражением подземного наступления противника. Предвидя, что в новых условиях войны не только мощный огонь противника, но и усиленная система подкопов «сделаются главным средством атаки», Теляковский требовал решительных сдвигов в направлении активизации минного искусства[96].

Все эти основные положения своей теории Теляковский достаточно четко сформулировал в выводах из специальных глав в обеих частях своего труда, посвященных проблемам фортификации в современных ему условиях войны и озаглавленных «Правила новейшей фортификации»[97].

Теляковский был убежден, что, по претворении этих положений в жизнь, несмотря на усилившиеся средства нападения, фортификация представит «неистощимые средства к обороне мужественному гарнизону, управляемому распорядительным и энергически деятельным комендантом»[98]. Мало того, в этом случае «и вся оборона должна изменить свой осторожный, отрицательный (пассивный.— *И. Б.*) характер: при сильном гарнизоне, при больших промежутках между линиями отдельных пристроек и между самыми пристройками она может обратиться в защиту

[91] А. З. Теляковский. Долговременная фортификация, стр. 271.
[92] Там же, стр. 149, 153 и др.
[93] Там же, стр. 172.
[94] Его же. Полевая фортификация, стр. 57.
[95] Его же. Долговременная фортификация, изд. 4-е, стр. 66.
[96] Там же, 1846, стр. 271—272.
[97] Его же. Полевая фортификация, 1848, стр. 133—134; см. также, изд. 4-е, стр. 125—126; Его же. Долговременная фортификация, 1846, стр. 93—95 и 325—326.
[98] Его же. Долговременная фортификация, 1846, стр. 160.

укрепленной позиции, почти в открытую битву, где и обороняющийся всегда готов перейти в энергическое наступление» [99].

Таким образом, по мнению Теляковского, новая система глубоко эшелонированной обороны из нескольких линий опорных пунктов, связанных между собой цепью вспомогательных укреплений, должна вызвать превращение прежней «осады» в «открытую битву» обеих сторон с равными шансами на переход от обороны к наступлению и обратно. Так, передовая теория Теляковского позволяла ему угадывать контуры будущей позиционной войны, призванной сменить традиционную «осаду» на новом этапе развития военного дела. Собственно говоря, практическая ценность этой теории как раз и заключалась в том, что она давала идейное направление созданию необходимых предпосылок для перехода к позиционной войне. Как известно, Крымская война, где впервые теория Теляковского была применена на практике его учениками и последователями, явилась, между прочим, первой в мире войной, где ясно проявились некоторые важные элементы позиционной войны будущего. В этом наглядно сказался характер последнего этапа мануфактурного периода войны,— этапа, носившего уже в себе отдельные, постепенно развивавшиеся элементы следующего, машинного периода войны.

В своей работе Теляковский впервые показал серьезную роль морального фактора в военно-инженерном деле. «Неподвижные, мертвые массы укреплений тогда только составляют «крепость» в полном значении слова, когда в них находится гарнизон,— напоминал он.— В числительной соразмерности гарнизона с обширностью крепости и в его нравственной силе заключается главное основание энергии и полного развития оборонительных действий» [100]. С такой высокой оценкой морального фактора тесно было связано у Теляковского требование гуманного отношения на войне к мирному населению, выразившееся, например, в осуждении бесприцельного «бомбардирования (городов.— *И. Б.*), как средства жестокого и бесчеловечного» [101].

Другой характерной чертой, отличавшей работу Теляковского от прежних произведений подобного рода, было включение им в свою книгу, впервые в теории фортификации, специального раздела «О военных сообщениях», где особенно подробно разбирались вопросы устройства и эксплоатации дорог и переправ, получивших особенно большое значение в новых условиях войны с ее массовыми армиями и более сложной техникой.

Работа Теляковского была проникнута чувством патриотизма, чувством законной гордости за героическое прошлое своей Родины, за ее славную военную историю. Он напоминал о том, что эффективность системы отдельных укреплений была открыта и доказана на практике Петром I [102]. Он отмечал приоритет русских в применении упрощенной системы полевых укреплений для спешного укрытия артиллерийских батарей на поле боя в 1813 г. под Бауценом, а также в создании оборонительных башен особого типа, прославившихся своими высокими боевыми качествами [103], и т. д. Работа Теляковского изобилует примерами из русской военной истории, что выгодно отличает ее от большинства военных учебников, изданных в николаевской России.

Критический подход к военно-теоретическому наследству Запада и серьезное изучение русской военной истории позволили Теляковскому

[99] А. З. Теляковский. Долговременная фортификация, 1846, стр. 326.
[100] Там же, стр. 294.
[101] Там же, стр. 278—279.
[102] Там же, стр. 166.
[103] Там же, стр. 119—120.

создать не только наиболее передовую тогда теорию фортификации, но также и наиболее содержательную для того времени историю этого предмета, так что он может по праву считаться одним из выдающихся историков фортификации.

Крупные научные достоинства труда Теляковского обеспечили его книге высокую оценку и большую популярность среди современников, которые справедливо гордились этой работой как серьезным шагом вперед в области теории и истории фортификации. «Это сочинение,— говорилось в одной из рецензий на труд Теляковского,— смело можно поставить в число произведений оригинальных, самобытных, стоящих в уровень с современным состоянием науки и (военного.— *И. Б.*) искусства» [104]. «Под влиянием особенностей географических и политических образовалась у нас, при самостоятельном развитии военной части, своя русская школа инженеров, во многом отличная от всех школ европейских и уже готовая выдержать смело сравнение с ними»,— отмечал другой рецензент [105]. Книгу Теляковского, по отзывам современников, «знали все грамотные военные люди..., книгу эту можно найти во всех общественных библиотеках в нашем отечестве» [106].

Работа Теляковского получила столь громкую известность в военных кругах, что была переведена и издана во Франции, Пруссии, Швеции и Испании, вызвав оживленную полемику в европейской военной печати. Иностранные рецензенты писали о том, что «в сочинении этом нельзя не заметить стремления двинуть науку вперед, пользуясь фактами, извлеченными из русской военной истории и основываясь на опыте, не заимствованном от соседей» [107]. Впрочем, большая часть иностранных рецензентов именно в «оригинальности» труда Теляковского и видела основной его недостаток.

Изданный в 1884 г. сборник рецензий на работу Теляковского [108] наглядно свидетельствует о популярности этого труда и о том, что автор его был не только оригинальным мыслителем, но и выразителем взглядов определенной части прогрессивно настроенных военных кругов, с восторгом встречавших каждое новое издание этой книги.

Сам Теляковский критерий правильности своей теории видел в боевой практике на полях сражений под Севастополем в ходе Крымской войны. В последних изданиях своей работы, вышедших 1855 и 1856 гг., он с удовлетворением отмечал правильность своих выводов относительно неизбежности определенных сдвигов в области фортификации в новых условиях войны. Так, он указывал, например, что в ходе обороны Севастополя «на тех пунктах, где выстроены отдельные укрепления, осаждающие, в продолжение 7-ми месяцев, несмотря на все громадные усилия, которым нет примера в военной истории, не могли подойти ближе 100 саженей к этим укреплениям» [109]. В другом случае, проводя в жизнь принцип активизации минной обороны, русские «минеры не только удержали неприятеля до конца осады, но отогнали его назад, овладев его главной галлереей на 11 саженей», в результате чего «французы бесполезно трудились под землею около 8 месяцев» [110].

---

[104] «Северная пчела», 1846, № 138.
[105] Там же, 1847, № 65.
[106] «Воспоминания об учебной и ученой деятельности А. З. Теляковского», СПб., 1884, стр. 110.
[107] «Военный журнал», 1853, № 3.
[108] «Воспоминания об учебной и ученой деятельности А. З. Теляковского».
[109] А. З. Теляковский. Долговременная фортификация, 1855, стр. 87.
[110] Там же, стр. 326 и 334.

Крымская война полностью доказала правильность теоретических положений Теляковского. Работа его получила поистине всемирное признание. «Школа, образующая таких теоретиков, как Теляковский, и таких практиков, каковы Тотлебен и Мельников, по справедливости должна назваться первою в Европе»,— указывалось в одном из немецких журналов [111].

Однако передовая теория фортификации Теляковского была встречена в штыки рутинерами из царского окружения, усмотревшими в ней орудие прогрессивно настроенных военных деятелей России, за реорганизацию русских вооруженных сил в буржуазном духе. В 1864 г. в ходе борьбы сторонников буржуазных реформ с крепостниками стараниями этих рутинеров учебник фортификации Теляковского, ставший всемирно известным, был забракован и изъят из преподавания в военно-учебных заведениях как... устаревший. Его заменили «Курсом фортификации» Ф. Ф. Ласковского и Н. П. Болдырева, составленным в стиле «классических» учебников фортификации XVIII в.

Этот курс был подвергнут уничтожающей критике самим Теляковским в специальной статье, помещенной им в «Еженедельных прибавлениях к «Русскому Инвалиду»». Здесь Теляковский выступил против «схоластической методы» нового учебника, заставлявшего «воспитанников заучивать голые названия на память», т. е., другими словами, зубрить изжившие себя каноны фортификации. При этом Теляковский еще раз подчеркнул порочность догматизации устаревших положений фортификации, указывая на то, что «как в полевой, так и в долговременной фортификации правил точных и положительных очень немного: применение их по бесчисленному разнообразию местности и обстоятельств бесчисленно» [112]. Основным же пороком нового учебника он признал то, что здесь почти не указано влияние, которое введение «нарезных огнестрельных орудий должно иметь на общее и частное расположение укреплений» [113]. Обоснованная критика Теляковского привела к изъятию из преподавания указанного курса, замененного, впрочем, другим, нисколько не уступавшим предыдущему в рутинерстве.

Теляковский вскоре вынужден был выйти в отставку и навсегда покинуть свое военно-педагогическое поприще. Имя его, однако, продолжало оставаться весьма популярным в русской армии, и каждый новый юбилей приносил ему множество восторженных поздравлений из среды передовой части русского офицерства. В 1884 г., когда 78-летний Теляковский справлял 60-ю годовщину своей службы в офицерских чинах, ему поднесли стихи со справедливым посвящением: «Дедушке русской фортификации».

Отражая взгляды царского окружения, ополчившегося против передовой теории Теляковского, дворянская военная историография положила немало усилий, чтобы умалить значение Теляковского в истории русской военной мысли, замалчивая его теоретическую деятельность и раздувая славу Тотлебена, несмотря на то, что последний открыто признавал себя простым учеником Теляковского. «Я ничего нового не создал,— писал Тотлебен Теляковскому,— я только, Аркадий Захарьевич, проводил Ваши идеи в жизнь» [114].

---

[111] «Военный журнал», 1856, № 10.

[112] «Воспоминания об учебной и ученой деятельности А. З. Теляковского», стр. 101.

[113] Там же, стр. 94.

[114] «Вестник Военно-инженерной Краснознаменной Академии РККА», 1945, вып. 39, стр. 21.

Только благодаря трудам советских военных историков Теляковскому отведено в истории русской военной мысли место, соответствующее его выдающимся заслугам [115].

Следующим из наиболее выдающихся передовых русских военных теоретиков 30—50-х годов XIX в. выступил полковник Ф. И. Горемыкин. Его «Руководство к изучению тактики в начальных ее основаниях и практическом применении», изданное в 1849 г., было не только хорошим учебником по тактике, но и серьезным теоретическим трудом, успешно решавшим назревшие тактические вопросы того времени.

В своей работе Горемыкин прежде всего решительно отвергает попытки реакционных военных теоретиков протащить в теорию тактики «вечные и неизменные» принципы военного искусства. «Невозможно и бесполезно давать... постоянные, определительные и безусловные правила,— пишет он по поводу попыток такого рода.— Разнообразие случаев, к которым их надобно применять, ниспровергает всякую неизменную форму, не только созданную умозрительно, но даже почерпнутую из практики» [116]. На правила тактики, говорит он в другом месте, «надобно смотреть не как на законы, всюду и неизменно исполняемые, а только как на общие мысли, как на указания, в духе которых должны быть на самой практике делаемы соображения; исполнение же этих соображений, смотря по различию случаев, может и должно изменяться до бесконечности» [117].

Выступая против «вечных» принципов, Горемыкин указывает на тесную связь теории с практикой, правильно решает вопрос о соотношении между ними и особенно подчеркивает большое значение теории как идейной, направляющей боевую деятельность, силы. Правила тактики, читаем мы у него, «имеют силу только современную. Возникая из опыта, они могут держаться только до тех пор, пока опыт их не изменит: какое-нибудь новое изобретение в оружии может изменить и строй, и способ действия войск..., из этого возникнут новые элементарные правила и будут опять служить руководством до нового изменения» [118]. Поэтому, заключает автор, «пора отстать от тяжелых и странных форм, в которые ученость военная иногда облекалась: неудобоприменимые умствования теорий, ни на какой практике не основанные, вталкивали военные науки в круг кабинетных умозрительных занятий и тем удаляли от них массу военных людей». Военная теория, по его убеждению, должна «ограничиваться верными идеями, взятыми из практики и приспособленными к практике» [119].

С другой стороны, Горемыкин убедительно доказывает вред недооценки роли военной теории для развития военного искусства, проявлявшейся в попытках отдельных военных теоретиков подменить теоретическое обобщение явлений военной истории эмпирическим описанием исторических фактов. По его мнению, «исторический способ изучения», как он называет попытки такого рода, «без пособия хорошей теории, как обратно, теория без исторического развития, равно недостаточны» [120].

Правильное разрешение Горемыкиным указанных вопросов позволило ему глубже осветить конкретные проблемы тактики, чем это сделали многие военные теоретики того времени. Много способствовал этому

---

[115] Из истории русского военно-инженерного искусства. Сборник статей. М., 1952.

[116] Ф. Горемыкин. Руководство к изучению тактики в начальных ее основаниях и практическом применении, ч. 2, СПб., 1849, стр. 2.

[117] Там же, стр. V.

[118] Там же, стр. VI.

[119] Там же, стр. VIII.

[120] Там же, стр. IX—X.

также принципиальный отказ Горемыкина от искусственного разделения тактики на «чистую» и «прикладную», что имело место у Веймарна и Медема, и принятие им «за основание разделения и всей системы курса того последовательного порядка, в котором на самой практике идет устройство и образование войск, начиная от учебных элементарных подробностей до употребления их в действительном бою» [121].

Горемыкин сумел дать наиболее содержательное для того времени определение понятий стратегии и тактики, а также верно решил вопрос о взаимоотношении между ними, подчинив тактику стратегии, как составную часть последней. Если, писал он, «стратегия дает войскам общее направление, сообразно с принятым планом войны, и решает, где и с какой целью они должны вступить в непосредственное столкновение с неприятелем», то тактика «составляет в общей науке войны часть, которая имеет в виду исследование лучшего состава войск, их устройства, вооружения, строя, движения и действий в бою, как в частях, так и в совокупности» [122].

Центральное место в работе Горемыкина занимает исследование характера современного ему боя и прежде всего теоретическая разработка принципа взаимодействия частей расчлененного боевого порядка, что имело первостепенное значение для боевой практики. Здесь обращает на себя внимание глубокое понимание автором особенностей современной ему войны, не сводившейся уже более к одному только генеральному сражению. Рассматривая сражение как «решительнейший акт войны», Горемыкин в то же время указывает, что «сражение, сколько бы важно оно ни казалось, не всегда составляет последнюю развязку всякой войны. Обыкновенно кампания состоит из нескольких сражений, образующих последовательно разные ее эпохи» [123].

Наряду с усложнением всей войны в целом усложнилось и само сражение, как таковое. В отличие от сравнительно кратковременного столкновения армий, действовавших по принципам линейной тактики, оно стало распадаться «на несколько отдельных сражений, в которых разные части будут находиться в различных положениях: одни наступают безостановочно и имеют успех, другие задержаны на месте, еще не очистив себе дороги, иные отброшены назад; одни вступят уже в рукопашный бой холодным оружием, когда другие еще действуют огнем застрельщиков; в одно и то же время в иных частях действует кавалерия, в других пехота, в иных же идет обоюдная канонада» [124].

При таких условиях, подчеркивает Горемыкин, невозможно вывести «для сражений какие-либо общие правила, облеченные в постоянную, определительную форму: общее направление действий зависит от обстоятельств того именно места и времени, в которых бой происходит» [125]. Между тем, продолжает он, и в сложной обстановке современного боя последний «должен быть подчинен главной мысли путем сохранения единства действий различных частей и разных родов войск сообразно с общей целью» [126]. В связи с этим «в большом сражении, где действуют большие массы на значительном пространстве, на местности разного рода, успех более, нежели где-нибудь, зависит от точных и обстоятельных распоряжений», на основании которых «каждый частный начальник уже

[121] Там же, стр. II.
[122] Там же, стр. I—II.
[123] Там же, ч. 3, СПб., 1849, стр. 129—130.
[124] Там же, стр. 152—153.
[125] Там же, стр. 186.
[126] Там же, стр. 140 и 152.

может действовать, соображаясь как со своим положением, так и с общей целью, и с положением других частей» [127]. Одновременно требовалась более основательная подготовка сражения, в частности, «возможно более основательный сбор данных о противнике для построения на последних своих действий» [128].

Сложность хода сражения и особенно резкое усиление эффективности артиллерийского и ружейного огня заставили Горемыкина поставить вопрос о необходимости более глубокого эшелонирования боевых порядков, а также вопрос о возросшем значении резервов [129]. Теми же причинами объясняется требование им «ближайшего приноровления к местности общего направления атаки, распределения войск и построения боевого порядка» [130]. Вопросы применения действий войск к местности Горемыкин разбирает с особенной тщательностью, посвятив им не менее половины объема своей работы. Соответственно возрастает в работе Горемыкина и роль рассыпного строя как вида строя, наиболее отвечающего требованию применения к местности. Вслед за Медемом, он выдвигает рассыпной строй на первое место, как строй наиболее целесообразный в современной ему боевой обстановке [131].

В этой связи представляет большой интерес и попытка Горемыкина поставить вопрос об унификации пехоты, разделявшейся тогда на линейную и легкую, поскольку основной недостаток сравнительно слабой застрельщичьей цепи, как единственной формы рассыпного строя, заключался в неспособности ее выдержать или нанести сильный штыковой удар. Подчеркивая зависимость организации пехоты от ее вооружения, Горемыкин указывает, что «доколе не было такого вооружения, которое заключало бы в себе одном средства к поражению неприятеля и огнем и в рукопашном бою,— не было и возможности устроить пехоту одинаково»; теперь же, с прогрессом в области вооружения, деление пехоты на линейную и легкую становится устаревшим, и «самое совершенство пехоты определяется ныне тем, чтобы один род без затруднения мог служить за другой» [132].

Разрешение проблемы унификации пехоты стало возможным на практике только с распространением нарезного оружия в массовом масштабе. Тем не менее эта попытка Горемыкина имела важное теоретическое значение, поскольку она затрагивала вопросы перехода к тактике стрелковых цепей, немыслимой без унификации пехоты.

Другими положительными элементами работы Горемыкина являются отстаивание им принципа активности обороны, полная поддержка передовых воззрений Теляковского в области теории фортификации и серьезная разработка вопросов, связанных со значением на войне морального фактора. Моральному фактору Горемыкин уделяет большое внимание. Отмечая его крупную роль на войне, он подчеркивает, что «военный дух не может возродиться вдруг, сам собою, а должен быть плодом предшествовавшего воспитания войск в мирное время», чему немало способствует сознательная дисциплина, основанная «не на опасении взысканий, но на чувстве долга, присяги и чести» [133].

Обосновывая необходимость систематической и целенаправленной

---

[127] Ф. Горемыкин. Указ. соч., ч. 3, стр. 133—134.
[128] Там же, стр. 134.
[129] Там же, стр. 115.
[130] Там же, стр. 105.
[131] Там же, ч. 2, стр. 19.
[132] Там же, ч. 1, стр. 2—3 и 33.
[133] Там же, ч. 3, стр. VI.

боевой подготовки войск, а также их соответствующего воспитания, основанного не на бессмысленной муштре, а на сознательной дисциплине, Горемыкин выступал против увлечения плацпарадностью и стремления рассматривать армию как бездушный механизм. «Нужно,— утверждал он,— смотреть на войска не как на механические орудия, не как на фигуры, набросанные на плане, но как на живые, действующие силы, имеющие различные свойства» [134]. Следует отметить, что еще ни один военный писатель того времени не протестовал столь решительно против наиболее порочных сторон николаевской военной системы. В этом своем протесте Горемыкин, естественно, опирался на передовые положения суворовско-кутузовского теоретического наследства, подчеркивая, например, несовместимость муштры и принципа автоматизма с выработкой столь необходимого на войне «глазомера» или, как он его называет, «верного военного взгляда» [135].

Не останавливаясь подробно на недостатках работы Горемыкина, имеющих сравнительно второстепенное значение и вполне понятных для того времени [136], можно вполне оценить ее как наиболее передовое и содержательное произведение того времени в области теории тактики, значительно обогатившее военную теорию в целом.

Медем, Языков, Милютин, Теляковский и Горемыкин были наиболее крупными, ведущими представителями передового направления в русской военной мысли 30—50-х годов XIX в. Их работы сочувственно встречались прогрессивно настроенной частью русского офицерского корпуса и оказывали значительное влияние на работы других военных теоретиков России и Западной Европы.

Теоретическая деятельность Медема, Языкова, Милютина, Теляковского и Горемыкина объективно была направлена против николаевской военной системы, требуя перехода к буржуазным военным реформам, проведение которых впоследствии не случайно было возглавлено именно одним из них — Милютиным. Понятно, что официальные военные круги царской России не хотели мириться с этим. Стремясь принизить теоретическую ценность трудов передовых военных деятелей, они противопоставили последним широко разрекламированные работы Богдановича и Карцова.

Профессор Военной Академии М. И. Богданович выпустил в 1847 г. свою работу, носившую название «Записки стратегии. Правила ведения войны, извлеченные из сочинений Наполеона, эрцгерцога Карла, Жомини и других военных писателей».

Подробно рассматривать содержание этой работы не имеет смысла, ибо она представляет собой простой сборник высказываний западных авторитетов в области военной теории, к которым Богданович дает краткие комментарии. Замысел подобного рода книги в виде хрестоматии кажется, на первый взгляд, весьма странным, особенно если учесть, что за 10 лет до ее издания появилось «Обозрение известнейших правил и систем стратегии» Медема, где все эти высказывания были подвергнуты убийст-

---

[134] Там же, ч. 3, стр. IX.

[135] Там же, стр. IX—X.

[136] Например, неверный взгляд его на причины перехода от линейной тактики к тактике колонн и рассыпного строя, представлявшегося ему результатом слабой строевой подготовки массы волонтеров французских революционных войск 90-х годов XVIII в.; очень слабыми оказались у него также разделы об обороне рек и переправах через них, об амбаркациях и десантах и о войне в горах, явившиеся почти дословным повторением соответствующих разделов работы Веймарна со всеми недостатками последней, и т. д.

венной критике. Но Богданович не случайно занялся составлением именно хрестоматии. В предисловии к ней он прямо писал: «Главная заслуга моя состоит в точном и по возможности сжатом объяснении главных правил, предложенных лучшими военными писателями... Предлагая читателям труд мой, остаюсь в надежде, что правила и мысли о ведении войны Наполеона, эрцгерцога Карла, генерала Жомини и других светильников науки обратят на себя внимание моих сослуживцев»[137]. Таким образом, хрестоматия Богдановича имела целью подавить авторитетом западных «светильников науки» новаторство передовых русских теоретиков в области военной мысли.

Следовательно, если работа Медема была попыткой двинуть вперед развитие военной теории, убрав с ее пути мешающие этому развитию «абсолютные системы» устаревших военных теорий Запада, то хрестоматия Богдановича поднимает последние на щит и снова пытается втиснуть военную теорию в рамки порочных догм. Автор хрестоматии предстает перед нами как ярый защитник прогнившей николаевской военной системы, как рутинер в области военной теории.

«Записки стратегии» Богдановича являются единственной его крупной работой в области военной теории. В дальнейшем Богданович выступал в основном как военный историк, являясь одним из видных представителей реакционного направления дворянской военной историографии России.

Учебник тактики полковника Карцова вышел в свет в 1850—1852 гг., т. е. буквально на следующий год после «Руководства к изучению тактики» Горемыкина. Новый учебник призван был немедленно заменить работу Горемыкина в качестве учебного пособия по тактике в военно-учебных заведениях.

Под предлогом приспособления к уровню развития слушателей Карцов, в отличие от Горемыкина, сосредоточил свое внимание в учебнике не на разработке теоретических основ тактики в современных условиях войны, а на «аналитическом разборе главных, основных статей устава»[138]. Выпуская учебник тактики в форме комментариев к уставам, Карцов надеялся направить изучение тактики в русло зазубривания уставных положений и отвлечь внимание юнкеров и офицеров от передовых мыслей Медема и особенно Горемыкина, значительно расходившихся с духом николаевских уставов.

Первая часть учебника Карцова посвящена в основном рассмотрению построений и перестроений войск в определенных уставами видах строя. При этом, в соответствии с содержанием николаевских уставов, особое внимание уделяется развернутому строю, несмотря на то, что последний представлял уже собой явный анахронизм. Действия войск в развернутом строю трактовались Карцовым полностью в духе линейной тактики. «При движении развернутого строя вперед или назад,— писал он, например,— весь батальон равняется и держится к средине, стараясь сохранять как равнение по всей линии фронта, так и сомкнутость в рядах. Для этого все люди должны держать плечи совершенно верно, итти каждый прямо по линии, перпендикулярной к общему фронту и делать шаги одинаковой величины»[139]. Даже в бою, требует Карцов, «при наступлении или отступлении боевого порядка необходимо соблюдать общее равнение батальонов в каждой линии и верно сохранять интервалы между батальо-

---

[137] М. И. Богданович. Записки стратегии..., СПб., 1847, Предисловие.
[138] Карцов. Тактика, ч. 1, СПб., 1850, стр. 1.
[139] Там же, стр. 26.

нами»[140]. Такие высказывания можно было бы принять за отрывки из фридриховских наставлений времен Семилетней войны, но они подкреплялись ссылкой на «авторитетный» источник, а именно на соответствующие параграфы действующих военных уставов.

Проводя сравнение устаревшего развернутого строя с рассыпным, Карцов находит, что «огонь из рассыпного строя хотя меток, но не так част, как огонь развернутого строя и потому не может совершенно заменить его»[141]. Здесь он опять оперирует устаревшими понятиями времен господства линейной тактики, когда частая беcприцельная пальба служила залогом успеха в бою, не замечая того, что прогресс в области вооружения позволял уже теперь сочетать быстроту заряжения с меткостью огня. При рассмотрении современного ему боя с точки зрения требований линейной тактики Карцов усматривает главный недостаток рассыпного строя в том, что здесь «теряется надзор начальника» и вообще «не так удобно командовать»[142]. Таким образом, он видит в армии «механизм, подчиняющийся единой команде», хотя это в корне противоречило самому духу тактики колонн и рассыпного строя. Невзирая ни на какие изменения в условиях боя, Карцов упрямо продолжает требовать, чтобы «батальоны в боевом порядке, как в боевых линиях, так и в резерве», были «распределены таким образом, чтобы каждый частный начальник (полковой, бригадный или дивизионный командир) имел свою часть под рукою и мог бы ею удобно командовать[143].

Вторая часть учебника целиком посвящена описанию «нормальных» шаблонных боевых порядков, раз и навсегда определенных николаевскими уставами. При этом, если у Горемыкина подчеркивается относительность так называемых «нормальных боевых порядков», как общего исходного положения, то Карцов, наоборот, требует «приучить к этому порядку войска точно так, как приучены люди каждой части к расчету того или другого строя»[144]. Если Горемыкин выдвигает на первый план проблему применения построений и действий войск к местности и обстоятельствам, то Карцов, наоборот, требует, независимо от местности, «строиться в тот из боевых порядков, который ближе всего соответствует протяжению фронта избранной позиции»[145].

Несмотря на порочность учебника Карцова и на явное превосходство над ним работы Горемыкина, он был высоко оценен официальными военными кругами царской России и рекомендован ко второму изданию. В ноябре 1853 г. была утверждена к печати, а весною 1854 г. выпущена вторым изданием первая часть этого учебника. Ее сочли возможным выпустить без каких-либо существенных изменений, хотя ценный боевой опыт Дунайской кампании 1853—1854 гг. давал уже материалы, полностью опровергающие основные положения учебника.

Однако при переиздании в 1855 г. второй части учебника нельзя уже было игнорировать далее боевой опыт Крымской войны. Поэтому ей был предпослан особый раздел под заглавием «Перемены и дополнения к 1-й части», где Карцов признал, что нарезное оружие «теперь приобрело такое превосходство над оружием гладкоствольным, что сие последнее без всякого сомнения должно выйти из употребления»[146], что «при

[140] Там же, стр. 164.
[141] Там же, стр. 75.
[142] Там же.
[143] Там же, стр. 161.
[144] Там же, ч. 2, стр. 8.
[145] Там же, изд. 2-е, СПб., 1855, стр. 1.
[146] Там же, стр. 1.

нынешнем устройстве ручного огнестрельного оружия, огонь рассыпного строя получил большую действенность и силу» [147], и «в настоящее время даже и при действии больших сил огонь стрелковой цепи и успешное ее наступление приобрело первостепенную важность и решительное влияние на общий ход боя» [148].

Однако эти справедливые замечания автора о несостоятельности основных теоретических положений собственного учебника повисли в воздухе, и Карцов ограничился лишь изменением данных о дальнобойности ружейного огня и внесением незначительных поправок во второстепенные параграфы. Основное же содержание этой части учебника и ее структура остались старыми. В 1859—1860 гг. обе части этого учебника вышли третьим изданием. В этом издании Карцов сделал шаг назад даже от тех положений, которые были им же декларированы в «Переменах и дополнениях к 1-й части» второго издания. Он взял под сомнение возможность «всеобщего распространения нарезного оружия», поскольку «оружие это требует такого тщательного обращения с ним и такого искусства в стрельбе, до которого всю массу пехоты довести невозможно» [149]. В том же духе высказался он и относительно массового обучения войск действием в рассыпном строю [150]. Другими «вескими» доводами против широкого применения нарезного оружия Карцов считал несколько больший вес его пуль, позволяющий стрелкам брать с собой всего лишь $^2/_3$ прежнего комплекта, а также опасение, что вооруженная дальнобойным нарезным ружьем пехота будет открывать преждевременный огонь и бесполезно расходовать свой боезапас [151].

Отсюда Карцов делал вывод о сохранении первостепенного значения гладкоствольного оружия и о незыблемости старых форм действий войск в сомкнутых построениях. Поэтому он попрежнему требовал «строго взыскивать за потерю сомкнутости и равнения», обязательно «заставлять людей итти в ногу», «строго запрещать колонне стрелять», так как это дело застрельщичьей цепи, и т. д. Но и застрельщичья цепь должна была, по мнению Карцова, действовать «соблюдая равнение и все правила, для наступления в сомкнутом строе предписанные» [152].

Убежденный крепостник, Карцов не верил в возможность перехода от прямых команд к системе приказаний на основе донесений с поля боя, высказывая опасение, что без непосредственного надзора офицеров у солдат появится «упадок нравственных сил», и они «будут находить повод уклоняться от исполнения подаваемых сигналов» [153]. Это соображение служило Карцову еще одним доводом в пользу сохранения сомкнутых построений. Карцов утверждал, что Крымская война не представила еще якобы данных для изменения «установившихся» принципов тактики [154]. Примеры для подтверждения последних он предпочитал брать из опыта войн конца XVIII — начала XIX в.

Выход в свет третьего издания учебника Карцова вызвал возмущение среди передовой части русского офицерского корпуса, отдельные представители которого протестовали против использования данной работы

---

147 Карцов. Тактика, изд. 2-е, стр. 16.
148 Там же, стр. 17.
149 Там же, ч. 1, изд. 3-е. СПб., 1859, стр. 13.
150 Там же, стр. 17.
151 Там же, стр. 14—15.
152 Там же, стр. 18—19, 55—56 и 86.
153 Там же, стр. 90.
154 Там же. стр. 95, 282 и др.

в качестве учебного пособия для подготовки командных кадров, упрекая ее автора в теоретической отсталости и в вопиющих противоречиях с опытом недавней войны.

Наиболее развернутую и уничтожающую критику этой работы дал один из выдающихся передовых русских военных теоретиков того времени А. И. Астафьев, выступивший в 1861 г. со второй частью своего известного труда «О современном военном искусстве».

Прежде всего Астафьев обвинил Карцова в непонимании того обстоятельства, что массовое распространение нарезного оружия открыло в военном искусстве новую эпоху, существенно отличную от прежней. «Генерал-майор Карцов,— писал он,— изображая недостатки ручного нарезного оружия перед гладкоствольным, как бы сравнивает их, тогда как о гладкоствольном ружье ныне не должно быть и помину, как об онаграх, пращах и стрелах, потому что они отжили свое время» [155]. Наглядно показав вздорность доводов Карцова против нарезного оружия [156], Астафьев подверг критике недооценку им личных качеств русского солдата и потребовал отбросить «старое понятие» о том, что «нельзя получить удовлетворительных войск без предварительного долгого обучения», ибо, по его словам, «следуя этим принципам, ныне ни одно государство не в состоянии будет себя обеспечить» [157].

Особенно возмущала Астафьева переоценка Карцовым изживших себя форм сомкнутых построений войск в виде колонн и развернутого строя. «Правила тактики о развернутом строе,— пишет он,— дают все шансы противнику, потому что мы, производя хотя частую и сильную пальбу, даем ему возможность сосредоточить свои выстрелы в плотную массу нашего развернутого фронта. Теперь все споры о трехшереножном и двухшереножном строе, по неприменимости его к современному образу действий, должны окончиться», ибо расположенные в таких построениях войска «могут быть уничтожены в 5 минут незримым неприятелем с дистанции 1200 шагов» [158].

Астафьев заявлял, что он «безусловно отвергает» все без исключения разделы учебника Карцова, посвященные тактике кавалерии, «как неприменимые к современной коннице», и указывал, что Карцов рассматривает «кавалериста как кентавра, которого нельзя отделить от лошади и который не может спешиваться» [159]. Он уличал также Карцова в игнорировании факта распространения дальнобойных нарезных орудий и в сохранении им в своем учебнике старых шаблонов расположения артиллерийских батарей на открытых позициях вблизи от противника. «Ныне с такою артиллерией против частого штуцерного огня,— писал он,— можно осуществить пословицу «стрелять из пушек по воробьям», в особенности ежели сравнить с воробьями рассыпанных в бою стрелков, которые дадут себя помнить такой смелой артиллерии» [160].

Протестовал Астафьев и против стремления Карцова выработать в духе николаевских уставов готовые рецепты действий на все случаи боевой обстановки. Карцов, писал он, «дает правила на каждый случай и местный предмет, представляет даже планы всех случаев. Неужели начальник отряда нуждается в таких правилах?» — справедливо спраши-

---

[155] А. Астафьев. О современном военном искусстве, ч. 2. СПб., 1861, стр. 128.
[156] Там же, стр. 129.
[157] Там же, стр. 45.
[158] Там же, стр. 137 и 232.
[159] Там же, стр. 202—206.
[160] Там же, стр. 180.

вал критик. «Тактика,— по мнению Астафьева,— должна дать общие правила», а исполнение предоставить частному начальнику: «он сам будет знать, когда употребить ту или иную эволюцию» [161].

Из всего этого Астафьев делает вывод: «Я заключаю, что даже и самые опыты войны не имели никакого влияния на правила его (Карцова.— *И. Б.*) тактики. Автор предлагает и в наше время то, что мы лет 20 тому назад с ним некогда изучали» [162].

Развернутая и убедительная критика Астафьевым учебника Карцова наглядно показывает, что опыт Крымской войны был серьезно учтен в передовых офицерских кругах русской армии. Боевая практика Крымской войны полностью подтвердила правоту теоретических воззрений передовых деятелей русской военной мысли 30—50-х годов XIX в.

Передовое направление русской военной мысли середины XIX в. после банкротства николаевской военной системы в ходе Крымской войны нашло свое наиболее яркое выражение в упомянутой работе А. И. Астафьева «О современном военном искусстве». В этой работе А. И. Астафьев, обобщая опыт Крымской войны, как бы подводит итоги принципиального спора представителей передового и реакционного направлений русской военной мысли в 30—50-х годах XIX в.

Исходным пунктом всех теоретических положений работы Астафьева является категорическое утверждение автора о несовместимости старых норм и понятий военной теории с современными условиями войны. «Средства войны,— пишет он,— не были никогда в таких огромных размерах, как ныне. Прежнее военное искусство, по малому объему, не может вмещать современное войны: от того все бывшее сделалось несообразным с нынешним порядком вещей и вынуждает произвести преобразования в его правилах, касающихся войск и ведения войны» [163]. «Нам пора,— заявляет Астафьев,— перестать подражать действиям Наполеона, несообразным с условиями нашего времени» [164].

Прежде всего, по утверждению Астафьева, должна безвозвратно отойти в прошлое, как явно устаревшая, господствовавшая тогда тактика колонн и рассыпного строя. «Если предположим армию, вооруженную штуцерами,— читаем мы у него,— то несообразность прежних тактических правил всех родов войск становится очевидной... Расположение, движение и действие всех родов войск, как отдельно, так и в совокупности, должны измениться» [165].

«Действительность артиллерийского и штуцерного огня на далеком расстоянии,— развивает свою мысль Астафьев,— заставит теперь укрывать войска от выстрелов, выжидая благоприятного момента для перехода в наступление...; местность приобретает чрезвычайное значение; полевые укрепления... будут весьма важны. Увлеченный противник, предприняв атаку без предварительных предосторожностей, потеряет очень много» [166]. «Опасность заставит каждого или вкопаться в землю, или воспользоваться каким-нибудь местным предметом...» [167] Передвижение войск в сомкнутых построениях, продолжает он, на современном поле боя становится полностью невозможным: теперь «люди, пользуясь всяким удоб-

---

[161] А. Астафьев. Указ. соч., ч. 2, стр. 234—235.
[162] Там же, стр. 232.
[163] Там же, ч. 1. СПб., 1856, стр. XVIII.
[164] Там же, стр. 39.
[165] Там же, стр. 168.
[166] Там же, стр. 99—100.
[167] Там же, ч. 2, стр. 161.

ным моментом, перебегают быстро из закрытых мест в другие закрытые же места, или преодолевают пространство ползком, стараясь скрыть себя от поражения» [168].

Понятно, что при таких условиях не могло быть даже и речи о действиях войск в развернутом строе или колоннах: «рассыпной строй будет единственным противодействием современному огнестрельному действию» [169]. Поэтому «тактика должна изменить строй, отдавая все преимущества рассыпному перед колоннами. Рассыпать не только роты и батальоны, но даже целые полки и бригады. С этим придут изменения в боевом расположении и движениях войск, а также в их действиях» [170].

Итак, перебежки и самоокапывание стрелковых цепей, вот, по мнению Астафьева, единственные рациональные действия пехоты на современном поле боя. Таким образом, А. И. Астафьев, развивая соответствующие взгляды Медема и Горемыкина, теоретически разработал принципы новой тактики, тактики стрелковых цепей, в чем и заключается главнейшая его заслуга перед военной теорией.

Аналогичные сдвиги, утверждал Астафьев, должны были произойти также в тактике кавалерии и артиллерии. Рассредоточение боевых порядков этих родов войск и, возможно, более скрытное расположение в бою эскадронов и батарей являются единственным средством сохранить их личный состав от быстрого истребления «адским» огнем противника [171]. «Инженерное искусство, соображаясь с образом ведения современной войны..., должно будет также изменить средства и способы, употреблявшиеся доныне» [172].

Новая тактика требовала отказа от громоздкого снаряжения и пестрого обмундирования бойца. Поэтому Астафьев выступал за введение защитной одежды и более удобного в бою снаряжения войск [173]. Новая техника требовала хорошо подготовленного бойца. Поэтому Астафьев настаивал на коренной реорганизации в деле боевой подготовки войск. Указывая, что «на одиночное образование вообще до сих пор мало обращали внимания», он призывал покончить с фрунтоманией николаевских уставов и «заняться внимательнее... фехтованием, фланкированием, меткою стрельбою», обучением подразделений и частей правилам рассыпания в цепь и действия в ней. Учения и маневры должны были стать не «смотрами и парадами», а «репетицией к войне и бою» [174].

Новая тактика требовала, наконец, более сложных форм управления войсками, с одной стороны, и большей самостоятельности в действиях частей, подразделений и даже отдельных бойцов на поле боя, с другой. Усложнение тактических приемов и обширность поля сражения заставляют теперь командующего управлять ходом сражения через посредство своего штаба и подчиненных ему командиров частей и подразделений, на донесениях которых он основывает свои приказания. Роль штабов неизмеримо возрастает. Рассредоточение боевых порядков повышает требования к сметливости и инициативе младшего командного состава и рядовых бойцов. Поэтому Астафьев стоял за широкое развитие принципа инициативы и сознательного исполнения распоряжений свыше [175].

---

168 Там же, стр. 173.
169 Там же, ч. I, стр. 104.
170 Там же, стр. 167—168.
171 Там же, стр. 101—102, 217 и др.
172 Там же, стр. 219.
173 Там же, стр. 95—96.
174 Там же, стр. 98—99, 168—169, 172—173; ч. 2, стр. 140; гл. VIII и IX.
175 Там же, ч. I, стр. 198.

Однако эти проблемы не могли быть разрешены без существенного повышения уровня образования солдата и особенно офицера, а между тем с этим делом в николаевской армии обстояло плохо. Большинство офицеров производилось из полуграмотных дворян, поступавших в полки юнкерами и проходивших там короткую стажировку. Да и военно-учебные заведения, где царили муштра и рутина, оставляли желать много лучшего в отношении качества выпускников. Все это заставляет Астафьева подробно заняться вопросом образования командного состава. Заявляя, что «военное искусство— главное условие победы — достигается образованием вождей и войск» [176], он детально разрабатывает новую программу обучения в военно-учебных заведениях, имея в виду расширить общий кругозор будущего офицера и дать ему более глубокое специальное образование [177]. Каждый офицер «должен быть универсально образованным человеком»,— утверждает Астафьев [178]. Особое внимание уделяет он проблеме образования офицеров Генерального штаба. В них, пишет он, «надобно видеть людей, из которых могут вырабатываться» будущие полководцы [179].

«Общее военное образование должно быть универсальным,— развивает Астафьев свою мысль о повышении уровня образования.— Для достижения этой цели военное образование до 14—15 лет должно быть гимназическое. За тем, в ком из воспитанников заметится стремление к какому-нибудь роду службы, назначать его для окончательного образования в то специальное заведение». Только тогда, заключает он, «можно надеяться иметь просвещенных военных людей, и специальность каждого рода службы будет достигнута совершенно» [180].

Как известно, буржуазная военная реформа в России пошла в этом отношении именно по данному пути, результатом чего явилось учреждение военных гимназий и т. д. Однако в царской России проблема существенного повышения образования командного состава вооруженных сил так и не была разрешена. Мечты Астафьева о всесторонне образованном и хорошо подготовленном офицерском корпусе явно опережали свое время.

Серьезное изучение Астафьевым опыта Крымской войны с ее колоссальным для того времени размахом театров военных действий, «огромностью способов и средств ведения войны, которым не представляет примеров мировая история» [181], приводит его к выводу о тесной связи войны с «политикой и государственным хозяйством» [182]. Протестуя против отрыва военной теории от конкретных условий экономики и политики, он заявляет, что именно «принципы политической экономии и государственного хозяйства... должны служить основанием военной науке, военному образованию и военной системе», ибо армия не есть просто «машина, которою ведется наступательная и оборонительная война; войско не составляет отдельной части от народа: оно живет тою же жизнью, как и народ, и... войну, в общем смысле ведет не армия, а государство» [183].

Правда, Астафьев идеалистически, ограниченно понимал сущность экономики и политики, даже не подозревая в них определенного классо-

[176] А. Астафьев. Указ. соч., ч. 1, стр. X.
[177] Там же, стр. 245—249.
[178] Там же, стр. 249.
[179] Там же, стр. 53.
[180] Там же, стр. 55—56.
[181] Там же, стр. 40—41.
[182] Там же, ч. 2, стр. 2, 12.
[183] Там же, стр. 4, 15 и 32.

вого содержания. Тем не менее сама постановка вопроса о связи войны с экономикой и политикой позволяет Астафьеву глубже и радикальнее, чем мы это видим в работах других военных теоретиков России и Запада того времени, наметить решение важных вопросов строительства вооруженных сил, ставших особенно актуальными в свете опыта Крымской войны, для ведения которой с обеих сторон потребовалась мобилизация колоссальных людских и материальных ресурсов.

Теперь, пишет Астафьев, как никогда раньше, стало ясно, что «ни в войсках, ни в армии, ни в военном искусстве невозможно достигнуть порядка и правильной системы, если будет беспорядок или ложные принципы в государственном хозяйстве: недостатки общественного устройства и управления будут неминуемо отражаться на войска и на армию, а следовательно, и на военное искусство» [184].

Между тем, по мнению Астафьева, именно «недостатки общественного устройства и управления» николаевской России и «делают прежнюю военную систему не соответствующей современным условиям»; поэтому «ее должно изменить в самом основании» [185]. Реорганизация строительства вооруженных сил России мыслится Астафьевым, как и другими передовыми русскими военными теоретиками того времени, в духе буржуазной военной реформы.

Прежде всего, настаивает Астафьев, должен быть решительно изменен принцип комплектования вооруженных сил России. Необходимо, пишет он, «согласить требования военные с экономическими, сократить по возможности число войск в мирное время, создать такую систему, которая бы при гораздо меньших издержках, нежели ныне, позволяла бы усвоить себе современную систему войны и... давала бы возможность повсюду защищаться». Другими словами, должен быть решен вопрос о том, «каким образом подготавливать законами всю массу народа к войне, не отнимая рук от полезного труда, источника богатства, от коего много зависит сила и средства государства в войне, и сделать военную силу более действительною, быстрою, легкою и менее дорогою для государства» [186].

Отсюда первая задача военной реформы, по мнению автора, должна состоять в «возможном сокращении наличного числа войск и подготовлении народонаселения к войне» [187], чего, в свою очередь, нельзя было решить без «возможного сокращения срока военной службы и упрощения способов обучения войск» [188]. Феодально-кастовая армия николаевского времени, сильно обременявшая хозяйство страны своей сравнительной многочисленностью в мирное время и неспособная развернуть свои силы, ввиду отсутствия необходимого количества обученных резервов, во время войны должна была быть заменена массовой буржуазной армией со сравнительно малочисленным кадровым составом мирного времени и с достаточным количеством обученных контингентов на время войны. Введение именно такой системы комплектования, основанной на принципе всеобщей воинской повинности, вместе с введением соответствующей этому принципу системы краткосрочной боевой подготовки войск и предлагает по сути дела Астафьев в своей книге [189].

---

[184] Там же, стр. 4.
[185] Там же, стр. 36.
[186] Там же, стр. 43.
[187] Там же.
[188] Там же, стр. 45.
[189] Там же, стр. 46.

В этом отношении Астафьев резко расходится во взглядах с николаевскими рутинерами типа Карцова, убежденными в том, что только длительный срок службы солдат делает армию дисциплинированной и боеспособной. Отстаивая свои требования в области комплектования и боевой подготовки армии, он доказывает, что крепость и боеспособность армии зависят не от долголетней муштры, а от «боевого духа» войск. «Воинский дух,— пишет он,— не есть принадлежность военного сословия, но должен быть принадлежностью всех сословий народа, из коего избирается армия, потому что, если нравственные начала, из каких возникает воинский дух, не укоренены в целом народе, т. е. во всем организме государства, войска сами едва ли могут приобрести его» [190]. Единственным средством поднять «воинский дух» автор считает правильную постановку дела воспитания солдат с целью изжить у них «чувства хищничества» и заменить их «чувством любви к отечеству», а также «развитыми понятиями о долге и чести» [191].

Другим важным моментом будущей военной реформы Астафьев считает «возможное уменьшение централизации в мирное время», особенно в деле снабжения войск [192]. Здесь сказывается учет им краха в новых условиях войны николаевской военной системы с ее до нелепости централизованным, громоздким и неповоротливым, бюрократическим аппаратом управления. Массовая буржуазная армия, в связи со значительным усложнением ее снабжения, а также управления ею, требует последовательной децентрализации в этой области.

Это соображение заставило, между прочим, Астафьева заняться детальной разработкой вопросов военной администрации. Задачи военной администрации как науки он видит в установлении «правил, на коих должны быть основаны все военные учреждения», а также положений, определяющих «их власть, цель, назначение, обязанности и отношения к другим, высшим и низшим, учреждениям», в выработке правил набора войск, а также правил, «обеспечивающих нормальное устройство армии, основываясь на соображениях стратегии и тактики», в определении, наконец, правил снабжения армии оружием, продовольствием и боеприпасами, а также правил, регламентирующих «все хозяйственные распоряжения, касающиеся войск в лагерях, в походе и на поле боя» [193]. При этом, продолжает автор, все эти «правила военной администрации должны проистекать из общих идей государственной администрации» [194]. Указывая, что военная администрация вполне «может изложиться в положительной науке», он требует обязательного введения ее в программу военно-учебных заведений России [195].

Астафьев не проводит еще четкой разницы между военно-административными вопросами и вопросами организации тыла. Тем не менее, его соображения в данном отношении представляют серьезный шаг вперед в деле разработки вопросов военной администрации как науки, поскольку он одним из первых обратил внимание на необходимость изучения этих вопросов в связи с очевидным усложнением данной страсли военной науки в процессе перехода к массовой буржуазной армии.

Таким образом, мы видим в труде Астафьева программу будущей буржуазной военной реформы, проходившей именно в указанных здесь

---

190 А. Астафьев. Указ. соч., ч. 2, стр. 8.
191 Там же, стр. 83.
192 Там же, стр. 47.
193 Там же, ч. 1, стр. 161—163.
194 Там же, стр. 157.
195 Там же, стр. 164.

направлениях. Это свидетельствует о том, что произведение Астафьева не было чем то случайным в области русской военной мысли того времени, а являлось выражением взглядов передовых военных кругов России в их борьбе со сторонниками сохранения феодально-кастовой армии. Обострение этой борьбы обусловило ту ожесточенную полемику, которая возникла на страницах русской печати в связи с выходом в свет книги Астафьева. Эта полемика продолжалась несколько лет подряд, и в ней принимал активное участие сам автор [196].

В работе Астафьева имеется еще целый ряд положительных моментов, в числе которых можно назвать, например, требование немедленного упразднения тяжелой кавалерии, которая «ныне не может иметь места на поле сражения» [197], указание на важность взаимодействия не только между отдельными родами войск, но и между армией и военно-морским флотом в целом, указание на важность продуманной «системы удобных путей сообщения», включая сюда грунтовые, железные и водные дороги, а также линий телеграфа и т. д. [198] В области военно-инженерного дела Астафьев твердо стоит на позициях Теляковского.

Особенное внимание обращает Астафьев на вопрос взаимодействия сухопутной армии с морским флотом в новых условиях войны, в частности, в связи с распространением парового флота. Указывая на то, что «ныне тесное соединение флота с сухопутными войсками для достижения успеха на войне необходимо и возникает из современных обстоятельств» [199], он посвящает целые главы своей книги описанию устройства и тактики соединений парового военно-морского флота, а также разработке теоретических положений, связанных с производством крупных десантов [200].

Работа Астафьева увлекает читателя целеустремленностью замысла и горячим патриотизмом. Желание видеть русскую армию самой передовой и могучей армией в мире красной нитью проходит через все содержание этой книги. Посвящая ее русской армии и флоту, автор напоминает о блестящих победах русских войск, связанных с именами Дмитрия Донского, Петра Первого, Румянцева и Суворова, которых он называет великими полководцами, и выражает уверенность в том, что, оправившись после потрясений Крымской войны, «русская армия пойдет по новому пути к просвещению» и, таким образом, займет подобающее ей место среди других армий мира [201].

Что касается недостатков работы Астафьева, то их условно можно разделить на две категории. К первой относятся ошибки и недочеты сравнительно случайного характера. Обобщая опыт Крымской войны, резко отличавшейся во многих отношениях от предыдущих войн, и сделав исключительно глубокие и верные выводы из этого опыта, Астафьев, естественно, не избежал и нескольких ошибочных заключений. Так, например, под впечатлением «адского» огня обеих сторон во время Севастопольской обороны он переоценил эффективность этого огня и объявил невозможным никакой иной вид атаки, кроме атаки в рассыпном строю кавалерии, покрытой латами из каучука и легкой стали [202]. В другом случае он

---

196 См., например, «Северная пчела», № 267, 1 декабря 1857 г.; № 62, 19 марта 1858 г.; «Отечественные записки» за февраль 1857 г.; «Сын отечества», 1857, № 1; «Морской сборник», за май 1860 г. и др.

197 А. Астафьев. О современном военном искусстве, ч. 2, стр. 125.

198 Там же, стр. 48.

199 Там же, стр. XI и 38.

200 Например, главы XI и XII 2-й части.

201 А. Астафьев. О современном военном искусстве, ч. 1, стр. IX—XI.

202 Там же, стр. 99—109.

считал излишним заблаговременную постройку крепостей, так как теперь якобы «постройка крепости, даже самой сильной, может производиться с открытием военных действий прямо из земли, что доказал наш Севастополь» [203]. Впрочем, надо отметить, что большинство ошибок такого рода, допущенных Астафьевым в первой части своей работы, он под влиянием критики признал и исправил во второй части.

Не понял Астафьев сущности и объема предмета военной географии, сделав в этом отношении шаг назад по сравнению с Языковым и Милютиным. Он отрицал целесообразность выделения военной географии с военной статистикой в особую науку, считая достаточным в этом отношении сведений из общей географии и статистики [204].

Более серьезный, принципиальный характер носят у Астафьева ошибки другой категории, органически связанные с идеалистическим мировоззрением автора. К ним относится, например, то, что Астафьев рассматривал прогресс в военном деле с чисто количественной стороны. «Военное искусство,— пишет он,— в основных своих идеях нисколько не изменилось, увеличились только средства уничтожения»: между древней пращой и современной винтовкой «различие только в дальности полета снаряда, но идея искусства осталась та же, как была за 2000 лет и более» [205]. Астафьев считает принципы военного искусства неизменными, подобно алгебраическим формулам, содержание которых меняется лишь в количественном отношении «при подстановке в них конкретных цифр» [206].

Идеалистическое мировоззрение Астафьева привело его к неудаче в попытке дать связный очерк развития основных моментов военного искусства. Как и всякая попытка «раскрыть причины упадков и возвышений в военном искусстве» с идеалистических позиций, она привела автора к вопиющим противоречиям с действительностью, а также с основными положениями его же собственной книги.

Идеалистическое мировоззрение привело Астафьева к ложному пониманию сущности и характера предстоящих буржуазных реформ в военном деле, ибо он считал, что «идеал современной армии, как всякую истину, можно создать только умозрением, выводя ее образец из своего духа — создавать же из фактов, значит подводить в зависимость дух от фактов, делать его рабом материи» [207].

Идеалистическое же мировоззрение привело Астафьева к неверному пониманию объема и соотношения понятий военной науки и военного искусства. Последнее он рассматривал как «низший отдел науки или ее технику», как «ремесло», как «применение правил науки к вещественным предметам» [208]. Отсюда у него наблюдалось некоторое злоупотребление словом «наука», выражавшееся в таких надуманных терминах, как «кавалерийская наука», «наука береговой обороны» и т. д. Впрочем, непонимание Астафьевым правильного соотношения этих понятий тем более извинительно для него, что, по словам Н. А. Булганина, «некоторые военные теоретики до сих пор отождествляют понятие военной науки с понятием военного искусства...» [209]. Правильно решить этот вопрос удалось только советской военной науке, считающей, что «военная наука является

---

[203] А. Астафьев. Указ. соч., ч. 1, стр. 151.
[204] Там же, стр. 222—241.
[205] Там же, стр. 70 и 73.
[206] Там же, стр. 75.
[207] Там же, ч. 2, стр. 59.
[208] Там же, стр. 9.
[209] Н. А. Булганин. 30 лет Советских Вооруженных Сил, М., 1948, стр. 12.

понятием более широким и всеобъемлющим, чем военное искусство. Военное искусство является составной частью военной науки и включает в себя тактику, оперативное искусство и стратегию, т. е. занимается изучением вопросов, относящихся к способам ведения военных действий и войны в целом. Военная же наука, кроме вопросов военного искусства, обнимает вопросы экономических и моральных возможностей страны»[210].

Наконец, идеалистическое мировоззрение привело Астафьева к полному непониманию сущности войны, причина которой, по его мнению, «таится в самой природе человека, представляющего удивительную смесь добра и зла», откуда им делался ложный вывод о неизбежности войн в истории человечества[211].

Таким образом идеалистическое мировоззрение Астафьева помешало ему до конца понять и правильно осветить некоторые существенные вопросы военной теории. Астафьев предстает перед нами в своей работе как типичный теоретик либерально-буржуазного направления, способный высказать ценные и глубокие теоретические положения, когда речь идет о борьбе с отживающими взглядами рутинеров-крепостников, и допускающий важные теоретические ошибки, когда дело касается вопросов мировоззрения, классовой борьбы и т. д.

* * *

Анализ развития русской военной мысли 30—50-х годов XIX в. показывает, что основным ее содержанием являлась борьба между носителями прогрессивных и реакционных взглядов.

Реакционные военные теоретики И. Ф. Веймарн, М. И. Богданович, А. П. Карцов и др., выражая взгляды официальных военных кругов николаевской России, пытались подвести «научную» базу под стремление царизма сохранить феодально-кастовую армию со всеми ее порядками и присущей ей тактикой. Опираясь на искусственно раздутый авторитет реакционных военных теоретиков Запада, они, в подкрепление основных положений николаевских уставов, отстаивали рекрутскую систему комплектования, муштру и палочную дисциплину, шаблонные боевые порядки сомкнутых построений войск, выступали против перевооружения армии нарезным оружием и усиления обучения солдат действиям в рассыпном строю. Игнорируя опыт войн и богатое военно-теоретическое наследство Суворова и Кутузова, они объявляли русское военное искусство отсталым и неоригинальным на всем протяжении его развития, а всех выдающихся военных деятелей России — простыми подражателями западным образцам.

Передовые военные теоретики — Н. В. Медем, П. А. Языков, Д. А. Милютин, А. З. Теляковский, Ф. И. Горемыкин, А. И. Астафьев и др., видя в сохранении феодально-кастовой армии и ее устаревшей тактики угрозу ослабления военной мощи страны, подвергли острой критике николаевскую военную систему и выдвинули требование перехода от феодально-кастовой к массовой буржуазной армии, от устаревшей тактики к более совершенной.

В области теории стратегии передовые русские военные теоретики 30—50-х годов XIX в. сделали серьезные попытки вскрыть связь войны с экономикой и политикой, подчеркнули значение на войне морального фактора и наличия обученных резервов, указали на взаимопереходность обороны и наступления, установили примат стратегии по отношению

[210] Там же.

[211] А. Астафьев. О современном военном искусстве, ч. 2, стр. 13.

к тактике. Им же принадлежит заслуга разъяснения истинной роли на войне полководца, обязанного руководствоваться в своей деятельности не «вдохновением», как это утверждали реакционные теоретики, а данными сложившейся обстановки. Отсюда следовал весьма важный вывод о возросшей в громадной степени роли штабов, общей и специальной подготовки командного состава, проявления инициативы снизу.

В области теории тактики они выступили против шаблонов, доказали недопустимость, при распространении нарезного оружия сохранения сомкнутых построений войск на поле боя, заложили теоретические основы перехода к тактике стрелковых цепей.

В области теории строительства вооруженных сил передовые военные теоретики выдвинули требования перевооружения армии нарезным оружием, замены рекрутской системы комплектования всеобщей воинской повинностью, плацпарадной муштры — подлинно боевой подготовкой войск, палочной дисциплины — воспитанием инициативного воина-патриота.

Кроме того, им принадлежит заслуга серьезной теоретической разработки таких отраслей военной науки, как военно-инженерное дело, военная география, военная статистика, военная администрация и т. д.

Труды Медема, Языкова, Милютина, Теляковского, Горемыкина и Астафьева не были, разумеется, свободны от существенных недостатков. Не говоря уже об идеалистическом мировоззрении этих теоретиков, нельзя забывать о том, что все они, в отличие от декабристов, отнюдь не являлись политическими противниками самодержавия; они старались только возможно лучше, по их понятиям, защитить интересы государства, не посягая на интересы дворянства в целом. Эта их классовая ограниченность и идеалистическая методология наложили определенный отпечаток на содержание их трудов.

Тем не менее научная ценность прогрессивной теоретической деятельности Медема, Языкова, Милютина, Теляковского, Горемыкина и Астафьева бесспорна. Их труды являются убедительным доказательством того, что русская военная мысль в 30—50-х годах XIX в. не только не отставала от военной мысли Запада, но в ряде военных вопросов превзошла последнюю. Своими трудами Медем, Языков, Милютин, Теляковский, Горемыкин и Астафьев заложили теоретические предпосылки военных реформ 1862—1874 гг. в России. В этом — историческое значение их деятельности в общем развитии русской военной мысли XIX в.

СООБЩЕНИЯ

В. А. ФЕДОРОВ

ВОССТАНИЕ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЯН В ЧУГУЕВЕ В 1819 г.

Самый факт восстания военных поселян в Чугуеве в 1819 г. широко известен в литературе и постоянно служит аргументом, подтверждающим оживление и усиление массового движения в годы формирования первых тайных обществ декабристов. Однако, хотя об этом восстании в общей форме упоминается в монографиях и общих трудах по истории России начала XIX в., до сих пор нет ни одной работы, которая проанализировала бы это восстание на основе первоисточников и восстановила бы ход событий.

Восстанию военных поселян в Чугуеве посвятил несколько страниц военный историк А. Петров в работе «Устройство и управление военных поселений в России (1809—1831 гг.)» [1]. Но при этом автор не дал даже беглого очерка хода восстания и остановился главным образом на описании наказаний его участников. Некоторые новые сведения о восстании в Чугуеве сообщает дворянский историк М. Богданович [2], использовавший переписку Александра I с Аракчеевым и некоторые материалы из архива военных поселений. Но Богданович, как и Петров, также не дал развернутой картины самого восстания, описав лишь его исход. Ряд документов о восстании в Чугуеве (в основном переписка Александра I с Аракчеевым) опубликован в работах Н. Шильдера [3] и в. кн. Николая Михайловича [4].

Дворянские и буржуазные историки, касавшиеся в своих общих трудах восстания в Чугуеве, не в силах были вскрыть его подлинные причины, классовый характер и антикрепостническую направленность.

Ценные документы о восстании в Чугуеве опубликованы в советское время Г. Верещагиным в статье «Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I» [5]. В публикацию вошли: донесение Аракчеева от 24 августа 1819 г. Александру I об усмирении восстания, список наказанных шпицрутенами восставших с пометкой Аракчеева «умре» против имен забитых насмерть, письмо статс-секретаря Н. Н. Муравьева от 6 сентября 1819 г., два письма слободско-украинского губернатора Б. Г. Муратова от 8 и 22 сентября 1819 г. и письмо председателя военно-судной комиссии по делу о восстании полковника Ф. Салова от 22 сентября 1819 г. Публикуемым документам предпослан обстоятельный комментарий.

---

[1] В книге: «Граф Аракчеев и военные поселения», СПб., 1871, стр. 149—152.

[2] М. Богданович. История царствования императора Александра I, т. V, СПб., 1871, стр. 467—477; Приложение, стр. 86—90.

[3] Н. Шильдер. Император Александр I, т. IV, стр. 204.

[4] Николай Михайлович (Романов). Император Александр I, т. II (приложения). СПб., 1912, стр. 621—622.

[5] «Дела и дни», 1922, кн. 3, стр. 148—165.

20 Зак. 1310

В 1940 г. в № 7—8 журнала «Литературный критик» появилась статья М. Цявловского «Эпиграмма Пушкина на Аракчеева». В этой статье М. Цявловский собрал многочисленные литературные данные о восстании, и его работа полнее других освещает этот вопрос, однако основной темой исследования М. Цявловского является публикация и комментирование прежде неизвестной пушкинской эпиграммы на Аракчеева.

В данной статье, в которой привлечен как опубликованный, так и неопубликованный материал, сделана попытка как можно полнее восстановить действительную картину восстания. К сожалению, важнейшие материалы о восстании — следственные и военно-судные дела о восставших поселянах — почти полностью утрачены. Сохранились лишь «сентенция» военного суда над восставшими[6] и незначительное количество допросов восставших поселян Таганрогского округа военного поселения. Картину восстания приходится восстанавливать в основном по донесениям и рапортам палачей-усмирителей — начальника Слободско-Украинских военных поселений генерал-лейтенанта Лисаневича, командира 1-й поселенной бригады генерал-майора Аргамакова и командира Таганрогского поселенного полка полковника Макова[7]. Совершенно ясно, что эти документы требуют к себе самого строгого критического отношения, так как усмирители стремились всячески очернить восставших поселян и их действия и оправдать свои кровавые дела.

I

Введение военных поселений являлось одним из тех «мероприятий» самодержавия, которыми оно пыталось спасти отживающие феодально-крепостнические порядки и выпутаться из тяжелых экономических и политических затруднений. В обстановке обострения классовой борьбы после Отечественной войны 1812 г. самодержавие стремилось путем военных поселений укрепить аппарат насилия и подавления эксплуатируемых масс, создать замкнутую военную касту, изолированную от остальной массы трудового населения. Одной из причин введения военных поселений явились также затруднения, возникшие перед царизмом в связи с комплектованием армии. С утверждением буржуазного строя в Европе изменялся и самый характер ведения войн. Старая рекрутская система переставала удовлетворять запросы новых армий. Сохраняя и консервируя феодально-крепостнические отношения, царизм пытался старыми способами, путем организации реакционной, глубоко крепостнической по существу военно-поселенной системы, преодолеть возникшие трудности в комплектовании армии. В связи с этим правительство намеревалось решить и финансовые затруднения, содержа возможно большую армию при наименьшей трате средств. Содержание громадной, почти миллионной армии дорого обходилось стране и тяжелым бременем ложилось на народное хозяйство: больше половины годового бюджета страны расходовалось на военные нужды. В обстановке острого финансового кризиса и хронического дефицита бюджета правительство стремилось перевести армию на «самоокупаемость»: солдаты должны были, занимаясь землепашеством, одновременно кормить себя и тем самым сокращать расходы государства на содержание армии.

---

[6] Харьковский областной государственный архив (ХОГА), ф. 895, оп. 1, д. 25 («Об отправляемых в Оренбург и бугские военные поселения поселян, сделавших возмущение»).

[7] Там же, д. 21 («Переписка по делу возникшего бунта в округах Чугуевского и Таганрогского уланских полков»).

Устройство военных поселений практически началось весной 1812 г. с поселения батальона Елецкого полка в Бобылецком старостве, Климовичского уезда, Могилевской губернии, на землях государственных крестьян, которые в числе 667 семейств были насильно выселены в Новороссийский край. Однако «опыт» оказался неудачным, к тому же начавшаяся вскоре война с Францией прервала устройство военных поселений.

Организация военных поселений на новых началах и в более широких размерах возобновилась с 1816 г. На этот раз решено было поселять солдат среди государственных крестьян, а последних — также обращать в военных поселян, а не сгонять с места. В августе 1816 г. началось поселение 1-й гренадерской дивизии в Новгородской губернии, а в апреле 1817 г.— 3-й Украинской и Бугской дивизий в Слободско-Украинской и Херсонской губерниях. Чугуевский уланский полк, входивший в состав 3-й Украинской дивизии (позже она стала называться 2-й Украинской), был поселен 19 декабря 1817 г. К концу 1825 г. в Петербургской, Новгородской, Могилевской, Слободско-Украинской и Херсонской губерниях было поселено около 155 тыс. человек регулярного войска, а на положение военных поселян было переведено около 375 тыс. государственных крестьян.

Военные поселения вводились с применением самого грубого насилия и произвола. Для крестьян устанавливался суровый казарменный режим, ломался их привычный быт, грубо попирались сложившиеся обычаи. Крестьян лишали занятий промыслами и торговлей, подчас урезывали земельный надел. Так, в округе Чугуевского уланского полка у поселян было отрезано 1350 дес. земли, что явилось, как увидим ниже, одной из причин восстания, а требование восставших о возвращении им этих земель было одним из коренных их требований. Самого крестьянина прикрепляли к отобранной у него же земле и заставляли принудительно отбывать тяжелую военно-поселенную барщину.

Уже само введение военных поселений встретило упорное сопротивление крестьян и казачества, которые боролись за оставление их на прежнем положении государственных крестьян, справедливо видя в военных поселениях новое для себя закрепощение. В 1817 г., в связи с введением военных поселений, возникли крупные волнения в Новгородской губернии, которые были подавлены вооруженной силой. На этой же почве в середине июня 1817 г. вспыхнуло восстание Бугского казачьего войска в Херсонской губернии. Восставшие изгнали военно-поселенное начальство и неоднократно вступали в схватки с карательными войсками. На подавление восстания было брошено два пехотных полка. Волнения в бугских поселениях повторились весной 1818 г. В январе 1818 г., в связи с введением военных поселений, начались сильные волнения в Слободско-Украинской губернии. Волнениями было охвачено до 16 тыс. крестьян и казаков Изюмского, Волчанского и Змиевского уездов. Волнения не прекращались до осени 1818 г. и были подавлены крупными вооруженными силами [8].

Военные поселения, создававшиеся феодально-крепостническим государством, являлись соединением наихудших форм крепостной зависимости с наихудшими условиями солдатской службы. Военные поселяне попадали в двойное закрепощение, став пожизненными и наследственными солдатами, прикрепленными к земле. Все военные поселяне делились на

[8] Подробнее о волнениях крестьянства и казачества в связи с введением военных поселений см. в моей статье «Борьба крестьян России против военных поселений (1810—1818 гг.)» — «Вопросы истории», 1952, № 11.

категории, соответственно которым они несли различные обязанности, связанные как с введением хозяйства, так и с несением военной службы. Владельцы крестьянских дворов утверждались в звании «хозяев», которые в то же время зачислялись солдатами в «поселенные» батальоны. Остальные коренные жители от 18 до 45 лет зачислялись в «резервные» или «действующие» батальоны. Прибывшие на поселение солдаты регулярных войск составляли «действующие» батальоны. Каждый поселянин-«хозяин» принимал к себе двух солдат-постояльцев из «действующих» батальонов и содержал их, а постояльцы помогали ему в сельскохозяйственных работах. Мальчики становились военными кантонистами. С 7 лет им натягивали военную форму и начинали обучать их военному делу.

В военных поселениях, как и во всяком крепостном хозяйстве, непосредственный производитель — поселянин-«хозяин» — получал в пользование земельный надел, чтобы иметь возможность содержать себя, свою семью, постояльцев с их семьями и нести связанные с его положением различные повинности. Поселянин обязан был выполнять многочисленные строительные работы в военных поселениях, перевозить строительные материалы, фураж, дрова, поставлять фураж и сдавать половину своего урожая в запасной полковой магазин. Одновременно он нес тяжелую военную службу. Принудительно работать в военных поселениях обязаны были все работоспособные жители, включая и кантонистов старших возрастов. Нередко на военно-поселенную барщину гоняли увечных и стариков. Так, 10 ноября 1828 г. главный начальник над военными поселянами Клейнмихель (сменивший в 1826 г. Аракчеева) писал Николаю I о результатах смотра Слободско-Украинских военных поселений: «неслужащие инвалиды престарелых лет, отцы хозяев и их родственники, не могущие быть хозяевами по их старости и дряхлости, употребляются во все работы по нарядам наравне с прочими поселянами» [9]. Уже это свидетельство царского сатрапа говорит о том, какой жестокой эксплуатации подвергались военные поселяне.

Поселянин не имел возможности уходить на сторонние заработки, заниматься торговлей или промыслами. Более того, тех крестьян, которые по паспортам до устройства военных поселений отлучились на сторону, вернули в военные поселения и расписали по эскадронам и ротам [10]. Возвращены были и те, кто вообще потерял связь с землей, но принадлежал к той местности, где были организованы военные поселения. В приказе от 18 апреля 1818 г. по Слободско-Украинским военным поселениям Аракчеев предписывал «всех торгующих, способных к службе, не имевших никогда пашни и своих волов, хотя бы кто из них и свой дом имел, записать в действующие (эскадроны.— *В. Ф.*)... Из числа тех, кто и прежде поступления в состав военного поселения занимался какими-либо мастерствами и кто не имел своего хозяйства и волов, всех способных (к службе.— *В. Ф.*) записать в действующие» [11]. Запрещение поселянам торговать и заниматься промыслами отбрасывало вспять крестьянское хозяйство, уже втянутое в товарно-денежные отношения, и находилось в резком противоречии с общим процессом экономического развития страны.

Обращение крестьянина в пожизненного и наследственного солдата явилось как бы второй стороной его закрепощения. Измученный тяжелой

---

[9] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 221, л. 6.
[10] ХОГА, ф. 891, д. 5, л. 37.
[11] ХОГА, ф. 890, д. 1, л. 101 об.

работой, поселянин должен был вытягиваться во фронт и маршировать. С него строго требовали такого же точного знания всех тонкостей тогдашней строевой службы, какое в ту пору палками и розгами вколачивали в солдат армейских и гвардейских частей. Поселенные солдаты «действующих» батальонов занимались военными учениями круглый год, даже во время горячих летних работ. Поселяне-«хозяева» и «резервные» начинали заниматься военным делом регулярно 2 раза в неделю сразу же по окончании полевых работ, продолжая одновременно выполнять многочисленные наряды на работы в поселениях.

В обстановке казарменного режима и суровой военной муштры, вездесущего военно-полицейского надзора и мелочной регламентации положение военных поселян было необычайно тяжелым. В определенное время необходимо было вставать, выходить на работу и уходить с работы, ложиться спать. С поселянина придирчиво взыскивали «за чистоту и порядок» в поселенном доме и около него. По приказанию свыше офицеры грубо вмешивались в личную жизнь каждого поселянина, обходили поселенные дома, записывали каждую курицу, учитывали каждое яйцо и строго наказывали за малейшее отступление от аракчеевских предписаний. Военных поселян мог безнаказанно избивать каждый поселенный офицер. Жестокие наказания нигде не применялись так широко, как в военных поселениях, снискавших себе мрачную славу своей палочной дисциплиной. Пороли за малейшую неисправность и оплошность: за упущения по хозяйству, за ошибки во фронтовом учении, за «неприличный ответ» начальству и т. п. За самовольную отлучку или побег из поселения поселян подвергали жестоким истязаниям: прогоняли сквозь строй, давая от 2 до 4 тыс. шпицрутенов и нередко забивая насмерть. На гауптвахтах и в «холодных» провинившихся поселян забивали «в железа» и нередко приковывали цепью к стене [12]. Поселянин не смел жаловаться на свое тяжелое положение: каждого жалобщика строго наказывали.

Военные поселяне находились в полной зависимости от военно-поселенного начальства, которое обращалось с ними, как помещики со своими крепостными. Бесправие военных поселян и почти неограниченная власть над ними их начальников способствовали процветанию воровства и всякого рода злоупотреблений, которые довершали бедственное положение поселян.

В архивах сохранилось немало документов, свидетельствующих о необычайно тяжелом положении военных поселян. Многочисленные приказы, рапорты, записки о поселениях различных лиц, «штрафные журналы» о наказаниях поселян за разные проступки, судебные дела — все это дает яркую картину обнищания и разорения военных поселян, плохого питания, изнурения работами и вследствие этого значительной заболеваемости и смертности, картину невероятных хищений начальствующих лиц [13].

Зверская эксплуатация, палочная дисциплина и бессмысленная муштра вызывали бурный протест военных поселян, проявлявшийся в самых разнообразных формах. Военные поселяне кончали жизнь самоубийством, убивали ненавистных начальников, жгли поселения, дезертировали. Военные поселяне не раз поднимали восстания, которые подавлялись царизмом с необычайной жестокостью. Среди этих восстаний значительное место занимает восстание чугуевских военных поселян, вспыхнувшее летом 1819 г.

[12] ХОГА, ф. 889, д. 57; ф. 895, оп. 1, д. 221, л. 20.

[13] ХОГА, ф. 886, д. 5; ф. 895, оп. 1, дд. 112, 203, 221 и 400; ф. 896, оп. 1, дд. 22, 168, 111, 116, 139 и 142; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 939, лл. 129—133; д. 85392.

II

Тяготы военно-поселенной барщины особенно болезненно отражались на крестьянстве и казачестве Чугуевского уланского полка. До преобразования Чугуевского полка в округ военного поселения и перевода всех его жителей на положение военных поселян полк этот имел свои особые права и привилегии. Основанный в 1749 г., Чугуевский уланский полк имел свои полковые земли, распределявшиеся соразмерно чинам: солдаты получали от казны паек и были освобождены от государственных податей. Отставные солдаты также пользовались участками земли. С переводом полка на военно-поселенное положение казачество лишилось своих прав и привилегий. Право собственности на землю было отнято у полка. Для других округов поселений у полка было отрезано 1350 дес. земли. В самом полку было произведено «уравнение» земельных участков. Все крестьяне, не принадлежавшие к составу округа поселения, должны были бросить свои земли и выехать из округа. Из самого Чугуева было насильно выселено 135 купцов, причем комиссия, производившая выселение, оценила только здания, годные для военных поселений. Земля, огороды и сады в оценку не принимались. К тому же за дома, годные под военные поселения, давали только $^4/_5$ оценочной суммы, так как считалось, что владельцы «воспользуются выгодою получения вдруг наличных денег»; за дома, ненужные для военных поселений, казна выдавала лишь $^1/_5$ оценочной суммы; за ветхие дома ничего не выдавали [14].

Лишение чугуевских военных поселян былых прав и привилегий, закрепощение их в военных поселениях вызвали острое недовольство с их стороны и явились главной причиной вспыхнувшего летом 1819 г. восстания. Поводом к восстанию послужило предъявленное 16 июня 1819 г. Чугуевскому полку непосильное требование — заготовить 103 тыс. пудов сена. Кроме того, между поселянами распространился слух, что весь собственно им принадлежащий хлеб будет взят в полковые магазины, взамен чего им будут выдаваться пайки, и вдобавок у них отберут весь скот, причем в компенсацию за пару волов им уплатят всего по 50 рублей, а за корову — по 15 рублей, в то время как их действительная цена была в несколько раз выше [15].

В ответ на это поселяне всего Чугуевского округа как в Чугуеве, так и в расположенных в округе селениях, составили «приговоры письменные о согласии вместе стоять упорно против поселения». К этим «приговорам» собирались подписи, в связи с чем поселяне служили молебны, во время которых давали клятвы «стоять твердо, дабы не быть военными поселянами..., не исполнять ничего по военному поселению и не слушать посему начальников». В Чугуеве «по согласию общества» (т. е. по взаимному между собой уговору) в доме отставного казака Леона Романова отставной вахмистр Яков Натаров снимал со стены образ, «к коему прикладывались все там бывшие в знак настоящего их твердого согласия» [16].

Поселяне с. Каменная Яруга «все без изъятия..., не исключая с того числа унтер-офицеров поселенного и резервного эскадронов», единодушно постановили: ни в чем не повиноваться поселенным начальникам и не исполнять никаких их приказаний. Затем они избрали из среды своего «общества» доверенных лиц, дали им подтвержденные своими подписями «приговоры» и послали в Чугуев «для общего совета» [17].

---

[14] А. Петров. Указ. соч., стр. 139—141.
[15] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 21, лл. 681—684.
[16] Там же, д. 25, лл. 193, 199.
[17] Там же, д. 21, л. 21—22.

В слободе Малиновая поселянин 1-го поселенного эскадрона Абакум Щербаков писал обществу «приговор на согласие» и собирал под ним подписи поселян [18]. В с. Тетлеги бумагу «о согласии» писал и собирал под ней подписи находившийся там целовальником крепостной генерала-лейтенанта Измайлова Петр Салин [19]. Жители селений Зарожное, Пятницкое и Большие Бабки также составили «обязательный лист и утверждали оный подписом» в удостоверение того, что они «участвуют в согласии с чугуевцами» [20]. То же самое происходило и в остальных селах Чугуевского округа. Все эти факты свидетельствуют о предварительной согласованности действий восставших и о проводившейся ими работе по организации своих сил.

27 июня 1819 г. эскадронным командирам, присланным для раздела сенокосных участков и наряда людей на сенокос, поселяне «все без изъятия» решительно заявили, что они на работу не пойдут, а те участки, которые им предназначены в общее пользование для скота, брать не хотят, «а желают владеть сенокосами попрежнему, как они до начала нового поселения ими распоряжались». Никакие уговоры и угрозы эскадронных командиров поселяне «в резон не приняли». Только 5 человек 1-го эскадрона выехали было в степь, но и они отказались косить казенное сено и разъехались по домам [21].

30 июня начали волноваться находившиеся в Чугуеве поселенные и резервные эскадроны. В тот же день в комитете полкового управления были собраны не вошедшие в состав эскадронов чугуевские старики — отставные казаки, поддерживавшие своих сыновей — волнующихся поселян. Комитет предъявил старикам требование о заготовке казенного сена. Для большей «убедительности» генерал-лейтенант Лисаневич направил на место собрания учебный батальон. Но собравшиеся старики наотрез отказались выполнить это требование, заявив, что ни сами они, ни дети их не будут косить сено для строевых, подъемных и прочих лошадей, потому что их собственные лошади отобраны в казну, следовательно, казна и должна их продовольствовать. Затем старики потребовали возвратить им отнятые у них земли.

Тогда старикам была «повторительно прочтена и лично показана» грамота, «высочайше дарованная» Чугуевскому уланскому полку, в которой говорилось, что «все земли разных наименований по Чугуевскому округу вообще соединены», вследствие этого комитет потребовал от поселян, чтобы они «успокоились» и исполняли все повинности, какие определены комитетом на основе правил об учреждении военных поселений [22]. Однако комитет не мог ни уговорить, ни застращать стариков, которые отказались даже слушать содержание грамоты. Все требования комитета «остались безуспешны», принятые меры «действия своего не получили», а поселяне «совершенно отказались от повиновения». Комитет в страхе сообщал Лисаневичу, что он не находит «никаких способов» привести поселян к повиновению и просил срочной помощи [23].

Чтобы помешать шести действующим эскадронам Чугуевского полка примкнуть к своим восставшим однополчанам, Лисаневич в тот же день, 30 июня, вывел их из Чугуева на левый берег р. Донца якобы для учения. Затем он предписал полковым командирам своей дивизии, чтобы они под

[18] Там же, д. 25, л. 214.
[19] Там же, л. 214; д. 21, л. 283.
[20] Там же, д. 21; лл. 641—644.
[21] Там же, л. 2.
[22] Там же, д. 25, л. 4
[23] Там же.

видом сбора на учение спешно прислали действующие эскадроны своих полков [24].

Однако принятые Лисаневичем «меры предосторожности» уже не могли приостановить восстания. В течение 5 дней — с 27 июня по 2 июля — восстание разлилось по всему Чугуевскому округу.

Восставшие поселяне потребовали:

а) уничтожить военные поселения и возвратить всех военных поселян в прежнее состояние государственных крестьян;

б) освободить от обязанности поставлять хлеб и фураж в запасные полковые магазины;

в) освободить от обязанности производить многочисленные работы в военных поселениях;

г) освободить от несения военной службы;

д) вернуть отрезанные 1350 десятин земли [25].

Борьба за землю и освобождение от феодальных повинностей, проходящая красной нитью через все крестьянские восстания эпохи феодализма, явилась, как мы видим, главным побудительным мотивом и в восстании чугуевских поселян, недавних землевладельцев-казаков, обращенных в пожизненных крепостных солдат. Восставшие поселяне отказались выполнять все работы в военных поселениях, самовольно захватывали земли, избивали и изгоняли военно-поселенное начальство. «Не только жители Чугуева, но и всех селений, кроме Печенег, отказались решительно производить всякие по поселению работы, а также отказались собственно от всех своих по хозяйству работ»,— доносил Аракчееву Лисаневич [26].

В слободе Малиновой поселенные хозяева и резервные, «оставя произвольно полевые свои работы», пришли к своему эскадронному командиру и заявили, что «они готовы на все, что предприняли чугуевцы» Стоявшим там действующим эскадронам других полков, пытавшимся усмирить восставших, жители оказали сильное сопротивление, особенно женщины, которые «в раздраженном виде, подбегая к тем эскадронам, бросали на офицеров и рядовых палками» [27].

Жители Зарожного, Покровского, Подов и Лаптева начали вывозить свое имущество в ближайшие селения государственных крестьян Веденское, Васильево, Шубино и Молодовую. Крестьяне этих селений помогали поселянам прятать у себя их имущество [28].

По просьбе Лисаневича, гражданский губернатор Слободско-Украинской губернии Муратов 4 июля предписал земским исправникам Харьковского, Змиевского и Волчанского уездов, чтобы вывозимое чугуевскими поселянами имущество отбиралось, а поселяне брались под стражу. Полиция стала арестовывать вывозивших имущество поселян, а само имущество конфисковывала. В то же время со стороны гражданских властей принимались меры к предотвращению влияния восставших военных поселян на соседних крестьян. Полиции было приказано строго следить, чтобы «отнюдь нигде, ни под каким видом, ни от кого не было распространяемо нелепых слухов и не возродилось бы со стороны жителей гражданского ведомства какого-либо неудобства» [29].

---

[24] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 25, лл. 7 и 637.
[25] Там же, лл. 642 и 658.
[26] Там же, л. 660.
[27] Там же, лл. 641—644.
[28] Там же, л. 640.
[29] Там же, д. 21, лл. 14—15.

Жители восставших сел решили поддержать Чугуев, который фактически стал центром восстания всего Чугуевского округа. Утром 3 июля со всех селений Чугуевского округа начало сюда стекаться «разными дорогами множество обоего пола людей». Возможно, что сигналом к этому общему выступлению послужил происшедший в ночь на 3 июля в с. Кочетке (близ Чугуева) пожар, во время которого сгорело три поселенных дома. Донося в тот день об этом Аракчееву, Лисаневич указывал, что пожар произошел «от нарочного поджога», так как он начался с улицы в таком сарае, где ничего не было[30].

Позднее (13 июля) Лисаневич доносил Аракчееву, что все селения Чугуевского округа, находясь «в одинаковом с жителями Чугуева сношении, приготовлялись идти сюда (в Чугуев.— *В. Ф.*), к чему, полагать можно, служил сигналом и произведенный 2-го числа кем-либо из мятежников в селении Кочетке на самом возвышении горы пожар»[31]. Так военные поселяне проводили в жизнь свои приговоры о совместном выступлении.

Царские палачи со своей стороны принимали меры к удушению восстания. 4—5 июля на помощь Лисаневичу в Чугуев были присланы 13-я и 14-я артиллерийские роты с 12-ю орудиями и два батальона Нижегородского пехотного полка в составе 1656 человек. 7 июля прибыл 5-й егерский полк в составе 1297 солдат[32]. Около Чугуева было сосредоточено шеститысячное карательное войско.

Тем временем все новые и новые отряды восставших со всех селений стягивались к Чугуеву. С большим трудом окружавшим Чугуев карательным войскам удалось отбросить подходивших назад, а тех, «кои в ответах своих были дерзновеннее прочих», арестовать. При допросах их выяснилось, «что все они шли в Чугуев к освобождению, по их словам, своего общества чугуевских жителей..., что они, заодно с чугуевцами сделавши между собою присягу не иметь военного поселения, хотят непременно остаться попрежнему»[33].

Восстание разрасталось. «Каждый день решимость их увеличивается»[34],— доносил Лисаневич 13 июля Аракчееву. «Обстоятельства здешние не только не успокаиваются, но еще усиливаются»[35],— писал он в тот же день губернатору Муратову. Попытки Лисаневича с помощью карательных войск «уговорить» восставших поселян приняться за работы остались без успеха. Поселяне не шли ни на какие «уговоры», твердо решив избавиться от ненавистных военных поселений. «Из всех поступков жителей,— писал Лисаневич в донесении от 13 июля Аракчееву,— заметил [я] сильное упорство к [не] повиновению и решимость, обдуманные исступления в самой высшей степени, что могут обуздать и привести в устройство и порядок одни только решительные меры, при таком случае необходимые»[36]. В следующем донесении Лисаневич в страхе сообщал, что он получает все новые и новые сведения о росте восстания в Чугуевском округе. В селениях Покровское, Поды и Лаптево поселяне, доносил он, «производят разные своевольства: истребляют леса и сенокосные луга..., заарестовали и не дают казенного сена, в магазейнах состоящего, выбивают скотом лучшее сено, кочные луга», выгнали взводного вахмистра Япинкова за то, что он

---

[30] Там же, л. 643.
[31] Там же, л. 644.
[32] Там же, д. 2, л. 12; д. 21, лл. 656 об., 711—712.
[33] Там же, д. 21, л. 659.
[34] Там же, л. 657.
[35] Там же, л. 652.
[36] Там же.

не присоединился к восставшим, «подобно другим», и за это же в Лаптеве был убит вахмистр Трицын [37].

По селениям, охваченным восстанием, рассылались карательные отряды, чтобы навести «должный порядок, тишину и спокойствие» и принудить поселян приняться за казенные работы. В Покровское, Поды и Лаптево был послан командир Таганрогского полка полковник Маков с эскадроном своего полка и ротой 5-го егерского полка. 15 июля он занял эти села. В Покровском оказались одни женщины, которые при допросах показали, что все их мужья ушли в Чугуев. В Подах вообще не оказалось ни одного жителя; они либо ушли в Чугуев, либо скрывались по лесам [38]. В Лаптеве поселяне отказались дать подводы для возки сена. Попытки Макова заставить поселян приняться за работы не увенчались успехом. «Вчерашнего числа,— доносил Маков 16 июля Лисаневичу,— я во всех селениях дал им приказание, дабы были наряжены подводы для отвоза в Чугуев сена, на что все сказанные селения отозвались: доставить оного не могут и не хотят все вообще единодушно». Поселяне отказались косить даже собственное сено и убирать на полях собственный хлеб, заявив: «пусть все пропадает» [39]. Арестовав одиннадцать зачинщиков «главнейших» и отправив их в Змиев, Маков хотел нарядить 10 подвод для перевозки дров в Чугуев, но также встретил категорический отказ. Один из отставных казаков заявил, что без общества стариков он не согласен выполнить приказание начальства, «и наделавши офицеру грубостей, того (приказания.— *В. Ф.*) не исполнил», за что был «забит в пример другим в колоду» и также отправлен в змиевский острог [40]. В сохранившихся за всю вторую половину июля рапортах Макова постоянно встречаются слова: «к повиновению не соглашаются», «единогласно сказали, что не хотят идти на сенокос», «в неповиновении стоят упорно» и т. д. [41] Несмотря на массовые аресты непокорных поселян, Маков так и не смог принудить их приняться за казенные работы.

Карательные отряды, посланные в другие селения, также не имели успеха. Ввиду этого Лисаневич просил Муратова, чтобы он через полицию нарядил государственных крестьян везти сено в Чугуев. Государственные крестьяне отказались это сделать [42].

Во всех селах Чугуевского округа восставшие заявляли, что будут твердо продолжать «с чугуевскими стоять заодно в том, чтобы остаться на том положении, какое для чугуевских будет, а потому и работ по поселению производить не будут до того времени, пока чугуевские не начнут оные». Как увидим, восставшие были убеждены, что если они твердо продержатся до определенного срока, то начальство уступит и будет принуждено отменить военные поселения [43].

Прошел уже месяц со дня начала восстания, а восставшие все держались. Во всех рапортах Лисаневич доносил Аракчееву, что поселяне «остаются в том же самом положении (т. е. в состоянии восстания), а на требование Аракчеева — «прекратить беспорядки и восстановить спокойствие» — отвечал, что ничего не в силах сделать, «по общей упорности жителей, по словам их стоять заодно».

---

[37] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 25, лл. 661 об., 664.
[38] Там же, л. 76—76 об.
[39] Там же, л. 81.
[40] Там же, л. 670.
[41] Там же, лл. 88, 89, 116.
[42] Там же, л. 640.
[43] Там же, л. 667.

2 августа восстание перекинулось в соседний округ Таганрогского уланского полка [44]. С присоединением Таганрогского округа восстание приняло большие размеры, охватив территорию военных поселений, насчитывавшую более 28 тыс. жителей [45].

Восстание в Таганрогском округе вспыхнуло в непосредственной связи и под прямым воздействием восстания в Чугуевском округе. Как видно из показаний восставших на суде, чугуевские поселяне посылали во многие села и хутора Таганрогского округа своих людей просить поселян этого округа встать с ними заодно. Об этом чугуевцы вели разговоры также с приезжавшими к ним на базар из Таганрогского округа. Так, 26 июля к стоявшим в Чугуеве на базаре поселянам Таганрогского полка Павлу Ружинскому и Якову Катречке подошли два чугуевских старика и завели разговор о происходящих событиях. «У нас теперь отбирают землю,— говорили старики,— но мы как на сие, так и на службу не согласны, к нам пришли пехота и пушки привезены и отвели много (арестованных.— *В. Ф.*) людей в Волчанск, но мы будем стоять в том, что сей службы не желаем». При этом старики, показывал Ружинский, «и нас обоих (Ружинского и Катречку.— *В. Ф.*) приглашали, чтобы тоже до их приставали, при чем говорили, чтобы мы сказали (об этом) всем своим поселянам» [46]. Расспрашивая подробно Катречку и Ружинского о положении дел в Таганрогском округе, чугуевцы говорили: «Если бы вы к нам согласились на помощь, то было бы лучше, чтобы не разниться, а стоять в одном согласии» [47]. 30 июля в округ Таганрогского полка приезжал неизвестный чугуевский улан, который агитировал поселян присоединиться к восстанию [48]. Накануне восстания в Таганрогском округе несколько чугуевцев приходили в дом Якова Хоши, который впоследствии стал одним из вожаков восставших, и «уговаривали... держаться, как и они» [49].

Агитация чугуевцев встретила среди поселян Таганрогского округа горячий отклик, так как они одинаково с чугуевцами тяготились тяжелым режимом военных поселений и жаждали избавления от военно-поселенной барщины. К тому же всего год назад жители Таганрогского округа вели упорную борьбу против военных поселений. Восставшие поселяне Таганрогского округа были в большинстве своем участниками волнений 1818 г. Главными руководителями восстания явились Яков Хоша из селения Валки, Прокофий Листушка, Василий Редька, Илья Гладкий, Данила Гела — со Скарбуновых хуторов, Василий Богацкий, Григорий Богацкий и Андрей Редька — с хутора Богацкого [50]. Они разъезжали по селениям Таганрогского округа и поднимали военных поселян.

На 2 августа «в глухом месте» в Пилипенковой балке был назначен сбор восставших, на котором предполагалось выработать план дальнейших действий. Днем 2 августа по хуторам поселяне оповещали друг друга: «собирайся в балку на согласие..., а если не пойдешь, то будешь (крепостной) графа Аракчеева» [51]. Вечером в балке собралось до 200 поселян.

---

[44] В учебнике «Истории СССР для средней школы» (ч. 2, изд. 1950 г., стр. 132) и в «Атласе истории СССР» (ч. 2, табл. 7) ошибочно указано, что восстание перекинулось якобы в г. Таганрог, где в действительности не было военных поселений.

[45] По ведомостям о числе жителей на 1 января 1819 г. в Чугуевском и Таганрогском округах состояло 28 212 человек, из них в г. Чугуеве проживало около 9 тыс. человек (ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 22, лл. 577—580, 617—622).

[46] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 21, л. 352 об. Показания Ружинского.

[47] Там же, л. 357 об. Показания Катречки.

[48] Там же, л. 469.

[49] Там же, л. 352 об.

[50] Там же, л. 331 об.

[51] Там же, лл. 377, 379.

Собравшиеся говорили, что «нынешнее положение для них тягостно» и постановили снять рабочих с постройки поселенных домов-«связей» и обратиться к начальству с требованием об отмене военных поселений. Затем они явились к строившимся между с. Мареничево и Скарбуновыми хуторами домам-«связям» и приказали рабочим бросить работы. Те это охотно исполнили, и все вместе направились в с. Великое, говоря: «мы не хотим сии строящиеся дома иметь, почему и не нужно их строить, ибо мы жить в них не намерены, у нас есть свои дома»[52]. Не доходя до Великого, поселяне, по совету Якова Хоши, повернули к слободе Базалеевке, чтобы овладеть этим важным центром округа поселения Таганрогского полка. Утром 3 августа поселяне пришли в Базалеевку и предъявили начальству следующие требования:

«1) что они не желают постройки по плану домов, ибо имеют свои старые, почему строить оные почитают ненужным;

2) зерном хлеб, который по проекту должен быть от хозяина взносим в запасный хлебный магазейн, чтобы такового никогда не взносить;

3) служба им тягостна, каковую они не хотят и несть, а желают попрежнему быть в подушном окладе;

4) что они до тех пор не оставят слободу Базалеевку, пока в просьбе своей не получат от начальства разрешения быть попрежнему в подушном окладе»[53].

Антикрепостнический смысл этих требований вполне ясен. Как видим, поселяне Таганрогского округа, так же как и чугуевские, заявили решительный отказ от всех повинностей, связанных с положением военного поселения, категорически потребовали освободить их от крепостнических военных поселений и оставить в прежнем положении на подушном окладе.

На усмирение начавшегося восстания в Таганрогский округ был послан командир 1-й поселенной бригады генерал-майор Аргамаков. С помощью карательных войск ему удалось рассеять прибывших в Базалеевку поселян и часть из них арестовать. Но к Базалеевке продолжали подходить «различными скрытыми дорогами» толпами и в одиночку поселяне. «Из прочих мест собираются люди всех селений [к] Базалеевке, и уже пришло их камышами еще человек сто и сто есть в закрытом месте, которые будут окружены особо»,— доносил Лисаневичу Аргамаков и требовал присылки подкреплений[54].

К восставшим снова приезжали чугуевские поселяне и поощряли их держаться вместе с ними до 8 августа[55], утверждая, что если они продержатся до указанного срока, то их вернут в прежнее состояние, а если не продержатся, то будут «графа Аракчеева крестьяне». При этом чугуевцы обещали прийти к ним на помощь, чтобы вместе стоять заодно и добиваться отмены военных поселений.

Как показывал на суде резервный Дмитрий Бычков, один неизвестный чугуевец приезжал в Базалеевку, приходил в дом поселянина Сидора Минка, «где было в собрании человек до 20» поселян, и говорил Минку, «чтобы повестил жителям, дабы они шли в Базалеевку, куда придет чугуевский эскадрон, и соединясь вместе с ними, отобьют забратых людей под арест». Сын Сидора Минка Мирон ездил об этом повещать на Вели-

---

[52] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 21, л. 323.

[53] Там же, л. 682.

[54] Там же, лл. 681—684.

[55] 8 августа в поселения должен был приехать Аракчеев. О дне его приезда восставшие были осведомлены. Они полагали, что вместе с ним прибудет и Александр I, и надеялись единодушным протестом добиться отмены военных поселений.

кие хутора, Гнилицу и Валки [56]. Кантонист старшего возраста Семен Кудавый из с. Шаркова показывал, что к жене поселянина Ивана Веревки Параскеве приезжал один чугуевский житель и говорил ей, чтобы держались до будущей пятницы, т. е. до 8 августа, и «ежели будут в одном стоять, то не долее продержут их (в состоянии военных поселян.— *В. Ф.*), как только до оного числа, и распустят всех забратых под арест». При этом чугуевец говорил, что «чугуевские держутся в одном, и потому верно скоро их оставят и будет по желанию их». Иван Веревка оповещал об этом поселян в с. Шаркове [57].

По показанию резервного Ивана Кормилицы с. Кормилицких хуторов, к ним приезжал неизвестный чугуевец и говорил с поселянами о совместном выступлении с чугуевцами, и «оного хутора мужики между собой говорили, а особенно Федор Руденко, Макар Кормилица и Яков Кормилица, что на сих днях будут чугуевские в Базалеевке» [58].

Слобода Базалеевка, куда стали стекаться восставшие поселяне, стала таким же центром восстания для Таганрогского округа, каким явился для своего округа Чугуев, стягивавший к себе восставших поселян со всех селений округа.

По селам и хуторам Таганрогского округа собирались толпы поселян, стремившихся отбить арестованных в Базалеевке товарищей и вместе с чугуевцами добиться отмены военных поселений. В полях оповещали находившихся на жатве поселян, чтобы они бросали работы и шли на выручку товарищей в Базалеевку; их уверяли, что в Базалеевку собираются многие жители и что туда же придут на помощь чугуевские поселяне. До поселенного начальства доходили слухи, что за с. Печенегами, в лесах и болотах, в трех местах собираются поселяне [59], а в с. Песочках уже собралось до 300 поселян [60]. Аргамаков слал Лисаневичу тревожные донесения о том, что по всем хуторам собираются поселяне, «сборища» которых двигаются на Базалеевку, и постоянно просил подкреплений.

5 августа отряд поселян со многих хуторов с женщинами и детьми подошел к Базалеевке и двинулся прямо на бикет (сторожевой пост), стоявший заслоном при броде через реку Донец. Восставшие были вооружены дрючьями и кольями и ставили себе задачей овладеть Базалеевкой, освободить находившихся там под арестом своих товарищей и ждать в Базалеевке подхода других групп восставших как из своего округа, так и из Чугуевского. Восставшие предполагали отсюда начать совместную борьбу против царских карательских войск [61]. Однако в помощь бикету был брошен эскадрон улан. Восставшие были оттеснены в болото и затем окружены. Около ста человек было взято под арест; под арест брали и детей.

Лисаневич, получив об этом рапорт Аргамакова, приказал ему никого из арестованных не отпускать, «а содержать так, чтобы дать им почувствовать важность их проступка, не исключая и мальчиков» [62]. Царские палачи, расправлявшиеся с восставшими, не щадили даже детей.

С помощью прибывавших ежедневно карательных отрядов Аргамаков рассеивал собиравшихся поселян и производил массовые аресты, в результате которых в некоторых хуторах, по словам Аргамакова, «мало кто

---

[56] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 21, л. 349.
[57] Там же.
[58] Там же, л. 350.
[59] Там же, л. 343.
[60] Там же, л. 331 об.
[61] Там же, л. 350.
[62] Там же, лл. 343—346 (подчеркнуто мною.— *В. Ф.*).

в домах остался»[63]. Со 2 по 6 августа в округе Таганрогского полка было арестовано около 600 повстанцев. Арестованных оказалось так много, что, как писал Аргамаков, «нет места, где бы их посадить»[64]. 200 человек содержались в поле под открытым небом. 60 «главнейших», преимущественно отставных унтер-офицеров и бывших участников волнений 1818 г., были отправлены под сильным конвоем в змиевский острог.

Вопреки массовым арестам, восстание в Таганрогском округе все более разгоралось. К Базалеевке подходили все новые и новые группы восставших. Как и в Чугуевском округе, восставшие прекратили все работы. «С того времени, как началось здесь возмущение, все работы вообще — казенные, так и собственные, а равно и полевая работа,— оставлены, и никто ни за что не принимается»[65],— доносил 6 августа Лисаневичу Аргамаков. Восставших поселян Таганрогского полка поддержали мастеровые этого полка, находившиеся на строительных работах. «Со всех мест, где находились предназначенные казенные работы,— доносил 5 августа комитет полкового управления Таганрогского полка,— мастеровые отлучались по общему согласию военных поселян, чрез что и все работы остановились»[66].

Поселяне хотели использовать открывшуюся 6 августа в с. Печенегах местную ярмарку, на которую обычно съезжались поселяне из Чугуевского и Серпуховского полков[67]. Когда штабс-ротмистр Востриков стал спрашивать собравшуюся на ярмарке толпу, для чего они «делают сборище», то собравшиеся «единогласно» заявили, что они «согласны с базалеевскими и хуторянскими ни в чем не повиноваться военному начальству»[68]. Войска рассеяли толпу, около 100 человек были окружены и посажены в манеж, однако было замечено «еще во многих местах собрание новых куч», которые, придя к манежу, заявили, что они «все согласны с мнением поселян в манеже и не хотят повиноваться». Аргамаков писал, что поселяне собираются «даже с полевых работ по извещению женщин»[69].

К 9 августа, по донесению Аргамакова, число арестованных в округе Таганрогского полка достигло 879 человек. Содержались они в Базалеевке и Печенегах в ужасных условиях. Аргамаков цинично писал Лисаневичу: «им я двои сутки не давал ни пить, ни есть, да и теперь более не даю им, как по фунту хлеба и по 4 кружки воды в день, из них многие стали млеть, и я приказал, чтобы воды давали чаще, ибо такая духота и жара». Аргамаков сообщал, что, несмотря на ужасные условия, в каких находятся арестованные, они не покоряются[70].

В округе Чугуевского полка до 10 августа было арестовано 1049 человек. В Змиевском, Волчанском и Купянском острогах, по сообщению Муратова, все камеры были переполнены арестованными. Многие содержались в обывательских избах или под открытым небом, вследствие чего пришлось выделить специальный батальон для охраны узников[71]. Теснота, духота и смрад в переполненных острогах, избах, конюшнях и манежах, где содержались арестованные, были таковы, что начальство опасалось,

---

[63] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 21, л. 343.
[64] Там же, л. 336.
[65] Там же, л. 343.
[66] Там же, л. 392.
[67] Там же, л. 351 об.
[68] Там же, л. 387.
[69] Там же, л. 388.
[70] Там же, л. 339—339 об.
[71] Там же, л. 591.

как бы не вспыхнули эпидемии. Опасения были не без основания. 10 августа командир Нижегородского пехотного полка полковник Сербин доносил из Чугуева об одном из мест заключения: «От недостатка свежей соломы и принуждения спать на земле у людей оказывается нечистота и рождается много болезней, так что каждый день вновь заболевающих человек по десяти» [72].

Для разбора дел арестованных наиболее активных участников восстания, по приказанию Александра I, была учреждена комиссия военного суда. Комиссия была учреждена в Змиеве 4 августа, когда восстание еще не было подавлено. Имелось в виду, что жестокие наказания осужденных внушат страх остальным восставшим и будут способствовать прекращению восстания.

На суде чугуевцы единодушно заявили, что «по военному поселению ничего выполнять не будут, а хотят быть на прежнем положении, как до поселения было» [73]. Подсудимые поселяне Таганрогского полка также «в ответах показали, что по военному поселению ничего выполнять не будут, а хотят быть на прежнем положении в подушном окладе» [74]. Восставших поселян сл. Малиновой комиссия судила заочно на основании составленного Лисаневичем списка. Эти поселяне, по словам Лисаневича, находились «в таковом мятежническом ожесточении, что нет никакой возможности взять под караул главнейших возмутителей без кровопролития» [75]. Лисаневич ввел в Малиновую батальон 5-го егерского полка с эскадроном Борисоглебского полка, окружил всех тех, «коих нашел в скопищах», и приказал строго содержать их, «не выпуская ни одного, и давать на человека только в сутки по одному фунту хлеба и умеренно воды». Комиссии военного суда Лисаневич предписывал: «сделать об них (поселянах сл. Малиновой.— *В. Ф.*) скорорешительный приговор без надлежащего же их спросу, так как они при допросе имен своих не объявляют» [76].

В округе Таганрогского полка Аргамаков, по предписанию Лисаневича, расправлялся с арестованными «по своему усмотрению» без суда и следствия. «Из числа находящихся в Печенегах под арестом главнейшие (в числе 23 человек.— *В. Ф.*) прогнаны сквозь строй и один мальчик высечен розгами,— сообщал он 11 августа Лисаневичу.— Пополудни я еду в Базалеевку и такую же экзекуцию сделаю и там. Две роты, присланные на экзекуцию, так как они очень устали, я ввечеру оные обратно отправлю в Чугуев» [77]. 12 августа из 398 повстанцев, находившихся под арестом в Базалеевке, Аргамаков 53 человека прогнал сквозь строй и четверых выпорол розгами. Трое из прогнанных сквозь строй были забиты насмерть [78]. 14 августа Аргамаков произвел новую экзекуцию в Базалеевке: 68 человек прогнал сквозь строй и 10 выпорол розгами. В числе 10 наказанных розгами были 9 стариков-инвалидов и один мальчик-кантонист [79].

Зверства над арестованными не подействовали на других восставших. «Никакие убеждения не действуют на бунтующих,— доносил 11 августа Аракчееву Лисаневич,— все они единогласно с женщинами и детьми кричат следующее: «не хотим военного поселения, которое ничто иное есть, как службу графу Аракчееву, а не государю, и мы приняли реши-

---

[72] Там же, л. 223.
[73] Там же, д. 25, л. 200 об.
[74] Там же, л. 212 об.
[75] Там же, л. 213.
[76] Там же, д. 21, л. 679.
[77] Там же, л. 411.
[78] Там же, л. 365.
[79] Там же, л. 488.

тельные меры истребить графа, то наверное знаем, что с его концом разрушится и военное поселение» [80]. Эти слова говорят о необычайной решимости и об упорстве восставших поселян, которые готовы были бороться до конца, но одновременно они свидетельствуют и о присущей поселянам, как и всему боровшемуся крестьянству того времени, идеологии «наивного царизма». Борясь против военных поселений, установленных самодержавием, поселяне полагали, что эти поселения — дело рук одного Аракчеева. Поселяне, конечно, не могли подняться до уровня понимания классовой природы самодержавия. Они наивно верили, что царь стоит выше всяких классовых интересов и может «по справедливости», «по божески» что-то сделать в пользу угнетенных военных поселян. Однако в документах засвидетельствованы случаи, когда поселяне высказывались не только против поселений, но и поносили «высочайшую власть». Так, в Харькове секретно содержался отставной чугуевский казак Иван Пастухов, «взятый сверх возмущения и за оскорбительные противу высочайшей власти выражения» [81]. Впоследствии его забили насмерть шпицрутенами.

Восстание чугуевских военных поселян грозило охватить всю Слободско-Украинскую губернию, тем более, что в Харькове, т. е. в 32 верстах от Чугуева, ежегодно с 10 августа открывалась «знатная народная ярмарка, имеющая в своем обороте 25 миллионов рублей» [82]. Перепуганное правительство спешно стягивало крупные воинские силы, чтобы как можно скорее потушить восстание.

11 августа на подавление восстания прибыл сам Аракчеев. 12 августа на помощь 5 полкам, усмирявшим восстание, из Полтавы дополнительно прибыли Орловский пехотный и 18-й егерский полки в составе более 3 тыс. строевых солдат. С помощью более чем двух дивизий карательных войск и артиллерии царские палачи к середине августа 1819 г. потопили восстание в крови.

В Чугуев был введен Нижегородский полк, батальон Орловского полка был введен в г. Змиев, где содержались арестованные повстанцы и работала комиссия военного суда, в слободе Малиновой стоял батальон 5-го егерского полка, в округ Таганрогского полка был направлен батальон 18-го егерского полка в помощь находившимся там карательным войскам. Почти в каждое селение было введено по одной-две роты [83]. Население было терроризовано. Чугуев имел вид завоеванного города, по его улицам разъезжали конные наряды патрулей с артиллерией. Аракчеев приказал всем офицерам, от бригадных до эскадронных командиров, что если будет замечен малейший «беспорядок», то «наказывать виновных на самом месте преступления по всей строгости законов» [84]. 17 августа Аракчеев приказал жестокими мерами прекращать «беспорядки» в округах военных поселений и под надзором карательных войск принудить поселян вновь выполнять казенные работы, «непременно на прежнем правиле и прежними же работами», а военным начальникам «иметь за сим лично на месте строгое смотрение, и тех, кто по объявлению не явится на сии работы, или будет оной препятствовать, на месте же преступления прогнать шпицрутенами» [85].

Под арестом находилось 2003 участника восстания, в том числе 1104 из Чугуевского и 899 из Таганрогского полков. 363 человека были

[80] Г. Верещагин. Указ. статья, стр. 155.
[81] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 21, л. 678 об.
[82] Г. Верещагин. Указ. статья, стр. 155.
[83] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 21, л. 237.
[84] Там же, лл. 292—294.
[85] Там же, л. 700.

преданы военному суду, который приговорил 273 человек к смертной казни, замененной 12 тыс. шпицрутенов, а остальных 90 — к розгам и палкам [86]. Для предстоящей экзекуции волчанскому городничему и командиру одного из батальонов Орловского полка было приказано «заготовить довольное количество прутьев для шпицрутенов» [87]. Аракчеев приказал, чтобы поселяне выбрали от наиболее крупных селений Чугуевского округа 18 «депутатов», которые должны были от лица всех этих селений принести «раскаяние» за участие в восстании, выдать «зачинщиков», быть свидетелями при наказании и внушить остальным поселянам необходимость послушания и повиновения. Поселяне всячески оказывали противодействие лицемерной аракчеевской игре в «депутаты». В Чугуеве при объявлении приказа о «выборе» депутатов некоторые из поселян «сделали неприличный отзыв». Поселяне «выбрали» депутатов только после того, как четырех человек прогнали сквозь строй [88].

Для наказания в Чугуев были привезены все арестанты из г. Волчанска и «главнейшие бунтовщики» из Змиева. При наказании присутствовали все арестанты, находившиеся в Чугуеве, а также 18 «депутатов». Расправа была учинена 18 августа при личном участии Аракчеева. Аракчеев распорядился наказать в первый день только 40 «главнейших преступников». В это число были включены вожаки восстания, в основном унтер-офицеры поселенных и резервных эскадронов, а также те из отставных унтер-офицеров, «которые до учреждения военного поселения были в г. Чугуеве главноуправляющими и коих действие в бунтующем народе имело важное влияние» [89].

Наказание было так жестоко, что половина из 40 «зачинщиков» были забиты насмерть. Только трое «раскаялись», просили помилования и тут же были прощены. Хотя, по словам самого Аракчеева, наказание было «строго и примерно», оно не подействовало на остальных осужденных. Когда их спросили, «каются ли они в своем преступлении и прекратят ли свое буйство?», они «единогласно» отказались повиноваться [90]. Таким образом, сопротивление восставших, уже сломленных царскими войсками, продолжалось.

Экзекуция происходила в течение всего августа. С 18 по 22 августа в Чугуеве из 54 прогнанных сквозь строй 29 были забиты насмерть [91]. 28 августа Аракчеев предписал Аргамакову, чтобы он в округе Таганрогского полка «по своему усмотрению» прогнал оставшихся под арестом сквозь строй [92]. 160 участников восстания были сосланы в бугские военные поселения, 261 человек — в Оренбург. 25 человек из сосланных в Оренбург были отправлены туда прямо из лазарета, где они находились после наказания [93]. 10 человек, не «усмирившихся» и после наказания, определено было прогнать в Оренбурге сквозь строй 6 раз через 1000 человек. Но Александр I, боясь, как бы «сия мера» не произвела «нового

---

[86] Из Чугуевского полка было предано суду 313 человек, из Таганрогского — 60. К смертной казни было приговорено 229 чугуевцев и 44 таганрогца, к телесным наказаниям — 74 чугуевца и 16 таганрогцев (ХОГА, ф. 895, д. 25).

[87] Там же, д. 21, л. 694.

[88] Науковий збірник Харківської науково-дослідчої катедри історії української культури», 1927, № 5, стр. 149. Журнал 2-го заседания «комитета, учрежденного по случаю беспорядков», 16 августа 1819 г.

[89] Г. Верещагин. Указ. статья, стр. 156.

[90] Там же.

[91] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 25, лл. 148—153 (списки наказанных).

[92] Там же, д. 21, л. 706.

[93] Там же, д. 25, л. 3.

недоверия и опасения», не решился утвердить это определение [94]. За участие в восстании были высечены розгами и сосланы 29 женщин [95].

Наказаниям подверглись также 69 офицеров Чугуевского полка как принимавших участие в восстании, так и прикосновенных к нему. Еще с середины июля под арестом содержались старший дивизионный адъютант ротмистр Тареев и бывший командир поселенных эскадронов ротмистр Туманский. 13 августа Аракчеев предписал предать Тареева и Туманского военному суду; суд произвести над каждым в отдельности, «не продолжая более трех суток». Тареев был арестован и предан суду за то, что в лагере действующих эскадронов Чугуевского полка он спрашивал стоявших во фронте солдат: «согласны ли вы со своими родственниками?» (т. е. восставшими.— *В. Ф.*), на что несколько рядовых 2-го и 3-го эскадронов ответили согласием. Когда Тареев отходил от 5-го эскадрона, то сказал еще «сомнительные слова»: «что вы оставляете своих отцов!». Комиссия военного суда приговорила Тареева к смертной казни с лишением чинов, орденов и медалей в память 1812 года [96]. Александр I распорядился лишить Тареева чинов и дворянства, посадить в одну из крепостей Оренбургской губернии и «содержать там впредь до повеления» [97]. 29 ноября 1819 г. Тареев под конвоем был доставлен в Оренбург. Ротмистр Туманский был предан суду в связи с произнесенными во время восстания одним поселянином словами: «и ротмистр Туманский советует поудержаться» (т. е. не повиноваться). Хотя за недостатком улик суд вынес Туманскому оправдательный приговор, но он все же был выслан в Оренбург, при этом не были приняты во внимание ни его старость, ни 22-летняя служба, ни участие в сражениях [98].

Был предан суду и сослан в Оренбург отставной поручик Щербина, который вел с поселянами во время восстания «предосудительные разговоры» о поселениях [99]. 21 августа были сосланы в Оренбургский отдельный корпус 9 офицеров Чугуевского полка «по ненадежному их поведению» [100]. 24 августа был пойман в Чугуеве у родственников, судим и также сослан в Оренбург отставной прапорщик Пылев, составлявший восставшим прошения [101]. При проверке «благонадежности» отставных офицеров Чугуевского полка 56 человек попали в списки «ненадежных и подозрительных» и подверглись различным репрессиям. В первый список попали 12 офицеров, живших за округом поселения. Поскольку они были «отделены от частого с чугуевскими жителями сообщения», то и решено было оставить их на прежнем жительстве, «обязав однакож подписками, чтоб не выезжали в округ военного поселения и никаких сношений с жителями оного не имели». Во второй список попало 24 офицера, «кои имеют жительство на землях, назначенных им взамен из округа Чугуевского и вне оного, и коих поведение хотя и не было доныне сомни-

---

[94] Николай Михайлович. Указ. соч., т. II. СПб., 1912, стр. 621.

[95] В списке этих женщин, против имени Анны Дранищевой, 25 лет, собственноручно Аракчеевым было написано: «высечь хорошенько и отослать в Харьков в рабочий дом на 2 месяца», а против имен остальных 28 женщин: «высечь» (М. Богданович, История..., т. V, Приложения, стр. 85).

[96] ХОГА, ф. 895, оп. 3, д. 5, лл. 5, 6 и 8.

[97] М. Богданович. История..., т. V, стр. 470—471.

[98] ХОГА, ф. 895, оп. 3, д. 5, л. 7. Более подробных данных о биографии Туманского и его поведении во время восстания в Чугуеве выяснить не удалось.

[99] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 21, лл. 352, 355 и 366 об.

[100] Поручики Ветчинскин 1-й, Ветчинскин 2-й, Ахишманов и Иванов, корнеты: Замошников, Шавернев, Пивин, Гридин и Шаровкин 2-й (ЦГВИА, ф. 35, оп. 3/244, св. 126, д. 859).

[101] Науковий збірник..., стр. 152. 3-е заседание «комитета, учрежденного по случаю беспорядков», 24 августа 1819 г.

тельно, но как все они имеют с жителями округа родственные и дружеские связи и живут в близком расстоянии г. Чугуева», их сначала решено было выслать из пределов Слободско-Украинской губернии и «определить им для всегдашнего жительства земли в губерниях Саратовской и Кавказской». Поскольку, однако, это переселение дорого обошлось бы казне и разорило бы самих репрессируемых, то их оставили на прежнем месте, но обязали такой же подпиской, как и первых 12 офицеров, «с объявлением им при том, что ежели и за сим кто из них подаст излишний повод к подозрению, то таковой будет немедленно выслан на жительство в дальние губернии». В третий список были включены 20 офицеров, «коих поведение сомнительно и жительство близ города Чугуева терпимо быть не может». 5 человек из них были высланы из пределов Слободско-Украинской губернии, а на гражданских губернаторов, в ведение которых они попали, возлагалась обязанность «иметь (за ними) неослабный надзор, запретив при том и выдачу (им) паспортов в Слободско-Украинскую губернию». Остальные 15 человек были высланы в «дальние уезды» Слободско-Украинской губернии; при этом были приняты меры к пресечению какой бы то ни было их связи с бывшими участниками восстания [102].

Карательные войска оставались в поселениях для «водворения должного устройства» вплоть до ноября 1819 г. Всех, кто проявлял хотя бы малейшее неповиновение или вел разговоры о прошедшем восстании, секли розгами. Председатель комиссии военного суда полковник Салов, исполнявший и обязанности коменданта г. Чугуева, за «распускаемые по городу слухи» наказывал виновных розгами, «смотря по вине» [103].

Чугуевские зверства вызвали взрыв негодования у всех передовых людей России и горячо обсуждались в декабристских кругах. «В 1819—1820 гг. много говорили и не одни мы о жестоком усмирении чугуевцев»,— показывал декабрист А. В. Поджио [104]. Жестокости, учиненные царскими палачами над восставшими чугуевскими поселянами, по словам декабриста С. П. Трубецкого, «возбудили всеобщее негодование». Наиболее «отличившиеся» в деле усмирения палачи, особенно Аракчеев, в глазах всех «сделались предметом всеобщего омерзения», причем, как замечает Трубецкой, «и имя самого императора не осталось без нарекания» [105]. О жестоком усмирении чугуевцев, о смертной казни, розгах и шпицрутенах, которым подвергли восставших чугуевских поселян, с гневом отзывались А. Е. Розен, В. Штейнгель, Н. И. Тургенев, Д. И. Завалишин, А. П. Арбузов, А. Муравьев и многие другие декабристы [106]. Под влиянием чугуевских зверств К. Ф. Рылеев в 1820 г. написал гневную сатиру «К временщику», направленную против Аракчеева. Великий русский поэт А. С. Пушкин, возмущенный кровавой расправой над чугуевцами, написал новую эпиграмму на Аракчеева:

В столице он капрал, в Чугуеве — Нерон,
Кинжала Зандова везде достоин он.

---

[102] ХОГА, ф. 895, оп. 1, д. 21, л. 625—630.
[103] Г. Верещагин. Указ. статья, стр. 164.
[104] ЦГИА, ф. 48, д. 402.
[105] С. Трубецкой. Записки, СПб., 1906, стр. 16.
[106] А. Муравьев. Записки декабриста, Пгр., 1922, стр. 12—13; «Из писем и показаний декабристов», сб. под ред. А. Бороздина, СПб., 1906, стр. 59 и 62; М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, Киев, 1906, стр. 191; «Восстание декабристов», т. II, стр. 26 и 51, т. III, стр. 267; Н. Тургенев. Дневники и письма за 1816—1824 гг., стр. 213—215.

* * *

Восстание чугуевских военных поселян явилось ответом на безудержную эксплуатацию военных поселян и суровые прусско-аракчеевские порядки в военных поселениях. Это восстание — не просто спор крестьян с феодалом за землю и за освобождение от феодальных повинностей, а прямая, непосредственная борьба против института, установленного крепостническим государством, настоящая война против самой феодально-абсолютистской власти.

В восстании в основном участвовали поселяне — коренные жители: не вошедшие в состав эскадронов отставные старики-казаки, поселяне-«хозяева» и «резервные», которые особенно остро почувствовали на себе всю тяжесть военно-поселенческого режима. Отнятие у них земель и двойное закабаление при переводе в состояние военных поселян обусловили характер их требований, заключавшихся в том, чтобы им возвратили отнятые земли, освободили от всех повинностей, связанных с положением военного поселянина, отменили вообще военные поселения, а их самих возвратили «в подушный оклад», т. е. в прежнее относительно «свободное» состояние государственных крестьян и казаков.

Военные поселяне стремились осуществить совместное выступление; по всем селам они сговаривались об общем выступлении, составляли об этом бумаги, утверждая их своими подписями, давали клятвы «стоять заодно»; из их среды выделялись вожаки отдельных восставших групп. Но все же четкой организации сил у восставших не было. Не было и единого руководства восстанием. Как и все массовые движения эпохи феодализма, чугуевское восстание не имело политической программы и проходило стихийно.

Хотя восставшие были недостаточно организованы и плохо вооружены, все же восстание было настолько упорно, а активность восставших настолько велика, что царизм смог задушить его только с помощью крупных карательных сил, пуская в ход оружие и чиня всевозможные жестокости над восставшими поселянами.

Восстание военных поселян в Чугуеве, проходившее под знаком борьбы за отмену крепостнических военных поселений и за возвращение поселян в состояние государственных крестьян, объективно было направлено против крепостничества и усиливало массовое антикрепостническое движение, широко развернувшееся в то время в стране.

Б. А. РОМАНОВ

К ВОПРОСУ О 15-РУБЛЕВОМ МАКСИМУМЕ В СЛУЖИЛЫХ КАБАЛАХ XVI в.

Как известно, 15-рублевый максимум для служилых кабал был установлен статьей 78-й Судебника 1550 г.: «А которые люди волные учнут бити челом князем, и бояром, и детем боярьским, и всяким людем, а станут на себя давати кабалы за рост служити, и боле пятнадцати рублев на серебряника кабалы не имати» [1].

М. Ф. Владимирский-Буданов в своем комментарии к данной статье не предложил никакого объяснения этому ограничительному постановлению Судебника. В своем «дополнении Л» к «Обзору истории русского права» он использовал это постановление для обоснования мысли, что «служилая кабала... не имеет никакой связи с договором займа по существу сделки»: «если это долг, то как мог закон предписать, чтобы заем не простирался свыше 15 рублей. Полагаем, что здесь уже мы имеем дело с фикцией займа, что в действительности дающий на себя кабалу мог не получить ни полушки... Сумма будущего выкупа могла быть обозначена в кабале в произвольных цыфрах». Ограничение суммы этого выкупа, по мнению Владимирского-Буданова, преследовало (хотя и «не вполне достигало цели») «ограждение временного холопства от перехода в полное» [2]. Для кого и для чего понадобилось составителю Судебника вводить такое ограничение «суммы будущего выкупа», которое сформулировано было так, что «не вполне достигало цели», остается у Владимирского-Буданова необъясненным.

М. А. Дьяконов также пытался объяснить, «что же значит предписание Судебника, чтобы заем по служилой кабале не превышал 15 руб.?».

Дьяконов исходил при этом из мысли, что свое «право выкупиться из кабалы» осуществить «без посторонней помощи кабальный не имел возможности» и что «право выкупа кабального сводилось, таким образом, к перемене господина». Так как «находились кредиторы», которые «намеренно повышали» сумму долга «против действительного займа»,— «право выкупа совершенно устранялось, и временная зависимость склонялась к полной неволе». 15-рублевый максимум и был введен «для устранения таких з л о у п о т р е б л е н и й» (подчеркнуто мною.— *Б. Р.*). В отличие

---

[1] И далее: «А старые кабалы, которые иманы на волных людей и болши пятинатцати рублев, до сего Уложениа, а за рост им в тех денгах служити у них, и тем людем приносити те кабалы к боаром, и боаром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дьаком подписывати; а вперед хто ту кабалу оболжывит, и та кабала врьшити по суду». О ст. 78 в целом см. мою статью о Судебнике Ивана Грозного — «Исторические записки», т. 29, стр. 227—230.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 5-е, Киев, 1907, стр. 665 и сл.

от Владимирского-Буданова, Дьяконов полагал, что составитель Судебника принял и особую меру для того, чтобы предотвратить возможность обхода постановления ст. 78-й, в виде запрещения держать кредиторам у себя во дворе должников, которые дали на себя заемную (а не служилую) кабалу (ст. 82-я Судебника), для которой никаких цифровых ограничений установлено не было[3]. Однако и объяснение Дьяконова оставляло недоумение: если «злоупотребление» кабалодержателя заключалось в том, что он прописывал в кабале сумму большую, чем действительно врученная кабальному, то причем тут цифра в 15 руб.? За наизаконнейшей кабалой в 15 руб., писанной после Судебника, могло стоять все то же «злоупотребление», т. е. выдача на руки кабальному, скажем, 2 руб. Подобно Владимирскому-Буданову, и Дьяконов не задавался вопросом, в чьих интересах предпринимал Судебник 1550 г. борьбу с подобным «злоупотреблением».

Затрагивался вопрос о 15-рублевом максимуме и в советской исторической литературе.

Странным образом не обратил на него никакого внимания в своих отзывах о ст. 78 А. И. Яковлев. Называя ее «самой существенной» из 26 статей, «затрагивающих в Судебнике 1550 г. холопство», А. И. Яковлев обращает внимание на ее «рекомендательную» только «форму» и на то, что она представляет собою только «сырую мысль, наспех вдвинутую в уложение 1550 г.» (т. е. в Судебник), хотя и может служить одной из трех «точек, при помощи которых мы можем координировать (?) общую волевую ориентацию московского правительства в хлопьем вопросе в половине XVI в.». Что касается 15-рублевого максимума, то из дальнейшего изложения можно понять, что А. И. Яковлев относит его введение к 1558 г.: «указом 1 сентября 1558 г... воспрещалось писать кабальные крепости более, чем на 15 руб., очевидно, для обеспечения единообразия в мобилизации холоповладения по смерти господина» (подчеркнуто мною.— *Б. Р.*)[4]. Сам А. И. Яковлев подчеркивает слова: «по смерти», хотя ни ст. 78, ни указ 1558 г. не дают и намека на то, чтобы вопрос о перемене владельца не ставился перед кабальным человеком при жизни кабалодержателя. Но и независимо от этих двух недоразумений, ссылка на «обеспечение единообразия в мобилизации холоповладения» носит формальный характер, и автор фактически отказывается от какого бы то ни было объяснения интересующего нас ограничения по существу.

Пристальное внимание уделил ст. 78-й и этому ограничению И. И. Смирнов. Оценивая кабальное холопство, как «новое явление в социально-экономических отношениях Русского государства XVI в.», И. И. Смирнов видел в ст. 78-й «легализацию в общегосударственном масштабе новой группы феодально-зависимого населения», а в кабальном холопстве — «институт, в форме которого феодально-крепостническая зависимость распространялась на новые слои свободного населения» в условиях «развития товарно-денежных отношений». Обратил внимание И. И. Смирнов и на «молчание Судебника 1497 г. в вопросе о кабальных людях» и объяснил это тем, что «к моменту издания первого Судебника служилая кабала еще не настолько распространилась, чтобы возникла необходимость законодательного регулирования этой формы зависимости». Зато «к 50-м годам XVI в. положение... коренным образом меняется», и появление в Судебнике 1550 г. ст. 78-й, «регламентирующей взаимо-

[3] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, СПб., 1910, стр. 392 и сл.

[4] А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I, М.— Л., 1943, стр. 46, 47 и 49.

отношения между кабальным человеком и его господином (установлением предельной суммы долга...)», «свидетельствует о широком распространении кабальных отношений». Именно «предпосылка широкого развития кабальной зависимости лежит в основе постановления Судебника о максимальной сумме денег по служилой кабале», само же признание необходимости такого постановления свидетельствует о том, «что без создания прочной правовой базы развитие этого нового института становилось невозможным, угрожая в противном случае дезорганизацией существующего строя социальных отношений». Предотвратить эту «дезорганизацию» и были призваны обе нормы ст. 78-й: и разрешение брать служилые кабалы только на «вольных людей», и установление 15-рублевого максимума,— обе, служившие одной и той же цели («создания для дальнейшего развития отношения кабальной зависимости условий, наиболее адэкватных интересам правящих классов»)[5].

Таким образом, впервые у И. И. Смирнова был дан ответ на вопрос о том, в чьих интересах был установлен 15-рублевый максимум: это было сделано в интересах «правящих классов» в целом.

Но и в объяснении И. И. Смирнова оставалась все же неясность — какую именно «дезорганизацию существовавшего строя социальных отношений» и каким путем должно было предотвратить введение максимума. С одной стороны, «тенденция владельцев кабальных людей к максимальному поднятию размеров суммы долга» «неизбежно должна была бы привести к полному обесценению реального значения служилой кабалы» и «тем самым она (тенденция.— *Б. Р.*) превратилась бы в тормоз, мешающий росту кабальных отношений, ибо фактически означала бы сведение на нет различия между холопством полным... и кабальным холопством, в котором момент временности и условности зависимого состояния являлся основным стимулом, толкавшим свободных людей, оказавшихся перед необходимостью лишиться своей свободы, предпочитать именно эту форму неволи». С другой же стороны, «установленный Судебником 1550 г. максимум в пятнадцать раз превышает размер крестьянского пожилого», т. е. давал «более чем достаточную возможность н а д е ж н о з а к р е п и т ь (подчеркнуто мною.— *Б. Р.*) за собой кабального человека, уровень платежеспособности которого, конечно, был во много раз ниже установленной Судебником грани».

Неясность, вытекающая из сопоставления этих двух положений, ведет к недоумению, чем отличается здесь «надежное закрепление» кабального при 15-рублевом максимуме от «сведения на нет» «временности и условности» кабальной зависимости при отсутствии этого ограничения.

Однако сомнение в правильности данного И. И. Смирновым объяснения 15-рублевого максимума связано не только с этой неясностью. Оно связано и с тем, что в этом пункте своих комментариев к Судебнику 1550 г. И. И. Смирнов явственно отступил от основной своей установки в анализе текста Судебника в целом, требующей бдительного различения интересов низов класса феодалов, дворян-помещиков, от интересов его верхов — «бояр-княжат». Мало того, И. И. Смирнов не использовал здесь в своем анализе и своего собственного наблюдения о «широком распространении кабальных отношений», сказавшемся в определении в ст. 78-й «круга лиц — владельцев кабальных людей, как обнимающего не только основные группировки землевладельцев («князи, бояре и дети боярские»), но и «всяких людей», «под которыми можно подразумевать прежде всего торговые верхи посада». На фоне этого наблюдения яснее видна корен-

[5] И. И. С м и р н о в. Судебник 1550 г.— «Исторические записки», т. 24, стр. 333—335.

ная ошибка, обусловившая отмеченную неясность: это — оценка 15-рублевой суммы при помощи рублевого крестьянского пожилого, как мерила этой оценки, при молчаливом предположении, что кабальный сам уплачивает прописанную в кабале сумму. Сочетание данной оценки с этим молчаливым предположением обращает и 15 руб. в тот же тормоз, что и всякая иная высшая цифра прописанного в кабале долга. Но теория «тормоза» тотчас же и отпадает, как только оценка 15-рублевой суммы будет перенесена в иную сферу, где мерилом будет не платежеспособность кабалимого, а платежеспособность кабалящего. Все ли «господствующие классы» или «правящие классы» одинаково заинтересованы в ограничении прописываемой суммы долга, при найме рабочей силы? И что значат эти 15 руб. (в сравнимых цифрах) в обиходе кабалодержателей? Именно этих вопросов не поставил И. И. Смирнов при оценке значения 15-рублевого максимума.

Ценную попытку подойти к осмыслению 15-рублевого максимума с точки зрения кабалодержателя находим у Б. Д. Грекова. Закон, пишет Б. Д. Греков, «не закрывает возможности для ищущих рабочих рук получить их на доступных условиях» («боле 15 рублев на серебряника кабалы не имать»). Это последнее условие было очень важно для тех, кто либо обзаводился новым хозяйством, либо стремился расширить старое. Имелись в виду люди среднего достатка, главным образом служилые люди. Именно эти люди были заинтересованы в возможности ««окупить» себе работника, т. е. заплатить за него серебро и перевести его к себе». Но дело было не только в служилых людях (т. е. детях боярских — помещиках, по преимуществу) и не только в «деревенских работниках», а и в «городских», «и, пожалуй, в городских больше, — как далее подчеркивает Б. Д. Греков, — чем в деревенских, поскольку город очень нуждался в рабочей силе и, не располагая крестьянским трудом, имел более ограниченный людской контингент, из которого он мог черпать себе работников»[6]. В этой последней, городской, сфере, Б. Д. Греков, вероятно, не стал бы отрицать и заинтересованности городских людей аналогичного «достатка» из числа отмеченных И. И. Смирновым мимоходом «всяких людей» (другими словами, «торговых верхов посада»).

Следуя по намеченному Б. Д. Грековым пути, надлежало бы в какой-то степени конкретизировать представление о том «человеке среднего достатка», ради которого Судебник ввел 15-рублевый максимум, и привлечь к этому не только новый материал, но и пересмотреть, может быть, старый — в ином только сопоставлении. Предлагаемые здесь наблюдения представляют именно такую попытку.

Обращаясь прежде всего к сохранившемуся фонду служилых кабал, приходится отметить, что среди ничтожного количества известных нам кабал, писанных до 1550 г., нет ни одной на сумму 15 руб.[7] На несколько сотен кабал (или записей о них в кабальных книгах) второй половины XVI в. 15-рублевых кабал насчитывается немногим более двух десятков (в том числе на двух-трех братьев или на целую семью в несколько человек). Наблюдения над этим актовым материалом позволяют заключить, что 15-рублевый максимум соблюдался и не был простым измышлением составителя Судебника 1550 г., оторванным от действительности, а в ряде случайно сохраненных документами примеров служил пределом для прописываемой суммы долга.

Некоторые наблюдения, имеющие отношение к 15-рублевому максимуму, возможны и в законодательном материале.

[6] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, изд. 2-е, кн. 2, М., 1954, стр. 114.
[7] Высшая сумма — 10 руб. (см. Акты А. Юшкова, № 102 и 107).

Статья 81-я Судебника 1550 г. запретила принимать в холопы детей боярских «служивых» и их сыновей, еще в службу недоспевших, а разрешила принимать в холопы только отставных или в службу непринятых. Это значит, что предложение рабочих рук со стороны именно запрещаемых Судебником категорий детей боярских было достаточно распространено, чтобы попасть в поле зрения законодателя, и что спрос на рабочие руки обращался и на эти категории мелких феодалов (а не только на возрастной или увечный отсев от основной массы их) [8].

Что составитель Судебника уловил здесь действительно больное место в положении этой массы, показывает практика ближайших, следовавших за изданием Судебника, лет со случаями нарушения запрета ст. 81-й и со случаями ее предумышленного использования для освобождения себя безденежно от кабальной службы неслужилыми детьми боярскими, под действие ее не подходившими. Об этом красноречиво свидетельствует царский указ от 1 сентября 1558 г., посвященный разъяснению того случая, когда «кто на ком взыщет по служилой кабале, и ответчик кабалу оболживит, а скажет, что он сына боярского служивого сын». Практика представила этот случай в двух вариантах, и рассмотрен он был в царском указе в двух аспектах: или это был юноша «менши 15 лет» — и тогда вступала в силу ст. 81-я, и суда по таким кабалам царь «давати не велел», а кабалы те «приговорил отставливати»; или это был человек «болши 15 лет», который «службы государевы не служит», и кабала была на него написана, когда ему уже «минуло 15 лет» (и он почему-либо в службу взят не был),— и тогда вступала в действие ст. 78-я, и по такой кабале истцу давался суд. Не только в первом, но и во втором случае дело шло о начинающей самостоятельную жизнь молодежи, из числа сыновей детей боярских, подлавливаемой рынком труда. Как видим, спрос и на представителей этой социальной среды неукоснительно предъявлялся в течение всех восьми лет, протекших после издания Судебника. И законодателю представилось необходимым вновь подтвердить охранительный запрет ст. 81-й.

Примечательно, что в тот же день, 1 сентября 1558 г., царь рассмотрел и еще один случай, в котором такую же живучесть показал и 15-рублевый максимум в служилых кабалах [9]. Случай этот заключался в том, что «боярский человек» (т. е. холоп), для того и посланный ходить по Москве, задержит кого-нибудь по обвинению в том, что то беглый холоп его господина, но, задержавши, сказать точно, какой документ есть у господина на этого беглого холопа, не может. И вот разрешен был в царском приговоре 1 сентября 1558 г. этот случай при непременном посредстве 15-рублевого максимума, а именно царь приговорил отдавать задержанного на поруку «по кабале в 15 рублях», а задержавшему давать срок (из определенного поверстного до местонахождения господина расчета, по ст. 75-й Судебника) для доставки «кабалы или какой другой крепости», а затем «суд дати и вершити по Судебнику» [10]. При этом, если задержатель «положит крепость или кабалу менши 15 рублев», дело передается в суд, но тут же оговорено, что истец не отвечает за то, что пойманный был дан на поруку в «крепости в 15 рублях», т. е. в завышенной сумме. Если же будет положена «кабала или к а к о в а к р е п о с т ь н и б у д и» «болше 15 рублев», тогда задержателю «на того человека» суда не дается.

---

[8] О ст. 81 см. мою вышеуказанную работу в «Исторических записках», т. 29, стр. 230—232.

[9] Оба указа см. в «Хрестоматии по истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова, изд. 4-е, Киев, 1901, стр. 17—18.

[10] Ст. 75 устанавливала семидневный срок для проезда 100 верст.

Подчеркнутые мною слова о «крепости» выдают подозрение законодателя, что за истекшие 8 лет покупатели рабочей силы изобрели и стали применять способ обхода ст. 78 в отношении 15-рублевого максимума — посредством замены служилой кабалы иною «какою крепостью нибуди». Во всяком случае, при толковании приведенного места приговора 1 сентября 1558 г. о кабале и крепости мы вправе исходить из мысли, что все «старые» кабалы выше 15 руб. были своевременно явлены на утверждение после Судебника и были утверждены, так что приговор 1558 г. имеет в виду возможное новое накопление запрещенного размера кабал и иных «крепостей». А тогда — не значит ли это, что напряжение в спросе на рабочие руки, вызвавшее к жизни 15-рублевый максимум в ст. 78 в 1550 г., представлялось царю не ослабевшим и в военном 1558 г. Это-то и заставило его цепко держаться за максимум, потому что он попрежнему стоял на страже интересов человека «среднего достатка» из числа тех же детей боярских, в защиту которых он вторично, после Судебника, выступил 1 сентября 1558 г.— в обоих возможных для них положениях: положении кабалящего (с подтверждением максимума) и положении кабалимого (с подтверждением ст. 81 Судебника)?

Некоторое представление о «среднем достатке» служилого человека в денежной форме можно составить по так называемой Боярской книге 1556 г., изданной Оболенским [11]. В ней находим список служилых людей на 174 листах (по человеку на листе) со сведениями, более или менее полно отвечавшими заголовку книги: «Книга боярская, сколко за ними поместья и сколко имеют дать людей на службу в доспехах с саадаки и с сабли и что с них, бояр, надлежит взять тем людям на жалованье денег». Кроме того, о каждом почти служилом человеке сообщается, какое было за ним «кормленье» и сколько ему следует «по новому окладу» денежного жалованья самому (помимо того, о котором сказано в заголовке применительно к «людям»). Оболенский правильно связал происхождение этой «книги» с летописным рассказом о реформе военной службы, читаемом в Никоновской и Львовской летописях под 1556 годом. Можно даже предполагать, что сохранившаяся Боярская книга принадлежит к тем «подлинным тому разрядам», которые должны были храниться «у царских чиноначальников, приказных людей» и упоминанием о которых кончается летописный рассказ о реформе [12].

Еще составитель Судебника 1550 г., определяя в ст. 26 сумму «бесчестья» детям боярским, разделил их на две группы: тех, которые получают «доход» с кормления, и тех, которые «емлют денежное жалованье», и сумму бесчестья назначил в размере получаемого: первыми — «противу доходу, что на том кормленье доходу по книгам», и вторым — «сколько которой жалования имал». В 1550 г., возможно, за этим не стояло еще деления детей боярских на «статьи», сообразно получаемому «окладу» денежного жалования — деления, на котором держится вся схема Боярской книги 1556 г. (как правило, умалчивающая зато о доходе с кормления) [13]. В ней фигурируют, однако, не все статьи, а только статьи с 11 по 25-ю, с окладом жалованья от 50 руб. до 6 руб. (ст. 25). Бросается в глаза с первого же взгляда, что интересующая нас цифра кабального максимума — 15 руб.— очень высока при сопоставлении ее с этими цифрами жалованья. Я имею в виду, однако, не это сопоставление, а некоторые

---

[11] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым, кн. 3, СПб., 1861. отд. II, стр. 27—80.

[12] ПСРЛ, т. XX, 2-я пол., стр. 571.

[13] Деление на статьи имеем в Тысячной книге 1550 г., но там — это статьи сообразно с поместным окладом.

наблюдения над всей совокупностью цифрового материала, заключающегося в записях Боярской книги, более сопоставимые с названной цифрой.

Начну эти наблюдения с одного частного, конкретного примера в этих записях, удобного своей простотой, а также тем, что он относится к ст. 19-й, по которой служилому человеку полагалось «по новому окладу» «на его голову» жалованья 15 руб.— цифра, близкая к середине шкалы окладов наличных в книге статей. В случае с Иваном Назарьевым сыном Хлоповым, который имею здесь в виду (см. стр. 45), можно видеть, как кормление сменялось денежным жалованьем: за Хлоповым в первых строках записи не указано, вопреки обыкновению, никакого кормления, а в последних строках, тоже, вопреки обыкновению, нет формулы «ему на голову». Запись о Хлопове начинается с того, что «по окладу бояр И. В. Шереметьева с товарыщи... велено давати Ивану за кормленье по 15 рублев на год». Поместья «велено за Иваном учинити на 300 четьи», но на деле «дано» на 100 четей. Так что по только-что введенной норме («со ста четвертей добрые угожеи земли человек на коне и в доспесе полном») у Хлопова «с земли взяти» людей было «не с чего», т. е. людей в поход, кроме себя, выставлять он был не обязан. Однако же он «передал», т. е. выставил сверх положенного трех «людей» в полной экипировке («в доспесех и в шеломех»), за что было «дати Ивану на люди 15 рублев» (по 5 руб. за человека). Это — довольно редкий (в книге) пример воина-одиночки, сумевшего удвоить свой денежный «доход» — «передав», сколько захотел, «людьми» и получив все, что только можно, деньгами. То обстоятельство, что он не имеет ни клочка вотчины и довольствуется только одною третью своего поместного оклада, роднит его с Пересветовым и позволяет считать его «достаток» средним в шкале достатков, запечатленных в Боярской книге.

Эта шкала, по признаку оклада жалованья («ему на голову»), имеет такой вид, начиная с меньшей, 25-й статьи и кончая большей, 11-й (в рублях): 6, 7, 8, 9, 10, 12, 15, 17, 20, 25, 30 (далее отсутствует 14 и 13-я статьи, вероятно, 25 и 40 руб.), 45, 50 руб. Недостаток этой шкалы — отсутствие в ней 10—1 статей, свыше 50 руб. Отталкиваясь от 5-рублевой разницы между статьями, начиная с 20 руб. и выше, можно с большой долей вероятия предположить ту же разницу и между статьями от 10-й до 1-й вверх и считать 1-ю статью в ста рублях. Однако, принимая во внимание, что ст. 25-я Судебника цифру в 50 руб. назначает за «бесчестье» «большого гостя», мы без особой натяжки можем отнести отсутствующие в книге 10 высших статей к верхушке феодальной пирамиды и оперировать наличными статейными данными, как охватывающими основную массу феодалов, следовательно, можем искать средний достаток в 19—18 статьях, с 15—17-рублевыми денежными окладами жалования.

Необходимо, далее, заметить, что принадлежность к той или иной статье этой денежной шкалы не стоит ни в какой закономерной связи или зависимости от количества вотчинной (обычно меньшей) или поместной (обычно большей) земельной цифры, записанной за данным служилым человеком. Например, наш Иван Хлопов, занимая в денежной шкале самую середину, является едва ли не самым малоземельным помещиком чистой воды, не имеющим вотчины вовсе, и угадать, что служило критерием при разнесении служилых людей по статьям Боярской книги, по тексту ее невозможно. Во всяком случае признак производства хлеба на продажу, никак неразличимый в тексте книги, не имел никакого отношения к этому разнесению. С одинаковым основанием (или одинаково

без всякого основания) мы можем приписывать или отрицать этот признак в отношении любого лица, занесенного в список и, следовательно, должны вынести этот признак за скобку, как нечто возможно общее для всей шкалы, если заинтересуемся денежным бюджетом занесенных в список служилых людей.

Денежная страница бюджета служилого человека может быть представлена, по данным Боярской книги, в двух его элементах: постоянном (для данного лица) и переменном (для него же). Постоянный — в том смысле, что данное лицо бессильно его изменить — это «новый» оклад жалования «ему на голову»: это велено ему «дати», сообразно статье, куда он записан не по своему выбору. Переменный элемент — это все прочие цифры, тщательно вычисляемые для каждого отдельно. Таковы цифры: 1) «людей с земли» (по известному расчету: один человек со ста четей «на коне и в доспесе полном»), за которых служилому человеку («боярину» — барину) полагалось 2 руб. за человека в полной форме, с возможным вычетом рубля или двух за ту или иную степень недоснаряженности, и 2) людей «передаточных», сверх нормы, не «с земли», за которых полагалось ему по 5 руб. за человека тоже в полной форме, также с возможными вычетами за недоснаряженность. Если допустить, что названные 2 руб. за человека «с земли» в среднем точно соответствовали принципу погашения стоимости снаряжения, т. е. должны были окупить денежные расходы на снаряжение, то относительно 5-рублевой премии за «передаточного человека» можно утверждать, что 3 полные рубля из этой премии являлись чистым «доходом» феодалов, способным вырастать, как, например, у вышеназванного Ивана Хлопова, до 100%-ной прибавки к окладу жалованья «ему на голову».

Если сопоставить этот пример с Хлоповым с введением 15-рублевого максимума, то можно бы сказать, что после выхода Судебника 1550 г. такому Хлопову, чтобы выйти на рынок в поисках кабального «человека» с максимальной долей вероятия его найти и купить хоть за все 15 руб., достаточно было выставить в данном году трех «передаточных» людей в доспехах (закрыв глаза на три амортизационные 2-рублевки), или же выставить пятерых «передаточных» (чтобы все сошлось, по хозяйственному, рубль в рубль). И в результате у такого Хлопова явился бы живой источник годового «дохода» в двойном исчислении: в 5 руб. «валового» и в 3 руб. «чистого». Таково на нашем упрощенном примере соотношение переменного элемента в бюджете кандидата в люди «среднего достатка» из среды помещиков с 15-рублевым максимумом в служилых кабалах.

Расширяя круг наблюдения и переходя к другим примерам из той же Боярской книги, необходимо отметить, что изменения в переменной части денежного бюджета не стоят в какой-либо строгой связи с изменением в окладе денежного жалованья служилого человека. Не только мыслимо, но и практически абсолютно возможно было для служилого человека пуститься в операцию первоначального накопления на предмет приобретения кабального холопа, обладая любым, хотя бы 6—7-рублевым окладом жалованья. Этому, наудачу, из любой статьи Боярской книги можно извлечь выразительные примеры. Таков, например, Костя Васильев сын Телятев, записанный в 25-ю, 6-рублевую статью (стр. 65), который умудрился к своим 6 руб. жалованья добавить 8 руб. «на люди с земли», «да на передаточных людей 10 рублев..., всего... 24 рубля». Таков, далее, и Иван Ондреев сын Совин, как и Хлопов и Телятев тоже только помещик (за которым «вотчины не сыскано»); этот получил за «человека с земли» 2 руб., «да на передаточных людей 19 рублев», а всего, вместе

с 7 руб. жалованья по своей 7-й статье, — учетверенную против жалованья сумму в 28 руб. Таковы же братья Никита да Меншик Григорьевы дети Перепелицыны, каждый имевшие по отдельности и вотчинки и поместья, но жившие до того дружно, что службу несли оба сообща и записаны были в книгу вместе на одном листе; жалованья они получали по 23-й статье, по 8 руб., а «передаточных людей» выставили совместно на целых 18 руб. (не дотянув 2 руб. до круглой суммы из-за недостачи в доспехах— стр. 62—63).

Просматривая статью за статьей подобные бюджетные показатели усилий потенциальных кабалодержателей по линии поставки «передаточных людей», получаешь скорее впечатление, что усилия эти были свойственны людям меньших статей не в меньшей мере, чем высших. Например, Яков Губин сын Моклоков, записанный по жалованию в 18-ю статью (17-рублевую) получил на передаточных 40 руб. (стр. 39), или Григорий Микитин сын Сукин, записанный по жалованию в 12-ю статью (45-рублевую), на том же деле придобыл 65 руб. вдобавок к своему жалованию в 45 руб., всего, таким образом, получив 110 руб. Как видим, нет нужды итти по нашей 25-статейной шкале до самых ее верхов, чтобы обнаружить уже в 12-й статье тех Сукиных, с которыми не так уже просто было соперничать на рынке Иванам Хлоповым. Эти Хлоповы с великим (сравнительно) напряжением выжимали со своих 100 четей 15 руб. передаточного дохода — против 600 четей поместья и 200 с лишним четей вотчины, с которых такие Сукины получали свои 65 руб. такого же дохода при ничтожном (относительно) напряжении своих людских ресурсов. Достаточно сказать, для уточнения отмеченного выше наблюдения, что по хлоповскому масштабу Сукины должны бы получить с этого дела не 65 руб., а 120 руб., а по сукинскому масштабу Хлопов мог получить только 8 руб., а не 15 руб.

Изложенные наблюдения в известной мере, думается, иллюстрируют возможный смысл и объясняют живучесть 15-рублевого максимума ст. 78-й несколько конкретнее, чем было до сих пор. Эти наблюдения, например, наводят на предположение, что самая цифра кабального максимума (15 руб.) родилась в сфере, не имеющей отношения к крестьянскому пожилому, настолько этот 1 рубль и 4 алтына пожилого ни в какое сравнение не идут с 15 рублями. Цифра кабального максимума скорее могла иметь в виду контингент «людей», привычных и способных (или социально предназначенных) к военному делу, вербуемых Сукиными и Хлоповыми для сопровождения их в походах на государевых службах. Вербовались же они, вероятнее всего, из молодежи, поставленной под запрет статьей 81-й Судебника, и из забракованных при царском верстании переростков — сыновей детей боярских. Недаром вопросы о похолоплении детей боярских и неукоснительном соблюдении 15-рублевого максимума рассматривались царем Иваном одновременно и даже в один и тот же день, 1 сентября военного 1558 г., точно это была одна политическая тема. Формула служилой кабалы: «жити по вся дни во дворе» (господина) открывала перед этими сыновьями детей боярских перспективу не на пашню, и не на скотный двор, и не в пастухи, а в «люди с «земли» или в «передаточные люди» цитированной Боярской книги.

Возможно даже, что только этот контингент — в лице неустойчивых по разным причинам элементов основной массы дворян-помещиков — и явился предметом законодательной заботы правительства царя Ивана в 1550-х годах, в частности в ст. 78-й Судебника с ее кабальным максимумом. Что речь в этой последней идет о «вольных людях» в общей форме, объясняется в первую очередь необходимостью оградить от закабаления

22 Зак. 1310

чужих «старинных», «докладных» и «полных» холопов,— чему и посвящена вторая половина текста ст. 78-й и что обычно упускается из виду при ее истолковании [14]. В первой же половине текста ст. 78-я единственным предметом является введение максимума в служилых кабалах, а никак не «легализация» самого института кабального холопства [15].

Ни в какой легализации этот институт не нуждался, потому что не подвергался и сомнению. В регламентации же его явилась нужда в той мере, в какой практика этого института затрагивала интересы Пересветовых, обоих — действующего и подрастающего — их поколений.

Вопреки А. И. Яковлеву, я не вижу, чтобы ст. 78-я содержала «осторожно выдвигаемую весьма важную идею» служилого кабального холопства [16]. А. И. Яковлев видит эту осторожность, вероятно, в отсутствии в статье «целого ряда дополнительных мотивов, которые должны были бы быть включены в нее, как-то: принудительности кабализации, определения порядка выхода холопа из кабального холопства, определения судьбы детей, рожденных до закабаления и по закабалении, права закабаленного на свое имущество, переноса или непереноса кабалы на жену холопа (соответственно — с рабы на мужа), порядка писания кабал на одно лицо или несколько лиц и т. д.». С другой стороны, все это делает для А. И. Яковлева статью 78 «сырой мыслью, наспех вдвинутой» в Судебник 1550 г. При внимательном изучении всего текста этого Судебника не обнаруживается никаких следов спешки или суеты при его составлении, наоборот, обнаруживается тщательность формулировок и стремление к их обобщенности (например, в ст. 85-й) и внимательность при пересмотре текста Судебника 1497 г. Замечания А. И. Яковлева о ст. 78-й полезны тем, что как нельзя яснее вскрывают тот основной факт, что законодатель в ней и не ставил вопроса о регламентации кабального состояния, так сказать, изнутри этого состояния. Что делается с кабальным человеком после того, как он попал в это состояние, в данном случае абсолютно не интересует законодателя. Законодателя интересовало в ст. 78-й: 1) чтобы кабалящий мог достать на рынке «человека» по цене, не превышающей известного условно доступного уровня, и 2) чтобы при этом не страдали интересы основного кадра холоповладельцев от покушений этого кабалящего на всякого рода наследственных холопов. Статья 78-я Судебника 1550 г.— родная сестра ст. 81-й его и дополнительных указов 1558 г., и все эти четыре мероприятия стоят на страже интересов и имеют целью консолидацию основной массы феодалов — дворян-помещиков.

К этим четырем мероприятиям можно бы добавить и пятое — ст. 82 Судебника 1550 г., запретившую кредитору «держать» человека, занявшего деньги «в рост» (а не «за рост служити») и рекомендовавшую этому человеку «жити собе» и кредитору «не служити». И. И. Смирнов, вслед за Татищевым, правильно, по моему мнению, указал на связь этой статьи со ст. 81-й Судебника и усмотрел эту связь в том, что ст. 82-я пре-

[14] Напомним ее: «А имати им кабалы на волных людей, а на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати. А хто возмет на полного, и на докладного, или на старинного холопа кабалу, не опытав, или кто на него беглую грамоту возмет, а кто на того холопа положит полную или докладную, или доведет на него старинное холопство, по духовной грамоте или по иным крепостем, и у того денги пропали; а чей тот холоп был, а скажет тот, что от него тот збежал, пократчи, и та гибель взяти на том, хто, не обыскав, на чюжего холопа кабалу возмет или беглую возмет, а тот холоп по старому холопству или по полной, или по докладной, или по духовной тому государю».

[15] Как думает И. И. Смирнов (указ. статья, стр. 333).

[16] А. И. Яковлев. Холопство..., стр. 47.

следовала «в первую очередь цель устранения угрозы закабаления задолжавшего служилого человека-помещика» (хоть он тут и не назван) [17]. Предметом заботы законодателя в ст. 82-й, действительно, является все тот же «служилый человек-помещик». Только и здесь он имелся в виду в обоих, интересовавших царя Ивана, возможных для него положениях: положении кабалящего и положении кабалимого. В стиле ст. 81-й и указа 1 сентября 1558 г., его, как сына или даже, например, одного из 7 сыновей многодетного «сына боярского служивого», ст. 82-я охраняет от практически грозящей ему опасности закабаления при заключении обыкновенного процентного займа — не производственного, а прожиточного назначения,— который при неблагоприятных обстоятельствах таит в себе угрозу «выдачи» несостоятельного должника кредитору «головою до искупа» [18].

Но того же сына боярского служивого как «боярина» (Боярской книги), вербующего себе «людей» для походной службы, ст. 82-я охраняет от возможных неудач, связанных с неосмотрительным заключением непрочных сделок, заставляя его брать на людей служилые кабалы — подобно тому, как ст. 78-я предостерегает его от неосмотрительных («не опытав» и «не обыскав») закабалений чужих наследственных холопов и стремится помочь ему в приобретении «людей» из числа «вольных» установлением максимума [19].

Если мы верно улавливаем классовую направленность всех упомянутых пяти мероприятий правительства «Избранной рады» (1550—1558), то представляется очень вероятным, что ст. 78-я вовсе не имела в виду той массы «работных» людей, которая была обречена вращаться в кабальном состоянии, используя его временность и условность только для перемены владельцев, а никак не для выхода на свободу.

Во всех этих пяти мероприятиях имелись в виду Пересветовы всех родов, будь то Пересветовы-воинники — отцы, будь то их «люди» из числа Пересветовых же детей. В частности, Пересветовым — отцам 15-рублевый максимум сулил некоторую помощь в конкурентной борьбе за людей», но отнюдь не всем, а только тем из них, кто оказывался удачливым и оборотистым в отмеченной выше игре с наличными «людьми» — на почве снаряжения их в походную службу. 15-рублевый максимум был не так уже низок. И будь правительство Ивана IV в 1550-х годах в руках одних Пересветовых, кабальный максимум в ст. 78 Судебника явился бы в размере рублей пяти, не больше. Но в этом правительстве были и Курбские,— и печать компромисса легла на ст. 78 так же, как она легла на ст. 85 [20].

---

[17] И. И. Смирнов. Указ. статья, стр. 337.

[18] Указом 15 декабря 1557 г. именно в отношении служилых людей правеж процентов с них был отменен на 5 лет.

[19] См. подробнее о ст. 82 в моей статье о Судебнике Ивана Грозного — «Исторические записки», т. 29, стр. 232—234.

[20] См. мою статью «К вопросу о земельной политике Избранной рады» — «Исторические записки», т. 38.

А. А. ЗИМИН

СОСТАВ РУССКИХ ГОРОДОВ XVI в.

Советская историческая наука много сделала для изучения древнерусских городов. В работах М. Н. Тихомирова по истории древнерусских городов выясняются состав и типы русских городов IX—XV вв.[1] Слабее изучен город XVI в., причем наименее всего разработан вопрос о составе русских городов в XVI в. Буржуазно-дворянские историки оказались неспособными решить его уже в силу порочности своей методологии. Относя к числу городов населенные пункты, имеющие укрепление («город»), они тем самым увеличивали число настоящих городов за счет крепостей, не являвшихся городами при отсутствии в них торгово-ремесленного населения. Вместе с тем они не рассматривали в качестве городов поселения, лишенные крепостей, хотя имевшие значительное торгово-ремесленное население.

Впервые попытался дать материалы для изучения состава русских городов К. А. Неволин[2]. В списке городов, составленном Неволиным, указывается дата первого упоминания в источниках того или иного города. В работе Неволина, кроме отмеченных выше недостатков методологического характера, имеются и другие. Автор, например, не указывает источника, откуда им почерпнуты сведения, что делает невозможным критическое рассмотрение списка Неволина. Наконец, судить о составе городов только по первому упоминанию в источнике нельзя, ибо целый ряд городов впервые упомянут в источниках в XIV—XV вв., а существовал ли он в XVI в.,— остается совершенно неясным. Недостаточный источниковедческий фундамент работы Неволина привел к тому, что автору остались неизвестными ранние упоминания о некоторых городах XVI в.

Занимаясь специально составом русских городов в XVI в., Н. Д. Чечулин указал на наличие 220 городов в XVI в., из которых 20, по его словам, были основаны в самом конце века[3]. К сожалению, Чечулин весьма редко указывает на источники своих сведений о том или ином русском городе, что затрудняет использование его материалов. Автор также, не имея научного критерия отбора населенных пунктов для занесения их в рубрику «городов», отнес к ним много поселений, которые или не были вовсе городами, или к XVI в. уже давно запустели[4]. Ряд городов, находившихся в составе великого княжества Литовского, также

---

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946; его же. Древняя Москва. М., 1947; его же. «Список русских городов дальних и ближних» — «Исторические записки», т. 40.

[2] См. его работу «Общий список русских городов» (К. А. Неволин. Соч., т. VI СПб., 1859, стр. 35—95).

[3] Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, стр. 15—21.

[4] В том числе Кошкин, Мглин, Плес.

попал в список Чечулина. Имеются у него и досадные пропуски, например, отсутствуют Углич, Гомель (с 1503 по 1535 г. и др.).

Для изучения состава русских городов в XVI в. большое значение имеет исследование П. П. Смирновым русских городов первой половины XVII в.[5] Однако переносить его сведения на XVI в. нельзя, ибо значительная часть этих городов возникла в начале XVII в., а часть запустевших в конце XVI в. городов Смирновым оставлена без внимания.

В другой своей работе П. П. Смирнов указывал, что в XVI в. впервые в источниках упомянуто 113 городов, из которых 45 были основаны вновь[6]. Однако эти данные основаны на сведениях К. А. Неволина и поэтому не могут быть признаны сколько-нибудь точными[7].

В результате изучения сохранившихся источников можно установить наличие в первой половине XVI в. до 160 русских городов. Их состав ярко отражает сдвиги в социально-экономической и политической истории России, происшедшие после образования Русского централизованного государства. Число городов в этот период резко возросло прежде всего за счет роста общественного разделения труда и образования новых городских поселений. Возникают такие города, как Ивангород в Новгородской земле, много городов на севере — в Вятской земле (Хлынов, Слободской и др.) и Поморье (Каргополь, Турчасов и др.), Васильсурск (в Поволжье и др.). Все они являлись видными центрами ремесла и торговли. Состав городов пополнился и за счет воссоединения с Москвою северских земель после войны 1500—1503 гг. с Великим княжеством Литовским. Наконец, в 30-х годах XVI в. появляются некоторые города-крепости на южной и юго-западной «украине», которые являлись опорными пунктами на южных рубежах страны, защищавшими ее от разорительных набегов крымских и казанских татар (Пронск, Темников и др.). Основываются «города» и на западных рубежах (Себеж, Велиж). Постепенно и эти крепости, обрастая посадами, становятся торгово-ремесленными центрами.

Особенно значительным был рост русских городов во второй половине XVI в. в период, когда слагались предпосылки «всероссийского рынка». В это время появилось свыше 70 новых городов. Их состав отражал дальнейшее экономическое и политическое укрепление Русского централизованного государства. Продолжался экономический подъем на севере страны, где основывались такие города, как Архангельск и Кола, чему содействовало и постепенное налаживание торговых связей со странами Западной Европы. В результате присоединения в середине XVI в. к Русскому государству Поволжья здесь появилось до двадцати новых городов (в их числе Самара, Саратов, Царицын, Уфа и др.), оказывавших значительное влияние на дальнейшее развитие экономики края. Этот процесс наглядно показывает положительные результаты и прогрессивное значение для народов Поволжья их вхождения в состав Русского государства. С конца XVI в. началось энергичное освоение земель Западной Сибири, в результате которого уже к 1600 г. основываются до пятнадцати городков (в их числе Тюмень, Тобольск, Нарым и Тара), ставших опорными пунктами русской колонизации края и центрами торгово-промысловой деятельности русских поселенцев.

---

[5] См. таблицы в книге П. П. Смирнова «Города Московского государства в первой половине XVII века, т. I, вып. 2, Киев, 1919, стр. 34 и сл.

[6] П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба, т. I, М.— Л., 1947, стр. 77.

[7] Цифры П. П. Смирнова повторяет С. В. Бахрушин, указывающий, впрочем, что безоговорочно ими пользоваться нельзя (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 107).

С середины XVI в. началось энергичное освоение и южных степных районов страны, особенно усилившееся к концу века, когда на южную «украину» бежала от непосильного гнета масса крестьян из центра страны. В ходе освоения южных земель строились с 50-х годов «засечные линии», узловыми пунктами которых становились новые города. В этот период было основано свыше 20 новых городов (часто на месте старых поселений), в том числе Курск, Воронеж, Орел, Елец, Белгород и др., уже вскоре превратившихся в крупные экономические центры.

Наконец, несколько городков-крепостей закладываются на Северном Кавказе. Несмотря на то, что эти крепости были позднее срыты в связи с неблагоприятной внешнеполитической обстановкой, они свидетельствовали о росте влияния Русского государства на Северном Кавказе.

Предлагаемому ниже списку русских городов XVI в. присущ ряд особенностей. Он прежде всего неполон, что объясняется недостаточностью сохранившихся источников. Поскольку в источниках под городом разумеется прежде всего крепость, не всегда возможно с достаточной точностью установить, имеем ли мы дело с городом в научном смысле этого слова. Во всяком случае в список не вносятся крепости, заведомо являющиеся городами в экономическом смысле слова (например, ряд «городов»-крепостей, построенных Иваном IV во время Ливонской войны). Некоторые сведения о списке следует принимать условно, например, даты «основания» городов. В источниках под основанием города имеется в виду основание городского укрепления, следовательно, даты «основания» городов не могут считаться вполне научными. В список не внесены многочисленные новгородские рядки и другие поселения, отражающие еще не завершенный процесс сложения города. Некоторые пропуски в списке объясняются и тем, что по сохранившимся материалам трудно проследить, был ли данный населенный пункт городом или крепостью. Только после критической проверки можно использовать сведения завещаний Ивана III (1504 г.) и Ивана IV (1572 г.). В силу традиции в эти княжеские духовные грамоты часто попадали наименования городов, переставших существовать к началу XVI в. Иногда также здесь «городами» именуются крепости и другие пункты, не являвшиеся городами в научном смысле слова.

В состав городов, существовавших еще в первой половине XVI в., включен ряд населенных пунктов, упоминающихся как города в начале второй половины века (в тех случаях, когда первое упоминание дает основание полагать, что город уже существовал ранее этого).

I. РУССКИЕ ГОРОДА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.

1. Города русского центра

1. Москва [8]
2. Коломна
3. Углич
4. Тверь [9]
5. Белоозеро
6. Серпухов
7. Дмитров [10]
8. Кашира
9. Можайск
10. Ржева Владимирова

---

[8] О Москве как городе и столице Русского государства в XVI в. см. «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 133—285.

[9] См. Э. А. Рикман. Новые материалы по топографии древней Твери — «Краткие сообщения ИИМК», вып. 49. М., 1953.

[10] О нем см. М. Н. Тихомиров. Город Дмитров, Дмитров, 1925; Н. П. Милонов. Дмитровское городище — «Советская археология», т. IV, 1937.

11. Волоколамск
12. Клин
13. Ярославль
14. Кострома
15. Нижний Новгород [11]
16. Вологда
17. Переяславль-Залесский
18. Ростов
19. Муром
20. Холопий городок [12]
21. Владимир
22. Суздаль
23. Галич [13]
24. Кашин [14]
25. Городецк (Бежецк, Бежецкий верх, Городец на Мологе) [15]
26. Звенигород
27. Руза
28. Верея
29. Ярославец Малый
30. Старица
31. Боровск
32. Зубцов
33. Молога [16]
34. Осташков [17]
35. Устюжна Железнопольская [18]
36. Балахна [19]
37. Буйгород [20]
38. Соль Галицкая
39. Соль Переяславская [21]
40. Микулин [22]
41. Елатьма [23]
42. Шуя (Борисоглебск) [24]
43. Юрьев Польский [25]
44. Гороховец [26]
45. Медынь

[11] О строительстве его крепостных стен в XVI в. см. И. Ф. Трофимов и И. А. Кирьянов. Материалы к исследованию Нижегородского Кремля — «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 31. М., 1952, стр. 318—346.

[12] Холопий городок постепенно теряет свое значение с переводом ярмарки в Мологу, о чем см. ААЭ, т. I, № 228 (1551). В Книге Большому Чертежу (КБЧ) этого города уже нет. Подробнее см. М. Н. Бережков. Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка — «Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887 г.», т. I. М., 1890.

[13] Первые двадцать три города упомянуты у С. Герберштейна («Записки о московитских делах». СПб., 1908).

[14] См. Э. А. Рикман. Топография Кашина в XIV—XV вв.— «Краткие сообщения ИИМК», вып. 30. М.— Л., 1949.

[15] В летописях исчезает с 70-х годов XV в. Очевидно, в первой половине XVI в. находился в запустении. См. под 1558 и 1561 гг. (С. А. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 1. М., 1899, стр. 42, 66). В завещании Ивана III 1504 г. и Ивана IV 1572 г. упоминается город Бежецкий Верх (Д и ДГ, № 89, 104). В 1541—1543 гг. упоминается «Городецкий стан в Бежицке» (ААЭ, т. I, № 194, 198).

[16] См. о ней в 1516 г. Архив Строева, т. I (РИБ, т. XXXII, № 89).

[17] Осташковская слобода на Селигере принадлежала в XVII в. московскому митрополичьему дому и Волоколамскому монастырю.

[18] См. таможенную грамоту 1542/43 г. (ЦГАДА, город. кн. по Устюгу, № 1, л. 55—65). Очевидно, Устюжна, как город, возникла незадолго до этого.

[19] Основана в 1536 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 88, 90).

[20] Основан в 1536 г. См. о нем под 1541, 1546 гг. (С. А. Шумаков. Обзор..., вып. 4, 1917, № 384, 584; ПСРЛ, т. XIII, стр. 89).

[21] См. о ней М. И. Смирнов. Соль Переяславская — «Труды Владимирской уч. архив. комиссии», вып. 17. Владимир, 1917. К середине XVI в. пустеет в связи с истощением соляных источников.

[22] См. о нем в 1501/02 г. (ПСРЛ, т. XII, стр. 256), 1521 г. (Н. М. Карамзин. «История государства Российского», СПб., 1842, кн. II, т. VIII, примечание, № 219). К середине XVI в. пустеет, превращаясь в городище, хотя и упомянут как город в завещании Ивана IV 1572 г. (Д и ДГ, № 104). См. о нем Э. А. Рикман. Обследование городов Тверского княжества «Краткие сообщения ИИМК», вып. 41. М., 1951, стр. 80—81.

[23] См. под 1540 г. П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга (ДРК). М., 1901, стр. 111.

[24] См. под 1538/39 г. (ПСРЛ, т. XII, стр. 129) и 1540 г. (ДРК, стр. 112). К середине XVI в. наблюдается рост города. См. В. Борисов. Описание города Шуи. М., 1851, стр. 2 и сл.

[25] О нем см. М. С. Померанцев. Юрьев Польский — «Труды Владимирской уч. арх. комиссии», кн. 6. Владимир, 1904.

[26] Упоминается около 1508 г. (Акты А. Юшкова. М., 1898, № 72) и 1538—1539 гг. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 129).

46. Вышгород на Протве [27]
47. Юрьев Повольский [28]
48. Лух [29]
49. Любим [30]
50. Романов [31]
51. Лихвин [32]
52. Кадом [33]
53. Белгород (в Кашине) [34]
54. Белогородье
55. Унжа
56. Чухлома
57. Коряков [35]
58. Погорелое Городище [36]
59. Курмыш [37]
60. Кинешма [38]

2. Города Новгородской земли

61. (1) Новгород [39]
62. (2) Торжок
63. (3) Старая Руса [40]
64. (4) Порхов [41]
65. (5) Орешек
66. (6) Яма
67. (7) Ивангород [42]
68. (8) Копорье [43]

---

[27] Упоминается под 1518—1519 гг. (ПСРЛ, т. VI, стр. 263); под 1503 г. (ПСРЛ, т. XII, стр. 370—372). Упоминается в завещании Ивана IV 1572 г. (Д и ДГ, № 104).

[28] Упоминается под 1509 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 11); под 1539—1540 гг. (там же, стр. 129).

[29] Сведений о нем в первой половине XVI в. нет, но его существование в это время вполне вероятно. См. «Описание Луховского монастыря». М., 1836.

[30] Упоминается в 1546 г. (С. А. Шумаков. Обзор..., вып. 4, № 584); выстроен после грамоты 6 августа 1538 г. (ЦГАДА, ф. 1260, оп. 1, № 603).

[31] Упоминается под 1555 г. (П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 250) и 1572 г. (Д и ДГ, № 104).

[32] Упоминается под 1564—1565 гг. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 394).

[33] Упоминается под 1562—1563 гг. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 349).

[34] Упоминается под 1565 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 394). Упоминается в завещании Ивана IV 1572 г. (Д и ДГ, № 104).

[35] Последние четыре пригорода Галича упоминаются под 1565 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 394). Унжу и Чухлому см. в завещаниях Ивана III 1504 г. и Ивана IV (Д и ДГ, № 89, 104). Очевидно, эти пригороды запустели во время татарских набегов 30-х годов XVI в. О Чухломе см. в акте 1542 г. («Летопись занятий археографической комиссии», вып. 34; грамоты до 1600 г., № 184). См. Унжу и Чухлому в разрядах до 1531—1532 гг. (ДРК, стр. 87).

[36] Упоминается в завещании Ивана IV 1572 г. (Д и ДГ, № 104). «Новое Городище», очевидно, появилось в первой половине XVI в. (см. Д и ДГ, № 102). Его посад впервые упоминается в 1530 г. См. подробнее Э. А. Рикман. Обследование городов Тверского княжества — «Краткие сообщения ИИМК», вып. 41. М., 1951, стр. 83—84.

[37] В первой половине XVI в. сведений почти нет. Возможно, город запустел во время татарских набегов 30-х годов. См. в 1570—1571 гг. (Синбирский сборник. М., 1845, стр. 31). Во второй половине XVI в. наблюдается подъем города, см. в 1564—1565 гг. воевод «на Курмыше» (ДРК, стр. 254).

[38] У Карамзина упоминается под 1539 г. в связи с набегами казанских татар со ссылкой на «Архивную летопись», л. 51. (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII, стр. 35, примечание № 84). В 1576 г. упоминаются в «судовой рати» «кинешемцы» (там же, т. IX, примечание № 452). Кинешма упоминается в 1595 г. (П. А. Садиков. Указ. соч., стр. 500). Рост Кинешмы относится, очевидно, уже ко второй половине XVI в.

[39] О Новгороде в XVI в. см. А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI в. (кандидатская диссертация). М., 1950 (рукопись) ср. его же. Некоторые вопросы экономического положения Великого Новгорода — Ученые записки Ростовского гос. университета, 1952, т. XXI, вып. 3, стр. 87—105. См. также А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого — «Материалы и исследования по археологии СССР», в. 31. М., 1952.

[40] Старая Руса, по мнению А. Г. Ильинского, сложилась в поселение городского типа только с начала XVI в. В 1523—1524 гг. она именовалась еще «Новой Солью». См. А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI веке — ЖМНП, 1876, июнь, стр. 248.

[41] О нем см. П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси — «Материалы и исследования...», № 31, стр. 31, 148—164.

[42] О нем см. В. В. Косточкин. Крепость Ивангород — «Материалы и исследования...», № 31, стр. 224—317.

[43] Первые восемь городов упомянуты у Герберштейна.

69. (9) Ладога [44]
70. (10) Корела [45]
71. (11) Холм [46]
72. (12) Курск [47]

3. Псков и его пригороды

73. (1) Псков [48]
74. (2) Опочка
75. (3) Изборск [49]
76. (4) Заволочье (Пустая Ржева) [50]
77. (5) Гдов [51]
78. (6) Воронач [52]
79. (7) Велья [53]
80. (8) Владимирец [54]
81. (9) Дубков [55]
82. (10) Врев
83. (71) Себеж (Ивангород) [56]
84. (12) Выжгород [57]
85. (13) Красный
86 (14) Остров [58]
87. (15) Кобылье [59]

4. Поморские и вятско-пермские города

88. (1) Устюг
89. (2) Холмогоры [60]
90. (3) Хлынов (Вятка)
91. (4) Слободской
92. (5) Котельнич
93. (6) Орлов [61]
94. (7) Каргополь [62]
95. (8) Турчасов
96. (9) Соль Вологодская
97. (10) Тотьма [63]

---

[44] О нем см. П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 133—148.

[45] См. под 1500 г. (Временник ОИДР, т. XII, стр. 1—7) и 1543 г. (ДАИ, т. I, № 32).

[46] Упоминается в завещании Ивана III 1504 г.; в 1555 г. Холмский уезд приписан к Торопцу (ДАИ, т. I, № 78). Возможно, в первой трети XVI в. еще не был городом; ср. село Холм в 1525/26 г. (Д и ДГ, № 102). В 1536 г. в Холме возвели «новую стену» (А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, М., 1904, стр. 156).

[47] О нем см. под 1546 г. (Акты А. Юшкова, т. I, стр. 147—148). Не относим к числу городов Демань и Высокий, где не было посадских дворов, и Кошкин; они упомянуты, как города, в завещаниях Ивана III 1504 г. и Ивана IV 1572 г. (Д и ДГ, № 89, 104). Подробнее см. А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI веке — «Историческое обозрение», т. IX. СПб., 1897, стр. 128—130.

[48] См. Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству, Л., 1955.

[49] О нем см. П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 164—183.

[50] Первые четыре города см. у С. Герберштейна. Заволочье основано в 1535 г.; туда перенесена Ржева Пустая (ПСРЛ, т. VI, стр. 288).

[51] Упоминается под 1495/96 г. (ПСРЛ, т. IV, стр. 270).

[52] Упоминается под 1521 г. (ДРК, стр. 72).

[53] Упоминается под 1517/18 г. (ПСРЛ, т. IV, стр. 292). В КБЧ обоих пригородов нет.

[54] Упоминается под 1470/71 г. (ПСРЛ, т. XII, стр. 141). Позднее — городище (в 1585—1587 гг.— 2 двора).

[55] В 1509/10 г. городище (ПСРЛ, т. IV, стр. 288). В КБЧ нет.

[56] Основан в 1535 г. (ПСРЛ, т. IV, стр. 299, 300). Первоначально именовался «Китай» (М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской — «Исторические записки», т. 46, стр. 284).

[57] В 1509/10 г. городище (ПСРЛ, т. IV, стр. 288). В КБЧ нет.

[58] О нем см. П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 184—191.

[59] В 1508/09 г. городище (ПСРЛ, т. IV, стр. 288). О нем см. А. Васильев. Городок Кобыла и Кобылинский уезд — сб. «Познай свой край», вып. 4. Псков, 1924. В середине XVI в., очевидно, в нем было 37 дворов (Сб. МАМЮ, т. V. М., 1913, стр. 269—279).

[60] В XVI в. были еще посады в Поморье: Уна, Ненокса, Луда и Кивуй.

[61] Первые шесть городов упоминаются у Герберштейна.

[62] Упоминается под 1537/38 г. (ПСРЛ. т. XIII, стр. 123); губную грамоту 1539 г. и уставную таможенную грамоту 1554/55 г. на Каргополь и Турчасов (Архив Строева, т. I, № 108; ЦГАДА, Мазур. собр., № 3096).

[63] Упоминается под 1538/39 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 129); ср. под 1548 г. (Акты А. Юшкова, № 163). После татарских набегов конца 30-х годов XVI в. была перенесена с устья р. Тотьмы на другое место (Е. Кичин. Основание Тотьмы или переселение тотьмичей — «Вологодские губернские ведомости», 1847, № 46).

98. (11) Соль Камская
99. (12) Чердынь (Великая Пермь) [64]
100. (13) Шестаков [65]
101. (14) Шенкурск [66]
102. (15) Вельск [67]
103. (16) Пустозерск

5. Рязанские и поволжские города

104. (1) Переяславль-Рязанский (Рязань)
105. (2) Касимов (Мещерский городок) [68]
106. (3) Васильсурск (Василь) [69]
107. (4) Зарайск [70]
108. (5) Пронск [71]
109. (6) Темников [72]
110. (7) Перевитеск [73]
111. (8) Старая Рязань [74]
112. (9) Романов [75]
113. (10) Мошанск

6. Города Южной Украины

114. (1) Тула
115. (2) Мценск (с 1503 г.) [76]
116. (3) Белев [77]
117. (4) Одоев [78]
118. (5) Болхов
119. (6) Таруса [79]
120. (7) Алексин [80]
121. (8) Новосиль [81]
122. (9) Карачев (с 1503 г.)

7. Города Заоцкие и Литовской Украины

123. (1) Вязьма [82]
124. (2) Белая (с 1503 г.) [83]
125. (3) Калуга
126. (4) Смоленск [84]

---

[64] Упоминается под 1504 г. («Устюжский летописный свод». М.— Л., 1950, стр. 102).

[65] Основан между 1542—1546 гг. (ААЭ, т. I, № 210; «Труды Вятской уч. арх. комиссии», т. III, 1905, стр. 87). В 1542 г. еще слобода (см. П. Н. Луппов. Г. Шестаков Вятской земли — «Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения», т. III, Вятка, 1927, стр. 90).

[66] Упоминается под 1552 г. (ААЭ, т. I, № 233, 234).

[67] Упоминается под 1552 г. (ААЭ, т. I, № 233, 234). Возможно, был тогда еще Важский посад (см. там же).

[68] См. Н. И. Шишкин. История города Касимова. Касимов, 1888.

[69] Основан в 1523 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 44); первые три города упомянуты у Герберштейна.

[70] Упоминается под 1532/33 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 68); 1539 г. (ДРК, стр. 106). Кремль отстроен в 1531 г. (О нем см. И. Перлов. Зарайские укрепления XVI—XVII вв.— «Труды Зарайского краевого музея», вып. 1. Зарайск, 1927).

[71] Основан в 1536 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 292).

[72] Основан в 1536 г. на р. Мокше (ПСРЛ, т. VIII, стр. 291).

[73] Упоминается под 1520 г. (А. И. Пискарев. Древние грамоты и акты Рязанского края, 1854, стр. 22—23); под 1509 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 52).

[74] Упоминается как город в завещаниях Ивана III 1504 г. и Ивана IV 1572 г. (Д и ДГ, № 89, 104). Сохранилась губная грамота 1555 г. в Старую Рязань (ГБЛ, Муз. собр., № 6689). Возможно, в XVI в. была уже городищем.

[75] В 1547 г. в Романове упоминаются городовые прикащики (ГБЛ, Троицк. собр., кн. 519, л. 17 об.). Романов назван городом в ст. 46 Судебника 1550 г.

[76] Первые два города упомянуты у Герберштейна. Здесь и ниже отметка «с 1503 г.» означает города, присоединенные к России в результате войны с Великим княжеством Литовским и отмеченные в перемирной грамоте 1503 г. (Сб. РИО, т. 35, стр. 399—400).

[77] Упоминается под 1516 г. (ДРК, стр. 61).

[78] Упоминается под 1516 г. (ДРК, стр. 61). В 1562 г. входил в вотчину кн. Воротынских (ПСРЛ, т. XIII, стр. 344).

[79] Упоминается под 1521 г. (ДРК, стр. 70). В КБЧ — городище.

[80] Упоминается под 1511/12 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 15).

[81] В 1562 г. входил в вотчину кн. Воротынского (ПСРЛ, т. XIII, стр. 344).

[82] Упоминается в договоре 1522 г. (Сб. РИО, т. 35, стр. 639).

[83] Упоминается в договоре 1522 г. (там же, стр. 639).

[84] Присоединен в 1514 г.

127. (5) Дорогобуж (с 1503 г.)
128. (6) Мезецк (Мещевск) [85]
129. (7) Перемышль
130. (8) Серпейск (с 1503 г.)
131. (9) Мосальск (с 1503 г.)
132. (10) Козельск [86]
133. (11) Лихвин
134. (12) Велиж [87]
135. (13) Серенск [88]
136. (14) Рославль [89]
137. (15) Торопец (с 1503 г.)
138. (16) Воротынск
139. (17) Оболенск

8. Города северские

140. (1) Брянск (с 1503 г.)
141. (2) Рыльск (с 1503 г.) [90]
142. (3) Новгород-Северский (с 1503 г.)
143. (4) Трубчевск (с 1503 г.)
144. (5) Стародуб (с 1503 г.)
145. (6) Радогощ [91]
146. (7) Почап (с 1503 г.) [93]
147. (8) Гомель (с 1507 по 1537 г.) [94]
148. (9) Чернигов (с 1503 г.) [95]
149. (10) Любеч (с 1503 по 1537 г.) [96]
150. (11) Путивль (с 1503 г.)

9. Неясные или сомнительные сведения о городах

151. (1) Кременеск [97]
152. (2) Плесо [98]
153. (3) Опаков на Угре [99]
154. (4) Страдуб Ряполовский [100]
155. (5) Радонеж [101]
156. (6) Любутск [102]
157. (7) Острея [103]
158. (8) Попова Гора [104]
159. (9) Городецк Нижнегородский
160. (10) Великие Луки [105]
161. (11) Пошехонье [106]

---

[85] Первые шесть городов упоминаются у Герберштейна.

[86] Упоминается под 1531 г. (ДРК, стр. 85).

[87] Основан в 1536 г. (ДРК, стр. 99; ПСРЛ, т. XIII, стр. 111).

[88] Город, очевидно, в XVI в. запустел от постоянных войн на литовских рубежах; упоминается в 1520 г. (ЦГАДА. Прик. дела стар. лет., 1520 г., № 2).

[89] Упоминается как город в 1522—1537 гг. (Сб. РИО, т. 35, стр. 638; т. 59, стр. 127). Закреплен за Русским государством в 1522 г. (Сб. РИО, т. 35, стр. 638).

[90] Упоминается под 1533 г. (Акты А. Юшкова, № 131).

[91] Сожжен во время войны с Литвою в 1538 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 367).

[93] Укреплен в 1535 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 291).

[94] См. сб. РИО, т. 35, стр. 399; т. 59, стр. 128.

[95] В 1530/31 г. срублен деревянный город (ПСРЛ, т. VIII, стр. 278).

[96] См. сб. РИО, т. 35, стр. 399; т. 59, стр. 128.

[97] Упоминается как город в завещании Ивана IV (Д и ДГ, № 104).

[98] До 1550 г. там («на Плесе») наместники (ДРК, стр. 141). Упоминается в завещании Ивана IV как город. Упоминается в 1595 г. (П. А. Садиков. Указ. соч., стр. 500), без указания о городском характере населения.

[99] В 1537, 1542 и 1556 гг. упоминается как город (Сб. РИО, т. 59, стр. 127, 191, 513). В 1503 г.— волость (Сб. РИО, т. 35, стр. 400).

[100] В 1563—1564 гг. городище (Д и ДГ, № 103). См. в 1543 г. Холуй в Стародубе Ряполовском (ААЭ, т. I, № 200).

[101] В 1504 г. назван «городком» (Д и ДГ, № 104), хотя был, очевидно, уже городищем. Упоминается в ст. 30 Судебника 1497 г. и в ст. 46 Судебника 1550 г. В 1547 г. упоминается в Радонеже городовой прикащик (ГБЛ, Троицк. собр., копийная кн. 519, л. 17).

[102] Упоминается под 1503 г. (Сб. РИО, т. 35, стр. 399). Позднейших сведений, как о городе, нет.

[103] Упоминается как город под 1503, 1522 и 1556 гг. (там же, стр. 400, 639; т. 59, стр. 512).

[104] Упоминается как город в 1522, 1537, 1542 и 1556 гг. (там же, т. 39, стр. 638; т. 59, стр. 126, 190, 511); в 1503 г.— волость (там же, т. 35, стр. 399).

[105] До 1556 г. включительно упоминается как волость (РИО, т. 59, стр. 512). хотя у Герберштейна названы городом и крепостью.

[106] В 1547 г. упоминаются в Пошехонье городовые прикащики (ГБЛ, Троицк. собр., кн. 519, л. 17 об.). В 1539 г. упоминается вотчина «в Пошехонье» («Архив Строева», т. I, № 141).

II. НОВОПРИСОЕДИНЕННЫЕ ИЛИ НОВООТСТРОЕННЫЕ ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

1. Поволжье

1. Свияжск [107]
2. Казань [108]
3. Арск [109]
4. Астрахань [110]
5. Чебоксары [111]
6. Кокшайск [112]
7. Козьмодемьянск [113]
8. Лаишев [114]
9. Арзамас [115]
10. Алатырь [116]
11. Тетюши [117]
12. Самара [118]
13. Уфа [119]
14. Царицын [120]
15. Саратов [121]
16. Уржум [122]
17. Цивильск [123]
18. Санчурск [124]
19. Ядринск [125]
20. Кайгородок [126]
21. Малмыж [127]

---

[107] Построен в 1551 г.

[108] Присоединена в 1552 г.

[109] Присоединен в 1552 г.

[110] Присоединена в 1556 г.

[111] Основаны в июне 1555 г. (ААЭ, т. I, № 241; А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв.— «Исторический архив», т. V. М.— Л., 1950, стр. 20); в 1555/56 г. (ДРК, стр. 185).

[112] Основан в 1582/83 г. (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в.— «Исторические записки», т. 10, стр. 93); ок. 1584 (ПСРЛ, т. XIV, стр. 36). В 1574/75 г. упоминается «Новый Кокшайский город» (Синбирский сб., стр. 47); ср. под 1576/77 г. (там же, стр. 57).

[113] Основан в 1577/78 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 93). В апреле 1583 г. построен острог (Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IX, примечание, № 732).

[114] Основан в апреле 1557 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 281). Заложен на месте татарского городка.

[115] Отстроен после присоединения Казани. Упоминается в 1572 г. (Д и ДГ, № 104). Упоминается в 1572/73 г. (Синбирский сб., стр. 36).

[116] Отстроена, очевидно, в 50-х годах XVI в. Упоминается в 1564—1565 гг. (ДРК, стр. 254) и в 1571 г. (АМГ, т. I, № 4).

[117] Есть неясные сведения, что основан в 1555 г. («Памятная книжка Казанской губ. 1866—1867 гг.», стр. 16). Упоминается уже в начале 1571 г. (АМГ, т. I, № 4); основан в 1570/71 г. (Синбирский сб., стр. 29).

[118] Основан в 1585/86 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 94; А. А. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—XVII вв. Саратов, 1923, стр. 134; Г. Перетякович. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877, стр. 313—314).

[119] Основан в 1585/86 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 94; Г. Перетякович. Указ. соч., стр. 314).

[120] Основан в 1587/88 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 94) или в 1589 г. (А. А. Гераклитов. Указ. соч., стр. 139; Г. Перетякович. Указ. соч., стр. 317). Последняя дата вероятнее.

[121] Основан в 1589/90 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 94) или в 1590 г. (А. А. Гераклитов, Указ. соч., стр. 142).

[122] Основан в 1594/95 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 94) или ок. 1584 г. (ПСРЛ, т. XIV, стр. 36). Первая дата вероятнее.

[123] Основан в 1589/90 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 94) или ок. 1584 г. (ПСРЛ, т. XIV, стр. 36). Первая дата вероятнее.

[124] Основан в 1586 г. (Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. X, стр. 15) или в 1584/85 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 94, причем именуется «Шанчюгин»). Вторая дата вероятнее.

[125] По М. Н. Тихомирову, основан в конце XVI в. (М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к Русскому государству — «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 106).

[126] По преданию, основан в 1558 г. («Столетие Вятской губернии». Вятка, 1880, т. I, стр. 62).

[127] Основан на месте татарского поселения. Был уже в 1602 г. (АИ, т. II, № 38/XVIII, стр. 43—44). По преданию, в Малмыже была резиденция кн. Болтуша, убитого в 1552 г. (Приложение к материалам по статистике Вятской губернии, т. 1. Малмыжский уезд. Вятка, 1885, стр. 60).

2. Северо-запад, Север и Северо-восток

22. (1) Усвят [128]
23. (2) Кола [129]
24. (3) Олонец [130]
25. (4) Пинега [131]
26. (5) Чаронда [132]
27. (6) Архангельск [133]
28. (7) Мезень [134]
29. (8) Еренск (Яренск) на Выми [135]
30. (9) Тихвин [136]
31. (10) Невель [137]

3. Сибирь

32. (1) Канкор [138]
33. (2) Каргедан (Орел) [139]
34. (3) Березов [140]
35. (4) Лозва [141]
36. (5) Пелым [142]
37. (6) Тюмень [143]
38. (7) Тобольск [144]
39. (8) Сургут [145]
40. (9) Тара [146]
41. (10) Обдорск [147]
42. (11) Нарым [148]
43. (12) Верхотурье [149]

---

[128] Основан в июле 1566 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 403).

[129] Основан в 60—70-х годах XVI в. (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I, стр. 135 и сл.).

[130] Основан в 1577 г. (К. А. Неволин. Указ. соч., стр. 72). По П. Смирнову, построен в 1649 г. (П. Смирнов. Города..., ч. II, стр. 36).

[131] Основан в 1600 г. (К. А. Неволин. Указ. соч. стр. 72). Это сведение сомнительно. У Герберштейна (стр. 127) упоминается в истоках Двины.

[132] Возникла как город в конце XVI в., см. губную грамоту 1592 г. (М. А. Оболенский. Уголовные законы Ивана IV. М., 1841, стр. 25—34).

[133] Основан в 1584 г. (А. Титов. Летопись Двинская. М., 1899, стр. 13, сб. РИО, т. 38, стр. 178).

[134] Основан в 1600 г. (К. А. Неволин. Указ. соч., стр. 66).

[135] Превратился в город в конце XVI в. в связи с началом освоения Сибири.

[136] Основан в 60-х годах XVI в. (К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951, стр. 20 и сл.).

[137] Вооруженные гарнизоны в Невеле стояли регулярно с 1561/62 г. (ДРК, стр. 231 и сл.).

[138] Основан в 1558 г. (Сибирские летописи, стр. 2; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, М.— Л., 1937. Приложение № 2; См. также А. Дмитриев. Пермская старина, вып. 1. Пермь, 1889, стр. 109 и сл.).

[139] Основан в 1564 г. (Сибирские летописи, стр. 2).

[140] Основан незадолго до лета 1594 г. (П. Н. Буцинский. Заселение Сибири. Харьков, 1899, стр. 171).

[141] Основан в 1590 г., срыт в 1598 г. (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, стр. 94—95. Г. Ф. Миллер. Указ. соч. Приложение, № 27).

[142] Основан в 1593 г. (П. Н. Буцинский. Указ. соч., стр. 161—162; С. В. Бахрушин. Очерки..., стр. 156; Г. Ф. Миллер. Указ. соч. Приложение, № 11).

[143] Основан в 1585/86 г. (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники, стр. 94); П. Н. Буцинский. Указ. соч., стр. 83—84.

[144] Основан в 1584 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 94) или в 1586/87 г. (Сибирские летописи, стр. 154—155), точнее летом 1587 г. (П. Н. Буцинский. Указ. соч., стр. 104). Тобольск «ставили» в 1595/96 г. (ЛИРО, 1910, вып. 2—3, стр. 22, 25).

[145] Основан в 1594 г. (П. Н. Буцинский. К истории Сибири. Харьков, 1893, стр. 213).

[146] Основан в 1594 г. (П. Н. Буцинский. Заселение Сибири, стр. 144—145 С. В. Бахрушин. Очерки..., стр. 155; Г. Ф. Миллер. Указ. соч. Приложение, № 17; ср. ЛИРО, 1910, вып. 2—3, стр. 21.

[147] Основан в 1595 г. (Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 498).

[148] Основан в 1593 г. (П. Н. Буцинский. К истории Сибири, стр. 16—24).

[149] Основан в 1598 г. (П. Н. Буцинский. Заселение Сибири, стр. 18—19: Г. Ф. Миллер. Указ. соч. Приложения, №№ 25, 26).

44. (13) Туринск [150]
45. (14) Мангазея [151]
46. (15) Еранск [152]

4. Северские, польские и украинные города

47. (1) Михайлов [153]
48. (2) Шацк [154]
49. (3) Дедилов [155]
50. (4) Болхов [156]
51. (5) Ряжск [157]
52. (6) Городенск [158]
53. (7) Орел [159]
54. (8) Данков [160]
55. (9) Епифань [161]
56. (10) Чернь [162]
57. (11) Ливны [163]
58. (12) Воронеж [164]
59. (13) Севск [165]
60. (14) Елец [166]
61. (15) Кромы [167]
62. (16) Курск [168]
63. (17) Белгород [169]
64. (18) Оскол [170]

---

[150] Основан в 1600 г. (П. Н. Буцинский. Заселение Сибири, стр. 62—63).

[151] Основан в 1600 г. или 1601 г. (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, стр. 141—143; ср. Д. Н. Анучин. Город Мангазея и Мангазейская земля — «Землеведение», 1903, кн. IV, стр. 35—42).

[152] Был уже ок. 1599 г. (ПСРЛ, т. XIV, стр. 54); основан в 1590/91 г. (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники, стр. 94).

[153] Основан в 1550/51 г. (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 91); в августе 1551 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 168). Начато строительство в апреле 1551 г. (ДРК, стр. 150).

[154] Основан в 1551/52 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 177). Начато строительство с «Николина дня вешнего» 1553 г. (ДРК, стр. 159).

[155] Основан в 1553/54 г. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 240). В апреле 1554 г. происходило строительство «города» (ДРК, стр. 167).

[156] Воеводы упоминаются «в Болхове» впервые в октябре 1556 г. (ДРК, стр. 186).

[157] Впервые упоминается в 1557/58 г. (ДВК, стр. 193).

[158] Основан в середине века (до 1571 г.) И. В. Шереметевым-Большим (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I, стр. 114 и сл.).

[159] Впервые упоминается в 1566/67 г. (Синбирской сб., стр. 18). Основан ок. 1566 г. (П. Смирнов. Орловский уезд в конце XVI в. Киев, 1910, стр. 49).

[160] Упоминается в 1568/69 г. (Синбирский сб., стр. 22). Существовал до 1571 г. (АМГ, т. I, № 8).

[161] Основана, очевидно, до 1571 г. (АМГ, т. I, № 8); по «Синбирскому сборнику» (стр. 54) — в 1575/76 г.

[162] В 1571 г. сторожевой пункт; возможно, к 1574/75 г. уже город (Синбирский сб., стр. 54).

[163] Основан в 1586 г. (АМГ, т. I, № 31).

[164] Основан в 1586 г. (там же).

[165] Укрепленный пункт был уже до 1582 г. (АИ, т. I, № 154/XX).

[166] Основан незадолго до июля 1592 г. (АМГ, т. I, № 36; ЦКМГ, т. II, стр. 857 и др.).

[167] Основан в начале 1595 г. (П. Смирнов. Орловский уезд..., стр. 54—55, АМГ, т. I, № 38).

[168] Основан в 1896/97 г. (ДАИ, т. IX, № 106, стр. 257). Укрепленный пункт был еще до 1582 г. (АИ, т. I, № 154/XX). В Курске на устье Ельца и Ливен стояли гарнизоны еще в 1556/57 г. (ДРК, стр. 188). В 1592/93 г. посылали «города Кром ставити» (ЛИРО, 1910, вып. 2—3, стр. 32).

[169] Основан ок. 1597/98 г. (Синбирский сб., стр. 137). См. под 1592/93 г. (ПСРЛ, т. XIV, стр. 45). Кн. А. Волконский «ставил Белгород» в 1596/97 г. (ЛИРО, 1910, вып. 2—3, стр. 34) или в 1595/96 г. (там же, стр. 35).

[170] Основан ок. 1597/98 г. (Синбирский сб., стр. 137), ср. под 1592/93 г. (ПСРЛ, т. XIV, стр. 45). О дате основания Белгорода и Оскола см. П. Смирнов. Орловский уезд..., стр. 55.

65. (19) Валуйки [171]
66. (20) Борисов [172]
67. (21) Крапивна [173]
68. (22) Лебедянь [174]

5. Северный Кавказ

69 (1) Терский городок [175]
70 (2) Чечен [176]
71 (3) Сунжинский острог [177]

---

[171] Указ об основании издан в августе 1599 г. («Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и др. губерний в XVI—XVII ст.», т. II, Харьков, 1890, стр. 1). Впрочем, «на Волуйке» воеводы были уже в 1597/98 г. (Синбирский сб., стр. 137), ср. под 1598/99 г. (ЛИРО, 1910, вып. 2—3, стр. 37).

[172] Основан в 1600 г. (ПСРЛ, т. XIV, стр. 55. См. «Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства», собраны Д. И. Багалеем, ч. 1. Харьков, 1886, стр. 5—13). Неволин упоминает еще Борисов на Протве, основанный в 1599 г. «Борисов ставили» из Тулы в 1598/99 г. (ЛИРО, 1910, вып. 2—3, стр. 25).

[173] Воеводы «на Крапивне» были еще в 1574/75 г. (Синбирский сб., стр. 63).

[174] Как город существовал в начале XVII в.

[175] Основан в 1588 г. (см. Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.— «Исторические записки», т. 34, стр. 277). См. воеводы «на Терке» в 1587/88 и 1593/94 гг. (ЛИРО, вып. 2—3, 1910, стр. 33, 35).

[176] Основан около 1563—1566 г. См. Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 227.

[177] Существовал в 1567—1571 гг., возобновлен в 1577—1578 гг. (Е. Н. Кушева Указ. соч., стр. 277—278).

СОДЕРЖАНИЕ

Н. С. Кровяков. К истории «Ледового похода» Балтийского флота в 1918 г. . . . 3
Ю. С. Токарев. К истории народного правотворчества в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917—февраль 1918 гг.) 49
П. В. Волобуев. Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903—1914 гг.) 80
А. Л. Цукерник. К истории синдиката «Кровля» 112
А. С. Амальрик. К вопросу о численности и географическом размещении стачечников в Европейской России в 1905 г. 142
В. М. Гохлернер. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции 186
А. З. Барабой. Харьковско-киевское революционное тайное общество 1856—1860 гг. 235
И. В. Бестужев. Борьба прогрессивного и реакционного направлений в русской военной мысли накануне военной реформы 1862—1874 гг. 267

СООБЩЕНИЯ

В. А. Федоров. Восстание военных поселян в Чугуеве в 1819 г. 305
Б. А. Романов. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVI в. 325
А. А. Зимин. Состав русских городов XVI в. 336

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Технический редактор *Е. В. Макуни* Корректор *М. И. Великанова*
РИСО АН СССР № 26-71В. Сдано в набор 5. V 1955 г. Подп. в печать 21/VII 1955 г.
Формат бум. 70×108¹|₁₆. Печатных листов 21,75=29,79 + 2 вкл. Уч.-изд. 30,3 + 2 вкл. Тираж 3500 Т-05924.
Изд. № 1131. Типогр. зак. № 1310. *Цена 19 руб.*

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10

6

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
97	7 св.	цен» [161].	цен» [116].
143	7 св.	человек.	человек [8].
178	5 св.	473	473,6
180	11 сн.	153,5	153,7
183	33 сн.	79	77
184	5 сн.	72,6	72,1
188	8 сн.	1906 г.	1903 г.
214	2 сн.	№ 255	№ 253
270	6 св.	„впервые	„первые
287	10—11 св.	за реорганизацию	которые боролись за реорганизацию
312	6 сн.	д. 25	д. 21
345	10 сн.	1595/96	1585/86

„Исторические записки", т. 52

Цена 19 руб.

1955

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

52